

ИГОРЬ ВОРОНИН

Гражданин Империи Иван Солоневич

Annotation

Второе, исправленное и дополненное издание очерка жизни и творчества Ивана Лукьяновича Солоневича (1891–1953), выдающегося русского публициста и мыслителя.

- [Игорь Воронин](#)
 -
 - [НЕСКОЛЬКО ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫХ ОБЪЯСНЕНИЙ](#)
 - [Предисловие к первому изданию \(2013 г.\)](#)
 - [Дополнение 2020 года](#)
 - [ИЗ КРЕСТЬЯН ГРОДНЕНСКОЙ ГУБЕРНИИ](#)
 - [ВИЛЬНО, ГРОДНО, МИНСК](#)
 - [РУХНУЛИ В МИРОВУЮ ВОЙНУ](#)
 - [ИМПЕРАТОРСКИЙ И СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ](#)
 - [ПОЛИТИЧЕСКИЙ РЕПОРТЕР КРУПНЕЙШЕЙ ГАЗЕТЫ РОССИИ](#)
 - [ВЕЛИКАЯ БЕЗМОЗГЛОСТЬ](#)
 - [ТЫЛЫ И ФРОНТЫ БЕЛОЙ АРМИИ](#)
 - [СОВЕТСКИЕ ЗАРИСОВКИ](#)
 - [ТОВАРИЩ СОЛОНЕВИЧ](#)
 - [БЕЖАТЬ ЛЮБЫМ СПОСОБОМ](#)
 - [ЛАГЕРНАЯ ЭПОПЕЯ](#)
 - [КАРЕЛИЯ УХОДИТ...](#)
 - [ТОЛЬКО О РОССИИ](#)
 - [С ОТКРЫТЫМ ЗАБРАЛОМ](#)
 - [1937](#)
 - [ПОЧТИ ШАЛЯПИН](#)
 - [ГИБЕЛЬ ТАМОЧКИ](#)
 - [ГОСПОДА ШТАБС-КАПИТАНЫ](#)
 - [«РОССИЯ В КОНЦЛАГЕРЕ»](#)
 - [ЗАКРЫТИЕ «ГОЛОСА РОССИИ»](#)

- [ОЛИЦЕТВОРЕНИЕ РОССИИ И МОНАРХИИ](#)
- [ИДЕЯ БЕЛОЙ ИМПЕРИИ](#)
- [ТАК ЧТО ЖЕ БЫЛО В ГЕРМАНИИ?](#)
- [ИВАН ДИПИЕВ](#)
- [...ВЫСАДИЛСЯ В БУЭНОС-АЙРЕСЕ](#)
- [НУЖНО РИСКОВАТЬ И ДАЛЬШЕ](#)
- [«НАРОДНАЯ МОНАРХИЯ»](#)
- [КОНТУРЫ БУДУЩЕГО](#)
- [ВМЕСТО ЭПИЛОГА](#)
- [Библиография И. Л. Солоневича](#)
- [Благодарность](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)
 - [22](#)
 - [23](#)
 - [24](#)

- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)

- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)
- [79](#)
- [80](#)
- [81](#)
- [82](#)
- [83](#)
- [84](#)
- [85](#)
- [86](#)
- [87](#)
- [88](#)
- [89](#)
- [90](#)
- [91](#)
- [92](#)
- [93](#)
- [94](#)
- [95](#)
- [96](#)

- [97](#)
- [98](#)
- [99](#)
- [100](#)
- [101](#)
- [102](#)
- [103](#)
- [104](#)
- [105](#)
- [106](#)
- [107](#)
- [108](#)
- [109](#)
- [110](#)
- [111](#)
- [112](#)
- [113](#)
- [114](#)
- [115](#)
- [116](#)
- [117](#)
- [118](#)
- [119](#)
- [120](#)
- [121](#)
- [122](#)
- [123](#)
- [124](#)
- [125](#)
- [126](#)
- [127](#)
- [128](#)
- [129](#)
- [130](#)
- [131](#)
- [132](#)

- [133](#)
- [134](#)
- [135](#)
- [136](#)
- [137](#)
- [138](#)
- [139](#)
- [140](#)
- [141](#)
- [142](#)
- [143](#)
- [144](#)
- [145](#)
- [146](#)
- [147](#)
- [148](#)
- [149](#)
- [150](#)
- [151](#)
- [152](#)
- [153](#)
- [154](#)
- [155](#)
- [156](#)
- [157](#)
- [158](#)
- [159](#)
- [160](#)
- [161](#)
- [162](#)
- [163](#)
- [164](#)
- [165](#)
- [166](#)
- [167](#)
- [168](#)

- [169](#)
- [170](#)
- [171](#)
- [172](#)
- [173](#)
- [174](#)
- [175](#)
- [176](#)
- [177](#)
- [178](#)
- [179](#)
- [180](#)
- [181](#)
- [182](#)
- [183](#)
- [184](#)
- [185](#)
- [186](#)
- [187](#)
- [188](#)
- [189](#)
- [190](#)
- [191](#)
- [192](#)
- [193](#)
- [194](#)
- [195](#)
- [196](#)
- [197](#)
- [198](#)
- [199](#)
- [200](#)
- [201](#)
- [202](#)
- [203](#)
- [204](#)

- [205](#)
- [206](#)
- [207](#)
- [208](#)
- [209](#)
- [210](#)
- [211](#)
- [212](#)
- [213](#)
- [214](#)
- [215](#)
- [216](#)
- [217](#)
- [218](#)
- [219](#)
- [220](#)
- [221](#)
- [222](#)
- [223](#)
- [224](#)
- [225](#)
- [226](#)
- [227](#)
- [228](#)
- [229](#)
- [230](#)
- [231](#)
- [232](#)
- [233](#)
- [234](#)
- [235](#)
- [236](#)
- [237](#)
- [238](#)
- [239](#)
- [240](#)

- [241](#)
- [242](#)
- [243](#)
- [244](#)
- [245](#)
- [246](#)
- [247](#)
- [248](#)
- [249](#)
- [250](#)
- [251](#)
- [252](#)
- [253](#)
- [254](#)
- [255](#)
- [256](#)
- [257](#)
- [258](#)
- [259](#)
- [260](#)
- [261](#)
- [262](#)
- [263](#)
- [264](#)
- [265](#)
- [266](#)
- [267](#)
- [268](#)
- [269](#)
- [270](#)
- [271](#)
- [272](#)
- [273](#)
- [274](#)
- [275](#)
- [276](#)

- [277](#)
- [278](#)
- [279](#)
- [280](#)
- [281](#)
- [282](#)
- [283](#)
- [284](#)
- [285](#)
- [286](#)
- [287](#)
- [288](#)
- [289](#)
- [290](#)
- [291](#)
- [292](#)
- [293](#)
- [294](#)
- [295](#)
- [296](#)
- [297](#)
- [298](#)
- [299](#)
- [300](#)
- [301](#)
- [302](#)
- [303](#)
- [304](#)
- [305](#)
- [306](#)
- [307](#)
- [308](#)
- [309](#)
- [310](#)
- [311](#)
- [312](#)

- [313](#)
- [314](#)
- [315](#)
- [316](#)
- [317](#)
- [318](#)
- [319](#)
- [320](#)
- [321](#)
- [322](#)
- [323](#)
- [324](#)
- [325](#)
- [326](#)
- [327](#)
- [328](#)
- [329](#)
- [330](#)
- [331](#)
- [332](#)
- [333](#)
- [334](#)
- [335](#)
- [336](#)
- [337](#)
- [338](#)
- [339](#)
- [340](#)
- [341](#)
- [342](#)
- [343](#)
- [344](#)
- [345](#)
- [346](#)
- [347](#)
- [348](#)

- [349](#)
- [350](#)
- [351](#)
- [352](#)
- [353](#)
- [354](#)
- [355](#)
- [356](#)
- [357](#)
- [358](#)
- [359](#)
- [360](#)
- [361](#)
- [362](#)
- [363](#)
- [364](#)
- [365](#)
- [366](#)
- [367](#)
- [368](#)
- [369](#)
- [370](#)
- [371](#)
- [372](#)
- [373](#)
- [374](#)
- [375](#)
- [376](#)
- [377](#)
- [378](#)
- [379](#)
- [380](#)
- [381](#)
- [382](#)
- [383](#)
- [384](#)

- [385](#)
- [386](#)
- [387](#)
- [388](#)
- [389](#)
- [390](#)
- [391](#)
- [392](#)
- [393](#)
- [394](#)
- [395](#)
- [396](#)
- [397](#)
- [398](#)
- [399](#)
- [400](#)
- [401](#)
- [402](#)
- [403](#)
- [404](#)
- [405](#)
- [406](#)
- [407](#)
- [408](#)
- [409](#)
- [410](#)
- [411](#)
- [412](#)
- [413](#)
- [414](#)
- [415](#)
- [416](#)
- [417](#)
- [418](#)
- [419](#)
- [420](#)

- [421](#)
- [422](#)
- [423](#)
- [424](#)
- [425](#)
- [426](#)
- [427](#)
- [428](#)
- [429](#)
- [430](#)
- [431](#)
- [432](#)
- [433](#)
- [434](#)
- [435](#)
- [436](#)
- [437](#)
- [438](#)
- [439](#)
- [440](#)
- [441](#)
- [442](#)
- [443](#)
- [444](#)
- [445](#)
- [446](#)
- [447](#)
- [448](#)
- [449](#)
- [450](#)
- [451](#)
- [452](#)
- [453](#)
- [454](#)
- [455](#)
- [456](#)

- [457](#)
- [458](#)
- [459](#)
- [460](#)
- [461](#)
- [462](#)
- [463](#)
- [464](#)
- [465](#)
- [466](#)
- [467](#)
- [468](#)
- [469](#)
- [470](#)
- [471](#)
- [472](#)
- [473](#)
- [474](#)
- [475](#)
- [476](#)
- [477](#)
- [478](#)
- [479](#)
- [480](#)
- [481](#)
- [482](#)
- [483](#)
- [484](#)
- [485](#)
- [486](#)
- [487](#)
- [488](#)
- [489](#)
- [490](#)
- [491](#)
- [492](#)

- [493](#)
- [494](#)
- [495](#)
- [496](#)
- [497](#)
- [498](#)
- [499](#)
- [500](#)
- [501](#)
- [502](#)
- [503](#)
- [504](#)
- [505](#)
- [506](#)
- [507](#)
- [508](#)
- [509](#)
- [510](#)
- [511](#)
- [512](#)
- [513](#)
- [514](#)
- [515](#)
- [516](#)
- [517](#)
- [518](#)
- [519](#)
- [520](#)
- [521](#)
- [522](#)
- [523](#)
- [524](#)
- [525](#)
- [526](#)
- [527](#)
- [528](#)

- [529](#)
- [530](#)
- [531](#)
- [532](#)
- [533](#)
- [534](#)
- [535](#)
- [536](#)
- [537](#)
- [538](#)
- [539](#)
- [540](#)
- [541](#)
- [542](#)
- [543](#)
- [544](#)
- [545](#)
- [546](#)
- [547](#)
- [548](#)
- [549](#)
- [550](#)
- [551](#)
- [552](#)
- [553](#)
- [554](#)
- [555](#)
- [556](#)
- [557](#)
- [558](#)
- [559](#)
- [560](#)
- [561](#)
- [562](#)
- [563](#)
- [564](#)

- [565](#)
- [566](#)
- [567](#)
- [568](#)
- [569](#)
- [570](#)
- [571](#)
- [572](#)
- [573](#)
- [574](#)
- [575](#)
- [576](#)
- [577](#)
- [578](#)
- [579](#)
- [580](#)
- [581](#)
- [582](#)
- [583](#)
- [584](#)
- [585](#)
- [586](#)
- [587](#)
- [588](#)
- [589](#)
- [590](#)
- [591](#)
- [592](#)
- [593](#)
- [594](#)
- [595](#)
- [596](#)
- [597](#)
- [598](#)
- [599](#)
- [600](#)

- [601](#)
- [602](#)
- [603](#)
- [604](#)
- [605](#)
- [606](#)
- [607](#)
- [608](#)
- [609](#)
- [610](#)
- [611](#)
- [612](#)
- [613](#)
- [614](#)
- [615](#)
- [616](#)
- [617](#)
- [618](#)
- [619](#)
- [620](#)
- [621](#)
- [622](#)
- [623](#)
- [624](#)
- [625](#)
- [626](#)
- [627](#)
- [628](#)
- [629](#)
- [630](#)
- [631](#)
- [632](#)
- [633](#)
- [634](#)
- [635](#)
- [636](#)

- [637](#)
- [638](#)
- [639](#)
- [640](#)
- [641](#)
- [642](#)
- [643](#)
- [644](#)
- [645](#)
- [646](#)
- [647](#)
- [648](#)
- [649](#)
- [650](#)
- [651](#)
- [652](#)
- [653](#)
- [654](#)
- [655](#)
- [656](#)
- [657](#)
- [658](#)
- [659](#)
- [660](#)
- [661](#)
- [662](#)
- [663](#)
- [664](#)
- [665](#)
- [666](#)
- [667](#)
- [668](#)
- [669](#)
- [670](#)
- [671](#)
- [672](#)

- [673](#)
- [674](#)
- [675](#)
- [676](#)
- [677](#)
- [678](#)
- [679](#)
- [680](#)
- [681](#)
- [682](#)
- [683](#)
- [684](#)
- [685](#)
- [686](#)
- [687](#)
- [688](#)
- [689](#)
- [690](#)
- [691](#)
- [692](#)
- [693](#)
- [694](#)
- [695](#)
- [696](#)
- [697](#)
- [698](#)
- [699](#)
- [700](#)
- [701](#)
- [702](#)
- [703](#)
- [704](#)
- [705](#)
- [706](#)
- [707](#)
- [708](#)

- [709](#)
- [710](#)
- [711](#)
- [712](#)
- [713](#)
- [714](#)
- [715](#)
- [716](#)
- [717](#)
- [718](#)
- [719](#)
- [720](#)
- [721](#)
- [722](#)
- [723](#)
- [724](#)
- [725](#)
- [726](#)
- [727](#)
- [728](#)
- [729](#)
- [730](#)
- [731](#)
- [732](#)
- [733](#)
- [734](#)
- [735](#)
- [736](#)
- [737](#)
- [738](#)
- [739](#)
- [740](#)
- [741](#)
- [742](#)
- [743](#)
- [744](#)

- [745](#)
- [746](#)
- [747](#)
- [748](#)
- [749](#)
- [750](#)
- [751](#)
- [752](#)
- [753](#)
- [754](#)
- [755](#)
- [756](#)
- [757](#)
- [758](#)
- [759](#)
- [760](#)
- [761](#)
- [762](#)
- [763](#)
- [764](#)
- [765](#)
- [766](#)
- [767](#)
- [768](#)
- [769](#)
- [770](#)
- [771](#)
- [772](#)
- [773](#)
- [774](#)
- [775](#)
- [776](#)
- [777](#)
- [778](#)
- [779](#)
- [780](#)

- [781](#)
- [782](#)
- [783](#)
- [784](#)
- [785](#)
- [786](#)
- [787](#)
- [788](#)
- [789](#)
- [790](#)
- [791](#)
- [792](#)
- [793](#)
- [794](#)
- [795](#)
- [796](#)
- [797](#)
- [798](#)
- [799](#)
- [800](#)
- [801](#)
- [802](#)
- [803](#)
- [804](#)
- [805](#)
- [806](#)
- [807](#)
- [808](#)
- [809](#)
- [810](#)
- [811](#)
- [812](#)
- [813](#)
- [814](#)
- [815](#)
- [816](#)

- [817](#)
 - [818](#)
 - [819](#)
 - [820](#)
 - [821](#)
 - [822](#)
 - [823](#)
 - [824](#)
 - [825](#)
 - [826](#)
 - [827](#)
 - [828](#)
 - [829](#)
 - [830](#)
 - [831](#)
 - [832](#)
 - [833](#)
 - [834](#)
 - [835](#)
-

Игорь Воронин Гражданин Империи Иван Солоневич

© Игорь Воронин, 2020

ISBN 978-5-4498-1442-5

Создано в интеллектуальной издательской системе
Ridero

* * *

**НЕСКОЛЬКО
ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫХ
ОБЪЯСНЕНИЙ**

Предисловие к первому изданию (2013 г.)

Всех выдающихся русских консерваторов можно разделить на два условных типа: люди при власти и, так сказать, власти не имущие.

С первой категорией все ясно: Сергей Уваров, Василий Жуковский, Федор Тютчев, Константин Победоносцев прекрасно совмещали долг службы и веление сердца. Пограничное положение занимает Михаил Катков, который никаких государственных постов не занимал, но влияния на российскую политику оказывал поболее, чем иной министр.

Во второй категории почти все — мыслители-публицисты. И в то же время каждый из них наособинку. Если Иван Ильин, говоря грубо, «кабинетная мышь», то Алексей Хомяков — церковная, а Константин Леонтьев вообще практически монах в миру. Николай Данилевский — это чистое естествознание, Михаил Меньшиков — такая же чистая публицистика.

Двое других, Лев Тихомиров с «Монархической Государственностью» да Иван Солоневич с «Народной Монархией», представляются фигурами не столь однозначными.

Тихомиров привнес в монархическую идеологию академизм, некие законченные формы, которых не смогла всерьез поколебать даже такая вселенская катастрофа, как «русская революция». Его продолжателем стал Солоневич — но продолжателем своеобразным. Не апологетом и не критиком.

Православие — Самодержавие — Народность. Эта уваровская формула, известная также в качестве боевого лозунга «За Веру, Царя и Отечество», так или

иначе присутствует в творчестве всех вышеперечисленных, если так можно выразиться, классиков монархизма. Последняя составляющая этого триединства — Народность — была, пожалуй, наименее проработанной в русской консервативной мысли. Усилий одних славянофилов оказалось недостаточно, и не зря, наверное, большевики потом так издевались над «официальной народностью». Иван Солоневич сделал эту народность неофициальной, простой и понятной каждому — сначала эмигранту, а в последние десятилетия — и любому русскому человеку, неравнодушному к судьбе своей Отчизны.

Антимонархическая мифология сильна, безусловно, и в наши дни. Противопоставление свободы и единоличной власти, надуманное и лукавое, берedit гордыню современников.

Но Солоневич — не только ярко выраженный народник, он еще и представитель того типа державников, для которого «ловля счастья и чинов» была презренна и ничтожна. А во главу угла ставилось именно общественное служение, и личная свобода ценилась по-новому.

На грани фола выразился Пушкин: «Я готов быть верноподданным, даже рабом, но шутком гороховым не буду и у Царя Небесного».

Сравним с высказыванием Солоневича: «Я — монархист до мозга и от мозга костей моих, но это никак не значит, что я собираюсь быть чьим бы то ни было рабом. Совсем наоборот: мое личное монархическое чувство — в молодости это было, конечно, только чувство или, точнее, только инстинкт, — базируется как раз на моем личном чрезвычайно обостренном чувстве свободы. Рабом я не чувствовал себя и в 1912 году — хотя в России, где

царская власть была отгорожена дворянской властью, — мне нравилось далеко не все»^[1].

Солоневич — это настоящий гражданин Империи. После эпохи революций быть подданным уже мало. Исполнители приказов — они тоже нужны. Но что они будут делать, когда приказывать станет некому?

Незавидна судьба писателя даже в самой читающей стране. Увы, даже и условно «своей» аудитории нужно в большинстве случаев объяснять, кто такой Иван Солоневич и почему о нем вдруг понадобилось писать книгу. В Минске накануне Первой мировой войны, в среде советских физкультурников в конце 1920-х или в Русском зарубежье, начиная с середины 1930-х годов только переспросили бы, о каком именно из Солоневичей идет речь. Все-таки и отец политического мыслителя Лукьян Михайлович, и младший брат Борис, и даже сын Юрий свой след в истории оставили.

Но все равно, я глубоко убежден, что если не знать в точности детали, то, по крайней мере, слышать об этом человеке каждый культурный гражданин России элементарно обязан.

Допустим, ни самбо, ни гиревым спортом вы не интересуетесь. Скрепя сердце соглашусь, что среди культурных русских людей не все монархисты (а быть монархистом и не ознакомиться с солоневичевской «Народной монархией» — совсем уж странно). Но если вас никогда и никоим образом не интересовала, говоря казенным языком, история политических репрессий в СССР — то какой же вы русский и о какой культуре может идти речь? Если же в тех исследованиях, что попадались вам на глаза, имени Солоневича не упоминалось, то вы читали не самых компетентных авторов. Только не надо, пожалуйста, думать, что я собираюсь обличать Солженицына. Он-то как раз и не

имеется в виду: «Архипелаг ГУЛаг» писался в СССР, где с «Россией в концлагере» Солоневича могли ознакомиться только на оккупированных территориях во время войны, а потом по понятным причинам не торопились делиться прочитанным с окружающими.

Но — как бы то ни было — Иван Лукьянович явился одним из основоположников целого жанра литературы, который нам известен под привычно неудачным названием «лагерная проза». И именно Солоневич вытащил на свет Божий из чекистских бумаг аббревиатуру ГУЛаг и сделал ее, как это принято говорить, достоянием общности.

К сожалению, автор «России в концлагере» (которая все-таки не является классическим образцом мемуарной литературы) подробной автобиографии нам не оставил. Сведения о своей жизни он, будто нарочно, раскидал по тысячам своих публикаций. Да и внешние обстоятельства, прямо скажем, не давали покоя — и политический деятель победил писателя. Хотя нет-нет да и прорывалось заветное: «Если мне удастся когда-нибудь написать, как Короленко, «Записки моего современника» — это будет книга!»^[2].

Ваш покорный слуга не уверен в своих писательских талантах в такой же степени, как Солоневич. Все-таки между журналистикой, «которую я в данный момент представляю», и литературой есть какая-то никем точно не измеренная дистанция. Была даже компромиссная во всех смыслах идея ограничиться почетным званием составителя. Подозреваю, что впоследствии найдется зацепившийся за предисловие критик, который воскликнет: «Да, именно так и надо было поступить». Между прочим, сама идея «автобиографии» (собрания цитат из книг, статей и писем И. Л.) неоригинальна. Ее задумывал составить

еще полвека назад Всеволод Константинович Левашев-Дубровский, продолжатель дела Солоневича.

Честно говоря, я почти уверен, что не газетная рутина помешала редактору «Нашей Страны» осуществить свой замысел, а практическая невозможность воплощения. В своих попытках сложить мозаику мы с ним располагали примерно одинаковым набором смальты. Сомневаюсь, что имевшиеся в распоряжении Дубровского письма Солоневича содержат какие-то сенсационные и не преданные огласке факты из жизни моего героя. И вовсе не отсутствие возможности ознакомиться с этими образцами эпистолярного жанра, хранящимися по сей день в далеком Буэнос-Айресе, толкнуло меня на скользкий путь биографа. Выстругивать компиляцию из текстов, имеющих свою собственную ценность, — даже для издавших виды акул пера это все-таки безграничный цинизм.

Само собой, должна была появиться спасительная соломинка, выросшая в один поистине прекрасный момент в непобедимую оглоблю: кто, если не я? Победила, в конце концов, эта самая оглобля.

В 2007 году, когда была сделана примерно треть работы, возникло последнее препятствие — даже скорее последнее сомнение — вышла в свет книга Нила Никандрова «Иван Солоневич: народный монархист»^[3]. Первая развернутая биография нашего героя построена, главным образом, на документах, которые достались автору от ветерана НКВД Ю. А. Маркова. Работая в 1950–1970-х годах в Секретариате ЦК КПСС, Марков собирал материалы для брошюры об идеологических диверсиях и планировал включить в нее главку о Солоневиче. Главку «зарезала» цензура, а собранные материалы уже в годы перестройки перекочевали к Никандрову. Особо ценные документы

— отчеты агентов и директивы иностранного отдела ОГПУ-НКВД.

Говоря откровенно, некоторый «шпионский уклон» стал одновременно и плюсом, и минусом книги Никандрова. С одной стороны, изумительной ценности данные об одной большой чекистской провокации, которая окружала Солоневича и отравляла все его эмигрантское бытие. С другой — вехи жизненного и творческого пути Ивана Лукьяновича (как минимум, «до побега») представлены подчас весьма схематично, есть нестыковки по хронологии, фактические ошибки, иногда — к счастью, нечасто — и авторские домыслы. Последний упрек, впрочем, обусловлен особенностями жанра, который выбрал Никандров: беллетризованная биография.

Я знаком с Нилом по переписке несколько лет, даже писал к его книге предисловие. Никандрову оно понравилось, а вот издательство сочло текст слишком «солоневичевским», что ли. Редактор М. сформулировал свой отказ так: «Честно говоря, впечатление двойное. Нам кажется, что для предисловия к книге он (текст — И. В.) слишком политизирован. Дело в том, что вступая в полемику с теми или иными политическими силами, мы сокращаем, тем самым, круг потенциальных читателей. А так как «Алгоритм» — издательство коммерческое, то нам хотелось бы расширять, а не сужать этот круг. Поэтому мы решили выпустить книгу без предисловия...» Ничего страшного — большая часть написанного тогда вошла в эпилог моей книги, той самой, что вы держите в руках.

Все мои замечания фактического характера Нилу известны, он обещал учесть их при подготовке второго издания своей книги. Но состоится ли оно — Бог весть. Не принимает Никандров моих аргументов только по одному вопросу: я категорически отказываюсь верить, что у Лукьяна Михайловича Солоневича было две

дочери от разных браков с одним именем — Люба. Нил настаивает на своем, не приводя в ответ никаких доказательств.

Существенное отличие двух версий биографии Ивана Солоневича — моей и никандровской — я бы сформулировал так: документальное исследование против беллетристики.

Полное собрание сочинений нашего героя, если бы оно было издано, — это никак не меньше 10 томов. Без ложной скромности должен сказать, что я прочитал если не все их, то больше, чем кто-либо из ныне живущих. наших современников, знакомых с публицистикой Солоневича за период с 1911 по 1934 год (!) вообще можно пересчитать по пальцам. Да и работы эмигрантской поры — особенно статьи, а не книги — представлены в переизданиях очень скромно. Меж тем Иван Лукьянович утверждал, что именно его статьи являются «человеческим документом».

У книги, которую вы, читатель, сейчас держите в руках, есть один серьезный недостаток: ее автор не профессиональный историк и о работе в архивах имеет самое поверхностное представление. Большинство привлеченных источников принято называть открытыми, хотя, опять же, большинство из них прежде чем открыть, не так-то просто было разыскать. Но, слава Богу, нашлись единомышленники, и с 2003 года в Санкт-Петербурге ежегодно проводится научно-практическая конференция «Иван Солоневич — идеолог Народной Монархии». Материалы этих конференций, в том числе и архивные, сослужили добрую службу при написании книги.

Список лиц, которым я выражаю свою искреннюю благодарность за помощь, и без труда которых эта книга была бы кривой на один глаз, помещается на последней странице — только для того, чтобы не утомлять читателя в самом начале длиннейшим

перечнем (все равно ведь пролистаете дальше).
Надеюсь, друзья, коллеги и фактически соавторы на
меня за это не обидятся.

И. В.

Дополнение 2020 года

За эти минувшие несколько лет имя Ивана Солоневича, слава Богу, стало более известным в России. Этому способствовали два события.

В знаменитой серии ЖЗЛ в 2014 году вышла книга «Солоневич» Константина Сапожникова (именно он под псевдонимом Нил Никандров опубликовал первую биографию писателя). Это по сути второе, исправленное и дополненное, издание книги «Иван Солоневич: народный монархист».

И в том же 2014-м вышел полнометражный документальный фильм режиссера Сергея Дебижева «Последний рыцарь Империи», к которому мне посчастливилось писать закадровый текст. Фильм получил множество кинонаград, но главное не это, а то, что счет зрителей, посмотревших картину, идет уже на сотни тысяч.

Выявились и новые материалы о жизни и творчестве Ивана Лукьяновича. Все это подвигло меня на второе издание «Гражданина Империи». Дополнен не только текст книги. В качестве приложения публикуется полная, на данный момент, библиография И. Л. Солоневича.

И. В.

ИЗ КРЕСТЬЯН ГРОДНЕНСКОЙ ГУБЕРНИИ

Иван Лукьянович Солоневич родился 1 ноября 1891 года (все дореволюционные даты традиционно даются по старому стилю) в глухой белорусской деревне. Неоспоримо и окончательно место его рождения до сих пор не установлено, и об этом подробнее будет рассказано ниже. Сначала, по традиции, следует упомянуть родителей.

Отец — Лукьян Михайлович Солоневич (1866–1938) — третий сын в крестьянской семье. Старшие братья — Семен и Степан. Как говорили в те старые добрые времена, один сын — не сын, два сына — полсына, три сына — полный сын.

В детстве Лука, потомок недавнего крепостного крестьянина, пас свиней. В 20-летнем возрасте, окончив учительскую семинарию за казенный счет, стал сельским учителем. Затем некоторое время подвизался на чиновничьем поприще, но по-настоящему проявил себя в качестве общественного деятеля.

Эта сторона биографии Л. М. Солоневича оказала решающее воздействие на становление его старшего сына Ивана как политического публициста. А посему в первых главах нашего повествования этапы деятельности Лукьяна Михайловича будут отражены последовательно и подробно. Деятельность эта протекала не на великосветских банкетах, а на простой и привычной для миллионов русских людей службе «за Веру, Царя и Отечество». Вне зависимости от того, была данная служба официальной или же проходила частным порядком.

Обратимся к документам, из которых наиболее информационно насыщенным является «Формулярный список о службе Канцелярского служителя Гродненского Губернского Правления Лукьяна Михайловича Солоневича», хранящийся в Государственном историческом архиве Республики Беларусь^[4].

Подобные формуляры в Российской Империи заводились на каждого государственного служащего. Документ, который интересует нас, ввел в научный оборот профессор Гродненского государственного университета В. Н. Черепица. Он отметил несколькими интересными публикациями о герое нашей книги^[5] и даже написал о двух Солоневичах, отце и сыне, по статье для «Энциклопедии истории Беларуси», но, к сожалению, эта тема не получила дальнейшего развития в его творчестве.

Итак, из материалов «личного дела» узнаем, что Л. М. Солоневич родился 8 октября 1866 года, православного вероисповедания, «из крестьян Гродненской губернии и уезда, Богородицкой волости, Кубельнинского сельского общества, деревни Новоселок». В июне 1886 года он окончил курс в Свислочской учительской семинарии, а уже с 1 сентября начал преподавать в Цехановецком народном училище Бельского уезда.

Известно, что еще в учительской семинарии Лукьян Солоневич занимался изучением фольклора. Две сказки, записанные им в своей родной деревне Новоселки, вошли в «Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края». Собранные и «приведенные в порядок» П. В. Шейном, эти материалы составили 57-й том «Сборника отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук», изданный в 1893 году.

С 1 сентября 1892-го, менее чем через год после рождения первенца, нареченного во Святом Крещении Иоанном, Лукьян Михайлович был «перемещен на ту же должность (то есть народного учителя — И. В.) в Кабакское народное училище Пружанского уезда», а 1 октября 1893 года — в Байковское народное училище того же уезда, где и прослужил без перерыва почти шесть лет.

В марте 1899 года учительская карьера завершилась: Л. М. Солоневич «определен Бухгалтером Гродненской Губернской Комиссии Народного Продовольствия с правами государственной службы, присвоенной канцелярским служителям III разряда». Мы не знаем причин, которыми руководствовался он при переходе в чиновное сословие. Наиболее вероятное объяснение лежит в области «хлеба насущного», ведь к этому времени на иждивении Лукьяна Михайловича помимо супруги было уже и трое отпрысков мужеского полу. Тот же Формулярный список свидетельствует: «Имеет детей-сыновей: Ивана, родившегося 1 ноября 1891 года, Всеволода, родившегося 15 августа 1895 года, Бориса, родившегося 20 января 1898 года. Жена и дети вероисповедания православного и находятся при нем».

Нил Никандров в своей книге утверждает, что у Ивана Солоневича была также родная сестра по имени Любовь^[6]. Никакими архивными документами это не подтверждается. Упоминания о сестре Любе содержатся только в чекистских материалах 1930-х годов и речь в них идет о дочери Лукьяна Михайловича от второго брака (об этом ниже), которая приходилась Ивану не родной, а единокровной сестрой. Косвенным опровержением «версии» Никандрова может служить и цитата из статьи Ивана Солоневича, которая опубликованной в 1937 году:

«В некоторых отношениях мне в жизни не повезло: у меня не было ни сестры, ни дочери. А я очень люблю женщин. Не так, как любят рябчиков в сметане или сеveryгу с хреном. Просто — я считаю, что женщины — замечательный народ и намного лучше нас»^[7].

Наконец, пора представить читателям женщину, которая подарила миру выдающегося писателя и политического мыслителя. Мать И. Л. Солоневича — Юлия Викентьевна (? — 1915) — в девичестве носила фамилию Ярушевич. Очень известную, надо сказать, в церковных кругах. Достаточно вспомнить советского митрополита Николая (Ярушевича), который и сам был сыном протоиерея. А, например, в списках учеников Литовской духовной семинарии, окончивших полный курс учения в 1830–1891 гг. (данные А. А. Бовкало^[8]) находим сразу пятерых Ярушевичей: Ивана, Фотия, Андрея, Дорофея и Афанасия. Причем Дорофей — это как раз отец вышеупомянутого митрополита, а Афанасий — родной дядя Ивана Солоневича. Про первых троих Ярушевичей из данного списка, увы, добавить нечего.

Известно, что Юлия Викентьевна родилась в семье псаломщика. Имели отношение к церковной среде и многие ее родственники. По свидетельству самого И. Л. Солоневича, одиннадцать его дядьев были или священниками, или дьяконами. *«Я вырос в **очень консервативной и религиозно настроенной семье**»,* — вспоминал он^[9].

Старший брат Юлии, Афанасий Викентьевич Ярушевич (1867-?), как мы уже отметили, закончил духовную семинарию. Священником он, однако же, не стал. Одно время исполнял должность директора Виленской учительской семинарии, потом инспектировал народные училища Виленского уезда и

дослужился до коллежского советника. Известен А. В. Ярушевич также в качестве автора нескольких исследовательских работ по истории Северо-Западного края. Наиболее значительная из них — книга о князе К. И. Острожском^[10], которая в «Журнале Министерства Народного Просвещения» (книжка за июль 1898 года) была раскритикована в пух и прах. Афанасию Викентьевичу пришлось даже выпустить брошюру в ответ^[11]. Ее ждала та же участь^[12].

К сожалению, о своей матери Иван Солоневич написал совсем немного, в основном, только упоминал о том, что она из духовного сословия. Лишь однажды, и то как-то вскользь, обмолвился, что это была очень властная женщина. Возможно, причиной была какая-то детская обида, ведь после развода (неофициального, конечно; добиться разрешения церковных властей на развод было нелегко даже аристократам) дети остались жить у отца. Разрыв произошел, очевидно, не позднее 1905 года, когда у Лукьяна Михайловича родился четвертый сын — Евгений. Его матерью была уже не Юлия Викентьевна. Вторую жену Л. М. Солоневича (впоследствии, судя по всем косвенным данным, брак был узаконен) звали Надежда Александровна. Ее девичья фамилия и дата рождения неизвестны, а умерла она в самом начале 1920-х годов. Во втором браке у Лукьяна Михайловича родились: Евгений (1905–1938), Софья (1909–1973), Зинаида (1915–2007) и Любовь (1920–1996).

Наверное, уже никогда не станет известно доподлинно, почему расстались родители И. Л. Солоневича. И гадать, кто там прав, а кто виноват, не имеет никакого смысла. Пусть простит читатель нарушение хронологии изложения событий.

Нелирическое отступление объясняется просто: к этой скользкой теме мы далее не вернемся.

Осталось отметить еще одну важную дату: запись о семейном положении в Формуляре Л. М. Солоневича была сделана в 1889 году. Очевидно, именно тогда обвенчались Лукьян Михайлович и Юлия Викентьевна.

Переходим к другому, по-настоящему детективному сюжету, связанному с определением места рождения их первенца — Ивана Лукьяновича. Это кажется невероятным, но существует целых шесть версий — и все они могут быть подтверждены архивными документами!

Начнем с «Анкеты арестованного», заполненной рукою чекиста в Ленинградском Доме предварительного заключения 14 сентября 1933 года. Она содержит следующие сведения о «руководителе контрреволюционной группы» И. Л. Солоневиче: *«Родился 1 ноября 1889 г. (43-х лет) Польша Гродненская губ. того же уезда дер. **Новоселки**»*^[13].

Это была информация, записанная следователем со слов Ивана Лукьяновича. Принимая во внимание неверно указанный год рождения и прочие сопутствующие обстоятельства, степень достоверности документа нельзя считать слишком высокой. Тем более, что в собственноручных показаниях, содержащихся в материалах того же уголовного дела, в качестве места своего рождения Солоневич указывает деревню **Шкурец** Бельского уезда Гродненской губернии^[14].

А вот что сообщалось из Представительства Центральной сыскной полиции Финляндии в городе Йоэнсуу в Главный отдел той же полиции 16 августа 1934 года (перевод с финского):

«Пограничный отряд г. Йоэнсуу 12 числа текущего августа месяца задержал в Элинлампи (волость

Иломантси) проникших в страну тайным путем следующих советских граждан:

Солоневич, Иван Лукьянович, кандидат юридических наук, редактор газеты, род. 1.11.1891 в Польше, в деревне **Рудники** Берского района Гродненской губернии...»^[15]

«Берский» — это, конечно, опечатка. Причем двойная: в Бельском уезде располагался Шкурец, а Рудники относились к другому уезду — Пружанскому.

Идем дальше. В составленных в 1935 г. «Биографических данных» (машинопись, автограф), оригинал которых хранится в Архиве НТС во Франкфурте-на-Майне, И. Л. Солоневич свидетельствует: «Родился 1-13 ноября 1891 г. в дер. **Цехановец**, Гродненской губ. Бельского уезда»^[16].

Два последних документа были обнаружены ныне покойным директором петербургского научно-исследовательского центра «Мемориал» В. В. Иофе, который сам собирался писать о Солоневичах в контексте политических репрессий, но не успел завершить свою работу.

Идем дальше: по данным исследователя из Москвы кандидата исторических наук К. А. Чистякова, в столичных архивах имеются документы, вывезенные после войны из Германии (секретные розыскные списки Гестапо), в которых в качестве места рождения Ивана Лукьяновича упоминается некий **Ухановец или Ушановец** (*Ushanovec*).^[17]

И, наконец, как пишет в своей книге Н. Никандров, при оформлении удостоверений личности в Аргентине в 1948 году и в Уругвае в 1953-м Солоневич указывал в качестве места рождения населенный пункт **Городня** Гродненской области^[18].

За право считаться родиной литературного Дон Кихота спорит некоторое число испанских деревень. Всамделишному Солоневичу повезло меньше — подавляющее большинство соотечественников, даже из числа земляков, беззастенчиво равнодушны к перипетиям его биографии.

Так часто бывает: реальное историческое лицо, какой бы фантастической ни была его жизнь, меркнет в глазах обывателя перед вымышленным персонажем. И чему удивляться? Ведь живой homo sapiens из плоти и крови — такой же, как ты — вдруг оказывается умнее, смелее, честнее, удачливее и, в конце концов, знаменитее. Кому же понравится...

Вот грехи и пороки великих мира сего — это чрезвычайно интересно. Публика жаждет соприкоснуться с небожителями хотя бы в общечеловеческих падениях. Если же восхищаться героем, то для этой роли больше подходит выведенный романистом гомункулус: мало ли чего не придумают, можно обойтись без всякого самобичевания и смущения.

Но это так, к слову. Попытаемся разобраться, откуда же взялось такое донкихотское обилие вариантов. Допустим — а право на такое допущение базируется не на пустом месте — что у И. Л. Солоневича имелись веские основания что-то скрывать или просто ввести в заблуждение советские органы. (Впрочем, они-то, похоже, как раз были равнодушны: что Шкурец, что Новоселки — все едино. Чекистов и точная дата рождения арестованного не слишком интересовала). Но какой был резон обманывать финскую политическую полицию? Или — эмигрантские организации? Или, например, шутить с германскими национал-социалистами? Да и власти южноамериканских государств вряд ли готовы были признать

благонадежным эмигрантом человека, путающегося в собственной биографии.

В конце концов, не мог же сам Солоневич быть Иваном, не помнящим родства?!

Для начала отсортируем все версии по степени достоверности, начиная с наименьшей. И таким образом попытаемся добиться хоть какой-то ясности.

Ухановец. Все поиски в этом направлении оказались безуспешными: никаких населенных пунктов с таким названием на территории Гродненской губернии (ни прежде, ни теперь) найти не удалось. Элементарное и мало-мальски оправданное объяснение того, откуда взялся этот вариант, находится в области либо фонетики, либо орфографии, то бишь правописания. Названия Ухановец и Цехановец все-таки вполне созвучны. Если предположить, что это были не собственноручно написанные показания, а зафиксированные со слов И. Л. Солоневича, то такое искажение услышанного выглядит вполне правдоподобным. Педантичные немцы были педантами далеко не всегда.

Если же название было изначально запечатлено на бумаге по-русски (в документе, о котором говорит Чистяков, оно дается в немецкой транскрипции — Ushanoves), то тут и вовсе, что называется, к египтологам не ходи. «У» и «Ц» на письме, при полном отсутствии каллиграфических способностей, можно изобразить практически одинаково. Так что Ухановец отпадает первым.

Городня. Своеобразный намек потомкам содержится в дате рождения — дважды И. Л. указывает ее неправильно, и оба раза это 19 декабря 1891 года. Намек номер два — в самом названии населенного пункта. Дело в том, что Городня — это Гродно и есть, так назывался город до той поры, как он городом стал.

Новоселки Гродненского уезда и той же губернии. Здесь родился Лукьян Михайлович Солоневич. Это подтверждают и «Формулярный список», и справка Красноярского Управления ФСБ РФ, высланная в ответ на запрос местного отделения общества «Мемориал»^[19], и воспоминания Бориса Солоневича — младшего брата Ивана.

Данная версия применительно к И. Л. встречается только в документах ОГПУ 1930-х гг. По сравнению с тем же Цехановцом, Новоселки тогда имели только одно относительное преимущество в глазах советской власти — они находились на территории СССР. Цехановец же в то время, как и сейчас, располагался в Польше. Иван Солоневич, ожидавший расстрела как «руководитель контрреволюционной группы, предпринявшей попытку вооруженного перехода границы», очевидно, цеплялся за любой шанс. Главное — избежать «вышки». Для безумной чекистской системы факт рождения (более сорока лет назад) на территории современной буржуазной Польши мог трансформироваться во что угодно. А для арестованного — обернуться дополнительным обвинением в шпионаже в пользу капиталистического государства.

В любом случае — версия очень зыбкая для того, чтобы искать дополнительные аргументы для ее опровержения. Доказательная база в ее пользу этого не заслуживает.

Рудники. Это — наиболее популярный вариант с 1991 года, то есть с того самого времени, как имя Солоневича стала открывать посткоммунистическая Россия. Игорь Дьяков опубликовал в журнале «Наш современник» довольно объемное эссе^[20], в котором попытался «объять необъятное». Не имея достаточного фактического материала, он заполнил пустоты

собственными домыслами, движимый, конечно, исключительно благими намерениями: ознакомить соотечественников с выдающейся биографией Ивана Солоневича. В итоге получилась дорога если не в ад, то к большой и долгой неправде, которая, будучи растиражирована, становится общепринятым «фактом».

И вот с тяжелой руки Дьякова десятки авторов и «источников», включая солидные с виду энциклопедические справочники, ничтоже сумняшеся выводят: «родился в деревне Рудники Пружанского уезда». Удивительно, но при этом ни один (!) из них не удосужился привести ни одного (!) мало-мальски серьезного аргумента в пользу этой версии.

Доподлинно известно, что Рудники — это родина Бориса Лукьяновича Солоневича. Никаких разночтений на этот счет нет. Борис родился на семь лет позже Ивана, в 1898 году. И их отец Лукьян Михайлович, согласно «Формуляру», с 1892 по 1899 гг. служил как раз в народных училищах Пружанского уезда. Мог ли и Иван родиться на Пружанщине? По крайней мере, это последний вариант, говорящий о том, что место его рождения находится на территории современной Белоруссии. Два оставшихся заставляют пересечь границу и искать его «пенаты» в нынешней Польше. Вряд ли соображения патриотизма в данном случае должны играть какую-то роль.

Шкурец. Версия относительно новая и потому малоизученная. Собственноручная подпись И. Л. Солоневича заставляет отнести к ней со всей серьезностью. Тем более что, в отличие от Ухановца, речь идет о существовавшем в действительности волостном центре Бельского уезда.

Вообще Шкурец — один из главных фаворитов благодаря одному важному аргументу. Ведь в ноябре 1891 года Лукьян Михайлович Солоневич служил в Цехановецком народном училище, а, как установил

исследователь из Гродно В. С. Андреев, со ссылкой на «Памятную книжку Виленского учебного округа на 1885/6 учебный год», именно в Шкурце и размещалось Цехановецкое училище. То есть, несмотря на свое название, не в Цехановце, более крупном населенном пункте, а в волостном центре, расположенном в восьми верстах от него.

Цехановец. И все-таки наиболее вероятным местом рождения И. Л. — как говорится, по совокупности данных — является именно это местечко с населением в конце XIX века 5–6 тыс. человек. Сегодня Цехановец — городок Ломжинского воеводства в Польше с тем же примерно числом жителей и одной «культурной» достопримечательностью — сельскохозяйственным музеем.

Здесь в 1897 году родился, кстати, Александр Леонидович Чижевский (1897–1964), всемирно известный биофизик, основоположник гелиобиологии и аэроионификации, изобретатель люстры, названной его именем.

Цехановец подарил миру также несколько знаменитостей еврейской национальности (все-таки черта оседлости). Это археолог, историк, исследователь Библии Биньямин Мазар (Майзлер) и ученый в области иудаистики Шрага Абрамсон. Оба — лауреаты государственной премии Израиля. Ради расширения списка можно добавить Абрама Хаимовича Зильберталя, большого специалиста по трамвайному хозяйству в СССР — вот, собственно говоря, и все. С конца XIX — начала XX века знаменитостей даже такого калибра эта земля не рождала.

В современной польской энциклопедии Nowa encyklopedia powszechna 1997 года издания (спасибо за источник тому же Виктору Андрееву из Гродно) говорится о том, что местечко Ciechanowiec до 1366 года являлось собственностью князей Мазовии. Затем

до 1569-го входило в состав Великого княжества Литовского. А в XVI веке было поделено на две части, обе они, располагаясь на противоположных берегах реки Нурец, сохранили прежнее название. С 1795 года Цехановец — в границах Пруссии. В Российскую Империю местечко влилось в 1807 году в виде своей левобережной части — в ней, судя по всему, и родился Иван Солоневич. Правобережная часть Цехановца входила сначала в Герцогство Варшавское, а с 1815 года — в состав Королевства Польского.

Но мы, кажется, несколько забежали вперед. Не преждевременны ли подробности? Ведь должна быть «окончательная, фактическая, настоящая» бумажка, о которой говорил булгаковский профессор Преображенский...

Далеко не все открытия совершаются путем строго научных изысканий. Иногда достаточно увидеть сон или, столь же хрестоматийно, получить яблоком по голове. Но это те случаи, когда исследователь долго и упорно стремился к постижению и не хватало ему какой-то субъективной малости или, выражаясь иначе, толчка.

Бывают открытия и другого рода — следствие удачного стечения обстоятельств. Они, хоть и совершаются наобум, но сопровождаются жаждой поиска и потому тоже не могут быть объяснены одной лишь случайностью, — это открытия колумбовского типа. Нечто похожее произошло с определением места рождения И. Л. Солоневича.

Научный сотрудник сектора источниковедения Российского института истории искусств Т. Д. Исмагулова, занимаясь историей рода графов Зубовых, работала в Центральном государственном историческом архиве с фондом Санкт-Петербургского университета. Часть времени она отводила свободному

поиску. Зная о том, как мало сохранилось документов, относящихся к деятелям Русского Зарубежья, Исмагулова, натолкнувшись на фамилию «Солоневич», вспомнила о полемике в русской эмигрантской прессе в Польше. Poleмика эта была посвящена знаменитой книге «Россия в концлагере». Так впервые рука исследователя коснулась папки под названием «Дело <студента> Императорского Санкт-Петербургского университета Ивана Лукьяновича Солоневича»^[21].

Его материалы позволяют (на данный момент — пока не появятся другие, еще более убедительные свидетельства) остановиться именно на цехановецкой версии. Один из самых значительных документов — метрическая выписка. Вот что в ней значит: «В метрической книге Цехановецкой церкви Бельского уезда Гродненской губернии за 1891 год в 1-й части под № 6 <...> записано: 1891 года 1 ноября рожден, а 12 ноября крещен Иоанн»^[22].

Со всех сторон допустимое предположение, что И. Л. мог родиться в одном месте, а был записан в метрическую книгу в другом, опровергает другой документ из студенческого дела, «Свидетельство», говорящее более определенно: «Дано сие сыну чиновника <...> родившемуся в 1891 ноября 1 в местечке Цехановец Гродненской губернии»^[23].

Благодаря метрической выписке становятся известны и имена крестных родителей будущего писателя:

«Восприемники:

писарь Шкурецкой волости Петр Иванов Алексеев и крестьянка местечка Озер Гродненского уезда Антонина Яковлевна Курелович»^[24].

Как установил В. С. Андреев, в Цехановце была в то время Вознесенская православная церковь. Очевидно, в ней и крестили новорожденного Ивана Солоневича.

Благодаря «Памятной книжке Гродненской губернии на 1891 год» мы даже с большой степенью достоверности можем установить, кто совершал обряд крещения: «Цехановецкой церкви священник Ал <екс> ей Смирнов».

Он же, кстати, преподавал Закон Божий в Цехановецком народном училище, то есть был коллегой Лукьяна Михайловича. Как видим, служба в церкви, находящейся в Цехановце, не мешала ему быть законоучителем в Шкурце. Так что категорическое утверждение В. С. Андреева о том, что Иван родился в Шкурце, а в Цехановце только был крещен, разбивается об информацию относительно иерея Алексия. Очевидно, что народному учителю было в силу целого ряда обстоятельств удобнее проживать в более развитом Цехановце. Здесь был храм, а Лукьян Михайлович и его супруга были истово верующими людьми. Здесь была почтовая станция, что для молодого учителя тоже имело значение. Наконец, в Цехановце наверняка было более комфортно проживать беременной жене, да и рожать Юлии Викентьевне тоже лучше было в Цехановце, все-таки могла понадобиться квалифицированная медицинская помощь.

Итак, после всестороннего анализа выстроилось нечто вроде логической цепочки с элементами психоанализа. Исключили мифический Ухановец и историческую Городню, и вышло, что в те моменты, когда Ивану Лукьяновичу, по каким-то, теперь одному Богу известным, причинам, требовалось скрыть свое подлинное место рождения (Цехановец) в его памяти рефлексивно всплывали: родина отца (Новоселки), крестного (Шкурец) и младшего брата, а может, и братьев (Рудники).

После ряда изысканий возвращаемся к послужному списку Лукьяна Михайловича Солоневича. Наше повествование, напомним, прервалось в марте 1899 года, когда он покинул учительскую стезю и стал мелким, или микроскопическим, как говаривал впоследствии Иван Лукьянович, чиновником. Почти год, с 1 июня 1901 года по 8 мая 1902-го Солоневич-старший пребывал за штатом.

О дальнейшей его, не слишком выдающейся, чиновничьей карьере поговорим чуть позже. Настало время сказать о литературной и общественной деятельности Лукьяна Михайловича. По данным В. Н. Черепицы, его сотрудничество с газетой «Гродненские губернские ведомости» началось с середины 1890-х годов^[25], как раз во время перехода из учительского звания в чиновное.

В 1897 году Л. М. Солоневич становится секретарем неофициальной части официозного издания. Он много пишет о проблемах села, народного образования, медико-санитарном состоянии губернии, является одним из инициаторов борьбы с пьянством, организатором движения за народную трезвость. Сам Лукьян Михайлович, кстати, полным трезвенником не был, но выпивать умел, причем сохранил это качество и в старости. Его внук, Юрий Иванович, будучи уже сам на восьмом десятке лет, вспоминал:

«Водку батька (то есть И. Л. Солоневич — авт.) мог пить как никто больше, кого я на моем веку знал. За единственным исключением его собственного батьки — моего деда, Лукьяна Михайловича, который его раз в моем присутствии перепил в городе Ялте, в 1931-м году. Это был первый раз, когда я своего «водконепроницаемого» батьку видел не то, чтобы пьяным, а так, под мухой»^[26].

От бытовых подробностей — к делам поистине историческим. В 1901 году вышла в свет первая книга Л. М. Солоневича: история Гродненской губернии^[27]. Исследование, несмотря на юбилейный характер, получилось самобытным, что отмечали местные историки, краеведы и любители старины.

Автор разделил историю Гродненщины на четыре части. Первый, самый продолжительный отрезок, — до возникновения Гродненской губернии: времена Киевской Руси, Великого княжества Литовского, Речи Посполитой и несколько лет в составе Российской империи. Любопытно отметить, что в главе, посвященной «древне-русскому периоду исторической жизни населения губернии», Лукьян Михайлович цитирует уже упоминавшийся труд о князе Константине Острожском — книгу своего шурина Афанасия Ярушевича.

История собственно Гродненской губернии — это три периода

Первый (1802-1840 гг.) — время действия на Гродненщине Литовского статута и других местных законоположений — Л. М. Солоневич оценивал критически: «Администрация в это время, за весьма немногими исключениями, состояла из лиц польского происхождения — католиков. Только во главе губернии, да и то не всегда, стояли русские люди. Так что, в сущности, в губернии продолжались старые польские порядки». Самым важным событием в духовном мире края после усмирения мятежа 1830-1831 годов он считал воссоединение белорусских униатов с Православной Церковью. В то же время, констатируя прекращение религиозной зависимости от римско-католического духовенства, автор отмечает, что над сельским населением «тяготела еще зависимость личная, созданная крепостным правом, и зависимость

экономическая, созданная наплывом в страну евреев»^[28].

Период с 1840 по 1863–1864 годы автор очерка назвал переходным — в смысле обретения жителями преимуществ русской духовности и культуры. Он начался с того, что Литовско-Гродненская губерния стала именоваться Гродненской, изменились ее границы, началось движение в сторону ослабления крепостной зависимости крестьян от помещиков. Вместе с тем одновременное существование в губернии двух властей — одной «законной и открытой русской» и другой «тайной, революционной и польской» — не могло не привести к восстанию 1863 года. По мнению историка, это восстание на Гродненщине по своим целям было польским, но не настолько, чтобы быть признанным восстанием всего польского народа. Его поддерживали лишь католическое духовенство и шляхта.

Третий период существования губернии (1863–1901 годы) Л. М. Солоневич считал «периодом коренных реформ в губернии и усиления русского самосознания в местном населении». Такую динамику движения автор-составитель очерка подкреплял показом значительных изменений в хозяйственной и культурной жизни Гродненщины, что, однако, не мешало ему, слегка в духе тогдашней либеральной оппозиционности, резко критиковать правительственную политику в аграрном вопросе. Именно после подавления польского восстания 1863 года, по словам Лукьяна Михайловича, «Западно-Русский край, а вместе с тем и Гродненская губерния поставлены на тот естественный и единственный путь исторического развития, по которому они идут и теперь, и идут уже с полной уверенностью, без всяких сомнений и колебаний»^[29].

В конце мая 1902 года гродненским губернатором стал Петр Аркадьевич Столыпин. Прослужил в Гродно будущий премьер-министр всего несколько месяцев, но как же ярко это сказалось на судьбе Лукьяна Михайловича Солоневича. И ведь кто знает, не будь этого краткосрочного столыпинского назначения, может, и не узнал бы весь мир публициста и писателя Ивана Солоневича.

Скорее всего, молодой губернатор заметил и выделил скромного чиновника, буквально вчера пребывавшего за штатом, благодаря его труду по истории края и газетной деятельности. Лукьян Михайлович получил новую должность менее чем за два месяца до того, как губернатор Столыпин прибыл в Гродно — с 8 мая 1902 года он исполнял обязанности секретаря Гродненского губернского статистического комитета. В дальнейшем, надо полагать, не без протекции Петра Аркадьевича, Солоневич-старший стал редактором неофициальной части «Губернских ведомостей» (в 1903–1907 годы она выходила отдельным изданием в качестве еженедельного приложения). Еще позже, уже незадолго до гибели великого реформатора, финансовая помощь из Петербурга позволила далеко не богатому Лукьяну Солоневичу стать редактором-издателем ежедневной газеты — «Северо-Западная Жизнь» начала издаваться на деньги Столыпина.

Не исключено, что и паспорт выхлопотал крестьянину Л. М. Солоневичу будущий премьер-министр, оставивший гродненское губернаторство в феврале 1903 года. Согласно пометкам на обложке «Формуляра», глава семейства получил «вид на жительство» несколько позже, 27 июля 1903 года (№ 237), а его супруга Юлия — 21 февраля 1905-го (№ 277).

Чтобы уж окончательно поставить точку на служебной карьере Лукьяна Михайловича и сосредоточиться на освещении его общественно-политической деятельности, кратко перечислим все оставшиеся должности. Как гласит «Формуляр», «30 мая 1903 года согласно прошению зачислен в штат Гродненского губернского правления канцелярским служителем III разряда; с 16 октября 1904 года исполнял обязанности секретаря Гродненского губернского по городским делам присутствия; с 1 марта 1907 года исключен из списков служащих за переходом его с тем же званием в Гродненское губернское присутствие; 16 сентября 1907 года за выслугу лет произведен в коллежские регистраторы; 15 декабря 1907 года исключен из числа служащих Гродненского губернского правления».

В студенческом деле Ивана Солоневича (о нем упоминалось ранее) подшита копия Аттестата его отца, из которой узнаем, что с 13 октября 1907 г. по 3 января 1908-го Лукьян Михайлович служил младшим помощником Правителя канцелярии Ковенского губернатора. Данные Аттестата принципиально расходятся с Формуляром в одном пункте — касательно даты произведения Л. М. Солоневича в коллежские регистраторы. Согласно Аттестату, это произошло 5 октября 1906 года, почти на год раньше, чем указано в Формуляре. Однако же вряд ли стоит особо останавливаться на этом противоречии, гораздо важнее то обстоятельство, что к январю 1917 года Лукьян Михайлович был уже в ранге титулярного советника, как об этом свидетельствует другой документ из студенческого дела^[30].

В «Памятной книжке Гродненской губернии» за 1905 год помещены некоторые сведения и о деятельности Л. М. Солоневича на общественном

поприще: «член и секретарь общества взаимного вспомоществования учащихся и учителей народных училищ, член ревизионной комиссии собрания гродненских чиновников». Кроме того, по данным В. Н. Черепицы, Лукьян Михайлович был членом Гродненского церковно-археологического комитета и местного православного Софийского братства. Почетным председателем последнего был епископ Гродненский и Брестский Михаил (Ермаков), впоследствии митрополит Киевский и экзарх Украины.

Братство оставило о себе память на века: во многом благодаря именно его стараниям в Гродно был возведен храм-памятник Покрова Пресвятой Богородицы — тогда гарнизонная церковь, а ныне кафедральный собор. Историк и краевед Л. М. Солоневич, как и многие другие братчики, принимал участие в организации внешнего оформления собора-музея, сборе средств на установление мемориальных досок в память воинов, погибших в Русско-Японскую войну.

Известно, что в октябре 1905 года, после издания Высочайшего Манифеста, за так называемой чертой оседлости в ответ на революционные манифестации прокатилась волна еврейских погромов. В Белоруссии наиболее крупный из них произошел в Белостоке. Намечались аналогичные беспорядки и в Гродно, но усилиями властей и общественности страсти удалось погасить. Внес свою лепту в успокоение и редактор местных «Ведомостей» Л. М. Солоневич, выступивший в печати с открытым письмом против погромов. Власть олицетворял губернатор Иван Львович Блок (1858–1906), родной дядя поэта, убитый эсерами-террористами в Самаре менее чем через год.

В сентябре-октябре 1907 года состоялись выборы в III Государственную Думу. Лукьян Михайлович состоял в списке кандидатов от Гродненщины, но был забаллотирован.

О детстве Ивана доступной информации не то, чтобы мало — ее практически нет. Сам он более чем скудно осветил этот период своей биографии, в частности сообщил о том, что вследствие испуга в раннем детстве был недопустимо косноязычен и лет до 25-ти его временами не понимала собственная мать. Первые личные воспоминания относятся уже к годам отрочества, когда Ивану было 10–11 лет.

«Был у меня товарищ Лева Рубанов, — писал И. Л. Солоневич спустя многие годы. — Мы с ним вступили в некоторое спортивное состязание, результатов которого никакое жюри проверить не могло. Поэтому вопрос шел о честном слове. Для подкрепления этого честного слова было принесено Евангелие, зажжена свечка и над Евангелием, и перед свечкой была дана клятва в том, что ни один из нас о результатах своих подвигов ничего не соврет. Все это было благоговейно и торжественно.

Подвиги же заключались в том, кто из нас рогаткой больше перебьет фонарей в захолустном городишке Гродно.

Я не помню, кто взял первенство в этом поистине социалистическом соревновании. Но помню, как я тихонько вставал по ночам, спускался на балконе на веревке с рогаткой в одном кармане и с сотней камушков в другой (ночью камушков не найти) и, дрожа от страха и спортивного азарта, вышибал стекла керосиновых гродненских фонарей.

Стекла были вышиблены все. Предприятие осталось безнаказанным». [\[31\]](#)

Сам Лев Рубанов датирует свое знакомство с Иваном Солоневичем несколько более поздним временем — 1904–1905 годами.

«Мы оба были во втором-третьем классе Гродненской гимназии, — вспоминал он. — Наши семьи были знакомы.

По улицам города ходили демонстрации, и мы с Ваней охотно присоединялись к толпе, и я до сих пор помню революционные песни, которые пели во время демонстраций»^[32].

Репертуар оригинальностью не блистал: «Вы жертвою пали...», «Отречемся от старого мира...» и все такое прочее. Но чего было больше в этом мальчишеском хоре — подражания или издевки? И как реагировал на эти выходки Лукьян Михайлович, консерватор и человек «самых честных правил»? Не исключено, что иногда и слишком всерьез.

Отец Вани и мать Левы входили в родительский комитет, существовавший при гимназии (до революции такой комитет избирался один на все учебное заведение, а не по классам, как это принято сейчас). И, естественно, они частенько обсуждали проделки своих сорванцов, которые вместе сбегали с уроков, чтобы сходить на Неман искупаться или в лес, или просто гурьбой побродить по городу.

Рубанов вспоминал, как возмущалась его мать, когда Лукьян Михайлович сказал ей, что хочет забрать Ваню из гимназии, чтобы он не набрался тлетворного революционного духа: «Мать моя отговаривала его от этого, говоря, что с четырехклассным образованием Ваня может быть только околоточным надзирателем. Но все же отец забрал Ваню из гимназии и экзамен на аттестат зрелости он держал потом»^[33].

Но «революционный дух» был не единственной причиной, по которой Иван стал «экстерничать», то есть самостоятельно готовиться к гимназическим экзаменам. *«Я вышел из третьего класса гимназии, — говорил он, — отчасти потому, что финансовые дела моего отца были*

в те времена совсем окаянными, а главным образом потому, что гимназической рутины я переварить не мог. Это стоило больших семейных драм»^[34].

Основу гродненской компании той поры, помимо Льва Рубанова, составляли Костя Пушкаревич, Мишка Горновский, Данюк (имя неизвестно), Август Ульрих, Митя Михайлов. Кое-кто из них, как говорится, вышел в люди: Пушкаревич, например, стал профессором, а Михайлов сделал неплохую военную карьеру. И в нашем повествовании и эти двое, и Лев Рубанов еще встретятся. О судьбе других приятелей Ивана Солоневича нет, увы, никакой информации — как и о первых соперниках по французской борьбе.

О Солоневиче-подростке Рубанов пишет так: «Был он коренастым крепышом, участником всех мальчишеских эскапад, принимал активное участие во всех путешествиях по обследованию окрестностей города Гродны, любил зимой кататься на коньках, летом увлекался новым тогда футболом, а когда стал постарше — гириями, разными видами борьбы и атлетикой»^[35].

В город ежегодно приезжал цирк Принцеля с дядей Ваней Лебедевым, Поддубным и другими мастерами борьбы. И гродненские мальчишки, в теплые летние и осенние дни, «обычно в субботу и воскресенье, устраивали свои чемпионаты французской борьбы, чаще всего в пригородной лесу в Пышках или Понемуне или Лососне на берегу Немана. В качестве борцов выступали здесь Коля Куликовский, Ваня Солоневич, Олесь Дашек, Юзик Солянко, Коля Куханович и другие борцы в возрасте от 13 до 15 лет. Ваня считался одним из «силачей». Не думая о риске, которому подвергались, мы из молодечества переплывали Неман, возились с огнестрельным оружием, преимущественно с пистолетами монтекристо, стреляли в цель. У Вани был

револьвер «велодог», заряжая который он прострелил себе указательный палец. Пуля прошла у самого сустава и застряла в оконной раме, а он долго потом возился с пальцем»[\[36\]](#).

Гродно (а тогда говорили и писали — Гродна) — городок в начале XX века хоть и губернский, но совсем небольшой, каких-то 42 тысячи жителей. И частенько семьи друзей-приятелей, переезжая с одной съемной квартиры на другую, рекомендовали знакомым свое предыдущее жилище. Благодаря этому обстоятельству мы знаем приблизительные адреса Солоневичей в Гродно. Свои воспоминания Лев Рубанов писал, уже будучи ветхим стариком, постоянно перескакивал с одной темы на другую, но из них все-таки можно заключить, что речь идет именно о 1904–1905 годах, а не о другом гродненском периоде Солоневичей (1912–1913 гг.).

Итак, свидетельство очевидца: «...они жили на Каретном переулке, среди сада, а мы перешли в ту квартиру (тут же по соседству), где Солоневичи жили перед этим, на Татарский переулок номер 4. И помню, как Костя Пушкаревич, прожив у нас два года, перешел потом на квартиру к Солоневичам»[\[37\]](#).

Все три брата Солоневича — Иван, Всеволод и Борис (или Ватик, Дик и Боб, согласно семейным прозвищам) — унаследовали от отца слабое зрение. Но в виде компенсации Господь Бог наградил всех троих природной силой. В ту пору увлечение гимнастикой, борьбой и боксом уже перестало быть привилегией столичных жителей. По всей Империи здоровая молодежь потянулась к спорту, нездоровая — подалась в революцию. Не стала исключением и белорусская окраина.

Тон спортивным занятиям в семье задавал, конечно, старший брат. Тренировался он, при отсутствии каких

бы то ни было методик, примерно так: на большой палец правой руки надевал двухпудовую гирю, а остальными пальцами поддевал младшего Боба за ремень сзади — и все это выжимал в «солдатской стойке», сколько мог.

«Вскоре семья Солоневичей переехала в Вильно, — констатирует Рубанов. — Но я все это время переписывался с Ваней, не рвал связи. С шестого класса я перевелся в Сувалкскую гимназию»^[38].

Переезд в Вильно состоялся, судя по всему, в 1908 году. Увольнение Лукьяна Михайловича из канцелярии Ковенского губернатора датируется 3 января 1908-го^[39], а регистрацию созданного при его ближайшем участии «Белорусского Общества» разрешили 6 ноября того же года.^[40] Где-то в этом временном промежутке семья Солоневичей и проследовала по маршруту Гродно — Вильно.

Именно к данному периоду относится, кстати, стихотворение «песняра» Янки Купалы:

Ўсё саюзы ў беларусаў,
Ўсё апекуны, —
А бадай жа на іх немач!
Адкуль жа яны?!

Быў «Крестьянин», плёў «Крестьянин»
Сеткі, як павук, —
Глупства выйшла — бач, няма ўжо
За што зацяць рук.

Скуль узяўся яшчэ шэльма —
«Общество» снуе, —
«Белорусское» няйначай.
Цёмныя мае.

Саланевіч ды з кампаняй
Сцапаў гэту мысль,
А ўсё «істинным» тым духам
Смярдзіць, знай, дзяржысь.

Ох, памога саюз гэткі
Беларусі нашай,
Як «Крестьянин», як знаёмы
У хваробе кашаль [\[41\]](#).

Сей образец по-детски наивного творчества «белорусского Пушкина», «отца нации» и «пророка национального возрождения» (никакой иронии — эти характеристики придумали поклонники Купалы) был воспроизведен в вышедшем в 1993 году сборнике его стихотворений и статей под выпрненным названием «Жыве Беларусь». Составитель и комментатор В. Рагойша снабдил «Ўсё саюзы...» разъяснением, которое, в отличие от стихотворения Купалы, требует перевода:

«Это политико-сатирическое произведение входит в цикл античерносотенных выступлений поэта (стихотворения «Врагам Белоруссии», «Опекунам», статья «А все ж таки мы живем!..» и др.) В предисловии к первой публикации стихотворения («Полымя», 1929, № 3) Янка Купала писал: «Крестьянин» издавал Ковалюк, а Солоневич позже (кажется) «Северо-Западную жизнь». Обе газеты выходили, конечно, на деньги «Охранки» и обе боролись с «Нашей нивой», разумеется, и с белорусским национальным движением».

«Крестьянин» — русский шовинистический журнал, орган одноименной черносотенной организации; выходил в Вильно в 1906–1915 гг. Неоднократно выступал против белорусского национально-

освободительного движения, отказывая белорусам в праве развивать их язык и литературу.

Солоневич Л. М. (1868-?) — журналист-великодержавник, монархист. Из обрусевших белорусов. Как мог топтал свое, родное, белорусское, в том числе — белорусские периодические издания, творчество белорусских писателей, белорусскую культуру. Основанное им «Белорусское общество» отличалось шовинистично-черносотенной деятельностью^[42].

Необходимы и несколько пояснений уже с нашей стороны, так сказать, комментарии к комментариям. Светоч белорусской поэзии Янка Купала в 1914–1915 годах был редактором еженедельной газеты «Наша нива» — о ней подробнее мы поговорим дальше. А из поминаемого выше общества «Крестьянин» и выросло «Белорусское Общество», благодаря которому Лукьян Михайлович Солоневич ступил на издательское поприще.

Современным белорусским школьникам в 6-м классе предлагают «намалеваць» (то есть нарисовать) политическую карикатуру на тему: «Лука Солоневич и «Белорусское общество»». Не все, конечно, меряется деньгами. Но было бы здорово, если б нашелся однажды какой-нибудь смышленный школяр и поведал своему преподавателю, что в 1913 году, при «проклятом царском режиме» и «полном угнетении белорусской нации», рядовой учитель гимназии в Минске мог купить на месячное жалованье 200 граммов золота или, например, 80 пар обуви. И тогда они вместе похохочут и придумают другую, более достойную, тему для карикатуры.

Что же такого смешного увидели сторонники «независимой Беларуси» в деятельности Л. М.

Солоневича? Попробуем разобраться в следующей главе.

ВИЛЬНО, ГРОДНО, МИНСК

Итак, в ноябре 1908 года Л. М. Солоневич вместе с П. В. Коронкевичем, А. С. Кудерским и А. С. Вруцевичем основали в Вильно «Белорусское Общество». Лукьян Михайлович стал председателем правления, а Павел Васильевич Коронкевич товарищем, или по-современному заместителем, председателя.

Как гласил параграф первый Устава, «общество имеет целью: а) поднятие в районе Северо-Западного края культурного и экономического уровня наиболее отсталой в культурном и экономическом отношениях белорусской народности, б) развитие в ней самосознания на началах русской государственности и в) примирение на почве справедливости и беспристрастия различных населяющих Северо-Западный край народностей»^[43].

Необходимая справка: Северо-Западный край Российской Империи включал в себя шесть белорусских и литовских губерний: Виленскую, Витебскую, Гродненскую, Ковенскую, Минскую и Могилевскую. Подавляющее большинство населения в них составляли белорусы, далее по численности следовали евреи, поляки, литовцы и др. При этом в губернских городах более половины жителей составляли евреи. А белорусы — так уж сложилось — своего дворянства и интеллигенции практически не имели. Соответственно, средства массовой информации, издававшиеся в городах, почти сплошь (за исключением изданий русской администрации и единичных органов националистов) находилась в еврейских и польских руках.

В такой ситуации без собственного печатного органа никакая организация, ориентированная на

белорусскую массу, выжить не могла. И вскоре «Белорусским Обществом» была предпринята попытка выпускать свое издание.

Однако первый номер газеты «Белорусская Жизнь», увидевший свет 9 февраля 1909 года, оказался почти на два года и последним. Редактор Л. М. Солоневич и издатель А. С. Кудерский потерпели чувствительное поражение...

Если Лукьян Михайлович в это время был озабочен низким культурно-образовательным уровнем белорусов, то его сына Ивана больше занимала культура физическая. *«С 1908 по 1910 год, — пишет он тридцать лет спустя, — я и мой друг — теперь полковник — Д. М. Михайлов занимались гимнастикой в вилейском польском «Соколе» — русского не было. Обстановка была дружественной, как это бывает почти во всех спортивных организациях»*^[44].

Но помимо гимнастики, футбола и гирь, Ватик вынужден был посвящать немало времени и самообразованию — ведь рано или поздно надо было сдавать экзамены на аттестат зрелости. Одна латынь чего стоила! Посещал он и лекции заезжих профессоров. Одну из них, о земельном вопросе и социализме, состоявшуюся в 1908 году, И. Л. Солоневич красочно описал в своей книге «Диктатура слоя» (вторая часть «Диктатуры импотентов»):

«Зал наполнен, по преимуществу, молодежью, а так как высших учебных заведений в городе нет, то молодежь представляют, главным образом, гимназистки и гимназисты, а также то своеобразное племя тогдашней русской молодежи, которое именовалось «экстернами» — вот вроде меня. Экстернами были ребята, готовившиеся к аттестату зрелости и лишенные возможности посещать гимназию.

Низовая русская интеллигенция была бедна, как социалистическая мышь, и мне приходилось, с пятнадцати лет, зарабатывать свой хлеб и «экстерничать» — был и такой глагол. Станным образом — «экстерны» были наименее революционной частью молодежи...

Итак: профессор поучает, а мы, молодежь, поучаемся у профессора. Теперь, много-много лет спустя, я знаю совершенно твердо, документально, бесспорно, абсолютно, что профессор врал <...> Врал сознательно и обдуманно, для вящей славы той революции, от которой он сам же сбежал лет двенадцать спустя <...>

И, вот, в зале чей-то крик: «казаки!» Казаков, во-первых, не было, а, во-вторых, быть не могло — было время полной свободы словоблудия. Одна секунда, может быть, только сотая секунды трагического молчания и в зале взрывается паника. Гимназистки визжат и лезут в окна — окон было много. Гимназистами овладевает великий революционный и героический порыв: сотни юных мужественных рук тянутся к сотням юных женственных талий: не каждый же день случается такая манна небесная. Кто-то пытается стульями забаррикадировать входные двери от казачьей кавалерийской атаки. Кто-то вообще что-то вопит. А профессор, бросив свою кафедру, презирая все законы земного тяготения и тяжесть собственного сана, пытается взобраться на печку <...>

Положение было спасено, так сказать, «народной массой» — дежурными пожарными с голосами иерихонской трубы. Все постепенно пришло в порядок: гимназистки поправляли свои прически, а гимназисты рыцарски поддерживали их при попытках перебраться через хаос опрокинутых стульев. Соответствующий героизм проявил, само собою разумеется, и я. Но воспоминание об этом светлом моменте моей жизни

было омрачено открытием того факта, что некто, мне неизвестный сторонник теории чужой собственности, успел стащить мои первые часы, подарок моего отца в день окончательной ликвидации крестьянского неравноправия. Должен сознаться честно: мне по тем временам крестьянское равноправие было безразлично. Но часов мне было очень жаль: следующие я получил очень нескоро. Потом выяснилось, что я не один «жертвой пал в борьбе роковой», — как пелось в тогдашнем революционном гимне. Не хватало много часов, сумочек, брошек, кошельков и прочего»^[45].

В 1910 году Л. М. Солоневич выпускает в Вильно брошюру на 30 страниц «Новая роль польской женщины в Белоруссии и Литве», а затем, несмотря на первую неудачу, вместе с П. В. Коронкевичем (тот издатель, а Лукьян Михайлович — редактор) возобновляет выпуск «Белорусской Жизни».

«Программный номер» датирован 1 января 1911 года, через две недели газета переходит на ежедневный выпуск, «кроме дней послепраздничных».

«Внимательно следя за всеми событиями государственной и общественной жизни в России и за границей и давая им беспристрастное освещение на своих страницах, — говорилось в рекламном объявлении, помещенном на страницах справочника «Вся Вильна» на 1911 год, — «Белорусская Жизнь» главное внимание будет сосредоточивать на обслуживании местных, краевых интересов, на выяснении взаимоотношений населяющих край народностей и на примирении их на почве справедливости, ни на минуту не забывая при этом, что Северо-Западный Край — Белоруссия — есть нераздельная часть Великой России, что господствующее положение в нем должно

принадлежать белоруссу — родному брату великорусса и малоросса, что в тесном единении этих трех племен залог могущества государства <...>»

«Бел <орусская> Ж <изнь> начинает выходить в тот момент, когда на С <еверо> — З <ападный> Край обращены взоры всей России, когда интерес к нему проявляется во всем мире, в момент призыва к работе над устройством края местных общественных сил.

Необходимость в русском независимом органе печати в такое время крайне велика, всестороннее освещение первых шагов деятельности зарождающихся земских учреждений чрезвычайно важно в смысле направления их дальнейшей деятельности по пути поднятия умственного и экономического уровня господствующей в крае белорусской народности»^[46].

Редакция признавала «безусловно вредными» все течения, стремящиеся толкнуть белорусов на путь сепаратизма, и призывала к тому, чтобы ее поддержали «все интеллигентные белорусские силы края».

Подписная цена на год составляла 6 рублей. Льготная — 4 рубля 50 копеек, она была доступна для сельского духовенства и учителей, фельдшеров, учащихся высших учебных заведений, крестьян и рабочих «при непосредственном обращении в контору». В Вильно редакция располагалась по адресу: Большая Погулянка, 18. Здесь же в квартире № 5 проживала семья Солоневичей.

Именно в «Белорусской Жизни», скорее всего, состоялся и журналистский дебют Ивана Солоневича. Возможно, это были три публикации-отчета с трехдневного гимнастического праздника (два подписаны инициалами И. С., а один без подписи), появившиеся на страницах газеты в апреле 1911 года, но полной уверенности в этом нет^[47].

Зато две корреспонденции, подписанные «Ив. Солоневич», уже никаких сомнений в авторстве не оставляют. Они опубликованы в «Белорусской Жизни» 11 и 28 мая, и, что характерно, обе назывались «Футбол». Так юношеское увлечение спортом (не столь принципиально, гимнастика это или футбол), которое И. Л. Солоневич пронес через всю жизнь, открыло ему дорогу в профессию журналиста.

Отец вскоре полностью сосредотачивается в своей общественной деятельности на газете и становится редактором-издателем. Это происходит в августе того же года, вместе с переименованием «Белорусской Жизни» в «Северо-Западную Жизнь». Спустя месяц П. В. Коронкевич занимает должность председателя правления в «Белорусском Обществе».

В том же сентябре 1911 года террористом был застрелен Петр Аркадьевич Столыпин, негласный покровитель Л. М. Солоневича. Как вспоминал Иван, *«когда, после убийства русского премьер-министра П. А. Столыпина, телеграф принес известие о том, что убийцей является не Дмитрий Богров, как раньше было сообщено, а Мордко Богров, нашу газету на улицах рвали в клочки — не для прочтения, а для уничтожения. И такая же еврейская толпа ворвалась в типографию. Я стрелял. Впечатление от двух или трех выстрелов, произведенных в воздух, было потрясающим. В дальнейшем оказалось достаточным просто показать револьвер...»*^[48].

Скорее всего, работа Ивана Солоневича в «Северо-Западной Жизни» в этот период выполнялась все-таки не эпизодически, как об этом можно было бы заключить по его публикациям, а на постоянной основе. Наверняка отец давал старшему сыну задания готовить небольшие заметки (по тогдашнему обычаю они публиковались без подписи) и править чужие тексты.

В январе 1912 года при редакции газеты была основана «Белорусская историческая библиотека», позволявшая «всякому белорусу заглянуть в нашу историческую сокровищницу». Весомую поддержку этому начинанию оказал виленский историк и краевед Осип (Иосиф) Васильевич Щербицкий (1837-1916). Он был одним из первых учеников известнейшего белорусского ученого М. О. Кояловича (1828-1891) и даже написал о нем воспоминания.

О. В. Щербицкий передал в дар новой библиотеке 35 томов опубликованных при его участии актов Виленской археографической комиссии, множество других документов и книг, относящихся к истории края. В одном из писем к Л. М. Солоневичу, опубликованному в «Северо-Западной Жизни», он выражал уверенность, что библиотека сослужит немалую службу белорусскому народу. «Тому народу, — писал Щербицкий, — который высокомерные родовитые и неродовитые паны называли, да и теперь называют «быдлом», над языком которого всячески издеваются, называя его, в отличие от своего польского панского языка, языком мужицким, хлопским. Быдло это никто иной, как наш белорус — бедный, загнанный, приниженный, доведенный во времена крепостного права, во времена «панщины» теми же гордыми своею «высокой культурою» панами до скотского состояния; этот язык — хлопский, мужицкий — язык белорусский, мало чем отличающийся от того языка, на котором пятьсот лет тому назад предки нынешних ясновельможных и просто вельможных панов писали все свои имущественные сделки и договоры...»^[49]

В начале 1912 года пожел начальные плоды своей организационной деятельности и Иван Солоневич — состоялось первое общее собрание членов виленского гимнастического общества «Сокол». Уже не того,

польского, в котором вместе с Митей Михайловым он занимался в 1908–1910 годах, а нового, русского.

Дело это казалось поначалу невероятно простым: почему же, в самом деле, не основать русского «Сокола»? Отец — редактор местной монархической газеты, и, как шептались враги, еще и субсидии от «охранки» получает за свою «русификаторскую» деятельность. Практически все чиновное население Вильны — личные знакомые.

Но оказалось, что без «хождений по мукам» никак не обойтись.

— Какое там еще общество! Зачем это? Есть гимназии, есть военное училище... Государство готовит из вас служащих, а не цирковых борцов... А нет ли там революционного душка?.. И вообще — сидите и не рассуждайте, начальство знает, что нужно и чего не нужно...

Так, в интерпретации Солоневича, отвечало само начальство.

Некто похожее описывал в своей книге «Мои скитания» В. А. Гиляровский:

«Начальник охранного отделения Бердяев сказал председателю общества при встрече на скачках:

— Школа гимнастов! Знаем мы, что знаем. В Риме тоже была школа Спартака... Нет, у нас это не пройдет».

«Дядя Гиляй» был, между прочим, членом-учредителем Русского Гимнастического Общества, от которого ведут свою родословную русские соколы. И картина, запечатленная им в Москве конца XIX века, на белорусской окраине повторялась уже в начале века XX-го.

Вот как складывался первый организационно-спортивный опыт нашего героя:

«Лазили по генералам и искали «членов-учредителей». С помощью отца нашли пять штук. Не

помогло. Отец поехал в Петербург и нажал на свои столыпинские связи, — наконец разрешили. Но денег правительство не дало, ни копейки. «Общественность» — тоже. В городе было штук десять всяких игорных и винных притонов: военное собрание, благородное собрание, купеческий клуб, полесский клуб, белорусский клуб и еще какие-то — и в них всех ежедневно пропивались и проигрывались огромные деньги, а для «нравственного и физического внешкольного воспитания молодежи» было организовано только одно: дома терпимости. Те, кто не хотел шататься по домам терпимости, начинал шататься по всякого рода революционным подпольям.

Пока вот таким манером успел кое-как организовать «Сокол», то выяснилось, что в данном виде он не годится никуда. Его национальная идея оказалась глубоко провинциальной. Я не хочу ничего худого говорить о чехах, но все-таки ежели учиться «национальному строительству», то давайте уж мы будем учить: все-таки Империя. Методика оказалась совершенно нелепой: наш «Сокол» взял ее у Тырша, Тырш списал у немцев Яна и Гутс-Мутса — словом, к нам она попала как раз в то время, когда и сами немцы от нее отказались по полной ее нежизнеспособности. Нужны были реформы. Но на путях к реформам стояли вот эти самые «генералы-учредители», которые вообще ни о чем, кроме винных погребов всей Европы, никакого понятия не имели и которые стояли столбами: яйца курицу не учат. Подрываете устои.

Ничего не вышло. Молодежь в массе на «Сокол» плюнула, и он стал распадаться. Стали расти «кружки любителей спорта», футбольные лиги, легкоатлетические лиги, санитас и прочее»^[50].

Как бы то ни было, а многолюдное общее собрание русского «Сокола» состоялось в субботу 21 января 1912

года в помещении городского общественного собрания. Председателем правления был избран А. А. Кон. Иван Солоневич стал одним из двенадцати членов правления. Начальником (преподавателем) общества был избран известный сокол — чех Карл Старый (впоследствии погиб в боях с большевиками на Волге; его брат Франта был выслан из СССР в 1926 году). Регулярные занятия начинались с ближайшего понедельника в зале Второй гимназии, «любезно предоставленной обществу учебным начальством»^[51].

Сокольское движение нуждается хотя бы в кратком представлении — в дополнение к вышеприведенной эмоциональной оценке И. Л. Солоневича. Для этого мы обратимся к данным одного из руководителей Русского Сокола в США А. Б. Сергеевского^[52].

Сокольство основано в 1862 году в Чехии тридцатилетним доктором философии и эстетики Мирославом Тыршем как орудие возрождения своего народа, находившегося под гнетом Австро-Венгрии. Это был своеобразный симбиоз патриотического воспитания молодежи и комплекса гимнастических упражнений. Постепенно система прижилась и в других славянских странах — в Словении, Болгарии, Хорватии, Сербии.

В России работа по сокольскому методу начинается в Москве в 1883 году в Русском Гимнастическом Обществе. Однако официальное признание произошло лишь в 1907 году. По инициативе П. А. Столыпина общества «Сокол» превращаются в одно из средств борьбы с революционным движением. Отныне гражданин и патриот должен быть крепким не только духовно, но и физически. Сам премьер-министр с сыном вступают в сокольство. Обвалом происходит переименование уже существующих «гимнастических обществ» в Москве, Петербурге, Одессе, Ташкенте. В сокольскую работу втягивается и военное ведомство.

Новые общества возникают повсеместно — в 1908 году: «Москва-2», «Каменец-Подольск», «Екатеринослав», «Егорьевск», «Харьков»; в 1909-м: «Чернигов» и «Полтава»; еще через год: «Воронеж», «Петербург-2», «Москва-3», «Орел», «Новороссийск», «Таганрог», «Сычев», «Новочеркасск» и так далее.

Создается Союз Русского Сокольства, издаются газеты и журналы. К началу Великой войны (Первой мировой) русское сокольство насчитывает уже 36 вступивших в Союз обществ и 22 еще не вступивших в него, но сокольских по духу. Война практически останавливает эту работу — большинство соколов уходит на фронт.

После революции русское сокольство возродилось в эмиграции, а в 1990-е годы вновь появилось и в России.

Созданное в 1912 году в Вильно общество, таким образом, влилось в общероссийскую систему, которая на тот момент еще только начинала складываться, но имела уже довольно обширную географию в рамках Империи.

Вскорости, впрочем, сокольские дела для Ивана Солоневича отошли на второй план: наступило время сдавать экзамены на аттестат зрелости. Гимназию он выбрал Вторую Виленскую — то ли потому, что по сокольским делам был знаком с учебным начальством, то ли исходя из тех соображений, что прием прошений о допущении экстернов к экзаменам на аттестат зрелости там заканчивался на месяц раньше^[53], чем в Первой гимназии^[54]. Ведь, значит, и сами экзамены — гора на плечах — можно было сдать быстрее.

Собственно говоря, обе гимназии располагались в одном комплексе зданий упраздненного университета. Первая занимала бывшее главное здание, а Вторая — флигель (здание постройки второй половины XVI века). Гимназия находилась на узенькой, но очень оживленной

Замковой улице, в самом центре города. Самым известным ее выпускником за все время существования стал Мстислав Добужинский, театральный художник. Первая Виленская тоже внесла свой вклад в мировую историю, трагический уже не по-театральному, — ее закончил будущий палач русского народа Феликс Дзержинский.

В «Свидетельстве», выданном И. Л. Солоневичу 7 июня 1912 года (хранится в материалах студенческого дела), сказано, что «испытания зрелости» он выдерживал с 30 апреля по 6 июня.

По шести предметам (Закон Божий, законоведение, история, география, немецкий и французский языки) он получил отметку «хорошо». И по шести — «удовлетворительно», такой оценки заслужили его знания по математике, математической географии, физике, философии, а также по латыни и дисциплине под названием «русский язык и словесность». Две последние «тройки» были особенно обидны, во многом именно из-за них картины экзаменационной поры врезались в память на всю жизнь ^[55].

Директор гимназии, по свидетельству Солоневича, был латинистом и вообще «классиком» (кстати, фамилия его Кизеветтер — возможно, родственник историка, одного из лидеров партии кадетов), а потому на латинский язык пришлось нажимать по-настоящему.

«Странно, что я занимался им не без удовольствия: ни тогда, ни позже никогда за всю мою жизнь он мне решительно ни к чему не был нужен, — вспоминал И. Л. — Но я совершенно свободно читал любую книгу и до сих пор, то есть почти сорок лет спустя, я еще знаю наизусть две-три оды Горация, две-три страницы Овидия и даже страничку-две Цезаря. Но моя память устроена так, что никакой грамматики я вызубрить не могу. Русской грамматики я не знал никогда — и сейчас

имею о ней только самое отдаленное представление <...>

Итак, стою я. Передо мной — синедрион экзаменационных классиков, латинистов, грамматиков и словесников. К моему латинскому языку придраться нет никакой возможности. К моему русскому — тоже. Мои статьи к этому времени цитировались уже и в столичной печати, следовательно, кроме всего прочего, оставалась угроза того, что в той же печати я смогу обругать и грамматиков, и риториков, и словесников. А ни одной грамматики я не знаю **никак**. Меня спросили: что я могу сказать о правописании деепричастий? Я ничего утешительного сказать не мог. Создалось положение, непредусмотренное никакими уставами средне-учебных заведений. Я твердо стоял на том, что те **цели**, которым, — по этим уставам, — должно удовлетворять мое знание и латинского и русского языков, и «выполнены и перевыполнены», как мы бы сказали после пятилеток. Мой директор развел руками и сказал: — Да, но не теми путями, которые были предусмотрены программой...

В общем, мне по латинскому и по русскому языку поставили по тройке. Срезать совсем — было бы неудобно. Может быть, и рискованно: стоит этакий щелкопер, бумагомарака проклятый — и вот возьмет и в газетах обругает. Но я нацеливался на Политехнический Институт. Туда принимали только по конкурсу аттестатов. Как раз в этом институте ни русская, ни латинская грамматика были решительно не нужны. Но как раз в политехникум я и не попал»^[56].

Ради справедливости надо отметить, что, говоря о гимназическом «тихом ужасе» своего времени, И. Л. Солоневич признавал, что в те годы, когда учились его братья, то есть всего несколько лет спустя, русская гимназия до неузнаваемости далеко шагнула вперед.

Сегодня довольно трудно представить себе, что это такое: сдавать гимназические экзамены экстерном в начале XX века. Возможно, хотя бы приблизиться к пониманию поможет текст одного только билета по истории:

«Русская история: Павел I. Новые постановления, меры ограничения помещичьей власти, постановления о цензуре. Итальянский поход Суворова. Александр I. Нашествие Наполеона. Отступление Барклая. Битва при Бородине. Взятие Москвы. Отступление великой армии и Венский конгресс. Министерства. Государственный Совет. Сперанский. Училища. Крестьяне. Свободные хлебопашцы. **Древняя история:** Помпей. Спартанская война. Красс. Восстание рабов. Спартанцы. Цицерон. Заговор Катилины. Юлий Цезарь и I Триумвират. Борьба с галлами. Борьба Цезаря с Помпеем. Борьба Цезаря в Пиферсале. Александрийская война. Диктатура и смерть Цезаря. Исправление календаря. Октавиан и II Триумвират. Октавий, Антоний, Лепит. Правление Октавиана-Августа. **Средняя история:** Византийский и романский стили. **Новая история:** Людовик XVIII. Конституционная хартия. Июльская революция. Карл X, его свержение. Людовик Филипп, переворот 1848-1849 годов. Гизо. Провозглашение Республики. Людовик Наполеон. Президент Республики».

Не правда ли, содержание одного-единственного экзаменационного билета царского времени не многим уступает по объему оглавлению современного учебника истории? Отвечать на него ученик выпускного класса гимназии должен был в течение часа.

Итак, Политехникум для Ивана отпадал автоматически. И Солоневич решается подать документы на юридический факультет Санкт-Петербургского Императорского университета. Рассуждал он примерно так: никакого толку при моем косноязычии, конечно, не выйдет, но общее

образование, необходимое для работы журналистом, получу.

Однако же до подачи документов в университет было далеко — целое лето. Отец еще весной перебрался в Гродно (с 3 мая 1912 года «Северо-Западная Жизнь» сменила прописку), надо было ехать помогать ему в газетном деле. Тем более что во время переезда из Вильно прямо в вагоне поезда скончался секретарь редакции отцовской газеты Иван Андреевич Петерсон, отставной штабс-капитан, сотрудник многих, в том числе и столичных изданий, включая суворинское «Новое Время»^[57].

В состав делегации виленского русского «Сокола» на шестой всеславянский сокольский съезд в Праге Иван Солоневич, в отличие от некоторых других членов правления, не попал, и с легким сердцем отправился в Гродно.

Лето 1912 года для двадцатилетнего Ивана Солоневича стало, возможно, одним из самых безоблачных в его жизни. Позади гимназия, впереди блистательный Санкт-Петербург и яркие студенческие годы, а уже сейчас — серьезная должность в большой ежедневной газете. Да еще и лучший друг детства приехал!

В очередной раз обратимся к воспоминаниям Льва Рубанова:

«Но вот, в 1912 году я окончил Сувалкскую гимназию и приехал домой в Гродно. Сюда же переехали и Солоневичи, так как Лукьян Михайлович перевел сюда редакцию «Северо-Западной Жизни». Редакция помещалась на Муравьевской (Садовой) улице, угол Телеграфной, около моста на Городчанку, против Швейцарской Долины, которую звали попросту Брехалкой.

Сдав экстерном экзамены на аттестат зрелости, Ваня поступил, как и я, на юридический факультет Петербургского университета, но пользуясь тем, что тогда можно было являться в университет только для сдачи очередных зачетов, затягивал летние каникулы на полгода, работая в редакции отцовской газеты в качестве секретаря редакции и пописывая временами передовицы. Мои первые опыты в газете заключались в том, что я писал театральные рецензии о спектаклях драматической труппы баронессы Розен, подвизавшейся в это время в Гродненском театре, давал иногда хроникерские заметки.

Жили Солоневичи в это время, если не ошибаюсь, на Каретном переулке в доме с большим садом. Отдаваясь в редакции журнальной работе, Ваня дома продолжал интересоваться гирями, гимнастикой, футболом и др. видами спорта, отличаясь для своего возраста исключительной силой»^[58].

Редакция и контора «Северо-Западной Жизни» в Гродно располагалась на Муравьевской улице, на втором этаже дома Библина (ныне это здание аптеки по улице Ожешко).

Перенос издания из Вильно в Гродно Лукьян Михайлович мотивировал так: Вильна если и является центром Северо-Западного края, то центром административно-политическим, а никак не географическим. Следовательно, газета, издаваемая в Вильне, доходит до белорусских окраин с запозданием. Существенным аргументом являлось также и то, что в Гродненской губернии на тот момент не было ни одного русского органа печати. В преддверии выборов в четвертую Думу такое положение вещей грозило националистам полным фиаско. А ведь еще в Вильно Л. М. Солоневич стал одним из организаторов местного отделения Всероссийского национального союза. В

феврале 1912 года он вышел из «Белорусского Общества», которое «уклонилось от участия в организации формирующегося в Вильне национально-русского предвыборного комитета»^[59], сложив с себя звание члена правления. В апреле его примеру последовали другие ведущие члены общества, стоявшие у его истоков: А. С. Вруцевич, А. С. Кудерский и старший брат Л. М. Солоневича — Степан Михайлович^[60].

Об общественной деятельности последнего известно также, что в 1912 году он состоял членом правления общества «Крестьянин», а также кандидатом в члены правления Общества взаимного вспомоществования учащихся и учившим в народных училищах Виленской губернии. Во время отъездов Лукьяна Михайловича по делам (в Петербург или, например, в Киев на открытие памятника Столыпину) Степан Михайлович оставался за редактора-издателя «Северо-Западной Жизни».

Иван же, помимо исполнения функций секретаря, начинает и активное занятие публицистикой, оттачивая свое перо на наиболее близкой ему спортивной тематике. С 5 мая по 22 июля в Стокгольме прошла V Олимпиада. Российская Империя дебютировала на Играх, и дебют этот закончился громких провалом. Вся русская печать, не только специализированные спортивные, но и «серьезные» издания, обсуждали причины неудачи. Не осталась в стороне и провинциальная пресса.

В «Северо-Западной Жизни» за подписью «Ись» появилась статья об Олимпиаде. Псевдоним расшифровывается легко — убираем поставленную в конце по правилам старой орфографии букву «ер» (твердый знак), и остаются инициалы Ивана Солоневича. Вот его размышления:

«Спорт существует у нас без году неделю, до сих пор никто не придавал ему серьезного значения в деле оздоровления нации, да и теперь многие смотрят на него, как на забаву людей, которым некуда девать свободного времени, сил и денег <...>

Результаты всего этого ярко проявились на олимпийских играх. Из 17 наций, принимавших участие в благородном соревновании, Россия, крупнейшее государство Европы, заняла одно из самых последних мест, позади маленьких Бельгии, Дании, Финляндии.

Этот чувствительный и заслуженный щелчок нашему национальному самолюбию усилился еще поражением, нанесенным в Москве венграми нашим футбольным командам «Вся Москва» (9:0) и «Вся Россия» (12:0).

*Но, слава Богу, гром, грянувший с стокгольмского олимпийского стадиона, заставил перекреститься наших мужиков и теперь, мы думаем, что наше общество охотнее, чем раньше, пойдет навстречу правительству и тем, пока очень немногим организациям, которые стараются насадить «здоровую **ВОЛЮ** в здоровом теле»»^[61].*

Под тем же псевдонимом в течение июля Иван публикует несколько корреспонденций о предполагавшемся, но несостоявшемся закрытии трека гродненского общества для содействия физическому развитию учащейся молодежи, а также ряд полемических фельетонов по еврейскому вопросу.

Выходила в Гродно газета «Наше Утро», ее издавал владелец типографии Иосель Мейлахович, а редактировал его сын, студент Психоневрологического института. Сегодня «Наше Утро» назвали бы типичным представителем «желтой прессы». С одной оговоркой: тираж был крайне невелик. Пикирование с правой националистической «Северо-Западной Жизнью»

являлось, по-видимому, одним из средств этот тираж поднять, благо евреи в Гродно составляли в начале XX века 60 % постоянного населения.

Так вот, «Наше Утро» нападало на газету Солоневичей с совершенно бульварными замашками. Про Лукьяна Михайловича печатали, например, такие высокохудожественные стихи, написанные не только в стиле, но и в размер «Гаврилиады» из «Золотого теленка» Ильфа и Петрова:

На зло естественным законам
Он в мир пришел и удивил,
Родился он хамелеоном
И человеком вместе был!
Менял свои он убежденья.
Их, как перчатки он менял.
И брал за то вознагражденья,
За то подачки получал...

Далее — в том же духе. Лукьяну Михайловичу оставалось только иронизировать: «И талантливый же, право, народ евреи. Попробуйте, вот, сочините подобные стихи. Куда вам!»^[62]

Иногда, впрочем, оппонентам все-таки удавалось вывести из себя «погромщиков и черносотенцев». И тогда «Ись» мог выдать и такое:

Еврейская национал-субсидийная газетка «Наше Утро» недовольна статьей г-на Низяева (имеется в виду статья «Национализм и прогрессивность», опубликованная в номере от 7 июля 1912 г. — И. В.). Во-первых, статья скучна и написана небойким пером, затем показывает незнание классической древности. Но это еще что! Г. Низяева уличают в порнографии и революционности — вот где зарыта собака.

На счет бойкости, конечно, где уж г. Низяеву тягаться в беспардонности с коммивояжерами из «Утра из наших» — не всем же быть Дельтами, но «революционность» «Северо-Западной Жизни» возмущает наших друзей с Мариинского переулка до глубины души.

В самом деле, странно, ведь, подумать, националист и туда же с суконным рылом в калашный ряд.

Прогрессивность!

Это называется — отнимать у бедных еврейчиков хлеб с маслом.

До сих пор прогрессивность, как и торговля, — были в полном распоряжении у евреев и вдруг — о ужас — конкуренция!

Как тут не возмущаться

Что доброго дойдут еще до национализации прогресса, и тогда... Кто знает, что будет тогда.

И «Утро из наших» — кричит.

«Вы думаете это прогрессивность? Пхэ! Настоящая прогрессивность только у нашей фирмы Мейлахович и Ко. Единственное представительство для Гродны — у нас. Просто от гашпадина Винавера. Чтобы мы так жили. Ви думаете — у них прогрессивность! Пхэ! Какая это прогрессивность! Купите — ей-Богу, месяц не поносите! Чтоб я так здоров был. У нас самая заграничная: смотрите, нате вам фабричная марка «еврей-ское рав-но-пра-вие»».

«Это уж будьте себе шпыкойно — первый сорт. А то что! — каково-то русскаво фабрикации. У них и шпециялистов по прогрессивности нет».

Гармидер еврейского комми вполне понятен: сильнейшее оружие в борьбе против нарождающейся русской национал-демократии, обвинение ее в реакционности, ускользает из рук.

«Ну чем ми теперь будем торговать?»^[63]

Еврейский вопрос в предреволюционной Белоруссии был только одной частью знаменателя, вторую составлял вопрос польский. В числителе, понятно, была судьба русской нации. Соотношения данной дроби во многом определили политическую арифметику на долгие десятилетия.

Официальная, то есть русская имперская, государственная, наука стояла на своей собственной, не подсказанной никакой западной философией, точке зрения. Согласно которой для самоидентификации восточно-славянского этноса основным критерием является вероисповедание. В силу этого всех представителей данного этноса, невзирая на некоторые различия в говорах его субэтносов, считали русскими.

В так называемых интеллигентских кругах, которые ни к науке, ни к ее проявлениям не имели никакого отношения, господствовал иной взгляд. Основной критерий — чтобы было «передовое» и «революционное».

Представители униатско-католической культуры в таком контексте становились участниками «национально-освободительного движения». Ну как же, налицо классический марксистский подход: и антирусскость, и борьба с царизмом, и разрушение «тюрьмы народов».

Таким образом, одобрение претензий униатско-католического меньшинства Белоруссии и Украины на национальную самобытность в глазах передовой интеллигенции становилось хорошим «прогрессивным» тоном. Все остальное — несмотря на объективность, государственные интересы и прочее — это черносотенство, ретроградство и прочее «отжившее, прогнившее и безнадежно устаревшее».

Это противостояние наложило свой отпечаток на мировоззрение Ивана Лукьяновича Солоневича. Что особенно ярко отразилось в его отношении к

дворянскому сословию. Вновь цитата, еще более длинная, чем прежние, но зато и многое объясняющая:

«Политическая расстановка сил в довоенной Белоруссии складывалась так. Край, сравнительно недавно присоединенный к Империи и населенный русским мужиком. Кроме мужика, русского там не было почти ничего. Наше белорусское дворянство очень легко продало и веру своих отцов, и язык своего народа, и интересы России. Тышкевичи, Мицкевичи и Сенкевичи — они все примерно такие же белорусы, как и я. Но они продались. Народ остался без правящего слоя. Без интеллигенции, без буржуазии, без аристократии, даже без пролетариата и без ремесленников. Выход в экономические верхи был начисто заперт городским и местечковым еврейством. Выход в культурные верхи был начисто заперт польским дворянством. Граф Муравьев не только вешал. Он раскрыл белорусскому мужику дорогу хотя бы в низшие слои интеллигенции. Наша газета опиралась и на эту интеллигенцию, так сказать, на тогдашних белорусских штабс-капитанов: народных учителей, волостных писарей, сельских священников, врачей, низшее чиновничество. Приходилось бороться на два фронта. Эта масса была настроена революционно. Нужно было ей доказать, что только в борьбе с еврейством и полонизацией, только в опоре на империю и на монархию она может отстоять свое политическое, экономическое и всякое иное бытие. Борьба была очень трудна. Было очень трудно доказать читателям Чернышевского, Добролюбова, почитателям Аладьина, Родичева и Милюкова тот совершенно очевидный факт, что ежели монархия отступит, то их, этих читателей, съедят евреи и поляки. Что только в рамках империи и монархии эти люди могут отстоять свое национальное бытие. Это было доказано.

Белорусская интеллигенция была сдвинута на национально-имперскую точку зрения.

Доказывать очень простые вещи было чрезвычайно трудно. Русская бюрократия была, так сказать, государственно тупоумна. У нее не было ни национального чутья, ни самых элементарных познаний в области экономических отношений. Ее положение было чрезвычайно противоречивым. Вот губернатор. Он обязан поддерживать русского мужика против польского помещика. Но сам-то он — помещик. И поместный пан Заглоба ему все-таки гораздо ближе белорусского мужика. У пана Заглобы изысканные манеры, сорокалетнее венгерское и соответствующий палац, в котором он с изысканной умильностью принимает представителя имперской власти. Губернатору приходится идти **или** против нации, **или** против класса. Петербург давил в пользу нации. Все местные отношения давили в пользу класса. Польский виленский земельный банк с его лозунгом «Ни пяди земли холопу» запирали для крестьянства даже тот выход, который оставался в остальной России. Белорусское крестьянство эмигрировало в Америку. Вы подумайте только: русский мужик, который сквозь века и века самого жестокого, самого беспощадного угнетения донес до Империи свое православие и свое национальное сознание, он, этот мужик, вынужден нынче бросать свои родные поля только потому, что еврейство (неравноправное еврейство!) и Польша (побежденная Польша!) не давали ему никакой возможности жить на его тысячелетней родине. И еще потому, что губернаторы были слишком бездарны и глупы, чтобы организовать или землеустройство, или переселение. На просторах Российской Империи для этого мужика места не нашлось.

Тогдашняя наша газета была такой же боевой, как и нынешняя. Но у моего отца была маленькая слабость,

которой я лишен начисто, — почтительность к губернаторскому мундиру. У отца хватило смелости в ответ на предложение взятки набить морду графу Корвин-Милевскому, да еще и вызвать этого графа на дуэль. Если бы эта дуэль состоялась, то у отца не было бы никаких шансов на победу: ни о пистолете, ни о шпаге он не имел никакого понятия. Но граф заявил, что он с мужиком драться не станет, и уехал в Ниццу... Но когда возникали конфликты такого рода — конфликты между поляком, но помещиком и русским, но мужиком, — губернаторы пытались стать на сторону помещиков — почти без всякого исключения — и пытались отца распекать. Отец конфузился, извинялся и продолжал вести свою линию. В Петербурге была широкая спина Петра Аркадьевича, и, собственно говоря, на губернаторов можно было наплевать. Сие последнее открытие сделал я лично, когда во время одного из конфликтов к минскому губернатору Г. пошел я сам. Я был в те времена семипудов, косноязычен и, как и сейчас, до чрезвычайности решителен. Я собрал в кулак всю силу нехитрой своей выразительности и заявил что-то вроде того, что в таком тоне я разговаривать не желаю и ему, губернатору, не позволю. И что ежели он, губернатор, позволит себе еще раз такие нажимы, то он, губернатор, вылетит в два счета. Губернатор смяк молниеносно, стал шелковым, как дессу, и больше действительно ни во что не лез. <...>

Вильно, Гродно, Минск — это были военнo-чиновничьи города. Было много друзей-офицеров. Но было много и друзей-солдат. И военный быт я знаю неплохо. Но знаю его с двух точек зрения или, точнее, с трех: с официально-елейной, с офицерской и с солдатской»^[64].

В этом мемуарном отрывке (написанном Иваном Лукьяновичем через четверть века в эмиграции) налицо так называемый временной сдвиг. «Широкой спины Петра Аркадьевича» в марте 1913 года, когда Солоневичи перебрались в Минск, уже не было.

Фамилия же губернатора, действительно, начиналась на букву «г» — этот пост в 1913–1915 годы занимал Алексей Федорович Гирс (1871–1949).

Что простительно мемуаристу — не дозволено биографу. А посему постараемся оставаться в рамках известных нам фактов, если же появится необходимость прибегать к каким-то путешествиям во времени, то всегда будем делать соответствующие оговорки.

В августе 1912 года Иван Солоневич отправляется в Санкт-Петербург — поступать в университет. О его студенческой жизни мы расскажем в отдельной, пусть и небольшой, главе. Это немного нарушит последовательность изложения событий, но зато сохранит в целости такое понятие, как «белорусский период», и позволит непрерывно осветить работу Ивана Лукьяновича в «Северо-Западной Жизни». Опять же, текущая и следующая за ней главы нашего повествования и без университетской эпопеи должна вместить в себя великое множество фактического материала. Существует и еще одно оправдательное обстоятельство: в те годы, как свидетельствует Лев Рубанов, летние студенческие каникулы растягивались на пять-шесть месяцев^[65]. А были ведь еще и зимние. Таким образом, нельзя сказать, что Иван Солоневич учился в Петербурге, а на родине появлялся лишь наездами. Совсем наоборот: большую часть года он проводил в Белоруссии, а в столицу Империи наведывался по университетской необходимости.

Итак, 31 августа наш герой подает прошение о зачислении на юридический факультет Санкт-Петербургского Императорского университета. Среди документов, подшитых в студенческом деле, имеется справка, датированная 18 августа 1912 года и выданная отделением Министерства Внутренних дел Гродненской губернии:

«Вследствие ходатайства крестьянина Ивана Лукьяновича Солоневича <сообщается, что он> за время проживания в Вильне ни в чем предосудительном в политическом отношении замечен не был».

И тут же приписка: «по имеющимся сведениям Солоневич состоит под надзором полиции по обвинению в пр <еступлении> 285 ст <атьи> Уложения о Наказаниях за оскорбление действием почтово-телеграфного чиновника при исполнении последним служебных обязанностей»^[66].

Силушка по жилушкам, это понятно. Но, скорее всего, господин почтово-телеграфный чиновник просто-напросто помешал журналисту Солоневичу исполнить профессиональный репортерский долг. Тем более, что почти аналогичный случай, хотя и без мордобоя, произошел летом 1913 года. По сообщению «Минской газеты-копейки», 9 июля в камере городского судьи 4-го участка слушалось дело по обвинению сотрудников «Северо-Западной Жизни» Г. Я. Михалюка и И. Л. Солоневича в том, что они нарушили статью устава о наказаниях, воспреещающую хождение по железнодорожному пути.

«Г. г. Михалюк и Солоневич, — пишет «Копейка», — узнав о крушении на ст <анции> Минск прошли на линию узнать подробности происшествия.

Здесь их не приветливо встретил пом <ощник> нач <альника> депо Сухарев и передал жандарму для составления протокола.

Г. г. Михалюк и Солоневич приговорены к 10-и р <рублям> штрафа каждый с заменой двухдневным арестом»^[67].

Отъезд Ивана в Санкт-Петербург, с одной стороны, осложнил издательскую деятельность его отца, но с другой — «Северо-Западная Жизнь» теперь могла выйти за рамки телеграфных сообщений в освещении событий общероссийского масштаба, имея в столице пусть и не постоянного, но «собственного корреспондента». И 18 сентября на ее страницах появляется материал об изменениях в жизни студенчества после реформы министра просвещения Л. А. Кассо. Статья называлась «Академические перспективы» и имела подзаголовок в скобках «от нашего петербургского корреспондента». Подпись под ней вполне красноречива: «Новоселковский» (если кто забыл, Лукьян Михайлович родился в деревне Новоселки, а его сыновья частенько проводили там лето). Последние сомнения относительно авторства развеиваются после того, как одна из публикаций в ноябре того же года завершается автографом: «Ив. Сол. (Новоселковский)»^[68].

Столичная жизнь накладывает свой отпечаток: Иван Солоневич резко расширяет тематический спектр своей публицистики. Внешнеполитические коллизии и поистине мировые проблемы становятся главными информационными поводами корреспонденций студента-первокурсника.

Названия говорят сами за себя: «Европа и Балканы», «Польско-еврейская распря», «Drang nach Osten», «Балканский кризис», «Будущность еврейства», «Русская точка зрения»... В период с декабря 1912 года по март 1913-го публикации идут с максимальной частотой, по две-три в неделю. «Румыния и Австрия», «Ответ Порты», «Австро-русские отношения»,

«Скутари», «Новые вооружения», «Петербург и Адрианополь» — все эти статьи и очерки, вышедшие из-под пера Ивана Солоневича, дышат атмосферой первой и второй балканских войн, в них можно разглядеть и грозное предчувствие надвигающейся Мировой войны.

Весной 1913 года редакция «Северо-Западной Жизни» вновь меняет дислокацию. Номер от 27 февраля стал последним вышедшим в Гродно. С 9 марта газета стала выходить в Минске. Основная причина — прекращение издания «Минского Русского Слова», ежедневного органа Всероссийского союза националистов. Подписчикам «Слова» в качестве компенсации стала рассылаться «Северо-Западная Жизнь».

Гродненский период, несмотря на свою краткость, был ярким и запоминающимся. Неслучайно в энциклопедическом справочнике «Гродно», вышедшем в 1989 году в издательстве «Белорусская советская энциклопедия», газете посвящен небольшой, но вполне красноречивый очерк. В нем, естественно, сообщается, что «Северо-Западная Жизнь» относилась к «великодержавно-шовинистическому направлению». И, кроме того, выдается следующая информация:

«Газета получала гос. субсидию, была неофициальным правительственным органом в Белоруссии и Литве. Используя тактику идейно-политической мимикрии, ее руководители сначала подделывались под издателей национально-прогрессивного демократического направления. Газета отрицала этническую, национальную и культурную самостоятельность белорусского народа, признавая только его временные и незначительные этнографические особенности. Выступала за насильственную и «добровольную» русификацию белорусов. С целью общественно-политической дискредитации освободительного и культурно-

национального движения называла белорусов отсталым малокультурным «русским племенем». Делала попытки использовать авторитет русской классической литературы в шовинистических целях, вела нападки на критический реализм в литературе, музыке, изобразительном искусстве, на произведения Л. Толстого, Л. Андреева, К. Бальмонта. С реакционно-охранительских позиций критиковала символизм и футуризм. Выступала с нападками на гродненскую либерально-буржуазную газету «Наше утро»^[69].

По поводу субсидий мы уже отмечали, что имелись в виду личные средства П. А. Столыпина, а после его гибели, очевидно, помощь кого-то из петербургских националистов. О том, что из себя в действительности представляла газета «Наше Утро», также можно было узнать выше.

В общем и целом, из казенной советской характеристики легко вынести представление о том, что «Северо-Западная Жизнь» была подлинно-русской газетой, стоявшей накануне революции на страже Империи, Монархии и Православия.

В Минске редакции и контора вначале расположились в доме Мейерсона (№ 27) по Подгорной улице, а газета печаталась в электро-типографии А. Г. Данцига, которую арендовали Л. М. Солоневич и один из его ближайших сотрудников И. В. Терлецкий. Через год, после того, как была достигнута договоренность о печатании «Северо-Западной Жизни» в электро-типографии С. А. Некрасова (Захарьевская, 54), редакция разместилась по соседству с ней — в доме Минковского, располагавшемся по адресу: Богадельная, 38. Сегодня Богадельная носит название, данное ей при советской власти, — Комсомольская, и, как и век назад, является одной из центральных улиц Минска.

Итак, на календаре — образцово-показательный 1913-й, год трехсотлетия Дома Романовых, последний мирный год старой России. И — мирные развлечения. В том числе — продолжение полемики с еврейской и польской печатью. Теперь в качестве одного из главных ее субъектов становится другой бульварный листок — «Минская Газета-Копейка».

Подводя 1 января 1914-го итоги года минувшего, некто, скрывшийся под псевдонимом Армъ, отметил переезд «Северо-Западной Жизни» в Минск как одно из событий месяца марта. Шутливо-издевательская форма всемерно приветствовалась на страницах «Копейки»:

Все кошки вылезли на крышу...
И Солоневич вылез: — «Слышу!
Закрото «Слово»! Буду я
«Жизнь» издавать для вас, друзья!»
И издавать он стал сначала...
Но — правый стан вдруг поднял крик:
«Жизнь» вони той не издавала,
К которой Минск давно привык...
«Жизнь» — и приют для вырезвленья
Открыты в месяце одном...
(Полны глубокого значенья
Не только грезы и виденья,
Но все — что видим мы кругом!)[70]

Другим вполне мирным развлечением был, конечно, спорт. Далеко не все так серьезно относились к нему, как Иван Солоневич, который летом 1913 года навсегда вошел в историю... белорусского футбола.

Согласно наиболее авторитетному источнику — книге Д. Болдырева и А. Кострова «Футбол Белоруссии»^[71] — на территории современной Республики Беларусь начали играть в футбол благодаря

господину А. Либману. Он, известный в Киеве футболист, был переведен по службе в Гомельское отделение Орловского банка. Именно Либман приобщил к новой игре учащуюся молодежь, и к осени 1910 года образовалась «Первая гимназическая футбольная команда».

В 1913 году футбол пришел в Минск. В мае газеты поместили объявления о том, что «городские власти приняли решение относительно выделения участка земли для игры в футбол в Минске на Кошарской площади» (сейчас это территория между Красноармейской улицей и рекой Свислочь, где находится станкостроительный завод имени Кирова).

Наконец, в городе объявили: «29 июня, на Кошарской площади, в случае хорошей погоды, состоится ПЕРВОЕ футбольное состязание между студенческими командами «Олимп» и «Макоби». Публика уведомляется: начало игры — в 4 часа дня. До игры и в течение перерыва будет выступать Минский Оркестр Отдела пожарной охраны».

На следующий день после матча, 30 июня, появились репортажи:

«Вчера на футбольной площадке Кошарского поля при значительном стечении публики, которая разместилась на специально изготовленных скамейках, состоялся матч между командами «Олимп» и «Макоби». Результат 3:0 в пользу «Олимпа».

Судить матч любезно согласился г. Солоневич. По его свистку на площадку выбежали команды. Игроки «Олимпа» были в красных майках и синих трусах, а игроки «Макоби» в белых майках и черных трусах. На ногах игроков были гетры и специальная для игры обувь. Подброшенной вверх монетой были разыграны ворота и право первого удара по мячу»^[72].

Как видим, ни имени, ни инициалов в отрывке из газетной публикации не указано. Кто же из Солоневичей был арбитром первого футбольного матча в Минске? Лукьяну Михайловичу уже давно перевалило за 40, о его увлечении футболом и спортом вообще нигде и никаких данных не приводится. Да и положение редактора-издателя, наверное, в те годы не позволяло всерьез заниматься «мальчишескими играми».

Средний и младший сыновья, Всеволод и Борис, — еще гимназисты, причем учатся в той же Второй Виленской гимназии, где получал аттестат зрелости Иван. Подтверждение чему находим, например в местной спортивной печати. Так, в информации журнала «Спорт» о футбольной встрече между командами гимназии Катхе и Второй гимназии в составе последней (победившей, кстати, со счетом 2:0), находим двух Солоневичей. Один играл на позиции бека (защитника), другой — форвардом. Инициалы футболистов-гимназистов не приводятся, только фамилии, по обычаю того времени они различаются как Солоневич I и Солоневич II^[73]. Однако никаких сомнений быть не может — это Дик и Боб (Всеволод и Борис).

Так что обязанности рефери в том памятном минском матче, исполнял Ватик. То, что опыт судейства у него был, доказывает более поздняя публикация в минской «Копейке». В письме в редакцию рефери матча между командой города Ратомка и тем же «Олимпом» Иван Солоневич опровергает напечатанную газетой накануне информацию о том, что ратомчане проявили негостеприимство, есть минчанам не дали и на ночлег не пустили. «К просьбе ратомчан об опровержении присоединяется и команда «Олимп»», — заключает автор письма^[74].

Как говорится, вопрос исчерпан.

РУХНУЛИ В МИРОВУЮ ВОЙНУ

После всероссийских торжеств по случаю 300-летия Дома Романовых первым по общественному резонансу событием 1913 года был процесс по делу Бейлиса, который проходил с 24 сентября по 28 октября в Киевском суде.

Еще в марте 1911 года в Киеве был найден убитым двенадцатилетний мальчик Андрей Ющинский, тело которого было обескровлено в результате сорока семи колотых ран. «Кровавый навет» пал на евреев, точнее на одного из них — служащего кирпичного завода Менделя Бейлиса. Молва утверждала, что мальчика убили в целях использования его крови для ритуальных обрядов.

Следствие тянулось свыше двух лет, и только осенью 1913 года дело было доведено до суда...

Как пишет проф. С. С. Ольденбург, «правая печать, начиная с «Нового Времени», доказывала ритуальный характер убийства, и в помощь прокурору гражданскими истцами выступили член Гос. Думы Г. Г. Замысловский и известный московский адвокат А. С. Шмаков, автор ряда антисемитских исследований»^[75].

С этого места, что называется, — поподробнее. Ибо Алексей Семенович Шмаков (1852-1916), присяжный поверенный Московской судебной палаты, автор книг «Свобода и евреи», «Мировое тайное правительство» и прочих, был родным дядей Тамары Владимировны Воскресенской. В скором времени после окончания дела Бейлиса она стала супругой Ивана Лукьяновича Солоневича, который дает такую информацию о ее жизни до замужества:

«Тамара Владимировна окончила в 1911 году казачий институт благородных девиц в Новочеркасске

— с высшей наградой — с золотым шифром. Новочеркасск, в числе прочих, весьма немногочисленных, своих достопримечательностей, имел и такую: во всем городе жил один-единственный еврей, да и тот крещеный: в эти места въезд евреям был воспрещен категорически. Отец Т. В. был членом комиссии по проведению русско-японской границы на о-ве Сахалине, и свои каникулы Т. В. проводила у своего дяди — ген. А. Сташевского в Казани, где евреев тоже не было. Другой дядя Т. В. — московский присяжный поверенный А. С. Шмаков был основоположником русского антисемитизма. Его перу принадлежало несколько многотомных трудов по еврейскому вопросу. На эти темы он вел переписку со своей племянницей, но я весьма сомневаюсь в том, чтобы на «девушку в осьмнадцать лет» тяжеловесные рассуждения А. С. Шмакова — со ссылками на арамейские тексты и с цитатами из Кремье — могли бы произвести какое бы то ни было впечатление.

Впечатление пришло с другой стороны. После окончания высших женских курсов в Петербурге Т. В. попала преподавательницей французского языка в минскую женскую гимназию. Минск несколько не был похож ни на Новочеркасск, ни на Казань. Евреи там составляли около 70 % населения — влиятельного и захватившего в свои руки если и не совсем власть, то во всяком случае деньги. Попав в это окружение, Тамара Владимировна вспомнила и арамейские тексты, и цитаты из Кремье. Во всяком случае — мы с ней познакомились на еврейской почве: я в те годы издавал антисемитскую газету «Северо-Западная Жизнь». Тамара Владимировна давала в эту газету статьи — с цитатами из... А. С. Шмакова»^[76].

Было это как раз осенью 1913 года — во время процесса Бейлиса. Вновь, как и в 1911 году после

убийства Столыпина Ивану Солоневичу пришлось с револьвером в руках отстаивать типографию от толпы евреев, собравшейся для того, чтобы погромить черносотенцев.

«Вероятно, — иронизирует Иван Лукьянович, — при этих обстоятельствах я фигурировал в достаточно героической позе. Во всяком случае — для нас лично дело Бейлиса кончилось браком»^[77].

О своем общении (неизвестно, устном или письменном) с дядей жены Солоневич вспоминал так:

«По еврейскому вопросу А. С. Шмаков натаскивал и меня. Именно под его влиянием я перечитал и «Еврейскую энциклопедию», и Дубнова, и Жаботинского и Герцля и издания «всемирного еврейского союза», и многое другое — для того, чтобы в конечном счете прийти к непреклонному убеждению, что все три пуда шмаковских писаний есть совершеннейший вздор. То ли мономания, то ли просто мания. Еврейство играет и в политике и мире очень большую роль, но играет не оно одно, и даже и оно не всегда одинаковую роль»^[78].

Впрочем, к подобному заключению наш герой пришел, наверное, все-таки позже, а, например, в 1915 году на страницах «Северо-Западной Жизни» он — очевидно, все-таки под воздействием Шмакова — опубликовал «Записки антисемита»^[79].

Нескольких слов заслуживает и другой дядя Тамары Владимировны — Арсений Дмитриевич Сташевский (1851-1916), генерал-лейтенант, участник Хивинского похода 1873 года и Кокандской экспедиции 1875-1880 гг., командующий Оренбургской казачьей конно-артиллерийской бригады, затем командир 3-й запасной артиллерийской бригады, начальник артиллерийского 11-го армейского корпуса. В 1914-1916 гг. — военный губернатор Приморской области и наказной атаман Уссурийского казачьего войска.

Безусловно, необходимо добавить, что Тамара Владимировна родилась 11 января 1894 года в Одессе, в семье потомственных дворян. Институт, который она кончила в Новочеркасске, именовался Донским, а женская гимназия в Минске, где она преподавала — Мариинской.

Нил Никандров ошибочно указывает, что свадьба состоялась осенью 1913 года^[80]. На самом деле — в 1914 году. Об этом прямо говорит документ из Политического архива Германского министерства иностранных дел (ответ международного отдела Гестапо от 17 февраля 1938 года на запрос Болгарской политической полиции)^[81].

Точная дата венчания Ивана Солоневича и Тамары Воскресенской, впрочем, не известна. Можно очертить только временную границу — не позднее августа 1914 года. Ведь запрос из университета о том, «какими формальностями обставлено получение разрешения на вступление в брак» студента И. Л. Солоневича датирован 8 августа 1914-го^[82]. Относительно университетского запроса необходимы комментарии. Дело в том, что согласно действовавшим тогда правилам студент, собравшийся жениться, обязан был просить на то разрешения ректора учебного заведения. Иван Солоневич, судя по всему, от соблюдения формальностей уклонился. По крайней мере, кроме запроса, никаких иных бумаг касательно женитьбы в его студенческом деле не обнаружено, поэтому очевидно, что и наказания студент избежал.

Наиболее вероятное время бракосочетания — середина весны 1914 года. Хотя бы потому, что весна — время влюбленных, это каждому известно. Если же говорить серьезно, то знаменательное событие должно было случиться после праздника Св. Пасхи, которая в 1914 году приходилась на 6 апреля. Светлая неделя

закончилась, соответственно, 13-го числа — а раньше, согласно церковному уставу, просто не могли обвенчать. Другой вариант — свадьба состоялась в период между Крещением и началом Великого поста. Но предположение о том, что это было все-таки весной опирается еще и на традицию — после Пасхальной недели на Руси по давнему обычаю начинался период весенних свадеб.

Кроме того, нужно же как-то объяснить нижеследующий пассаж Солоневича:

«Летом 1914 года, за несколько месяцев до Первой Мировой войны, я попал в Париж, и как всякий празднующийся турист, попер, конечно, и в Пантеон. Гробница Наполеона произвела истинно романтическое впечатление: вот здесь лежит «слава прекрасной Франции». На ум приходили: Аркольский мост, Аустерлиц, стихи Гейне:

*...То он над могилами едет
Знамена победно шумят...*

*Из гроба тогда, Император,
Восстанет твой верный солдат...*

и вообще всякие такие «мысли о величии» и о «пире богов»...»^[83]

Иван Лукьянович, без сомнений, был мастер задавать загадки. Общепринято, что «несколько», и уж тем более, если речь идет о чем-то продолжительном (месяцах), это больше двух. Первая Мировая началась в конце июля 1914-го. Значит, и «летом», и «за несколько месяцев» просто невозможно.

Отсюда предположение: рабы Божии Иоанн и Тамара обвенчались в конце апреля — начале мая, после чего отправились в свадебное путешествие, во Францию. Кстати, в одной из автобиографий-анкет советского периода Тамара Владимировна написала: «В 1913 и 1914 годах, будучи учительницей, ездила

пополнять образование на летние курсы в Париже» (цитирую по книге Никандрова)^[84].

Любопытно, что новоиспеченный супруг во время этой поездки выкраивал время и для спортивных подвигов. Но — все-таки медовый месяц! — не преуспел.

«В Париже, в 1914 году, — вспоминал он, — мне устроили матч с Карпантье — тогдашним чемпионом мира по боксу. Во мне было семь пудов мускулов, я пробегал стометровку за 12 секунд, я был нокаутирован на первом раунде, по свидетельским показаниям, пролежал без сознания 15 минут»^[85].

Короткая ремарка: в действительности, Жорж Карпантье (1894-1975) выиграл мировое первенство позже, в 1920 году, а в 1914-м носил неофициальный титул чемпиона мира среди белых (был и такой, как говорят сейчас, расистский титул).

Жанр летописи, увы, в современной литературе практически не встречается, он кажется читающей публике слишком скучным. Да и появившись кто-то, претендующий на звание летописца, его тут же обвинят в тенденциозном подборе фактов. Средневековое сознание не было столь лоскутным, как у наших современников. Для оценки событий использовалась одна универсальная шкала — Христовы заповеди. Автор мог обходиться совсем без комментариев, ибо трактовка событий была однозначна, ему оставалось только придерживаться хронологии.

Ныне такой подход невозможен: попросту никто ничего не поймет, или точнее, каждый станет разуместь по-своему. А посему, пытаюсь в целом придерживаться принципа последовательного изложения, иногда — ради этих самых комментариев — приходится то

забегать на год-другой вперед, то возвращаться обратно.

На сей раз возвращаемся в 1913 год, когда Аркадий Александрович (фамилия, а не отчество), служащий банковской конторы, неоднократный чемпион Петербурга и Российской Империи среди гиревиков полутяжелого веса, основал минское отделение спортивного общества «Санитас» (в переводе с латыни — «Здоровье»)^[86]. Иван Солоневич, а немного позже и его братья Всеволод и Борис занимались в этом обществе. Иван, по некоторым данным, был учеником Александровича. По крайней мере, в феврале 1914 года на Первенство России в Ригу они поехали вместе. И оба отличились.

Первенство проходило с 14 по 16 февраля. Через два дня после его окончания «Северо-Западная Жизнь» с гордостью писала:

«Как мы уже сообщали, на розыгрыш всероссийского первенства 1914 г. по тяжелой атлетике из Минска выехали в Ригу два члена минского атлетического о-ва Sanitas И. Л. Солоневич и А. В. Александрович.

Оба выступали в поднимании гирь. Первый занял 2-ое место в тяжелом весе и пытался побить мировой рекорд в выжимании правой рукой, поставленный в 1904 г. известным атлетом А. Елисеевым, но не дождал семи фунтов. А. Александрович занял первое место в группе среднего веса»^[87].

Из спортивных журналов того времени узнаем подробности.

«Неожиданно и очень приятно поразил своим выступлением многообещающий ученик Александровича из минского отделения об-ва Санитас Солоневич, — сообщал журнал «К Спорту». — Выступая в тяжелом весе, он смог остаться на втором месте,

отодвинув, правда, с очень небольшим преимуществом на третье — москвича Лескиновица. Это тем более замечательно, что в тяжелой атлетике Солоневич в полном смысле слова — новичок и публично в состязании участвовал впервые. В его работе совершенно не замечалось знания темпа, но удивила огромная сила, исключительно благодаря которой он и показал свои исполнения»^[88].

«Второй приз получил многообещающий атлет Солоневич («Санитас», Минск), выжавший двумя 230 фунтов без малейшего отгиба и толкнувший правой 198 фунтов. Вне программы Солоневич выжал правой 120 фунтов, рекорд внушительный, недоступный даже для Краузе», — констатировал «Русский Спорт»^[89].

Петербургский «Геркулес» опубликовал даже таблицу выступлений всех участников с сопроводительным текстом^[90]. В Первенстве состязались 15 атлетов, больше половины из которых представляли Ригу, по двое — Санкт-Петербург и Минск и по одному — Москву и Либаву.

Солоневич выступал в тяжелом весе — свыше 201 ½ фунта, или 82,5 кг. Его результаты, благодаря «Геркулесу», мы знаем полностью. Обеими руками: толчок — 280 фунтов, жим — 230, рывок — 210. Одной рукой: толчок — 198, рывок — 150. Общая сумма — 1068 фунтов.

Представитель Москвы, известный тяжелоатлет Иван Лескинович уступил Солоневичу совсем немного, всего 4 фунта. Член Рижского атлетического общества Ян Краузе был недотягиваем, его общая сумма — 1244. Достаточно сказать, что в толчке одной рукой он установил новый мировой рекорд, не единственный в своей, увы, недолгой спортивной карьере. В 1920 году Краузе умер от тифа в возрасте 27-ми лет.

Иван не ограничивался личными достижениями и по-прежнему вел организационную спортивную работу. При его ближайшем участии в 1914 году в Минске было создано «Второе общество «Сокол»». В отличие от «Сокола» первого, это было русское гимнастическое общество. Как писала местная печать, «Русский «Сокол» в противовес существующему будет принимать в члены общества только православных лиц»^[91]. Учредителями выступили члены Минского отдела Всероссийского национального союза и православных братств^[92].

Вызванный атлетическими подвигами перерыв в газетной деятельности Иван завершает в начале апреля 1914-го. Выступает он вновь со статьями на внешнеполитические темы: «Вооружение наций» и «Мексика и Штаты». Одновременно, судя по всему, без особого напряжения, он выигрывает первенство Минска по борьбе и становится вице-чемпионом (второе место, первое — опять же у Александровича) по «поднятию тяжестей»^[93]. Забавно, но после рижского триумфа столичная спортивная печать, сообщая об этих фактах, величает Солоневича уже не «многообещающим атлетом», а «старым спортсменом-минчанином».

До поры до времени внутрибелорусская полемика всерьез касается только Лукьяна Михайловича. Отбиваясь от наскоков еврейской и польской печати, он не забывает и о доморощенных социалистах. Легальным органом этой политической группы с 1906 года была «Наша Нива», которая ныне почитается в Беларуси основоположницей подлинно национальной печати. Очевидно потому, что выходила она на белорусском языке и социализм проповедовала этакого патриотического толка. Получилась вполне гремучая смесь, на практике реализованная позже в Германии, — национал-социализм.

Сторонники каждой разновидности социалистического учения, как утверждал Иван Солоневич, считают свою трактовку единственно правильной. Вот и «нашенивовцы» при Советах попали в разряд буржуазных уклонистов. А редактор газеты в 1914–15 гг. Янка Купала в Литературной энциклопедии 1931 года издания получил такую характеристику:

«...в дальнейшем <после 1913 года> Купала все больше приближается к национал-либеральной идеологии «нашенивства»; перевес в творчестве берет националистическая деревенская ограниченность; Купала противопоставляет крестьянина городу, белоруса — небелоруссу, идеализирует патриархально-феодалное прошлое Белорусско-литовской Руси времен «войска Всеслава», защищает «самобытность белорусского народа» и затушевывает классовую борьбу в Белоруссии. <...> Только в последнее время Купала приближается к советской действительности. Но в революции Купала видит лишь залог возрождения хозяйственной мощи крестьянина и национального возрождения Белоруссии, которая «заняла свой почетный паса́д между народами» <...> Выражая чаяния белорусского крестьянства на этапе буржуазно-демократической революции, творчество Купалы в период ⁷³⁴ пролетарской диктатуры в зависимости от ее этапов и степени обостренности классовой борьбы то выражает идеологию части мелкой буржуазии и городской национальной интеллигенции, которая принимает пролетарскую революцию, главным образом ее национально-освободительную роль, то отражает буржуазно-кулацкие националистические настроения»^[94].

Это уже впоследствии, после Второй Мировой, Купала, скончавшийся в 1942 году, стал «классиком»

белорусской советской литературы и был, что называется, политически реабилитирован.

Полемика между Солоневичем-старшим и Иваном Луцевичем (настоящая фамилия Купалы) оказалась не очень продолжительной. Наиболее ярким ее эпизодом стал ответ «Северо-Западной Жизни» на статью в «Нашей Ниве» под названием «А все ж таки мы живем!..», опубликованную весной 1914 года.

Иван Луцевич от скромности умирать не собирался и в качестве эпиграфа к передовице взял четверостишие... Янки Купалы, то есть свое собственное. Внимание Лукьяна Михайловича, однако, привлекло не это, а один пассаж из статьи:

«Старое, одряхлевшее, отжившее свой век идет прочь, на погибель, а новое, святое, радостное занимает свое почетное место и ведет народы и отдельных людей к доброму, вечному. Старые боги идут на слом, а новые вселяются в сердца человеческие. Так было от сотворения мира, так и теперь есть»^[95].

В № 129 своей газеты Л. М. Солоневич не удержался от колкости: «Читая эту галиматью, никак не разберешься, о чем, собственно, речь, каких новых богов выдумал «рэдактар-выдавец І. Луцэвіч».

Янка Купала был задет за живое. Да так, что пуще прежнего наворотил новой революционной галиматьи:

«Панам солоневичам все будет «галиматья», что только по-белорусски не напишется. Для перевертышей законы жизни и правда-справделивость в расчет не идут. Посмотрим дальше. Вот он цитирует другой отрывок из нашей статьи:

«И наше Отечество пережило и переживает то же самое... Просыпается самосознание народное, поднимает сторона наша свои очи к солнцу и расправляет свои могучие плечи».

И что ж за ответ на это выдумал п. Солоневич? Да просто по-«истинно-русски»:

«Что вы скажете на это, читатель? Разве не просится на уста ваши нецензурное ругательство?»

Важно сказано. За слова «поднимает сторона наша свои очи к солнцу» грозят нам паскудной лаянкой. Не будь губернаторских постановлений о хулиганстве и цензурного устава, то «нецензурных ругательств» «Сев. — Зап. жизнь», как видно, не пожалела б для своих читателей.

Далее п. Солоневич распинается, что белорусы от русских националистов, кроме одного добра, ничего хорошего и не имели и, как пример, приводит правление в нашем крае великого националиста Муравьева. Мы не будем спорить с «Северо-Западной жизнью» о Муравьеве — зачем тревожить покойника — мы только напомним живым, что когда Муравьев правил в Беларуси, тогда и помину еще не было о таких патентованных русских националистах, созданных по образу и подобию солоневичей, пуришкевичей, замысловских и тому подобных. Их, этих патентованных «валяй-патриотов», сотворили наши нынешние времена: беспросветная реакция, наступившая после светлых проблесков 1905 г. Об этих националистах, которые хотели б все чистое и светлое в России опоганить, запачкать и повернуть всю ее жизнь назад — в крепостничество, — мы и говорили в своей статье. И п. Солоневич прикидывается незнайкою (по-русски — «валяет дурака») и лжет, переворачивая нашу заветную думку на свой националистический лад. Успокойся, п. националист! Белорус хорошо сумеет разобрать, кто и как ему говорит и кто ему более родной и вечный, а кто чужой и временный. А что до «лганья», какое вы будто бы находите в «Н <ашей> н <иве>», то... оставляем этот интерес тем, кому за «лганье» хорошо платят, а мы и с бесплатной правдой как жили, так и будем жить.

Казенных подачек не искали мы и искать не собираемся»^[96].

Короче говоря, Купала, может, и большой поэт — дело вкуса — но публицист из него был все-таки никакой. Лукьян Солоневич на этот «поток сознания» даже, кажется, ничего и не ответил.

В июле началась Первая Мировая война. Однако это, теперь уже историческое, название пришло позже. В сознании подданных Русского Императора это была Великая война, а также — Вторая Отечественная.

Патриотический подъем был настолько велик, что даже космополитическая интеллигенция прониклась им поначалу чрезвычайно.

«Теперь дождались безработные — больших, торжественных работ. — Бодры и светлы лица потные, как в ясный урожайный год». Эти слова одной «декадентской» поэтессы метко определяют основное настроение интеллигенции в первые месяцы войны», — комментирует проф. С. С. Ольденбург^[97].

А вот как вспоминал о первых военных месяцах Иван Солоневич:

«Осенью 1914 года студенчество поперло в офицерские школы — добровольцами. Правительство старалось не пускать: весь мир предполагал, и Германия тоже, что война продлится месяцев шесть. Правительство дорожило каждой культурной силой. Народные учителя от воинской повинности были освобождены вообще. Студентов резали по состоянию здоровья: меня не приняли по близорукости»^[98].

Эта юношеская обида не оставляла его всю жизнь, в декабре 1951-го, за полтора года до кончины, он написал в одной из статей:

*«В качестве молодого человека, одаренного пятью процентами нормального зрения, я был систематически извергаем всеми приемочными комиссиями. **Кроме***

того, военная профессия, в том ее виде, в каком она сформировалась к началу Первой Мировой войны, никаких симпатий во мне не вызывала. Так что я действовал в качестве, так сказать, «вольного стрелка», — участвовал в боях под Гумбингеном, Сталупененом, Пилькаэленом и пр., и потом, в годы Гражданской войны, — под Нежиным, Межигорием, Каневом и еще в десятке мест. Сейчас, — много лет спустя, — я должен признаться: в Первую Мировую войну меня тянуло желание подраться, почти в его химически чистом виде»^[99].

Очевидно, что «вольным стрелком» Солоневич посещал передовые позиции по своей основной профессии — репортерской.

С началом Первой Мировой в жизни Ивана Лукьяновича связано два незабываемых события, и, поскольку мы не знаем, какое из них произошло раньше, располагаем их в том порядке, который больше бы соответствовал его убеждениям: сначала государственные интересы, потом — личные.

Так вот, 22 октября 1914 года Минск проездом посетил Государь Император Николай Второй. «Северо-Западная Жизнь» — конечно, постфактум — дала об этом соответствующий репортаж^[100]. Вполне вероятно, что его автором был Иван Солоневич. Более поздние воспоминания ничего общего с протокольным отчетом не имели:

«..это было в начале войны в Минске, через который Государь проезжал, направляясь в Ставку. Я в те времена не был совсем уже «в низах». Издавал газету «Северо-Западная Жизнь» и получил билет в собор, где в присутствии Государя служилась обедня. Обедня прошла не столь молитвенно, сколько торжественно, и после нее Государь прикладывался к иконам. Перед одной из них Он стал на колени — и на подметке Его

сапога я увидел крупную и совершенно ясно заметную заплату.

Заплата — совсем не вязалась с представлением о Русском Царе. Проходили годы, и она, оставаясь для меня неким символом, стала все-таки казаться плодом моего воображения. Только в прошлой году, в Софии, я в разговоре с о. Г. Шавельским, который хорошо знал Царскую Семью, вопросительно упомянул об этой заплате: была ли она возможна? Она оказалась возможной. О. Георгий рассказал мне несколько немного смешных и очень трогательных анекдотов о том, например, как Наследник донашивал платья своих старших сестер.

Эта заплата стала неким символом — символом большой личной скромности. И с другой стороны — большой личной трагедии. Царская Семья жила дружно и скромно: по терминологии тогдашних сумасшедших огарочно-санинских времен — это называлось мещанством»^[101].

В Минске Солоневич видел Государя во второй и последний раз в жизни. Первый был в 1913 году в Петербурге во время празднования 300-летия Дома Романовых — об этом мы расскажем в следующей главе, которая посвящена студенческой жизни нашего героя.

Другое свидание времен начала Великой войны — со своим тестем, которого Иван Лукьянович представляет довольно кратко: полковник В. И. Воскресенский, «начальник штаба какой-то дивизии». Впрочем, краткость с талантом родственники, и последующая характеристика тестя, написанная по итогам одной-единственной встречи-знакомства, это лишний раз подтверждает. Солоневич вспоминал:

«Это был человек исключительного остроумия и единственный по тем временам, который предсказал: война будет длиться не полгода и не год — а чорт его

знает, сколько времени, и кончится, чорт его знает, чем. Я, в числе очень многих людей того времени, отнесся к этому пророчеству весьма иронически»^[102].

К такому портрету-комплименту остается добавить только скудную информацию фактологического характера, извлеченную из военно-исторических справочников.

Владимир Иванович Воскресенский родился в 1867 году. Образование получил в Кишиневской классической гимназии. В 20-летнем возрасте «вступил в службу». Служил в 14-й артиллерийской бригаде. Выдержал офицерский экзамен при Михайловском артиллерийском училище. В 1890 — подпоручик, в 1894 — поручик, в 1897 — штабс-капитан. Окончил Николаевскую академию генштаба по первому разряду. В мае 1900 года произведен в чин капитана, в декабре 1904-го — подполковника, ровно через четыре года стал полковником. С 1909-го — начальник штаба 65-й пехотной резервной бригады, затем на той же должности в 51-й пехотной дивизии. С августа 1915 года в чине полковника занимал должность командующего бригадой Кавказской гренадерской дивизии. Командиром 15-го гренадерского Тифлисского полка за отличие представлен к награждению — и награжден Георгиевским оружием. Ранее получил следующие награды: ордена Св. Станислава 3-й ст. (1895); Св. Анны 3-й ст. (1902); Св. Станислава 2-й ст. (1907); Св. Анны 2-й ст. (1908); Св. Владимира 4-й ст. (1911). В октябре 1915-го произведен в генерал-майоры. В январе-мае 1917 года занимал пост начальника штаба 26-го армейского корпуса. В Гражданскую служил в Вооруженных Силах Юга России, с 3 марта 1919 года — в резерве чинов при штабе Главнокомандующего ВСЮР. Затем — в эмиграции^[103].

Так пишут современные исследователи. Солоневич же утверждал, что его тесть погиб под Сольдау^[104], то есть в 1914 или 1915 году.

Еще до официального начала Великой войны, 18 июля 1914 года, Иван Солоневич дает передовицу в «Северо-Западной Жизни» под красноречивым названием «Жребий брошен». Через месяц с небольшим, 24 августа, в газете началась публикация серии его очерков под общим заголовком «Дневник войны». Всего она включила в себя свыше 70 произведений, которые вкуче с примыкающими по содержанию статьями, корреспонденциями и заметками могли бы составить целый том — хронику первых двух лет Великой войны глазами современника. «Дневник» выходил два-три раза в неделю, иногда чаще, иногда реже, однажды перерыв составил больше месяца. Это, скорее всего, было вызвано отлучкой Ивана в Петроград.

Младшие братья тянулись за Ватиком, и вот в номере от 11 октября 1914 года находим такой материал: «В Августовских лесах (письмо гимназиста)». Он сопровождается вводным предложением Лукьяна Михайловича: «Редактор «Северо-Западной Жизни» получил от своих сыновей, гимназистов 8 и 6 классов Виленской 2 гимназии следующее письмо» — и далее собственно текст, повествующий о том, что они видели вблизи фронта. Шестнадцатилетний Боб 28 ноября еще раз отмечается в газете собственной корреспонденцией^[105].

К концу года газета воспринималась уже как семейное дело Солоневичей, в том и числе и недругами. Под огонь критики начинает попадать не только редактор-издатель, но и его старший сын Иван.

«Какой-то «Белорусс», — писала, к примеру, «Минская Газета-Копейка» — в нежном союзе с солидной фирмой «Л. Солоневич и Сын», на все лады склоняет «еврея» <...>

Под ручку с гг. Солоневичами — отцом и сыном (какая талантливая семья!) г. Белорусс будет шествовать триумфально и хлопать в ладоши при виде пышных всходов, которые дадут брошенные ими на благодарную почву ядовитые семена...

Но когда рассеется мрак, и свет любви и радости озарит нашу родину, — гг. Солоневичи и Белоруссы и с вами — все борзописцы, торгующие своими перьями оптом и в розницу, куда вы пойдете?

Не устыдитесь ли вы тогда?

А ведь время это придет»^[106].

Куда пошли Солоневичи после всех радостей революции — известно. Лукьян Михайлович сначала в лагерь, а потом под расстрел. Иван за попытку побега из СССР также попал в ГУЛАГ, и уже оттуда бежал в Финляндию. А вот, например, один из редакторов «Копейки» С. Левинсон в 1920-е годы работал в советском БелРОСТА — Белорусском бюро Российского телеграфного агентства.

Но мы опять забегаем далеко вперед. Осенью 1914-го учащаются нападки на отца и сына Солоневичей со стороны «Минской Газеты-Копейки». Лукьян Михайлович как объект травли к тому времени уже, видимо, поднадоел. В его адрес по инерции летят только давно затертые штампы вроде «издатель-гастролер», «субсидиеглотатель» и проч. Зато по принципу «кто на новенького?» все больше достается сыну. Даже строительство ледяного катка при содействии минской городской управы, то есть общественно-спортивная деятельность Ивана, вызывает

раздражение: дескать, не на этом ли катке заморожена совесть?^[107]

Некий «Макар Чудра» пишет целую одноактную пьесу «Лицедейство», где действующими лицами выступают Соленый-отец, Соленый-сын, Белорусс, Брехачек и Тень Шмакова. Описание персонажа, прототипом которого стал Иван Лукьянович, таково: «Немецкие бакены. Голова — футбольный мяч крупного калибра»^[108].

Дальше — больше. Вот уже и «Дневник войны» не дает покоя, и его автора именуют «новоявленным стратегом и тактиком, генералом-от-футбола»^[109]. А вот Ивана и вовсе отправляют в сумасшедший дом^[110]. И буквально через день печатают статью с провокационным названием «Мозги господ Солоневичей»^[111]. На такие мелочи, как заметка «Там, где играют в футбол» за подписью «Диаволо»^[112] уже перестаешь обращать внимания, тем более, что некоторые фельетоны в «Копейке» пишет «Сатана». Хоть этот самый «Диаволо» дал Солоневичу характеристику, безусловно заслуживающую того, чтоб ее воспроизвести: «Футболист-спортсмен — и военный стратег. Конькобежец и политик. Белорусс и жидоед. Словом, швец, жнец и на дуде игрец».

Иван Солоневич до поры до времени ограничивался лишь репликами по адресу оппонентов (эх, знали бы они, как разовьется его талант полемиста впоследствии!). Но однажды так припечатывает их своим памфлетом «Два сапога», что они в бессильной злобе бегут подавать в суд^[113]. Статья была опубликована 11 апреля 1915 года, через полтора месяца после того, как Иван Лукьянович официально стал именоваться издателем «Северо-Западной Жизни»^[114].

Для Лукьяна Михайловича все это было не в новинку. Как редактор и издатель он к тому времени прошел все круги ада — и штрафы, и конфискацию номера газеты, и, конечно же, судебные иски.

Существует прочно укрепившийся в массовом сознании миф, что от царской администрации и цензуры страдала только революционно настроенная печать. Ничего подобного: закон был одинаков для всех, и в последние годы существования Российской Империи правые и русские националистические издания подвергались властным «репрессиям», возможно, даже чаще, чем те, кто боролся против Веры, Царя и Отечества.

Вот краткая хроника событий такого рода только за два года и только в отношении одной провинциальной газеты, редактора-издателя которой по сей день белорусские националисты именуют подлым русификатором, продавшимся проклятым москалям.

Июль 1913 года. На редактора «Северо-Западной Жизни» Л. М. Солоневича наложен штраф в 200 руб. с заменой арестом на 6 недель за передовую статью в номере от 3 июля. Штраф заплачен не был, и г-н редактор заключен в губернскую тюрьму [\[115\]](#).

По распоряжению администрации конфискован номер «Северо-Западной Жизни» ввиду неправильного указания имени и отчества издателя газеты [\[116\]](#).

Штраф внесен, и Л. М. Солоневич освобожден из заключения. Деньги в канцелярию губернатора по телеграфу прислал генерал А. В. Жиркевич из Вильны [\[117\]](#).

Ноябрь 1913 года. Приговор окружного суда по делу «крестьянина Богородицкой волости, Гродненских уезда и губернии» Л. М. Солоневича: 2 месяца тюрьмы, поскольку допустил «опозорение в печати служебной деятельности» дисненского исправника Симановича,

«могущее повредить его чести, достоинству и доброму имени», а также «допустил ряд оскорбительных отзывов, заключающих в себе прямое злословие»^[118].

Февраль 1914 года. «Дело о дисненском исправнике» рассмотрено еще раз, в апелляционном порядке. Виленская судебная палата приговорила: приговор окружного суда оставить в силе^[119].

Сентябрь 1914 года. Издатель Солоневич оштрафован на 100 рублей «за неправильное указание в одном из номеров действительного издателя»^[120].

Лукиян Михайлович выступал ответчиком в виленском окружном суде по иску местного ксендза Леона Жебровского (обвинение в клевете) и был оправдан^[121].

Октябрь 1914 года. Временный редактор «Северо-Западной Жизни» И. В. Терлецкий за помещение заметки «Пьяные выборы» обвинен в злословии в печати и оштрафован на 5 рублей (либо — арест на один день)^[122].

Июнь 1915 года. Л. М. отбывает наказание при одном из полицейских участков Минска по тому же «делу исправника». По Всеподданейшему ходатайству Солоневича двухмесячное заключение в тюрьму заменено арестом на один месяц^[123].

Но эта печальная хроника не может, конечно, сравниться с настоящим горем, которое постигло Солоневичей 1 мая 1915 года: умерла Юлия Викентьевна. На следующий день в «Северо-Западной Жизни» появился некролог:

«Вчера в 10 часов утра после непродолжительной, но тяжелой болезни (воспаление легких) скончалась

Юлия Викентьевна

СОЛОНЕВИЧ

О чем муж и сыновья покойной с глубокою скорбию извещают родных и знакомых. Панихида на квартире (Петроградский пер. д. № 5 Ушилло) сегодня 2-го мая в 2 часа и в 8 часов. В воскресенье 3 мая в 1 час дня вынос тела в Церковь Слепых, а затем погребение на Переспенском кладбище»^[124].

NB: при советской власти Переспенское (или Сторожевское) кладбище было уничтожено, а на его месте действовал рынок.

Белорусский период жизни и творчества Ивана Лукьяновича Солоневича завершился в сентябре 1915 года, когда он перебрался на постоянно жительство в Петроград. За плечами остались почти 150 статей (если считать только те, что были подписаны хотя бы инициалами) в «Северо-Западной Жизни», а также неоценимый опыт журналистской и издательской работы. Годы становления публициста были отмечены полемическим задором, постепенным расширением жанровой палитры (от театральной рецензии до передовой статьи), оформлением имперских политических установок.

Мы лишь прикоснулись к творческому наследию нашего героя за этот период, и оно еще ждет своего исследователя. В современной России интерес к политической жизни окраин Империи, к сожалению, невелик. В независимой Беларуси официальное отношение к идеологии «западно-русизма», яркими представителями которой были отец и сын Солоневичи, однозначно-негативное — примерно такое же, как в СССР к работам К. П. Победоносцева или кого-то еще, кого нельзя «замолчать». Возможно, развитие интеграционных процессов на бывшем пространстве Российской Империи в скором времени подтолкнет

представителей гуманитарной науки к изучению опыта
«Северо-Западной Жизни».

ИМПЕРАТОРСКИЙ И СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

Напомним, что мы намеренно превратили хронологию нашего повествования в пунктирную линию, ведь в августе 1912 года Иван Солоневич обрел «двойное гражданство» в рамках единой и неделимой Империи. А именно: продолжая оставаться жителем Белоруссии (Северо-Западного края) он получил «временную прописку» в Санкт-Петербурге.

Как свидетельствует его студенческое дело, 18 сентября Иван Лукьянович был зачислен на юридический факультет Санкт-Петербургского Императорского университета. Первый столичный адрес нашего героя: Петербургская Сторона, Грязная улица, дом 4, квартира 29^[125]. Место, как можно догадаться по названию, не аристократическое. Сегодня эта улица носит имя русского ученого Яблочкова.

Студенческая книжка, из которой можно было бы узнать, какие курсы лекций и у кого прослушал Иван, в деле отсутствует. И мы вынуждены полагаться на автобиографические вкрапления, которые, по счастью, нередко встречаются в произведениях Солоневича, поскольку были составной частью его авторского стиля. Вот одно из них:

*«В мое время в 1912-1917 гг. филологический факультет Петербургского университета считался лучшим в мире. Юридический факультет начинал считаться лучшим в мире. На нашем юридическом факультете подвизался, однако, проф. И. Петражицкий — творец первой более или менее **русской** теории права, — психологической теории»^[126].*

Во всех изданиях книги «Народная Монархия», включая прижизненное (третья часть «Киев и Москва», откуда взята цитата, впервые вышла в свет незадолго до кончины И. Л. Солоневича), именно так и значится — «И. Петражицкий». За полвека никто из издателей так и не удосужился исправить опечатку, состоявшую в пропуске одной из составляющих инициалы букв.

Лев Иосифович Петражицкий (1867-1931) был профессором Санкт-Петербургского университета до 1918 года, одним из основателей психологической школы права. Эмигрировав в Польшу, преподавал в Варшавском университете.

Из других преподавателей на всю жизнь запомнился Солоневичу еще один профессор — Михаил Иванович Туган-Барановский (1865-1919).

*«Курс политической экономии я проходил под руководством профессора Туган-Барановского, крупнейшего политэконома России, — конечно, марксиста. По тем временам — 1912-1916 годы — я возлагал некоторую надежду на науку политической экономии. Наука в лице профессора Туган-Барановского возлагала некоторые надежды и на меня. Кажется, разочаровались обе стороны... Наука товарища Туган-Барановского проповедовала как раз те пятилетки, которые на нас всех и свалились. Так что если товарищ Сталин является политическим **убийцей**, то профессор Туган-Барановский и прочие иже с ним были подстрекателями к политическим убийствам. Это **абсолютно** ясно. Несколько менее ясен вопрос о смягчающих вину обстоятельствах: теперь я так же ясно вижу, что профессор Туган-Барановский и прочие иже с ним были просто глупы. И очень сильно содействовали также и моему собственному поглупению»^[127].*

Юридический факультет Петербургского университета, кроме всего прочего, был на первом месте по числу обучающихся. В 1916 году, например, на нем числилось 3,5 тысячи студентов, при том, что во всем университете их было немногим менее 6 тысяч. И Солоневич вовсе не ради красного словца говорил о том, что поступил на него ради «общего образования». Так делали многие, в том числе и более знаменитые люди, чем герой нашего повествования.

Среди выпускников факультета мы видим актеров и режиссеров, искусствоведов и политических деятелей (достаточно назвать Керенского и Ленина). Скорее всего, известных юристов вышло в свет намного меньше. Приведем список, далеко не полный, тех, кто подобно Ивану Лукьяновичу и в близкие с ним годы, учился на факультете не ради юридической практики:

писатель и драматург Леонид Андреев, художник Александр Бенуа, театральный антрепренер Сергей Дягилев, писатель Михаил Зощенко, актер и режиссер Соломон Михоэлс, художник и писатель Николай Рерих, композитор Игорь Стравинский, поэт Николай Гумилев, социолог Питирим Сорокин.

До революции немало было среди «законников» и тех, кто в дальнейшем избрал путь служения Церкви. Нельзя назвать единичными и случаи, когда после обучения на юрфаке выпускники заканчивали Духовную академию, а затем принимали монашеский постриг.

Как мы уже сказали, в университетском деле Ивана Солоневича нет студенческой книжки, но есть «Общая схема», позволяющая установить, что проучился студент Солоневич шесть семестров (с осени 1912 по весну 1915 г.), а 20 мая 1915 года «выбыл из университета за невнесение платежа»^[128].

Таким образом, сведения, повторяющиеся во множестве источников — «в 1916 году закончил

юридический факультет» — неверны категорически. По мнению Т. Д. Исмагуловой, как минимум, можно поставить под сомнение дату окончания университета: «Студент мог закончить университет без диплома, но имея — и это официальная формулировка — «восемь зачетных полугодий». У Солоневича, как видим, было только шесть, и зафиксировано только присутствие»^[129].

Но в университет он еще вернется, в 1917 году, так что вопрос о том, получил он высшее образование или нет, остается открытым. Теоретически, еще два необходимых полугодия можно было добрать весной и осенью 1917-го, ведь и после прихода к власти большевиков университет продолжал функционировать. И тогда слова Солоневича, написанные много позже в эмиграции, воспринимаются уже не так вызывающе:

«Я, более или менее, окончил Санкт-Петербургский Императорский и Социалистический университет. Я был больше чем невежественным: все кафедры и все профессора этого университета позаботились снабдить меня самым современным прицельным приспособлением, которое гарантировало промах на сто восемьдесят градусов. Если исключить гражданское право и сенатские разъяснения, что должно было в будущем гарантировать мне буржуазные гонорары на фоне пролетарской идеологии, то все остальное было или никому ненужной схоластикой, или совершенно заведомым враньем, которое должно было быть уголовно наказуемым во всяком добросовестно организованном обществе. Я собственными глазами зубрил профессорские труды и я теми же собственными глазами видел живую жизнь: труды и жизнь не совмещались никак. Мне говорили о революционном рабочем — я его не видел. Мне говорили об угнетенном

крестьянстве — я его тоже не видел. Мне говорили о голоде среди русского пролетариата, но с представителями этого пролетариата я ел хлеб и даже пил водку и никакого голода не видал. Перед самой революцией и пресса, и «общественность» вопили о голоде, а я, футболист Иван Солоневич, сидел у металлиста Тимофея Солоневича — водки у нас по поводу сухого режима не было вовсе, но и хлеб, и мясо, и сахар, и рыба были в изобилии. Председатель Государственной Думы Родзянко во главе целой группы общественных деятелей обращался к царю с паническим и устрашающим докладом о голоде в Москве — я был и в Москве и не видал никакого голода.
<...>

Я, более или менее, окончил Санкт-Петербургский Императорский и Социалистический университет и мое умственное состояние точнее всего можно определить термином: каша в голове. Мне преподавали «науку». О том, что все это ни с какой наукой ничего общего не имеет, я тогда еще не смел и догадываться: до умственного уровня Иванушки Дурачка я еще не дорос. Мой школьный мозг был переполнен призрачными знаниями, знаниями о вещах, которых не было в реальности. Мой внешкольный мозг был снабжен рядом жизненных впечатлений, никак не переработанных и никак не систематизированных, и все они казались мне «наивным реализмом», как солнце, которое вертится вокруг земли и вокруг меня. Потом пришла революция, с ее практической проверкой отношения «теории науки» к наивному реализму. Реализм оказывался прав. Моя юриспруденция оказалась ни к чему: сенатские разъяснения были аннулированы, а гражданские законы были заменены ВЧК-ОГПУ. Мои специальные познания в торговом праве были неприменимы ни к теории, ни к практике мешочничества»^[130].

Императорский и вместе с тем Социалистический — у современного читателя такое не укладывается в голове. Возможно, список преподавателей, профессоров, приват-доцентов и просто университетского начальства поможет расставить все по местам. Пока, со слов Солоневича, мы назвали только двоих — Петражицкого и Туган-Барановского. Попытка реконструкции дает следующий, далеко не однозначный, пантеон-мартиролог.

Владимир Николаевич Бенешевич (1874-1938) — доктор юридических наук, профессор кафедры церковного права. С 1925 года член-корреспондент Академии наук СССР, репрессирован, реабилитирован посмертно.

Адольф Христианович Гольмстен (1848-1920) — в 1899-1903 гг. ректор Университета, в 1912-м избран деканом юридического факультета, по состоянию здоровья пробыл в этой должности недолго. До конца своих дней оставался в числе преподавателей Петроградского Университета.

Александр Михайлович Горовцев (1878-1933) — приват-доцент по кафедре международного права в 1912-1918 гг., затем профессор юридического факультета Пермского университета. Эмигрант с 1920-х годов, жил в Париже.

Эрвин (Александр) Давыдович Гримм (1870-1940) — общественно-политический деятель, историк, журналист, ректор Университета (1911-1918), с 1920-го эмигрант, участник сменовеховского движения. В 1923 году вернулся в Москву, работал в Институте востоковедения, служил в Народном комиссариате иностранных дел, в конце 1930-х арестован, погиб в заключении.

Александр Александрович Жижиленко (1873 — после 1930) — экстраординарный профессор кафедры уголовного права, декан юридического факультета в

1911 году. Указом Временного Правительства был назначен Начальником Главного Тюремного Управления в марте 1917-го. Член Комиссии по разработке первого советского Уголовного Кодекса, который вступил в действие с 1 июня 1922 года.

Юрий Петрович Новицкий (1882-1922) — с 1913 года доцент, затем профессор кафедры уголовного права Петроградского Университета. После революции профессор Педагогического института дошкольного образования, организатор и ученый секретарь Петроградского Педагогического института социального воспитания и дефективного ребенка, член Совета Петроградского Богословского института, председатель правления Общества объединенных Петроградских православных приходов.

Александр Александрович Пиленко (1873-1948) — доктор юридических наук, ординарный профессор кафедры международного права. Член Государственного совета, гласный Петербургской городской думы, сотрудник газеты «Новое Время». После революции — в эмиграции.

Михаил Андреевич Рейснер (1868-1928) — правовед, социальный психолог и историк. С 1903 года — в эмиграции, где увлекся марксизмом. В 1907 году вернулся в Россию. Приват-доцент Петербургского университета и профессор Высших женских курсов и юридического факультета Психоневрологического института. В 1915-1916 гг. (совместно с дочерью Ларисой, «валькирией революции») издавал журнал «Рудин». После октябрьского переворота 1917 года развивал идею «пролетарского интуитивного права» в виде «революционного правосознания». Автор текста декрета об отделении церкви от государства. Участвовал в разработке первой конституции РСФСР.

Николай Николаевич Розин (1871-1920) — ординарный профессор кафедры уголовного права с

1912 года, секретарь юридического факультета, заведующий кабинетом и музеем уголовного права Университета. С июня 1916 года был избран деканом юридического факультета на 4 года (уволился в марте 1917 г., затем в октябре 1917 был вновь утвержден на эту должность). Указом Временного Правительства назначен сенатором уголовно-кассационного департамента Правительствующего Сената с мая 1917 года.

Всеволод Аристархович Удинцев (1865-1930) — выдающийся русский цивилист и коммерциалист, то есть специалист по гражданскому и коммерческому праву. В 1913-1916 гг. — декан юридического факультета.

Наверное, Солоневич для того, чтобы утверждать, что его поколение «обучали по преимуществу марксизму», имел некоторые основания. Но не обошлось и без известной доли преувеличения.

Только два примера. Мы не знаем, пересекались ли пути И. Л. Солоневича и упомянутого в нашем списке Ю. П. Новицкого, который никаким марксизмом не увлекался. Мученик Юрий (Георгий) был убит большевиками в 1922 году вместе со священномучеником Вениамином Петроградским, и канонизированы они тоже вместе.

Профессор А. А. Пиленко, хоть и стал после Второй Мировой войны в эмиграции активным участником движения за возвращение в СССР, а до этого, по некоторым данным, был масоном, все-таки симпатий к «передовому учению» также никогда не высказывал, до революции служил в консервативном «Новом Времени», в Гражданскую редактировал белую газету.

В университете Иван Солоневич не оставляет, конечно, своих спортивных занятий, более того — опять проявляет лидерские качества:

«Осенью 1912 года я поступил в Петербургский университет. В числе делегатов от спортивного студенчества я попал на прием к ректору университета профессору Гримму: мы просили отвести нам какой-нибудь угол для спортивного кружка. Гримм довольно, впрочем, вежливо выгнал нас вон: университет не создан для подготовки цирковых силачей. Так ни в громадном здании университета, ни в его бюджете для нас не нашлось ни места, ни денег. Мы обошлись без профессора Гримма»^[131].

Речь идет об Эрвине Давыдовиче Гримме, который выше упомянут в нашем списке. Дело в том, что в Петербургском университете были свои братья Гримм: старший, Давыд Давыдович (1864-1941), тоже был ректором — в 1910-1911 годах — и как бы передал эту должность по наследству младшему брату.

«Ни одним видом спорта, кроме футбола, — вспоминал Солоневич, — я никогда не занимался всерьез. В футбол играл фанатически и скверно. Некоторые мои достижения в футбольной области объяснялись просто тем, что решительно никому не было никакой охоты сталкиваться с семипудовой глыбой, мотающейся со скоростью восьми метров в секунду. Однако и тут были «достижения»: я как-то сыграл три матча подряд: был центром полузащиты во второй команде университета. Пришел до начала встречи третьих команд. В нашей третьей кто-то не пришел, я сыграл за него. Потом играл сам за себя во второй команде. Потом не оказалось центра полузащиты в первой команде: как мог я отказаться от столь лестного предложения? Я сыграл и третий раз. И — ничего»^[132].

Студенчество тех лет, как вполне обоснованно предполагает большинство наших читателей, было в массе своей революционным. Провинциал Иван

Солоневич, по идее, вполне мог примкнуть к своим «передовым» сверстникам — несмотря на все семейное воспитание, мало ли таких примеров. Много лет спустя он категорически утверждал: не мог!

*«Я много, очень много раз задавал себе вопрос: отчего я, выходец из нищей крестьянской семьи — из самой нищей из всех областей России, никогда не соблазнялся ни революцией, ни социализмом? Для этого были все социальные предпосылки <...> Я вижу только одно объяснение тому отращению к социализму и к революции, на котором осталось все-таки подавляющее большинство русской молодежи: физическое здоровье. И, собственно, больше ничего. От словоблудия и рукоблудия мы отталкивались чисто инстинктивно. Было просто **противно**. Были отталкивающе противны: и стриженные курсистки революции, и ее длинноволосые студенты, их изуверство и их высокомерие <...> были органически противны их узкие бедра и узкие плечи, и узкие лбы, и узкие мысли. Но в совершенно такой же степени **мы** были противны **им** — вот почему примириться невозможно **никогда**»^[133].*

Итак, дилемма получалась довольно странная, непостижимая никакой гуманитарной наукой: или — спорт, или — революция. На самом же деле, борьба шла между здоровьем и болезнью, в том числе и в социально-политическом смысле.

«Те юноши, которых я лично знал до 1917 года, были как-то странно бесплотны и бессовестны. Они не пили водку, не играли в футбол, не вздыхали по девушкам и не дружили с юношами. Их связи с ближними имели чисто партийный характер. Люди их фракции, даже не партии, а только фракции, были «товарищами» — не друзьями, а только товарищами. Все остальное человечество делилось на два неравных лагеря: в одном находилось великое несознательное

стадо всего человечества, в другом — конкуренты, пытающиеся загнать это стадо в свой идейный корраль. К стаду принадлежал и я»^[134].

Николай Васильевич Крыленко (1885–1938), советский нарком юстиции, вряд ли относился к числу длинноволосых студентов, а вот в его фракционно-партийной сущности сомневаться не приходится. Закончив с отличием историко-филологический факультет, будущий первый главком Красной армии, член ЦК и ЦИК, поступает в 1912 году (то есть вместе с Солоневичем) вторично — на юридический. «Выдающийся государственный деятель» уже в декабре 1913-го подвергается аресту и высылается из столицы. Он, согласно официальной биографии, едет в Харьков, где участвует в подготовке VI съезда РСДРП (б). Здесь на юридическом факультете он сдает экзамен по полному курсу наук, прослушанному в Петербургском университете, и опять получает диплом первой степени.

Был однокурсником Солоневича и еще один, менее видный, большевик — Михаил Кузьмич Ветошкин (1884–1958), вступивший в партию в двадцатилетнем возрасте, а после революции ставший первым советским правителем в Вологодской, а затем в Царицынской областях, ответственный секретарь бюджетной комиссии ЦИК СССР, на старости лет — профессор МГУ.

Прочие потенциальные соседи Ивана Лукьяновича по университетским аудиториям (юрфак был все-таки самым густонаселенным факультетом, и однокурсники могли и не пересекаться по учебе) оставили не такой значимый след в истории. Достойны упоминания живописец, сценограф и писатель М. Ф. Андреев, театральный режиссер Г. Э. Ферман, художник-график Н. Н. Купреянов. Дружбой на долгие годы связал

университет И. Л. Солоневича с журналистом Борисом Михайловичем Калининковым, который еще неоднократно появится на страницах нашей книги.

Еще двое его хороших знакомых сохранили свое инкогнито:

«Это было в дни Трехсотлетия Дома Романовых на Невском проспекте. Я был, так сказать, «в составе толпы», сквозь которую — без всякой охраны, но с большим трудом — пробивалась коляска Государя... Со мною рядом стояли два моих товарища по университету: один — левый эс-эр, другой — член польской социалистической партии. Над Невским гремело непрерывное «ура» — и оба моих товарища кричали тоже «ура» во всю силу своих молодых легких: обаяние Русского Царя перевесило партийные программы. Я не кричал «ура» — кажется, никогда не кричал в своей жизни. Я всматривался в лицо Этого Человека, на плечи которого «случайность рождения» возложила такую страшную ответственность за судьбы гигантской Империи. В Его жестах было что-то ощупывающее и осторожное: как будто Он боялся — привык уже бояться — что малейшая неосторожность может иметь необозримые последствия для судеб ста восьмидесяти миллионов людей... Вероятно, было и еще что-то, — чего я тогда не заметил: мысль о том, что из-за сплошной стены этих восторженных лиц может протянуться рука, вооруженная браунингом или бомбой.

Коляска протиснулась дальше. Крики толпы передвинулись по направлению к Адмиралтейству. Мой пэпээсовский приятель несколько конфузливо, как бы оправдываясь перед моей невысказанной иронией, сказал:

— А симпатичный все-таки бурш.

Почему он сказал «бурш» — я этого не знаю. Вероятно, не знает и он сам — нужно же было что-то

сказать».[\[135\]](#)

Несколько обязательных пояснений. В первую очередь, в данном конкретном случае мы можем с документальной точностью установить дату описываемых событий — 21 февраля 1913 года. Именно в этот день в Петербурге праздновали 300-летие царствования Дома Романовых. Можно назвать даже время: в 12 часов 15 минут Императорская Семья выехала из Зимнего Дворца к Казанскому собору. Государь с Наследником ехали в коляске, Государыня с Вдовствующей Императрицей — в русской карете, а Царевны — в ландо. Телохранителей, в современном понимании, действительно, не было. Но и слова «без всякой охраны» следует признать поэтическим преувеличением мемуариста. Царский выезд сопровождался двумя сотнями Конвоя, одна сотня располагалась впереди, другая — позади.

В соборе был прочитан праздничный манифест и отслужен торжественный молебен, после чего, как записал в дневнике Император Николай Второй, Члены Императорской Фамилии «вернулись в Зимний тем же порядком в 1 ½ <дня>»[\[136\]](#).

Солоневич со своими университетскими приятелями, судя по направлению движения в сторону Адмиралтейства, видели Царскую коляску, уже возвращавшуюся из собора во дворец.

«Буршами» же в Германии называли студентов, так что в устах польского социалиста это была и впрямь неожиданная похвала: он признал Русского Императора, что называется, за своего.

У пристрастного наблюдателя по прочтении предыдущих глав мог сложиться слегка заштампованный образ молодого Солоневича: монархист, шовинист, черносотенец и антисемит. При

желании любую фотографию нетрудно окрасить в соответствующие собственному восприятию тона. Немного забегаая вперед, скажем, что в дальнейшем наше повествование способно вызвать у таких людей еще одно желание — повесить на Ивана Лукьяновича ярлык с надписью «фашист» или даже — «пособник немецких оккупантов». Есть, увы, такой сорт читателей: они считают себя обладателями монополии на истину, все знают и при этом находятся в постоянном поиске новых подтверждений своей точки зрения. Предупреждаем заранее: с Солоневичем этот номер не пройдет. Он не вписывается ни в политологические схемы, ни в философские системы, ни даже в рамки так называемых общепризнанных фактов. Более того: этим он и интересен.

Что касается, например, антисемитизма, то достаточно одного признания нашего героя о том, что в его жизни было три настоящих друга: один русский, один поляк и один еврей. Тех, кто не понял, придется отослать к довольно известной книге В. В. Шульгина «Что нам в них не нравится». Если принять классификацию автора, то Солоневича (причем с великим множеством оговорок) следует отнести к сторонникам того типа антисемитизма, который назван рассудочным, или политическим, и которому посвящена большая часть книги [\[137\]](#). Говоря схематически, этот тип противодействует еврейству в том случае, когда интересы и деятельность последнего противоречат интересам России.

Шовинизма же вообще ничуть не бывало: любовь к своему народу совсем необязательно означает ненависть к другому или желание его унижить. В качестве доказательства — воспоминания Солоневича об университетских годах:

*«Неизвестные мне преимущества филологического факультета привлекли к нему американских студентов и студенток. В их числе были и индейцы. Настоящие. О их научных успехах я не информирован никак. Но они принимали участие в нашей спортивной жизни, и я тогда никак не мог сообразить, — что именно их так привлекает к «русской демократии». <...> Петербург был, конечно, интернациональным городом. Но даже и в Петербурге все-таки сказывалось «русское влияние». Оно, в частности, заключалось в том, что если бы какая бы то ни было семья, группа, кружок и пр. — попробовали как бы то ни было задеть национальное достоинство финна или индейца, поляка или татарина, — то это было бы **общественным** скандалом. И единственным исключением было гимнастическое общество «Сокол». Но и «Сокол» был тоже обезьянством: чешские провинциальные масштабы мы пытались перенести на русскую имперскую почву: в соколы принимали, видите ли, только славян. В том числе, правда, и татар. Но не принимали ни немцев, ни евреев. По тем временам я измерял достоинство людей по объему их мускулатуры. Но я никак не мог примириться с измерением человеческого достоинства по принципу национальной принадлежности»^[138].*

Последовательность изложения событий приводит нас к маю 1915 года, когда, выбыв из университета «за невнесение платежей», наш герой должен был сразу попасть прямо на фронт. Но этого по каким-то причинам не произошло. Скорее всего, сказала не только кочевая жизнь между Петроградом и Минском, но и сохранившиеся в архивах призывных комиссий врачебные заключения о состоянии здоровья студента Солоневича. И только в августе 1916 года, когда под рекрутский набор шли уже, по современной

формулировке, и «ограниченно годные», Иван стал рядовым запасного полка.

Университет, впрочем, получил запрос о местонахождении бывшего студента Солоневича раньше. Благодаря этому нам известны еще два его петроградских адреса: Невский пр., 57 (там, рядом с Николаевским вокзалом, располагались меблированные комнаты — род гостиницы) и Московский пр., 1 [\[139\]](#).

ПОЛИТИЧЕСКИЙ РЕПОРТЕР КРУПНЕЙШЕЙ ГАЗЕТЫ РОССИИ

Окончанию белорусского периода жизни и творчества Ивана Солоневича и переезду на постоянное жительство в столицу Империи предшествовали следующие обстоятельства.

«Уже два дня не выходит газета «Северо-Западная Жизнь», — не без удовлетворения сообщила «Минская Газета-Копейка» 25 августа 1915 года. — О причинах своего невыхода редакция ничего не объявляла. В известных кругах это вызывает оживленные толки»^[140].

Через два дня тот же источник — объект продолжительной полемики — опубликовал информацию о возобновлении выхода газеты Солоневичей.

Однако уже 7 сентября оппоненты «Северо-Западной Жизни» завершают полемику вполне эффективным, на их взгляд, финалом. Заметка, озаглавленная «Бегство гг. Солоневичей», составлена в классическом для бульварной прессы стиле:

«Вчера в городе стало известно о позорном бегстве из Минска гг. Солоневичей отца и сына.

Получив в известном порядке крупную сумму, гг. Солоневичи, обещав удовлетворить сотрудников и наборщиков вознаграждением, которое им причиталось за прошлое время, ночью уехали из Минска, захватив с собой наиболее ценные вещи.

Для ликвидации оставшихся благоприобретенных машин и полученного в виде компенсации за «патриотические» услуги шрифта, оставили некую родственницу из их же редакционной семьи»^[141].

Объективная же картина выглядела следующим образом. Фронт подходил к Минску вплотную. Правительственные учреждения уже были эвакуированы в Петроград. Из минских периодических изданий продолжали выходить лишь те, что принадлежали владельцам типографий. И даже эти немногие испытывали явные трудности с элементарным обеспечением бумагой. Всего через две недели после отъезда «господ Солоневичей» передовые немецкие разъезды перерезали железнодорожную линию Минск-Москва в районе Смолевичей.

Кроме того, у И. Л. Солоневича имелись и более чем существенные личные обстоятельства для эвакуации: супруга Тамара Владимировна была на восьмом месяце беременности. Впоследствии Иван Лукьянович вспоминал:

«Потом все наши белорусские проблемы рухнули в мировую войну. Я очутился в Петербурге месяца за три до рождения Юры без денег и без перспектив (на самом деле, сын родился через полтора месяца — И. В.). <...> Я стал устраиваться в «Новом Времени». Это были голодные годы, когда я в мирное время спал на одеяле, постеленном на полу, и прикрывался своим единственным пальто — летним пальто. А. М. Ренников помог мне устроиться во внутреннем отделе на обзорах провинциальной печати. Я до сих пор не могу забыть того большого и дружеского участия, которое оказал мне А. М. Ренников, он тогда редактировал внутренний отдел. Но я хотел работать более всерьез. Редактор информационного отдела Ф. Ф. Борнгардт заявил мне, что он меня в этот отдел не пустит, — для такого заявления у него были основания. Я сказал, что я пройду. «Нет, не пройдете». — «Ну, посмотрим». Я сделал маленький трюк <...>. Изучил все слабые стороны нововременской информации, дал несколько важных заметок Борнгардту, он их не пустил. Две

соответствующие заметки дал в какую-то другую газету, а с рукописью третьей пошел прямо к М. А. Суворину, взяв с собою все предыдущие произведения. Борнгардт едва не вылетел из «Нового Времени» совсем, что нам не помешало впоследствии поддерживать самые дружеские отношения. Так я стал работать в «Новом Времени». И так я получил доступ к политическому быту и политической технике двух последних лет Императорской России»^[142].

В очередной раз прямую речь Солоневича необходимо снабдить небольшим именованным указателем. О М. А. Суворине, сыне основателя газеты, скажем ниже и подробнее, сначала — о двух других персонажах. Столь запомнившийся нашему герою Федор Федорович Борнгардт (1876–1938) происходил из обрусевших немцев и после революции остался жить в СССР, в 1937 году был арестован в Астрахани по обвинению в антисоветской агитации, получил 10 лет и летом следующего года скончался в Сталинградской тюрьме.

Ренников — это литературный псевдоним Алексея Митрофановича Селитренникова (1882–1957), нововременца с 1912 года, редактора отдела «Внутренние известия». После Гражданской войны Ренников — эмигрант, сотрудник парижской газеты «Возрождение», автор нескольких книг (очерки, рассказы, сатирические романы, пьесы).

Итак, бывший студент Иван Солоневич стал репортером «Нового Времени», здесь же обосновался и его отец. Чему подтверждением служит запись в Адресной и справочной книге «Весь Петроград на 1916 год»:

«Солоневич Лукьян Мих <айлович>. В <асильевский> О <остров> 9 л <иния, дом> 22. Сотр <удник> газ <еты> «Нов <ое> Вр <емя>»^[143].

Аналогичная запись об Иване Лукьяновиче (тот же адрес и то же место работы) появляется в адресной книге на 1917 год [\[144\]](#), где дублируются и сведения о Л. М. Солоневиче. Кстати сказать, 9-я линия дополняет географию проживания И. Л. в Петербурге-Петрограде: он не фигурирует в списке адресов, содержащихся в студенческом деле Солоневича и приведенных нами в предыдущей главе, и он, скорее всего, не для отписки. По крайней мере, наш герой упоминает в своих воспоминаниях об этом периоде своей жизни только в связи с Васильевским островом. «Отвратительный, типично петербургский «доходный дом», как он его называл, был, кстати, построен по проекту известного архитектора П. Ю. Сюзора.

Лев Рубанов называет и еще один адрес:

«В Петербурге, живя в студенческой компании на Вознесенском, часто ездил к Ване на Жуковскую <ул. Жуковского — И. В>, близ Эртелева переулка, где Ваня служил в «Новом Времени». На Жуковской у Вани я отдыхал от студенческой обстановки, так как Ваня имел квартиру в 3-4 комнаты, где его жена Тамара Владимировна, как гостеприимная хозяйка, угощала гостей чаем, после чего состоялся иногда преферанс. Их сын Юра тогда был годовалым, а может быть и нескольких месяцев...» [\[145\]](#).

Можно предположить, что переезд на Васильевский состоялся после того, как Лукьян Михайлович со своей второй семьей покинул Петроград, уехав на Кубань. До этого Иван, скорее всего, просто не хотел стеснять отца, с которым жили Борис и Всеволод, а также единокровный брат Евгений и мачеха. Боб заканчивал свое среднее образование в Восьмой гимназии — она располагалась неподалеку, в доме 8 по той же 9-й линии. Из выпускников этой гимназии прославились поэт Иннокентий Анненский, который в 1890-х был и ее

директором, и — гораздо ближе к описываемым событиям — Михаил Зощенко (выпускник 1913 года). Будущий советский писатель, между прочим, так переживал по поводу проваленного экзамена по русскому языку, что даже предпринял попытку самоубийства. Впрочем, после того как его откачали, переэкзаменовка прошла успешно. С нашими героями — братьями Солоневичами — ничего подобного случиться, конечно, не могло: другая порода. Борис, окончив гимназию, поступил в 1917 году Петроградский Политехнический институт имени Петра Великого, воплотив таким образом в жизнь мечту старшего брата Ивана. Еще раньше, в 1916 году это сделал средний брат Всеволод. Но пришли они в Политех разными путями. Дик перевелся со второго курса юридического факультета Императорского московского университета, а Боб поступил напрямую на физико-математический факультет университета Петроградского и на кораблестроительный в Политехнический. Понятно, что учиться в двух высших учебных заведениях одновременно было невозможно, и Борис выбрал Политех [\[146\]](#).

Душа горит на сотне вертелов,
лишь вспомню переулок Эртелев, —
так звучало не очень складное двестишестое, которым один молодой поэт постарался выразить свое негодование по поводу «реакционной» позиции газеты «Новое время». Редакция этого издания помещалась в доме № 6 по Эртелеву переулку (ныне улица Чехова), а типография — в домах №№ 11 и 13.

Советская историография классифицирует «Новое Время» как черносотенное издание, притом ведущее. Это неправда: у организаций черносотенцев, Союза Русского Народа и Союза Михаила Архангела, были свои

средства массовой информации. «Новое Время» можно было бы еще отнести к органу националистов — благодаря тому, что его ведущий публицист Михаил Осипович Меньшиков (1859–1918) состоял в Главном совете Всероссийского национального союза (как мы помним, в эту организацию еще в Вильне вступил и Л. М. Солоневич). Но и такой подход не оправдан. Детище А. С. Суворина было слишком серьезным коммерческим проектом, чтобы представлять интересы какой бы то ни было партии или даже движения. Что, конечно, никак не мешало вести работу в определенном политическом русле.

Вообще, позиции черносотенцев (или крайне правых) и националистов были близки, и принципиально различались лишь в одном:

«Союз русского народа, — пишет современный исследователь М. Б. Смолин, — был агрессивен и протонароден в большинстве своем, тогда как Всероссийский национальный союз появился <...> как союз не приемлющих октябристских («второсортные кадеты», как называл их Меньшиков) дальнейших радикальных конституционных вождедений и отодвигания национальных вопросов на второй план (для националистов было важно незамедлительное решение еврейского вопроса), а также не согласных с крайне правыми в их отношении к Государственной Думе и нежелании выставлять народность впереди Православия и Самодержавия. Для националистов и Православие, и Самодержавие вытекали из национальных особенностей, а не наоборот, как это считалось крайне правыми»^[147].

Новый, столичный, этап журналистской деятельности И. Л. Солоневича был не слишком продолжительным.

Среди постоянных авторов газеты предреволюционного периода — сплошь звучные имена: Александр Аркадьевич Столыпин, брат покойного премьер-министра; писатель Николай Александрович Энгельгардт; профессор Дмитрий Николаевич Вергун; статс-секретарь, тайный советник, член Государственного совета, сенатор Александр Петрович Никольский; писатель и публицист граф Лев Львович Толстой (сын великого писателя). И так далее — список этот можно было бы развернуть, без преувеличения, на две-три книжных страницы.

Уж как минимум нельзя не упомянуть о братьях Сувориных, продолживших дело великого отца. Накануне революции все трое были заметными величинами не только в среде издателей и журналистов, но и на общественном поприще. Старший из братьев, Михаил Алексеевич Суворин (1860–1931) был главным редактором «Нового Времени», редактором-издателем журнала «Лукоморье», издателем журналов «Русская Будущность» и «Русско-Британское Время», товарищем председателя совета Всероссийского общества редакторов ежедневных газет, председателем Петроградского Литературно-Художественного общества, председателем комитета по организации экспедиции к Северному полюсу, а также директором театра А. С. Суворина (и сегодня он известен как Малый театр).

Алексей Алексеевич Суворин (1862–1937), после того как несколько лет отработал ответственным секретарем «Нового Времени», практически отошел от дел «Товарищества А. С. Суворина», издавая «Маленькую газету». Его больше занимало писательство и разработка собственной методики лечебного голодания.

Перечень должностей младшего из братьев, между прочим, любимца А. П. Чехова — Бориса Алексеевича

Суворина (1879–1940) тоже впечатляет: редактор газет «Вечернее Время» и «Новое Время»; редактор-издатель газеты «Время» в Москве и журнала «Конский Спорт»; председатель правления Общества издателей периодической печати в Петрограде; председатель Общества содействия физическому развитию учащейся молодежи.

Досужие домыслы некоторых сегодняшних «исследователей» ставят скромного репортера в один ряд с «золотыми перьями» суворинского издания — Василием Васильевичем Розановым (1856–1919) и тем же Меньшиковым. Увы, но в предреволюционные годы И. Л. Солоневич был в ведущей российской ежедневной газете далеко не на первых ролях — рангом ниже даже забытых ныне профессора А. А. Пиленко или уже упоминавшегося А. М. Ренникова. Штатный сотрудник, не более того. Так, например, в опубликованном по случаю 40-летия «Нового Времени» «более или менее полном» списке сотрудников фамилия «Солоневич» отсутствует^[148]. Однако же в юбилейном выпуске иллюстрированного еженедельного приложения к газете на групповом фотоснимке Иван Лукьянович запечатлен. Он стоит во втором ряду, сразу за Борисом Сувориным, который чрезвычайно ценил способности молодого репортера.

В дореволюционной журналистике существовали три своеобразных сословия, а может быть и касты: репортер, фельетонист и редактор. Первый добывал информацию. Второй ее анализировал и излагал в наиболее удобной и интересной для читателя форме (в отличие от сегодняшнего фельетониста, обреченного на сатиру). Наконец, третий, редактор — это журналист, оценивающий написанное, приводящий текст к наиболее приемлемому для данного издания виду.

Иван Солоневич был репортером. Одно из учебных пособий для вузов так характеризует дореволюционного представителя этого звания:

«Репортер — легкий на подъем, наблюдательный человек, с цепкой памятью, умеющий легко и быстро входить в контакт с самыми разными людьми и располагать их к себе. Хорошо развиты основные органы чувств: зрение, слух, не в последнюю очередь обоняние, осязание... Наконец, обладающий хорошей интуицией, «нюхом на сенсацию». Разумеется, это далеко не полный перечень»^[149].

Надо полагать, что собственную близорукость вкупе с «кашей во рту» (косноязычие) наш герой должен был компенсировать предельным развитием остальных вышеперечисленных профессиональных качеств.

Первые публикации нового сотрудника столичной газеты основываются на личных переживаниях: испытав на себе, пусть и в небольшой степени, тяготы беженства, Солоневич видел, как страдала белорусская крестьянская масса. И в первые месяцы он много пишет о ее нуждах, о работе, зачастую несогласованной, различных комитетов и организаций помощи беженцам.

Вот небольшой отрывок из самого первого очерка И. Л. в «Новом Времени»:

«Самое ужасное, это — беженцы-крестьяне. Вросшие в свою родную землю, они срываются с нее только в ту последнюю минуту, когда враг находится в расстоянии нескольких верст и когда соседние деревни охвачены дымом пожаров. Вozy с захваченным имуществом представляют собою нагромождение часто самых ненужных вещей: тут старые ведра, кухонная посуда, грабли. Часто нет зимней одежды, в суматохе забытой в заветных углах «скрын» и чердаков. Как общее правило, крестьяне захватывают коров, свиней, баранов, если только интендантство не реквизирует их

вовремя для надобностей войск... Но по дороге часто нечего есть и людям, не только коровам... На выручку приходит неизбежный Еврей-перекупщик, и корова идет за 50 коп. — 1 рубль...

Эта масса потоками течет на восток. Правительство, а больше всего земство и земский и городской союзы организуют по пути питательные пункты, врачебную помощь... Но что это значит для массы, оторванной бурей войны от своего труда?

Обычная картина: в бесконечном ряду возов вы выбираете один и подходите. Длинный воз с натянутым на обручах полотном, — «буда», нечто вроде автомобильного верха; внутри — несколько ребятишек на грудах разнообразнейшего хлама; на козлах столетний дед, рядом идет одна-две бабы...

— Куда ж ты, дед, едешь?

— А в Москву.

— Да ты что ж там делать-то будешь?

— А кто ж его, панночка, знае. Люди говорят у Москву ехать. Усе у Москву едут...

Они не словоохотливы. Лица спокойные, неожиданно спокойные... Ребятишки испуганно забились в угол «буды», а старому деду все равно...

— Что ж вы взяли с собой?

— А ничего, панночка, не узяли. Як почау «ен» палить, як почау... Гляжу — ажно Немишковцы горят. Наехали тутатка казаки — утекайте... Ничего не узяли. Коровки две узяли, так одна сдохла, другую жиду продали...

Картофельные поля, лежащие на пути беженцев, почти сплошь раскопаны. Все чаще и чаще беженцы отказываются от работы. В их примитивных умах где-то глубоко гнездится убеждение, что тот «кто-то», который согнал их с родного гнезда, должен им дать и пищу, и кров, и одежду..

И длинные вереницы идут все дальше и дальше на восток»^[150].

Репортажи начинающего нововременца невелики по объему — в основном это публикации в две-три тысячи знаков. Таким же небольшим был и материал, написанный в жанре корреспонденции, благодаря которому подтверждается один существенный факт из биографии нашего героя. А именно, что его единственный сын Юрий родился не в Петрограде, а в Москве. Это обстоятельство, зафиксированное в десятке печатных и архивных источников, честно говоря, долгое время вызывало недоумение автора этих строк: как же так, муж в Питере, а жена рождает в Москве?

Если же немного поразмыслить, то ситуация имеет свою внутреннюю логическую стройность. Уезжая из Минска, Иван знает, что на первых порах не сможет обеспечить нормальных условий проживания своей беременной жене. Отцу все-таки проще, ведь он воссоединяется со своей второй семьей. Обременять его Иван, очевидно, совсем не хочет, тем более что и младшие братья оставались на иждивении Лукьяна Михайловича. Выход был найден такой: на некоторое время отправить Тамару к ее родственникам в Москву, чтобы уже потом, как следует обустроившись в Петрограде, перевезти туда и ее, и ребенка.

Юрий Иванович Солоневич родился 15 октября 1915 года. А за пять дней до этого в «Новом Времени» выходит корреспонденция Ивана Лукьяновича, отправленная из Москвы. Она называется «Студенты-рабочие» и рассказывает о том, как в Первопрестольной организована работа по привлечению студентов к разгрузке вагонов с дровами на вокзалах.

Проходит чуть больше месяца и молодой отец, формально не студент, но, без сомнения, связей с этой

средой не порывавший, уже сам выступает в роли грузчика. Этому эпизоду посвящена самая объемная его публикация за время работы в «Новом Времени» — очерк «Студенты-грузчики». Приведем небольшую выдержку из него:

«Улучив момент, я обратился к одному из работающих с вопросом о записи в артель.

— Через десять минут будет перерыв, — обратитесь к старосте... У нас такое условие, — день должны поработать бесплатно, а там видно будет.

Перерыв... Разыскиваю старосту. Внизу, в барже, на мешках, где нет ветра и потому сравнительно тепло, сидит компания человек в 10 и усиленно курит. Спрашиваю, кто из них староста.

— Это я, вам что угодно.

Основательный юноша с весьма независимым видом и повелительными манерами. Заявляю робко, что желал бы, дескать, записаться в артель.

— У нас мест нет. И вообще — примешь новичка, — он только напортит, а за него потом вся артель отдувайся...

Тем временем меня критически осматривают остальные грузчики.

— А знаешь, Сашка, это кажется здоровый парень. Пожалуй, стоит взять.

Староста смягчается.

— А вы студент?

— Студент.

— Ну что ж, пожалуй, попробуйте. Только тяжеленько будет. Это вам не на лекциях сидеть. Сегодня поработайте, а завтра посмотрим...»^[151]

Этот бесценный опыт пригодится Солоневичу еще не раз — и после февральской революции в Петрограде, и на заре Советской власти в Одессе, и уже в эмиграции

в Финляндии, в первые месяцы после побега. Впрочем, мы опять забегаем вперед.

В разделе «Внутренние известия» выходят подготовленные Иваном Лукьяновичем обзоры провинциальной печати. Хотелось бы написать, что публикации выходят «регулярно», однако это желание упирается в недостаточность доказательной базы.

Работа по выявлению полного перечня публикаций Солоневича в «Новом Времени» оказалась не таким уж простым делом. Трудности поиска обусловлены тем, что большинство газетных авторов в то время пользовались не только псевдонимами, но и криптонимами. А заметки скромного репортера, пусть и бывшего на хорошем счету, зачастую и вовсе оставались без подписи.

И неудивительно, что в 1970-е в письме к нынешнему редактору основанной Солоневичем газеты «Наша Страна» Н. Л. Казанцеву с легкой долей недоумения спрашивал А. И. Солженицын: «Не знаете ли Вы: под каким псевдонимом печатался И. Солоневич в «Новом времени»? Сколько я прочел этой газеты за 1916 и 1917 — ни разу его фамилии не встретил»^[152].

Нам довелось проштудировать подшивку суворинской газеты за период с осени 1915-го по самое закрытие осенью 1917 года. За это время всего одна (!) публикация Ивана Лукьяновича в «Новом Времени» была подписана «Ив. Солоневич». Все остальные: «И. С.», «Ив. Сол.», «Ив. Солон», «Ив. Невич». А сколько еще было неподписанных!

С уверенностью пока можно говорить о 46 публикациях Ивана Солоневича в газете. Еще полтора десятка, по тем или иным косвенным признакам, следует отнести к категории предполагаемого авторства. Конечно, работа штатного сотрудника должна была быть представлена на страницах ежедневного «Нового Времени», как минимум, на

порядок большим числом. Все-таки Солоневич прослужил в редакции с сентября 1915 года до самого октября 1917-го, когда суворовское издание и с ним еще шесть наиболее контрреволюционных были закрыты большевиками.

«Итак, я вошел в святилище петербургской политики последних двух лет Императорской России, — вспоминал И. Л. Солоневич. — Редакция «Нового Времени». Редакционные ужины после двух часов ночи, где за бутылкой (бутылки были, невзирая ни на какие сухие законы) каждый из сотрудников делился всем, что узнал за день («не для печати»). Кулуары Государственной Думы. Министерства. Биржа. Контрольные пакеты. Мальцевские, лианозовские, нобелевские и прочие акции. Милые старички, штатские и военные: «Вы знаете, мне третьего дня Митька Рубинштейн посоветовал купить мальцевские, и действительно — пятьсот рублей заработал». — «Да плюньте вы, генерал, рано или поздно этот Митька снимет с вас последние штаны — этим он ведь и живет». — «Да помилуйте, конечно, еврей, но такой культурный, такой милый, такой услужливый». Через месяц — ни мальцевских, ни штанов. Хорошо еще, если пенсия осталась. Сплетни о Распутине. «Царица шпионка». Самые гнусные из сплетен — сплетни из великокняжеских салонов»^[153].

Наш герой мог поддаваться полемическому задору, неточно цитировать своих оппонентов, даже фантазировать «ради красного словца», но поймать его на лжи относительно фактов собственной биографии вряд ли кому удастся, за исключением явных ошибок памяти. С протокольной точностью подтверждаются даже самые невероятные эпизоды его жизни. Мы, конечно, проверяли эти «показания» не ради желания

поймать за руку, а для того, чтобы узнать побольше о его фантастической судьбе.

В начале августа 1916 года Иван Солоневич, ратник второго разряда, был призван в армию и зачислен рядовым в лейб-гвардии Кексгольмский полк. Он просился в школу прапорщиков — но не пустили из-за косноязычия. Больше того: по причине плохого зрения его зачислили в швейную мастерскую.

«Швейная мастерская меня вовсе не устраивала. И так как для сотрудника «Нового Времени» не все уставы были писаны, то скоро и совершенно безболезненно был найден разумный компромисс — я организовал регулярные спортивные занятия для учебной команды и нерегулярные спортивные развлечения для остальной солдатской массы. Я приезжал в казармы в 6 утра и уезжал в 10 дня. Мои добрые отношения с солдатской массой наладились не сразу: близость к начальству эта масса всегда рассматривала как нечто предосудительное. Но они все-таки наладились.

Это был маршевый батальон, в составе что-то около трех тысяч человек. Из них — очень небольшой процент сравнительной молодежи, остальные — белобилетники, ратники ополчения второго разряда, выписанные после ранения из госпиталей — последние людские резервы России, — резервы, которые командование мобилизовало совершенно бессмысленно. Особое Совецание по Обороне не раз протестовало против этих последних мобилизаций: в стране давно уже не хватало рабочих рук, а вооружения не хватало и для существующей армии.

Обстановка, в которой жили эти три тысячи, была, я бы сказал, нарочито убийственной: казармы были переполнены — нары в три этажа. Делать было совершенно нечего: ни на Сенатской площади, ни даже на Конно-Гвардейском бульваре военного обучения

производить было нельзя. Людей кормили на убой — такого борща, как в Кексгольмском полку, я, кажется, никогда больше не едал. Национальный состав был очень пестрым — очень значительная часть батальона состояла из того этнографически неопределенного элемента, который в просторечии назывался «чухной». Настроение этой массы никак не было революционным — но оно было подавленным и раздраженным. Фронт приводил людей в ужас: «Мы не против войны, да только немец воюет машинами, а мы — голыми руками», «И чего это начальство смотрело». Обстановка на фронте была хорошо известна из рассказов раненых»^[154].

Работа в «Новом Времени», действительно, продолжалась. И в августе, и в сентябре 1916-го выходят заметки Солоневича. Среди них две, набранные самым мелким шрифтом, привлекают наше особое внимание. В первой говорилось:

«Петроградский кружок спортсменов «Кречет» разыграл свое первенство по легкой атлетике.

<...> в толкании ядра первый Солоневич 7 метр. 87 сант. <...> в прыжках в высоту победителем оказался Кирсантьев 1 м. 35 сант., затем Константинов и Солоневич. <...> в прыжках в длину <...> <третьим> Солоневич 4 м. 86 см. <...> в метании диска <второй> Солоневич 21 м. 61 см.

Первенство выиграл Константинов, получивший 16 очков, за ним Кирсантьев, получивший 21 очко, затем Солоневич 27 очков»^[155].

А вот и вторая: «8 сентября петроградская лига легкой атлетики устроила состязания в эстафетном беге на дистанцию в 10 000 метров, на переходящий приз «Вперед», учрежденный членами русского национального общества любителей спорта. <... участвовали три клуба...>

Победу одержала команда петроградского кружка любителей спорта <...> На втором месте команда «Кречета» в следующем составе: Забелин, Федоров, Смирнов, Молокиенко, Корытов, Гуськов, Солоневич I, Солоневич II, Кирсаньев и Зайцев. Время, показанное этой командой, 34 м. 20 с.»^[156].

Кто это конкретно был из братьев Солоневичей, сначала один, а потом первый и второй — установить не представляется возможным. И средний брат Всеволод, и младший Борис в 1916 году уже всю могли проявлять свои атлетические способности. Но, в любом случае, трудно предположить, что информация об этих не самых крупных спортивных состязаниях попала на страницы ведущей российской газеты без помощи Ивана Лукьяновича.

Наступало время страшное, революционное. Не до спортивных игрушечных баталий. Казармы Кексгольмского полка располагали к размышлениям на другие темы.

«Моим командиром был барон Тизенгаузен — я сейчас не помню его чина. Это был атлетически сложенный человек, очень выдержанный и очень толковый. Он сумел установить — в меру своих возможностей — прекрасные отношения с солдатской массой, и может быть, именно поэтому Кексгольмский полк никакой революционной активности не проявил. Но атмосфера была убийственной. Я пошел к барону Тизенгаузену и сказал: «Так что же это такое — пороховой погреб?» — «...Совершенно верно: пороховой погреб. И кто-то подвозит все новый и новый порох. Нас — шесть офицеров на три тысячи солдат, старых унтер-офицеров у нас почти нет — сидим и ждем катастрофы».

В общем выяснилось, что бар. Тизенгаузен докладывал об этом по служебной линии: не получилось

ничего. Пытался действовать по «светской» линии — тот же результат. Бар. Тизенгаузен посоветовал мне пустить в ход «нововременскую» линию. Я попробовал. Доложил М. А. и Б. А. Сувориным о положении дел и о моем разговоре с бар. Тизенгаузенем. По существу все это братья Суворины знали и без меня, но я был живым свидетелем, непосредственным очевидцем, а мои репортерские способности в редакции ценились очень высоко. Словом, и М. А. и Б. А. Суворины пришли в действие: к кому-то ездили, с кем-то говорили — во всяком случае, с Военным Министерством и генералом Хабаловым. Ничего не вышло. М. А. о результатах своих усилий не говорил почти ничего, а Б. А. выражался с крайней степенью нелитературности»^[157].

Конечно, этот и подобные ему запасные полки, а никак не бабы, стоявшие в хлебных очередях (в первый раз за три года войны, и при том никаких карточек!) были если не стержнем и движущей силой, то топливом февральской революции. Как пишут в сентиментальных романах: тучи сгустились, гроза назревала.

Наш герой тем временем демобилизовался — не судьба была понюхать фронтowego порошу Первой Мировой и его однополчанам. У Ивана Солоневича имелись на то свои собственные веские причины. Соответствующий документ подшит в его студенческом деле:

«Служивший в запасном батальоне Лейб-гвардии Кексгольмского полка ратник 2 разряда Иван Лукьянович Солоневич <...> (в походах и сражениях не был) по освидетельствованию, произведенному 18 января 1917 г. комиссией врачей Петроградского Николаевского военного госпиталя, оказался одержим: понижением зрения до 0,1 вследствие близорукости правого в степени 6 ОД и левого в степени 4 ОД и на основании <...> приложения к приказу 1913 года № 289

УВОЛЕН НАВСЕГДА ИЗ ВОЕННОЙ СЛУЖБЫ как совершенно к ней неспособный, носить оружия не может».

И вот, комиссованный в январе 1917 года Иван решает восстановиться в университете. В феврале он подает прошение «об обратном приеме», заплатив недоимки — 25 рублей за 1914-й и столько же за 1915 год. Справка, датированная 21 февраля 1917 года, говорит о том, что Иван Солоневич «принят обратно в число студентов юридического факультета»^[158].

Всего через несколько дней случилась революция...

Подводя итог дофевральскому периоду жизни «Нового Времени», Солоневич писал в эмиграции:

*«Новое Время» выдвигало на первый план идею русской государственности, боролось с попытками под маской критики развалить мощное здание российского государства, громило разрушительные тенденции левых партий, словом, удачно или неудачно, другой вопрос — защищало те русские позиции, которые мы, с этих позиций теперь выбитые, — оцениваем несколько иначе, чем мы их оценивали в 1914 году. Может быть, несколько иначе оценили бы и М. Меньшикова, кончавшего свои предвоенные статьи неизменным *caeterum censeo*: «а сколько у нас пулеметов?». Пулеметов у нас не хватило. Но призыв иметь пулеметы — был ретроградством, империализмом, черносотенством. Меньшиков заплатил за это и за многое другое расстрелом»^[159].*

А о его нововременских публикациях после февраля 1917-го будет рассказано чуть позже.

ВЕЛИКАЯ БЕЗМОЗГЛОСТЬ

Иван Солоневич немало трудов положил на то, чтобы доказать: никакой революции в феврале 1917 года не было — был переворот. Свои заключения он делал не только на основании изученных документов и мемуаров, но также исходя из того, что видел собственными глазами. Поэтому глава, посвященная роковому 1917-му, в нашем повествовании будет стоять особняком. В ней биограф уходит на задний план и предоставляет возможность главному действующему лицу книги выйти на авансцену. Ибо нет решительно никаких оснований переводить прямую речь в косвенную. Такую, например:

«Последние предреволюционные дни по поручению Б. А. Суворина лазил по окраинам, говорил с рабочими, с анархистами, с эсдеками и с полицией. Полиция была убеждена: все уже пропало. Начальство сгнило. Армия разбита. Хлебные очереди как бикфордовы шнуры. Я ходил и наблюдал: от Таврического и Мраморного дворцов, от салона баронессы Скопин-Шуйской до баб в хлебных очередях. Если мне удастся когда-нибудь написать, как Короленко, «Записки моего современника», это будет книга! В некоторых отношениях — не во всех — у меня безошибочная память»^[160].

Как и всякий монархист, именно Февраль, а не Октябрь Солоневич считал отправной точкой российской катастрофы. К осмыслению событий, предшествовавших отречению Царя-Мученика, он постоянно возвращался на протяжении своего долгого творческого пути. Но первая его публикация о «великой и бескровной» состоялась на страницах «Нового Времени». В номере от 9 (22) марта 1917 года под

инициалами «И. С.» помещена заметка «Немцы о русской революции». Вот ее содержание целиком:

«Осведомленность немцев о происходящих в России событиях рисуется в следующем виде:

В 5 часов вечера 3 марта германская главная квартира имела подробное донесение своих агентов об образовании Исполнительного Комитета Государственной Думы. Что касается самого народного движения, то немецкие агенты изображают его так.

«25 февраля на улицах были только отдельные толпы голодных людей (очевидно, хвосты у булочных). В этот же день состоялось секретное заседание у Родзянко, но город казался спокойным. 26 февраля улицы наполнились возбужденной толпой и революция стала общим лозунгом. В полдень особый выпуск газеты «Речь» опубликовал указ о роспуске Думы. Одновременно в клубе кадетской партии состоялось тайное заседание, известие о котором облетело весь город.

Первое кровавое столкновение произошло 27 февраля, причем тотчас же часть войск перешла на сторону революционеров. Начальник Петроградского округа Хабалов скрылся. В этот же день революционеры завладели заречной частью города, имея главную квартиру на Финляндском вокзале. Революционеры освободили заключенных из тюрем, причем разоружили одного жандарма, сопровождавшего транспорт раненых.

В полдень революционеры заняли почту и правительственные места.

Утром следующего дня все войска перешли на сторону революции и она одержала полную победу. По сведениям из Хапаранды, революция перекинулась в Москву».

2 марта «Франкфуртская Газета» сообщила, что царь арестован при проезде из Петрограда в Москву и

принужден к отречению.

В тот же день германская печать получила сведения об опубликовании в Петрограде декларации Временного Правительства. Текст ее приводится дословно и без всяких искажений.

3 марта в Германии были опубликованы акты отречения Николая II и Михаила Александровича и список арестованных в Таврическом дворце, причем относительно некоторых лиц приведены даже подробности, так, например, относительно Добровольского немцы осведомлены, что он искал спасения в итальянском посольстве.

Противоречивые, сбивчивые и часто неверные сведения все-таки подтверждают главное: немцы зорко следят за Россией и ловят вести о нашем внутреннем положении, независимо от источника, из которого они исходят»[\[161\]](#).

В авторстве сомневаться практически не приходится. В 1915–1917 годы был только один постоянный сотрудник «Нового Времени», который имел сходные инициалы — Иван Борисович Смольянинов — но он пользовался криптонимом «И. Б. С.». Нелишне будет также отметить, что генерал Смольянинов, прошедший не одну войну, в том числе и Первую Мировую, издал до революции несколько сборников рассказов и даже «книжку стихов» и был одним из активных участников скаутского движения. Расстрелян большевиками в Крыму в 1920 году, этот факт упоминается в книге Бориса Солоневича «Молодежь и ГПУ»[\[162\]](#).

Но вернемся к содержанию заметки. И вспомним атмосферу, царившую тогда в Петрограде — и в

столичной печати в частности. Безумный восторг по поводу «освобождения от ига царизма» разделяли даже такие консервативные публицисты, как ведущие авторы того же «Нового Времени» Василий Розанов и Михаил Меньшиков. Первый, к примеру, сравнивал царскую Россию со здоровым человеком, у которого болел зуб. Революция, дескать, этот зуб, то бишь Самодержавие, вырвала. И теперь «Илье Муромцу никто не связывает ноги»^[163]. Второй, Меньшиков, «успокаивал» монархистов: не народ предал Царя, а Царь предал народ. Революционная лихорадка настолько подействовала на Михаила Осиповича, что и он, изменяя своему публицистическому таланту, не удержался от банальных сравнений: «... мы твердо верим, что освобожденный народ наш, сбросив с себя груз преступного самодержавия, окажется гораздо сильнее, чем был, как богатырь, сорвавший свои оковы»^[164].

А ведь всего год назад на докладе председателя Совета министров Б. В. Штюрмера по случаю 40-летия суворинского издания Государь Император Николай Александрович начертал: **«Ценю стойкость, с какою «Новое Время» всегда охраняло русские национальные идеалы, желаю газете дальнейшего процветания»**^[165].

И вот, в условиях революционной истерии, когда от имени Великих Князей распоясавшиеся борзописцы публиковали свои «интервью», а члены Императорского Дома не могли даже поместить опровержения^[166], скромный репортер Солоневич и публикует свою заметку, общий смысл которой можно кратко выразить так: Россия находится в состоянии войны, и свершившийся переворот явно на руку врагу. Сказать больше и конкретнее было просто невозможно — при всей наступившей «свободе». И появилась у него такая

возможность нескоро — почти через 20 лет. Ведь и в белогвардейской, и уж тем более в советской печати (а Солоневич публиковался и в одной, и в другой), в силу известных причин, сложились свои каноны подачи «февральских» событий. Умозаключения монархиста Солоневича в них никак не вписывались.

Впрочем, даже в эмиграции самобытный автор долго не мог дорваться до своего читателя. Зато, когда это получилось, тема Февраля зазвучала громко. В 1937 году намечается только контур, даются первые штрихи к развенчанию «распутинской легенды»:

«Что же касается Распутина — то его еще нужно очистить и от великосветских сплетен и от голливудского налета. Тогда, кроме кутежей и женолюбия, ничего предосудительного и не останется. Но это — его частное дело <...>

*Но в данном случае «частная жизнь» была не только вывернута наизнанку, не только заляпана грязью, «инсинуациями самого грязного свойства», но и в этом виде «доведена до сознания народных масс». Можно сказать, что **Ее** Величество Сплетня одолела Его Величество Царя. Царь — заплатил своей жизнью. Россия заплатила двадцатью годами тягчайших страданий — но сплетня продолжает свое победное шествие <...>*

В подсоветской России сплетня как-то повывелась. Может быть, потому что не до нее. Страданиями двадцати лет выжжена сплетня и о Царской Семье. В сознании подсоветских масс — в особенности, крестьянства — образ Николая Второго сконструировался совсем не в том аспекте, которого ожидали убийцы. Не Николай Кровавый, не Николай Последний, а Царь-Мученик. Заплативший жизнь за свою верность России, за верность тому слову, которое Он дал от имени России и проданный своим «средостением». О жизни и о гибели Государя ходит

масса слухов — в большинстве случаев совершенно апокрифических, создаются легенды, путей которых никто проследить не в состоянии. И именем Государя как бы возглавляется тот многомиллионный синодик мучеников за землю русскую, к которому каждый день сталинской власти вписывает новые имена. Для монархической идеи нет оружия более сильного, чем легенды и мученический венец. Призрак Царя Мученика бродит по России, и он тем более страшен для власть имущих — что его ни в какой подвал не затащишь»^[167].

Еще раз отметим дату — 1937 год — и вспомним, что прославление в лике святых Царской Семьи Русской Православной Церковью Заграницей состоялась только в 1981 году. Иван Солоневич не был человеком святой жизни, но какой-то особый дар пророчества, основанный, казалось бы, на простом наблюдении действительности, он явно имел. Другие смотрели — и не видели. Не зря же сказано в Св. Писании: «У них есть глаза, чтобы видеть, а не видят; у них есть уши, чтобы слышать, а не слышат; потому что они — мятежный дом» (Иез. 12, 2).

Солоневич — видел. Подробнее значение сплетен о Распутине как своеобразной прелюдии к революции Иван Лукьянович рассматривает в отдельной статье:

«По тхоржевско-голливудскому сценарию выходит так, что и Империю, и Монархию погубил-де пьяный мужик. Распутинская борода — а также и прочие вторичные и первичные признаки таинственного старца, заслонили собою и историю России, и преступления правящего слоя, и военный разгром, и тяжкую внутреннюю борьбу, и безлюдье, и бесчестность — все заслонили. Осталась одна пьяная борода, решившая судьбы России. Чем не Голливуд?

Это банально-дурацкое, тхоржевско-голливудское, детективно-сенсационное представление о роли

Распутина слишком уж настойчиво и назойливо вдалбливается в сознание всего мира — в том числе и в сознание русской эмиграции. Это представление — насквозь лживо. Для всех виновников гибели Империи и Монархии Распутин — это неоценимая находка. Это козел отпущения, на спину которого можно перевалить свои собственные грехи. Это — щит, под прикрытием которого так просто и так легко болтать о болезненности Императрицы и о слабоволии Императора: сами-де виноваты, зачем были болезненными, зачем были слабовольными»^[168].

Тезис о том, что главной причиной революции стала беспомощность старого правящего слоя и то обстоятельство, что война и революция совпали с периодом его смены новым, только нарождающимся, Солоневич доведет до логического конца в «Народной Монархии». Но начинает разрабатывать его уже в 1930-е годы.

*«Николаю Второму пришлось действовать в тот период, когда правящий слой **догнивал окончательно**. Цифры — бесспорные и беспощадные цифры дворянского земельного оскудения — это только, так сказать, ртутный столбик общественного термометра: температура упала ниже тридцати трех: смерть. Слой, который не мог организовать даже своих поместий, — как мог он организовать государство.*

*Я, конечно, не говорю об исключениях — типа Столыпина. Я говорю о **слое**. Николай Второй попал в то же положение, о котором говорил Ключевский: «московский государь, которого ход истории вел к **демократическому полновластию**, должен был действовать посредством очень **аристократической администрации**». На низах эта администрация была сильно разбавлена оппозиционными разночинцами. На верхах она была аристократической сплошь. Слой*

умирал: полуторавековое паразитарное существование не могло пройти даром: не трудящийся да не живет.

Без войны смена слоя прошла бы, конечно, не безболезненно, но, во всяком случае, бескровно. Однако, на Николая Второго свалилось две войны — и ни одной правящий слой не сумел ни предотвратить, ни организовать. Слою оставалось или взять вину на себя, или переложить ее на плечи Монархии.

Левая часть правящего слоя перекладывает вину без всякого зазрения совести: «проклятый царский режим». Правой части — такой образ действия все-таки несколько неудобен — и вот тут-то и подвергается Распутин. Дело же, конечно, вовсе не в Распутине. Дело в том, что

война свалилась на нас в момент окончательной смены правящего слоя.

Один слой уже уходил, другой еще не пришел. Вот отсюда-то, а вовсе не от Распутина, и произошло безлюдье, «министерская чехарда», «отсутствие власти» и — также трагическая безвыходность положения Царской Семьи. Отсюда же «кругом трусость и измена». Смертный приговор Царской Семье был вынесен в «августейших салонах», большевики только привели его в исполнение»^[169].

Итак, распутинская легенда — только частность, но частность — очень показательная. Солоневич скрупулезно, факт за фактом «смывает» с Распутина «голливудский грим», в результате чего получается такой портрет: «пьяный, развратный и необычайно умный мужик. Этот мужик был, действительно, целителем, и он, действительно, поддерживал своим гипнозом жизнь Наследника. Разговоры о его влиянии чрезвычайно сильно преувеличены. Основного — сепаратного мира — он так добиться и не смог. Жаль»^[170].

Солоневич, автор вообще-то далекий от мистицизма, усматривает некую фатальность во всем, что происходило накануне февраля 1917-го. «А что мог сделать Государь? — восклицает он. — Уступить? А кому именно уступить? Клеветникам? Клеветники и без уступки добились своего. Передать всю власть Государственной Думе? Будем реалистичны: это означало бы передачу всей власти Павлу Милюкову со всеми вытекающими отсюда керенскими последствиями. Мы уже знаем, что именно получилось из власти, полученной Государственной Думой в марте 1917 года. Подобрать из среды правящего слоя лучших людей? А где они были, вот эти лучшие люди?»^[171].

И далее: «Все, что было толкового среди правящего слоя, Государь пытался найти и поднять. Но он был окружен слишком плотной стеной. П. А. Столыпин был найден и поднят случайно: «молодой саратовский губернатор». И карьера его была головокружительной, в обход всякого чиновничьего местничества. А ведь как травила Петра Аркадьевича вот та же придворная великосветская бюрократическая среда, — конечно, с неизбежной помощью еврейского либерализма.

Все, что было в этом правящем слое ценного, Монархия пыталась найти. За двадцать лет рассеяния и полной свободы действия в этом слое не нашлось, кроме ген. Врангеля, ни одного ценного человека. Слой сгнил. Слой стал политическим импотентом»^[172].

По мнению Солоневича, «у Государя Императора в данных исторических условиях был только один путь — путь Ивана Грозного, Петра Великого и Николая Первого. Самым беспощадным образом придавить и продавить всю эту гниль. Организовать новую опричнину, новых потешных, новые шпицрутены или, применяясь к условиям эпохи, нынешних германских штурмовиков. Найти новых Меншиковых, а может

быть, и Скуратовых. Но для этого нужна была беспощадность, которой у Государя Императора не хватило»^[173].

«Государь Император для данного слоя был слишком большим джентльменом, — считает Солоневич. — Он предполагал, что такими же джентльменами окажутся и близкие ему люди, и эти люди, повинувшись долгу присяги, или, по меньшей мере, чувству порядочности, отстоят по крайней мере его семейную честь. Не отстояли даже и его семейной чести. Ничего не отстояли. Все продали и все предали. Исторически это было мезью за Ивана Грозного. Но всякая мезь — это в большинстве случаев мезь самому себе. Правящий слой «отомстил» и убийством семьи, и своим собственным самоубийством. Свое собственное самоубийство он заканчивает в эмиграции.

У Государя Императора не хватило беспощадности. Мы должны из этого извлечь свой собственный урок. Государь ушел из жизни, может быть, и не «героем». Но он ушел мучеником. «На крови мучеников созижду Церковь Мою, и врата адовы не одолеют ее». Сейчас, после революции, распутинская клевета русской монархии уже не одолеет. Ни Перса, ни Тхоржевского русский народ читать не будет. Холливудский фильм русский народ не смотрит и смотреть не будет. Профессорские и генеральские мемуары до него не дойдут. Но мученическая гибель Царской Семьи, всей Семьи, до него **уже дошла**»^[174].

Неисправимый оптимист, Иван Лукьянович, похоже, несколько недооценил последствия того духовного кризиса, в который ввергли «революционные преобразования» русский народ. Сегодня и фильмы голливудские смотрят с удовольствием, и генеральские мемуары читают, да и литература, поддерживающая миф о Распутине, расходуется немалыми тиражами —

все в новых и новых вариациях. Но, с другой стороны, ведь и почитание Царственных Мучеников в среде православного народа (а это и есть остатки **русского** народа) — тоже факт!

Развенчание распутинской легенды — пока еще вопрос времени. А то, какими методами эта легенда культивировалась сразу после февральского переворота, хорошо иллюстрирует следующий отрывок из другой статьи Солоневича, написанной уже после Второй Мировой войны:

«У меня был старый товарищ юности — Евгений Михайлович Братин. В царское время он писал в синодальном органе «Колокол». Юноша он был бездарный и таинственный, я до сих пор не знаю его происхождения, кажется, из каких-то узбеков. В русской компании он называл себя грузином — в еврейской — евреем. Потом он, как и все неудачники, перешел к большевикам. Был зампредом харьковской чрезвычайки и потом представителем ТАССа и «Известий» в Москве. Потом его, кажется, расстреляли: он вызван был в Москву и как-то исчез.

Летом 1917 года он перековался и стал работать в новой газете «Республика», основанной крупным спекулянтom Гутманом. В те же времена действовала Чрезвычайная Следственная комиссия по делам о преступлениях старого режима. Положение комиссии было идиотским: никаких преступлений — хоть лавочку закрывай. Однажды пришел ко мне мой Женька Братин и сообщил: он-де нашел зашифрованную переписку Царицы и Распутина с немецким шпионским центром в Стокгольме. Женьку Братина я выгнал вон. Но в «Республике» под колоссальными заголовками появились братинские разоблачения: тексты зашифрованных телеграмм, какие-то кирпичи. Какие-то «обороты колеса» и вообще чушь совершенно несусветимая. Чрезвычайная Комиссия, однако,

обрадовалась до чрезвычайности, — наконец-то хоть что-нибудь. ЧК вызвала Братина. Братин от «дачи показаний» отказался наотрез: это-де его тайна. За Братина взялась контрразведка — и тут уж пришлось бедняге выложить все. Оказалось, что все эти телеграммы и прочее были сфабрикованы Братиним в сообществе с какой-то телеграфистской.

Вообще за такое изобретение Братина следовало бы повесить, как впрочем и Милюкова. Но дело ограничилось только скандалом — из «Республики» Братина все-таки выгнали вон — его буржуазно-революционная карьера была кончена и началась пролетарски революционная — та, кажется, кончилась еще хуже. Потом, лет двадцать спустя, я обнаружил следы братинского вдохновения в одном из американских фильмов. Так пишется история»^[175].

Братин, кстати, вполне себе реальный персонаж, снимки с его личностью до сих пор украшают семейный фотоальбом Солоневичей. И здесь самое время отметить, что личные свидетельства Солоневича о февральских событиях, во множестве разбросанные по его произведениям эмигрантского периода, придают его работам непередаваемый колорит. По сути, это взгляд нормального, здорового человека на сумасшедший дом, в который превратилась Россия после переворота. При этом они ни в коей мере не являются мемуарами, в которых автор, как правило, один-единственный из всех знал, как надо, но его не послушались, за что и поплатились. Эмигрантская мемуаристика, посвященная февральским дням, почти вся выдержана в этом ключе.

«Я помню февральские дни: рождение нашей великой и бескровной, — какая **великая безмозглость** спустилась на страну, — вспоминал Солоневич. — Сотысячные стада совершенно свободных граждан

толклись по проспектам петровской столицы. Они были в полном восторге, — эти стада: проклятое кровавое самодержавие — кончилось! Над миром восстает заря, лишенная «аннексий и контрибуций», капитализма, империализма, самодержавия и даже православия: вот тут-то заживем! По профессиональному долгу журналиста, преодолевая всякое отвращение, толкался и я среди этих стад, то циркулировавших по Невскому проспекту, то заседавших в Таврическом Дворце, то ходивших на водопой в разбитые винные погреба.

Они были счастливы — эти стада. Если бы им кто-нибудь тогда стал говорить, что в ближайшую треть века за пьяные дни 1917 года они заплатят десятками миллионов жизней, десятками лет голода и террора, новыми войнами — и гражданскими и мировыми, полным опустошением половины России, — пьяные люди приняли бы голос трезвого за форменное безумие. Но сами они, — они считали себя совершенно разумными существами: помилуй Бог: двадцатый век, культура, трамваи, Карла Марла, ватерклозеты, эс-эры, эс-деки, равное, тайное и прочее голосование, шпаргалки марксистов, шпаргалки социалистов, шпаргалки конституционалистов, шпаргалки анархистов, — и над всем этим бесконечная разнузданная пьяная болтовня бесконечных митинговых ораторей...»^[176]

С дотошностью летописца Солоневич выдает подробности виденного и слышанного в февральские дни. И несколько страниц его писаний стоят гораздо больше иных многотомных исследований, поэтому мы позволим себе еще одну, совсем уж огромную цитату:

«Причины Февральской революции в России очень многообразны <...>Но последней каплей, переполнившей чашу этих причин, были хлебные очереди. Они были только в Петербурге — во всей

остальной России не было и их. Петербург, столица и крупнейший промышленный центр страны, был войной поставлен в исключительно тяжелые условия снабжения. Работницы фабричных пригородов «бунтовали» в хлебных хвостах — с тех пор они стоят в этих хвостах почти тридцать лет. Были разбиты кое-какие булочные и были посланы кое-какие полицейские. В городе, переполненном проституцией и революцией, электрической искрой пробежала телефонная молва: на Петербургской стороне началась революция. На улицы хлынула толпа. Хлынул также и я. <...>

На Невском проспекте столпилось тысяч пятьдесят людей, радовавшихся рождению революции, конечно, великой и уж наверняка бескровной: какая тут кровь, когда в с е ликуют, когда в с е охвачены почти истерической радостью: более ста лет раскачивали и раскачивали тысячелетнее здание, и вот, наконец, оно рушится. Можно предположить, что в с е те, кто в восторге не был — на Невский просто не пошли. Точно так же, как четыре года тому назад не пошли те, кто не собирался радоваться по поводу трехсотлетия Династии.

Бескровное ликование длилось несколько часов; потом где-то, кто-то стал стрелять — толпа стала таять. Я, по репортерской своей профессии, продолжал блуждать по улицам. Толпа все таяла и таяла, остатки ее все больше и больше концентрировались у витрин оружейных магазинов. Какие-то решительные люди бьют стекла в витринах и «толпа грабит оружейные магазины».

Мало-мальски внимательный наблюдатель сразу отмечает «классовое расслоение» толпы. Полдюжины каких-то зловещих людей — в солдатских шинелях, но без погон, вламываются в магазины. Неопределенное количество вездесущих и всюду проникающих мальчишек растаскивает охотничье оружие —

зловещим людям оно не нужно. Наиболее полный революционный восторг переживали, конечно, мальчишки: нет ни мамы, ни папы и можно пострелять. Наследники могикан и сиуксов были главными поставщиками «первых жертв революции»: они палили куда попало, лишь бы только палить. Они же были и первыми жертвами. Зловещие люди, услышав стрельбу, подымали ответный огонь, думаю, в частности, от того же мальчишеского желания попробовать вновь приобретенное оружие. Зеваки, составлявшие, вероятно, под 90 процентов «толпы», стали уже не расходиться, а разбегаться. К вечеру улицы были в полном распоряжении зловещих людей.

Петербургские трущобы, пославшие на Невский проспект свою «красу и гордость», постепенно завоевывали столицу. Но они еще ни в чем не были спаяны ни идеей, ни организацией; над этим, с судорожной поспешностью и на немецкие деньги, в подполье работали товарищи товарища Ленина, — сам он был еще в Швейцарии.

Шла беспорядочная стрельба — и наследники могикан и сиуксов палили по воронам, фонарям, и, в особенности, по ледяным сосулькам, свешивающимся с крыш. Зловещие люди, грабившие магазины, стреляли в чисто превентивном порядке: чтобы никто не лез и не мешал. Так что попадали и друг в друга... Зазевавшиеся прохожие, любопытные, выглядывавшие из своих окон мальчишки, «павшие жертвой в борьбе роковой» с незнакомым оружием, и зловещие люди, не поделившие награбленного — все это было потом, с великой помпой, похоронено на Марсовом Поле. По такой же схеме рождались жертвы и герои национал-социалистической революции, и Хорст Вессель, убитый по пьяному делу в кабаке, был возведен в чин мученика идеи: у него оказалась идейно выдержанная внешность.

Не претендуя ни на какую статистическую точность, я бы сказал, что перед моментом перелома от ликования к грабежам, толпа процентов на девяносто состояла из зевак — вот, вроде меня. Они были влекомы тем чувством, из-за которого наши далекие предки были изгнаны из рая. Я предполагаю, что из девяноста сыновей Евы — дочерей было очень мало — человек с десятков имели при себе оружие. И у них была теоретическая возможность перестрелять зловещих людей, как куропаток. Но каждый из нас предполагал, что он — в единственном числе, что зловещие люди являются каким-то организованным отрядом революции и, наконец, что где-то наверху есть умные люди — полиция, генералы, правительство, Государственная Дума и прочие, которые уж позаботятся о распределении зловещих людей по местам их законного жительства — по тюрьмам. Кроме того — и это, может быть, самое важное — как только началась стрельба, то все *padres familias* сообразили, что на Невском-то грабят магазины, а на других улицах, может быть, уже грабят его собственную квартиру. Сообразил это и я.

Мы с семьей — моя жена, сынишка, размером в полтора года, и я — жили в крохотной квартирке, на седьмом этаже отвратительного, типично петербургского «доходного дома». Окна выходили в каменный двор-колодезь, и в них даже редко проникали солнечные лучи. В эту квартирку я вернулся вовремя: какая-то, уже видимо «организованная», банда вломилась с обыском: отсюда, де, кто-то в кого-то стрелял. Стрелять было не в кого, разве только в соседние окна, наши окна выходили во двор. На ломаном русском языке банда требует предъявления оружия и документов. У меня в кармане был револьвер — я его, конечно, не предъявил. Я мог ухлопать человека два-три из этой банды, но что было бы дальше? Остатки банды подняли бы крик о какой-то

полицейской засаде, собрали бы своих сотоварищей, и мы трое были бы перебиты без никаких. Я предъявил свой студенческий билет — он был принят как свидетельство о политической благонадежности. Банда открыла два ящика в комод, осмотрела почему-то кухонный стол и поняв, что отсюда ничего путного произойти не может, что грабить здесь нечего, отправилась в поиски более значных мест. На улице загрохотал и умолк пулемет. Раздался глухой взрыв. Потом оказалось: другая банда открыла жилище городского. На другой день трупы городского, его жены и двух детей мы, соседи, отвезли в морг.

Вот так, в моменты общей растерянности, — правительственной в первую очередь — были пропущены первые, еще робкие языки пламени всероссийского пожара. Их можно было потушить ведром воды — потом не хватило океанов крови. К концу первого дня революции зловещих людей можно было бы просто разогнать. На другой день пришлось бы применить огнестрельное оружие — в скромных масштабах. Но на третий день зловещие люди уже разъезжали в бронированных автомобилях и ходили сплоченными партиями, обвешанные с головы до пят пулеметными лентами. Момент был пропущен — пожар охватывал весь город...

Из каждых 3-4 людей, присутствовавших при рождении великой и бескровной, погиб один — я остался в числе уцелевших счастливых. Но мой брат погиб на фронте Гражданской войны, мать моей жены умерла в тюрьме чрезвычайки, моя жена разорвана советской бомбой, мой отец сослан куда-то на гибель. И это есть средняя цена революции для среднего человека страны. Любой риск в 1917 году обошелся бы дешевле.

Но мы проворонили. На второй день революции город был во власти революционного подполья. Какие-

то жуткие рожи — низколобые, озлобленные, питекантропские, вынырнули откуда-то из тюрем, ночлежек, притонов — вору, дезертиры, просто хулиганье. И по всему городу шла «стихийная» охота за городовыми.

Почему именно за городовыми? Тогда я этого никак не мог понять. Можно было себе представить, что победившая революция постарается истребить своего наследственного врага — политическую полицию, «охранку» царского режима. Но городовые никакой политикой не занимались. Они регулировали уличное движение, подбирали с мостовых пьяных пролетариев, иногда ловили трамвайных воришек и вообще занимались всякими такими аполитичными делами, совершенно так же, как лондонские или нью-йоркские Бобби. За что же их-то истреблять?

Но зловещие люди гонялись за ними, как за зайцами на облаве. Возникали слухи о полицейских засадах, о пулеметах на крышах, о правительственных шпионах, и Бог знает, о чем еще. Мой знакомый, любитель фотографии, был пристрелен у своего окна: он рассматривал на свет только что отфиксированную пластинку — его приняли за шпиона. При мне банда зловещих людей около часу обстреливала из пулемета пустую колокольню: какой-то старушке там померещился поп с «пушкой» — о том, как именно поп смог бы втащить трехдюймовое орудие на колокольню и что бы он стал из этого орудия обстреливать, зловещие люди отчета себе не отдавали. Они еще находились в состоянии истерической спешки: шли и другие слухи — о том, что к Петербургу двигаются с фронта правительственные войска, и что, следовательно, дело может кончиться виселицами; о том, что какие-то юнкера заняли какие-то подходы к столице — вообще дело еще не совсем кончено. Нужно торопиться. Зловещие люди явно торопились: *Carpe*

diem. Наиболее сознательные из них подожгли здание уголовного суда.

Тогда я тоже не мог понять: при чем тут уголовный суд? Огромное здание пылало из всех своих окон, ветер разносил по улицам клочки обожженной бумаги. Я нагнулся, поднял какую-то папку, и сейчас же около меня возникла увешанная пулеметными лентами зловещая личность: «тебе чего здесь, давай сюда!» Я послушно отдал папку и отошел на приличную дистанцию. Зловещие люди тщательно подбирали все бумажки и также тщательно бросали их обратно в огонь.

Смысл этого «ауто да фе» я понял только впоследствии: тут, в здании уголовного суда, горели справки о судимости, горело прошлое зловещих людей. И из пепла этого прошлого возникало какое-то будущее»[\[177\]](#).

Приводит Иван Лукьянович и мнения простого народа, от имени которого творилась «революция» и который ее не просто не хотел, но и попросту боялся:

«Моя кухарка Дуня, неграмотная рязанская девка, узнав об отречении имп. Николая Второго, ревела белугой: «Ах, что-то будет, что-то будет!». Что именно будет, она, конечно, не могла знать с такой степенью точности, как знали: Достоевский, Толстой, Менделеев и Охранное отделение. Дворник, который таскал дрова ко мне на седьмой этаж — центрального отопления у нас в доме не было — дворник с демонстративным грохотом сбросил на пол свою вязанку дров и сказал мне:

— Что — добились? Царя уволили? — Дальше следовала совершенно непечатная тирада. Я ответил, что я здесь не при чем, но я был студентом, и в памяти «народа» остались еще студенческие прегрешения

революции. В глазах дворника я, студент, был тоже революционером. Дворник выругался еще раз и изрек пророчество:

— Ну, ежели без царя — так теперь вы сами дрова таскайте, — а я в деревню уеду, ну вас всех ко всем чертям!

Мой кузен, металлист Тимоша, посоветовал мне в рабочий район в студенческой фуражке не показываться — рабочие избыют. Я навсегда снял свою студенческую фуражку. Ни мой дворник, ни сотоварищи Тимоши еще не знали того, что в феврале 1917 года по меньшей мере половина студенчества повернулась против революции и к октябрю того же года против революции повернулось все студенчество — одно из самых таинственных явлений русской истории»^[178].

Как видим, вполне контрреволюционный народ. «Несознательный». Русский. Православный.

Даже по вышеприведенным отрывкам из статей и книг Солоневича, видно, насколько глубоко переживал он падение Монархии в России, как личное и общественное переплеталось в его творчестве. Высшего накала это осмысление революции достигло в серии статей, по сути — монографии, полностью посвященной февральскому перевороту, с «говорящим» названием — «Великая фальшивка Февраля».

Опираясь, в основном, на правые источники и на общеизвестный ход событий 1916–1917 гг., Солоневич развенчивает «великую и бесстыдную ложь о февральской народной революции».

«Эта ложь, — отмечает Солоневич, — культивируется более или менее всеми партиями России, начиная от коммунистической и кончая ультраправыми. По существу, обе эти точки зрения совпадают: ВКП (б) говорит: «Народ сделал

революцию». Ультраправые говорят: «Чернь, обманутая левыми, сделала революцию». Срединные партии, виляя хвостом то вправо, то влево, талдычат о завоеваниях Февраля, завоеваниях, в результате которых «народ» сидит в концлагерях, а «избранные» разбежались по Парагваям»^[179].

«О Великой французской революции Талейран говорил: «В ней виноваты все, или не виноват никто, что, собственно, одно и то же». О Феврале этого сказать нельзя. И если на левой стороне был теоретический утопизм, то на правой было самое прозаическое предательство. Это, к сожалению, есть совершенно неоспоримый **факт**»^[180].

Солоневич доказывает: «в феврале 1917 года никакой революции в России не было **вообще**: был дворцовый заговор», организованный земельной знатью, при участии или согласии некоторых членов династии — тут главную роль сыграл Родзянко; денежной знатью — А. Гучков и военной знатью — ген. М. Алексеев. «У каждой из этих групп были совершенно определенные **интересы**. Эти интересы противоречили друг другу, противоречили интересам страны и противоречили интересам армии и победы — но никто не организует государственного переворота под влиянием плохого пищеварения. Заговор был организован по лучшим традициям XVIII века, и основная ошибка декабристов была избегнута: декабристы сделали оплошность — вызвали на Сенатскую площадь **массу**. Большевистский историк проф. Покровский скорбно отмечает, что Императора Николая Первого «спас мужик в гвардейском мундире». И он так же скорбно говорит, что появление солдатского караула могло спасти и Императора Павла Первого. Основная стратегическая задача переворота заключалась в том, чтобы изолировать Государя

Императора и от армии и от «массы», что и проделал ген. М. Алексеев. Самую основную роль в этом перевороте сыграл А. Гучков. Его техническим исполнителем был ген. М. Алексеев, а М. Родзянко играл роль, так сказать, слона на побегушках. Левые во всем этом были **абсолютно** ни при чем. И только после отречения Государя Императора они кое-как, постепенно пришли в действие: Милюков, Керенский, Совдепы и, наконец, Ленин — по тем же приблизительно законам, по каким развивается всякая настоящая революция. Но это пришло позже — в апреле — мае 1917 года. В феврале же был переворот, организованный, как об этом сказали бы члены СБОНРа или Лиги, «помещиками, фабрикантами и генералами»^[181].

Итак, к Февралю «народ» не имел ровно никакого отношения. «Конечно, и сто тысяч чухонских баб, — иронизирует Иван Лукьянович, — входят все-таки в состав «народа». Входят, конечно, и тысяч двести запасных. В общем и бабы и гарнизон дали бы от одной десятой до одной пятой **одного** процента всего населения страны. Остальных девяносто девять процентов... никто ни о чем не спрашивал»^[182].

По Солоневичу, «февраль 1917 г. — это почти классический случай военно-дворцового переворота, уже потом переросшего в март, июль, октябрь и так далее... Нет, конечно, никакого сомнения в том, что революционные элементы в стране существовали, — в гораздо меньшем количестве, чем в 1905 г., но существовали. В 1905-1906 гг. их подавили. В 1917 г. их подавлять **не захотели**»^[183].

«Нам, народным монархистам, — пишет Солоневич в заключении «Великой фальшивки Февраля», — необходимо установить ту **правду**, что между Царем и Народом если и было «средостение», то не было

антагонизма. Что если Государь Император делал для России и для народа все, что только было в человеческих силах, — то и Народ отвечал Ему своим доверием. Что революция — обе революции: и Февральская и Октябрьская вовсе не вышли из народа, а вышли из «средостения», которое хотело в одинаковой степени подчинить себе и Монархию и Народ.

Всякий разумный монархист, как, впрочем, и всякий разумный человек, болеющий о судьбах своей Родины (а в том числе и о своей собственной судьбе), не имеет права подменять факты декламациями и даже галлюцинациями. Мы обязаны установить тот факт, что российская монархия петербургского периода НЕ БЫЛА гармоничной монархией, какой была московская. Что дворцовые заговоры и перевороты шли, собственно, почти непрерывным «фронтом». Будущая Российская Монархия **не может** быть восстановлена не только без «народного голосования», но и без всенародной помощи. Отстраивая эту Монархию в очень тяжелых условиях, — легких условий не видать, — мы **обязаны** учесть все тяжкие уроки нашего прошлого и заранее обеспечить Будущую Российскую Монархию от ее самого страшного врага — внутреннего. И в его самом страшном варианте — коленопреклонном»^[184].

До осени 1917 года И. Л. Солоневич продолжает работать в «Новом Времени». Одним из примечательных эпизодов этого краткого периода между двумя революциями стала встреча с князем П. А. Кропоткиным.

«В 1917 году он прибыл в революционную Россию, был встречен цветами, овацями и приветствиями — и был сдан в архив. Мне, в качестве репортера, пришлось его интервьюировать. Мы очень мило беседовали минут

пятнадцать. Это был замечательно милый маленький старичок, с патриархальной белоснежной бородою и с детскими глазками, в которых все еще светилась какая-то восторженность. Он был признанным идеологом мирового анархизма. В 1917 году он предпочитал об анархизме не говорить вовсе. Его интересовала победа России и союзников, разгром Германии, укрепление Временного правительства и вообще все то, что интересовало всех нас, — кроме большевиков, тогда промышлявших пораженческой политикой на деньги германского генерального штаба»^[185].

Гораздо больше внимания в своих воспоминаниях о русских смутных днях Иван Солоневич уделяет контактам по родственной линии. Здесь вновь выступает на сцену сын Степана Тимофеевича Солоневича, двоюродный брат нашего героя, рабочий-металлист на заводе Лесснера:

«Тимоша был крепким и простым деревенским парнем. В силу нашего семейного малоземелья для него была спланирована городская карьера и он поступил в гродненское ремесленное училище. Жил он в нашей семье, но учеба, даже в скромных рамках ремесленного училища, не давалась ему никак. Он не был ни тупицей, ни лентяем, но, просто, ни к каким книгам сердце у него не лежало. После года тяжелых испытаний на школьной скамье он бросил училище, поехал в Петербург и там устроился на завод. Зимой 1916-17 годов он — металлист, зарабатывал уже больше, чем я — журналист: фронт требовал всего, и рабочим платили любые цены. Он слегка копил деньги, к моему крайнему удивлению взялся и за книги, но не по «истории рабочего движения», а по обработке металлов, по автомобилизму и прочему в таком роде: Тимоша «сознательным рабочим» не был. Он женился, было двое детей и были планы — лет этак через десяток

открыть собственную автомобильно-починочную мастерскую: Тимоша предвидел будущее автомобиля. Это, в общем, был нормальный, средний рабочий страны. Может быть и несколько выше: даже в петербургских условиях он избежал соблазна таскаться по митингам и кабакам.

Во всемирно-исторические дни марта 1917 года я как-то заехал к Тимоше. Он жил далеко, на окраине города, на Черной Речке, в деревянном домишке, который Каутский назвал бы лачугой. В лачуге было две комнаты и кухня, около лачуги был огородик и даже предмет живого инвентаря: коза. Тимошина жена встретила меня несколько неприветливо: «Тимоши нет дома, понесли дурака черти на Невский таскаться, глотку драть». Женщина была занята стиркой белья и чем-то еще в этом роде, так что я от обмена мнений уклонился. Был все-таки поставлен самовар. Тимоша явился неожиданно скоро и вид у него был сконфуженно-извиняющийся: «весь завод пошел, неудобно было, я по дороге сбежал...».

Техника манифестаций, демонстрация и прочего в этом роде тогда еще находилась на младенческом уровне. Теперь — это совсем просто: телефонный звонок из партийного комитета и любое количество тысяч пойдет шататься по улицам по любому поводу и орать любое «дой» или «да здравствует». Тогда — в 1917 году — еще уговаривали. И на каждом заводе были свои эс-эровские, эс-дековские и всякие иные партийные товарищи, которые «подымали завод» на массовое действие. Нельзя скрывать и того прозаического обстоятельства, что на каждом заводе есть достаточное количество людей, которые предпочтут шататься по улицам вместо того, чтобы стоять за станком. Тем более, что заработная плата — она все равно идет.

Но Тимоша, как, впрочем, и многие другие, ухитрился сбежать по дороге. Дело стояло всерьез: хлеба в городе уже не было: первая ласточка <...> голода. Я жил черным рынком и редакционными авансами. Тимоша на черный рынок своих скудных сбережений носить не хотел и есть было нечего.

На окраинах города «толпа» уже громила булочные. У Тимоши было достаточно соображения, чтобы понять: разбитая булочная не давала ровно никакого ответа на вопрос о питании его семьи, разгром булочной это есть реакция идиота: идиот сопрет пять фунтов хлеба, зато булочная вовсе перестанет существовать. Но вопроса о том, что же он будет есть завтра, идиот себе не задает. На маленьком семейном совете было установлено, что соседи и товарищи — Иванов, Петров и Сидоров — поехали в Лугу, Тосно и прочие места покупать хлеб у мужиков. Поехали и мы с Тимошей. Привезти хлеба, муки, сала и чего-то еще. Так был проделан мой первый опыт революционного товарооборота»^[186].

Однако же наступил момент, когда перебиваться редакционными авансами стало совсем невмоготу. И Иван Солоневич вспомнил о своем мимолетном опыте работы грузчиком — тем более, что работа эта теперь стала оплачиваться раз в пять выше, чем труд журналиста.

«Гениальная мысль, возникшая у нас в атлетическом кружке студентов Петербургского университета, сводилась к тому, что мы, гиревики, борцы и боксеры, чемпионы и рекордсмены, мы и не с такой работой справимся. Практическая проверка не подтвердила гениальности этой идеи: первые часы мы обгоняли профессиональных грузчиков, потом шли наравне, а к концу рабочего дня мы скисли все. Назавтра явилось нас меньше половины. На послезавтра пришло только несколько человек.

Грузчики зубоскалили и торжествовали. Но все это протекало в совершенно дружеских формах, пока дело не дошло до денатурата.

Я никогда не принадлежал и, вероятно, никогда не буду принадлежать ни к какому обществу трезвости. Я уважаю водку. Если ее нет, то, в худшем случае, можно пить коньяк. Если нет ни водки, ни коньяку — я предпочитаю чай. Российский же денатурат снабжался какой-то особенной дрянью, которая иногда вызывала слепоту. В общем, когда слишком «интеллигентная» часть нашего атлетического кружка дезертировала с погрузочного фронта и на Калашниковской пристани остались только самые сильные и самые голодные, грузчики протянули нам оливковую ветвь. На мешках с пшеницей были положены доски, и на досках возвышались две четверти денатурата, окруженные ломтями черного хлеба, кислыми огурцами и еще чем-то в этом роде. Мы были приглашены на «рюмку мира», и мы отказались. Боюсь, что по молодости лет мы сделали это не слишком дипломатично. Грузчики были глубоко оскорблены. Грузчики восприняли наш отказ, как некое классовое чванство. стакан денатурата был выплеснут в физиономию одного из студентов. Студент съездил грузчика по челюсти. Грузчики избивали бы студента, и всех нас вместе взятых, если бы мы, презрев наше тяжелоатлетическое прошлое, не занялись бы легкой атлетикой: бегом на довольно длинную дистанцию при спринтерских скоростях. Так кончилось наше первое «хождение в народ».

Тогда — опять же по молодости лет, — я жалел, что у нас не было, например, револьверов. Сейчас об этом не жалею: грузчики были оскорблены в своих лучших чувствах, а чувства у них и в самом деле были не плохие. Они, грузчики, не принимали никакого участия в революции, но они были очень довольны ее достижениями: десятки тысяч тонн пшеницы лежали не

грузженными, рабочих рук не хватало и грузчики стали зарабатывать в три, в пять, в десять, в пятьдесят раз больше, чем они зарабатывали раньше. Даже падение курса рубля не могло угнаться за ростом их заработка. И только потом, осенью, рухнуло все: грузить больше было нечего»^[187].

Предотвратить большевицкую осень оказалось некому. Футболисты, легкоатлеты, борцы — в основном, студенты — оказались контрреволюцией не востребованы. В их число входил и Иван Солоневич.

«По преимуществу из этих студентов организовалась студенческая милиция, кое-как охранявшая порядок. Я был начальником какого-то васильеостровского отделения. Через А. М. Ренникова я был связан с контрразведочной работой и несколько позже был чем-то вроде представителя спортивного студенчества при атамане Дутове. Были дни корниловского мятежа. Поддержать этот мятеж в Петербурге должен был Дутов со своими казаками. Нас, студентов-спортсменов, чрезвычайно плотно и давно организованных, было человек семьсот. За нами стояла и часть остального студенчества. Мы умоляли Дутова дать нам винтовки. Дутов был чрезвычайно оптимистичен: «Ничего вы, штатские, не понимаете. У меня есть свои казачки, я прикажу — и все будет сделано. Нечего вам и соваться». Атаман Дутов приказал. А казачки сели на борзые на поезда и катнули на тихий на Дон. Дутов бросил на прощание несколько невразумительных фраз, вот вроде тех сводок о заранее укрепленных позициях, на которые обязательно отступает всякий разбитый генерал. Я только потом понял, что атаман Дутов был просто глуп той честной строевой глупостью, которая за пределами своей шеренги не видит ни уха ни рыла. Очень может быть, что из нашей студенческой затеи, если бы мы и

получили винтовки, не вышло бы все равно ничего. Ну а вдруг? Мало ли какой камушек в решающий момент может перевесить весы истории? Наш камушек, камушек студенческой молодежи, людей смелых, тренированных, как звери, и знающих, чего они хотят, был презрительно выброшен в помойную яму истории»^[188].

«Нововременская» эпопея, подходила к концу. Солоневич вспоминал:

«Петроградская городская дума, в ответ на насильственный захват власти большевиками, постановила бороться до последней капли крови. Очередное заседание, на котором должны были пролиться эти последние капли крови, было назначено на другой день: к чему торопиться, история все равно работает на нас. На другой день не пришел никто.

Петроградская городская Дума первого созыва революции была профессорская, адвокатская, либерально мыслящая и благородно чувствующая. <...>

На обоих этих заседаниях — состоявшемся, а также и несостоявшемся, присутствовал и я. Я не изрекал клятв и не обязывался проливать капли крови — я был только репортером. И к тому же не слишком опытным. Состоявшееся заседание было бурным, возмущенным и бестолковым. Резолюция о борьбе до последней капли крови была принята единогласно. Я предвосхищал «историческое заседание», всемирно исторические слова, которые я опубликую в печати и которые потом пройдут сквозь века и века <...> Я пришел не один: были все репортеры столицы, и русские, и иностранные. У всех было обилие карандашей и блокнотов: нельзя упустить ни одного всемирно исторического восклицательного знака. Но все мы так и ушли — с девственно-чистыми блокнотами. Все борцы остались

по домам. Некоторые прислали записки о болезни, некоторые обошлись и без этих всемирно-исторических документов. Простите за грубое сравнение: на какую иной, кроме медвежьей, могла быть эта внезапная эпидемия? Люди не догадались даже избрать редакционную комиссию для выработки хоть какой-нибудь всемирно-исторической фразы, хоть самой малюсенькой!»^[189].

Печатать эти всемирно-исторические фразы, впрочем, все равно было бы негде: большевики моментально закрыли семь ведущих столичных газет: «День» социалистов, «Речь» кадетов, «Русскую Волю», «Народную Правду», «Биржевые Ведомости» и, конечно, суворинские «Новое Время» и «Вечернее Время». Официально это было оформлено задним числом 27 октября (9 ноября) Декретом о печати. Закрытие подлежали органы прессы, «призывающие к открытому сопротивлению или неповиновению Рабочему и Крестьянскому правительству; сеющие смуту путем явно клеветнического извращения фактов; призывающие к деяниям явно преступного, т. е. уголовно наказуемого характера».

ТЫЛЫ И ФРОНТЫ БЕЛОЙ АРМИИ

Закончить обучение в университете, по словам Ивана Лукьяновича, ему пришлось «в эвакуационном порядке в эвакуационное время конца 1917 года». В краткой автобиографии, написанной в Финляндии в 1934 году, сразу после побега из советского концлагеря, он сообщал:

«После большевистской революции бежал на юг. Редактировал в Киеве газету «Вечерние Огни» (1919 г.). После занятия красными Киева несколько дней редактировал в Одессе газету «Сын Отечества», заболел сыпным тифом и остался в СССР»^[190].

В 1936 году в статье, посвященной памяти Ивана Михайловича Калининкова (о нем мы уже упоминали в главе, посвященной «нововременскому» периоду), Солоневич добавляет подробности:

«Октябрьская революция закрыла «Новое Время» автоматически — февральская его еле-еле терпела. И все мы сразу же оказались без копейки. Никто из нас в левую прессу не пошел. Потом, кажется, в конце ноября 1917 года, коллективу «Нового Времени» было предложено Володарским: «Мы разрешим выпуск газеты, пусть она по-прежнему будет антибольшевистской, но пусть она не обзывает нас бандитами и немецкими шпионами». Тогда это нужно было большевикам для некоторого контакта с границей, где «Н. В.» имело большой вес.

Вопрос этот был поставлен на обсуждение общего собрания сотрудников. Никакого обсуждения не последовало. Иван Михайлович был первым и единственным выступавшим «по данному вопросу». «И

говорить не о чем!». Так вовсе и не говорили. Через месяц или полтора выпустили мы «Вечерние Огни», которые фактически вел И. М. (до этого он фактически, в свои-то 25–27 лет, был первой скрипкой в редакции «Нового Времени»), а я заведывал московским отделом «Огней» — советская власть к тому времени переселилась в Москву: не столько от врага внешнего, сколько от врага «внутреннего», от которого ее защищали кремлевские стены. «Вечерние Огни» сразу задавили штрафами и все мы перебрались на Украину»^[191].

Теперь мы немного отлистаем назад и отметим, что после февральской революции Солоневич, до того скромный репортер, стал одним из передовиков «Нового Времени». С марта по октябрь 1917 года он опубликовал около 20 статей. Были и публикации на первой странице, и там же анонсы статей, размещенных внутри газеты.

Журналист Солоневич сильно переживал по поводу притеснений свободы прессы во вроде бы свободной России. «Если бы собрать все факты насилий над «свободной печатью» за первые полгода русской революции, то их хватило бы по меньшей мере на полвека старого режима, — констатирует он. — И все же кто-то говорит о каких-то «завоеваниях»^[192].

Репортаж с лекции Г. А. Алексинского «Как спасти Россию?» звучит приговором социалистам. Причем этот приговор они провозглашают себе сами:

«Русская революция выросла из хвостов. Отсюда ее, так сказать, «потребительский» характер. Отсюда же и потребительский характер русского социализма, который заботится не о создании новых общественных благ, а о том, как бы растаскать по своим собственным карманам существующие.

В устах Г. А. Алексинского, социал-демократа и бывшего политического эмигранта, это звучит почти трагически. Русский социализм — это страшный удар для наших зарубежных единомышленников. Они теряют под собой моральную почву, политическое влияние и авторитет в массах. Русский социализм губит и Россию и себя, ибо все параллели, проводимые между ним и старым режимом, говорят не в пользу революционной власти»^[193].

24 октября (6 ноября) 1917 года в «Новом Времени» вышел репортаж Солоневича под названием «Церковь и цирк». Заметим, что до октябрьского переворота остается один день!

И вот за день до наступления этой «новой эры» Солоневич пишет:

«Старое еще не умерло. Как и века назад, Русь начинает собираться у церковных стен. У той же иконы Божией Матери, которая, по преданию, три века назад спасла русский народ в годину лихолетья. Которая сопровождала князя Пожарского, Петра Великого, которая напутствовала и благословляла Кутузова. Не под красными знаменами собирается русское чувство и не под звуки марсельезы, а под сенью хоругвей и под печальные мотивы вековых церковных песнопений. Так было, так будет. Вера народная не умерла»^[194].

Как оптимичтно это все звучит! Но — увы...

«Воскресная манифестация была неожиданна не только потому, что ее «пресекли», а она все-таки состоялась, но и по тем массам, которые стеклись к Казанскому собору и по тому чувству, которым была охвачена эта почти сотысячная толпа»^[195].

Итак, накануне Красного Октября в Петрограде почти сотысячный крестный ход на праздник Казанской икон Божьей Матери. Кто-то слышал об этом?

Есть этот факт в анналах истории? Продолжаем цитировать:

«В Казанском соборе еще идет церковная служба, а сквер и проспект уже переполнены народом. По соображениям «свободы слова» нельзя, конечно, передать всего того, что там говорили. Русское правительство нанесло жестокий удар русскому чувству. Оно, конечно, не посмело бы и заикнуться против какой угодно манифестации, если бы ее вызвали Бронштейны, Кацы и Нахамкесы. Но это была русская манифестация, а над русским чувством кто теперь не издевается.

— Идти к Керенскому... Ежели он Русский — он должен почувствовать, — говорит какой-то рабочий в под-девке и картузе, судя по виду трезвенник.

— Да, дожила, можно сказать, Россия. Русскому человеку и молиться нельзя...

Все совершилось само собой. Когда духовенство с хоругвями вышло к этой огромной толпе, то подъем религиозного чувства дошел до апогея. Снимали шапки, крестились, многие плакали. И уже, конечно, нельзя было ог-раничиться крестным ходом вокруг собора. Слишком много накипело за эти восемь месяцев и надо было хоть в чем-нибудь излить наболевшее сердце. Толпа свернула на Невский и пошла, как предполагали раньше, к Зимнему дворцу.

Необычный и неожиданный вид у Невского, так прочно проплеванного бошьшевистскими семечками. Рядом со мною идет солдат. На груди у него огромный красный бант. Он незаметно, потихоньку снимает его, прячет в карман и оглядывается, не заметил ли кто. Проезжают на грузовике матросы. Минутная заминка. Потом снимают шапки и проезжают как-то конфузливо, словно в чем-то извиняясь перед этими хоругвями и обнаженными головами.

Площадь перед Исаакием наполнена вся. Речь протоиерея Орнатского все время прерывается рыданиями. Он вспоминает всю историю чудотворной иконы Казанской Божией Матери, так тесно связанную с историей многострадальной Руси. Эти исторические воспоминания приобретают какой-то особый смысл в наши страшные дни. Орнатский говорит о народной вере и о том, что народы крепнут только верою, ибо мы воочию видим, как даже война решается не пушками и пулеметами, а духом народным. Проповедник зовет всех русских людей сплотиться вокруг погибающей родины, сплотиться в вере, ибо как сказал евангелист Иоанн: «сия есть победа, побе-дившая мир, — вера наша».

Толпа почти в экстазе. Клянется умереть за Русь. Солдаты, много рабочих, очень много офицеров, женщины, сестры милосердия. Даже матросы. Все они разных классов, вероятно разных убеждений, быть может даже вчерашние враги. Сегодня они все как один, в одной молитве и одном порыве...

Так собирается дух народный...»[\[196\]](#).

А далее, на контрасте, Солоневич описывает митинг большевиков, состоявшийся в тот же день:

«Еще под неизгладимым впечатлением этого русского праздника я попадаю в цирк. Здесь другой полюс России, или того, что было недавно Россией. Серая однотонная толпа. Лица с выражением какого-то тупого упорства, и на эстраде человек, зовущий к братоубийственной войне. Углубление классовой розни.

Их было очень много в воскресенье, этих большевистских митингов. Смотр революционной демократии. Смотр тем силам, которые, быть может, завтра будут брошены с ножом в руке на ближнего своего. Все те же слова, к которым Петроград притерпелся за восемь месяцев революции. Прибежали

ораторы, вбегали на кафедру, выбрасывали заученные слова и убегали. Им надо было попасть на двенадцать митингов в один день; пустить на каждом из них тот однажды напетый в Циммервальде граммофонный диск, у мнее которого революционная демократия до сего времени ничего не выдумала. Все знали, что скажет Троцкий и что в таких случаях должен сказать Кац. Знали и слушали, тупо и покорно исполняя свой революционный долг. Завтра они так же тупо и покорно пойдут, быть может, на улицы, чтобы разбежаться при первом окрике или свергнуть власть, если для такого окрика у нее не найдется смелости. Принимается готовая резолюция. «Кто не согласен, прошу встать». Не вставать же, в самом деле, мне. Резолюция принята. Аплодисменты.

Хоронят Россию»^[197].

О закрытии «Нового Времени» мы уже сообщали. А какова же была судьба «Вечерних Огней»? Жизнь газеты оказалась недолгой. Иван Солоневич переехал в первопрестольную и возглавил московское бюро. Газета выходила с 8 (21) марта по 11 (24) июля 1918 года. Перед закрытием ее выпуск дважды приостанавливался на одну-две недели.

Ведь еще 28 января 1918 года Совнарком принял Декрет о революционном трибунале печати. В нем предусматривались наказания за «нарушение узаконений о печати, изданных Советской властью». Ревтрибунал был подчеркнуто демократичен, его работа в отличие от ЧК была публична: дела слушались при участии обвинения и защиты, а процессы освещались в прессе.

Первое публичное заседание Петроградского революционного трибунала печати состоялось 31 января. Часто в качестве государственного обвинителя

на таких заседаниях выступал сам комиссар по делам печати, пропаганды и агитации В. Володарский (настоящее имя — Моисей Маркович Гольдштейн). В своих зажигательных речах, которые после его безвременной кончины были изданы отдельной брошюрой, он клеймил врагов советской власти. В мае 1918 года удостоилась высокого внимания и газета «Вечерние Огни». Володарский заметил, что она стремилась «создать такое настроение в рядах широких масс граждан, которое говорило бы им: Советская власть не прочна, ей угрожает опасность оттуда, отсюда, да еще вот откуда и т. д.». Когда «подсудимые» пытались сослаться на свои ошибки, Володарский парировал: «Припомните такой случай, когда бы вы ошиблись в пользу Советской власти?»^[198].

Из публикаций Солоневича этого периода стоит выделить первую же — «Путешествие из Петрограда в Москву». Она появилась в «Вечерние Огнях» 6 апреля (24 марта) 1918 года.

Вот ее текст без купюр:

«...Носильщик советует «устроиться» в вагоне для эвакуируемых рабочих. Там попросторнее. Как-нибудь с ними поговорить — можно влезть. В классный и думать нечего.

Пошли. Ночь. Холодно. Моросит какой-то не то снег, не то дождь. На запасных путях стоят эвакуационные вагоны IV класса. Около них — горы всякого домашнего скарба. Скарб самый разнообразный — больше всего тряпье, но есть и продукты новейшей формации: кресла, две оттоманки и даже буфет в неизбежном стиле «модерн». Все это дорогое — вероятно, революционной эпохи — жалко бросать.

«Поговорил» и устроился в доме. Соседи — несколько рабочих, три солдата, жена какого-то красногвардейца с пятью ребятишками и тридцатью

двумя местами багажа. Еще несколько женщин с детьми. Все это устраивается, спорит, кричит, визжит, плачет. Ад.

Наконец, расселись. Начинаются разговоры. Осторожные, выпытывающие... «Плохо стало. Работы нет, хлеба нет, немец все прет и прет...»

— Да, верно уж и Могилев заняли, — говорит солдат. — А у меня, между прочим, родные там, в деревне, значит. Вот и не знаю — попаду, или нет. На Витебск не пустили ехать... Сказывают, забирают наших в Германию, на окопные работы.

Жена красногвардейца не выдерживает:

— А вот, сидели бы в окопах, так не забирали бы.

— Да, что ж. Мы и сидели. Да только, когда нет порядку, — сиди, не сиди — ничего не высидишь.

— Да, порядку, это верно, никакого нет.

Молчат. Видно, что дальше говорить боятся. Посматривают на меня.

Говорит с верхней полки рабочий.

— Совсем плохо стало. Я вот в «Треугольнике» работал. Рассчитали. Семьсот рублей получил. В Орел еду — там, сказывали, работа есть. А у меня семейство! Жена, ребятишек четверо. Дорога. Семьсот рублей — надолго ли хватит? Ну, хорошо, найду работу в Орле. А не найду — тогда что? С моста — да в воду.

— Я сам рязанский. Куда ехать. У нас с голоду пухнут. Писали — кору стали есть.

— А на Украине хлеба-то, говорят, сколько! Ну, да теперь немец позабирает...

Обращается ко мне испытующе...

— А как вы, товарищ, полагаете, хлеб-то из Украины мы получим?

— Думаю, нет.

— Так, как же мы будем?

— Да так — кто с голоду помрет, а кто и жив останется.

Молчат. Рабочий отваживается рискнуть.

— Наговорили, наговорили, а теперь — накося, выкуси.

Лед сломан. Говорят с ненавистью. Сколько рабочих рассчитано. В одном Петрограде «почитай с миллион». Куда теперь всем им деться? Солдаты говорят о брошенных орудиях, складах, о павших с голоду лошадях. Лошадей им, пахарям, жальче всего. Фабрики не работают, дороги не ходят, есть нечего.

— У нас в Курской губернии пахать бы пора. Да куда там! Прямо обалдел народ. Сады повырубали, скот порезали, хлеб на самогонку пошел. А теперь за землю дерутся, словно она уйдет куда. Так и не пашут.

И все большевики виноваты. Так же, как раньше решительно во всем был виноват «царский режим». Любят русские люди «кивать на Петра».

— Я не понимаю, — вмешиваюсь я, — сами вы рабочие и крестьяне. Правительство у вас рабочее и крестьянское — ваше правительство. Так кто же вам виноват?

— Сами виноваты. Оно, конечно, товарищ, правильно — сами виноваты. Только, знаете, народ-то темный, бедный. Насыпали кучу золота, да и показали ему — на вот, бери. Ну, он и обалдел.

«При старом режиме хуже не было». «Хоть бы уж немец пришел». «Да, брат, и при немце несладко»...

Сижу и думаю: вот где она, подлинная «контрреволюция». Не Гучков и не Родзянко, а вот этот рязанский мужичок, который едет, не зная куда, потому в Рязанской губернии «с голоду пухнут». В этой «привилегирован-ной» жене красногвардейца, которая с неделю за билетами стояла, да потом трое суток с вокзала на вокзал ездила — с пятью ребятишками и со своим буфетом.

И слова у них теперь все не те, что я слышал еще два месяца тому назад — не партийной отливки.

Разговор на верхних полках.

— Да, что ж, воевать-то снова придется. Опять, слышь, мобилизацию объявляют.

— Придется... Да только уж довольно дураками быть, пора и поумнеть.

Станция. Входит какой-то железнодорожный рабочий. Сразу смолкают... Засыпаю.

Проснулся — слышу голос нового соседа.

— Так вот на митинге и обсуждали: уволить этих офицеров, или нет. Выступил этот Васильев. Говорит — что пущай работают, тоже людям есть надо. А председатель-то, паскудненький такой, пьяница, ему и говорит: «Вижу я, Васильев, что вы против рабочего класса и за буржуев, и потому считаю вас с сегодняшнего дня уволенным». Так и уволили.

— ...А вечером прямо не выходи. Ходит эта красная гвардия; стой, говорит, оружие имеешь? Сейчас обыск. Ну, ежели часы или кошелек — пропали. Каждое утро трупы подбирают... И потом у нас в Бологом — как выберут меньшевика в Совет — так через неделю, — смотришь, он уже большевик. Власть, значит.

Господи, и здесь контрреволюция. Ложусь и засыпаю под контрреволюционный стук колес»^[199].

Другой репортаж, заслуживающий нашего внимания, это отчет о первом Первомае в Москве 1918 гола. Текст опубликован без подписи, но никаких сомнений в авторстве Солоневича лично у меня нет.

Текст назван довольно смело: «Неудавшийся праздник». Да и текст — под статью.

«Холодная и очень ясная солнечная погода. Вся Москва залита красным цветом: красные флаги, красные плакаты, красные щиты, точно незапекшаяся кровь.

По Тверской проходят войска и очень редкие и малочисленные рабочие процессии. Публики мало.

Главная артерия торжественного дня — Тверская улица. Проходят латыши, матросы, красная армия. На Триумфальной площади встреча. Латыши, прекрасно обмундированные, сильные сытые люди и навстречу им наши бежавшие из плена, изможденные, исхудалые люди, одетые в лохмотья русских и австрийских шинелей. Они подходят к милицейскому и робко осведомляются, «где бы им поесть», но милицейский величественно машет рукой. Они мешают движению.

На Красной площади должен состояться грандиозный митинг и смотр войскам. Войска пришли, но публики для митинга нет. Площадь огорожена колючей проволокой, и за этим ограждением воздвигнута трибуна для ораторов. Здесь Свердлов, Муралов, Подбельский. Предполагалось выступление Троцкого, но Троцкий, вероятно, не захотел выступить перед такой ничтожной аудиторией.

Проходит парад. Муралов отдает честь, а Свердлов снимает шляпу. Парад закончен, но Свердлов ждет дальнейшего сбора публики. Наконец, собирается около тысячи человек, и Свердлов произносит речь. Речь такая, какой должна быть всякая официальная речь на официальном празднике. Повторяется мотив о помощи западноевропейского пролетариата, о том, что русский пролетариат обогнал всех, но, однако, без чужой помощи долго не продержится.

Скобелевская площадь вся залита красным. Из памятника Скобелеву сделали нечто вроде эшафота. Здесь должен состояться митинг тоже грандиозный и тоже с участием Троцкого. Но нет главного условия для митинга — нет аудитории. Подъезжает некто в автомобиле, осматривается и уезжает. Через полчаса на площадь приезжают грузовики с деятелями «сцены и

арены». Они жалко и по шпаргалкам поют «Интернационал».

Уезжают деятели «сцены и арены», заходит солнце, и публика постепенно расходится.

Не состоялся также митинг и на Театральной площади.

Единственный митинг был на Красной площади. Здесь собралась толпа человек в 200–300. Какой-то оратор призывал к самодисциплине. Оратор окончил. На трибуну выходит председатель митинга и заявляет, что желающих говорить больше не находится.

— Может быть, товарищи подождут, пока подъедет кто-нибудь из товарищей.

Но товарищи молча и угрюмо расходятся.

На Ходынке грандиозный парад всех родов войск. Публики очень мало. К пяти часам дня подходит тысяча до пяти солдат, латышей, матросов, красной армии, прибывают на автомобилях Ленин и Троцкий. Но церемониал, так тщательно разработанный, так и не приводится в исполнение. Речей говорить не для кого, и после обхода фронта Ленин и Троцкий уезжают.

На Ходынке присутствовала между прочим американская миссия Красного Креста во главе с полковником Робинсом.

К вечеру по Тверской целый ряд маленьких летучих митингов. Настроение явно не официальное. Рабочих почти нет. Вообще за весь вчерашний день рабочих на улицах было гораздо меньше, чем даже в обычные будни.

И Свердлов на митинге на Красной площади говорил о том, что праздник нужно считать совершенно не

неудавшимся»^[200].

После закрытия «Вечерних Огней» ее сотрудники — бывшие нововременцы — бежали, кто на Дон, кто на Украину. И. М. Калинин стал работать в антибольшевистских газетах сначала в Одессе, а затем и в Киеве, где возобновил издание «Вечерних Огней».

Об издании «Вечерних Огней» в Киеве при белых удалось найти следующую информацию.

Эта ежедневная газета выпускалась с августа по декабрь 1919 года (с перерывом) Киевским Бюро Союза Освобождения России^[201], редакция располагалась на Крещатике. Перерыв был обусловлен известными каждому поклоннику творчества М. А. Булгакова обстоятельствами: в годы Гражданской войны власть в Киеве менялась четырнадцать раз, если за первый переворот считать Февральскую революцию, один из них и приостановил выход «Вечерних Огней».

События тогда развивались следующим образом: красные оставили город 30 августа 1919 года, на следующий день утром в него вступили украинские войска С. В. Петлюры, но продержались всего несколько часов и бежали. Киев заняла белая Добровольческая армия Вооруженных Сил Юга России генерала А. И. Деникина. В день входа в город добровольческих отрядов, 31 августа, и вышел первый номер «Вечерних Огней» в Киеве.

Скорее всего, именно к этому периоду относится следующий эпизод из воспоминаний Солоневича:

«В Киеве, на Садовой 5, после ухода большевиков я видел человеческие головы, простреленные из нагана на близком расстоянии:

«...Пуля имела модный чекан,

И мозг не вытек, а выпер комом...»^[202], — цитирует Иван Лукьянович советского поэта Илью Сельвинского.

Следующее взятие Киева Красной Армией состоялось 14 октября 1919 года. А уже 16 октября красные отступили, и в город вернулись добровольческие войска, которые окончательно покинули город в декабре.

В выходных данных «Вечерних Огней» в качестве редактора значился некто «Ивков». Ранее такого псевдонима у Ивана Солоневича не было (или мы о нем не знали), хотя на страницах дореволюционного «Нового Времени» такую подпись найти можно. Так что информация нашего героя о том, что он «редактировал» киевскую газету на сто процентов не подтверждается. Но это с одной стороны. С другой же — отсутствие инициалов у этого «Ивкова» и других дополнительных сведений о подлинном редакторе «Вечерних Огней» не позволяет уличить Солоневича в недостоверности его «показаний». Как всегда, имеет право на существование и компромиссная версия: редактировать-то редактировал, но главным в газете все-таки не был.

Однако же занимал не последние роли, в этом сомневаться не приходится, ведь передовые статьи обычно не доверяют готовить сотрудникам, находящимся на низах редакционной иерархической лестницы. Даже несмотря на путаную и нервную обстановку времен Гражданской войны.

Иван Солоневич подписывал свои передовицы в «Вечерних Огнях» иногда и своим именем, что рассеивает какие бы то ни было сомнения, но чаще всего — «Ив. Невич» или «Ив. Сол.». Причиной тому, скорее всего, — работа в антибольшевицком подполье, чему мы ниже посвятим несколько страниц.

По свидетельству видного журналиста и политического деятеля эмиграции Сергея Львовича Войцеховского, уже в годы Гражданской войны И. Л. Солоневич исповедовал народно-монархическую

идеологию: «Благо России может быть обеспечено только Монархией. Монархия в России возможна только одна — НАРОДНАЯ, БЕССОСЛОВНАЯ. Иван Лукьянович твердил это всегда — и в 1919 году в Киеве, когда я с ним познакомился в редакции «Вечерних Огней», и годом позже, в Одессе, когда он о Народной Монархии говорил в советском подпольи нам, членам Союза Освобождения России...»^[203].

В этот период творчества у Солоневича эпизодами пробиваются уже высказывания, достойные «России в концлагере» — книги, принесшей ему мировую известность:

«Есть десятки, а может быть и сотни тысяч людей, которые с существованием советской власти связали не только свою судьбу, но и свою жизнь. Им, конечно, не простят всех издевательств, которые они два года проделывали над связанной по рукам и ногам Россией. Пока существует советская власть — они все. Они — цари и боги над лишенными прав массами советских подданных. К их услугам готово все, начиная от советских автомобилей, советских денег, кончая чрезвычайками и почти неограниченным правом грабежа. Они знают, что с падением советского Кремля, для них потеряно все. Для многих — потеряна и жизнь. За свою власть и свои жизни они будут бороться, стиснув зубы, бороться до последнего издыхания»^[204].

Так писал Иван Солоневич накануне второй годовщины «Красного Октября».

Вообще, годы Гражданской войны — наверное, самый сложный период для нашего биографического исследования. Воспоминания Солоневича об этом времени всегда носят отрывочный характер. Налицо, что называется, дефицит фактического материала. Можно было бы попытаться компенсировать его рассуждениями нашего героя, которые носят

отвлеченно-теоретический характер. Но это спасает только отчасти. Судите сами:

*«Я не думаю, что в эти годы я отличался выдающимися аналитическими способностями. — писал Солоневич. — Мое отношение к больному было типичным для подавляющей — и неорганизованной — массы населения страны. Я, как и это большинство, считал, что к власти пришла сволочь. В качестве репортера я знал — и неверно оценивал — и еще один факт: это была **платная** сволочь. По моей репортерской профессии я знал о тех громадных суммах, которые большевики тратили на разложение русского флота в первую мировую войну, знал, что эти суммы были получены от немцев. Теория военного предательства возникла поэтому более или менее автоматически. **Социальный вопрос** ни для меня, ни для большинства страны тогда никакой роли не играл. И для этого вопроса ни у кого из нас, большинства страны, не было никаких предпосылок»^[205].*

Или еще:

«Я, более или менее средний молодой человек России, нес свою шкуру на алтарь гражданской войны вовсе не из-за банков, железных, дорог, акций или платного или бесплатного раздела земли. Не из-за этого несли свою шкуру и другие юноши России. Ни колхозов, ни концентрационных лагерей, ни голода, ни вообще всего того, что совершается в России сейчас, мне еще видно не было. Пророчества Герцена, Достоевского, Толстого, Розанова, Лермонтова, Волошина и других, которые я знал и тогда, совершенно не приходили в голову, скользили мимо внимания. Я, в отличие от большинства русской интеллигентной молодежи, действительно питал непреодолимое отвращение ко всякому социализму, но во-первых, против большевизма подняла свои штыки и та интеллигентная молодежь,

которая еще вчера была социалистической, и та рабочая молодежь, которая еще и в годы гражданской войны считала себя социалистической»^[206].

Конкретики так мало, что любой факт приобретает повышенную ценность. Однако для того, чтобы собрать в какую-то логическую цепочку встречи и разговоры, события и впечатления нужен если не стержень, то хотя бы ниточка, на которую можно нанизать жемчуг известного. А уж что нанизывать — есть.

Вот Киев, 1918 год:

«...в германском Киеве мне как-то пришлось этак «по душам» разговаривать с Мануильским — нынешним генеральным секретарем Коминтерна, а тогда представителем красной Москвы в весьма неопределенного цвета Киеве. Я доказывал Мануильскому, что большевизм обречен — ибо сочувствие масс не на его стороне.

Я помню, как сейчас, с каким искренним пренебрежением посмотрел на меня Мануильский... Точно хотел сказать: — вот поди ж ты, даже мировая война — и та не всех еще дураков вывела...

— Послушайте, дорогой мой, — усмехнулся он весьма презрительно, — да на какого же нам чорта сочувствие масс? Нам нужен аппарат власти. И он у нас будет. А сочувствие масс? В конечном счете — наплевать нам на сочувствие масс...»^[207].

А вот примерно в то же время и, надо полагать, в том же месте, совсем неожиданно всплывает спортивный сюжет:

«...и еще в 1918 году провел со Збышко-Цыганевичем почти двухчасовую борьбу вничью»^[208].

Имеется в виду польский атлет Станислав Збышко-Цыганевич, носивший титул чемпиона мира по борьбе с 1919 по 1923 год. Каким ветром занесло его в

«неопределенного цвета» Киев — одному Богу известно.

Проходит год, и вновь на первом месте — политический контекст:

«...после беседы с генералом Драгомировым в Киеве 1919 года, увенчавшей собою длинный каталог совершенно трагических наблюдений, стало ясно: по чисто политическим причинам Белая армия обречена на разгром. Практических выводов из этого теоретического прогноза я тогда не сделал»^[209].

Свернем немного на узкую дорогу родственных связей, в известной степени продолжающую киевскую нить. Именно в Киеве в том же 1919 году произошла встреча Ивана с братьями после долгой разлуки.

Борис, как мы помним, окончив перед революцией Восьмую Петербургскую гимназию, поступил в Политехнический институт. Летом 1917-го он уезжает к отцу на Кубань. Там его и застаёт большевистский переворот.

Боб записывается в Добровольческую армию — в офицерскую роту «Спасение Кубани». Помимо участия в боевых действиях, продолжает вести скаутскую работу (сам скаут с 1912 года). Его статья о спорте в этих молодежных организациях была опубликована в сборнике «Русский Скаут», вышедшем в 1919 году^[210]. Известно также, что на территориях, занятых белыми, Борис Солоневич сотрудничал в газетах «Единая Русь», «Кубанское Слово», «Свободная Речь» и «Осваг» (Осведомительное агентство).

В Киев он «прорвался к брату в гости из Ростова только на несколько дней»^[211]. Во время этой командировки Борис повидался и со средним братом Всеволодом. О нем мы знаем немного. Перед революцией Всеволод (Дик) тоже был студентом Политеха, в Гражданскую воевал на стороне белых. Из

воспоминаний Ивана Лукьяновича известно, что Всеволод Солоневич одно время служил комендором, то есть наводчиком артиллерийского орудия, на канонерской лодке «Некрасов», потом недолго на бронепоезде и вновь — на флоте. Последним местом его службы стал линейный корабль «Генерал Алексеев». До революции этот линкор Черноморского флота именовался «Император Александр III», после Февраля — «Воля», а уже в Гражданскую был назван в честь основателя Добровольческой армии.

Жизнь Дика оборвалась в 1920 году, вот как описывает это Борис Солоневич в своей книге «Молодежь и ГПУ»:

«Эвакуированный, как раненый, из Туапсе в Крым, я очутился в Севастополе с тоскливым сознанием полного одиночества. Следы старика отца были потеряны в волнах гражданской войны, пронесшихся на Кубани. Оба старших брата были где-то на Украине, через которую тоже перекатывались тяжелые валы грозных событий.

И я, 20-летний юноша, чувствовал себя песчинкой в бушующем самуме.

Через несколько дней после моего прибытия в Севастополь кто-то окликнул меня на улице.

— Солоневич, вы ли это?

Под матросской бескозыркой весело улыбалось лицо киевлянина Лушева, когда-то вместе с моими братьями тренировавшегося в «Соколе».

Мы сердечно расцеловались.

— А Всеволода уже видели? — спросил моряк. Среднего брата Всеволода я видел в последний раз больше года тому назад в Киеве, куда я на неделю с винтовкой в руках прорвался с Кубани. При его имени мое сердце дрогнуло.

— Да разве он здесь?

— Ну как же!.. Комендором на «Алексееве»!.. Через несколько минут я был на Графской пристани и скоро на большом военном катере подходил к высокому серому борту громадного броненосца. Сознание того, что я сейчас увижу своего любимого брата, с которым мы были спаяны долгими годами совместной жизни, окрыляло и делало счастливым.

Бегом взбежал я по трапу к вахтенному офицеру. Высокий серьезный мичман на секунду задумался.

— Всеволод?.. Как же, помню... В очках? Да... да... Нам только что сообщили, что он умер в Морском госпитале... <...>

А через неделю я и сам лежал в сыпном тифе в той же палате, где недавно умирал мой брат. И в полубреду я слышал, как подходили ко мне сестры милосердия и шепотом спрашивали:

— Солоневич?

— Да... Только другой...

— Ну, совсем как тот!.. Ну, Бог даст, хоть этого выходим!..»^[212]

Однако возвращаемся к поиску ключевой точки. Что было главным для Ивана Солоневича на Юге России: работа в белой печати или контрразведывательная деятельность в красном тылу? Участие в первой — доказано и, собственно говоря, ничем выдающимся не является.

Автор монографии «Газетная пресса России в годы революции и Гражданской войны (окт. 1917-1920 гг.)» Л. А. Молчанов утверждает, что подавляющее большинство журналистов и литераторов из Москвы и Петрограда бежали на юг России и Украину, где продолжали свою профессиональную деятельность. В частности, из нововременцев он называет М. Н. Бялковского (кишиневская «Молва»), А. И. Ксюнина,

Чазова, Н. И. Маркова (севастопольский «Юг России») [213].

К этому перечню необходимо сделать добавления. В первую очередь надо упомянуть Б. А. Суворина, который был редактором ежедневной газеты «Вечернее Время» (Ростов-на-Дону, 1918-1919; Харьков, 1919). Затем — профессора Н. Н. Алексеева, редактора «органа русской государственной и национальной мысли», основанной В. В. Шульгиным газеты «Великая Россия» (Севастополь; Ростов-на-Дону, 1919). И, наконец, А. М. Ренникова, который был главным редактором ежедневной литературной общественно-политической газеты «Заря России» (Ростов-на-Дону, 1919; Харьков, 1919).

Единственный, кажется, суворинец, ставший сотрудником советской печати — это Н. М. Ежов, публиковавший с середины 1890-х годов в петербургском «Новом Времени» фельетоны о московской жизни под псевдонимом «Не фельетонист». Как минимум, двое были расстреляны большевиками: М. О. Меньшиков и И. Б. Смольянинов.

Контрразведывательная работа, кроме личных признаний Солоневича постфактум и совсем уж мимолетного свидетельства С. Л. Войцеховского, не подтверждается больше ничем. Соответствующих архивных данных нет или, как минимум, до них еще не добрались исследователи.

Указания самого Солоневича предельно схематичны:
«Потом была работа на Белую армию и с Белой армией. Побег из Москвы на Украину, авантюрное путешествие из гетманского Киева в красный Питер. Побег из красного Питера с семьей Каллиниковых в тот же Киев. Побег из петлюровского Киева в белую Одессу. Командировка из белой Одессы в красный Киев. Подпольная работа в красном Киеве. Секретные сводки

*отдела осведомления Совнаркома, которые доставала Тамочка. Секретные военные сводки, которые доставал я. Эти сводки снимал на киноплёнку И. М. Каллиников, отправлял в белую Одессу, а в белой Одессе **никто не читал.***

Эта работа стоила примерно трехмесячного ежечасного риска жизнью и невероятных усилий. И вот: никто даже не поинтересовался результатами этого риска и этих усилий»^[214].

Из семьи Калинниковых (или Каллиниковых, как пишет фамилию Солоневич, и не только он) мы знаем двух братьев, Бориса и Ивана Михайловичей. Первый, напомним, был приятелем Ивана Лукьяновича по университету, второй — коллега по работе в «Новом Времени». Оба после Гражданской войны — в эмиграции. С Иваном Михайловичем наш герой там уже не встретится: в июле 1925 года И. М. Калинникова, главного редактора и издателя газет «Неделя» и «Русь», убили в его собственной квартире в Софии. В эмигрантской среде никто не сомневался в том, что это было делом рук большевистской агентуры. Солоневич приедет в Софию спустя одиннадцать лет и ему тоже предстоит пережить покушение, устроенное иностранным отделом ОГПУ.

Шпионские страсти 1930-х годов еще станут предметом нашего разбирательства, хотя и не хотелось бы превращать биографию И. Л. Солоневича в сплошной детектив. Но его работу в белой контрразведке в годы Гражданской войны необходимо признать историческим фактом — никаких противоречий, противопоставлений и опровержений от людей, которые имели полную возможность это сделать, нет.

Еще одно свидетельство самого Ивана Лукьяновича:
«В Киеве, в июле 1919 года, в кабинете редактора газеты «Коммунист» (он же и председатель тогдашнего

украинского совнаркома) товарища Раковского, я, на основании сводок «отдела осведомления совнаркома», объяснял на карте положение дел на фронте. В этой странной редакции я, без достаточных к этому оснований, считался специалистом по военным делам. В эти дни добровольческая армия брала Полтаву, большевики уже готовились к эвакуации Киева, но все еще надеялись на перелом. На моих «военных» разъяснениях присутствовало человек пять.

Когда я вернулся к себе, в информационный отдел, секретарь редакции, тов. Киселев, сказал мне с иронической улыбкой: «а как, в сущности, легко узнать белогвардейца». Сердце чуть-чуть замерло. Я пожал плечами и с деланным равнодушием спросил:

— Что это вам взбрело в голову?

— Да так, все дело в местоимениях: мы и вы. У вас два раза вышло, что Полтаву берем «м ы»...

Редакция была странная. Киселев в ней был «делегатом» от меньшевиков, впоследствии чрезвычайка его расшифровала и ликвидировала»^[215].

С газетой «Коммунист» приключилась история. Автор блога в интернете Владимир Корнилов нашел интереснейшую публикацию в белогвардейской печати и сопроводил ее таким предисловием: «В связи с тем, что в последнее время в определенных кругах модно стало печатать и ссылаться на работы «теоретика русского монархизма» Ивана Солоневича, будет уместно привести краткие воспоминания о нем, опубликованные Петром Рыссом в харьковской прессе 28 октября 1919 г. и значительно расходящиеся с официальной биографией Солоневича».

Уточним, что речь идет о харьковской газете «Новая Россия», дату Корнилов указывает по новому стилю, а автор заметки — Петр Яковлевич Рысс (1870–1948) —

журналист, социолог, прозаик, член партии народных социалистов, с 1919 года эмигрант, с 1935-го масон.

Что же нового несет в себя информация Рысса? Вот содержательная часть его публикации:

«Я помню странную фигуру некоего Солоневича, являвшегося ко мне в Киеве в октябре прошлого года с просьбой о работе в газете. Пройдя школу крайней правой печати, журналист этот рекомендовался «старым радикалом». Но пришли в Киев большевики, и г. Солоневич в «Коммунисте» бичевал «империалистов», «буржуазию» и «белогвардейскую сволочь».

Выгнали из Киева большевиков, и Солоневич превращается в редактора «Вечерних Огней» и на крохотных страничках этой газеты ведет ту погромную агитацию, которая обратила на себя внимание даже высшей власти края. Доносы оказались ложными, но они стоили жизни десяткам людей, г. Солоневич попал в «патриоты». Так, в желании услужить любой власти, современный перемет творит разрушительно дело. Он спасает свою шкуру, предавая ни в чем неповинных людей, и злобно хохочет, думая о заслуженной им индульгенции»^[216].

Ну, казалось бы — сенсация, Иван Солоневич изобличается как прислужник большевиков еще со времен Гражданской войны. Однако, на самом деле, факт работы в киевской газете «Коммунист» известен. И заметка П. Рысса в «Новой России» — это не компромат на Солоневича, а дополнительное свидетельство работы Ивана Лукьяновича на белую контрразведку. Это свидетельство еще и того, что Солоневич был хорошим конспиратором.

Наверное, целесообразно выдвинуть свою версию, которую впоследствии смогут подкрепить или же вовсе отринуть другие исследователи.

Самой известной контрразведывательной (или иначе — котрреволюционно-разведывательной) организацией белых на Юге России была «Азбука», созданная В. В. Шульгиным. Ее известность, равно как и масштаб деятельности, не могут, конечно, служить обоснованием даже для рабочей гипотезы. Основания другие — может быть, не очень веские, но заслуживающие внимания.

Бывший депутат Государственной думы Шульгин, несмотря на свое позорное участие в процедуре подписания акта отречения Государя Императора Николая Второго, все-таки считал себя монархистом. Это, естественно, вовсе не означает, что он должен был непременно состоять в каких-то отношениях с другим монархистом — Солоневичем. Но их жизненные пути в белом Киеве наверняка пересекались. Почти через двадцать лет, в 1936 году, когда новый эмигрант Солоневич начнет выпуск газеты «Голос России» Шульгин попадет в число немногих известных эмигрантов, согласившихся сотрудничать с новым изданием с первого номера. Это, правда, только косвенное подтверждение прежнего знакомства.

Не будем оперировать ни белыми нитками, ни вилами для письма по воде. Однако, кроме изложенного выше нашу версию может косвенно поддержать еще один факт. В неполном, но известном чекистам списке членов шульгинской «Азбуки», опубликованном уже в наши дни, фигурирует персонаж по фамилии Капнист. Солоневич однажды обмолвился, что в первые годы после окончания Гражданской войны потерял двух своих ближайших друзей — А. М. Коношинского-Квасницкого и графа С. Л. Капниста, погибших из-за связи с эмигрантскими центрами подпольной борьбы. Доказать, что Капнист из «Азбуки» и Капнист, которого упоминает Солоневич, одно и то же лицо — пока невозможно.

Что же такое представляла собой «Азбука» и почему ее сотрудников до сих пор не идентифицировали в полном объеме военные историки?

Организация возникла одновременно с зарождением Добровольческой Армии, то есть практически сразу после большевистского переворота. Круг задач, стоявших перед ней, включал в себя создание аппарата разведки, вербовку боевого элемента в стан белых, пропаганду идеи Добрармии, организацию восстаний в красном тылу и все такое прочее в этом роде, включая перевозку денег для нужд добровольцев.

Руководителем «Азбуки» являлся Шульгин, фигурировавший под псевдонимом «Веди» (все лидеры скрывались под буквами старого русского алфавита, отсюда и название организации). Постепенно была выстроена агентурная цепочка, концы которой находились в руках Шульгина, доставлявшая сведения со значительной территории страны.

Отделения информации «Азбуки» подразделялись на пункты трех разрядов. На период 1917-1918 годов к осведомительным пунктам высшего, первого, разряда относились Москва и Киев.

Современные исследователи подчеркивают, что существовала еще и «Азбука-Изнанка». Ее задачей была подготовка особых донесений, содержащих информацию о злоупотреблениях и халатности представителей Добровольческой Армии. Как правило, эти донесения печатались только в трех экземплярах и отправлялись генералам Драгомирову, Лукомскому и Романовскому. (В скобках напомним, что о своем личном знакомстве с ген. Драгомировым упоминал сам Солоневич).

Закон конспирации для «Азбуки» был выработан следующим образом. Командиры отдельных немногочисленных групп, как правило, друг друга не

знали, а связь с центром в лице Шульгина поддерживали через координаторов. Таким образом, даже командиры зачастую не имели представления ни о руководителях всей «Азбуки», ни тем более о масштабах ее деятельности.

Из воспоминаний Шульгина узнаем, первой буквой азбуки, «Азом», был бывший депутат Государственной Думы от Киевской губернии Анатолий Иванович Савенко^[217]. До революции в газете Л. М. Солоневича «Северо-Западная Жизнь» материалы за его подписью появлялись с завидной регулярностью. Не слишком ли много случайных совпадений?..

В Киеве Иван Солоневич был почти до самого конца — 14 декабря 1919 года белые были выбиты из города окончательно. Обстоятельства сложились так, что жена и малолетний сын не смогли эвакуироваться до прихода красных. Иван Лукьянович предпоследним поездом (последним был бронепоезд, на котором служил его брат Всеволод — и они больше не увиделись) с потоком беженцев добирается до Одессы. Там, в газете «Сын Отечества» 13 и 14 декабря под псевдонимом «Ив. Деревенский» он публикует подряд два очерка об исходе из Киева: один называется «Путь страданий», другой «Свыше сил человеческих» (доказать авторство на сто процентов, впрочем, вряд ли возможно).

Настала пора сказать несколько слов об этом издании, попавшем в биографию нашего героя хотя и мельком, но оставившего свой след. Ежедневная газета «Сын Отечества» выходила в Одессе в 1918-м — начале 1920 года. Издателем ее был Н. К. Клименко^[218], известный журналист, основатель издательства «Русская культура», сотрудник Отдела пропаганды денкинского правительства.

Редактором в декабре 1919-го значится С. М. Кельнич, так что информация И. Л. Солоневича, как и в

случае с «Вечерними Огнями», оказывается некоторым преувеличением: редактировал он, скорее всего, лишь один из отделов газеты. Но, между прочим, Кельнич в эмиграции, помимо других своих занятий, будет выполнять функции представителя газеты Солоневича «Голос России» в Варшаве.

«Тылы и фронты Белой армии, героические цепочки на фронте, развал в тылу, помещичьи порки, восстания, усмирения, отступления, очередная «эвакуация» в Одессу, тиф и пробуждение уже под советской властью»^[219], — так подводит Иван Лукьянович итоги Гражданской войны со своей личной точки зрения.

Как свидетельствует доклад командующего войсками Новороссийской области генерала Н. Н. Шиллинга Главнокомандующему Вооруженными силами на Юге России генералу А. И. Деникину от 29 января 1920 года, по итогам эвакуации Одессы в городе осталось около 300 сыпнотифозных больных^[220]. Одним из них был И. Л. Солоневич, лежавший в госпитале (под военные нужды была отдана Стурдзовская богадельня Сердобольных сестер). О последних неделях перед эвакуацией белых из Одессы Иван Лукьянович вспоминает в упоминавшемся выше очерке об И. М. Калининкове, где есть такие строки:

«Вместе с И. М. и его братом Борисом <...> мы жили в Одессе на Елизаветинской, 17 в предэвакуационные недели. Я заболел — думал, что инфлуенца, семья Каллиниковых ухаживала за мной, как за своим братом и сыном, а потом ночью, зимой, я, голым, захватил свой чемодан и вышел на улицу с твердым решением куда-то отправляться — то ли в Москву, то ли в Киев. И. М. перехватил меня на улице, приволок домой и уговорил подождать автомобиля. Уговорам я поддался, и автомобиль отвез меня в сыпнотифозный госпиталь, откуда И. М. вытащил меня в день эвакуации — билет и

*место на пароходе он для меня приготовил. Но мои ноги были парализованы. И. М. закинул в кресло нашей гостиницы добровольческие мои документы (я не знаю, кто сейчас сидит в этом кресле — но оно во все большевистское время было для меня неким *temento mori*), снабдил меня каким-то другим документом, на прощанье перекрестил и сказал:*

— Не унывай, Ваня, Бог даст, скоро будем обратно. Увидимся.

Тогда был еще Крым. И тогда еще были близкие надежды. Но обратно И. М. не вернулся, и мы больше не увиделись...»^[221].

Таким образом, жизнь под советской властью началась для Солоневича на больничной койке. А продолжилась — после выздоровления — в качестве санитаря уже в другом госпитале.

Есть еще один смутный эпизод из биографии нашего героя, относящийся как будто к периоду Гражданской войны. В современных энциклопедиях бокса говорится, что первые группы бокса в Одессе были организованы братьями Энглези и братьями Солоневичами в 1919 году. Мало-мальски приличное объяснение этому факту можно дать только в том случае, если авторы энциклопедии ошиблись с датой. Братья Солоневичи могли организовать в Одессе и кружки бокса, и прочие спортивные занятия не раньше 1921 года. Это если речь идет об Иване и Борисе. Теоретически, в 1919 году это могли быть Иван и Всеволод — но вот при какой власти этот кружок был создан, энциклопедия не сообщает. Ежели, что наиболее вероятно, при советской — тогда история запутывается окончательно.

Кстати, Нил Никандров, автор книги «Иван Солоневич. Народный монархист» в одном из интервью (в книге этого нет) высказал сомнение в том, что

Всеволод Солоневич погиб, сражаясь в стане белых. Свидетельство Бориса, приведенное выше, он считает «картинным», дескать, в такую историю смерти Дика могут поверить только зрительницы телевизионных сериалов. Там же Никандров высказывает совершенно необоснованное предположение, что средний из братьев «мог выбрать свою, особую дорогу в годы революции и гражданской войны». Очевидно, автор первой биографии Ивана Солоневича просто не знаком с его статьей «Три ухода», опубликованной в 1936 году в «Голосе России». В ней, по сравнению с другими текстами Ивана Лукьяновича, пожалуй, содержится больше всего информации о том, чем он занимался в годы Гражданской войны. Итак, Киев, 1919 год, накануне очередного ухода красных из города. Иван Солоневич вспоминает:

«...В те дни я <...> перебрался на временное жительство в яму, расположенную в старинной крепости, над Цепным мостом. Вместе со мной в той же яме жил и Иван Михайлович Каллиников. По ночам мы пробирались в город по темным нашим делам, узнавали, что город уже готов к эвакуации, но что, кроме «партийной головки», эвакуироваться не собирается никто. Мы передавали куда было нужно переснятые на фотопленку сводки осведомления совнаркома. Дело прошлое: это стоило больших усилий и, как впоследствии выяснилось, там — где было надо, этих сводок не читал никто.

И потом — было утро. Орудийный гул доносился с юго-востока. Мы с И. М. сидели в кустарниках над Днепром. Внизу, по шоссе, к Цепному мосту шла кучка людей, человек тридцать-сорок, с винтовками и с чемоданчиками... Мы так ждали этого момента, и мы не узнали его, когда он пришел. Эта кучка и была уходящими из города большевиками: армейские части отступили на север и закрепились там, эвакуируемые

учреждения разбежались по домам и вся «опора власти» и заключалась вот в этих трех-четыре-десятиках людей.

Намного позже, вспоминая эту кучку людей, уходивших из города от б е л ы х и десятки тысяч уходивших из того же города от к р а с н ы х — я понял, в чем была основная разница между нами и ими: они были организацией, мы были или армией, или толпой. Но организацией мы не были...

Ночью над городом пролетали стальные гулы снарядов, — это отступившая большевистская флотилия била по подступающим петлюровцам. Утром меня и покойного брата моего Всеволода схватили на улице двое каких-то плюгавых галичан из петлюровцев и ни с того, ни с сего поволокли к арсеналу расстреливать: дело, впрочем, обошлось почти бескровно, двумя свороченными челюстями. В город уже втягивались по Печерску родные мне мальчишки, на передках орудий, на казацких седлах, на пулеметных тачанках юнкера, гимназисты, студенты, украинские хлопцы и донбассовские коногоны под командою людей, прошедших школу мировой войны.

Люди плакали, обнимали конские шеи и запыленные защитные рубашки. На улицах был праздник воскресения умиравшего русского города и умиравшей русской страны.

По Крещатику втягивались петлюровские полки. Они были выгнаны вон весело, беззлобно и, в сущности, бескровно.

На другой день после вступления «белобандитов» город перестал голодать...

* * *

...Осенней ночью большевики прорвали фронт у Ирпеня. По существу, фронта никакого не было, и прорывать было нечего: — но где-то за Европейским

базаром уже шла перестрелка, уезжали на тачанках штабы, десятки тысяч людей загрохотали Никольскую улицу: весь русский Киев уходил в Дарницу. Сапожник, живший в том же доме, что и я — на Никольской, 5, говорил мне сурово и нелитературно:

— Господин редактор, как и каким же чертякам все это годится? Что ж нам винтовок не дают?

Он сдержанно обнял плакавшую жену и мы вместе с ним поплелись к Цепному мосту. Рядом шагала толпа арсенальских рабочих, — кто молча и мрачно, кто проклиная генералов, их штабы и их канцелярии. Я имел глупость сказать одному из этих рабочих, что ему собственно и бежать-то нечего. Рабочий обругал меня нехорошими словами: «ты, мать твою... думаешь, что ты очки надел, — так ты один — русский?..»

За Днепром — от Никольской Слободки до Дарницы расположился табор десятков тысяч людей. И. М. Каллиников как офицер бегал куда-то, с кем-то ругался и где-то искал винтовок, винтовок не было. Тысяч десять-двадцать взрослых мужчин были неорганизованы, безоружны и бессильны. Батарея, стоявшая у слободки, слала снаряды в Купеческий сад. Оттуда неслись редкие винтовочные выстрелы: кучка мальчиков и штабс-капитанов не пустила большевиков на Печерск, а вечером и вовсе вышибла их из города...

Мой брат Всеволод служил комендором на канонерке «Некрасов». Это был прозаический пассажирский пароход, на палубе которого были установлены две трехдюймовки. Пароход тянул за собою баржу с шестидюймовым морским орудием. Команда его состояла почти исключительно из русских мальчиков самого разнообразного «классового происхождения». По организационным принципам, господствовавшим в штабе ген. Драгомирова, — этих

мальчиков не кормил никто. Они ручными гранатами глушили рыбу и меняли ее на хлеб... Я в то время редактировал газету «Вечерние Огни» и думал, что делаю настоящее всамделишное дело. Но я видал, как это дело делалось вообще. Тоска брала свое, и я время от времени увязывался с этой канонеркой в качестве неопределенной помеси из франк-тирера и военного корреспондента.

Канонерка прошла на Межигорье: нужно было вытащить морское орудие на берег — баржа не выдерживала его отдачи — и обстрелять расположенные к северу, на правом берегу реки, китайские части. Для безопасности орудие стали вытаскивать на левый берег — там не было ни фронта, ни противника. Пастухи мальчишки, увидавшие наш отряд, с воплем понеслись к соседней деревне: свои пришли. Деревенька высыпала к нам вся: мужики, бабы, кони. Орудие выволокли в два счета. Снабдили команду хлебом, салом, молоком. Спрашивали, кто мы. Мы прежде всего были те, кто бьет большевиков, о дальнейшем деревня не имела никакого понятия...

...Группа журналистов, которая работала в ОСВАГ'е (добровольческий агитпроп), пыталась добиться, чтобы каждая часть армии имела бы в своем обозе ряд простых плакатов: кто мы и за что мы боремся и каков должен быть, хотя бы и временный, порядок в тылу армии... И, приходя в деревню, часть расклеивала бы эти плакаты на стенах хат. Из нашего проекта ничего не вышло. Вероятно, потому, что самый старший по чину в нашей группе — И. М. Каллиников был только поручиком...

...Когда орудие отстреляло, те же мужики снова помогли втащить его обратно на баржу, бабы за это время ухитрились позаштопать дыры путаных добровольческих туалетов и форм. Канонерка приняла не то 15, не то 17 новых добровольцев.

Потом об этом мне уже рассказывал мой брат — в эту деревню пришел кавалерийский отряд под командой местного помещика и занялся восстановлением погранной собственности. Были применены и нагайки. К следующему «десанту» к канонерке из деревни не вышел никто, и из новых добровольцев на «Некрасове» не остался ни один... Я пытался было установить имя этого блюстителя порядка, но потом бросил — все равно его не повесили бы...

* * *

В начале декабря команда «Некрасова» была снята с парохода и отправлена «на фронт» где-то за Межигорьем. Их было около двадцати пяти человек. Командир их, мичман Москвин, расположил их «на позиции» и отбыл в Киев. Плохо обученные мальчишки «избрали» Всеволода командиром, хлеба у них не было ни куска, и они почти трое суток отстреливались от китайского полка — до полного истощения патронов и сил. Надо полагать, что боеспособность этого полка была не очень велика, но все же к концу третьих суток мальчишки побрели в город. Всеволод свалился с ног и вкуче с товарищами своими был подобран мужиками и спрятан в сарае — туда же было спрятано и два пулемета этой команды. В деревню пришли китайцы, произвели некоторый обыск, ничего не нашли и убралась восвояси, не подозревая того, что в эти дни между ними и Киевом не было ни одного вооруженного белого.

Где-то в других местах какие-то другие фронты плохо организованных мальчиков и выбившихся из сил офицеров были «прорваны» — и Киев переживал еще один уход — на этот раз последний. Эшелоны уходили за эшелонами. Я и И. М. Каллиников уезжали с предпоследним поездом — поездом «головного отряда». Последним уходил бронепоезд, на котором в это время служил Всеволод. В толпе, запрудившей вокзальные платформы, он, ухватившись за поручни бронированного вагона, пытался разыскать взглядом меня. Наш поезд трогался. Брат так и не увидел меня, а я видел его в последний раз в жизни»^[222].

Итоги Гражданской войны Солоневичу довелось подводить много лет спустя, уже в эмиграции:

«Не мы подняли стяг гражданской войны, не мы звали к братоубийству. Не на нас лежит вина за окровавленное тело Родины нашей. Но, может быть, на нас есть другая вина: вина не зла, но вина слабости. Добро должно быть сильным. <...>

В истории нашей гражданской войны было несколько моментов, когда нам «чуть-чуть не хватало», чтобы оказаться победителями. Основных таких момента было два: атака ген. Юденича на Петроград и занятие армией ген. Деникина Орла.

Но ни Петроград не был занят, ни от Орла мы не смогли дойти до Москвы. <...>

Финнам не отдали Финляндии — и всю Россию отдали большевикам. <...>

Ошибка номер второй. Не был решен — под всяческими предлогами и под влиянием г-на Кривошеина и прочих — земельный вопрос. И хуже, были допущены безнаказанные карательные помещичьи экспедиции. Их было немного, но свое дело

они сделали: крестьянство из союзников превратилось или в нейтралистов, или во врагов (восстания в белом тылу). <...>

Ошибка номер третий. Не пустили молодежь. И если на фронте выдвинулось очень много и очень талантливой военной молодежи, то в тылу ей никакого хода не было. <...>

Нужно было пустить молодежь в Осваг. Я работал в киевском — это было учреждение поистине позорное — хуже концлагерного КВЧ (культурно-воспитательная часть). И об этот Осваг мы, группа молодежи, бились, как головой о стену, и ничего не могли сделать»^[223].

И, наконец, главный вывод:

«Нас разбила совокупность событий и вся совокупность наших ошибок. Выкиньте любую из них, и мы не сидели бы здесь»^[224].

Так Иван Лукьянович оценивал поражение белых в Гражданской войне в 1936 году, на заре своей эмигрантской деятельности. С годами анализ событий становился более глубоким. В «Народной Монархии», итоговой работе, написанной на исходе своего жизненного пути, он писал:

«Как бы мы ни оценивали и фронтовой героизм Белых армий и беспримерную дезорганизацию их тылов, — но совершенно ясно одно: общего языка с народом ни одно из белых формирований не нашло. И никому не пришла в голову самая простая мысль: опереться на семейные, хозяйственные и национальные инстинкты этого народа, и в их политической проекции — на Царя — Б а т ю ш к у, на Державного Х о з я и н а Земли Русской, на незыблемость русской национальной традиции и не оставить от большевиков ни пуха, ни пера.

Меня, монархиста, можно бы попрекнуть голой выдумкой. Однако, выдумка эта принадлежит Льву

Троцкому:

«Если бы белогвардейцы догадались выбросить лозунг «Кулацкого Царя», — мы не удержались бы и двух недель».

«Белогвардейцы», то есть, в данном случае, п р а в и в ш и е слои в с е х Белых армий, этого лозунга выбросить действительно не догадались. <...>

*Разгром всех Белых армий произошел по совершенно одинаковым социальным причинам и почти на совершенно одинаковых географических рубежах и в одинаковых военно-стратегических условиях: по неумению привлечь на свою сторону народные массы, при переходе армий из областей вольного хлебопашества на территории крепостного права, после превращения горсточек боевых энтузиастов в армии мобилизованной крестьянской молодежи. Обо всем этом Ленин говорил **з а р а н е е**. И Ленин, и Троцкий п о н и м а л и смысл и стратегию гражданской войны безмерно яснее, чем понимали это Колчак и Деникин»^[225].*

Уместить четырнадцать лет жизни Ивана Солоневича «под серпом и молотом» в одну главу — не получается. Поэтому их будет три. Первая включает в себя период жизни в Одессе и недалеко от нее, вторая — московскую спортивно-бюрократической деятельность. И, наконец, третья повествует о том, как под покровом лояльного подсоветского существования шла тайная жизнь «внутреннего эмигранта», замыслившего побег из «социалистического рая». Иногда это были только умозрительно-теоретические попытки — и порой они казались почти сбывшимися, но разбивались о бюрократический гранит дьвольски отлаженной системы ВЧК. В какой-то прекрасный момент они вроде бы воплощались в реальное действие

— и вновь терпели неудачу. Пройдя несколько таких дантовых кругов, впору было отчаяться...

СОВЕТСКИЕ ЗАРИСОВКИ

Первая половина 1920-х — как и в случае с Гражданской войной — один из самых сложных для биографа периодов жизни Ивана Солоневича. Сам он освещает эти годы весьма скупо и, что совсем обидно, все заметки носят отрывочный характер. Никакими архивными документами, касающимися его судьбы в это время, мы не располагаем.

По счастью, есть еще воспоминания жены Тамары Владимировны («Записки советской переводчицы» и «Три года в Берлинском торгпредстве») и брата Бориса Лукьяновича («Молодежь и ГПУ» и «На советской низовке»). Благодаря им можно составить относительно полную картину пребывания И. Л. Солоневича на советской Украине, в том числе и с точки зрения хронологии.

«Ватик, который в момент отхода белых болел тифом и вынужден был остаться, связался, наконец, со мной, оставшейся в Киеве, — сообщает Т. В. Солоневич в «Записках». — С превеликими мытарствами, после шестидневного сидения на чемоданах и мешках, вместе с четырехлетним Юрочкой, в товарном вагоне, я притащилась (буквально притащилась) в Одессу. Поступила переводчицей на Одесскую радиостанцию, которая все еще после пережитых событий не могла начать работать и находилась в состоянии ремонта. <... > Муж же решил заняться рыбной ловлей. Правда, до тех пор он никогда в жизни всерьез этим делом не занимался, но делать было нечего, на службу куда бы то ни было он идти не хотел. Большевики в этот период рыскали, как гончие, по Одессе и окрестностям, вылавливая белых. Мы наняли дачку на двенадцатой станции (те, кто был в Одессе, знают, что так

называется двенадцатая остановка трамвайной линии, соединяющей по берегу моря Одессу с курортной местностью Большой Фонтан). Ваня завел какие-то таинственные знакомства с местными рыбаками, привлек к нам на дачу в виде компаньона одного киевского знакомого с женой, и рыболовная артель была создана.

Я проводила на радиостанции два-три часа в день. Возвращаясь домой, мы с соседкой начинали «наживлять» на переметы рачков или червей, затем мужчины уезжали на лодке в море, закидывали перемет. Через несколько часов ехали снова и приезжали с добычей, которая, увы, оставляла желать лучшего: на долю каждого приходилось 11-12 бычков. Бычки эти моментально жарились и съедались. Мои три тысячи советских денег (в 1920 году все советские служащие, будь то курьер или профессор, получали по три тысячи, большевики проводили один из своих бесчисленных, теоретически неоспоримых, экспериментов) шли на остальные необходимые для питания ингредиенты»[\[226\]](#).

Итак, Иван Солоневич в 1920 году никаких дел с советской властью иметь не желал. Но очень скоро сама власть в лице ЧК заинтересовалась им. Причем опасность пришла оттуда, откуда ее не ждали. По свидетельству С. Л. Войцеховского в Одессе во время красного террора «несколько человек, решивших продолжать борьбу во что бы то ни стало (из них впоследствии, в эмиграции, стяжал себе известность И. Л. Солоневич), основало «Союз освобождения России». Мы выпускали подпольный Информационный бюллетень, мы установили связь с Крымом, этим последним клочком свободной русской земли»[\[227\]](#).

Но чекисты проявили интерес к семье Солоневичей совсем по другому поводу. Не обошлось без помощи «доброжелателей». Случай вышел поистине анекдотический (ведь анекдот совсем необязательно должен быть смешным, изначально это просто поучительный исторический эпизод). У старой литовки садовницы Каролины был петух, который долгое время терроризировал сына Солоневичей Юру. Однажды к Юре пришла его подружка Зоя — и стала жертвой страшного петуха, который клюнул ее в голову.

«Ваня стал в ярости гоняться по всему участку за петухом, — вспоминала Тамара Владимировна, — поймал его и засадил в клетку.

Позже мы узнали, что в тот вечер Каролина, сидя на заборе, окружавшем дачу, говорила сердобольным соседкам:

— Они моего петуха засадили в клетку, а я их засажу»^[228].

Угроза была выполнена: через три дня нагрянули с обыском и всех троих действительно засадили в тюрьму. В бюваре (настойной папке для писем и бумаг) Тамары Владимировны были, в частности, найдены письма мужа на бланках газеты «Новое Время». Имелись и другие вещественные доказательства для того, чтобы отправить на тот свет целую семью «заговорщиков-белогвардейцев».

По данным современного историка С. В. Волкова, «в Одессе в начале 1920 года ежедневно расстреливалось в среднем по 100 человек»^[229]. Иногда — тридцать в день, иногда и триста...

В ожидании приговора протянулись три месяца. Единственной радостью, которая скрашивала пребывание в тюрьме, было посещение храма. В 1920 году тюремные церкви еще не были превращены в клубы, и каждое воскресенье совершалась служба, во

время которой родственники могли хотя бы издали увидеть друг друга. Солоневичи с радостью пользовались такой возможностью.

Беда не приходит одна: с воли Тамара Владимировна получила известие о кончине своей матери, которая была арестована за то, что скрывала белых, и, находясь в Харьковской тюрьме, заболела тифом и умерла — от болезни и истощения.

Иван Солоневич об отсидке в одесской ЧК вспоминал нечасто. Тем более эти редкие воспоминания заслуживают внимания.

«Потом я почти присутствовал при массовых расстрелах социалистической молодежи в большевистских тюрьмах Одессы, — писал он четверть века спустя в книге «Диктатура импотентов». — Я ненавижу социализм, но это было чересчур. Я не питаю решительно никаких симпатий к нелепому племени украинских сепаратистов, но сидя в одесской тюрьме и ожидая расстрела, я в щелку тюремных ворот смотрел на целую колонну сепаратистской молодежи, которой солдаты ВЧК (позднейшее ОГПУ, потом НКВД, теперь МВД) проволокой связывали за спиной руки перед отправкой этих двух-трех сотен юношей и девушек, почти мальчиков и девочек, на расстрел»^[230].

И еще один эпизод из этой же серии:

«Когда в одесской чрезвычайке пьяный палач Вихман ходил по заваленным телами (пока еще живыми) подвалам и хлестал направо и налево плетью и напоролся на меня в узком коридоре, я просто посмотрел ему в глаза. И он понял, что, если бы он поднял свою плеть на меня, я бы его ухлопал, как муху. Он выругался и прошел мимо»^[231].

О том, что за эти тюремные месяцы он перенес четыре приступа возвратного тифа, а пятый произошел через несколько дней после выхода из тюрьмы, Иван

Лукьянович нигде не пишет. Об этом мы узнаем из воспоминаний жены.

В конце августа 1920-го, так же неожиданно, как арест, пришло освобождение. Солоневич в своей знаменитой «России в концлагере» говорит о том, что оно оказалось возможным благодаря усилиям молодого еврея по фамилии Шпигель, которому он в свое время оказал какую-то «пустяковую и, вполне, так сказать, «заочную» услугу».

«Указанный Шпигель околачивался в то время в одесской чрезвычайке. Я не знаю, по каким собственно мотивам он действовал — по разным мотивам действовали тогда люди — не знаю, каким способом это ему удалось — разные тогда были способы, — но все наши документы он из чрезвычайки утащил, утащил вместе с ними и оба наших дела — и мое, и жены. Так что, когда мы посидели достаточное количество времени, нас выпустили вчистую, к нашему обоюдному и несказанному удивлению. Всего этого вместе взятого и с некоторыми деталями, выяснившимися значительно позже, было бы вполне достаточно для голливудского сценария, которому не поверил бы ни один разумный человек»^[232].

Так термин «Шпигель» вошел в семейный словарь Солоневичей: когда было совсем невмоготу, утешались тем, что должен же подвернуться «какой-нибудь Шпигель».

Этот словарь, по большей части, состоял из трогательных и забавных семейных прозвищ. С некоторыми из них мы уже познакомились.

«Ватик» — это Иван Лукьянович. Иногда эта формула сокращалась до «Ва», иногда разрасталась, превращаясь в «дядю Ваню».

«Боб», как уже говорилось выше, — это Борис. Скаутская молодежь обращалась к нему «дядя Боб».

Юру звали «Юрчиком» или «Кваком».

Тамару Владимировну — «Тамочкой», «Мутиком» или же «Сисипапой». Последнее прозвище пришло из ее детства, когда вместо «рассыпала» она произнесла «сисипапа».

После отсидки в ЧК Солоневичи решили не искушать судьбу и срочно поменяли местожительство. Этой же целью — покинуть Одессу до окончания «военного коммунизма» с его красным террором — задался и С. Л. Войцеховский.

«Тогда это было не очень просто, — вспоминал Солоневич. — С. Л. Войцеховский каким-то путем — каким именно, я не помню — устроил и себе, и мне более или менее фантастическое назначение в город Ананьев на работу по продовольственной линии. Без назначения или без командировки из Одессы выезжать вообще было нельзя. Мы выехали. Правда, не без некоторых трений. Стараниями С. Л. я был назначен «комиссаром» целого вагона продработников, точнее целой теплушки. И все документы всех этих людей были у меня в кармане. Но за час до отхода поезда я попал в какую-то идиотскую и по тем временам весьма часто практиковавшуюся облаву. С. Л., моя семья и все эти продработники проторчали в вагоне целые сутки, пока я со всеми этими документами не развязался с облавой и ее последствиями.

Эта бумажка с титулом «комиссара» сохранялась у меня весьма долгое время и много раз выручала меня из самых неприятных положений.

В общем, в конце концов мы приехали в Ананьев. С. Л. играл там роль этакого столичного высококвалифицированного глубоко партийного комиссара и этим вгонял в такой пот и в такую дрожь все местные не особо высоко квалифицированные и не глубоко партийные власти, что ему ни разу не посмели задать самый скромный вопрос — вопрос о наличии у

него партийного билета. Под этой маркой нам, в частности, удалось выручить из весьма скользких положений некоторое количество своих людей. По тем временам по «скользким положениям» люди скользили непосредственно в подвалы чрезвычайки. Я почему-то был инструктором по кооперации. В кооперации я не понимал ничего, но, с другой стороны, и кооперации-то никакой не было. Так что мои функции особенной трудностью не отличались»^[233].

Возвращение в Одессу состоялось примерно через год — летом 1921 года. Но до этого произошло чрезвычайно радостное событие — долгожданная встреча с братом Борисом. Ранее линия судьбы Б. Л. Солоневича дошла в нашей хронике до весны 1920-го, когда он пребывал в белом Севастополе. Вскоре, уже из Новороссийска, Борис Лукьянович эвакуировался в Константинополь.

В мае 1920 года начальник Политической части Главнокомандующего Вооруженными Силами Юга России (так называет должность историк скаутизма Р. Полчанинов; будь он педантом, мы, возможно, смогли бы назвать и фамилию, и звание этого человека) предложил руководителю русских скаутов Олегу Ивановичу Пантюхову (1882–1973) вернуться из Константинополя в Крым для организации и возглавления Главной квартиры скаутов. Пантюхов послал вместо себя Бориса Солоневича^[234]. Выяснилось: обстановка никак не благоприятствует созданию Главной квартиры, хотя Севастополь еще был белым.

Историк русского скаутизма Ю. В. Кудряшов отмечает, что Борис «пытался хлопотать в Ставке командования о признании армией скауторганизации, сделал доклад в Совете начальников управлений под председательством Кривошеина. Конечно же, к двадцатичетырехлетнему студенту власть

предержавшие отнеслись с улыбками, оценили скаутскую организацию как нечто несерьезное. Его попросту не пускали в высокие кабинеты, отфутболивали как только можно. Параллельно местные скаутмастера избрали Старшим Скаутом Крыма генерала И. Б. Смольянинова. Пантюхов утвердил итоги крымских выборов, назначил генерала своим Заместителем и благородно утешил Б. Солоневича благодарностью «за энергичную и кипучую деятельность»: «Лучшего заместителя я не мог бы найти и без лести скажу, что мечтал работать именно с Вами» (Приказ русским скаутам № 17 от 27 октября 1920 г.)^[235].

Воспользовавшись возможностью выехать на несколько дней в Константинополь по делам Американского Красного Креста, в котором он сотрудничал, Б. Л. Солоневич отправился доложить своему руководителю о положении дел. В Турции его и застало известие о начавшейся эвакуации армии Врангеля. Несмотря на это, он вернулся обратно в Крым, и сразу же из Ялты перебрался в Севастополь, к своим скаутам, застав еще последние дни эвакуации белых.

После прихода красных Борису удалось избежать внимания компетентных органов, и он продолжил скаутскую работу — в первые годы советской власти скауты существовали вполне легально, до тех пор, пока не появились пионерские отряды, укравшие у них и часть символики, и девиз «Будь готов!».

Больше того, как видный спортсмен Борис Лукьянович был назначен заведующим «Первым Севастопольским рабоче-крестьянским советским спортивным клубом имени Н. И. Подвойского». В общем, совмещал работу «беспартийного спеца» с контрреволюционным увлечением скаутизмом. Несколько позже стал председателем Крымского

олимпийского комитета. Находясь именно в этой должности и состоя на службе в местном Всевобуче, в конце весны 1921 года он получает неожиданную весточку от старшего брата, которого считал уже погибшим. Обратимся вновь к книге «Молодежь и ГПУ»:

«Милый братик Боб, — писал Ваня, — посылаю тебе письмо наудачу на адрес Севастопольского Всевобуча. Тебя, как чемпиона, там должны, конечно, знать и найти...

Можешь себе представить, как я дьявольски рад, что ты жив. А по совести говоря, я и не надеялся видеть тебя на этом свете.

А узнал я о тебе до нелепости случайно. В Москве теперь я проездом. Живу с Тамочкой и Юрчиком под Одессой.

По старой привычке купил в киоске «Красный Спорт». Просматриваю. Гляжу — фото — победители Крымской Олимпиады. Такие фотографии — их на пятак — дюжина. А тут почему-то я пригляделся... Судьба какая-то ввязалась в это дело. Гляжу — твоя физиономия... Вот так чудеса!.. Ну, я, конечно, сейчас же на почту... Я так рад, что хоть тебя отыскал в этой нелепой каше... Где батька и Вадя — ума не приложу... Знаешь что, Bobbu, — плюнь на все там — приезжай ко мне. В такое время плечо к плечу легче воевать с жизнью...

Ей-Богу, приезжай, братик!..»^[236].

Выбив себе липовую командировку «в г. Одессу для связи с Юго-Восточным Олимпкомом и ознакомления с постановкой спорта и допризывной подготовки» (настолько липовую, что Одесса, вопреки географии, была помещена на восток от Крыма), Борис отправляется в путь и благополучно достигает «красавицы у моря».

Однако же конечным пунктом назначения был уездный городок Ананьев, а это еще около 240 километров — 200 на поезде и остальное пешком. По законам того жуткого времени выезжать из Одессы без официального разрешения властей было воспрещено, следовательно, возникла необходимость заручиться новой бумажкой. Для ее получения был изобретен проект Олимпиады всего юга России, для организации которой товарищ Солоневич был командирован в различные пункты Одесской губернии, а всем военным и гражданским властям мандат предписывал оказывать его обладателю всяческое содействие.

«Ананьев был грязным и глухим уездным городишком, — пишет об Ананьеве образца 1920 года в своих мемуарах актер А. Волков. — Городом он был назван, наверно, только потому, что в центре его была площадь, окруженная несколькими каменными лабазами и украшенная старинным зданием уездной управы. Все это обветшало и оставалось неизменным, быть может, со времен Сквозник-Дмухановского, и так вот и казалось, что из трактира нет-нет — и появится Хлестаков. Остальные улочки тонули в непролазной осенней грязи, а веснами пьянили ароматом сирени и цветущих садов, окружавших маленькие домики. Раз в неделю городок оживал от спячки. С рассвета скрипели возы. Клубилась белая пыль. Хохлы съезжались на «ярмарок». И ананьевский «ярмарок» был тоже гоголевским. Горы горшков и «макитр», визг поросят, истошное кудахтанье перепуганных рыжих кур, запах дегтя, сена и навоза»^[237].

Завершая свой марафон, Борис Солоневич достигает захолустного Ананьева:

«Кто узнал бы в босоногом человеке, одетом в брючки и рубаху, сшитые из старых, покрытых пятнами, мешков — блестящего журналиста и человека с высшим

юридическим образованием? По внешности вышедший мне навстречу человек был похож на бродягу, пропившего в кабаке остатки своего костюма... Вероятно, любой из моих читателей со страхом отшатнулся бы от такой странной фигуры... Но для меня это был мой милый брат, шуткой судьбы оставшийся в живых и заброшенный в дебри Новороссии...»^[238].

Иван Лукьянович, как мы помним, прибыл в Ананьев по линии Наркомпрода, и вот ведь — именно забота о продовольствии и стояла в это время на первом месте. Только не ради нужд советской власти, а ради прокормления собственной семьи. Братья придумали несколько неожиданный, но для них, давних спортсменов, едва ли не единственный приемлемый способ добычи хлеба насущного. Они стали изображать из себя бродячих цирковых артистов. Приходили в село, с помощью бутылки спирта заводили знакомство с местным начальством и, получив разрешение на концертную деятельность, расклеивали афиши.

Ради политизации культурно-массового мероприятия сначала выступал какой-нибудь доморощенный троцкий, а уже затем начинался «мировой аттракцион» с песнями, декламациями и фокусами. Творческий вечер завершался «грандиозным гала-спорт представлением». Два брата-атлета, каждый под сто килограмм весом, старались максимально удовлетворить невзыскательные вкусы сельской публики. Тут вам и поднятие тяжестей, и борцовская схватка, и боксерский поединок, и «разбивание камней на грудях», и «адская мельница», и «мост смерти» — короче говоря, те же фокусы, но со спортивной подоплекой.

Плату за вход брали не столько деньгами, сколько продуктами, и после представления тащили домой по мешку всяческой снеди. Жена Ивана, Тамара

Владимировна, вносила свой вклад в семейный бюджет: варила мыло и продавала его на базаре.

«Я не любитель профессионального спорта, хотя мне и им заниматься приходилось, — писал Иван Солоневич в эмиграции. — До революции Поддубного я ни разу и в глаза не видал. Наша встреча имела несколько странный характер. Дело было в городе Ананьеве, куда нам пришлось исчезнуть «по независящим от нас причинам», и вот продавая самодельное мыло на базаре, вижу я, как по тому же самому базару слоняется какая-то кариатида. Я видал фотографии Поддубного, но в этих фотографиях фигурировали некоторые косметические средства, придававшие доблестным усам Ивана Максимовича черный цвет и вильгельмовский торчок. Сейчас усы вернулись в свое первобытное состояние: рыжие и позапорожски висящие вниз. Но все-таки Поддубного я не узнать не мог. Познакомились. Выяснилась довольно забавная вещь: мы оказались сослуживцами. В Ананьеве существовал воображаемый спортивный клуб Всевобуча (орган всеобщего военного обучения), и мы оба числились там инструкторами по спорту. Клуб этот был довольно странным заведением. Несколько позже этот клуб выдал мне пакет и мандат на поездку в Харьков. В мандате было сказано, что я имею право ехать на паровозах и под паровозами, а в пакете, запечатанном пятью печатями, прошитом нитками, были два или три номера какой-то ананьевской газетенки. Газетенка была запихана для того, чтобы пакет имел более серьезный вид. Пакет действительно имел серьезный вид. Я ехал под паровозами и над паровозами, и в Харькове этот пакет производил весьма солидное впечатление, пока мне не пришлось отправить его в уборную. Назад я ехал с другим пакетом, полученным, примерно, по тому же способу.

Ананьевский спортклуб представлял собою весьма уютное убежище всякого рода белогвардейцев. Если я не ошибаюсь, то и С. Л. Войцеховский занимал там какую-то ни с чем не сообразную должность. Словом, это было предприятие совершенно фантастическое, и если бы об операциях этого предприятия рассказать подробно, мне никто бы не поверил: наша реальная революционная и контрреволюционная жизнь изобилует выдумками такого рода, что никакой фантазии эти выдумки совершенно не под силу.

Словом, оказалось, что мы с Иваном Максимовичем, так сказать, сослуживцы. Ананьевский спортклуб своими всеобучевскими пайками подкармливал некоторое количество белых офицеров. Пайков этих было не очень много («штатные ведомости») и особенным плодородием они не отличались. Возникла мысль о благотворительном спектакле. Этот спектакль тоже был довольно фантастическим предприятием. Там было два коронных номера: Борис Солоневич пел «Во Францию два гренадера» — при оглушительном голосе и без избытка музыкального слуха. А потом была борьба Ивана Поддубного с Иваном Солоневичем»^[239].

Солоневича в конце XX — начале XXI века на родине переиздавали не раз, но в основном его крупные произведения. Газетная публицистика Ивана Лукьяновича, если говорить всерьез, по-прежнему лежит под спудом и выдается широкой публике в час по чайной ложке. А потому не будем стесняться обширных выдержек из статей, которые не читаны русскими людьми уже три четверти века. Тем более, что и героем писаний Солоневича является личность легендарная.

«Спроектировали благотворительный вечер, доход с которого де-юре должен был пойти в ведомство всеобщего военного обучения, а де-факто пошел в пользу офицеров. Борис пел «Во Францию два

гренадера» и кидал двухпудовики, а я вылез бороться с Поддубным.

Техническая сторона дела заключается в том, что техника любительской борьбы в России стояла на необычайно высоком уровне. Я борьбы не люблю и этим делом «по специальности» не занимался. Но все-таки технику знал. В 1918 году я провозжался целый час со Збышко-Цыганевичем (старшим) и кончили более или менее вничью. Меня этот матч весьма мало интересовал, а Збышко-Цыганевич рисковал подорвать свою репутацию. Техника у меня была немного выше. И поэтому я был уверен в том, что и с Поддубным я справлюсь.

Из этого мероприятия не вышло ничего. Правда, Иван Максимович отнесся ко мне несколько презрительно, как к любителю и дилетанту. Почему чуть-чуть не был положен на первой же минуте: положить Поддубного на первой минуте — это было бы весьма высокой маркой. Но это не удалось. Думаю, что последующие шестнадцать минут являли собою довольно жалкое зрелище: Иван Максимович обозлился. Насколько я вспоминаю, я летал по ковру, как осенний лист, крутимый бурей. Тамара Владимировна несколько всплакнула в партере — и на семнадцатой минуте я был уложен по всем правилам этого благородного искусства.

Поддубный, конечно, бороться не умел. Но это была такая чудовищная сила, что о сопротивлении всерьез — не могло быть и речи. Я продержался несколько более шестнадцати минут. Эти шестнадцать минут обошлись мне довольно дорого: две недели после этой борьбы каждая связка и каждый мускул болели и ныли по отдельному...

Потом всем нам, по «внутренне-политическим причинам», пришлось бросить и Ананьев. Некоторое время Поддубный и Борис (изредка и я) ездили по

украинским селам, в качестве этакого балагана. Борис пел своих «Двух гренадеров» и швырял двухпудовки, был еще какой-то офицер-виолончелист, который играл, кажется, Баха, и никакого успеха среди украинских мужиков не имел, и потом мы вступали в схватку с Поддубным, на этот раз, конечно, не всерьез. Это был самый коронный номер, приносивший нам наибольшее количество яиц, сала и прочего в этом роде.

Несколько позже, когда и из Ананьева пришлось эвакуироваться, мы в Одессе организовали «настоящий международный чемпионат греко-римской борьбы», в каковом чемпионате Борис прятался от чрезвычайки под кличкой австралийского чемпиона Боба Кальве, а я — под кличкой финского чемпиона Ярвинена — и потом из всего этого ничего не вышло. Нашелся какой-то финн, который пришел ко мне за кулисы, поговорить со своим соотечественником на своем родном языке. Ну, что я мог сказать по-фински?

Дело кончилось плохо: я кое-как успел сбежать; Борис попал в чрезвычайку. Бориса мы все-таки кое-как выручили (просидел все-таки год). Поддубный же в один не совсем прекрасный день ввалился в нашу опустевшую комнату и плюхнулся всей своей восьмипудовой тушей на пол: тиф. Тамара Владимировна, мобилизовав все свои ресурсы, ухитрилась отправить его в больницу.

В дальнейшем дела пошли совсем путано. Я узнал о том, что Поддубный уехал в Америку и порадовался за хорошего русского человека. Не то в 1929, не то в 1930 году мы с братом встретили его на Тверской — у него рост даже как будто уменьшился: обтрепанный, рваный, голодный. Говорили, что в Америке у него остался миллион долларов его борцовских гонораров (конечно — преувеличение) и что большевики постарались вытащить его из Америки, надеясь вместе с ним вытащить и его миллион. Не знаю — вытащили ли.

Вероятно — нет. Иван Максимович имел чрезвычайно грустный вид: обманули, сманили, почти что изнасиловали.

Вместо утешения я не нашел ничего лучшего, как задать ему язвительный вопрос:

— А политикой-то, Иван Максимович, интересоваться стоило бы?

— Да, стоило бы... А вот теперь всю жизнь боролся, шестьдесят лет, пора бы отдохнуть... Ты думаешь (он называл меня на «ты»), за что я боролся? Чтоб какой-нибудь сукин сын да русских борцов клал?..

Мы по русскому обычаю завернули в пивнушку. Иван Максимович ничего не пил и ничего пить не мог. В том же Ананьеве был такой инцидент: одна докторша — весьма неясного происхождения, на соседнем чердаке прятала какой-то ящик с неизвестным мне содержимым. Ящик этот требовалось перенести в ее квартиру, для чего, по ее подсчетам, требовалось человек десять носильщиков — а человек десять — это уже рискованная вещь. Мы с Поддубным этот ящик сволокли вдвоем. Докторша угостила нас разведенным спиртом. Иван Максимович долго отказывался, пока, наконец, его не уговорили. Уговорили. Уговор кончился нехорошо. После первой стопки Иван Максимович стал стучать кулаком по столу. Тамаре Владимировне пришлось пустить в ход всю свою женскую дипломатию, чтобы Ивана Максимовича довести до нашей комнаты. Иван Максимович подчинился беспрекословно и был доведен...

Так что в пивнушке мы принялись за так называемое ситро — это просто вода, относительно которой имеются предположения, что она все-таки — кипяченая. Иван Максимович сидел, понутив свои грузные плечи, и говорил:

— Ого, бис его матери — усю жизнь за русскую славу боролся — а теперь и за шматок хлиба бороться

негде.

Бороться было негде — профессиональная борьба была запрещена. А «шматок хлеба» Ивану Максимовичу очень был нужен. Все то, что он за много лет заработал на ковре — было реализовано в виде небольшого хуторка «пид Полтавой» —

Садок вишневый коло хати,
Хрущи над вишнями гудуть...

— и вообще — идиллия. Большевики раскулачили и хуторок, и садок, отобрали даже все медали и призы Ивана Максимовича. Несмотря на свое явно крестьянское происхождение и полное отсутствие какого бы то ни было отношения к «эксплуататорским классам» и к политике — Иван Максимович сидел в полтавской чрезвычайке, сидел в московском ГПУ...

Советские газеты не без некоторой гордости сообщают, что Иван Максимович нынче, в шестьдесят семь лет, борется в провинциальных цирках. Тон газет несколько хвастлив: знай-де наших, советских — даже в шестьдесят семь лет еще борется человек. О том, как Ивана Максимовича ограбили до нитки, о том, как его таскали по чрезвычайкам, о том, как его выманивали из Америки и о том, что человеку в шестьдесят семь лет пора бы не возиться на ковре, а жить на покое, что надо было бы ему — хотя бы в возмещение всего ограбленного, дать хоть какую-нибудь пенсию — советская печать, конечно, и не заикается. В числе прочих разочарований своей жизни — Иван Максимович испил еще и чашу возвращенчества: «как девочку сманили... Казали, едь на родину»...

Вот он и приехал»^[240].

Возвращаемся в начало 1920-х. Из Ананьева Солоневичи вернулись в Одессу. На какое-то время Ивану Лукьяновичу пришлось вспомнить свой петроградский опыт работы грузчиком:

«В мир одесских грузчиков я окунулся летом 1921 года <...> Одесские грузчики говорили о революции безграмотно, но мудро, а меня опекали всячески. За годы голода и тифов я сильно ослабел физически и шестипудовые мешки приобрели несвойственную им тяжесть. Мне было очень трудно. Кроме того, наличие в грузчицкой среде человека в очках вызывало недоуменное и подозрительное внимание советской полиции, — меня укрывали от этого внимания.

<...> Техника гражданской войны была выработана окончательно: главной опорой большевиков в Одессе был уже чисто уголовный элемент во главе с профессиональным бандитом Яшкой Япончиком, — грузчики все это знали очень хорошо. Город голодал. Грузчики организованно и традиционно воровали все, что было в порту и что можно было съесть. Но и этого с каждым днем становилось все меньше и меньше. Одесский пролетариат вымирал от голода.

Одесскому пролетариату власть предложила допинг. На собраниях и митингах, в газетах и плакатах было объявлено о «дне мирного восстания». Дни мирного восстания должны были заключаться в окончательном ограблении «буржуазии». Пролетариату было предоставлено право отнять буржуазии все ее излишки. Группы рабочих должны были обходить буржуазные квартиры и отнимать все, что по их мнению не было безусловно необходимым: лишнее белье и платье, посуду, мебель, ласы и прочее. Одесса пережила отвратительные дни: вот-вот в вашу квартиру ворвутся обоюго пола питекантропы и начнут рыться в шкафах и комодах, столах и сундуках. А вы будете стоять и смотреть — бессильный представитель

вымирающего мира собственности. Спрятать можно было только драгоценности — у кого они были, повальный обыск должен был охватить весь город, выходы из города были заперты отрядами того же Яшки Япончика и деваться было некуда.

Первый день мирного восстания был назначен на воскресенье — даты я не помню. Перекрестки улиц были заняты вооруженными отрядами. Выход на улицы населению был запрещен.

Над вымершим городом поднялась заря первого «дня мирного восстания». Люди сидели и ждали. День пришел и день ушел: никаких «ударных отрядов», никакого грабежа; на дни мирного восстания одесский пролетариат не пошел»^[241].

Вскоре, впрочем, подвернулся более интересный вариант, чем мешки в порту. Борис Солоневич встретил на улице... да-да, опять Ивана Поддубного и напросился к нему в «международный чемпионат французской борьбы». Великий русский борец, недавний кумир парижской толпы, «страшный казак», трехкратный чемпион мира был лишен новой властью домика и клочка земли, заклеямен «буржуем» и на старости лет вновь вынужден был вернуться в цирк ради хлеба насущного.

На афишах после имени Поддубного красовалось: «Впервые в России выступает чемпион Австралии, Боб Кальве, проездом из Сидней в Москву». Роль австралийского чемпиона играл, как мы знаем, Борис Солоневич. Играл почти два месяца, не возбуждая никаких подозрений, но однажды все-таки попался. Перешел на русский язык в разговоре с Максимычем за кулисами и... отделался легким испугом. Но работу пришлось искать вновь.

«В советское время, — вспоминал Иван Солоневич, — я промышлял цирковой борьбой — и если

бы это не было так противно — вероятно преуспел бы в этой области зрелищного искусства. <...> В цирке мне И. М. Поддубный приказывал: «Значит, вы положите Джапаридзе на тридцатой минуте с моста». Или: «Значит, Джапаридзе положит вас на семнадцатой минуте суплессом». Это было противно, но есть было нечего»^[242].

Сохранилось и еще одно свидетельство Ивана Лукьяновича, но оно, скорее всего, касается не одесского периода, а времени первого знакомства братьев Солоневичей с легендарным борцом:

«Думаю, что из всех, так сказать, официальных атлетов России сильнее меня был только И. Поддубный, да и того «на руку» я клал как угодно. Это борьба, при которой противники кладут локти на стол и стараются перегнуть руки»^[243]. Сегодня такой вид единоборства называется армрестлингом.

В 1922 году судьбы братьев вновь расходятся. Сначала только по службе: Иван поступает инструктором кооперации в кооператив 51-й дивизии, а Борис становится сотрудником АРА — Американской администрации помощи (American Relief administration). Позже Борис так говорил об этом:

«Нам, жившим в городе, где мертвецы валялись на улицах и о трагической судьбе многих семей узнавали только тогда, когда зловоние от трупов достигало соседних квартир, нам — молниеносное развертывание громадной работы, широкая благотворительность, помощь детям и больным — все это казалось подлинным чудом, появлением феи-спасительницы на краю пропасти...»^[244].

В конце весны 1922 года относительно спокойствию пришел конец: Борис Солоневич был арестован по обвинению... в бандитизме. Брат его в стенах американского учреждения чекисты

постеснялись, он был арестован на улице по окончании рабочего дня. В итоге и сослуживцы, и родственники терялись в догадках, но ничего для вызволения Боба из темницы сделать не могли. Воспользовавшись освобождением одного из сокамерников, Борис передает весточку на волю. Обращаемся к страницам книги «Молодежи и ГПУ», где события описываются в пересказе Ивана Лукьяновича:

«Положение, понимаешь, создалось совсем идиотское — никто не знает, в чем дело с тобой, в чем тебя обвиняют, что грозит... И никаких вестей. Вот тут-то мы, брат, наволновались... Но как-то вечером стук, и является Костя — худой и бледный.

— Вы откуда это, Костя, — спрашиваю. — Из больницы?

— Нет, говорит, из ЧК.

— Боба там видали?

— Как же. Он вам, вот эту книгу передал. Я ее в брюках внизу пронес...

Ну, мы, понятно, вцепились с Тамочкой в эту книгу, как бульдоги.

Не для занимательного же чтения ты нам ее прислал, в самом деле!

Ворочаем и туда и сюда. Наконец, Тамочка на последней странице видит рисунок. Твою руку-то я уже знаю и в рисунке. Хоть ты и далеко не мировой художник, однако в нарисованном тобой карикатурном атлете по очкам тебя живо узнали. В чем тут дело? Вглядываемся — атлет стоит как будто на весах.

Что это еще за ребус такой?

Думали, думали, а потом, конечно, догадались — есть связь между тобой и твоим весом. Вес-то у тебя я помню — 85 кило. Открыли мы 85 страницу и под буквами нашли точки. Прочли все твои писания и сообщения.

Я — живо к американцам. Рассказал все. На следующий день двое из них поехали в ЧК. Однако — не тут-то было:

«Гражданин Солоневич — важный государственный преступник, — ответили там. — Так как он советский подданный, то мы не считаем возможным сообщать АРА сведения о действиях органов государственной власти». Так и уехали американцы не солоно хлебавши...

— Так что же меня выручило?

— Чорт тебя знает, Bobbu, видно, ты под счастливой звездой родился. Везет тебе. Помнишь Тамару Войскую?

— Эта барышня, которая со мной в АРА служила?

— Да, да... Она все время живо интересовалась твоей судьбой. Все ахала и придумывала способы спасти тебя. Молодец! Бой-баба!

Тут судьба на твое счастье принесла в Одессу какого-то важного чекиста из Москвы. На курорт приехал — вероятно, отдохнуть после московских расстрелов. И как раз этот чекист оказался старым знакомым семьи Тамары. Тут она в него и вцепилась мертвой хваткой. А тому, понимаешь, тоже лестно оказать свою протекцию, показать свой вес, свою власть и значение. Словом, пошел он в ЧК к Дукельскому, председателю. Уж не знаю, долго ли и как они там договаривались... Тамара не говорила подробно. Видно, с нее слово взяли. Словом, как видно, на чем-то сошлись. Кажется, Дукельский так и сказал этому московскому чекисту: «Ну, знаете, только для вас»^[245].

Между прочим, Б. Л. Солоневич был осужден на два года тюрьмы, но не отсидел и половины своего срока.

Вскоре Всероссийский съезд Комсомола признал необходимым закрыть скаутские организации, как идеологически несоответствующие коммунистическому

воспитанию советской молодежи и создать свои отряды «красных юных пионеров». Скауты ушли в подполье, их лидеров ожидали репрессии (в единичных случаях были, впрочем, и свои иуды). В такой ситуации, чтобы не подставлять под удар семью брата, Борис Лукьянович решает вернуться из Одессы в Севастополь.

Там он становится инструктором физкультуры Черноморского флота. И на каких-нибудь состязаниях в Центральном клубе красных моряков имени товарища Шмидта (без всяких шуток — есть и ссылка на спортивную прессу тех лет^[246]) бьет всевозможные рекорды, выступая за команду Черноморского Флотского Экипажа. А в конце 1924 года и вовсе перебирается в Москву на «почти адмиральскую должность» инспектора физической подготовки Флота и... вновь садится в тюрьму за свои скаутские прегрешения. Но об этом — в следующей главе.

Иван Солоневич задерживается в Одессе дольше. Профессии меняются калейдоскопом: заведующий «первым одесским спортклубом», секретарь Одесской учстрахкассы, какой-то неправдоподобный инструктор (видимо, по спорту) Одесского особого продовольственного губернского комитета (Опродкомгуб), и, наконец, инспектор Одесского Совета физкультуры.

Несколько слов, конечно, заслуживает Опродкомгуб. Читающей публике это учреждение должно быть известно уже потому, что в нем работали Константин Паустовский и Илья Ильф. В романе «Золотой теленок» оно фигурирует под псевдонимом «Геркулес». И теперь, благодаря «ильфопетрововедам», мы знаем, что Опродкомгуб располагался в здании гостиницы «Большая Московская» на Дерибасовской, 29.

Иван Солоневич мог бы стать сослуживцем сразу двух классиков советской литературы, но устроился «по продовольственной части» уже после их переезда в Москву. Впрочем, скорее всего, с «отцами» Остапа Бендера он все-таки познакомился, но уже в столице.

По поводу одной из вышеперелистанных страниц биографии Ивана Лукьяновича потом иронизировал его сын Юрий:

«В жизни моего отца был позорный случай, когда его выставили со службы за полной неспособностью калькулировать десятые доли пары советских ботинок, приходившиеся на долю единицы населения города Одессы в год»^[247].

Описывая свою работу в области советского спорта, Иван Солоневич без иронии тоже не обходился, но это уже самоирония:

«Свою блестящую карьеру я начал в качестве преподавателя гимнастики в кружке одесских железнодорожников, потом возвысился до руководителя спортом профсоюза железнодорожников Одесского узла, потом стал инспектором спорта Одесской губернии и кончил эту блестящую карьеру самым ответственным постом, доступным беспартийной скотинке: руководил спортивной работой всех профсоюзов СССР. И потом — сбежал за границу»^[248].

В 1924 году Иван Солоневич начинает (если не считать газеты «Коммунист» времен Гражданской войны) публиковаться в советской печати. Это «халтурное» сотрудничество продлится долгих девять лет. Первая выявленная нами публикация — естественно, в физкультурном журнале, причем главным в СССР — в «Красном спорте». Это небольшая заметка о прошедших в Одессе соревнованиях, за подписью «И. С.»^[249]. Интересно, что в той же подборке, под шапкой «По СССР», следом размещен отчет Б.

Солоневича о подготовке севастопольских команд к первенствам Черноморского военного округа. Борис на страницы физкультурной печати пробился, конечно, раньше.

Можно упомянуть еще две публикации Ивана одесского периода — на сей раз в харьковском журнале «Вестник физической культуры». Обе относятся к 1925 году^[250]. Совсем скоро ему предложили должность инструктора физкультуры и туризма при Центральном Союзе советских и торговых служащих (ССТС) в Москве.

ТОВАРИЩ СОЛОНЕВИЧ

«Осенью 1926 года я переехал из Одессы в Москву», — написал Иван Солоневич в книге «Диктатура импотентов»^[251]. В действительности, он стал столичным жителем немного раньше. Но не исключено, что, как и в годы студенческой юности, он некоторое время разрывался между двумя городами. Тогда — между Минском и Санкт-Петербургом, теперь — между Одессой и Москвой. А вот жена с сыном переехали на постоянное — но, как выяснилось впоследствии, недолгое — местожительство в Первопрестольную действительно осенью, а точнее в сентябре 1926 года.

Борис Солоневич перевелся по служебной линии в столицу Советской России в конце 1924 года, будучи назначенным на должность инспектора физической подготовки Штаба Рабоче-Крестьянского Красного Флота. Служба в РККФ не стала препятствием для продолжения скаутской деятельности, только теперь эта деятельность велась строго подпольно.

В Москве Борис поначалу старался видеть только хорошее. И к этому было множество предпосылок. Здесь он получил комнату в квартире дома № 75 по Тверской улице (ныне — дом № 29) — при страшном жилищном дефиците это было истинным счастьем. Здесь он сумел завершить прерванное революцией обучение и получил высшее образование, закончив экстерном Государственный институт физической культуры по кафедре врачебного контроля над физкультурой. Здесь он женился в конце 1925 (или начале 1926) года на Ирине Францисковне, урожденной Пеллингера (1903–1938), о ее судьбе мы подробнее расскажем позже.

Но здесь же 25 мая 1926 года он был вновь арестован за свои скаутские «прегрешения». Второе издание сборника статей «Вопросы физической культуры в Красной армии и Красном флоте»^[252] вышло в свет, скорее всего, уже тогда, когда один из соавторов, Борис Солоневич, сидел за решеткой...

Иван «зацепился» на московской должности только осенью 1925 года. В октябре «Красный спорт» сообщил, что начала систематическую работу тяжелоатлетическая секция Научно-технического комитета Высшего совета физкультуры.

«В плане работы: положение о профессионализме, проработка и изменение правил в борьбе, боксе и поднимании тяжестей, регистрация и отчетность секций на местах, выработка программ занятий, единого типа штанги и др. Секция сформирована в составе тт.: Денисова, б <ратьев?> Спарре, Бухарова, Бартольд, д-ра Кузьмина и Непомнящего, Хайдин (секретарь), Солоневич (председатель). Заседания секции с удачно подобранным составом проходят на редкость деловито и оживленно и собирают «гостей» тяжелоатлетов из всех уголков Москвы», — отмечалось в газетной заметке^[253].

Окончательно же утвердиться в столице Ивану удалось только после того, как он получил ставку инструктора физкультуры в Культотделе Центрального комитета ССТС. Помимо работников торговли и служащих госучреждений в этот профсоюз входили и сотрудники ОГПУ. Красой и гордостью чекистов было спортивное общество «Динамо».

С 19 по 21 февраля 1926 года в помещении «Динамо» разыгрывалось первенство Москвы по боксу. Благодаря отчету того же «Красного спорта», узнаем, что во второй день соревнований Иван Солоневич («5 пудов 07 фунтов»), который выступал в тяжелом весе,

по всем статьям проиграл свой бой Езерову. А 21 февраля 34-летний Солоневич, представлявший «Динамо», провел довольно странный поединок с Ракитиным. В первом же раунде Ракитин «отказывается от боя, ссылаясь на нежелание противника принимать бой»^[254]. В итоге победа отдается Солоневичу, который, очевидно, просто не решался атаковать своего более мощного, на целый пуд тяжелее, соперника.

Не слишком удачное, мягко говоря, выступление начинающего спортивного чиновника «Красный спорт» проиллюстрировал карикатурой с соответствующей подписью: «Председатель тяжело-атлетической секции ВСФК т. Солоневич неудачно агитирует на ринге бокс. Дружеский шарж»^[255]. Иван Лукьянович на этом рисунке предстает в довольно жалком виде: сам согнулся в три погибели, а его «очки-велосипед» повисли на канате ринга.

Еще один, возможно, последний эпизод в спортивной карьере нашего героя окрашен в столь характерные для него оптимистические тона. На закрытом первенстве общества «Динамо» в поднимании тяжестей, которое проходило с 1 по 3 декабря 1926 года, в тяжелом весе выступало двое — Мач и Солоневич. «Оба дали одинаковую сумму — 1036 фунтов», как гласит итоговый протокол^[256]. Так что из «большого спорта» Иван Лукьянович, скорее всего, ушел все-таки победителем.

За месяц до своих последних соревнований по тяжелой атлетике, в ноябре 1926-го, он пришел на Николаевский (ныне Ленинградский) вокзал проводить брата, которого отправляли на пять лет на Соловки:

«Помню: уже с утра, холодного и дождливого, на Николаевском вокзале собралась толпа <...> Вместе со мною была жена брата, Ирина, и был его первенец,

которого Борис еще не видал: семейное счастье Бориса длилось всего пять месяцев <...>

Поздно вечером, часов около 11-ти, кто-то прибежал и крикнул: «везут». Все бросились к тупичку, на который уже подали арестантские вагоны. Тогда — это были только вагоны, настоящие, классные, хотя и с решетками, но только вагоны, а не бесконечные телячьи составы <...>

Полусогнувшись, из дверцы «ворона» выходит Борис. В руках — мешок с нашей последней передачей, вещи и провиант. Лицо стало бледным, как бумага, — пять месяцев одиночки без прогулок, свиданий и книг. Но плечи — так же массивны, как и раньше. Он выпрямляется и своими близорукими глазами ищет в толпе меня и Ирину. Я кричу:

— *Cheer up, Bobby!*

Борис что-то отвечает, но его голоса не слышно: не я один бросаю такой, может быть, прощальный крик <...>

Публика расходится, мы с Ириной еще остаемся. Ирина хочет продемонстрировать Борису своего потомка, я хочу передать еще кое-какие вещи и деньги. В дипломатические переговоры с караульным начальником вступает Ирина с потомком на руках. Я остаюсь на заднем плане. Молодая мать с двумя длинными косами и с малюткой, конечно, подействует гораздо сильнее, чем вся моя советская опытность.

Начальник конвоя, звеня шашкой, спускается со ступенек вагона. «Не полагается, да уж раз такое дело»... Берет на руки сверток с первенцем: «Ишь ты, какой он... У меня тоже малец вроде этого есть, только постарше... ну, не ори, не ори, не съем... сейчас папаше тебя покажем». Начальник конвоя со свертком в руках исчезает в вагоне. Нам удается передать Борису все, что нужно было передать...»^[257].

Ирина с грудным ребенком (первенца назвали Георгием в честь небесного покровителя скаутов) жила у своих родителей, и комната на Тверской осталась в полном распоряжении Ивана. Но он из нее сбежал. В семи комнатах жило восемь семей — и это было бы еще полбеды. Шум примусов, крики детей и даже советский идиотизм домкома еще как-то можно было пережить. Но полчища клопов доконали окончательно, и Солоневич устремился на поиски нового жилья. На окраинах Москвы хозяйничали те же домкомы, а вот в ближайших пригородах можно было попытаться счастья:

«В течение нескольких недель я всячески сбегал со службы и обследовал эти пригороды. Я ходил от двора к двору, вступал в переговоры с домохозяевами, со спутниками в вагонах, с возрождающимися владельцами пивных, с бабами в очередях, вообще со всеми, кто мне попадался на тяжком моем пути. Результаты были неутешительны. На меня смотрели подозрительно и отвечали невразумительно: «Очень уж все теперь переполнено, жить теперь прямо негде, вот поезжайте вы туда-то и туда-то». Я ехал туда-то и туда-то и получал такие же ответы и советы. Наконец, бродя по очередному пригороду, на этот раз по Салтыковке, выдохшийся и отчаявшийся, за одним из заборов я увидел супружескую пару, мирно пившую чай на веранде. Я попросил напиться. Старушка предложила мне стакан чаю — без сахара, но все-таки чаю. Я присел и пожаловался на свою судьбу: вот столько недель ищу хоть какого-нибудь жилья — и ничего не могу найти. Старичок уверенно посочувствовал: действительно, ничего найти нельзя. Я пожаловался еще раз: вот, семья торчит в Одессе и привести ее некуда.

— Так вы, значит, из Одессы? — спросил старичок.

Одесса пользуется репутацией самого вороватого города в России. И на вопрос: «Скажите, а вы не из

Одессы?» — анекдот отвечает так: я, собственно говоря, из Петербурга...

— Ага, — сказал старичок, — а в каком году вы бежали?

Я понял, что попался. И ответил туманно: как и все. Старушка предложила мне еще стакан чаю. Потом поговорили о том, о сем. Потом старушка вышла на кухню, старичок последовал за ней. Что-то шептались. У меня на душе было неуютно: вот проболтался! Но оба супруга скоро вернулись на веранду, и на меня свалилась манна небесная:

— У нас, видите ли, — сказал старичок, — кое-какое помещение есть, только, может быть, дороговато для вас будет — тридцать пять рублей в месяц, две комнаты.

Я не верил своему счастью: в Москве я платил, правда, пятнадцать рублей, но одни клопы чего стоили! И там была одна комната, здесь две. Потом оказалось, что был еще и коридор, который тоже мог сойти за комнату. Все это помещалось в мансарде, стены были из грубо отесанных сосновых бревен, в центре всего этого стояла огромная, дебелая, материнская уютная кафельная печь, которая грела души наши в течение шести суровых московских зим. Во дворе была банька, в которой перед нашим въездом в пристанище капиталистической анархии мы смыли с себя наслоение московской социалистической эпохи и прошпарили паром наши вещи. Словом, почти рай»^[258].

Между прочим, этот дом в Салтыковке (тогда 17-й километр Нижегородской железной дороги, сегодня — один из микрорайонов города Балашиха Московской области) сохранился до наших дней, вместе с мансардой. И адрес прежний: Луговая улица, 12. Живут в нем сейчас уже другие люди, которые ни о

Солоневиче, ни о прежнем домовладельце по фамилии Руденко ничего не слышали.

В Салтыковку к Ивану Лукьяновичу из Одессы в сентябре 1926 года приезжают Тамара Владимировна и Юра. Довольно быстро Тамочке удалось найти работу в том же здании, где работал и ее муж — во Дворце Труда на Солянке, там дислоцировались все отраслевые советские профсоюзы, а верхний этаж занимал Профинтерн, руководивший «рабочим движением» во всем мире.

Тамара Владимировна, владевшая четырьмя иностранными языками, благодаря хорошим характеристикам из АРА, Одесской конторы Внешторга и, наконец, заручившись рекомендацией члена ВКП (б) из Культотдела ЦК ВЦСПС (эту рекомендацию устроил Иван Лукьянович), поступила переводчицей в Комиссию внешних сношений ВЦСПС.^[259] Ближайшие два года ей предстояло проводить большую часть служебного времени в поездках по стране, сопровождая иностранные профсоюзные делегации.

Иван Солоневич начал постепенно осваиваться в роли спортивного бюрократа, по его собственному выражению:

«Я был спортивным бюрократам: это совершенно новая в истории человечества отрасль бюрократической деятельности. И касается она тех людей, которые могут заниматься спортом, но могут им и не заниматься. Власти над жизнью и смертью, над едой и голодом, над жилплощадью и бездомностью у меня не было. Когда вышестоящие бюрократы предложили мне составить ряд специальных систем гимнастики и спорта для санитаров, бухгалтеров, металлистов, врачей, грузчиков и прочих, я тщетно возражал, что все пролетарии мира имеют одно и то же количество позвонков, бицепсов и прочего и что поэтому разные системы спорта для

разных профессий являются чепухой. Мои возражения не помогли. Моя настойчивость стоила бы мне службы и кое-чего еще. Я эти системы изобразил. Они были совершеннейшей чепухой, но и совершенно безвредной чепухой. Но когда мне предложили формировать футбольные команды из девушек («социалистическое равноправие женщин»), то я проявил совершенно неприличную в бюрократической среде строптивость нрава, из-за которой меня в конце концов выгнали вон».
[\[260\]](#)

О том, как именно выгнали, — расскажем в подробностях ближе к концу этой главы. До этого попытаемся понять, каким же таким образом монархист Солоневич «служил» советской власти.

*«Итак, я руководитель спорта при Центральном совете профсоюзов. Я один из винтов бюрократической машины, которая решительно никому вообще не нужна. Из всего того, что я делаю, процентов девяносто пять не имеет абсолютно никакого смысла. Остальные пять процентов — при нормальном положении вещей — спортсмены организовали бы и без всякой помощи с моей стороны. А также и без того «плана», который я призван составлять, предписывать и проверять. Моя спортивная служба ввиду этого была почти на все сто процентов чепухой. Она **никому** не была нужна. Если я все-таки кое-что сделал, то только во внеслужебном порядке: писал книги о том, как нужно подымать гири или заниматься гимнастикой. Но все-таки мое бюрократическое существование не было безразличным. Я **не мог** помочь **ничему**. Но я очень многое мог испортить <...>*

*Любой лыжный кружок страны мог достать лыжи и ходить на них решительно без всяких плановых указаний с моей стороны, но он на это **не имел** права,*

ибо, опять-таки, какой же иначе план? Я был тормозящим фактором в развитии русского спорта, как и Госплан в развитии русского хозяйства. Но я, по крайней мере, старался не быть тормозом <...>

Гениальность всего этого торможения заключается в идее, чтобы я контролировал всех и все контролировали меня. Или, иначе, чтобы я шпионил за всеми и все шпионили за мной.

Итак, я составил свои планы и «директивы». Обливаясь потом, я протащил их через все нормальные бюрократические инстанции. Я должен «спустить их в «низовку», и низовые спортивные организации получат право планомерно кататься на лыжах. В это время ко мне приходят комиссии общественного контроля — «легкая кавалерия», как их называют в СССР. Их много, а я один. У них есть время, у меня его нет. Их время, потраченное на контроль, естественно, оплачивается, как рабочее время, и комиссиям приятнее контролировать спорт, чем стоять за станком. Но еще приятнее, конечно, контролировать селедку. Они копаются в моих планах и директивах и делают разные совершенно идиотские замечания. Все не совершенно идиотские уже были сделаны в нормально бюрократических контрольных инстанциях. Я **не могу** работать, лыжники не имеют права кататься на лыжах, комиссии приходят одна за другой, и ни единой из них я не имею права спустить с лестницы или выбросить в окно». [\[261\]](#)

В то же время с точки зрения материальной Солоневич был устроен много лучше десятков тысяч советских служащих. Помимо основного жалования, составлявшего весьма скудную сумму, он всегда имел возможность подрабатывать на уровне журналистики.

«Ежели бы я хотел делать советскую карьеру, я делал бы ее не в качестве инструктора спорта, а в качестве журналиста», — пишет Солоневич уже в

эмиграции. И поясняет: «Я говорю это не в порядке саморекламы, а в порядке иллюстрации того факта, что подавляющее большинство русской интеллигенции к большевикам **всерьез** почти двадцать лет не идет. И еще: что очень много очень талантливых русских людей остаются вовсе неизвестными ни России, ни эмиграции, ибо с большевиками **всерьез** они работать не хотят. Как не хотел и я. И, за исключением нескольких технических руководств по спорту, все остальное, что писал я в советской России, было халтурой — сплошной и совершенно бездарной». [\[262\]](#)

Что ж, халтура так халтура. Но все-таки речь идет о нескольких десятках статей, очерков, репортажей, рецензий, фельетонов и заметок. Разве допустимо, чтобы целый пласт творческого наследия Солоневича совсем выпал из поля нашего зрения?

Позднее, в эмиграции, политические оппоненты в лице Младоросской партии инкриминировали Солоневичу написание 600 статей для советской печати, но сам он эту цифру считал явным преувеличением. [\[263\]](#) После изучения более 20 периодических изданий, в которых теоретически мог публиковаться Иван Лукьянович, выявлено около 200 материалов (из них пятая часть — те, где авторство спорно) в 13 газетах и журналах.

Что же это за тексты и что же это за издания?

Публикации, строго говоря, были двух видов:

— связанные с работой инструктором физкультуры и спорта ЦК ССТС, или шире — вообще с вопросами физической культуры;

— очерки, привозимые со всех концов страны из многочисленных командировок.

Если вторые, действительно, были халтурой, т. е. являлись источником относительно легкого заработка (такую же примерно «халтуру» включают, например, в

собрание сочинений М. А. Булгакова), то к первым такой термин все-таки неприменим. Ибо спорт и физкультуру И. Л. Солоневич не только любил, но и знал, и был в этой области профессионалом — а уж по меркам Страны Советов тем более.

В качестве подтверждения можно привести, например, высказывание... Н. А. Семашко (того самого, которого увековечил в своем каламбуре Маяковский: «Подтяжки имени Семашки»):

«Что ошибок будет не так много, — писал нарком здравоохранения в предисловии к «Энциклопедическому словарю по физической культуре», — и что основные определения будут приняты — гарантией служит авторитетность авторов статей. Редактор сознательно уклонялся иногда от насильствования убеждений авторов, ибо за многими из них стоят целые школы».^[264] «Ближайшее участие в Словаре» принимали ведущие в СССР на тот момент (1928 год) специалисты по физкультуре — 34 теоретика и практика. В это число попал и Иван Солоневич.

Впрочем, отзыв о коллективе, в котором мог оказаться и случайный человек, не очень убедителен. За персональной характеристикой обратимся к мнению редакции журнала «Физкультура и спорт» — в конце 1920-х годов только появившегося на свет, но с тех пор и до начала 1990-х бывшего официозом советских физкультурников. В примечании, сопровождавшем статью Солоневича «Рекордная путаница», автор именуется «одним из крупнейших практических работников физкультдвижения».^[265]

Журнал «Физкультура и спорт», в котором И. Л. Солоневич с 1928 по 1931 гг. опубликовал около 20 статей, возник путем слияния «Красного спорта» и «Известий физической культуры» (в обоих этих изданиях он также сотрудничал).

Вообще, наибольший удельный вес в советском периоде журналистской деятельности Ивана Лукьяновича занимают публикации (на данный момент выявлено их более 80-ти) «по месту работы», в органах ЦК ССТС — в «Нашей газете» и журналах «Активист» и «Вопросы стенографии и машинописи». В соответствии с периодичностью, статьи Солоневича в журналах исчисляются единицами, а в ежедневной «Нашей газете» публикации иногда следовали одна за другой буквально через день.

Наряду с практическими рекомендациями, отчетами о соревнованиях, результатами инспекционных поездок, выступления Солоневича в печати касались и идеологических вопросов физкультурного движения. Например, серьезный резонанс в спортивной печати вызвала начатая им дискуссия о чемпионании как препятствии к подлинной массовости занятий физической культурой.

В марте 1929 года этот же вопрос Иван Лукьянович поднимал на VI пленуме ЦК ССТС. Приведем отрывки из отчета, опубликованного в союзной «Нашей газете»:

«Тов. Неунылов (Москва)

Свое выступление тов. Неунылов посвящает вопросу о необходимости наладить антирелигиозную и политико-воспитательную работу среди служащих и указывает на извращения, по его мнению, допущенные тов. Солоневичем в освещении результатов обследования физкультурной работы Мосгуботдела на страницах «Нашей Газеты»^[266].

«Тов. Солоневич (ЦК)

посвящает свое выступление оценке состояния физкультуры в нашем союзе и полемизирует с тов. Неуныловым по вопросу о чемпионании московского губотдела».^[267]

Предпринималась Солоневичем и попытка реабилитации такого «буржуазного» вида спорта как теннис: известны, как минимум, пять статей И. Л. Солоневича на эту тему в разных изданиях. В каждой из них он отстаивал тезис о том, что теннис — игра массовая.

Журналы «Теория и практика физической культуры» и «Медицинский работник», будучи органами советских ведомств здравоохранения, были также близки к физкультуре. При этом издание профсоюза Медсантруд «Медицинский работник» оказалось единственным, с которым Солоневич сотрудничал практически во все время проживания в Москве — с 1926 по 1932 год. Любопытно отметить, что в нем публиковал свои рассказы и М. А. Булгаков. И на страницах одного из номеров [\[268\]](#) советского журнала мы можем видеть писания этих двух белогвардейцев и антисоветчиков, которые очень даже могли быть знакомы по Киеву времен Гражданской войны. И, возможно, неслучайно в «Романе во Дворце Труда» одного присутствуют мотивы «Дьяволиады» другого?

Прежде чем совсем закончить с физкультурной тематикой и сказать несколько слов о «халтурных» очерках, необходимо уделить внимание такой стороне деятельности Солоневича, как сотрудничество с советскими издательствами в качестве автора, соавтора, составителя и редактора брошюр.

Начало ему было положено еще в 1926 году, когда И. Л. выступил одним из авторов сборника статей «Физкультура служащего» [\[269\]](#). На следующий год, уже в книгоиздательстве ВЦСПС, вышел сборник физкультурных программ и учебных планов подготовки секционного актива и переподготовки инструкторов физкультуры, где в выходных данных Солоневич фигурирует в числе составителей. [\[270\]](#)

Наиболее «урожайным» на гонорары издательств стал 1928 год, когда в книгоиздательстве ВЦСПС вышли второе, исправленное и дополненное, издание «Физкультурных программ»^[271] и «Календарь профсоюзного физкультурника на 1928–1929 год».^[272] Еще две авторские брошюры И. Л. Солоневича были изданы в рамках книжных серий: в «Рабочей библиотеке физкультуры» вышла брошюра «Гиревой спорт»,^[273] а в «Библиотеке работника милиции и угрозыска» — элементарное руководство «Самооборона и нападение без оружия».^[274]

Последнее — безусловно, самое значимое из написанного Солоневичем по «основной специальности» в СССР. По крайней мере, до сих пор знатоки всевозможных единоборств — благодаря этой брошюре — считают И. Л. Солоневича одним из основоположников борьбы самбо и ставят его в один ряд с такими фигурами, как В. С. Ощепков, Н. Н. Ознобишин, В. А. Спиридонов и А. А. Харлампиев.

Кстати, в 2005 году «Самооборона и нападение без оружия» была переиздана.^[275] Руководство Солоневича вышло под одной обложкой с работой немецкого инструктора джиу-джитсу Эриха Рана и с предисловием Александра Анатольевича Харлампиева, сына легендарного основателя самбо.

О работе над «Самообороной...» Солоневич сообщает следующее:

«В числе моих весьма многочисленных и весьма разнообразных подсоветских профессий была и такая: преподаватель бокса и джиу-джитсу. По некоторым весьма нужным мне основаниям я продумывал комбинацию из обеих этих систем, а по миновании этих обстоятельств, часть продуманного использовал для «извлечения прибыли»: преподавал на курсах командного состава милиции и выпустил книгу. Книга

была немедленно конфискована ГПУ, пришли даже ко мне, не очень чтобы с обыском, но весьма настойчиво — давайте-ка все авторские экземпляры. Я отдал почти все. Один, прошедший весьма путаный путь, — сейчас у меня на руках <...> десять тысяч экземпляров моего злополучного руководства было использовано для ГПУ и Динамо...»^[276]

Это была выдержка из «России в концлагере». Той же темы наш герой слегка коснулся в более поздней статье «Этюды оптимизма» (1937 года):

«Большевицкие темпы» применяются, как известно, к каждому большевицкому мероприятию. В такой же степени известно, что ни из темпов, ни из мероприятий не получается приблизительно ничего. <...> «Большевицкие темпы» означают вот что: сделай дрянь, но сделай ее в два счета...

Дрянь делают действительно вопиющую... Я как-то имел сомнительное удовольствие преподавать тяжелую атлетику (гири, борьба, бокс и джиу-джитсу) в Москве, в школе высшего состава милиции. Купили штангу. Штанга — аппарат несложный: железная палка и на концы ее надеваются железные диски. При первой же попытке тренировки с этой штангой палка (гриф) согнулась, а диски, сорвавшись с винтов, посыпались на пол.

Начальник школы, который присутствовал при этой тренировке, выразил свои чувства коротко и лапидарно:

— Советская работа, мать их... и так далее...»^[277]

Если очень коротко, то в основу руководства «Самооборона и нападение без оружия» Солоневичем было положено объединение существовавших систем самообороны — спортивных (бокс и борьба) и неспортивных (джиу-джицу). Сущность объединения состояла в ответе ударом на захват и захватом на удар. В разработке ударов он опирался на технику

английского и французского бокса, в разработке захватов — использовал технику джиу-джицу, французской и вольно-американской борьбы.

Результат вполне устроил редактора брошюры и автора предисловия — начальника отдела милиции Центрального административного управления НКВД РСФСР И. Ф. Киселева:

«Введение в книгу методических указаний по обучению, а также детальное рассмотрение вопросов тренировки и применения на практике различных приемов при различных обстоятельствах и условиях милицейско-розыскной службы, — писал он, — делает труд т. Солоневича ценной работой, необходимым элементарным руководством и для проходящих эти виды физкультуры, и для руководителей. Данное руководство может быть применимо и в школах милиции, и на повторных занятиях. По простоте своего изложения, конкретности материала книга «Самооборона и нападение без оружия» т. Солоневича доступна пониманию рядового милицейского работника и УгРо, и поставленная в ней проблема, на основе проработки в школе милиции, т. Солоневичем более или менее удачно разрешена».^[278]

Издание руководства было снабжено тремя десятками фотографий. На некоторых из них, несмотря на невысокое качество типографской печати, можно узнать самого автора.

Итак, мы остановились на 1928 году, в это же время Иван Лукьянович принимает участие в подготовке упоминавшегося выше «Энциклопедического словаря по физической культуре».

В 1929 году Солоневич первый и последний раз выступает на советской издательской ниве в качестве редактора. Совместно с Ф. Царичанским он готовит к печати сборник руководящих материалов под

названием «Всесоюзный двухнедельник физкультуры профсоюзов».^[279] Издается модернизированный «Календарь профсоюзного физкультурника», уже на 1929–1930 год, с упоминанием в качестве составителя только А. Иттина.^[280] А также брошюра самого Солоневича «Тяжелая атлетика» — в серии «Руководство по занятиям в секциях физкультуры».^[281]

Наконец, еще две «халтурные» брошюры, вышедшие из-под пера Ивана Лукьяновича, опубликовало издательство «Физкультура и туризм».^[282] Это произошло в 1931 году — скорее всего, уже после того, как Солоневич перешел из ЦК ССТС на ту же должность инструктора по физкультуре и спорту в объединение промысловой кооперации.

«В Москве, — писал он впоследствии, — было издано шесть моих книг — исключительно по спорту и туризму. Каждая книга проходила пять и шесть цензур, и я до сих пор все-таки не знаю: а сколько именно цензур существует в СССР. Бывало так: все мыслимые цензуры уже пройдены, Главлит поставил свою печать, и, вот повестка: явиться на такую-то улицу, дом номер такой-то, комната такая-то. Что за дом и комната, и учреждение — понятия не имею. Иду. Какое-то вовсе неизвестное мне партийное учреждение, в нем какой-то вовсе неизвестный мне партийный товарищ, на столе у этого товарища — оттиски моей книги по боксу. «А почему вы, товарищ Солоневич, не привели здесь решения такого-то партийного съезда?» Что общего имеет бокс с решениями партийного съезда? Оказывается — имеет. Нужно было указать, что такой-то партийный съезд вынес такое-то решение по поводу «последнего и решительного боя» с мировой буржуазией и по поводу соответствующего воспитания широких трудовых масс. А так как пролетарский бокс тоже должен служить свержению оной мировой

буржуазии, то нужно указать на его воспитательное значение, соответствующее решениям такого-то партийного съезда». [283]

Личное свидетельство И. Л. Солоневича, таким образом, не совсем совпадает с имеющимися объективными данными. Он говорит о шести книгах, в то время как являлся автором пяти, соавтором еще двух, и по разу выступал в качестве редактора и составителя.

Отдельного звучания заслуживает тема так называемых халтурных очерков, которые Иван Лукьянович публиковал в советских журналах. Материалы для них он черпал в многочисленных командировках. Относительно художественного значения своих писаний Солоневич не питал абсолютно никаких иллюзий и, уже в эмиграции, вспоминал об этих творческих опытах с нескрываемой иронией:

«В числе бендеровских четырехсот способов легального изымания денег из советской казны у меня был и такой:

Я приезжаю в совхоз и снимаю всех, кто попадаетея под руку. Фотографии с соответствующими текстами и очерками идут:

1. В журнал «Медицинский Работник» — как работает совхозная амбулатория даже и тогда, когда ее и в природе не существует.

2. В журнал «Ударник Социалистического животноводства» — о том, как доярка Иванова Седьмая перевыполняет промфинплан.

3. В журнал «Работник Просвещения» — о том, как ударник Иванов Седьмой ликвидирует малограмотность (о неграмотности писать было нельзя — она уже ликвидирована).

4. В газету «Социалистическое Земледелие» — о дирекции совхоза вообще.

5. В «Красный Транспортник» — о том, как совхоз перевыполняет планы дорожного строительства.

6. В журнал Автодора — приблизительно о том же.

В наиболее благоприятных случаях удавалось снимать урожай с двенадцати журналов, перечислять которые было бы долго и скучно.

И, помимо всего этого, всякая дирекция совхоза — а) накормит и б) даст аванс под те фотографии, которые я должен буду прислать ей из Москвы (всегда присылал).

Впрочем, иногда со всеми этими ударниками и перевыполнениями получалась совсем прискорбная чепуха. Так: дали мне командировку по заволжским совхозам с присовокуплением свирепой директивы — тогда была именно такая директива: «бить по расхлябанности и разгильдяйству». Я поехал. Пока я ездил, выискивая лодырей и разгильдяев — это были нетрудные поиски, — пока я приехал в Москву, директива уже переменилась. ЦК партии предписал: на страницах всей советской прессы показать «примеры работы», описать лучших ударников и энтузиастов. Положение было пиковое: откуда я этих ударников могу взять?

Возникли некоторые переговоры с редакцией «Социалистического Земледелия». Я сказал, что ударники ударниками, но ведь ездил-то я по вашей же командировке и по вашим же желаниям. Редакция нашла поистине соломоново решение: все мои разгильдяи, лодыри и бесхозяйственники были помещены в качестве ударников и энтузиастов: кто его там разберет. Редакция несколько переделала подписи под фотографиями — я несколько переделал текст своих очерков. Я не знаю, что именно испытывали эти разгильдяи и лодыри, увидав в газете свои фотографии и свои жизнеописания, но полагаю, что они были удивлены. Приятно удивлены, конечно». [\[284\]](#)

Маленький секрет Солоневича удалось разгадать — список изданий не был бы столь велик, если бы почти все эти редакции не помещались по одному адресу — в том самом Дворце Труда на Солянке, где работал и он, и его супруга, и... Ильф с Петровым в газете «Гудок». Так что литературного Остапа Бендера Иван Лукьянович упоминает совершенно не случайно, ведь именно по коридорам Дворца Труда «великий комбинатор» убежал от мадам Грицацуевой. Не говоря уже о том, что и родился на свет литературный герой именно в этих стенах.

Халтура халтурой, но что подкупает в очерках Солоневича, так это то, что и в них он старался оставаться самим собой — с некоторой поправкой на внешние обстоятельства. Иногда из этих рамок он находил очень изящные выходы. Вот один только пример — концовка корреспонденции «Дагнаркомздрав борется с малярией кабинетным порядком», опубликованной в «Медицинском Работнике»:

«Злейший враг социалистического строительства Дагестана — малярийный комар — должен быть беспощадно ликвидирован».^[285]

Благодаря командировкам, Солоневич полгода мог проводить в поездках, вдали от суетной Москвы. Зимой, однако, он ездил редко, но и на службе появлялся, когда вздумается. Зимние его воспоминания о Салтыковке были таковы:

«В сенях моей мансарды всегда стоял десяток пар лыж, и у меня собиралась самая невероятная и, казалось бы, несовместимая публика. Каким-то таинственным российским образом она все-таки совмещалась: чекист Преде, милый батюшка из микроскопической салтыковской церквушки, главный и самый бескорыстный друг Советской России м-р Инкпин, регулярно приезжавший в Москву, чтобы

выклянчить очередную субсидию и получить очередную директиву, секретарь ЦК английской компартии м-р Горнер, наезжавший то на покаяние, то на поклонение, некоторые люди, удобно скрывавшиеся за этим прикрытием от небезызвестного недреманного ока, и много всякой молодежи... Ответственные приезжали походить на лыжах и привозили с собой еду и питья — больше пятий, чем еды; молодежь уписывала ворон, которых я стрелял из малокалиберной винтовки; Преде подымал свою стопочку и говорил: «Ну-ка, батюшка, благословите еще по единой»...»^[286]

Этому райскому житию рано или поздно должен был придти конец. Он наступил весной 1930 года. Правда, И. Л. писал, что работал в ССТС до 1931 года, но имеющиеся в нашем распоряжении факты, говорят о том, что увольнение произошло на год раньше. Вот в конце марта 1930 года Солоневич публикует в «Нашей газете» обязательную заметку под названием «Физкультурники — на чистку!».^[287] А вот — через две недели сам попадает «под раздачу» — на собраниях сотрудников ЦК ССТС и редакции газеты совместно с рабочей бригадой.

«На собрании назывались имена людей, отлынивающих от работы», — бесстрастно констатирует «Наша газета». И далее приводит список подлежащих чистке, в середине которого встречаем знакомую фамилию: «Солоневич — недогруженный и нежелающий помогать в работе другим».^[288]

Иван Лукьянович по прошествии лет вспоминал об этом эпизоде биографии с присущим ему чувством юмора:

«Мне, по-видимому, удалось установить всесоюзный рекорд «засиживанья». Я просидел на одном месте почти шесть лет. Правда, место было, так сказать, вне конкуренции: физкультура. Ей все время сочувствуют, и

никто ничего не понимает. И все же на шестой год меня вышибли. И в отзыве комиссии по чистке было сказано (буквально):

«Уволить, как засидевшегося, малограмотного, не имеющего никакого отношения к физкультуре, заделавшегося инструктором и ничем себя не проявившего». [\[289\]](#)

Очевидно, припомнили и женские футбольные команды, и строптивость нрава, и славу «гонорарщика», и длительные разъезды по городам и весям Отчизны. Так или иначе, но союз совторгслужащих остался в прошлом — и Солоневич переходит вроде бы на такую же должность физкультурного инструктора в объединение промысловой кооперации — однако спускается на несколько ступенек ниже в столичной чиновничьей иерархии. Но советская карьера в этот момент волнует его меньше всего. Так что вряд ли можно считать случайным, что единственный, наверное, след пребывания Ивана Лукьяновича в организации кооператоров — это статья в журнале «Физкультура и спорт» [\[290\]](#), которая является дополнительным подтверждением тому факту, что Солоневич покинул ССТС в 1930, а не в 1931 году.

Судя по всему, среди промысловиков он проработал недолго. Последние годы в Советской России жил исключительно литературным трудом, будучи членом профсоюза полиграфического производства. [\[291\]](#)

БЕЖАТЬ ЛЮБЫМ СПОСОБОМ

За благопристойным фасадом существования лояльного советского гражданина скрывалось желание покинуть рай трудящихся всего мира. Желание это не было вызвано какими-то конкретными обстоятельствами, но оно не покидало Ивана Солоневича с момента пробуждения в одесском сыпнотифозном госпитале.

И первым вопросом, который обсуждался семьей Солоневичей после воссоединения в Одессе в 1920 году, был вопрос о побеге за границу. В статье «Большевизм и женщина», написанной в эмиграции, Иван Лукьянович вспоминал:

«Планы носили, так сказать, строго легальный характер. Бежать пешком с шестилетним ребенком не было никакой возможности. Планы были довольно однообразными: устроиться где-нибудь в порту, на таможне, на границе, так, чтобы до заграницы оставалось несколько шагов. Но в эти места пускали людей только с проверенными биографиями. У меня не было никакого желания предъявлять свою биографию на благоусмотрение ВЧК»^[292].

Одесские чекисты, как мы помним, к биографии нашего героя все-таки прикоснулись, но благодаря пресловутому Шпигелю, все обошлось.

В практической плоскости, тема побега возникла после приезда из Севастополя Бориса Лукьяновича. Известно, что в 1921 году он встречался с нижегородскими скаутами Борисом Зеленовым, Владимиром Добровольским и Вульфом (Владимиром) Гуревичем, пытавшимися эмигрировать через Одессу. Но перейти границу не удалось.

Кстати, Зеленов некоторое время спустя организовал в подмосковной Салтыковке коммуны скаутов-нижегородцев, в этой коммуне жил впоследствии и Гуревич. Так что Иван Лукьянович, возможно, отнюдь не случайно направился в 1926 году на поиски жилья именно в этот пригород Москвы. А все трое нижегородцев, как и Борис Солоневич, были арестованы в 1926-м и приговорены к различным срокам.

«План был изменен, — сообщает И. Л. — Решили перебраться в Москву с очень туманными перспективами попасть на заграничную службу. Однажды эти перспективы были совсем близки к реализации. Мне предложили занять место заведывающего клубом советского торгпредства в Англии, и я пришел домой, преисполненный самых радужных надежд. Утром на другой день я прочел в газетах о так называемом налете на «Аркос» и о разрыве дипломатических сношений между Россией и Англией. Розовые надежды были отодвинуты до следующей okazji»^[293].

Дело «Аркос» было самым громким дипломатическим скандалом 1920-х годов в Европе. Советская торговая компания (ARCOS — All Russia Cooperative Society, Ltd.), имевшая свою контору в Лондоне, была разоблачена как шпионская группа. Налет полиции на офис и склады компании состоялся в мае 1927 года.

Следующей okazji Солоневичи ждали почти год.

«Естественно, напрашивается вопрос: почему вот именно нам так приспичило бежать? — объяснял свою позицию Иван Лукьянович русским эмигрантам. — Почему миллионов полтора русских людей более или менее мирно продолжают жить в границах этого рая...

<...> Такого рода вопрос будет неправилен уже по самой своей форме. Если бы мы могли себе представить полную свободу отъезда из СССР за границу, то территорию одной шестой части земной суши покинули бы прежде всего мужики, потом рабочие, потом интеллигенция. На некоторое время остались бы коммунисты и евреи — потом уехали бы и они — ибо не осталось бы ни спин, ни шей, на которых можно было бы делать мировую революцию. Такая возможность, конечно, совершенно утопична. Но я все-таки не видал людей — ни мужиков, ни рабочих, ни даже евреев и коммунистов, — которые под тем или иным предлогом не тянулись бы куда-то из СССР. У мужика и рабочего это формулируется очень просто: удрать куда глаза глядят. У еврея и коммуниста — это принимает более дипломатические формы: хорошо бы поехать за границу в командировку, отдохнуть, набраться сил для дальнейшего продолжения великой и бескровной. <...> Но удрать хотят все»^[294].

Ивана Солоневича, конечно, очень легко обвинить в пристрастности, «зоологическом антикоммунизме» и прочем субъективизме. Сегодняшний сторонник теории под условным названием «все это наша история», утверждающий, что при Советской власти были ведь достижения, и не нужно, мол, все представлять в черном свете, способен допустить, что при сохранении действительной лояльности к большевицкому режиму товарищ Солоневич мог не опасаться за свою жизнь и жизни членов своей семьи. И преспокойно трудиться на благо социалистического Отечества.

На спортивной ниве сеяли и жали свое «разумное, доброе, вечное» коллеги Солоневича — инструкторы, врачи по физкультуре, теоретики и практики. Они были более чем лояльны (не зря же занимали руководящие посты) и не предпринимали никаких попыток куда-то

бежать. Чиновники ЦК союза совторгслужащих, члены партии и бойцы революции, с которыми Иван Лукьянович бок о бок работал несколько лет и даже обделывал кое-какие неофициальные делишки на предмет реализации социалистической собственности, не только ничего не имели против большевизма, но и служили режиму верой и правдой. Многих из них ждал печальный конец.

Вот, например, Арон Григорьевич Иттин (1896–1937), преподаватель Московского института физкультуры и редактор журнала «Физкультура и спорт», соавтор Солоневича по «Календарю профсоюзного физкультурника» и автор предисловия к его совместному с Ф. Царичанским труду «Всесоюзный двухнедельник физкультуры в профсоюзах». Обвинен в участии в «антисоветской диверсионно-террористической организации» и расстрелян.

Вот Франц Якубович Валхар (1890–1938), казначей ЦК ССТС, бывший «сокол», «коммунист из чехов», как называет его Иван Лукьянович в «Романе во Дворце труда», потом директор-практикант московской городской конторы «Гастроном». Расстрелян после такого же обвинения, что и у Иттина.

Вот Борис Алексеевич Кальпус (1895–1938), член партии с 1919 года, заместитель председателя Комитета по делам физкультуры и спорта при Совнаркомом СССР, инспектор физической подготовки и спорта РККА, дивизионный комиссар — тоже расстрелян.

Вот, наконец, вождь советских торговых служащих в тот период, когда Солоневич был инструктором ЦК данного профсоюза, — Юрий Петрович (настоящее имя — Яков Исаакович) Фигантер (1889–1937). Закончил стенкой.

Были, естественно, приспособленцы особого рода, кто-то из них дожил до глубокой старости. Однако,

строго в соответствии с теорией вероятностей, даже если не касаться морального облика граждан, шансы на выживание были примерно пятьдесят на пятьдесят. При побеге они, в общем-то, оставались теми же. Но на выходе — одно главное преимущество: вместо дальнейшего выживания просто жизнь.

Раздвинем границы, и выйдем за пределы физкультурного движения Страны советов. Возьмем для примера какого-нибудь Василия Владимировича Кураева, советского и партийного деятеля, — тем более что он, как и Солоневич, родился в 1891 году. Допустим, что Иван Лукьянович со своей реакционностью и мракобесием нетипичен, а Василий Владимирович был как раз типичным представителем этого поколения, который всей душой принял и социализм, и революцию.

Допустим и сравним. Кураев окончил 2-ю Пензенскую гимназию в 1910 году (Солоневич экстерном 2-ю Виленскую два года спустя). Оба поступили на юридический факультет Петербургского университета (Кураев годом раньше). В 1912 году Кураев перевелся в Психоневрологический институт, а через два года вступил в РСДРП. Вел пропаганду среди рабочих-путиловцев, писал листовки, дважды был арестовыван. В 1915 году Кураева мобилизовали в армию, он служил в запасном полку в своей Пензе (Солоневич в 1916-м также в запасном, только в Кексгольмском и в Петрограде).

С июня по ноябрь 1917 года Кураев — в бывшей столице Империи, делегат 1-го и 2-го Всероссийских съездов Советов, член ВЦИК 2-го созыва. По личному указанию Ленина с группой большевиков он отправляется в Пензу для установления Советской власти. В декабре 1917 года избран председателем губернского Совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов, с января 1918-го во главе Совета губернских комиссаров, с августа — член губернского комитета РКП

(б) и в том же месяце отличился как один из организаторов подавления антибольшевицкого восстания в селе Кучки. После чего отозван в Москву, где работал в комиссариате земледелия РСФСР. В 1919 году переведен на военно-политическую работу в Красную Армию. Все это время Солоневич, как мы помним, на стороне белых. В дальнейшем Кураев находился на руководящих постах в ВСНХ, Госплане РСФСР и СССР, а Солоневич — на своей спортивной ниве.

Далее жизненный путь Василия Владимировича изложим совсем кратко — биография Ивана Лукьяновича явно заслуживает более подробного описания, потому ей и посвящается эта книга. В 1933 году за антисталинское выступление на собрании и распространение письма с критикой руководства партии Кураев исключен из членов ВКП (б), арестован и сослан на Урал. Накануне освобождения из ссылки в 1936 году вновь арестован, осужден еще на 5 лет и этапирован на золотой прииск в Магаданскую область. В декабре 1937 года приговорен к расстрелу, а в январе 1938-го расстрелян. В 1955 году Василий Владимирович Кураев был реабилитирован и в Пензе его именем названа бывшая Нагорная улица.

Широко жил большевик Кураев. Мог себе позволить иметь принципы. За что и поплатился.

В 1928 году Тамара Владимировна Солоневич, служившая, как мы помним, переводчицей в комиссии внешних сношений ВЦСПС, выехала в командировку за границу — работать машинисткой в советское торговое представительство в Берлине. Сказалось знание четырех языков и опыт сопровождения иностранных профсоюзных делегаций в их поездках по Советской России.

«Итак, мои стремления попасть за границу хоть отчасти увенчались успехом, — писала она в своих «Записках советской переводчицы». — Мне с моим сыном Юрой удалось хоть на три года покинуть Советский Союз. Мужа моего большевики так и не выпустили, несмотря на все его хлопоты и заявления. Даже моя серьезная болезнь, опасность операции со смертельным исходом, о которой телеграфировал в Москву главный врач немецкой клиники, не помогли. Бежать же он не мог, так как брат, Борис, был в это время в ссылке»^[295].

В Российском Государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ) об отъезде Тамары Владимировны сохранился соответствующий документ — протокол заседания комиссии по проверке членов и кандидатов ВКП (б), едущих за границу № 258 от 26 октября 1927 года. Вот выписка из него:

«Слушали:

77. Солоневич Т. В. Бесп <артийная> ком <андируется> НКТОРГОМ в Германию в кач <естве> машинистки.

Д <ело №> 94436.

Постановили:

Разрешить»^[296].

Этот документ, как и несколько других из РГАСПИ, которые будут цитироваться ниже, предоставлены нам московским историком Татьяной Осинной.

Сразу же после проводов жены и сына в Берлин Иван Лукьянович активизировал поиск возможностей для легального пересечения границы — в командировку по спортивным делам. Но, как он пишет, «ГПУ систематически отказывало в ходатайствах обо мне самых солидных учреждений Москвы».

Следы этих попыток обнаружены опять же в РГАСПИ, в материалах «комиссии по выездам за

границу».

Комиссия Внешних Сношений Высшего Совета Физической Культуры ВЦИК РСФСР 24 марта 1928 года «просит разрешить выезд во Францию футбольной команде, командированной на спортивные соревнования, имеющие быть 7-8-9 апреля с. г.»^[297]. В прилагаемом списке футболистов под № 18 значится Иван Солоневич.

Команда должна выехать 1 апреля, но, как гласит пометка на документе, письмо из ВСФК поступило на рассмотрение только 30 марта, и его просто не успели рассмотреть. Так что в данном случае «рука ГПУ» как раз, скорее всего, и не при чем.

В августе того же 1928 года в Москве проходила так называемая Мировая спартакиада. Солоневич участвовал в ней на третьих ролях, в качестве судьи (а во время подготовки к спартакиаде был членом спортивно-технической комиссии). Но возможности навести мосты с заграницей старался не упустить. В номере от 21 августа 1928 года органа союза сотворгслужащих «Наша газета» находим публикацию-отчет под названием «Иностранцы служащие, участники спартакиады — в ЦК союза»:

«Вчера ЦК нашего союза посетила делегация иностранных служащих — участников спартакиады в числе 17 чел. Делегация состояла из немцев, французов, финнов, шведов и др.

Секретарь ЦК тов. Трофимов подробно ознакомил иностранных товарищей с организационным построением, тарифной политикой нашего союза, участием служащих в улучшении советского аппарата и с положением служащих до и после революции.

<...> Инструктор культотдела ЦК т. Солоневич ознакомил делегацию с развитием физкультуры среди служащих СССР. Он указал, что наш союз, имея в своем составе свыше 80 тысяч физкультурников, занимает в

этой области одно из первых мест среди других союзов. Тов. Солоневич выразил пожелание об установлении тесной связи со служащими-физкультурниками различных стран путем организации состязаний и т. д.»[\[298\]](#).

Отчет иллюстрирует фотография с подписью: «Иностранные служащие, участники спартакиады, в гостях в ЦК нашего союза». На ней в числе других запечатлен и наш герой.

Налаживание контактов с иностранными физкультурниками Солоневич решил не откладывать в долгий ящик, всего через месяц «комиссия по выездам» рассматривает целесообразность его командировки. Протокол № 344 от 22 сентября 1928 года свидетельствует:

«Слушали:

11. Солоневич И. Л. Бесп [«апртийный»](#) ком [«андируется»](#) Госторгом РСФСР на 5 недель в Германию д [«ля»](#) реализации заказов на спортпринадлежности и озн [«акомления»](#) с постан [«овкой»](#) спортдела в Германии. Д [«ело №»](#) 106557.

Постановили:

1) Снять до среды за т. Угаровым. 2) НКТоргу подыскать еще одну кандидатуру»[\[299\]](#).

Через четыре дня этот же вопрос рассматривался вновь, вердикт оказался неутешительным: «Отказать»[\[300\]](#).

Следующий заход Иван Солоневич предпринимает через полтора месяца. В протоколе № 351 от 14 ноября 1928 года уже не оговаривается срок пребывания и не упоминается об ознакомлении с «постановкой спортдела» — остается только реализация заказов на спортпринадлежности. Но резолюция та же: «Отказать»[\[301\]](#).

Выявленные эпизоды — это лишь две попытки выезда (французская и германская), а Иван Лукьянович писал о четырех. Так что работа для исследователей еще остается.

Вероятно, что третий эпизод — это самая экстравагантная попытка, которую Солоневич описал так:

«Планы нашего побега были весьма разнообразны. В числе их был и такой: попасть на советскую угольную концессию на Шпицбергене, а оттуда уже не так было бы сложно смыться вообще. На Шпицберген ГПУ меня не пустило: некоторый нюх у него все-таки есть <...>

Шпицберген — это никак не рай земной. Но это и не рай социалистический. В «Арктикугле» толпились тысячи народу, чаявшего хоть временного, но все-таки отдыха от советской действительности. Арктикуголь — при содействии, конечно, ГПУ — брал только «особо проверенных» и тех, у кого оставались в СССР заложники — жена, дети, семья. Я хлопотал очень интенсивно. Связи у меня были. Потом ГПУ, вероятно, в целях сохранения моей энергии, вызвало меня на Лубянку, и какой-то дядя — в весьма корректном тоне — сказал мне:

— Нет, уж вы, товарищ Солоневич, лучше посидите в Москве.

В Москве я не усидел»[\[302\]](#).

Вполне возможно, что Солоневичу отказывало в выездах вовсе и не ГПУ (точный ответ можно будет дать только после того, как найдется его персональное дело за номером 106557). В СССР время от времени проходили кампании по сокращению числа зарубежных командировок, экономии валюты и даже снижению процента беспартийных среди выезжающих за границу. И Солоневичу могло так особенно везти, что он

неизменно оказывался не у дел. Однако действовала и система заложничества, согласно которой двое близких родственников, оставшихся в СССР, надежнее, чем один — им в случае отъезда Ивана Лукьяновича оставался его брат Борис, которому к тому времени Соловки были заменены ссылкой.

В любом случае, «муж и жена — одна сатана» (в Бога коммунисты не верили, но в черта наверняка), и тот факт, что за границей находилась Тамара Владимировна, уже мог быть достаточным основанием для отказа. Например, в том же 1928 году подавали документы на выезд в творческую командировку Мейерхольды-Райх. Знаменитого режиссера выпустили, а Зинаиде Райх отказали без всяких объяснений (объяснений вообще не давали, это был принцип, задекларированный в одном из постановлений о порядке работы комиссии).

Впрочем, и ГПУ не стоит сбрасывать со счетов. Сыграло, наверняка, свою роль и то обстоятельство, что спортивный инструктор Иван Солоневич неоднократно вызывался компетентными органами на допросы. И хотя всякий раз это оставалось без последствий, мог, что называется, и примелькаться. Поводы для визитов в грозное учреждение были самые разные.

Так, примерно во время ожидания разрешения на выезд в Германию (для ознакомления с постановкой и проч.) произошла такая история, описанная Солоневичем в «Романе во Дворце труда»:

«Проект стандартной водной станции с десятиметровой вышкой для прыжков был разработан лучшими специалистами Москвы и, во избежание лишней волокиты по комиссиям, утвержден лично мной. Станции были построены. И вот — в «Правде» телеграмма, что в Сталинграде построенная мною водная станция при первом же испытании обрушилась, «погребая в воду свыше восьмидесяти человек». В воде,

впрочем, не погребен был никто — всех вытащили. Меня же потащили в ГПУ. С великим трудом было выяснено, что сталинградские профсоюзники на плавучей станции вышку для прыжков использовали в качестве трибуны для почетных гостей. Почетных гостей набралось около сотни — вышка, понятно, опрокинулась. На следователя ГПУ особое впечатление произвел председатель местного исполкома, который попал в воду и, не умея плавать, был вытаскен пловцами, приведен в чувство и, по оказании ему первой медицинской помощи, оказался просто-напросто пьяным и в пьяном виде утверждал, что станцию построили иностранные диверсанты...

Выяснил все это не я сам. Это выяснила спортивная газета, которая дала телеграмму своему корреспонденту, корреспондент ответил, добрые люди из газеты сейчас же позвонили в ЦК, и из ЦК Валхар позвонил в кабинет того же следователя, который в данный момент настойчиво выяснял мое социальное происхождение, но председатель исполкома привел следователя в юмористическое настроение, и я был с миром отпущен домой»^[303].

Другой арест, еще более нелепый, Солоневич упоминает в статье «Великая фальшивка Февраля»:

«Само собою разумеется, что ни в каких симпатиях к анархизму меня обвинить никак нельзя, хотя один раз ОГПУ меня арестовало именно за анархизм. Это был самый короткий арест: часа на два. Я был до того изумлен, что даже чекисты поняли свою ошибку»^[304].

Ошибка состояла в одной букве фамилии: Алексей Александрович Солонович, преподаватель МВТУ им. Баумана, был широко известным в своем узком кругу теоретиком мистического анархизма, одним из руководителей промасонского «Ордена Света». Наиболее крупным его теоретическим трудом стало трехтомное исследование «Бакунин и культ

Иалдобаофа», в машинописном виде ходившее по рукам среди членов сообщества. В сентябре 1930 года большая часть членов Ордена была арестована ОГПУ. За антисоветскую деятельность всем рядовым фигурантам уголовного дела дали по три года, а четверем руководителям — по пять лет. Скорее всего, под эту чекистскую облаву на анархистов и угодил Иван Лукьянович.

В том же 1930 году, через полтора-два месяца, после возвращения из очередной командировки (с воспетого в стихах и прозе Магнитостроя) Иван Солоневич еще раз «приглашался» на допрос. Оказалось, что его протеже, простой крестьянский парень, приехавший учиться в Москву живописи (он выведен в «Романе во Дворце труда» под псевдонимом Алешин) напечатал антисоветскую листовку на той самой пишущей машинке, на которой сам И. Л. вечерами печатал наброски своего романа, которого мы уже никогда не прочитаем.

Но и без всяческих «привходящих обстоятельств», можно сказать, по собственной инициативе, Иван Лукьянович все это время ходит по лезвию бритвы:

«Я в те времена весьма особым способом слал жене в Берлин статьи для иностранной прессы о положении в Советской России: этих статей не приняла ни одна газета, думаю, — напрасно»^[305].

Осенью 1930 года Тамара Владимировна получила предписание вернуться в Москву. Если бы она не вернулась, был бы арестован ее муж. Если бы Иван Солоневич попытался бежать, был бы расстрелян его брат Борис. Советская система заложничества была отлажена с беспощадной точностью. И сначала Юрчик, а весной 1931-го и Тамочка, задержавшаяся из-за передачи дел в Берлине, вернулись в Москву.

«Это было очень горькое возвращение, — констатирует Иван Лукьянович. — Здание, построенное с таким трудом, казалось, рухнуло окончательно. Получить еще одно назначение за границу Тамара Владимировна не имела никаких шансов. Юра уже вырос, и мы решили бежать пешком. Тамара Владимировна мужественно тренировалась в ходьбе, возвращаясь пешком со службы домой. Это было приблизительно двадцать километров. Эта тренировка давалась ей с большим трудом и была очень небезопасна для здоровья. Тамара Владимировна никогда никаким спортом не занималась, и все мои попытки в этом направлении кончались неизбежным крахом»[\[306\]](#).

В Германии Юра, кстати, завершил свое среднее образование — в Кернеробрер-реаль школе. И первый год после возвращения в СССР он провел с отцом в командировках — в качестве фоторепортера.

«Мое первое столкновение «лбом об стенку» советской действительности, — пишет Юрий Солоневич в своей книге «Повесть о 22-х несчастьях», — произошло весной 1932 года, когда дальние странствия были признаны вещью, хотя и весьма поучительной, но все же недостаточной для того, чтобы сделать из меня человека. На семейно-военном совете было постановлено, что мне следует избрать себе какую-нибудь определенную специальность и, соответствующим образом координируя свои действия, направить свои стопы в эту сторону»[\[307\]](#).

В итоге с помощью небольшого блата родители пристроили своего отпрыска в Центральный Аэро-Гидродинамический Институт (ЦАГИ) переводчиком-практикантом. Там он продержался недолго: непосещение субботников, пристрастие к теннису, наконец, политическая неподкованность — прямое

следствие буржуазного образа жизни берлинского периода — закрыли для Юры ворота секретного учреждения.

Рассекретившись, он — опять же по знакомству, на сей раз совсем шапочному, — поступил на Первую звуковую фабрику Союзкино. И не кем-нибудь, а помощником режиссера Абрама Матвеевича Роома (1894-1976). Будущий дважды лауреат Сталинской премии уже в те годы был одним из столпов киноиндустрии СССР, входил, по определению критиков, в «большую пятерку» советского кино вместе с Пудовкиным, Эйзенштейном, Кулешовым и Вертовым. Но Юрий Солоневич описал его в своей «Повести» скорее как комического персонажа.

Необходимость побега для Ивана Лукьяновича была ясной на протяжении всех советских лет. Борис еще осенью 1930 года выражал сомнение. При том, что он уже пережил Соловки, рассказам о которых не всегда верил и родной брат. И при том, что план побега обсуждался во время его посещения Салтыковки, состоявшемся при переезде из ссылки в высылку — из Томска в Орел.

«Драпать за границу? — вопрошает он (цитирую по книге Б. Солоневича «Молодежь и ГПУ»). — Погоди, погоди, Ваня... Уж очень это все для меня оглушительно. Я, пожалуй, уже даже отвык от широкого взгляда на жизнь... Вся борьба была направлена на то, как бы словчиться, чтобы хоть сегодня-завтра быть живым и сытым. Дай толком оглядеться, да очухаться. За все эти годы я видал советскую жизнь только с оборотной стороны. Со стороны изнанки. Дай немного посмотреть на нее и с другой стороны»^[308].

На том и порешили.

Ранней весной 1932 года Борис Солоневич был арестован в Орле и спешно препровожден в Москву на Лубянку. Просидев там почти пять месяцев без предъявления обвинения (чекисты пытались что-то выведать о тех скаутских вождях, что еще остались на свободе), он в конце июля был все-таки отпущен. И вспомнились ему, наверное, слова старшего брата, сказанные полтора года назад: «Нам в советских условиях можно теперь быть либо рабами, либо погонщиками рабов. Третьего не дано. А мы ни для того, ни для другого не приспособлены...»^[309].

В день освобождения, 28 июля 1932 года, Борис отправляется к Ивану в Салтыковку и дает согласие на побег.

Примерно в это же время приобретает реальные очертания решение вопроса о легальном выезде за границу Тамары Владимировны.

«Планы были выработаны и маршрут был намечен: через Карелию в Финляндию. До этого я оцупал туркестанскую, кавказскую и румынскую границу. Там не так трудно было перейти, но очень было неясно, как встретили бы нас персы, турки и румыны. Я узнал, что очень многих и за очень небольшую плату из большевицкого кармана персы выдавали обратно — на расстрел. <...> Турки выдавали систематически. На румынской границе грабили и убивали. Польская и эстонская охранялись слишком сильно. Финская охранялась слабо, и за финской границей мы могли быть уверены в культурном и человеческом приеме. <...>

Летом 1932 года я сделал пешую разведку по направлению к финской границе от станции Кивач Мурманской железной дороги в направлении на село Койкоры на реке Суне и не дошел до границы двадцать верст. Около Койкор меня подцепили сельские активисты-комсомольцы. Мне стоило очень большого

труда благополучно вырваться из этой разведки. Но из нее я выяснил одно обстоятельство: по таким местам Тамочка не пройдет. И как она ни клялась в своей выдержке и выносливости, дело было до безнадежности ясно.

Выход подвернулся неожиданно, как иногда и случается в безвыходных положениях. Этим выходом оказался брак с иностранцем, каковой брак дал возможность Тамочке не только выехать легально, но и вывезти или, точнее, переслать через некое иностранное учреждение наши семейные документы, письма, фотографии и даже ту пару боксерских перчаток, в которых я тренируюсь и по сей день»^[310], — вспоминал Иван Лукьянович в эмиграции.

Неким иностранным учреждением — теперь это можно сказать совершенно точно — было германское посольство. А вот о фиктивном браке Тамары Владимировны наш герой, по понятным причинам, говорит далеко не все.

Сегодня, наверное, нет смысла скрывать подробности. По крайней мере, если их сообщил в своих незаконченных воспоминаниях сын своих родителей Юрий Иванович Солоневич (находясь уже в более чем преклонном возрасте), то и нам не нужно допускать лицемерных «фигур умолчания» и лепить из нашего героя эпического персонажа. Что было — то было.

Во время своей берлинской командировки Тамара Владимировна то ли завела роман, то ли просто позволила в себя влюбиться. Типографский наборщик Бруно Прцевоцни, или Пршевозный (Przewozny) был моложе ее на 15 лет^[311]. Как писал Юрий Солоневич, Тамочка «зачем-то наврала Бруно, что она и батька друг друга давно уже не любят, вместе больше не живут, развелись вот уже полгода назад»^[312].

Протоколы допросов Ивана Лукьяновича в ОГПУ в сентябре-ноябре 1933 года, благодаря стараниям его внука Михаила Юрьевича и исследователя К. А. Чистякова, сегодня стали достоянием общественности. В частности, 16 сентября 1933 года Иван Солоневич показал:

«С моей женой, Тамарой Владимировной, мы прожили 15-18 <лет> исключительно полной и счастливой семейной жизнью. В 1927 году она была откомандирована в берлинское торгпредство СССР, куда она уехала с сыном, проработала до 1930 года, точнее до марта 1931 г. В течение 29-30 годов моего сына воспитывал некто Бруно Пршевозный, член германской компартии, юноша лет 27-и. Т. к. мы с женой всегда были откровенны друг с другом, то я знал, Бруно влюблен в Т. В., но серьезного значения этому не придал.

Осенью 1930 года Т. В. сообщила мне о своем предстоящем откомандировании в СССР и своем приезде. Никаких планов насчет бегства за границу у меня тогда не было — иначе воспользовался бы тем, что и жена, и сын были уже за границей. Сын приехал, кажется, в сентябре, жену задержала сдача дел, и она приехала <...> в марте.

Здесь я узнал, что история с Бруно имеет чрезвычайно серьезный характер и что она вплотную приближается к трагическому исходу. Из разговоров с Т. В. и с моим сыном, из писем Бруно и пр. я увидел совершенно ясно, что в случае разрыва Т. В. с Бруно — последний покончит с собою и что Т. В., любя Б. и чувствуя себя — вследствие разницы в возрасте — ответственной за Б., — тоже не то сойдет с ума, не то покончит с собою»^[313].

Безусловно, необходимо учитывать, что, давая эти показания, Иван Солоневич не был до конца

откровенен. Или, говоря иначе, его откровенность удивительна: с чего бы вдруг посвящать в свои семейные тайны чекистов. Но ведь и обстоятельства были вполне подходящие, наш герой был арестован за очередную неудачную попытку побега за границу (об этом подробнее ниже), и семейная драма выставлялась им в качестве главного мотива этого побега. Так что надо, как говорят, «делить на два»: кое-что правда, а кое-что и выдуманно. Осталось провести линию раздела, но уж больно она тонкая...

Как бы то ни было, в сентябре 1931 года «этот пылкий влюбленный» приехал в Москву. В один день Иван Лукьянович оформил развод с женой в ЗАГСе, и там же несколько часов спустя Тамара Владимировна и Бруно поженились. Развод и бракосочетание в те времена много времени не занимали. На языке советского фольклора это называлось «пять рублей и пять минут».

Но, уже выйдя замуж за германского подданного, Тамара Прцевоцни еще почти целый год добивалась разрешения на выезд за границу — этот выезд был возможен только при условии отказа от советского гражданства. Компетентные органы от этого отказа всячески отговаривали, но и они вынуждены были отступить.

Итак, в сентябре 1932 года «бывшая жена» навсегда покидает отечество трудящихся. Всего через несколько дней ее муж и «группа контрреволюционно настроенных граждан» отправляются в побег.

Иван Солоневич пишет об этом скупо:

«Очень трудно рассказывать о мучительности наших колебаний и о моментах нашего прощания. Через пять дней после отъезда Тамочки в Берлин мы должны были отправиться пешком.»

Мы отправились поздней осенью, заблудились в болотах и вернулись обратно. Дамоклов меч побега

остался висеть еще на один год»^[314].

Благодаря следственному делу ОГПУ (оказывается, иногда приходится благодарить и чекистов) теперь мы знаем некоторые подробности. Во-первых, в состав группы входили: Иван и его сын Юрий, Борис и его жена Ирина, а также Степан Никитич Никитин, ранее работавший бухгалтером в советском торгпредстве в Берлине вместе с Тамарой Владимировной.

Во-вторых, как свидетельствует документ из архива ФСБ, «в конце Сентября м <еся> ца 1932 года СОЛОНЕВИЧ Иван с организованной им группой в количестве 4-х человек, вооружившись 3 охотничьими ружьями, одним револьвером и потребным количеством патрон, отправился к намеченному месту перехода к Финляндской границе в районе Карелии. Вследствие болезни в пути следования руководителя группы СОЛОНЕВИЧА Ивана близ границы переход был прерван. Как сам СОЛОНЕВИЧ, и остальные участники были вынуждены вернуться обратно в Москву»^[315].

К счастью, в «Повести о 22-х несчастьях» Юрий Солоневич эту попытку побега описывает максимально обстоятельно, и мы имеем возможность рассказать о ней без той гнусной протокольной фразеологии, которая сопровождает деятельность серийных убийц.

«Устройте пластинки к двадцать четвертому сентября», — такой текст телеграммы Бориса означал, что к этой дате ему удастся на пару дней вырваться из Орла ровно настолько, чтобы успеть, наконец, уйти в настоящий побег.

«Последнее время, — пишет Юрий Солоневич, — Борис находился в более или менее человеческих условиях так называемой «вольно-ссылки» в городе Орле, откуда временами имел возможность наезжать в Москву на два-три дня «для закупки фотоматериалов». В Орле он занимал высокоответственную должность

редактора, технического директора и единственного репортера своего собственного халтурного детища — районной световой газеты. В функции этого предприятия входило освещение вопросов соцсоревнования и ударничества в паровозных депо Орловского железнодорожного узла, культпросвет и, главное, — «выявление», «разоблачение» и «приковывание к позорному столбу» всяческих «лодырей» и «прогульщиков». Таковые Борису указывались «перстом свыше», и ему оставалось только придти, снять их в анфас и в профиль и продемонстрировать потом их портреты на экране перед жиденькой публикой, зашедшей от скуки советской жизни в местный клуб. Функции несложные... Но ни фотопластинок, ни фотобумаги в Орле было, разумеется, не достать, и непосредственное начальство — в данном, как и во всех прочих случаях, ГПУ — предпочитало закрывать один глаз на незаконное передвижение вольно-ссылного Солоневича. Ему предоставлялось раз эдак месяца в два улизнуть из под опеки недреманного ока, более или менее легально проехать в поезде до Москвы и там уже передвигаться на собственный риск и страх: поймают — пеняй на себя. А поймают — это означало статью о побеге из ссылки: снова Лубянка, снова лагерь, а быть может, даже — снова Соловки»^[316].

До Ленинграда, заняв вместе с поклажей целое купе, беглецы ехали всю ночь. На Московском (бывшем Николаевском) вокзале Юру оставили сторожить багаж, взрослые же отправились по своим делам. Иван Лукьянович, помимо всего прочего, должен был заглянуть и в университет. В его студенческом деле сохранилась «заявка в архив ЛГУ», написанная 7 августа 1932 года: «прошу архив выдать мне мои документы — метрику и аттестат зрелости», а также

собственноручная недатированная расписка: «Подлинное свидетельство об окончании Виленской 2-й гимназии от 7 июня 1912 года № 663 и метрику Гродненской духовной консистории от 18 августа № 8086 получил. Ив. Солоневич»^[317]. Скорее всего, получил он свои документы именно в сентябре 1932-го.

Иван Солоневич свидетельствует:

*«...мы не смогли выехать раньше конца сентября — время для Карелии совсем не подходящее, и перед нами встал вопрос: не лучше ли отложить все это предприятие до следующего года. Я справился в московском бюро погоды — из его сводок явствовало, что весь август и сентябрь в Карелии стояла исключительно сухая погода, не было ни одного дождя. Следовательно, угроза со стороны карельских болот отпадала, и мы двинулись. Московское бюро погоды оказалось, как в сущности следовало предполагать заранее, **советским** бюро погоды. В августе и сентябре в Карелии шли непрерывные дожди. Болота оказались совершенно непроходимыми. Мы четверо суток вязли и тонули в них и с великим трудом и риском выбирались обратно»^[318].*

Спортивная гордость не позволила Ивану признаться в том, что именно он оказался слабым звеном. Если бы руководитель не простудился в пути, группа продолжала бы движение к границе до последнего, несмотря на дожди и магнитные аномалии, при которых нельзя было полагаться на компас. Как свидетельствует Юрий, решительнее других был настроен Борис, убежденный в том, что ему самому возвращаться нельзя ни в коем случае и готовый идти через болота один. С большим трудом удалось его убедить вернуться вместе со всеми.

Следующая попытка была назначена на июнь 1933 года. Жена Бориса Ирина уже поехала из Салтыковки в

Москву получать заказанные билеты, но их пришлось отменять: у Юры, как назло «вовремя», случился приступ аппендицита. После операции он мог отправиться в побег не раньше начала сентября.

Состав группы беглецов до последнего момента оставался прежним. Но о побеге знал еще один человек, Иосиф Антонович Пржиялговский (1886 — после 1936), приятель Ивана Лукьяновича еще с дореволюционных времен, они познакомились в Вильно в 1912 году.

«В Петрограде жил мой очень старый приятель, Иосиф Антонович, — пишет Солоневич в «России в концлагере». — И у него была жена г-жа Е., женщина из очень известной и очень богатой польской семьи, чрезвычайно энергичная, самовлюбленная и неумная. Такими бывает большинство женщин, считающих себя великими дипломатками. За три недели до нашего отъезда в моей салтыковской голубятне, как снег на голову, появляется г-жа Е., в сопровождении мистера Бабенко. Мистера Бабенко я знал по Питеру <...>. Я был удивлен этим неожиданным визитом, и я был еще более удивлен, когда г-жа Е. стала просить меня захватить с собой и ее. И не только ее, но и мистера Бабенко, который, дескать, является ее женихом или мужем, или почти мужем — кто там разберет при советской простоте нравов»^[319].

Так с помощью Елены Леонардовны Пржиялговской в группу был внедрен чекистский осведомитель — Николай Артемьевич Бабенко. Материалы следственного дела не оставляют никаких сомнений: Бабенко единственный из всех перебежчиков не получил срока, его имя вообще не фигурирует в обвинительном заключении.

«В Питере нас должен был встретить Бабенко и присоединиться к нам, — продолжаем цитировать «Россию в концлагере». — Поездка г-жи Е. отпала, так

как у нее появилась возможность легального выезда через Интурист. Бабенко встретил нас и очень быстро и ловко устроил нам плац-пересадочные билеты до ст <анции> Шуйская Мурманской ж <елезной> д <ороги>.

Я не думаю, чтобы кто бы то ни было из нас находился во вполне здравом уме и твердой памяти. Я как-то вяло отметил в уме и «оставил без последствий» тот факт, что вагон, на который Бабенко достал плацкарты, был последним, в хвосте поезда, что какими-то странными были номера плацкарт — в разбивку: 3-ий, 6-ой, 8-ой и т. д., что главный кондуктор без всякой к этому необходимости заставил нас рассестся «согласно взятым плацкартам», хотя мы договорились с пассажирами о перемене мест. Да и пассажиры были странноваты...

Вечером мы все собрались в одном купе. Бабенко разливал чай, и после чаю я, уже давно страдавший бессонницей, заснул как-то странно быстро, точно в омут провалился...

Я сейчас не помню, как именно я это почувствовал... Помню только, что я резко рванулся, отбросил какого-то человека к противоположной стенке купе, человек глухо стукнулся головой об стенку, что кто-то повис на моей руке, кто-то цепко обхватил мои колена, какие-то руки сзади судорожно вцепились мне в горло — а прямо в лицо уставились три или четыре револьверных дула.

Я понял, что все кончено. <...> Вагон был наполнен шумом борьбы, тревожными криками чекистов, истерическим визгом Степушки, чьим-то раздирающим уши стоном...»^[320]

Под именем Степушки (а также «старого бухгалтера Степанова»), как нетрудно догадаться, в книге был выведен Степан Никитин. Именно его показания легли в основу коллективного дела. Группа была арестована

вечером 9 сентября, этим же числом датированы и ордера на арест. А вот содержание под стражей в доме предварительного заключения на Шпалерной улице в Ленинграде отсчитывается уже со следующего дня.

Ирония судьбы: на этой же самой Шпалерной жил Иван Солоневич на квартире А. М. Ренникова, когда только начинал работать в газете «Новое Время» после другого бегства — из прифронтового Минска в 1915 году.

Примерно через сутки после ареста начались допросы. Никитина допрашивали с пристрастием, и он наговорил много лишнего — о сношениях Ивана Лукьяновича с женой через германское посольство, о хождениях Пржиялговской к литовскому послу, о своей встрече с послом эстонским, о пересылке за границу фотоснимков (конечно, «секретного характера»). И обо всем таком прочем, что с удовольствием квалифицировалось как шпионаж уполномоченным 7-го Экономического отдела Постоянного представительства ОГПУ в Ленинградском военном округе Добротиним.

«Степушка наворотил, — вспоминал Солоневич. — Наворотил совершенно жуткой чепухи, запутав в ней и людей, которых он знал, и людей, которых он не знал. Он перепугался так, что стремительность его «показаний» прорвала все преграды элементарной логики, подхватила за собой Добротина и Добротин в этой чепухе утоп.

Что он утоп, мне стало ясно после первых же минут допроса. Его «агентурные данные» не стоили двух копеек; слежка за мной, как оказалось, была, но ничего путного и выслеживать не было; переписка моя, как оказалось, перлюстрировалась вся, но и из нее Добротин ухитрился выкопать только факты, разбивающие его собственную или, вернее, Степушкину теорию. Оставалась одна эта «теория» или, точнее, остов «романа», который я должен был облечь плотью и

кровью, закрепить всю эту чепуху своей подписью, и тогда на руках у Добротина оказалось бы настоящее дело, на котором, может быть, можно было бы сделать карьеру и в котором увязло бы около десятка решительно ни в чем неповинных людей.

Если бы вся эта чепуха была сгруппирована хоть сколько-нибудь соответственно с человеческим мышлением, выбраться из нее было бы нелегко. Как-никак знакомства с иностранцами у меня были. Связь с заграницей была. Все это само по себе уже достаточно предосудительно с советской точки зрения, ибо не только за границу, но и каждого отдельного иностранца советская власть отгораживает китайской стеной от зрелища советской нищеты, а советского жителя — от буржуазных соблазнов.

Я до сих пор не знаю, как именно конструировался остов этого романа. Мне кажется, что Степушкин переполох вступил в социалистическое соревнование с добротинским рвением, и из обоих и в отдельности не слишком хитрых источников получился совсем уж противоестественный ублюдок. В одну нелепую кучу были свалены и Юрины товарищи по футболу, и та английская семья, которая приезжала ко мне в Салтыковку на Week End, и несколько знакомых журналистов, и мои поездки по России, и все, что хотите. Здесь не было никакой ни логической, ни хронологической увязки. Каждая «улика» вопиюще противоречила другой, и ничего не стоило доказать всю полную логическую бессмыслицу всего этого «романа».

Но что было бы, если бы я ее доказал?

В данном виде — это было варево, несъедобное даже для неприхотливого желудка ГПУ. Но если бы я указал Добротину на самые зияющие несообразности, — он устранил бы их, и в коллегиях ОГПУ пошел бы обвинительный акт, не лишенный хоть некоторой, самой отдаленной, доли правдоподобия. Этого

правдоподобия было бы достаточно для создания нового «дела» и для ареста новых «шпионов»^[321].

Новых дел, действительно, заведено не было. Но еще два ареста состоялись — Иосиф Пржиялговский, к тому времени перебравшийся на постоянное жительство в Мурманск, был привезен в Питер и заключен под стражу 12 сентября, а его жена Елена Леонардовна — на следующий день.

Знакомых журналистов, о которых Солоневич говорит в своих воспоминаниях, было трое: Анатолий Яковлевич Канторович (1896–1944), Зиновий Яковлевич Эпштейн (даты рождения и смерти неизвестны) и Евгений Александрович Гнедин (1898–1983).

Все они сотрудничали с «Известиями», а Канторович с 1935 года даже исполнял должность заместителя заведующего международным отделом. Через два года после Солоневичей он все же был арестован, а погиб в годы Второй Мировой войны.

Для Гнедина журналистика была лишь дополнением к дипломатической работе. Он познакомился с архипелагом под названием ГУЛаг основательно. Но и его арест с побегом группы Солоневича не был связан никак. Дело в том, что Гнедин был внебрачным сыном меньшевика Гельфанда-Парвуса, сыгравшего едва ли не решающую роль в организации финансирования «русских» революций из-за границы. Сталин и его окружение не верили известиям о кончине Парвуса, полагая, что он лишь вновь сменил имя. И хотя Гнедин еще в 1927 году пожертвовал свою часть папиного наследства (100 тысяч рейхсмарок) «на борьбу с капитализмом», через 12 лет его арестовали по какому-то надуманному обвинению, а на самом деле пытались использовать как заложника для переговоров с отцом по поводу возвращения «золота партии». Парвуса так и не нашли, и Гнедин вышел из лагерей только после

смерти Сталина, а в 1970-е годы стал известным диссидентом и был близок к академику А. Д. Сахарову.

Не пострадал от репрессий и еще один человек из компании Эпштейна, о котором упоминает в своих показаниях Солоневич, — Исаак Уриелевич (или Уриэлевич) Будовниц (1896-1963), еще один «известинец» 1930-х годов, сотрудник института истории АН СССР.

О дальнейшей судьбе самого Эпштейна никаких свидетельств не сохранилось.

Но мы слегка отвлеклись от темы. Следствие по делу к/р группы Солоневича шло быстро. Ивана Лукьяновича допрашивали шесть раз. Некоторые показания, как отмечает К. А. Чистяков, написаны собственноручно, некоторые — в частности, те, где говорится о шпионской деятельности, только подписаны Солоневичем^[322].

К 25 ноября было подготовлено «Обвинительное заключение по след <ственному> делу № 6632 — 33 г. по обвинению к <онтр> — р <эволюционной> группы, занимавшейся шпионской деятельностью в пользу Германии и ставившей своей задачей вооруженный переход границы СССР, т. е. прест <уплениями>, пред <усмотренными> ст <атьями> 58-6, 58-10 и 59-10». Документ постановляет: «Означенное следственное дело <...> направить через Прокурора по Надзору за органами ОГПУ на заключение и направление на Тройку ПП ОГПУ в ЛВО для внесудебного разбирательства».

Вскоре выносится приговор: Ивану и Борису Солоневичам присуждают по 8 лет лагеря. Статьи — 58-6 (шпионаж), 58-10 (контрреволюционная пропаганда или агитация) и 59-10 (нелегальный переход границы). Любопытно отметить, что последняя статья, единственная обоснованная и доказанная, в обвинительном заключении не упоминается и

добавлена уже в приговоре «тройки». Юре дали 3 года (58-10 и 59-10) и год ему скостили как несовершеннолетнему (И. Л. не упоминает об этом в «России в концлагере»).

Никитин получил, как и братья Солоневичи, 8 лет, но не прожил и трех — скончался в Ухтпечлаге в марте 1936 года.

Жена Бориса Ирина, судя по предъявленным ей статьям, получила от 3 до 5 лет лагеря. Пржиялговские — по 3 года ссылки в Сибирь (об этом пишет в своей книге Иван Солоневич).

О супругах Пржиялговских, кстати, удалось найти еще кое-какую информацию. В 1935 году оба они, проживающие в Томской области, арестовываются вторично (по групповому делу католиков) и обвиняются в контрреволюционной агитации. Но новый срок — 3 года ИТЛ плюс 3 года поражения в правах — получает только Иосиф Антонович, Елене Леонардовне вынесли оправдательный приговор.

Иван Солоневич не скрывал, что, сидя в одиночной камере на Шпалерке, ожидал расстрела.

«На вопрос об относительной мягкости приговора у меня ответа нет и до сих пор, — писал он. — Наиболее вероятное объяснение заключается в том, что мы не подписали никаких доносов и не написали никаких романов. Фигура «романиста», как бы его ни улещали во время допроса, всегда остается нежелательной фигурой, конечно уже после окончательной редакции романа. Он уже написал все, что от него требовалось, а потом, из концлагеря, начнет писать заявления, опровержения, покаяния. Мало ли какие группировки существуют в ГПУ? Мало ли кто может друг друга подсиживать? От романиста проще отделаться совсем: мавр сделал свое дело и мавр может отправляться ко всем чертям. Документ остается, и опровергать его уже некому. Может быть, меня оставили жить оттого, что

ГПУ не удалось создать крупное дело? Может быть — благодаря признанию Советской России Америкой? Кто его знает — отчего»^[323].

Приговор был вынесен через три дня после написания обвинительного заключения — 28 ноября. Выписку из постановления «чрезвычайной судебной тройки» осужденным огласили, очевидно, 29-го, и в тот же день перевели в пересыльную тюрьму на Нижегородской улице. Здесь трое Солоневичей воссоединились в одиночной камере и даже повидались через некоторое время с Иосифом Пржиялговским.

«Однако, самое приятное в пересылке, — пишет Иван Солоневич, — было то, что мы, наконец, могли завязать связь с волей, дать знать о себе людям, для которых мы четыре месяца тому назад как в воду канули, слать и получать письма, получать передачи и свидания.

Но с этой связью дело обстояло довольно сложно: мы не питерцы, и по моей линии в Питере было только два моих старых товарища. Один из них, Иосиф Антонович, муж г-жи Е., явственно сидел где-то рядом с нами, но другой был на воле, вне всяких подозрений ГПУ и вне всякого риска, что передачей или свиданием он навлечет какое бы то ни было подозрение: такая масса людей сидит по тюрьмам, что если поарестовывать их родственников и друзей, нужно было бы окончательно опустошить всю Россию. Nominae sunt odiosa (имена ненавистны — лат. — И.В.) — назовем его «профессором Костей». Когда-то очень давно, наша семья вырастила и выкормила его, почти беспризорного мальчика, он кончил гимназию и университет. Сейчас он мирно профессорствовал в Петербурге, жил тихой кабинетной мышью. Он несколько раз проводил свои московские командировки у меня, в Салтыковке, и у меня с ним была почти постоянная связь.

И еще была у нас в Питере двоюродная сестра. Я и в жизни ее не видал, Борис встречался с нею давно и мельком; мы только знали, что она, как и всякая служащая девушка в России, живет нищенски, работает каторжно и, почти как и все они, каторжно работающие и нищенски живущие, болеет туберкулезом. Я говорил о том, что эту девушку не стоит и загружать хождением на передачи и свидание, а что вот Костя — так от кого же и ждать-то помощи, как не от него. <...> Мы послали по открытке — Косте и ей. <...>

В первый же день свиданий в камеру вошел дежурный.

— Который тут Солоневич?

— Все трое...

Дежурный изумленно воззрился на нас.

— Эка вас расплодилось. А который Борис? На свидание...

Борис вернулся с мешком всяческих продовольственных сокровищ: здесь было фунта три хлебных огрызков, фунтов пять вареного картофеля в мундирах, две брюквы, две луковицы и несколько кусочков селедки. Это было все, что Катя успела наскребать. Денег у нее, как мы ожидали, не было ни копейки, а достать денег по нашим указаниям она еще не сумела.

<...> Костя не только не пришел: на телефонный звонок Костя ответил Кате, что он, конечно, очень сожалеет, но что он ничего сделать не может, так как сегодня же уезжает на дачу.

Дача была выдумана плохо: на дворе стоял декабрь...»^[324]

Как это часто бывает, вершители добрых дел остаются безвестными (не ради славы и делаются добрые дела), а имена трусов запечатлеваются в истории. В нашем случае развязка наступила поистине

шекспировская. «Профессор Костя» — Константин Алексеевич Пушкаревич, филолог и славяновед, — умер от голода в блокадном Ленинграде в феврале 1942-го^[325].

«И так как «Россия в концлагере» получила довольно широкое распространение в оккупированных немцами областях России, — писал Солоневич, — то К. Пушкаревич и писал Л. Рубанову <...> что я-де обидел его зря. Нет, не зря»^[326].

Скорее всего, Иван Лукьянович ошибается: профессор Пушкаревич вряд ли был на оккупированной территории, а немецкое издание книги «для Востока» было осуществлено уже после его смерти. С «Россией в концлагере» он ознакомился, очевидно, еще до войны, по публикациям в «Последних новостях» — доступ к эмигрантской печати избранная красная профессура все-таки имела.

ЛАГЕРНАЯ ЭПОПЕЯ

В январе 1934 года Солоневичей отправляют по этапу. Подробнейшим образом описать их семимесячную лагерную эпопею, в принципе, не составило бы большого труда — на то есть «Россия в концлагере», поистине великое произведение Ивана Лукьяновича.

Наше повествование, построенное на стыке жанров, биографии и автобиографии, наверное, и располагает к такому очевидному решению. Только поступать так почему-то не хочется. И дело даже не в том, что одна глава (о Февральской революции) была почти полностью построена на выдержках из книг и статей Ивана Солоневича. И не в том, что несколько увесистых цитат из «России в концлагере» были даны в предыдущей главе.

Просто укладывать пересказ этой 500-страничной книги в несколько десятков абзацев — все равно, что изображать «Войну и мир» в комиксах.

Иван Солоневич перед своим последним побегом, уже на «настоящую волю», просидел в сумме меньше года — четыре месяца под следствием и в пересыльной тюрьме и почти семь месяцев в лагере. Однако до появления солженицынского «Архипелага ГУЛАГ» именно его книга была главным свидетельством миру о том, что творится в «стране Советов» — несмотря на то, что были и десятки иных правдивых сообщений. Впрочем, и труд А. И. Солженицына никак не умаляет достоинств произведения Солоневича. И не упомянута «Россия в концлагере» в «Архипелаге» по одной простой причине: в СССР эта книга была известна только жителям оккупированных во время Второй Мировой войны территорий.

Сегодня «Россия в концлагере» переиздана в России уже четырежды (и еще дважды в Белоруссии), и только последнее из этих изданий вышло вполне приличным по нынешним временам тиражом — 8 тыс. экземпляров. [327] В конце 1980-х — начале 1990-х на волне антикоммунизма книга могла стать настоящим бестселлером, доступным миллионам наших сограждан. Демократов Восточной Европы, в частности поляков, монархические убеждения автора не смущали, и они переиздавали Солоневича прямо-таки залпом — в 1987, 1988 и 1990 годах. Демократы российского разлива имели свой взгляд на политкорректность, дальше самиздата в то время «Россия в концлагере» не пошла.

Но у книг, как и у людей, своя биография — и судьбе «России в концлагере» мы посвятим отдельную главу.

Возвращаемся к судьбе нашего героя и, учитывая все прозвучавшие выше сентенции, ограничиваемся сухим изложением фактов, произошедших с января по июль 1934 года. Ибо написать лучше Ивана Солоневича об этом периоде его жизни все равно не получится, а вставлять в одну книжку больше половины другой — абсурд. Но дополнительная информация, не вошедшая в «Россию в концлагере», а иногда объясняющая или подтверждающая ее содержание, присутствовать должна.

В результате глава, которая могла бы стать самой объемной, получится едва ли не самой краткой. Такие вот парадоксы истории и литературы.

Итак, в январе 1934 года Солоневичей отправляют по этапу. По приезде оказалось, что конечный пункт — Подпорожское отделение Беломорско-Балтийского ИТЛ. Этот лагерь после окончания строительства знаменитого канала имени товарища Сталина, начиная с августа 1933 года занимался обслуживанием работ

Беломорско-Балтийского комбината ОГПУ — НКВД (ББК). Под обслуживанием понималась как собственно эксплуатация канала, так и освоение прилегающей к нему территории. В первую очередь, конечно, лесозаготовки. На них Солоневичи попасть хотели меньше всего. Спортсменов не страшил физический труд, но готовиться к побегу при работе на лесоповале было, мягко говоря, не очень комфортно.

Первым, и даже против своей воли, пристроился Борис: человек с дипломом врача был обречен на работу в лагерной больнице в лагпункте Погра. Иван с Юрием получили назначение в учетно-распределительную часть в Подпорожье. Отец в качестве старшего юрисконсульта и экономиста, сын «машинистом» — не паровозным, разумеется, а таким, который печатает на пишущей машинке.

Советский опыт организации всевозможных «халтур» не мог не пригодиться Ивану Лукьяновичу и в лагере. Не проходит и месяца, а он уже пишет для начальника учетно-распределительного отдела лагеря Якименко инструкции по ББК и читает лекции по туризму для вольнонаемных работников лагеря.

В феврале пришла тревожная весть: основной состав заключенных Подпорожского отделения ББК переводят на строительство Байкало-Амурской магистрали, оставшихся людей и имущество передают Свирьскому ИТЛ. Опасность отправки Юры на БАМ была велика, и только чудом ее удалось избежать. После того как отец и сын поработали в ликвидкоме, Ивана Лукьяновича временно перевели в штаб Подпорожского отделения Свирьлага, он был назначен на должность экономиста-плановика.

По возвращении из этой командировки нашего героя ожидало новое испытание. В середине марта его и Юру переводили в «столицу» ББК — на станцию Медвежья Гора (ныне город Медвежьегорск), а Борис оставался на

Погре. И если раньше их разделяло расстояние пешей прогулки (при наличии пропуска для осуществления таковой), то теперь и дальнейшая судьба Бориса оказывалась неопределенной, и, главное, возможность согласования с ним своих действий по подготовке к побегу практически исчезала. Очередной проект побега провалился еще до того, как на Ивана и Юру пришли требования из Медгоры. У Бориса случился припадок малярии, и неподготовленный, обреченный на провал, побег не состоялся. Как впоследствии оказалось — не состоялся к счастью.

Расставаясь, братья договорились: «где мы бы ни были — 28-го июля мы бежим...»

Ах, Москва, Москва,
Сколько ты нам горя принесла!
Все мы пели, веселились —
На канале очутились:
Станция Медвежья Гора.

Колем, пилим и строгаем,
Всех легавых проклинаем.
Недалеко видно Соловки...

Так пели строители Беломорканала о Медгоре, из которой Соловецких островов буквально видно не было, поскольку они расположены за сотни километров, на другом конце канала. Но, сочиняя свою песню, «каналармецы» взяли за основу именно творение соловецких узников «В том краю стоит Секир-гора...», ведь многие из них прошли и Соловки, и канал.

Сегодня в Медвежьегорске существует городской краеведческий музей. В 1999 году в нем открыта постоянная экспозиция «ББК. Вехи истории», которая построена на документах, фотоматериалах и

экспонатах, отражающих историю строительства Беломорско-Балтийского канала. Материалы были собраны во время экспедиций в зону канала, личные документы предоставили жители шлюзовых поселков, участники Дней Памяти в Сандормохе (место проведения массовых расстрелов). Музей располагается в здании — «памятнике архитектуры» — бывшей гостиницы ББК, построенной в 1934 году, как раз при Солоневичах.

Иван и Юрий обосновались сначала не в самой Медвежьей Горе, а рядом с ней. На третьем лагпункте они, в первый и последний раз за свою лагерную эпопею, оказались в положении чернорабочих. В бригаде по обслуживанию управленческого городка «перекладывали доски и чистили снег во дворе Управления, грузили мешки на мельнице, ломали лед на Онежском озере, пилили и рубили дрова для чекистских квартир, расчищали подъездные пути и пристани, чистили мусорные ямы»^[328].

Самое удивительное, что отца и сына вполне устраивало это положение, и они старались продержаться в низах как можно дольше. Ведь в противном случае их ожидал этап в неизвестность — из лагерной столицы в лагерную провинцию. А это никак не входило в расчеты изготавившихся к броску за границу эков. Но в какой-то момент изворачиваться стало уже невозможно, и Иван Лукьянович вынужден искать новую «придурочную», по гулаговской терминологии, должность.

То, от чего он долго и упорно отказывался на воле, оказалось неизбежным в лагере — работа в пролетарском спортивном обществе «Динамо». Солоневич устраивается при отделении «Динамо» Беломорско-Балтийского комбината, инструктором

физкультуры в учебной части. Ее возглавлял Яков Самойлович Медовар. Как и большинство отрицательных персонажей «России в концлагере» он фигурирует под настоящим именем. Об этом можно судить хотя бы по публикации в журнале «Физкультура и спорт» в 1932 году: корреспонденция «Спортивный инвентарь — боевая проблема. К постановке вопроса на III пленуме ВСФК СССР» подписана «Яков Медовар»^[329].

Невымышленным лицом был и начальник третьего отдела ББК (лагерное ОГПУ) Радецкий. Правда, всевозможные исследования и справочники по ГУЛагу не называют даже его имени-отчества, только инициалы — В. Т. Однако доподлинно известно, что на момент окончания строительства Беломорканала он был временно исполняющим должность начальника Дмитровского лагеря, затем — заместителем начальника Беломорско-Балтийского ИТЛ, а уже после побега Солоневичей за границу работал в Управлении пожарной охраны НКВД.

И уж вне всяких сомнений существовал в реальности один из самых мрачных героев «России в концлагере» — Дмитрий Владимирович Успенский, прошедший по начальственным должностям не менее десятка лагерей от Соловков до Амура. Его, кстати, упоминает Солженицын во втором томе «Архипелага ГУЛАГ»:

«Этот Успенский имел биографию, что называется, типическую, то есть не самую распространенную, но сгущающую суть эпохи. Он родился сыном священника — и так застала его революция. Что ожидало его? Анкеты, ограничения, ссылки, преследования. И ведь никак не сотрешь, никак себе не изменишь отца. Нет, можно, придумал Успенский: он убил своего отца и объявил властям, что сделал это из классовой

ненависти! Здоровое чувство, это уже почти и не убийство! Ему дали легкий срок — и сразу пошел он в лагере по культурно-воспитательной линии, и быстро освободился, и вот уже мы застаем его вольным начальником КВЧ Соловков»^[330].

Примерно о том же пишет и Солоневич, который застал Успенского уже начальником Беломорско-Балтийского ИТЛ. Вот как он передает свой диалог с «соловецким Наполеоном»:

«— Вы говорили, что знали моего брата в Соловках. Вы и там служили?»

— Да, примерно так же, как служите теперь вы.

— Были заключенным? — изумился я.

— Да, на десять лет. И как видите — ничего. Можете мне поверить, лет через пять, и вы карьеру сделаете.

Я собрался было ответить, как в свое время ответил Якименке: меня-де и московская карьера не интересовала, а о лагерной и говорить нечего. Но сообразил, что это было бы неуместно»^[331].

К слову, документальных подтверждений этой версии — о том, что Успенский отцеубийца — нет, только воспоминания узников ГУЛага. В их числе и академик Д. С. Лихачев. Тут уже вопрос веры. Кто-то ведь и советской статистике доверяет...

Итак, Иван Солоневич, несмотря на свои «политические» статьи, устраивается по своей старой спортивной части — и это станет определяющим фактором для будущего побега. Впрочем, для начала он на время становится «литературным работником» Медовара, который выбивает себе должность инспектора по физкультуре в культурно-воспитательном отделе (КВО) лагеря и отдает Солоневичу половину зарплаты. А тот пишет за своего начальника директивы, методички, инструкции и прочую «туфту», а также, в качестве повышенного обязательства, берется за изготовление

брошюры под условным названием «Руководство по физкультурной работе в исправительно-трудовых лагерях ОГПУ». Юру пристроили в местный техникум — слушателем на курсы дорожного строительства.

Через месяц-другой Медовар пошел на повышение в Москву, и Иван Лукьянович занял его место в КВО. Здесь и рождается в его голове мысль о главной халтуре в своей «советской карьере» — о такой халтуре, когда на кону свобода и неволя, а всего вернее — жизнь и смерть. Мысль эта заключалась в организации все лагерной спартакиады. Чтобы запустить маховик, осталось только «уговорить невесту» — довести эту идею до самого Успенского, начальника лагеря и по совместительству председателя местного отделения «Динамо». То, что казалось невероятным, удалось. И, благодаря относительной свободе перемещений, к условленному сроку, 28 июля, все было готово к побегу. Успел подать еще раз весточку из Лодейного Поля и Борис: уговор в силе, бежим!

«Я был уверен, — пишет И. Л. Солоневич в «России в концлагере», — что перед этим днем — днем побега — у меня снова, как это было перед прежними побегами в Москве, нервы дойдут до какого-то нестерпимого зуда, снова будет бессонница, снова будет ни на секунду не ослабевающее ощущение, что я что-то проворонил, чего-то недосмотрел, что-то переоценил, что за малейшую ошибку придется, может быть, платить жизнью — и не только моей, но и Юриной... Но ничего не было: ни нервов, ни бессонницы... Только когда я добывал путаные командировки, мне померещилась ехидная усмешечка в лице заведующего административным отделом. Но эти командировки были нужны: если о наших планах, действительно, не подозревает никто, то командировки обеспечат нам минимум пять дней, свободных от поисков и

преследования, и тот же срок Борису — на тот случай, если у него что-нибудь заест... В течение пяти-семи дней нас никто разыскивать не будет. А через пять дней мы будем уже далеко...

У меня были все основания предполагать, что когда Успенский узнает о нашем побеге, узнает о том, что вся уже почти готовая халтура со спартакиадой, с ширококвещательными статьями в Москву, в ТАСС, в «братские компартии», с вызовом в Медгору московских кинооператоров, пошла ко всем чертям, что он, «соловецкий Наполеон», попал в весьма идиотское положение, он полезет на стенку, и нас будут искать далеко не так, как ищут обычных бегунов... Человек грешный — я дал бы значительную часть своего гонорара для того, чтобы посмотреть на физиономию Успенского в тот момент, когда ему доложили, что Солоневичей и след уже простыл...

Ночь перед побегом я проспал, как убитый. Вероятно, благодаря ощущению полной неотвратимости побега — сейчас никакого выбора уже не было...»^[332]

Шестнадцать дней шли Иван и Юра по карельским болотам, двенадцать дней — Борис. И в итоге — ушли за кордон.

КАРЕЛИЯ УХОДИТ...

Описание эмигрантского периода жизни нашего героя начнем с переключки документов, хранящихся в Финском национальном архиве и обнаруженных уже упоминавшимся В. В. Иофе.

Первый — выдержка из протокола допроса Бориса, который состоялся через два дня после перехода им советско-финской границы:

«8 августа 1934 года салминский пограничный отряд задержал в деревне Орусярви Салминской волости Бориса Солоневича, тайным образом бежавшего из Советской России. На следующий день <...> в Салми он был передан Сортавальскому отделу Центральной сыскной полиции»^[333].

Второй — запрос в Главное управление Центральной сыскной полиции (ЦСП) от 16 августа:

«Пограничный отряд г. Йоэнсуу 12 числа текущего августа месяца задержал в Элинлампи (волость Иломантси) проникших в страну тайным путем следующих советских граждан:

Солоневич, Иван Лукьянович <...> и его сын

Солоневич Юрий Иванович <...>

Если найдутся какие-нибудь сведения о вышеуказанных лицах, просьба сообщить их в первую очередь нам»^[334].

И, наконец, третий. Отвечая на вышеуказанный запрос, на следующий день Сортавальский подотдел ЦСП пересказывает, почти слово в слово, все, что Борис поведал на допросах о своей жизни и рекомендует:

«На основании рассказа <Бориса> Солоневича можно сравнить, насколько показания братьев совпадают. Есть основания узнать на допросах у Ивана Солоневича, что он еще знает о жизни брата. Есть

причины подозревать, что целью прибытия в Финляндию Бориса Солоневича является попытка отправиться отсюда в Германию в качестве агента большевиков. Интересным является факт одновременного побега братьев с разных мест. Борис С <олоневич> будет отправлен 21 числа текущего месяца в Выборгскую губернскую тюрьму для ожидания вынесения решения по делу»^[335].

Итак, вчерашние беглецы из советского лагеря вновь оказываются узниками — хотя, конечно, условия заключения несопоставимы. Но на пути к свободе остается сделать последний шаг, а именно — доказать, что ты не верблюд, то есть не красный шпион.

В тот же день, что из Сортавалы в Йоэнсуу пришел ответ на запрос, Иван Солоневич пишет письмо жене (цитирую по книге Е. Г. Сойни «Солоневичи и Север»):

«Родная моя Девочка!

*Итак, 4 месяца ГПУ, 7 месяцев концлагеря и 16 суток драпежа по нечеловечьим лесам и болотам — все уже позади, и мы в Финляндии — *erius si tuove!* (а все-таки она вертится! — **И. В.**) Мы пока взаперти, как говорят, в карантине, до 29 VIII, отъедаемся от лагерной голодовки (твои посылки — все были законсервированы в пути). Отдыхаем от нервного и физического напряжения последних месяцев. Но будущее — неясно. Мы здесь, в Йоэнсуу, — первый прецедент такого рода, с нами не знают, что делать, и сносятся с Гельсингфорсом. Чрезвычайно важны две вещи: чтобы спешно по телеграфу выслала нам перевод в 100-150 долларов. Здесь все фактически дешево, и одеваться нужно здесь, тем более что кроме наших почтенных кожанок все остальное концлагерного происхождения. Второе — зайди в финское посольство, поговори о нас, покажи наши документы и вообще поднажми. Дальше:*

это карантинное время я использую для работы над брошюрой о концлагерях в СССР. Думаю издать ее в Гельсингфорсе и думаю, что она будет интересна: свежий материал на свежую тему. Спишитесь с Ренниковым... и поговори в Берлине насчет издания, условий, гонораров, переводов и т. д. Размер 2-3 печ. листа.

Сильно беспокоюсь о Бобе.

Он должен был бежать 27/8 — не знаю, как ему это удалось. А неудача — это смерть. Сообщи о нашем бегстве знакомым, чтобы они нам ничего не писали и не слали, а то вляпаются в неприятность.

Что у тебя, Девочка? Я получил несколько твоих писем — одно из них с трогательными стихами об ожидании, но не отвечал по многим причинам. На наши интимные темы поговорим при встрече. Сейчас трудно. Как у тебя дела, здоровье, перспективы, настроение и прочее. Пиши, Девочка, а если ты до сих пор не догадалась послать нам телеграмму — пошли. Об очень многом хочется написать, но пока еще все так путано.

Целую и люблю. Ва.

Р. S. Только что узнал, что Боб перебрался благополучно и находится в карантине в Urosjarvi»^[336].

Г-жа Сойни приводит в своей книге текст еще одного письма Ивана к Тамаре, возможно, отправленного на следующий день. В нем Солоневич сообщает, что один печатный лист брошюры (будущей книги «Россия в концлагере») он уже написал. При этом окончательный объем работы оценивается им уже не в два-три, а в три-пять печатных листов. Из этого второго письма также ясно видно, что в качестве приоритета для проживания за границей Солоневичи рассматривали Германию^[337].

Благодаря исследованию Е. Г. Сойни мы также знаем, что за время короткой и относительно комфортной финской отсидки Иван Лукьянович написал несколько очерков (в частности, «Карелия уходит...», «Финские эмигранты в Советской России» и «На путях к социалистическому раю»^[338]), которые затем, творчески переработанные, вошли в «Россию в концлагере».

Презумпцию невиновности за пределами СССР никто не отменял: политическая полиция страны, бывшей совсем недавно частью Российской Империи, не нашла оснований для дальнейшего пребывания трех апатридов под стражей и отпустила их на попечение русской колонии.

В свою первую «буржуазную квартиру» Солоневичи въехали 9 сентября 1934 года^[339]. Нансеновские паспорта, кстати, Иван и Юрий получили только через год, Борис — немного раньше.

Как могла, помогала первое время Тамара Владимировна, получавшая в Берлине весьма скромное жалованье переводчицы в германской организации «Крафт дурх фрейде» (в переводе с немецкого: «Сила через радость»). Но этого, безусловно, не хватало: в самом деле, разве под силу одной женщине прокормить трех здоровых мужиков.

Выручала и старая дружба. В частности, пришел на помощь тот самый приятель, о котором Иван Лукьянович вспоминал в связи с торжествами по случаю 300-летия Дома Романовых, тогда — член ППС, польской партии социалистической. Солоневич с благодарностью пишет:

«...этот товарищ — поляк, и сейчас не так чтобы очень социалист — переслал мне, заведомому и неизлечимому монархисту, из Польши в Гельсингфорс — почти тотчас же после нашего побега — свою

финансовую помощь. Без этой помощи мы бы голодали, как в концлагере...»^[340]

О Солоневичах эмиграция впервые узнала из парижской газеты «Последние Новости» — 27 сентября 1934 года Т. В. Чернавина поместила в ней небольшую корреспонденцию «Новые беглецы из СССР». Никто тогда, конечно, не мог предполагать, что эти перебежчики во многом превзойдут своих предшественников — и в публицистических талантах, и в политической активности, и в известности по всему миру. Явление Солоневичей эмиграции интересно рассмотреть именно в этом контексте — как одно из звеньев в цепи других, не многочисленных, впрочем, побегов за кордон из «социалистического рая».

Краткий курс в позднейшем изложении Бориса Солоневича в журнале «Родина» выглядит так.

«1925. Бессонов. Бежал вместе с другим офицером, Мальсаговым, из преддверия страшных Соловков — Кемперпункта (*Кемского пересыльного пункта — И. В.*), обезоружив охрану и уйдя в Финляндию. <...> В Финляндии Бессонов выпустил свою книгу «Двадцать шесть тюрем и побег» — первый в мире рапорт об изнанке советской жизни. Были сведения, что Мальсагов тоже что-то издал, но сведений у редакции об этом нет. (*Мальсагов стал автором книги «Адские острова» — И. В.*) <...>

1927. Москвин. Студент. Бежал из Новороссийска, где, под маркой грузчика, сумел зарыться в зерно на иностранном пароходе и вылез оттуда чуть живой уже в Египте. Написал очень интересную книгу «Хождение по ВУЗ'ам». Скоро умер в Швейцарии.

1928. Бажанов — очень видный партиец. Бежал в Персию через горы. Выпустил книгу «Я был секретарем Сталина». Потом исчез с горизонта.

1928. Вартанов (Лисициан). Воспитывался в Швейцарии. В 1926 г. получил визу — навестить умирающего отца в Эривани. В обратной визе ему отказали. Он ночью в Батуме поплыл к иностранному пароходу, но был схвачен. Как-то ухитрился бежать из тюрьмы — с принудительных работ. Горными тропинками пробирался на стык границ СССР, Персии и Турции. Был заподозрен в шпионаже. Искусно скрыл свое знание русского языка. Чуть не попался на провокацию — в пути его спросили: «Ну как, товарищ?» Он, смертельно усталый (его вели пешком), машинально ответил: «Падаю с ног»... Но в Константинополе заговорил на блестящем французском и немецком языках и даже сыграл на скрипке «Мазурку» Веньявского... Издал очень много книг о СССР (только на иностр. языках). До войны издавал в Швейцарии журнал «Civilisation et Bolchevisme».

1929. Андреев, генерал. После освобождения из Соловецкого лагеря бежал в Манчжурию, переплыв Амур. Дал первые в мире очерки об ужасах Соловков. Потом сошел с ума и умер — был почти стариком.

1929. Баркалов, сын офицера. Бежал через Персию.

1931. Белина-Подгаецкий. Офицер Императорской армии. Во время революции был в составе экспедиционного корпуса во Франции. В 1926 г. вернулся «на родину» с женой и тремя детьми. И скоро ахнул. Формально развелся с женой, и та, как немка, уехала с детьми в Германию. Сам Белина, журналист, устроился на пароходе Новороссийск — Владивосток и сбежал в Сингапуре. 3 дня пролежал в публичном доме, пока пароход не ушел. Выпустил много книг о СССР, очень активный журналист. Ослеп, но продолжает писать в Бельгии.

1931. Романов. Участник Белой Армии. Остался в Крыму, потом перебрался на Кубань, но, в конце концов, был арестован. Получил 10 лет кацета (*концлагеря — И.*

В.) и сбежал из Архангельска, зарывшись в доски на голландском пароходе. Много писал в голландской и эмигрантской прессе о побеге и жизни в СССР. <...>

1931. Чернавин. Профессор ихтиологии Ленинградского университета. Получил за «вредительство» 10 лет, но не успел еще попасть на Соловки. <...>

К нему приехала на свидание его энергичная жена Татьяна с сыном. Она ухитрилась нанять рыбацью лодку, добыла кое-какие документы и платье, помогла мужу сбежать из лагеря. Они поднялись вверх по реке Суне к границам Финляндии. Но после трудного пути по тайге Татьяна свалилась около самой границы. Профессор перешел границу, встретил там финских пограничников и в самый трагический момент ЖЕНСКИМ шарфом на горле доказал, что он — не один. Пограничники прошли на советскую сторону и спасли всех. <...>

Чернавин выпустил большую книгу «Я говорю за молчащих». Его жена — книгу «Записки жены вредителя». Татьяна хорошо знала языки и провела в Европе и САСШ ряд докладов о СССР. Чернавин скоро умер»^[341].

Как видим, в общем-то, ничего утешительного для Солоневичей: после всех мытарств и опасностей беглецов за границей могли ожидать и сумасшествие, и скорая кончина, и безвестность. Единственным хоть как-то приемлемым для них вариантом обустройства в эмигрантских условиях была судьба Т. В. Чернавиной. Но рассказать «свободному миру» о творящемся в Стране Советов — мало. Надо, прежде всего, вести работу среди своих, среди эмиграции... А вот как раз от этого Татьяна Васильевна их всячески и отговаривала: «не связывайтесь с эмиграцией, заест и продаст».

«Я очень хорошо помню свой первый разговор об эмиграции и об ее задачах, — вспоминал Иван Лукьянович. — Это было в октябре 1934 года. Моей собеседницей была Татьяна Васильевна Чернавина, которая к этому времени уже успела выпустить на многих языках свою книгу и успела объехать со своими лекциями почти всю Европу. <...>

В числе тех советов, которые дала мне Татьяна Васильевна, было много разумных, хотя и неожиданных. И был один, неприемлемый ни в каком случае. <...> Совет сводился к следующему:

— Вы, И. Л., человек талантливый, вы умеете и наблюдать, и писать. Бросьте всякие мечты об эмиграции. Это — болото. Оно вас засосет или загадит. Работайте для иностранцев. Это тоже будет антибольшевицкая работа — и более спокойная, и более нужная, чем работа среди эмиграции. Поверьте мне: я объехала почти всю Европу, и я знаю эту публику — безнадежное дело...

Я не поверил в эту безнадежность. <...> Я знал, что это болото существует. Не знал его вязкости, но верил в то, что под этим болотом не может не быть твердой земли»^[342].

Сближение Солоневичей и Чернавиных произошло не только благодаря общности судеб. Выяснилось, что у Ивана Лукьяновича и Татьяны Васильевны были и общие знакомые по прошлой, советской, жизни. Например, оба были знакомы с журналистом «Известий» Гарри, среднестатистическим приспособленцем. С одной, впрочем, оговоркой — случайно Гарри попал в жернова репрессий и оказался на Соловках. Его сочувственного отношения к советской власти до конца это не поколебало, правда после лагеря он стал врать не только окружающим, но и самому себе. Хочешь жить — умей вертеться.

Первым из эмигрантских «зубров», кто заинтересовался новыми беглецами «из-за чертополоха» (это выражение вошло в обиход после публикации фантастического романа генерала П. Н. Краснова «За чертополохом»), стал Александр Иванович Гучков, февралист и бывший военный министр Временного правительства. Он направил Солоневичам из Парижа свое приветствие.

Иван Солоневич 25 октября 1934 года ответил письмом следующего содержания:

«Глубокоуважаемый Александр Иванович!

Татьяна Васильевна Чернавина переслала мне Ваше письмо от 23 сентября, которое через Лондон и Берлин я получил только вчера. Я очень тронут тем, что после стольких лет и событий есть люди, которые не забыли нашу фамилию. Вы, Александр Иванович, вероятно, помните моего отца, Лукьяна Михайловича, издателя «Северо-Западной Жизни», одного из деятелей «столыпинского блока» на Северо-западе в предвоенные годы. Я — его старший сын, бывший сотрудник «Нового Времени» и «Вечерних Огней» (Киев, в эпоху Добровольческой армии). Мой младший брат Борис провел добровольческую эпопею на Кубани, работал там в «Единой Руси» и «Свободной Речи» и, возможно, что Вы его помните по этой работе.

В своей заметке о нас Татьяна Васильевна несколько «смягчила краски» в смысле нашей аполитичности: брат провел много лет в тюрьмах, Соловках и ссылке, да и все мы трое были арестованы и попали в концлагерь за попытку бегства за границу. Следовательно, о «советской лояльности» нечего и говорить. Сейчас мы находимся в Гельсингфорсе с несколько туманными перспективами на будущее...

В настоящее время я заканчиваю серию очерков: попытка бегства, арест ГПУ, концентрационный лагерь

и бегство (готово около 7 печатных листов). Мой подход к описанию концлагеря несколько иной, чем у Т. В. Чернавиной. Меня концлагерь интересует не как место моих собственных переживаний — каковы бы они не были, а как отражение советской жизни и советского быта вообще, судьбы крестьянства, интеллигенции, рабочих, их политические настроения (они, впрочем, однотипны: дай Бог войну) ... Я еще не знаю, куда именно пошлю эти очерки. Есть несколько предложений от русской и иностранной прессы (швейцарской), и я был бы очень благодарен Вам за совет на эту тему: в существующих группировках эмигрантской общественности и печати мы еще не очень разбираемся. Я знаю языки — французский, немецкий и английский, и на первых двух могу выступать с публичными докладами. С английским — труднее. Кстати, доклад можно было бы иллюстрировать диапозитивами...

Здесь, в Гельсингфорсе, нас держат, так сказать, «в ватке». До сих пор не разрешили ни одного публичного выступления, опасаясь трений с «могущественным соседом на Востоке»... Если бы была хоть какая-нибудь возможность вырваться отсюда из-под трогательно-заботливого крылышка финской полиции, — я мог бы дать картину Советской России так, как она есть, — в целом и в таких масштабах, в каких, я имею основания полагать, никто до сих пор не давал и дать не мог...

Я не очень ясно представляю себе, какое содействие Вы могли бы нам оказать. Наше материальное положение, конечно, отчаянное, но возможность выбраться на свет Божий, на литературную и политическую работу все же важнее всего.

Я пока что хлопочу о визах в Германию, где у меня есть кое-какие связи, и этот вопрос должен выясниться

в ближайшие дни. Но о положении русской эмиграции в Германии я имею лишь очень туманное представление.

Вместе со мной бежал мой сын Юрий. Сейчас ему 19 лет. Он в совершенстве владеет немецким языком, слабее — английским и французским, работал последний год «на воле» помощником кинорежиссера Роома и хочет специализироваться в этой области, но боюсь, — без всяких объективных возможностей.

С большим нетерпением будем ждать Вашего ответа.

Искренне преданный Вам Ив. Солоневич»^[343].

Надо сказать, что Гучков предпринял немало усилий для того, чтобы выхлопотать для Солоневичей визу во Францию. Только сам он в это время был уже смертельно болен...

Зиму 1934-1935 годов Иван, Борис и Юра проработали грузчиками в Гельсингфорском порту. Историю трудоустройства в порту наш герой излагает так:

«Мы узнали, что капитан 2-го ранга Никонов занимается какими-то погрузочно-разгрузочными операциями, что у него есть грузовик и что он нуждается в рабочих руках. Я направился к кап. Никонову. Добрейший кап. Никонов был смущен: интеллигентные люди в очках — какая уж там погрузка? Его очень слабо убеждали даже мои ссылки на наш концлагерный опыт. Но, в конце концов, он сдался»^[344].

Так журналист Солоневич не в первый уже раз в своей жизни окунулся в среду докеров. О петербургских и одесских портовых грузчиках он, как мы помним, отзывался с большим уважением. Не стали исключением и их финские коллеги. Вновь обратимся к автобиографическому материалу:

«Чужая страна, на обоих языках которой — финском и шведском, ни один из нас не знал ни слова. <...> Эмигрантская колония в Гельсингфорсе снабдила нас кое-каким европейским одеянием, но оно было и узко и коротко; наши конечности безнадежно вылезали из рукавов и прочего и общий наш вид напоминал ближе всего огородные чучела. Да еще и все трое — в очках. Среди финских грузчиков наше появление вызвало недоуменную сенсацию.

Записываясь на работу, я теоретически предполагал массу неприятностей — не только физических, но и моральных. Мы, русские контрреволюционные интеллигенты — «буржуи», по советской терминологии, попадаем на самое дно финского пролетариата: представители враждебного класса, представители народа-завоевателя, политические беглецы из страны победившей пролетарской революции. Русские грузчики — те уже знали, что есть и пролетариат, и революция, и социализм, и прочее. А что знают финские? <...>

Наше проявление вызвало молчаливые и недоуменные взгляды: это что еще за цирк? Так же молча и недоуменно финские грузчики смотрели на наши первые производственные достижения — эти достижения не были велики. Навыки и техническое оборудование в Гельсингфорсе были несколько иными, чем в Петербурге и Одессе. На нас всех трех были обычные шляпы, а шляпы в данном случае не годятся никуда, рукавиц у нас и вовсе не было. Первая интервенция финнов в наши дела заключалась в том, что молча, жестами и показом, финские грузчики начали демонстрировать нам «западно-европейские методы работы», потом снабдили рукавицами и шапками, потом кто-то, так же молча и деловито, всунул мне в руку плитку шоколада, относительно методов приобретения которого у меня не было никаких сомнений. Потом выяснилось, что кое-кто из грузчиков

кое-как понимает по-русски, и в перерывах работы мы сидели кружком <...> и я, по мере возможности, внятно пытался объяснить, что такое революция и почему мы от нее бежали.

Финские грузчики слушали молча и напряженно. Иногда высказывались мысли, что у них, в Финляндии, было бы, может быть, и иначе. Истории финской гражданской войны я тогда еще не знал — в Финляндии иначе не было: пленных здесь жгли живыми на штабелях дров. Может быть, именно об этом по-фински напоминали друг другу мои собеседники, обмениваясь мыслями на финском языке? не знаю, о чем говорили и что вспоминали они. Но среди этих людей, чужих нам по всем социальным, экономическим и национальным признакам, мы проработали почти всю зиму. Я рассказывал о том, что вот, я пишу воспоминания о моей советской жизни и, если они появятся в печати, мы, наконец, бросим работу. Финны сочувственно, но скептически кивали головами. Работать в порту и одновременно писать книгу было, конечно, очень трудно. Но вот, наконец, в парижской газете появился первый очерк моей книги: порт можно было бросить. Грузчики жали нам руки, хлопали по плечам и просили «писать правду», что я, собственно, делал и без них»^[345].

Парижской газетой были все те же «Последние Новости» под редакцией П. Н. Милюкова, еще одного из творцов Февраля.

«В Гельсингфорсе тяжело и душно, — описывал Иван Лукьянович свои настроения тех месяцев. — Нет не только организации, но нет и интереса. Грузим мешки и бочки. Я карандашом пишу свою «Россию в концлагере». <...> Письма в «Возрождение» и полное молчание в ответ. Писал Ренникову, Алексееву,

Гукасову^[346] — ни звука. Дорога в «Последние Новости». Куда же больше деться, о Господи?»^[347].

Между прочим, эпизод с окончанием работы в порту был более драматичен, чем это описано выше. В статье «Четыре года», написанной в августе 1938 года, Солоневич не стал опускать подробностей:

«Потом порт замерз. Погрузка прекратилась. Юра набивал опилками игрушечных собак в подвальной мастерской полк. Виттенберга и получал за это по франку в час. Германия ввела валютные ограничения, и Тамара Владимировна могла высылать только по 10 марок в месяц. Для троих изголодавшихся здоровых дядей это было не очень много. После голода в ГПУ и в лагере — стал надвигаться голод в эмиграции. Я пошел в русский общественный комитет. Там выдавались талоны на какие-то бесплатные обеды.

В революционные годы мне приходилось, так сказать, принимать подаяние — и на воле, и в тюрьмах. <...> Но здесь, в Гельсингфорсе, это было очень обидно и оскорбительно. Аристократическая мадам, заведывавшая выдачей талонов — а талоны, собственно говоря, отпускались финским правительством — не нашла ничего лучшего и более умного, как прочесть мне лекцию о пользе и о необходимости труда. Я не послал ее к чертовой матери из соображений, о которых не стоит здесь говорить. Но талонный период продолжался всего шесть дней. Потом неожиданно пришли первые гонорары, и мое знакомство с общественным комитетом было закончено уплатой ему долга за 18 съеденных нами обедов»^[348].

Пессимизм и тяготы первых месяцев эмигрантской жизни («на настоящей воле») скрашивались работой над книгой, которая отнимала все свободное время. Наброски будущей эпопеи, сделанные еще в финской

политической тюрьме, Иван Лукьянович теперь вынужден был переосмысливать.

Спустя годы он вспоминал:

*«Я ухватился за иностранную и эмигрантскую литературу об СССР. В Гельсингфорсе была очень культурная русская колония. В университетской библиотеке можно было достать почти все о России и СССР. И все то, что я прочел, как-то изменило мои литературные планы. Еще сидя в полиции, я начал писать «Россию в концлагере», рассчитывая на брошюру страниц в сто. Вместо нее вышло два тома. Предшествовавшая литература об СССР меня как-то не устраивала. Почти все, что было написано с, так сказать, контрреволюционной стороны, было фактически правильно. Фактически правильными были разоблачения о страшном режиме Соловков, о пытках и казнях, о терроре, о голоде. Все это было верно, но все это было не все: под страшным давлением террористического аппарата советов шла какая-то **иная** жизнь. Если был террор, то были и поводы для террора: никакое ведь правительство не станет организовывать террор исходя из чисто садистских соображений. Если было «действие» террористического аппарата, то ведь было и какое-то «противодействие» ему, иначе террор, исчерпав и истребив своих «классовых врагов», погас бы просто за отсутствием горючего материала, уперся бы в тупик. Но годы шли, и террор все усиливался и усиливался — процесс, который продолжается и до сих пор. Но **если** усиливается террор, то это может означать только одно: усиливаются факторы, **вынуждающие** власть к террору»^[349].*

Тем временем определился со своим будущим сын Ивана Лукьяновича. Юрий Солоневич решил стать художником. Лет примерно так через пятьдесят после

описываемых событий президент США Рональд Рейган, посетив его выставку, возжелал приобрести портрет «себя любимого». Юрий Иванович отказался продавать картину, но предложил ее подарить — в обмен на аудиенцию президента. Сделка состоялась. Глава Соединенных Штатов и сын Ивана Солоневича говорили о коммунизме и о борьбе с ним.

Но до всего этого еще было очень далеко. Пока карьера живописца только начиналась — Юра поступил в Гельсингфорсе в Академию художеств.

С 20 января 1935 года по 22 марта 1936-го (№ № 5050–5477) в «Последних Новостях» вышло 118 очерков Солоневича под общим названием «Россия в концлагере». Началу сотрудничества с Милюковым предшествовала переписка, в результате которой Иван Лукьянович вынужден был пойти на тактический компромисс, согласившись на условия Павла Николаевича. И без того не привлекательная возможность стать сотрудником левого органа печати усугублялась тем обстоятельством, что сторонник Самодержавия вынужден был связать свое имя с именем одного из творцов Февральского переворота и, так или иначе, лить воду на его мельницу.

Солоневич прекрасно отдавал себе в этом отчет. Об этом говорит письмо Милюкова на его имя, в котором были пространно изложены условия «пакта»:

«Некоторые сведения о Вас я сообщу читателям на основании Вашего письма. Но умолчу о Вашем сотрудничестве в «Новом Времени», так как в наших читателях это может вызвать недоверие к Вам. Здесь различие между «правыми» и «левыми» выдерживается довольно строго, хотя, разумеется, линия проходит не так, как до революции. И Казем-Бека, несмотря на то, что он перескочил «влево» через нашу голову, мы все-таки к «левым» не относим. Разумеется, Вы свободны

говорить о СССР все, что Вы знаете, хотя бы факты и не совпадали с нашими предположениями. Все перечисленные Вами пункты действительно бесспорны как основа фактического изложения, но не в смысле принципиальных высказываний, от которых Вы воздержитесь, пока будете печататься у нас. О том, что они могут не подойти нам, я сужу по Вашему проекту значка «Готов за Россию». Здесь Ваш план вызвал бы восторг в рядах правых и националистов, но встретил бы решительное сопротивление в нашей собственной среде. И то, что Вы этого, очевидно, не представляете себе, показывает, что об эмиграции Вы еще мало знаете. Повторяю поэтому: думайте, что и как хотите, но подождите выбрать лагерь, так как присутствие в одном здесь несовместимо с присутствием в другом. Знаю, как Вы человек из иного мира, то этот хотя бы временный нейтралитет Вам будет легче выдержать, для туземца и зажившегося здесь — он невозможен.

Мы прекрасно знаем, что жажда войны господствует в интеллигентских кругах (и не в них одних, конечно) в СССР. Но наше течение как раз теперь борется против войны и считает правильным литвиновский пацифизм.

Это только для примера. Распропагандировать Вас я не собираюсь. Разберетесь сами и примете то решение, которое считаете правильным. Только не спешите и в особенности помните, что сотрудничество в «Последних Новостях» обязывает, — ну хотя бы к умолчаниям о спорных вопросах»^[350].

К счастью, очень быстро выяснилось: игра стоила свеч. И сегодняшние «умолчания» конвертировались в известность и независимость завтрашнего дня.

Автор «России в концлагере» прекрасно отдавал себе отчет в том, что по страницам будущей книги как по следам его пребывания в лагере ГПУ достаточно

легко может вычислить невыдуманных героев. И, несмотря на далеко не идеальные условия для писательского труда, Солоневич переписывает большинство глав по несколько раз, а главы об активистах и интеллигенции, аппарате власти — даже по семь раз^[351]. Только бы не «наследить»...

Успех «России в концлагере» был оглушительным. Борис Солоневич свидетельствует: «Позже Милюков признавался, что по средам и субботам, когда шла фельетонами книга Ивана, тираж газеты поднимался на 7–8000 экземпляров»^[352].

Эту информацию косвенно подтверждает и представитель либерального лагеря. Известный эмигрантский литературный критик Василий Семенович Яновский вспоминал в своих мемуарах: «...когда в эмиграции появился очень талантливый журналист правого толка, бывший сотрудник «Нового Времени» Солоневич и описал сплошной советский балаган, «Возрождение» вернуло ему рукопись, не оценив по достоинству этого замечательного произведения: книга, разумеется, была принята «Последними Новостями» и печаталась там из номера в номер, повышая тираж демократической газеты»^[353].

«Россией в концлагере» зачитывались и равнодушные к событиям на Родине рядовые эмигранты, которых очень скоро Иван Лукьянович выведет в собирательном образе «штабс-капитана», и профессионалы литературы, и представители аристократии, и даже члены Дома Романовых. Так, бывший царский дипломат Е. В. Саблин в письме к другому «бывшему» В. А. Маклакову от 6 марта 1935 года сообщает: «Мне пришлось присутствовать при разговоре <Великого Князя> Дмитрия Павловича с г. Дафф-Купером, товарищем канцлера казначейства. <...

> «Думаете ли вы, что Сталин крепок?» — спрашивает Купер. — «Спросите об этом вашего посла в Москве и затем скажите мне», — отвечает Дмитрий Павлович с усмешкой. И тут же с большим умением начинает пересказывать введение к статьям Солоневича в «Последних Новостях»^[354].

Тот же В. С. Яновский приводит восторженную характеристику, прозвучавшую из уст социалиста И. И. Бунакова-Фондаминского: «Кстати, о Герцене... Фондаминский преклонялся перед этим великим эмигрантом и горевал, что в нашей среде «Герцена не оказалось». Когда появился Солоневич со своим первым романом-хроникой, то Илья Исидорович, любивший спешить, сразу заявил:

— А Герцен-то появился у них!

У «них» значило у крайне правых, против которых у Фондаминского не было слепой злобы: он готов был спорить с любым честным врагом»^[355].

Историк-кадет С. П. Мельгунов на страницах «Современных Записок» назвал очерки Солоневича «незабываемыми»^[356]. Их автор в одночасье стал признанным экспертом по советским делам. Один маленький, но характерный пример: бывший премьер-министр Российской Империи граф В. Н. Коковцов неоднократно ссылается на Солоневича в своей статье, опубликованной на страницах солидного французского ежегодника *Journal des Economistes* за 1936 год. Статья называлась «Некоторые подробности об изменениях в СССР», а Солоневич упоминался в двух ее разделах — «Политика в отношении крестьянства» и «Политика сверхиндустриализации»^[357].

Настроение Ивана Лукьяновича, несмотря на «заслуги», в это время было далеко от оптимистического. Хотелось работать всерьез, а

вырваться из захолустной по эмигрантским меркам Финляндии в центры русского рассеяния никак не удавалось. К тому же один за другим следовали отказы иностранных издательств, и все примерно по одной причине:

«Над «Россией в концлагере» какое-то заклятье. Из Америки Дон-Левин пишет, что ничего не выйдет. Мистер Никербоккер утверждает, что сама тема стара и неактуальна. Тамочка в Берлине обивает пороги издательств, и всюду тот же ответ: «Да сколько уж раз об этом писали!»^[358].

Итак, несмотря на безусловный успех «России в концлагере», Солоневичи долго тяготились отсутствием полноценной возможности донести свой «рапорт о России» до широкой эмигрантской аудитории.

Был, конечно, предпринят ряд попыток пробиться на страницы эмигрантской печати — но они не увенчались особым успехом. Иногда такие попытки носили совсем уж отчаянный характер, как, например, публикация Ивана в выборгском «Журнале Содружества» в апрельском номере за 1935 год — рецензия на постановку пьесы Ренникова (того самого, еще нововременского приятеля)^[359]. Журнальчик, набравшийся на пишущей машинке и затем размножавшийся посредством ротатора, вряд ли мог рассматриваться в качестве всеэмигрантской трибуны. Возможно, Солоневичу просто не терпелось унять свой публицистический зуд, и он использовал даже такую, вполне ничтожную, возможность высказаться.

Другие попытки заслуживают большего внимания.

Так, 21 сентября 1935-го в «Иллюстрированной России» был опубликован портрет нашего героя с подписью: «Ив. Солоневич, очерки которого в ближайшем времени начнутся печатанием на страницах «Иллюстрированной России»^[360]. Действительно, в

октябре очерк «По Средней Азии на автомобиле» появился в журнале, публикация прошла с продолжением в трех номерах подряд^[361]. Ее предваряло редакционное предисловие: «Приобретший столь широкую известность в эмиграции, недавний выходец из страны советов Ив. Л. Солоневич, предоставил нам для напечатания очерки о своей поездке на автомобиле по нынешней Средней Азии. Автор этих очерков, в живой и увлекательной форме, описывает жизнь и быт в этой далекой русской окраине, на которую большевицкое хозяйничанье положило также свою зловещую печать»^[362].

Сотрудничеством с «Иллюстрированной Россией» Солоневич остался недоволен — он был уверен, что его бесосновательно ограничивали в объеме материала: «Пишите, но не больше 300 строк — места нет»^[363]. О своих публикациях в «Современных Записках» (некоторые исследователи представляют сегодня этот журнал практически светочем русской словесности, на самом же деле это был завуалированный орган партии социалистов-революционеров, что убедительно и документально доказано в наши дни) он выражался еще резче:

*«Только «Современные Записки», прося о сотрудничестве, обещали полную свободу высказывания... В предвкушении этой свободы я послал «Современным Запискам» две статьи. Редакция отгрызла от них и начала, и концы и так пустила ходить по читательскому миру: уродами. Оказалось: фактов, говорящих против **социализма**, в «С. З.» приводить нельзя. Позвольте: да как же это так, ведь это основной, **самый основной**, вопрос русской жизни: власть вколачивает социализм пулеметами и газами, страна отстреливается от социализма обрезками и самострелами. Нет, оказывается, нельзя: в «С. З.»*

работают социалисты, могут и обидеться, и, кроме того, — и места нет. Так закончилось сотрудничество мое в «С. З.». О материалах брата ответили еще проще: «прочли с захватывающим интересом, но места, извините, нет»^[364].

Упомянутыми двумя статьями были: «Реформы» в колхозах^[365] и «По поводу стахановщины»^[366]. Еще раньше был опубликован очерк «В деревне»^[367]. По поводу первых двух публикаций Ивана Лукьяновича в «Современных Записках» другой эмигрантский журнал «Для Вас» (Рига) писал:

«В 58-ой книге «Сов. Записок» И. Солоневич дал свой первый очерк о жизни в колхозах. Теперь появился второй о «реформах» в колхозах. Автор отлично знает условия жизни в СССР, откуда он сам счастливо ушел два года тому назад. Приводя свои наблюдения и давая цифровые сводки, он изображает безотрадную картину полного упадка хозяйственной жизни русского крестьянства.

В большинстве районов население забрасывает хлебопашество и возвращается к промыслам каменного века — силковой охоте (ружей нет) и к рыбной ловле. Уцелевшие у единоличников крошечные участки обрабатываются с невиданной тщательностью, точно карликовые китайские сады. У дедов были в распоряжении десятины — у внуков остались сажени земли. Наблюдается огромный интерес к агротехнике, которой раньше так не хватало крестьянам. В колхозах работы выполняются по принуждению, без цели и удовлетворения. Карьеристы и ловкачи отличаются, ради продвижения на лучшие места»^[368].

Как видим, и без упоминаний о социализме пытливый читатель мог почерпнуть в очерках Солоневича много полезной информации. Очерк «В деревне» впоследствии был включен Иваном

Лукьяновичем в сборник «Памир» и издан отдельно в переводе на болгарский язык^[369], а в 1935 году его опубликовал латвийский журнал *Burtnieks* (естественно, на латышском языке).

Обрела вторую жизнь и статья «По поводу «стахановщины»: под другим названием через полгода после первой, усеченной, публикации И. Л. намеревался поместить расширенную версию уже в своей собственной газете — «Голосе России»^[370]. Однако вышла в свет только первая часть, сравнительный анализ которой с текстом из «Современных Записок» позволяет говорить о том, что Солоневич в вышеприведенной цитате несколько упростил сущность эсеровской цензуры. Начало, действительно, было опущено редакцией, но при републикации и сам автор покромсал свой текст прилично. Например, исчезла сноска следующего содержания: «Термины «социализм» и «социалистический» я беру в узко-советском их понимании, не вдаваясь в вопрос, насколько политика большевизма соответствует существу социалистического учения. Может быть, было бы правильнее оперировать термином «коммунистический», но это непривычно»^[371]. Очевидно, в журнале она появилась благодаря настойчивой просьбе редакции «Современных Записок». Не стал И. Л. воспроизводить в «Голосе России» и фрагмент, описывающий как он интервьюировал шахтера Изотова, предшественника Стаханова по пропагандистской кампании. Возможно, лишнее упоминание о подсоветской халтурной работе в качестве журналиста показалось ему неуместным на страницах газеты, адресованной национальной эмиграции.

В наши дни издан архив «Современных Записок», сохранились 14 писем Солоневича редактору журнала

В. В. Рудневу и три черновика ответных писем.

Уже в первом своем письме Солоневич огорошил редактора «Записок» целой россыпью неожиданностей, утверждений, которые «старая» эмиграция не готова была признать.

Например: *«В тех гигантских передвижках и потрясениях, которые испытало население страны за последние годы, почти полностью исчезли те внутринациональные трения, которые были характерны и для довоенной России, и для первых лет коммунизма. Антисемитизм вымер».*

Руднев был правым эсером, но при этом считал себя верующим человеком. Его, конечно, поразили слова Солоневича о том, что в Советской России *«ни к религии ни к церкви нет решительно никакого интереса. Этот факт можно объяснять как угодно и оценивать с разных точек зрения — но он для меня принадлежит к числу бесспорных. Религиозных преследований сейчас нет. В том подмосковном пригороде, в котором я жил (ст. Салтыковка М <осковско> — Нижегородской ж. д.), на 15 000 населения имеется одна маленькая церквушка и никого в ней, кроме нескольких старичков и старушек, я не видал... Это не «антирелигиозность», а какая-то полная атрофия религиозного чувства. И это — не результат «безбожной пропаганды».*

Солоневич откровенно сообщал социалистско-революционеру Рудневу: *«Я — от юных ногтей своих монархист и националист. Социализмом не грешил ни на одну секунду своей жизни — не грешу и сейчас. Вот та призма, сквозь которую проходят редактированные мною впечатления о Советской России».*

Одно из самых ярких откровений «нового» эмигранта Солоневича, содержащееся в переписке с редактором «Современных Записок», это утверждение о том, что «старая» «эмиграция не хочет видеть того, что совершается в России. Или, точнее, каждая группировка

хочет видеть то, что совпадает с ее уже сложившимися взглядами, и не хочет видеть ничего другого». Солоневич утверждает: «эмиграция предъявляет на мои показания (и не только мои) чрезвычайно определенные социальные заказы — каждый по-своему»^[372].

Помимо «России в концлагере» Солоневич опубликовал в «Последних Новостях» и еще несколько статей, в частности полемизировал с Е. Д. Кусковой, которая обвиняла его в сгущении красок при описании советской действительности.

Осенью 1935 года у Солоневича завязались деловые связи с Сергеем Семеновичем Масловым, лидером партии с длинным названием «Крестьянская Россия» — Трудовая Крестьянская партия. Ее политическую ориентацию можно определить как право-республиканскую.

Маслов собирался организовать доклады Солоневича в Чехословакии, а также предложил издать «Россию в концлагере» на чешском языке. Его бывшие соратники по партии не на шутку обеспокоились, М. Ф. Ковалев писал в Париж А. И. Гучкову 8 октября:

«Сегодня А. А. Аргунов сообщил мне, что дело с докладом Солоневича приняло следующий оборот. Оказывается, раньше нас в Союз Писателей обратился Седаков, ближайший сотрудник Маслова, который от имени «Крестьянской России» предложил Союзу писателей устроить доклад Солоневича, который де обратился к Кр. России, но Кр. Россия посоветовала Солоневичу устроить этот доклад через Союз Писателей и взяла на себя посредничество и хлопоты за Солоневича. Все это мне кажется неправдоподобным, но так мне сегодня сообщил А. А. Аргунов.

Безотносительно к докладу, думаю, что Солоневичу следовало бы порекомендовать воздержаться от

общения с Масловым. Правда Маслов какими-нибудь 500 фр <анками> попытается купить его благорасположение, но надо, чтобы Солоневич знал, с кем он имеет дело.

Прошу Вас не отказать мне — сообщить, подтвердили ли вам Солоневич его связь с Масловым, или это очередной номер самого Маслова. Для большинства колонии в Праге факт обращения Солоневича к Кр. России весьма удивителен. Этого не понимают ни круги милюковские, которые имеют здесь свое представительство, и в газете которых Солоневич все же пишет, ни, тем более, круги более правого толка.

Впредь до получения ответа от Вас, я воздерживаюсь от дальнейших шагов»^[373].

Гучков отреагировал незамедлительно, и уже 18 октября Солоневич отвечал ему:

«Большое спасибо за предупреждение по адресу Маслова. Особых дел с ним нет. Я получил, было от него просьбу дать статью в его журнал — но я отказал, мотивируя перегруженностью и связанностью некоторыми обязательствами перед «Посл. <едними> Нов. <остями> ». На предложение приехать туда читать лекции пока не ответил. После этого «Знамя России» в лице г-на Бутенко предложило мне перевести и издать на чешском языке мою книгу о лагерях — на это предложение я согласился и выслал им свою рукопись — почти целиком, без последней главы о побеге. В какой степени удобна или не удобна деловая связь такого рода»^[374].

Оба вышеприведенных письма обнаружил в ГАРФ и опубликовал журналист радиостанции «Свобода» Михаил Соколов.

Доклады в Праге не состоялись, а вот книгу издательство журнала «Знамя России» выпустило — в 1936 году одно за другим вышло три издания. Гонорар

от них стал Солоневичу существенным подспорьем для того, чтобы начать выпуск собственной газеты. В качестве особой благодарности Иван Лукьянович дал в журнал свою статью «Спорт в России»^[375].

Не имея все же настоящей печатной трибуны, Солоневичи решили довольствоваться трибуной в лекционном зале. С большим трудом, но удалось организовать в Гельсингфорсе цикл докладов о жизни в СССР — первые выступления Ивана, Бориса и Юрия состоялись в конце 1935 — начале 1936 года. Программу этих докладов дает Выборгский «Журнал Содружества»:

1. Советский быт.
2. «Эволюция» советской власти.
3. Военизация страны.
4. Советская молодежь.
5. ОГПУ.
6. Чем держится советская власть.
7. День врача в советском концлагере.
8. Стахановщина.
9. Советская железная дорога.
10. Наш побег.
11. Беспризорники.
12. Советская семья и женщина.
13. История непокорной молодежи.
14. На советских стройках.
15. Красная армия.
16. Судьбы русской интеллигенции в СССР^[376].

Тот же журнал отмечал, что «доклады вызывают большой интерес в среде русских эмигрантов (до 150 слушателей), тем более что ранее вырвавшиеся из СССР беженцы — г. г. Немцев и Т. и В. Чернавины — не давали таких полных обзоров советской действительности. Особенно в этом отношении

интересно сообщение И. Солоневича, знакомого широкой публике по статьям в «Последних Новостях», в «Современных Записках» и «Иллюстрированной России»^[377].

С раздражением вспоминала явно не симпатизировавшая антисоветским взглядам Солоневичей Н. Е. Форсблум: «Появившиеся на короткий срок в Хельсинки матерые черносотенцы братья Солоневичи, бежавшие из России, пользовались грандиозным успехом; с восторгом приветствовалось все, что содержало поношение Советской власти»^[378]. Как установил исследователь Эдуард Хямяляйнен, в зрелые годы товарищ Форсблум писала статьи для АПН — советского Агентства печати «Новости», отсюда и ее своеобразный лексикон.

Иван Лукьянович, в свою очередь, так описывал собиравшуюся на лекциях аудиторию:

«Какие-то неизвестные русские огородники, русские матросы, офицеры вдруг пришли из полного небытия и вечер за вечером битком наполняли наш зал. Бывший присяжный поверенный, задавший с места вопрос: «А что такое концлагерь?», бывший генерал, который три года спустя в Париже задал вопрос: «А что такое колхоз?» Из месяца в месяц вырисовывается необходимость, моральная необходимость, иметь свою трибуну для свободного, ничем не связанного доклада о России, только о России.

В Финляндии не выходит. Финские власти говорят прямо: мы не можем. Лесной экспорт. Мы платим рабочему 1200 марок в месяц, большевики платят концлагернику 3 р. 80 коп.: на нас нажмут экономически.

Не было определенного отказа в праве на издание газеты, но было предупреждение по-хорошему: финские власти будут поставлены в безвыходное

положение. А Финляндия была бы по целому ряду причин лучшим в мире пунктом для такого издания. К этому времени накопились иностранные гонорары, наладились связи с массой русских людей по всему миру, и издание собственной газеты начинало принимать какие-то ясные формы. Но в Финляндии этого сделать было нельзя»^[379].

Эмигрантка И. Э. Еленевская в своих «Воспоминаниях» пишет, что доклады братьев Солоневичей «посещались с большим интересом, так как давали сведения из первых рук. Солоневичи были убежденными антикоммунистами и призывали к борьбе с советской властью. Интересные доклады делались также генералом Добровольским, б. военным прокурором»^[380].

Положение оставалось невеселым. «Возрождение» — на тот момент единственная ежедневная правая газета эмиграции (вскоре стала еженедельником) — не достаивает ответом. Левые «Последние Новости» ставят рамки. Что же делать? Неужели права была предшественница по побегу Т. В. Чернавина?..

Солоневич вспоминал:

«Пробиваюсь в иностранную печать. Очерк о Памире обходит восемь иностранных изданий и дает большие деньги. Англичане предлагают дать им два-три тома таких туристических очерков. Рисуются фантастические гонорары. Я облазил Киргизию, Туркестан, Памир, Сванетию, Абхазию, Дагестан, часть Урала, Карелию. Писать умею. Знания английского языка хватает, чтобы корректировать переводы. Вот она мечта: домик над шхерами, удочка, библиотека, пишущая машинка... «а счастье было так близко, так возможно»^[381].

Восемь иностранных изданий, где был опубликован очерк о Памире, назвать не смогу, а вот три — пожалуйста: британский (шотландский) журнал

Blackwood Magazine, а также газеты. шведская «Nya Dagligt Allehanda» и финская «Uusi Suomi».

Спортсмен и атлет, просто сильный человек, решившийся на беспрецедентный побег из лагеря, Иван Лукьянович не хотел мириться с перспективой спокойного жития. Замечательно сказал о Солоневиче писатель Борис Ширяев, автор «Неугасимой лампы»: «Но было сильно не только его тело. Был мощен и его дух неукротимого борца за идею Свободной Великой России и ее Великого Народа, подлинным сыном которого был происходивший из крестьянской семьи белорус И. Л. Солоневич, русский, российский писатель и общественный деятель»^[382].

«Я совсем не хочу утверждать, — писал Солоневич, — что я бежал исключительно для политической работы. Вся она как-то пошла сама собою. Я считал, что я страшно устал. Что больше нет сил. Что нужно отдохнуть. Вот написать бы брошюрку об СССР этак страниц на пятьдесят, прочесть цикл лекций, кое-что подработать, забраться в глушь, спать и думать»^[383].

Идея издавать собственную газету постепенно становится чуть ли не навязчивой — и о глухомани пришлось забыть. Идеальным местом для деятельности казался Париж — центр эмиграции, или хотя бы соседний Брюссель, из которого связь с другими очагами русского рассеяния была бы также оперативной. Ведь изданию нужны авторы, представители, распространение, обратная связь с читателями, наконец, коммерческие объявления, без которых серьезная газета существовать не может. Однако Солоневичам пришлось удовлетвориться скромной со всех точек зрения Болгарией:

«Товарищ Бориса по гимназии, капитан Фосс, устроил нам визу в Софию. Визы в Бельгию и в Париж

были сорваны: в Брюсселе — Гартманном, в Париже — я не знаю кем. Гартманн сорвал визу, несмотря на прямой приказ генерала Миллера о содействии»^[384].

В Софии еженедельно выходил неофициальный орган РОВСа «Вестник общества галлиполийцев». Еще из Гельсингфорса, в плане налаживания контактов с местной русской эмигрантской колонией, Иван послал в «Вестник» свою статью «Сепаратизм в России». Редакция с радостью поместила материал^[385].

Недели за две до предполагаемого отъезда Иван Лукьянович продолжает бомбардировать своими предложениями редакции русских газет. В архиве рижской газеты «Сегодня» сохранилось его письмо от 24 апреля 1936 года:

«Милостивый Государь, Господин Редактор,

Как-то на страницах Вашей газеты Вы поместили весьма лестный и сочувственный отзыв о моих писаниях — следовательно, я имею основания полагать, что мне нет необходимости представлять Вам самого себя. — Одновременно с этим письмом я шлю вам рукопись моего очерка, — который еще нигде не был помещен, — в том числе и в иностранных изданиях, — и буду надеяться на его столь же сочувственный прием и на возможность нашего дальнейшего контакта.

Хотел бы подчеркнуть для редакции (хотя это отдельно сделано и для читателей), что очерк этот строго фотографичен: только фамилии изменены. В моем альбоме, обошедшем очень путаный круг, есть даже и фотографии действующих лиц — но эти фотографии помещать, конечно, не следует.

Мне приходила в голову мысль предложить Вам систематический «маленький фельетон» — политический, но беззлобный, и я одно время продумывал его стиль. До последнего времени я, впрочем, был слишком уж загружен подготовкой моей

книги для иностранных изданий, и додумать этого вопроса не хватило возможности — тем более, что я не знаю — интересуется ли Вас этот проект, а по объективному ходу дел, кроме Вашей газеты — он больше не может заинтересовать никого.

Если мой очерк Вам не подойдет — большая просьба вернуть рукопись обратно. Если подойдет — просьба написать об условиях и о возможностях дальнейшего сотрудничества: или в стиле данного очерка, или в стиле туристских очерков. К большинству материалов могут быть даны снятые на месте действия фотографии — как это было с «Илл. Россией» №№ 41-43 пр. года.

Если для этого у вас есть возможность — я очень просил бы не задерживать ответа. Около первого — третьего мая мы собираемся перекочевывать в более южные страны — не то в Юго-Славию, не то в Болгарию, и мне хотелось бы выяснить возможность наших дальнейших взаимоотношений — с чем я запоздал в сущности по собственной вине.

Примите уверения в моем искреннем уважении.

Ив. Солоневич»^[386].

Трудно наверняка определить, о каком именно очерке идет речь — но скорее всего об одном из тех, что потом вошли в сборник «советских зарисовок» под названием «Памир». Поскольку повесть, давшая название сборнику, и рассказ «В деревне» уже были опубликованы (и на иностранных языках тоже), остаются «Роман во Дворце труда» и «Открыватели новых земель».

Впрочем, редактор «Сегодня» М. С. Мильруд все равно ответил вежливым отказом. Причем ответ датирован 5 мая, так что Солоневич мог его и не получить вовсе, находясь уже по дороге в Софию, куда прибыл 8 мая.

«Многоуважаемый Иван Лукьянович, — писал Мильруд. — К великому сожалению, в силу местных условий мы лишены возможности воспользоваться любезно присланной рукописью Вашей. Делали мы попытки несколько приспособить ее к нашей газете, но в конце концов пришли к заключению, что все же статья Ваша нам не подходит. Большой минус ее еще в том, что она рассчитана на несколько номеров. Мы избегаем печатания вещей с продолжением, т. к. у нас очень непостоянный круг читателей.

Будем очень рады, если у Вас найдется что-нибудь более приемлемое для нашей газеты и притом размером в один фельетон.

С глубоким уважением»[\[387\]](#).

Итак, путь в Болгарию. Практически все сбережения уходят на дорогу. Но на помощь вновь приходят старые верные друзья:

«В Варшаве, по дороге в Софию, старый мой друг М. Г-ский, поляк и бывший социал-демократ, шумно вздыхающий по старой России, снабдил нас деньгами на дальнейшую дорогу до Софии — денег у нас не хватало.

Секретарь русского комитета в Польше С. Л. Войцеховский, о котором Юра сохранил только туманные воспоминания 1922-23 года, пришел провожать нас и сунул нам тюк с хлебом и колбасой»[\[388\]](#).

В нашем повествовании наступил наиболее подходящий момент для того, чтобы дать читателю по возможности емкий и максимально объективный расклад общественно-политических сил, сложившийся в эмиграции к середине 1930-х годов. Без предварительных разъяснений по этому поводу мы

вынуждены будем постоянно спотыкаться на оговорках, экспресс-комментариях, биографических справках и прочих атрибутах энциклопедичности, ведь дальше наш герой вступает в наиболее активную фазу своей деятельности как практический политик и идеолог. Сегодняшний пользователь интернета уже почти привык к гипертексту. Но его, увы, нельзя положить на бумагу, приходится прибегать к надежному и проверенному средству — предисловию. И в нашем случае совсем неважно, что оно приходится на середину книги.

Поскольку наш герой исповедовал монархические убеждения, правому флангу эмиграции уделим больше внимания. То же касается и органов печати политических организаций: газетно-журнальную полемику И. Л. Солоневича нельзя ощутить во всей ее яркости, если не иметь представления об идеологических установках оппонентов.

Ситуация, существовавшая в русской эмиграции на момент бегства Солоневичей из СССР, может быть представлена в самых основных чертах следующим образом.

Левый фланг эмиграции состоял из организаций, идеологической базой которых были наиболее радикальные идеи Февральской революции. Сюда входили левые кадеты, эсеры, меньшевики, сепаратистские группировки. Все они, без сомнения, были открыто враждебны Монархии.

Главным печатным органом левых была газета «Последние Новости» — по сути дела, орган Республиканско-демократического объединения. Это РДО было создано П. Н. Милюковым. В 1921 году лидер кадетов, неожиданно для многих своих сторонников, объявил «новую тактику», которая осуждала Белое движение и на практике сводилась к союзу с социалистическими организациями и группами на

широкой демократической платформе. Через три года и возникло РДО, идею которого поддержали «Крестьянская Россия», группы правых эсеров А. Ф. Керенского, журнала «Современные Записки», правых меньшевиков «Заря», группа С. Н. Прокоповича и Е. Д. Кусковой, Торгпром, Всероссийский крестьянский союз и другие мелкие группы.

Из других периодических изданий этого лагеря безусловного внимания заслуживают: орган левых социалистов-революционеров «Социалистический Вестник», «Новая Россия» А. Ф. Керенского.

Право-центристский фланг Зарубежья включал в себя часть правых кадетов, Русский обще-воинский союз, Национально-трудовой союз нового поколения, фашистов, Российский Имперский Союз и другие «пореволюционные» организации. Все они основывались на «белой» идеологии и продолжали следовать линии, созданной антибольшевицким сопротивлением в ходе Гражданской войны. За этой линией исторически закрепилось название «непредрешенчества», то есть отказа от предрешения будущего государственного устройства России. Часть представителей этого направления в теории вроде бы имели монархические убеждения, но к Императору в изгнании Кириллу Владимировичу непредрешенцы относились либо открыто враждебно, либо с глухим недовольством. Между тем, согласно российскому законодательству о престолонаследии юридически права на Престол Великого Князя (с 1924 года — Императора) Кирилла Владимировича были неоспоримы.

Наиболее авторитетными органами печати данного направления были ежедневная газета «Возрождение», журнал «Часовой» (неофициальный орган РОВСа), еженедельник новопоколенцев «За Россию» и орган дальневосточных фашистов «Наш путь». Следует

упомянуть и газету «Сигнал» — издание Русского национального союза участников войны (эту организацию создал генерал А. В. Туркул из офицеров, которых не устраивала аполитичность РОВСа).

Крайне правый фланг представлял Высший монархический совет, образованный в 1921 году на «Съезде хозяйственного восстановления» в германском Рейхенгалле, и признававшими его организациями. ВМС состоял из противников легитимизма, его идеология являлась разновидностью неопределенности, не простиравшегося до признания возможности установить в России республику, но разрушавшего монархическую идеологию в самом важном ее вопросе — отношении к Законному Государю. Круг организаций ВМС отличался крайним консерватизмом, неприятием и непониманием действительности, желанием вернуться в Россию «на белом коне» и, как сатирически писали в советских газетах, «перевешать комиссаров и жидов, перепороть крестьян и вернуться в свои поместья»^[389]. Относительный политический вес в эмиграции эта группировка, безусловно, имела. Но и не более того.

Неопределенцы с монархическим декором считали своим «вождем» Великого Князя Николая Николаевича — единственного, по сути, фрондера-антилегитимиста из политически активных членов Российского Императорского Дома.

Сколько-нибудь серьезных изданий это направление в описываемый период не имело, поскольку вестник ВМС «Двуглавый Орел» закрылся в 1931 году.

Ничтожно мала была просоветская часть эмиграции. Движение «сменовеховства» привело большинство его сторонников к «возвращению в Каноссу» — в СССР, где они были в скором времени ликвидированы как отработанный материал.

Таков в общих чертах политический расклад сил в эмиграции в середине 1930-х годов. Но мы не сказали о главном — о классическом монархизме верноподданных. Его роль в этот период времени пыталась играть организация под названием Младоросская Партия.

Формально все сторонники Императора Кирилла составляли Государево Освободительное Движение, которое позиционировалось как самостоятельная сила, не правая и не левая, не красная и не белая. Фактически ведущую роль в этом движении играли младороссы. И это было, если так можно выразиться, двусторонней трагедией — и для Династии, и для монархистов.

Младороссы были самым массовым молодежным движением в эмиграции. Их вождем, или как называли официально, Главой был Александр Львович Казем-Бек (1902–1977). Внешне младороссы подражали итальянским фашистам: героический стиль, патетическая фразеология, униформа (синие рубашки), приветствие в виде вскинутой вверх правой руки и возгласа «Глава! Глава!» в честь Казем-Бека. Но за этим антуражем скрывалось много того, что было очень далеко и от фашизма, и от германского национал-социализма.

В исторической литературе младороссы прочно связаны с лозунгом «Царь и советы», хотя, как установил известный исследователь Русского Зарубежья П. Н. Базанов, лозунг этот был сформулирован еще в рядах Союза русских государевых людей в 1920-е годы. Младороссы держали курс на социальную монархию, исповедуя некий симбиоз славянофильства, сменовеховства и евразийства. Вся эта идеологическая окрошка была густо приправлена советской фразеологией.

Пик развития младоросской организации приходится на 1935 год, когда она получила наименование партии, и в ее ряды с разрешения Государя Кирилла Владимировича вступили представители Династии — Великий Князь Дмитрий Павлович (председатель Главного совета МП) и Князь Императорской крови Дмитрий Александрович.

Как отмечает историк А. Н. Закатов, идеологию, стратегию и тактику младороссов подвергали ожесточенной критике не только враги Династии, но и ряд видных легитимистов (Вел. Кн. Андрей Владимирович, А. А. Башмаков, Л. В. Билинский, П. Н. Крупенский и др.). Однако Государь, видевший в лице младороссов молодую живую силу, покровительствовал им, прощал ошибки, защищал от нападок ^[390].

Иван Солоневич признавался, что первой политической партией эмиграции, предложившей ему сотрудничество, была как раз младоросская:

«Первый спрос последовал со стороны младороссов. Спрос этот, впрочем, оказался несколько своеобразным: к нам пришло четыре человека и в течение четырех часов вдабливали нам о добродетелях и гениальности Главы. О России же не было спрошено буквально ни одного слова. В заключение односторонней этой беседы нам было со вполне достаточной прозрачностью указано, что младороссы, де, публика обстоятельная, что всех своих они устраивают немедленно, что мы, само собой разумеется, нуждаемся в устройстве — ну и т. д. Но мы не нуждались ни в Главе, ни в устройстве: бочки нас кое-как устраивали и без младороссов, а головы — и без Главы... Эта первая встреча с партой эмиграцией оставила особо гнетущее впечатление и, как оказалось впоследствии, не была исключением из правила: всякая партийная группировка желает

слушать только то, что соответствует ее партийной программе, и постарается по мере возможности зажать рот свидетелю, когда дело будет идти о вещах, этой программе несоответствующих»^[391].

Впоследствии разгорелась жесткая полемика с младороссами. Но ни разу, даже в минуты настоящих срывов, Иван Лукьянович не оспаривал прав Императора Кирилла на Всероссийский Престол. Он, мягко говоря, воздерживался от выражения верноподданнических чувств, позволял себе чересчур резкие выпады в адрес Государя, но все-таки никогда не было такого, чтоб метил он в Главу Династии. Его целью был другой Глава — А. Л. Казем-Бек, которого, между прочим, лично знал Борис Солоневич — еще по скаутским делам в период Гражданской войны...

ТОЛЬКО О РОССИИ

Последним толчком к основанию собственной газеты для Ивана Солоневича стал полный разрыв с «Последними Новостями». Мотивы никак не касались личных взаимоотношений с Милюковым — речь шла о политических или, можно даже сказать, морально-нравственных категориях.

«Моя книга впервые появилась очерками в парижской газете П. Милюкова «Последние Новости», — вспоминал Солоневич. — Весной 1936 года профессор Милюков поместил в этой газете очередное утверждение об эволюции советской власти, что имело бы только теоретический характер, но также и призыв к эмигрантской молодежи возвращаться в Россию, что имело бы последствием гибель этой молодежи. Я устроил скандал неприличного размера. Я основал свою газету. Я опубликовал в ней личное письмо П. Милюкову. Я выражался так, как в приличной прессе выражаться не принято и не было принято. Я вел себя не совсем прилично. Но я спас эту молодежь от возвращения в Россию и от отправки на Соловки»^[392].

По другой версии, разрыв должен был состояться еще раньше. Иван Лукьянович даже перепечатал впоследствии на страницах своей газеты «ту самую» статью Милюкова. И сопроводил републикацию следующими словами:

*«Когда приводимая в этом номере «Голоса России» статья «Последних Новостей» о возвращенчестве попала к нам — это было полтора года тому назад (статья была опубликована 13 июля 1935 года — **И. В.**) — то Борис и Юра предъявили мне, так сказать, ультиматум: немедленно прекратить печатание своих очерков в «Последних Новостях». Вместо исполнения*

этого ультиматума я послал в «П. Н.» чрезвычайно дипломатически написанную статью на тему о том, что всякая теория возвращенчества есть по существу или глупость, или измена. Статья эта помещена не была, как этого и следовало ожидать. Именно тогда окончательно созрело убеждение о полной моральной невозможности работы в «Последних Новостях» — убеждение, которое, в конце концов, привело к созданию «Голоса России». И, — так сказать, задним числом, — я должен принести русским людям зарубежья свои извинения и свои объяснения тому, что мои очерки печатались именно в этой газете: тогда, только что вырвавшись из концлагеря, мы просто-напросто не знали, что это за орган. Сейчас мы знаем. Сейчас для нас сеть большевицкой агентуры, полуагентуры или четверть агентуры — совершенно ясна»^[393].

Возможность издавать свою газету обсуждалась Солоневичами еще в Финляндии, до отъезда в Болгарию. Более опытные эмигранты отговаривали в один голос: ничего, дескать, кроме каторжной работы, от газетного проекта ждать нельзя. Но Солоневичей не смутила такая перспектива.

Первый номер еженедельной общественно-национальной газеты «Голос России» вышел в Софии 18 июня 1936 года. Объявление от редакции, которое открывало дебютный выпуск, гласило: «С этого номера газета «Голос Труда» переименовывается в «ГОЛОС РОССИИ». Редакцией приглашен в качестве ближайшего руководящего сотрудника Иван Лукьянович Солоневич, который принял на себя редактирование целого ряда отделов газеты.

В газете будут принимать участие: Б. Л. Солоневич, В. В. Шульгин, В. Ларионов, В. М. Левитский, А. И.

Ксюнин, С. Л. Войцеховский и др.

Издательство газеты взял на себя И. Л. Солоневич».

«Голос Труда» издавался в Софии с 1932 года как орган Русского Обще-Трудового Союза в Болгарии. На короткое время упоминание этой организации оставалось и в шапке «Голоса России», до последнего номера в качестве редактора фигурировал на первой странице газеты ее бывший владелец — Н. И. Плавинский. Историю с переименованием объясняет Борис Калинин, товарищ Солоневича по университету: «В то время было невозможно получить разрешение на издание новой русской газеты, но выход был найден: уже существовавшее русское издание «Голос Труда» — орган Трудового союза — передало свои права Солоневичу». [\[394\]](#)

Необходимо отметить и еще два определяющих момента для любого периодического издания: во-первых, финансирование и, во-вторых, постановка технической части (типография, экспедиция, подписка и т. д.). Издатель изначально ратовал за материальную независимость и, следовательно, обрекал свое детище на постоянную нужду в средствах. На первых порах денежный вопрос решался в духе авантюрного романа — Солоневичи начали издание «Голоса России» со следующего предупреждения читателям:

«И для газеты, и для читателя выгоднее подписка на возможно более долгий срок: скажем, на 10 номеров. Выход пяти номеров мы гарантируем. Но остальных пяти читатель рискует и не получить. Тогда его пять франков пропадут. Переведем эти пять франков на честную мужскую валюту по парижскому курсу: это стоимость трех рюмок водки. Не такой уж великий риск. Ежели у читателей хватит духу отказаться еще и от четвертой или пятой и прислать несколько лишних

франков, думаю, что они помогут неплохому русскому делу»^[395].

В Софию трое Солоневичей приехали, имея на руках около сотни франков, все прочие сбережения ушли на дорогу. По счастью, на третий день по приезде Иван получил от издательства «Знамя России» гонорар за чешское издание «России в концлагере» — 8000 лев. На жизнь этого вполне хватало, а вот для реализации долгосрочного издательского проекта было явно недостаточно. Дефицит покрыли обычным для семьи Солоневичей, но необычным для истории мировой журналистики способом: Борис зарабатывал средства для выпуска первых номеров газеты на ринге вольно-американской борьбы.

«Деньги на газету, — писал И. Л. Солоневич в передовице первого номера, — исключительно наши личные деньги, преимущественно от гонораров иностранной печати, от чешского издания моей книги и от шведского издания книги брата, от лекций и, наконец, от гонораров брата, полученных им на поприще профессиональной борьбы... Денег этих немного. Ни от какой организации денег мы брать не будем, потому что это означало бы подчинение газеты какому-то партийному заказу и потому, что если газета не сможет себя окупить — с нею не будет смысла возиться: мы перейдем полностью на иностранную печать»^[396].

И еще одна цитата из программной передовицы:

«Единственная эмигрантско-политическая цель газеты — это, если удастся, хоть как-нибудь сгладить ненужные и часто бессмысленные раздоры в национальном лагере эмиграции. Именно в национальном. Те люди и те течения, которые активно делали революцию и которые до сего времени не нашли вне себя повода, а внутри себя мужества в этом честно

раскаяться — нам не по пути и разговаривать нам с ними не о чем.

*Технически газета рассчитана так: русский читатель, живущий, скажем, в Гельсингфорсе, получает ежедневную русскую газету на пятый день. Следовательно, все злободневные новости он уже знает из местных газет. Ему нужна газета, которая раз в неделю дала бы по возможности исчерпывающую и толковую информацию о России. Вот это «Голос России» и будет делать. И будет говорить **только о России** и ни о чем другом. Никаких негусов, Холливудов, гангстеров — ничего, что России и нас непосредственно не касается: у нас и своих дел — довольно. А о дальнейшем — читатель увидит по самой газете»^[397].*

Про занятие Бориса Лукьяновича профессиональной борьбой стоит сказать несколько слов дополнительно. Эмигрант Иван Тинин, тогда подросток, вспоминал: «Помню также, что один из братьев принимал участие в спортивной борьбе на стадионе «Юнак». В Болгарии еще задолго до Солоневичей считалась популярной борьба Кечь, или, как ее официально называли, Кес эскеч кян. Тогдашним величайшим чемпионом мира по этой борьбе, по версии болгар, был Дан Колов. Все ребята моего возраста от 10 до 15 лет ходили на соревнования с участием Дана Колова. Стадион вмещал 20 000 человек и был полным. Равных по мастерству и силе соперников Дану Колову не находилось. Это снижало у зрителей интерес к игре, но Дан Колов, чтобы заинтриговать и заинтересовать зрителей борьбой, никогда не побеждал в первом бою. <...> Так вот, в конце 30-х годов с этим болгарским зверем и сражался младший брат Солоневич, который хорошо был атлетически сложен и выглядел спортивно, но серьезно уступал в весе толстеному Колову. 12

раундов Колов переворачивал Солоневича, бросал его, носил на руках, но якобы не мог положить на лопатки. Только во второй встрече уже к 11-му раунду болгарский богатырь победил советского эмигранта. Игра в поддавки была настолько явной, что мы все это прекрасно понимали, но тем не менее смотрели с удовольствием их поединок»^[398].

Техническую составляющую газетной рутины — ее главную, типографскую, часть — взял на себя Всеволод Константинович Левашов, ставший на долгие годы верным соратником, а потом и продолжателем дела Ивана Солоневича.

В. К. Левашов родился 12 ноября 1901 года, учился в 1-м Кадетском корпусе в Петербурге, во время Гражданской воевал на Юге России, закончил войну фельдфебелем и вышел подпоручиком во 2-ю лейб-гвардии Артиллерийскую бригаду в Галлиполи.

«По приезде в Софию, — вспоминал Борис Калинин, — Иван сразу же пришел ко мне и попросил порекомендовать ему типографию, в которой он мог бы печатать газету. Я познакомил его с В. Левашовым, который в то время был метранпажем в болгарской типографии «Рахвира». Они в 10 минут договорились о технической постановке дела... Газета начала выходить тиражом в 2000 экземпляров, но через 3-4 месяца тираж стал достигать 10-12 тысяч»^[399].

И. Л. Солоневич высоко ценил деловые качества В. К. Левашова:

«Попытка издавать еще одну — которую, о Господи! — газету без денег, без сотрудников, без связей сулила по всем разумным данным безусловный и молниеносный провал. Ряд моих добрых друзей, уже имевших опыт в этом отношении — С. Л. Войцеховский, С. М. Кельнич, Б. М. Каллиников отговаривали меня

самым настойчивым образом. Только один человек, Всеволод Константинович Левашев, был совершенно уверен в успехе — гораздо больше, чем был уверен я сам. Он организовал типографскую часть, добыл кое-какие кредиты на бумагу, устроил дело с разрешением и вообще связал свою судьбу с судьбой нашего общего дела. <...> без него газета не смогла бы начаться и не смогла бы существовать»^[400].

Информацию Б. Калининкова о тираже «Голоса России» в принципе подтверждает и Левашов-Дубровский. «Голос России», — пишет он уже после Второй Мировой войны, — вышедший в небывалом по тем, а в особенности по нынешним, временам тираже 10 000 экз., в короткий срок достиг цифры в 15 000 экз. и расходился, как говорится, «нарасхват» — без остатка. А 15 000 тиража, как это теперь нам хорошо известно из практики многих лет общения с читателями, означают, что читали его по меньшей мере сто тысяч человек»^[401].

Таким образом, приблизительный тираж «Голоса России» в 1936–1938 гг. составлял 12–15 тысяч экземпляров и был не только одним из самых высоких среди еженедельников, но и сопоставим с тиражами ведущих ежедневных газет Русского Зарубежья (лидирующее положение в эти годы занимали «Последние Новости» с 32 тысячами).

На начальном этапе, по словам И. Л. Солоневича, помогли галлиполийцы и в особенности новопоколенцы (члены Национально-Трудового Союза Нового Поколения) — они дали адреса своих представителей.

«Я использовал все связи, которые накопились по моей переписке со всеми странами мира. Первые года полтора были годами совершенно каторжными. К выпуску каждого номера газета висела на волоске. Сорвется один только номер — и тогда пропало все. Я

не мог даже рискнуть на переезд Тамочки из Берлина, как мы ни стосковались за годы разлуки. Там, в Берлине, в «Крафт дурх Фрейде» была хоть нищенская, но твердая зацепка. Здесь все висело на волоске и каждый день могло сорваться в полный провал, может быть, и в голод»^[402].

В первом номере «Голоса России» были опубликованы адреса представительства в одиннадцати странах. Через месяц, в № 5 их число возросло до восемнадцати, а уже к концу 1936 года еще удвоилось. Максимальное же число стран, где читатели «Голоса России» могли оформить подписку, достигало 38. При этом необходимо учитывать, что в некоторых странах имелось по несколько представителей (так, в Австралии их было 7) и в то же время иногда один человек представлял газету сразу в нескольких регионах (например — «Палестина, Сирия, Ирак, восточные страны»). Помимо частных лиц (среди которых встречаем таких известных деятелей эмиграции, как С. Л. Войцеховский, С. М. Кельнич, С. А. Субботин, А. А. Баумгартен) в списке представителей указывались адреса книжных магазинов, библиотек, газетных киосков и организаций. В числе последних можно назвать, например, Русское Трудовое Христианское Движение в Югославии и «Русский Национальный Дом» в Уругвае.

Традиционная для эмигрантских изданий «Литературная страница» была заведена с первого номера и в «Голосе России». Из восьми полос она занимала две — центральный разворот. Девиз газеты — «Только о России» — распространялся и на этот отдел, в котором публиковались воспоминания о жизни в СССР — сначала только членов семьи Солоневичей, затем и других авторов.

Настоящим «гвоздем» первого номера «Голоса России» стало «Открытое письмо П. Н. Милюкову». Без всяких китайских церемоний Солоневич бросал одному из эмигрантских «столпов» тяжкие обвинения:

«Неофициально, в частном письме Вы зажали мне рот Вашими условиями об «умолчаниях и воздержаниях», а публично, в газете, позволили себе заявить, что мне-де была предоставлена полная свобода сказать все, что я сказать имею. Следовательно, если не по отношению ко мне, то по отношению к Вашим читателям, Вы поступили заведомо недобросовестно <...>

*И так как Вы, **зная** реальное положение вещей, продолжаете сознательно вводить в заблуждение Ваших читателей, то я, будучи вынужденным еще раз пойти на нарушение правил газетного этикета, позволяю себе напомнить Вам, что в том же Вашем злополучном письме об «умолчаниях» и «воздержаниях» Вы писали:*

«Мы прекрасно знаем, что жажда войны господствует в интеллигентных кругах СССР (и не в них одних, конечно), но наше течение считает правильным литвиновский пацифизм...»

*<...> на страницах Вашей газеты из номера в номер идет пропаганда литвиновской дипломатии. Эта пропаганда сразу рухнула бы, как карточный домик, если бы Вы допустили — «без умолчаний и воздержаний» констатацию того трагического факта (конечно, трагического: от хорошей жизни никто войны не жаждет), что войны жаждет, **как минимум**: а) самый культурный слой страны — интеллигенция и б) самый многочисленный слой страны — крестьяне. О какой обороноспособности страны может идти речь? И п р о т и в к о г о Вы призываете обороняться подмандатную Вам часть русской эмиграции? И в какое положение будет она поставлена, если в этом «последнем и*

решающем бою» она — по милости Вашей, — окажется на той стороне баррикады, на которой будут отсиживаться Сталин и Литвинов, и п р о т и в той стороны, на которой будут отстаивать свои права на человеческое существование почти полтора миллиона русских людей? <...>

В виду этого, я, в качестве человека, пережившего если и не все, то большую часть всего, что переживает русский народ, чувствую за собой нравственное право предъявить Вам, Павел Николаевич, следующие обвинения:

1. Что будучи сами прекрасно осведомленным об истинном положении вещей, Вы, по мотивам поддержки литвиновской дипломатии, предпочитаете сознательно вводить в заблуждение эмиграцию, допуская не только объективные ошибки в освещении положения в СССР, но идя и на продуманную, субъективную лживость этого освещения.

2. Что, обзывая «пораженцев» предателями и прочими нехорошими вещами, Вы тем самым обзываете предателями и ту часть русского народа, которая не имеет возможности, как имеем мы с Вами, сидеть в безопасности иностранных территорий и под охраной иностранных штыков, а пребывает под охраной, так сказать, русских штыков на территориях лагерей, колхозов и прочих неудобоусвояемых мест.

3. Что, будучи лидером партии либеральной и демократической, Вы применяете к Вашим читателям весьма нелиберальный и недемократический прием, предполагая их простаками, которым об истинном положении вещей на их Родине рассказывать нельзя.

4. И, наконец, что в тот трагический момент нашей истории, когда единство, хотя бы и относительное, русского народа по обе стороны рубежа может стать вопросом жизни и смерти России — Вы заведомо и с целью поддержки литвиновской дипломатии, срываете

это единство, систематически сообщая эмиграции ложные и лживые данные о подсоветских массах и, таким образом, ставя Вашу часть эмиграции в лагерь тех, кого русский народ считал и считает своими безусловными, непримиримыми и смертельными врагами.

Само собой разумеется, что если Вы найдете удобным и возможным оспаривать правильность приведенной мною Вашей фразы — Ваше письмо может быть представлено на любой третейский суд»^[403].

По просьбе читателей, некоторое время спустя, Солоневич опубликовал письмо Павла Николаевича полностью (оно приведено в предыдущей главе). Из других материалов первого номера отметим статью И. Л. «Нужна ли эмиграция России?»

«Первый вопрос такого рода, — писал он, — был задан одной из слушательниц наших лекций об СССР и застал нас врасплох: «то есть как это так — будет ли нужна?» — «Ну, найдем ли мы там работу, встретят ли нас, как своих, или как чужих, или как врагов... найдется ли нам место на родине, найдем ли мы общий язык с теми, кто все эти годы провел под большевиками?»

Таких и в этом роде вопросов было задано довольно много. Такие и в этом роде вопросы, вероятно, интересуют, а, может быть, и мучают многих русских людей рассеяния. <...>

Большинство будет чувствовать себя у себя дома. И — больше ничего. <...>

Следовательно, всякий русский человек, знающий хоть что-нибудь (например, хотя бы только иностранные языки) всегда найдет себе применение. А об «общем языке» и говорить нечего. Московский студент ненавидит большевиков гораздо острее, чем парижский. По той, чрезвычайно простой, причине, что

парижский студент знает большевиков по газетам, а московский — по собственным бокам.

Вопроса же об «иностранной конкуренции» вообще не может и ставиться: работы будет такая масса, что на всех хватит. Придется восстанавливать чудовищное количество разрушенных ценностей, придется удовлетворить культурные потребности разбуженных революцией, но культурно неудовлетворенных масс: учить, лечить, писать, строить, и пр. и пр. Культурных сил для всего этого в России не хватит и после пяти пятилеток»^[404].

Контакт с читательской аудиторией опытный журналист установил сразу. Газета велась в стиле душевной беседы старых знакомых. Читатели могли задавать любые, самые нелюбезные вопросы, а редакция старалась удовлетворить их законное любопытство. Естественно, такой открытый диалог с публикой был непривычен для большинства эмиграции. Но если для ее «верхов» он был просто-напросто неприемлем, то у «низов» вызывал приятное удивление. Эти «низы» очень быстро приняли Солоневичей за своих. Точку зрения же эмигрантской элиты резче всего высказал (в частном письме и уже после смерти Ивана Лукьяновича) профессор Иван Александрович Ильин. «Голос России», по его мнению, издавался «в тоне трактирной демагогии», а сам издатель был «бессовестным алкоголиком» и «играл в эмиграции роль политического распутина».^[405] Оставим эти утверждения на совести монархического мыслителя...

Что же в первую очередь интересовало тех, кто поверил Солоневичам, так сказать, с первого выпуска газеты? Конечно, главные вопросы касались положения дел в Советской России. Но были и такие: «Почему новая орфография?» и «Почему в Софии?». И. Л. отвечал на них одноименными статьями. В частности:

«Наши друзья нас предупреждали: новая орфография произведет на эмиграцию, в особенности на ее национальную часть, для которой газета и рассчитана, весьма неблагоприятное впечатление. Мы все-таки взяли новую орфографию, исходя из таких соображений:

По новой орфографии сейчас пишет и читает вся Россия. Как бы мы ни относились к старой орфографии, которая начала отмирать уже во времена Империи, мы должны отдать себе ясный отчет: к старой орфографии возврата нет. Нет никакой возможности переучивать сотню миллионов людей на «звезды, седла, цвел, приобрел». Нет ни возможности, как нет и необходимости. Ее ввели большевики, хотя ее выработала Императорская Академия Наук. Но большевики ввели и метрическую систему, и новый стиль, и построили Днепрогресс. Не будем же мы от одного отталкивания от большевиков отменять новый стиль, метрическую систему и взрывать Днепрогресс?

Очень возможно, что не стоило вводить ни нового стиля, ни тратить в голодные годы сотню миллионов руб. на Днепрострой. Но и то, и другое, и третье являются фактами, вросшими в народную жизнь. С ними надо считаться, точно так же, как и с новой орфографией. Это — вопрос не принципа и не «знамени» — это вопрос техники и здравого смысла»[\[406\]](#).

Через несколько лет, уже во время бурной полемики с эмигрантскими вождями, Солоневич возвращается к этой теме в менее дипломатических выражениях:

«Началось совсем с пустяков: с новой орфографии. Люди стали на дыбы: «Как так — большевицкая орфография?» Во-первых, не большевицкая, а орфография, выработанная и одобренная Императорской Академией наук. Во-вторых, что же вы

думаете, переучивать всю Россию на «цвел, приобрел, надеван»?! «Обязательно переучим». Хотелось сказать: ну и дурачье»^[407].

Но тогда, в 1936 году, он этого не сказал. И на читательский вопрос «Почему в Софии?» отвечал тоже вполне изысканно, более аргументированно и, даже можно сказать, философски. Дорвавшись наконец-то до настоящего дела — при этом дела знакомого и любимого — Солоневич минусы бытия старательно обращает в плюсы:

«Целый ряд наших читателей спрашивает — почему «Голос России» издается в Софии, а не, скажем, в Париже или Берлине?»

Отвечаем: в Париж нас не пустили, а Берлин нас не устраивает. София, при всех прочих ее технических недостатках, устраивает нас все же лучше, чем большинство других стран.

Дело в том, что «Голос России» газета никак не «злободневная». И мы считаем, что если наш читатель узнает о сто двадцать пятом зигзаге сталинской генеральной линии на пять дней позже, — это никакой роли не играет, как не играет, в сущности, никакой роли и этот зигзаг. Но София перед многими другими столицами имеет огромное неоченимое преимущество в том, что здесь, оценивая международные перспективы России и междунашние опасности, грозящие нашей стране, мы можем допустить роскошь полной независимости.

Попросим читателей подумать:

Рижское «Сегодня» принуждена восхвалять Ульманиса. Варшавский «Меч» — наследников Пилсудского. Берлинского «Новое Слово» — Гитлера. Харбинский «Наш Путь» — липовое Манджоу-Го и липовое миролюбие Японии. «Последние Новости» — товарища Блюма и благородство великих демократий,

снабжающих людей, которые за эти демократии проливали свою кровь — всякими карт д'идатите и прочими волчьими паспортами.

Мы не вправе бросить упрек ни фашистскому «Нашему Пути», который вынужден становиться на японофильскую точку зрения, ни «Последним Новостям», вынужденным становиться на франкофильскую точку зрения: «на чьем возу едешь, тому и песенку пой». Мы же собираемся петь только русскую песенку и только для России. Все эти «возы» скрипят свои собственные песни и в большинстве случаев песни ясно и ярко антирусские.

Очень невесело русской газете попадать в такое положение, когда приходится восторгаться мудростью халтурного манчжурского императора, стыдливо бормотать о том, что раздел России — не такая уж собственно и плохая вещь, писать панегирики людям, ярко и яростно ненавидящим Россию (вот — писал же Изгоев).

Итак, София имеет массу технических неудобств <... > Но София имеет одно несомненное преимущество: здесь газета может быть независимой.

Мы даже не будем говорить о том, что если где-либо эмиграция и чувствует себя, как у себя дома, то это в Болгарии и Югославии. Здесь в Болгарии русские сокола маршируют с нашим трехцветным флагом, и военные отдают этому флагу честь. Дело даже и не в этом. Дело в том, что ни при каком полете фантазии Болгарию нельзя обвинить в каких-либо эксплуатационных, оккупационных или колонизационных планах по отношению к России. Отсюда мы можем с большей или меньшей свободой говорить и о Японии, и о Польше, и о Гитлере. Свобода эта, правда, не так уже велика: если допустить слишком уж резкую констатацию некоторых фактов и некоторых appetitов данного правительства, то это

правительство запретит ввоз газеты. А газета, которая не доходит до читателя, — никому не нужна. Налаживать же нелегальную доставку — долго и хлопотно и в первое время — нам не под силу.

Но, по крайней мере — здесь, в Софии не приходится никому кланяться: и то хлеб»^[408].

По первости адрес редакции был таков: бульвар Свв. Кирилла и Мефодия, вилла «Спокойствие».

«На конверте это звучит фешенебельно, — иронизировал Иван Лукьянович. — На практике — вилла это нечто вроде мазанки, и мы занимаем в ней нечто вроде мезонина. Бульвар же представляет собой узенькую немощеную тропинку, упирающуюся в чей-то завалившийся забор. Тропинка эта вьется по берегу горной речушки, беспокойные воды которой принимают различную окраску, в зависимости от того, что именно перекрашивает сейчас красильный завод, находящийся верстах в трех выше»^[409].

Естественным образом диалог «читатель — газета» быстро вылился в постоянную рубрику под названием «Трибуна читателей». Ее идею подсказал г-н Любимов из Флоренции. «Свободная Трибуна», — писал он в редакцию «Голоса России», — была и есть насущная потребность, по удовлетворению которой томятся десятки тысяч эмигрантов действительно по всему земному шару. Итак, прежде всего, я уверен, что отдав под «Свободную Трибуну» целую страницу (а то и две) вашей газеты, вы поднимете ее тираж во много раз. Вы получите интереснейший материал не только мнений, но и сообщений о (совершенно еще невыясненном) фактическом состоянии эмиграции, об ее интересах, потребностях, силах, возможностях и, наконец, просто численности (не говоря о всевозможных иных статистических данных, играющих первостепенную

роль для будущего не только эмиграции, но и России)»^[410].

В «Трибуне читателей» публиковались выдержки из писем в редакцию, и к ним давался обширный комментарий. Работу с письмами вел Борис — параллельно с добыванием денег на газету на арене профессиональной борьбы. Первая «Трибуна» появилась уже в четвертом номере «Голоса России». Она предварялась шестью пунктами предисловий, в одном из которых говорилось:

*«Хочется поделиться с русскими людьми зарубежья своей радостью: действительно, мы живы, и следовательно — мы еще повоюем. Радость эта, конечно, имеет малость и эгоистический характер, ибо из пятисот писем последних дней наконец выясняется окончательно ответ на наш личный вопрос: что бежали мы не зря. Что ежели мы сделаем — хоть копеечное, да все-таки **дело**, то все предыдущее — окажется морально оправданным. Ибо если бы вышло так, что вот бежали в зарубежную Россию и оказалось бы — просто болото, — так тогда — что?»*

Но никакого болота в эмиграции или, точнее, вот в среде среднего русского человека — не оказалось. И к вопросу о среднем русском человеке, скажем, штабс-капитане, мы еще вернемся»^[411].

Так впервые мелькнул на страницах «Голоса России» собирательный образ среднего эмигранта — штабс-капитана, которому суждено было впоследствии дать свое имя целому политическому движению, которое возглавил И. Л. Солоневич. Но всему свое время...

Диалог с эмигрантской массой, конечно, возникал не только сам собой, как естественная реакция на публикации «Голоса России». Редакционная семья постоянно подталкивала своего читателя к

сотрудничеству, привлекая его в соавторы. Таким, например, образом:

«Друзья читатели! Сколько раз мы умоляли — пишите, пишите в нашу газету! Пишите обо всем, что видите кругом и что имеет отношение к эмиграции и России. Редакция чрезвычайно заинтересована в освещении жизни, быта, нужд и достижений эмигрантских колоний в разных странах и государствах. Но, к сожалению, материалов об этой жизни очень мало, и их приходится выдирать из сотен и сотен писем. В портфеле редакции лежат много статей на самые абстрактные темы, но резко не хватает освещения будничной жизни нашей эмиграции. Редакция еще и еще раз просит — пишите корреспонденции с мест, освещайте экономическую, политическую и культурную жизнь своих групп и посылайте это в «Голос России» в виде небольших, но регулярных очерков»^[412].

Но главный интерес читающей публики привлекали, безусловно, передовицы, написанные бойким пером Ивана Солоневича. Тема номер один, так сказать, главный вопрос текущего момента — это вопрос о пораженчестве и оборончестве. В эмиграции было довольно сторонников у обоих течений. Первые полагали, что нужно поддержать любую новую интервенцию ради свержения власти большевиков и даже всячески способствовать ее организации. Вторые, своеобразно трактуя понятие патриотизма, выступали за поддержку существующей власти в случае войны. Дискуссия не казалась голым теоретизированием и в 1936 году, вряд ли она кажется таковой и сегодня, через шесть десятков лет после окончания Второй Мировой войны. Конечно, не мог пройти мимо этого диспута и издатель новой газеты.

«Подходя к вопросу о пораженчестве и оборончестве, болезненному, как обнаженный нерв, — писал Солоневич, — хотел бы сразу оговориться: я не считаю «предателями» даже и тех людей, которые готовы с винтовками в руках идти в ряды красной армии и в этих красных рядах защищать интересы, честь и достоинство России. Нет, они не предатели. Но они люди, трагически и, по-видимому, безнадежно запутавшиеся. Запутаться здесь немудрено. <...>

Итак, «Сталин защищает Россию». Вот сам же заявил: «ни одной пяди своей земли не отдадим». Пустяки. Прижмут — отдаст. До сих пор большевики отдали:

*лимитрофам — ряд русских уездов,
Польше — ряд русских губерний,
Румынии — Бессарабию,
Турции — Карскую область с ее чудовищными
естественными богатствами,
Японии — КВЖД. <...>*

*Нет, ни изнутри, ни вовне Сталин России не защищает. Вопрос на данном отрезке времени может идти **о защите России от Сталина**»^[413].*

Записываясь в лагерь так называемых пораженцев, редактор «Голоса России» был, что называется, в здравом уме и твердой памяти. Он приводил свои аргументы:

«Да, Россия переживает кошмарные годы. Да, перспективы ближайшего будущего — трагичны. Но Россия не умерла, умирать не собирается и, конечно, не умрет. Говоря о России, я говорю, главным образом, о русском народе. Если мы на пятьдесят лет потеряем двадцать губерний — плохо, но это лучше, чем если еще двадцать лет будет вестись политика морального и физического вырождения страны. Россия это прежде всего — люди, а потом уже территория. Если 160

миллионов русских будут сидеть в Парагвае, а семь миллионов парагвайцев в России, то родиной для нас будет Парагвай. Если мы потеряем территорию, но народ останется цел, мы наворачиваем все. Если пройдет еще двадцать лет вот таких пятилеток, коллективизаций, лагерей и прочего, то совершенно неизвестно, до какой степени окажутся подорванными народные силы. Тут я становлюсь на, так сказать, сталинскую точку зрения: «все дело в людях». Да, все дело в людях моего народа»^[414].

И все-таки Солоневич был пораженцем особого покроя. Этот его подход к устоявшимся и не очень терминам стал отличительной особенностью авторского стиля. Не влево, не вправо, а вглубь — и все в этом роде. Парадокс: борец со старыми фразеологизмами был неутомимым творцом новых словоформ. Итак, пораженец...

*«Желаем ли мы войны? — вопрошает наш герой летом 1936 года. — Вот вопрос, которого и ставить не стоит. Да, **мы** желаем. А Керенский не желает. Ну — и что дальше? А дальше решительно ничего... <...>*

Спор о том, желаем ли мы войны или не желаем, имеет только один-единственный результат: ко всем бесконечным нашим распрям присоединяется еще одна — из-за выеденного яйца. Не стоит об этом и разговаривать.

Весь вопрос о пораженчестве и оборончестве поставлен насквозь неправильно.

Для всей эмиграции он должен быть сформулирован так:

«Если будет война, то что мы будем делать тогда?»

Для национальной части:

*«Если будет война, то как бы нам **извернуться** таким способом, чтобы и от большевизма, и от захватчиков отделаться возможно дешевой ценой».*

Вопрос должен ставиться о цене. А не о программах. И еще: о технике изворачивания»^[415].

Помимо внешнеполитических проблем, Иван Солоневич старается не оставлять без внимания и комментария ни одного мало-мальски значимого факта внутренней жизни СССР. Тем более не мог он промолчать о событии, которое позже вошло в советские учебники истории как «разгром троцкистско-зиновьевского блока». В 1936 году его называли скромнее: «процесс шестнадцати». Процесс этот, напомним, увенчался смертными приговорами Г. Е. Зиновьеву, Л. Б. Каменеву и другим бывшим сподвижникам Л. Д. Троцкого. Издатель «Голоса России» откликнулся на вести из Советской России в том числе и пространной статьей «Скорпионы в банке».

*«В ночь на 25 августа в подвалах московского ГПУ расстреляны предпоследние остатки «ленинской гвардии», — писал он. — С этими остатками советская власть поторопилась: не подождала даже тех 72-х часов, которые по «закону» полагаются между приговором и казнью. <...> Остатки Ленинской гвардии были расстреляны спешно и скорострельно — или, по выражению советских газет, «пристрелены, как бешеные собаки». Жаль. Очень жаль, что этих бешеных собак не пристрелили в 1917 году, — но это уже — **наша вина.***

Расстрелы 25-го августа — это еще не термидор... Если проводить параллели с другой «великой и бескровной», то этот расстрел больше всего напоминает гибель Дантона. Это не термидор — но это большой шаг к термидору. Это означает сужение социальной и всякой другой базы диктатуры до острия штыка — причем неизвестно еще, что и как будет делать этот штык.

Из миллионов большевицких казней — это, пожалуй, первая, которую мы встречаем с удовлетворением. Не потому, что в этой звериной грызне мы считали бы Сталина носителем какой-то приемлемой для нас идеи — а потому, что этим расстрелом с крайней резкостью подчеркнуты две вещи:

Большевизм по самой своей сути может удерживаться только путем резни.

Большевизм в лице обвиняемых зиновьевского процесса показал себя такую трусливой и подлой гадиной, какую он до сего времени себя еще не показывал.

Все эти «герои» и «вожди», в честь которых еще вчера переименовывались города России, герои и вожди, которые еще позавчера слали на расстрел тысячи русских людей — сегодня, спасая свою подлую жизнь, — с заискивающей покорностью вторили Вышинскому: да, мы бандиты, да, мы трусы, убийцы и прочее и прочее. <...>

Из шестнадцати расстрелянных — десять евреев, один армянин и пятеро русских. Всем им предъявлено обвинение в принадлежности к троцкистской оппозиции... Отсюда нехитрым умам эмиграции с великою легкостью можно сделать вывод о, так сказать, национальном перерождении Сталина.

Что касается «троцкизма», то этот термин обладает такую же юридическую ясностью, как и другие советские термины этого рода: «белобандит», «вредитель», «спекулянт». В лагерях я видал студентов, которым был приклеен «троцкизм» и которые Троцкого повесили бы с великим удовольствием — ежели бы он им попался. <...>

Зиновьевский процесс не внес ничего нового в уже привычную практику такого рода трагических инсценировок. Совершенно так же, как это было и в

предыдущих процессах — промпартии, меньшевиков и пр. — в процессе начисто отсутствуют:

какие бы то ни было документы и какие бы то ни было свидетели»^[416].

Солоневич убежден: никакой идеологической подкладки и предыдущие, и этот последний процессы не имеют. Идет просто-напросто борьба за власть. Но вот что оказалось удивительным: полтора года назад в «России в концлагере» он предсказывал, что старая гвардия революции доживает последние дни. И теперь это пророчество сбылось. Впрочем, Иван Лукьянович от славы пророка отрешивается, объясняя, почему это неизбежно. Сталину не нужны конкуренты — вот главный мотив.

«Сейчас сталинизм стоит почти перед катастрофой, — убеждает Солоневич эмигрантского читателя. — Война надвигается. Миллиарды, отнятые от умирающего с голода мужика и вложенные в самолеты — оказываются нерентабельными — и Сталин знает это, вероятно, лучше, чем знаю я: «Кадры решают все», «Внимание к головке», «Подбор людей» и прочее в этом роде — ибо за всеми этими танками, бомбовозами, газами и прочим — людей нет или почти нет. <...>

Расстрел зиновьевцев — первый крупный расстрел коммунистов за годы революции, — означает разгром партийного аппарата и на верхах, и, что существеннее, — на низах.

Именно в этом и заключается его объективное значение.

Остается неясным: сколочен ли аппарат актива настолько крепко, чтобы он — на шее русского народа — мог заменить разоряемый аппарат партии»^[417].

Грядущая война... В том, что она разразится, нет никаких сомнений. Точно так же Иван Лукьянович уверен в том, что эта война заставит большевиков

поднять знамя патриотизма. Здесь он уже по-настоящему пророчествует, хотя опять ссылается на исторический опыт и объективные обстоятельства:

«Сталин точно так же будет защищать русскую землю — от немцев, как защищал бы ее Мамай, ежели бы немцы вздумали вырвать из его рук господство над этой землей. Сталин точно так же будет защищать территорию бывшей Российской Империи, как испанцы, заведя в Нидерландах инквизицию, «защищали» и Нидерланды (конечно, и инквизицию) от французских королей. За такую защиту — спасибо»^[418].

В сентябре в Нюрнберге проходил VIII съезд Германской национал-социалистической рабочей партии (НСДАП). Вожди Третьего рейха, все поголовно, клеймили в своих речах мировое зло — коммунизм, и призывали стереть его с лица земли. «Разоблаченный большевизм: речи Адольфа Гитлера и Альфреда Розенберга на Нюрнбергском конгрессе Национал-социалистической германской рабочей партии 8-14 сентября 1936 г.» — под таким названием русское берлинское издательство «Новое Слово» (существовало при одноименной газете) выпустило брошюру с русским переводом главных выступлений съезда. «Каждая немецкая хозяйка почувствует облегчение, когда мы получим Урал, Сибирь и Украину», — сказал, в частности, фюрер. Сомневаюсь, что эта его фраза вошла в русское издание, но утверждать категорически не берусь, ибо в руках этой брошюры не держал.

Речь министра пропаганды Геббельса в сборник почему-то не включили. В ней не было ничего про Урал и Сибирь, зато очень много — по существу главной темы съезда, то есть антибольшевицкой борьбы. Доклад Геббельса назывался «Большевизм в теории и на практике». Несмотря на риск быть обвиненным в пропаганде нацизма, не удержусь все-таки от

воспроизведения одного афоризма, произнесенного в этой речи доктором Геббельсом: «Большевизм — это диктатура худших». Это нужно хотя бы для того, чтобы вспомнить, что Солоневич очень любил формулу Вл. Соловьева: монархия — диктатура совести. И социалистические эксперименты — и в СССР, и в Германии — Иван Лукьянович называл диктатурой бессовестности, а еще — диктатурой импотентов. Правда, было это немного позже. Солоневич умел делать прогнозы, но не был пророком. И накануне Второй Мировой его оценки звучат более сдержанно.

«Нюрнбергские речи застали меня несколько врасплох, — признавался И. Л. в передовице № 14 «Голоса России» от 22 сентября 1936 года. — Прежде, чем оценивать их перед лицом русской эмиграции, нужно бы многое сказать о том, как расценивается гитлеризм с подсоветской точки зрения. Мне кажется, что эта расценка приблизительно совпадает с расценкой эмиграции. Ее можно было бы в очень грубых чертах сформулировать так: свернул шею коммунистам — вот это молодец. Собирается от нас оттяпать Украину — ну это, извините, посмотрим.

Постараемся со всей доступной нам точностью установить роль третьего рейха в современной жизни Европы. Буржуазная демократия или демократическая буржуазия западной Европы в подавляющей своей массе предпочитает Сталина Гитлеру, — в том гипотетическом случае, ежели такой выбор станет перед ней вплотную, и в том убеждении, что от такого выбора она сумеет увильнуть. Мне кажется, что Сталин гораздо больше дипломат, чем Гитлер, хотя бы уже по одному тому, что такого стажа подпольщины, грабежей, убийств, разбоев, ссылок и прочего, у Гитлера не было — и слава Тебе, Господи. <...>

Для человека, способного шевелить мозгами вне зависимости от теорий и от мзды, должно было бы быть

абсолютно ясно, что гитлеризм, при прочих его достоинствах и пороках, при его огромном национальном пафосе и при его более или менее идиотской теории расизма, сыграл действительно всемирно-историческую роль: он сломал коммунизм в Германии, в которую были устремлены самые главные чаяния, агенты и деньги Коминтерна. И он стал на пороге резни между «социализмом в одной стране» и резни в масштабах «мировой пролетарской революции».

Мы, русские, эту роль гитлеризма ощущаем всем нутром своим»^[419].

Итак, Германия на весь мир провозглашала себя лидером антикоммунистической борьбы. В глазах русских эмигрантов, как минимум, национальной части эмиграции, так оно и представлялось. Немногие из числа тех, что разделял справедливую ненависть по отношению к большевикам, были способны сохранить трезвость рассудка.

«Собирается ли Германия воевать и в действительности — мы этого не знаем. Но большевизм сейчас воевать, конечно, не собирается — в этом отношении он поистине является «фактором мира», ибо при первых же выстрелах войны ему свернут шею русские же мужики и сам большевизм в этом прекрасно осведомлен. <...>

Мне кажется (трудно утверждать это категорически), что бесконечный ряд процессов и крупных, и мелких, и катастрофических, и так сказать молекулярных — подводит мир к окончательной разделке с коммунизмом. По всему своему положению Германия в этой разделке не может не принять на себя основной, ведущей роли. Но для нас, русских, вопрос заключается еще вот в чем: в какой именно степени антибольшевистские планы Германии сплетаются с антирусскими. Можем ли мы с уверенностью сказать,

*что за борьбой против коммунизма — борьбой искренней и беспощадной — не скрывается наш старый знакомец *Drang nach Osten*. В архив истории он как будто еще не сдан. Не будем грамматически анализировать фразу Гитлера о том, как жила бы Германия, если бы у нее были такие области, как Урал, Сибирь, Украина. Жила бы хорошо, если бы ей не пришлось, как приходилось нам — веками отвоевывать эти области от Азии. Едва ли Германия будет жить хорошо, если эти области придется ей отвоевывать от России. <...>*

Пока что — национальная часть русской эмиграции обязана идти параллельно гитлеризму, однако — никак не подчиняясь ему. Сейчас мы, эмиграция, союзник весьма не великой ценности — хотя и тут ценность нашу мы намного могли бы поднять, если бы мы были хоть как-нибудь организованы. Но когда из миллионной массы русских штабс-капитанов, рассеянных по Бог знает каким углам земного шара — в Россию прорвется хоть десять тысяч — эти десять тысяч будут силой, с которой придется разговаривать. Наша задача, задача сегодняшнего дня — политически подготовить эти десять тысяч и морально не дать им закиснуть. Что мы и стараемся делать»^[420].

«Голос России» постепенно становился на ноги. В октябре 1936-го Иван и Борис, соорудив некоторый задел редакционных материалов, отправились в турне по Югославии с серией докладов. Поездка была организована «нацмальчиками» (членами НТСНП), проектировалась заранее и долго откладывалась. Падение французского франка (изначально стоимость газеты номинировалась в этой валюте, потом была «конвертирована» в американские доллары) и новая финансовая угроза, вставшая перед «Голосом России», заставили форсировать события, поскольку доклады

сулили дополнительный доход в казну редакции. Впрочем, не все они были платными, не обошлось и без благотворительных лекций. Солоневичи выступали в гимназиях и приютах, в кадетском корпусе и девичьем институте, у соколов и скаутов, для офицеров РОВС и галлиполийцев, курсантов, студентов, духовенства и, конечно же, для членов НТСНП. Об этой поездке и ее организаторах Иван Лукьянович писал потом в «Голосе России»:

«Мы приехали в Белград поздним и мокрым осенним вечером. Встречи никакой не было, ибо, как оказалось впоследствии, между софийским и белградским временем имеется час разницы. Итак, под дождем пошли мы с братом пешочком, «имея при себе», как говорят военные, чемодан и пишущую машинку. По-сербски мы нее знали ни слова. Требовалось разыскать клуб НТСНП, каковой (не клуб, а союз) взялся организовать наши лекции. На улице Краля Милана, 15 никакой вывески не оказалось. Мимохожие сербы не смогли понять наших вопросов, предложенных им на всех известных нам языках. Потом мы вошли в темный двор этого дома. Борис поднял голову вверх и заявил:

— Слышишь: галдеж. Тут, вероятно, и клуб.

Следопытские привычки Бориса повели нас по правильному пути: галдеж действительно был необычайный. И галдеж действительно исходил от «нацмальчиков», набившихся в четырех комнатах клуба, как москвичи в трамвае. А москвичи в трамвае сильно завидуют сельдям в бочке.

Оказалось, что сегодня в клубе НТСНП «вечер самодеятельности» — кто во что горазд... Впоследствии мы с этим клубом несколько поругались — по вопросу — об «идеях» и о «винтовках». Но это — ничего. Столько там было молодой бодрости, любви к Родине, непримиримости к ее поработителям, энергии и веры, что по части «программ» как-то и говорить не хотелось:

чорт с ними, с программами. Был бы порох в пороховницах. Клуб НТСНП представлял собой, так сказать, сплошной пороховой склад. И меня — в который это уже раз — поразило какое-то внутренне сходство: да ведь это все — те же «физкультурники», с которыми я в России работал лет пятнадцать. И с которыми сидел в концентрационном лагере»^[421].

С 12 по 19 октября братья совместно прочли восемнадцать докладов в Белграде, два — в Новом Саду и один в Земуне^[422]. Разъезды по провинции, встречи с сотнями людей, среди которых попадались старые, дореволюционные, знакомые. Иван назвал это «временем полного очумения».

«Дошло и до такого инцидента, — вспоминал он. — Это была моя предпоследняя лекция в Белграде. Я выхожу на кафедру: две тысячи глаз на меня устремлены, и вот ощущаю я, что у меня в голове хоть шаром покати, то есть ни одной мысли. Ни одного проблеска. И одно желание — свернуться калачиком под этой самой кафедрой и этак бы хорошо заснуть.

Стою и не знаю, что мне, собственно говоря, и делать. Разве сквозь землю провалиться? Так и земли нет: есть паркет. От очумения и обалдения я не нашел ничего лучшего, как вместо: «милостивые государыни и милостивые государи» — закурить папиросу и невидящими глазами уставиться в зал. Какая-то добрая душа протянула мне чашку крепкого кофе, я его выпил. И потом все пошло по хорошему. Надеюсь, что те, кто слушал этот доклад, простили мне и заминку, и папиросу, и чашку кофе»^[423].

К напряженному графику выступлений добавлялось и то обстоятельство, что, разъезжая с докладами, Солоневичи попутно готовили материалы для очередного номера газеты и отправили их тремя заказными письмами. Из них дошло лишь одно, и то с

запозданием. Поскольку билеты на лекции были уже раскуплены заранее, а за два-три дня восстановить материалы было все равно невозможно, решили пожертвовать одним номером газеты и выступили с объявленными докладами. Отработав обязательную программу, Иван вернулся в Софию «спасать газету», а Борис еще на неделю остался в Югославии и прочел лекции в Загребе, Любляне, Боре, Крагуевце и Белой Церкви.

Доклады Солоневичей нашли отражение и в иностранной прессе. Так, многие издания перепечатали сводку Германского информационного бюро (Deutsches Nachrichtenbüro — DNB). «Двое русских, братья Солоневичи, которые недавно бежали из России, выступили в Югославии с докладами, в которых описывается реальная ситуация в Советском Союзе. Вышеупомянутым братьям пришлось пережить настоящий советский рай и испытать страдания и лишения, — сообщало DNB. — Их выступления со всевозможными документами и доказательствами, воспринятые с большим вниманием, четко демонстрируют, что коммунизм на сто процентов означает голод и рабство»^[424].

Основные темы своих выступлений Солоневичи огласили на страницах «Голоса России»:

1. На чем держится советская власть.
2. Наши побеги.
3. Экономика СССР.
4. Красная Армия.
5. Советский быт.
6. Красный террор.
7. Советская молодежь.
8. Концлагерь сегодняшнего дня.
9. Советская интеллигенция.
10. История непокорной молодежи.

11. Беспризорники страны советов.

12. Национальный и еврейский вопросы в современной России. Перспективы развития России.

13. Современное положение власти и расстрел 16-ти.

14. Вечера вопросов и ответов и демонстрация советских фотографий. [\[425\]](#)

Как видим, тематика первых докладов в Финляндии (их программу мы уже приводили), подверглась незначительной, но принципиальной корректировке. Во-первых, это вполне естественное обращение к современности. И, во-вторых, чрезмерно муссируемый в правых кругах эмиграции «еврейский вопрос».

Этому вопросу Иван Солоневич был вынужден (именно вынужден, ибо иначе — обвинение в «замалчивании») посвятить большую статью «Россия, революция и еврейство», которая была напечатана в трех номерах «Голоса России». Надо сказать, что его трезвый взгляд и сегодня является образцом для всех психически нормальных патриотов. Приведем несколько наиболее ярких фрагментов.

*«С одной стороны, — писал Солоневич, — наши левые говорят: «Россию погубил проклятый царский режим». С другой стороны, наши правые говорят: «Россию погубили жида». Обе точки зрения, как видите, весьма упрощены. И за этими упрощениями есть великая опасность для России. Опасность заключается в том, что если мы в чрезвычайной сложности событий все будем валить, с одной стороны, на «царя» и, с другой стороны, на «жида», то мы рискуем между «жидом» и «царем» **проворонить самих себя**. То есть в борьбе между «монархией» и «еврейством» проворонить нечто весьма существенное, а именно:*

русский народ, к которому принадлежим, в состав которого входим и мы с вами»^[426].

«Я ничего не имею против еврея-журналиста. М. Алданов, будучи евреем, написал самые прочувствованные страницы о забытом всей художественной литературой национальном нашем герое Суворове. Забвение это превратило Суворова в лубок. Алданов воскрешает его живой облик: почему я буду протестовать против работы Алданова в журналистике или даже разоблачать его псевдоним?

Но если в газете, которая называет себя органом русской мысли, **нет ни одного русского**, — это уж извините, тут уж я буду скандалить. Если во главе правительства, которое называет себя российским, на три четверти стоят евреи, — я тоже буду скандалить. Но при чем тут человеконенавистничество и черносотенство?»^[427].

«О том, что Февральскую революцию поддерживало все без исключения еврейство, нечего и говорить. Но все-таки не еврейство сделало эту революцию. Не евреи ездили в ставку за отречением Императора, и не евреи, или не только евреи, пускали по столбцам и по фронтам беспримерную по своей омерзительности клевету на Императрицу. Что уж там говорить и все на евреев сваливать. **Мы виноваты.** В том числе и я виноват. Всякого милостивого государя, пускавшего по уголкам и по салонам, по фронтам и по улицам шепотки о царице-шпионке, надо было без разговоров бить по морде. И не в порядке «оскорбления действием», а так, чтобы человек потом месяцами размышлял в госпитале о неудобствах клеветы на русскую монархию. Не били вовремя — вот и сидим по Парагваям и по лагерям»^[428].

«Виноваты мы. И ни в коем случае не хочу, не могу, не имею права снимать и с себя личной ответственности. Почему вот я, монархист Иван

Лукьянович Солоневич, допустил, чтобы нашего Императора держали, как вора, под замком, почему я допустил увоз его в Екатеринбург, почему ни я, ни мы ничего или почти ничего не предприняли для его спасения? Проще, практичнее и православнее — взять эту вину на себя. Не с тем, чтобы каяться и биться головой о стенку, а с тем, чтобы из ошибок, небрежности, из нерадивости нашего прошлого извлечь практические уроки для практической политики завтрашнего дня. Эту политику придется делать нам — то есть **правой** части и России, и рассеяния»^[429].

«И вообще — ежели делать политику трезвую и ясную, то не надо населять мир призраками леших и водяных, масонов и иудеев, «пушечных королей» и «акул капитализма», всемогущей Intelligence Service и всемогущего ОГПУ. Всемогущих сил в мире вообще нет. Всякое монистическое понимание истории имеет свой соблазн: бесконечную сложность сцепляющихся явлений, закономерных и случайных, доступных предвидению и вовсе никем не предвиденных, завязывающихся в один узел, из которого возникает историческое событие, всякий монизм объясняет соблазнительно просто: жида, капитализм, экономика, раса, религия — каждый по-своему. Практическая же политика заключается в том, чтобы, выслушав всех специалистов, не послушать ни одного»^[430].

«Мы должны воевать прежде всего с большевиками. Вот почему в начале серии этих статей я сразу и сказал: я совершенно не собираюсь ставить еврейский вопрос в мировом масштабе. Нам нужно ставить **русский** вопрос. И ставить его, исходя не из того **предположения**, что еврейство сильнее нас, а из того **факта**, что мы сильнее евреев. Не только потому, что нас полтора миллиона, а их шестнадцать (во всем мире), а также потому, что за нами стоит тысяча лет нашей Империи и

будут стоять еще тысячи: мы только начинаем вылезать на поверхность истории»^[431].

*«Еврейский вопрос решался в течение двух тысяч лет и не был решен. Есть два решения: или ассимиляция, или изоляция в отдельное национальное государство (сионизм). Мы можем сделать и то, и другое. Во-первых, по огромной нашей способности к ассимилированию (как у нас ассимилировались немцы) и, во-вторых, потому, что мы можем предоставить евреям хотя бы тот же Биробиджан: устраивайтесь и в наши дела не лезьте. Германия — ни Гогенцоллернов, ни Гитлера — так вопроса решить не может. По многим причинам. В частности, потому, что немцы — националисты, а мы — империалисты. Понятия сходные, но не равнозначные. С расовой ненавистью к евреям у нас не выйдет ровно ничего. Каждый из нас, каким бы антисемитом он ни был, всегда имеет оговорку: «Вообще говоря, жида сволочи, но вот Соломон Соломонович — прекраснейший человек». Это есть точка зрения **империализма**»^[432].*

В декабре 1936 года боевая семья справляла первый, вполне скромный, юбилей — выход 25-го номера «Голоса России».

«Газета уже пережила самый тяжелый материально и морально период и теперь смотрит вперед уверенно и смело, — писал Иван Солоневич в передовой статье. — Ставка на любовь к России, на чувство долга перед Ней оказалась выигранной. Десятки тысяч наших читателей и друзей — это уже сила. Двадцать пять номеров — это след, который не изгладится в истории...»^[433]

Выпуская юбилейный номер, редакция в первую очередь благодарила всех своих представителей:

«Тот успех, который выпал неожиданно для всех на долю «Голоса России» — новой эмигрантской газеты,

созданной с капиталом в... 100 франков, во многом должен быть отнесен за счет усилий наших представителей на местах»^[434].

Солоневичи продолжают считать свою газету докладом русской эмиграции — рапортом разведчиков, вернувшихся из стана врага, захватившего их Родину.

«Мы даем себе ясный отчет в том, что «Голос России» как газета ведется пока очень плохо, что в ней не хватает целого ряда отделов, не хватает информации, не хватает сотрудников, не хватает многого. Все это до некоторой степени объясняется, с одной стороны, громадной загруженностью нашей «редакционной коллегии», а с другой — тем трагическим в истории всей России и эмиграции обстоятельством, что в нашем правом лагере всегда было очень мало и публицистов и газетчиков.

Но, укрепляясь в материальном отношении (наши книги переводятся для пятнадцати иностранных издательств) и создав около себя актив не только читателей, но и сотрудников и друзей — «Голос России» может смело смотреть в будущее.

Конечно, много трудностей предстоит впереди. В пяти странах газета не разрешена к продаже и распространять ее приходится иными путями. <...>

Валютные ограничения и падение франка поставили газету в тяжелое положение, из которого без нашей инициативы друзья газеты предложили найти выход, создав «Фонд Голоса России». Этот фонд нужен как какой-то запас, который спасет газету в тот «роковой час», когда в кармане редакции не найдется денег оплатить бумагу или экспедицию»^[435].

Глядя вперед с оптимизмом, Иван Солоневич давал такой анонс следующим номерам «Голоса России»:

«В наступающем году редакция предполагает значительно улучшить газету, ставя на обсуждение читателей ряд самых злободневных и наиболее важных вопросов, привлекая к консультации по этим вопросам виднейших представителей белой эмиграции, по-прежнему поддерживая переключку между русскими людьми, застрявшими где-нибудь в Эквадоре, Конго, Австралии, Индо-Китае и других углах, где по-прежнему теплится и не гаснет любовь к Родине. Особое же внимание будет уделено молодежи.

Общее же направление газеты остается тем же — рапортом о России»^[436].

С ОТКРЫТЫМ ЗАБРАЛОМ

«Голос России» завоевывал эмиграцию едва ли не стремительнее, чем «Россия в концлагере». Боевая газета боевых братьев с самого начала, что называется, произвела впечатление на публику. Иван Солоневич как автор бестселлера — уже выходящего за эмигрантские рамки — очень быстро стал заметной фигурой, новой «звездой» Русского Зарубежья, то ли потенциальным вождем, то ли властителем дум. Многим казалось, что ненадолго...

«С первых же номеров его газета стала популярной, — пишет в своих воспоминаниях «новопоколенец» Б. В. Прянишников, — ею зачитывались, с нетерпением ожидая выхода следующего номера. Быстро рос ее тираж, принося семейству неслыханный по эмигрантским масштабам доход»^[437].

«И. Л. Солоневич, известный нам по своим изумительной ценности очеркам, печатавшимся в свое время в «Последних Новостях», решил издавать газету о России, — сообщал журнал «Часовой». — Четыре первых номера уже появились. Газета производит прекрасное впечатление своей бодростью и свежестью мысли. В первом номере помещено открытое письмо П. Н. Милюкову, в котором И. Л. Солоневич предъявляет П. Н. Милюкову наиболее тяжкое обвинение, какое можно предъявить политическому эмигранту. Именно, он утверждает, что П. Н. Милюков действует в эмиграции по линии поддержки наркоминдела СССР, и с этой целью редактируемые им «Последние Новости» сознательно и систематически помещают заведомо лживую политическую информацию»^[438].

Впрочем, это писалось публично. Неофициально, «не для печати», редактор того же «Часового» В. В. Орехов прямо высказывал свой скепсис относительно ближайшего будущего «Голоса России». В письме к генералу А. А. фон Лампе, руководителю 2-го (германского) отдела РОВС, от 8 июля 1936 года он сообщал:

«Очень бойко пошли первые номера газеты Солоневича. Успех заслуженный. Но я считаю, что так, как сейчас, газета долго выдержать не сможет. Солоневичи выдохнутся через 3–4 месяца. Обратиться же в обычный маленький эмигрантский еженедельник — это вообще будет его гибель. Не скрою от Вас, что я предложил Солоневичу координировать наши действия. Я считаю, что сейчас хорошо поставленная газета-еженедельник будет иметь большой успех. Конечно, надо найти средства (кстати, небольшие), но это, мне думается, можно преодолеть. Для «Часового» сейчас нельзя получить и гроша, для газеты же кое-что раздобыть можно. Жду сейчас от Солоневича ответа»^[439].

Примерно через неделю генерал ответил: «**Очень** меня интересует проект газеты с Солоневичем, с интересом бы принял в ней посильное участие...»^[440].

Ничего из этой затеи, впрочем, не вышло. И на то были причины.

Во-первых, в РОВСе далеко не все разделяли мнение фон Лампе. Иные бросались и необоснованными обвинениями в адрес «подозрительных братьев». Что подтверждают, например, строки из письма генерала Абрамова тому же фон Лампе (начало сентября 1936 года): «Взятое направление «Голосом России» — пока еще не меняется, и потому газета встречает всеобщее одобрение. Но к авторам у нас отношение сдержанное и весьма настороженное; к последнему имеются

достаточные основания, хотя и недокументальные»^[441]. Фон Лампе ответил: «Постараюсь узнать что могу об интересующих Вас лицах. Мне очень интересна характеристика Солоневичей — о них **говорят** плохо, но к этому не приводят решительно никаких данных»^[442].

Во-вторых, Солоневичи сами предпочитали держать дистанцию и издавать газету без посторонней помощи и водительства. Причем инициатором такой политики был, конечно, Иван. Борис же вступил в РОВС еще в Финляндии, и его деятельность в этом направлении принесла впоследствии немало проблем (об этом подробнее — в следующей главе). Впрочем, отдавая минимальную дань политкорректности, издатель «Голоса России» все-таки «слал на добровольную цензуру» свои писания генералу Абрамову^[443].

Начальник канцелярии Императора Кирилл Владимировича контр-адмирал Гаральд Карлович Граф практически повторяет опасения В. В. Орехова в письме генералу А. С. Олехновичу:

«Газеты Солоневичей я пока еще не видел. Я полагаю, что они довольно быстро скиснут, ибо давать интересные информации о положении внутри Р <оссии> весьма трудно, не имея в своем распоряжении соответствующего информ <ационного> аппарата. Остается, значит, комментировать советские газеты, а это нелегко делать, чтобы комментарии были бы интересными»^[444].

Как видим, весть о новом мощном импульсе антибольшевицкой борьбы быстро докатилась и до Российского Императорского Дома. И если в документах и письмах Императора Кирилла до поры до времени фамилия Солоневичей не упоминается, то в официальной переписке начальника канцелярии Государя Г. К. Графа уже во второй половине 1936 года

она звучит практически ежемесячно. И вот в каком ключе:

«Теперь в Софии обосновались братья <атя> Солоневичи, которые лучше чем кто-либо дают возможность понять происходящее в России, и в этом отношении они очень интересны»^[445].

«Солоневичи присылают свою газету Его Величеству, что, по-видимому, доказывает их лояльность, но в тоже время по установкам они пока что не наши. Впрочем, многое является и заблуждением. Они стараются доказать, что в Р <оссии> жаждут войны, и это только может спасти положение. Против этого возражать не приходится, но это не значит, что мы сторонники интервенции. Вообще углублять этот вопрос я считаю скорее вредным, ибо не от нас будет зависеть, начать или предотвратить войну против России»^[446].

Изображающая из себя «придворную» организацию Младоросская партия с ревностью следила за первыми успехами «Голоса России». Надо отдать должное: издательская деятельность у младороссов была поставлена на высоком уровне, и любых потенциальных конкурентов ожидал «ласковый прием» вне зависимости от географии. Тем более, напомним, предложение «второсоветчиков» о сотрудничестве, сделанное еще в Финляндии, Иван Солоневич отверг. Надо же было как-то отвечать. И младороссы ответили.

Так, в июле 1936 года в органе младороссов «Бодрость!» была опубликована статья С. Попандопуло «Запах клеветы и подлости»^[447]. Первая стрела полетела, впрочем, пока не в сторону Солоневичей, а по адресу В. М. Левитского, представителя «Голоса России» в Париже. Вскоре полемика завязалась совсем уже ожесточенная — и с самими Солоневичами. В сентябре тот же Попандопуло в той же «Бодрости»

публикует памфлет «Повторение пройденного»^[448], в котором утверждает, что ничего нового о советской России Солоневичи не сказали, что все это давно известно эмигрантам. Многочисленные печатные органы «второй советской» партии столь же бодро подхватывают почин.

Представители Младоросской партии отличились и на докладах Солоневичей в Белграде в октябре.

«Во время наших лекций в Белграде, — вспоминал Солоневич, — младороссы разбрасывали в публике летучки с клеветническими выпадами по нашему адресу. «Нацмальчики» обратились к нам с вопросом: следует ли этим джентльменам — набить морду или просто вышибить вон. Их вышибли без нашей санкции и без применения особенно острых методов физического воздействия, но все-таки — вышибли»^[449].

А 22 ноября в парижском ресторане Gatine Младоросская партия провела собрание на тему: «Отповедь господам Амфитеатрову и Солоневичам». Наконец, весной 1937 года вышла и отдельная брошюра — «В союзе с Троцким. Правда о братьях Солоневичах»^[450] (об этом расскажем позже, рамки данной главы не пересекают границ 1936 года).

Характерно, что журнал «Наш Союз» (парижский орган «Союза возвращенцев на Родину»), как и младороссы, ставит братьев-беглецов на одну доску со всеми их предшественниками, включая бывших советских дипломатов и других невозвращенцев:

«Ни «Современные Записки», ни «Последние Новости» не рискнули представить читателю своего сотрудника таким, каков он есть в самом деле, а подвергли его статьи некоторой этической цензуре, — комментирует появление И. Л. Солоневича на эмигрантском небосклоне «Наш Союз» устами некоего А. Львова. — Должно быть, Солоневич в чистом или,

точнее, неумытом цензурой в виде слишком резко напоминает всяких Агабековых, Беседовских и других политических гангстеров, которые до или после появления на страницах эмигрантской печати работали по взлому несгораемых шкафов. Во всяком случае, заметки Солоневича «По поводу стахановщины» если и не содержат в таком подчищенном редакцией виде прямой уголовщины, достаточно компрометируют «Современные Записки» тем безудержным и поистине преступным враньем и невежеством, которые обнаруживает этот новый специалист по вопросам социалистической экономики»^[451].

Не обходит своим вниманием автора «России в концлагере» и демократический орган печати, «Новая Россия» под редакцией А. Ф. Керенского. В одном из номеров помещаются сразу две статьи о «Голосе России» — профессора В. В. Чернавина, предшественника Солоневичей по побегу, и самого Керенского^[452]. Обе статьи Иван Солоневич воспроизводит в своей газете и на обе отвечает.

В числе «Горестных мыслей» (так озаглавлена публикация в «Новой России») В. В. Чернавина были и такие:

«Я во многом не приемлю Солоневича: для меня неприемлемы резкий полемический тон его газеты, часто личная полемика (что по-советски называется «склоку разводить»); неприемлемы его приемы — опубликование частного письма, для такого опубликования не предназначенного; непонятно его личное раздражение против газеты «Последние Новости», которая оказала ему такую огромную помощь, печатая более года его фельетоны, благодаря чему он и получил известность в эмиграции; но для меня нет сомнения в том, что факты советской действительности Солоневич сообщает добросовестно и

освещает отношение русского населения к советской власти правильно.

Я не разделяю и монархических убеждений Солоневича, не думаю, чтоб в России монархические тенденции могли иметь успех, но его отношение к русскому народу и ненавистной советской власти для меня ближе, чем отношение многих демократических деятелей, знающих советскую Россию только по печатным материалам. Думаю, что и находящиеся сейчас по ту сторону границы «трудящиеся» поймут гораздо легче Солоневича, чем эмигранта, примирившегося с советской властью».

Керенский пошел дальше и разразился объемной статьей, которую озаглавил «Голос России» и голоса из России». Приведем пространную выдержку из нее.

«Что делать? — восклицал Александр Федорович. — Прежде всего хотя бы намек на этот вопрос хочется найти, когда читаешь «Голос России», газету, издаваемую и созданную братьями Солоневичами, последними по времени героическими беглецами из ада концлагерей.

«Голос России» — это уже не голос из России. Это не личный рассказ и не пересказ чужих настроений, это политическое дело от имени России.

В своей статье проф. Чернавин — сам написавший замечательную книгу о рыболовном промысле в концлагере — совершенно прав: братья Солоневичи дали одну из самых жутких фотографий СССР. Какой бы «черносотенный» налет не накладывали на эту фотографию политические писания И. Л. Солоневича — *правда остается правдой*, и мы никогда не забудем, что пережили сами авторы, прежде чем начать свой орган в Софии.

Но *зачем* этот орган нужен? Конечно, не только и не столько для того, чтобы в совершенно свободных

условиях продолжать печатать живые снимки с с о в р е м е н н о й России. Кроме правды о Р о с с и и, у «Голоса России» есть *политическая цель*. «Единственная эмигрантско-политическая цель газеты — это, если удастся, хоть как-нибудь сгладить ненужные и часто бессмысленные раздоры в национальном лагере эмиграции. Именно в национальном. Те люди и те течения, которые активно делали революцию и которые до сего времени не нашли вне себя повода и внутри себя мужества в этом честно раскаяться — нам не по пути и разговаривать нам с ними не о чем».

Вот вам и «Голос России»! Голос прошлой дореволюционной России! В революции нужно, оказывается, каяться. <...>

Разве, промучавшись девятнадцать лет большевизмом, нельзя было понять, что взрыв распутинской монархии и все последовавшие *после* этого события революции в какой-то только очень малой степени зависели от доброй воли «Шульгина» и злой воли «Керенского»? Какое значение тут может иметь покаяние и перед кем? И опять, по слову самого же И. Солоневича («Голос России», № 5) — его газета осталась верна *«трагической и проклятой нашей традиции ставить интересы группы, партии выше интересов России»*.

Весь огромный, исключительной ценности материал о современной России пойдет на службу ветхим, изношенным эмигрантским — да и то еще очень провинциальным — идейкам времен первых лет гражданской войны, недоброй памяти Освага, да бурцевского «Общего Дела» 1919-1920 гг. Никакой стаж концлагерей и побегов нас *не убедит* — народная, крестьянская Россия никак в революции *не кается*, вернуть царя и помещиков не хочет и их не пустит. Значит, нужно искать спасения на новых путях. А этих

путей газета, называющая себя «Голосом России» — не знает.

Эмиграция и без этой газеты знала, что в России среди прочих сохранились поклонники довоенного «Нового Времени» или «Голоса Москвы», сохранились и рыцари «Белой мечты» и даже «верноподданные своего Государя». В данном случае удивительно только, что такая идейная ветхость оказалась совместима с таким буйным расцветом жизненных сил, с такой способностью зорко видеть и талантливо писать.

И нужно совершенно искренне сказать: несчастье в том, что «Голос России» голосом России не оказался и политически не только нам всем ничего нового не сказал, но еще и захотел повернуть «национальную» эмиграцию лет на 15 назад. Опоздание немалое; пожалуй, непоправимое».

На подобные публикации Иван Лукьянович, по своему обыкновению, отвечает подробно и вдумчиво. Но если с Чернавным, в силу общей судьбы, обходится мягко, в очередной раз приглашая его писать для «Голоса России», то Керенского бьет нещадно:

«Ваши, Александр Федорович, установки гораздо более ветхи, чем мои: за годы революции вы ничему не научились, я кое-чему подучился: отсюда и «зоркость глаза». Идея монархизма может быть и ветхая идея — действительно ветхая — такая же ветхая, как идея собственности, Родины, Семьи, как идея Бога.

Все, решительно все, что только можно было сделать в разрушении, в революции, в отрицании этих «ветхих идей», уже сделано. Теперь возвращается ветер на круги своя... Теперь ветхость идеи — за Вами. А будущее — это мы. В а ш а революция дошла до предела. Дальше ей идти некуда. Еще некоторое время

пооколачивается в кровавом нынешнем тупике — и рухнет в то, что Вы называете реакцией»^[453].

Не менее резко Солоневич реагировал на выпады со стороны прочих демократических изданий, включая и «Последние Новости». Одна из ведущих авторов, из тех, кто определял лицо газеты, Е. Д. Кускова передовицу Ивана Лукьяновича о «расстреле 16-ти» назвала диким воем, который слишком глуп, чтобы привлечь внимание или вызвать эмоции. Другой, еще более левый орган печати, — «Социалистический Вестник» — процитировав Кускову, написал: «Зрелище христиан по паспорту, восторженно рукоплещущих палачу у свежей могилы замученных морально и затем расстрелянных жертв, омерзительно».

От ответа социалистам Солоневич не удержался:

«Социалистический Вестник» весьма напрасно и весьма неосторожно задевает вопрос о моем христианстве. Да, признаю — я христианин очень плохой. С христианством у меня не выходит — и не только «по паспорту». Насчет рубашки — отдавать случалось. Но ежели меня пробовали ударить по правой ланите, то я всегда норовил своротить обе челюсти, и правую, и левую. В большинстве случаев это удавалось»^[454].

Споры с идейными противниками никак нельзя считать чем-то из ряда вон выходящим: на том стоит и стоять будет русская политическая публицистика. Той же полемике с Кусковой можно было бы посвятить, наверное, целую главу этой книги, тем более, что пикировки со «злой старушкой» начались еще до издания «Голоса России» на страницах «Последних Новостей», а закончились уже после Второй Мировой войны. Однако все-таки воздержимся от этого: ничего особенного, за исключением примет эпохи, это был в

общем-то типичный эмигрантский спор сторонников монархии и республики, или шире — правых и левых.

Отдельная статья — взаимоотношения с единомышленниками: явными, тайными, потенциальными, «попутчиками» и так далее.

Здесь, пожалуй, в описываемый период времени особого внимания заслуживает «Открытое письмо И. Л. Солоневичу», которое написал в редакцию «Голоса России» С. Л. Войцеховский. Приведем его почти целиком:

«Дорогой Иван Лукьянович,

Наше давнее знакомство, возникшее в памятные Киевские дни 1919 года, скрепленное общими переживаниями «в тылу у красных», дает мне право обратиться к Вам с полной откровенностью не только как к блестящему руководителю русской газеты, но и как к старому соратнику по общему русскому делу. <... >

Я полон по отношению к Вам искренней благодарности еще и за то, что в обстановке, где о монархии, об этом исконном государственном строе России, говорят или полупшепотом или с пренебрежением, как о «реакционном пережитке», Вы сказали откровенно и прямо, что были и остаетесь монархистом. <..>

Мои сомнения и сомнения моих друзей распространяются на две подробности избранного Вами направления. Одна из них сравнительно второстепенна: нас удивляет та резкость, с которой Вы говорите об иностранцах, которых сами признаете «попутчиками» русского Национального Движения. Понимая и оправдывая Вашу резкость, когда Вы говорите о компании, именующей себя советским правительством, мы считаем ошибочными такие определения, как

«липовый манджурский император» или «идиотская расовая теория». <...>

Вторая подробность Ваших взглядов, достаточно определившаяся в вышедших до настоящего времени выпусках «Голоса России», волнует нас значительно больше: мы имеем в виду Ваше отношение к еврейскому вопросу.

* * *

Мы — не расисты и не антисемиты. Мы признаем немыслимость расизма в России, объединяющей под сенью своей державы множество народов и рас. Мы считаем антисемитизм несовместимым с исповедуемым нами православием. Но мы думаем, что успешная борьба с коммунизмом немыслима без борьбы с его союзником — с еврейством. <...>

После национал-социалистического переворота в Германии еврейство заключило повсеместный и открытый союз с коммунизмом <...>

Дружески жму Вашу руку.

Искренно Вам преданный

С. Л. Войцеховский»^[455].

Солоневич, опубликовав письмо в газете, дал небольшой ответ-комментарий:

*«Я уже объяснил, почему именно я откладывал мои высказывания по еврейскому вопросу. — Думаю, что это не было ошибкой: — раньше всего надо было установить основную русскую точку зрения на нашу основную русскую задачу — **борьбу с большевизмом**. И — к второстепенным вопросам переходить только тогда, когда **основная линия** будет установлена твердо и ясно.*

Замечание Сергея Львовича о том, что «мы не расисты и не антисемиты» — несколько спорно. Да, «расистами» мы быть не можем, главным образом,

потому, что мы — имперцы и империалисты, а на теории расизма Рейх-то построить можно, но Империи построить нельзя. А также по некоторым другим причинам. В частности, и по той, что германский расизм, который сейчас целиком обращен против евреев, еще очень недавно был обращен исключительно против славян. Что будет завтра?

Я также не согласен с Сергеем Львовичем относительно несовместимости православия с антисемитизмом. У С. Л. они совмещаются — ибо тот, кто говорит о необходимости борьбы с еврейством (а С. Л. это говорит) — автоматически становится на антисемитскую позицию, независимо от его вероисповедания.

Вопросу о расизме и о роли евреев в революции будут посвящены мои ближайшие статьи.

Думаю, С. Л. увидит, что мы с ним почти ни в чем не расходимся.

Ив. Солоневич»^[456].

Не ответить Войцеховскому Солоневич, конечно, не мог. Хотя бы потому, что Сергей Львович был одним из немногих свидетелей, который перед лицом всего Русского Зарубежья мог подтвердить: по окончании Гражданской войны Солоневичи не «перешли на сторону большевиков», а вынужденно ушли во «внутреннюю эмиграцию». Кстати, общность политических установок старых друзей вскоре подтвердил и тот факт, что С. Л. Войцеховский стал постоянным автором «Голоса России».

Но еженедельник Солоневичей был силен тем, что выбор оппонентов для ответов через газету определялся не удобством или знакомством, а, прежде всего, типическими чертами, присущими некоей массе писем. Вот только один характерный пример.

Сначала предисловие, написанное Иваном Лукьяновичем:

«Наша редакция получает не одни только сочувственные письма. Бывают и несочувственные. Одно из них — письмо г-на В. А. Некрасова из Нью-Йорка мы и помещаем почти полностью, с очень небольшими сокращениями, не представляющими, так сказать, общественного интереса. Письмо это в некотором роде резюмирует ряд других несочувственных писем. В нем предъявляется ряд обвинений, на одно из которых — на обвинение в провокации, я отвечаю в настоящем номере. На другие — отвечу позже. Буду надеяться, что из этих ответов выяснится, что, например, нынешняя монархическая концепция России не имеет решительно ничего общего с «союзом объединенного дворянства» и что нынешняя концепция антисемитизма в России не имеет ничего общего с «чайными союза русского народа». Темы эти я откладывал просто потому, что темы такой сложности и такой ответственности для меня — при нынешних условиях моей работы — просто непосильны. Нужно сказать слишком много нового и неожиданного, что будет встречено в штыки и чего нельзя говорить наспех»^[457].

Затем — собственно «письмо в редакцию», которое Солоневич в особых случаях походя комментирует в скобках:

«Я прочел в «Современных Записках» две ваши статьи и 4 номера газеты «Голос России» — это все, что я знаю о вас. <...>

Ваши статьи, несмотря на их явно обстриженные концы и начала, были превосходны (на мой суд); первый номер вашей газеты был интересен, второй любопытен... а третий и четвертый таковы, что я усумнился в правильности моего решения (принято после чтения № 1 «Голоса России») — послать два

доллара на ваше дело... (каковые я уже послал, однако!)

Мне нравится и меня располагает к вам... *(дальше идет перечисление того, что нравится. И. С.)* То, что мне в в а с не нравится: 1) ваш выбор себе компании: г. Шульгин и какие-то батюшки; 2) ваше признание о вашем притяжении и призвании к монархическому вероисповеданию; 3) ваше определение «национально мыслящих» русских как тех, кто активно не делал революции. *(Я не совсем так говорил. Было сказано и о тех, кто делал революцию и кто в этом делании не раскаивается. И. С.)* и 4) ваше «неприятие» социализма, основанное на недоверии и презрении к таким социалистам, как Керенский и... Сталин! <...>

Серьезно говоря — ваш образ мыслей касательно революционеров, социалистов (и большевиков) остался таким, каким он был в блаженной памяти чайных Союза Русского Народа 25 лет тому назад. И вы прожили в России до 1934 года и ничему не научились! *(Полагаю, что научился. Концентрационный лагерь — это не очень плохая школа. И. С.)* Дело не в том, что Вы «ненавидите» большевиков, что так не нравится вашей оппонентке, высокоблаготроубной г-же Кусковой. Дело в том, что, кроме ненависти и мести, у Вас нет других мотивов, целей и путей.

Уж очень это просто — «большевики просто «бьяки», уголовные преступники, я их ненавижу и с радостью вырезал бы их всех»! Почему-то этот примитивный и бесплодный взгляд так характерен только для наших «правых» — «монархистов» и «военных»? Я догадываюсь почему — но мне не хочется без толку и нужды никого обижать. Укажу только на то, что результатом этого упрощенно зоологического воззрения явился девиз — «хоть с чертом, но против большевиков»! Чертей-то не нашли, а вот со всякой дрянью, перхотью человеческой, или шантрапой

объединились!.. И где как не в «правых» и «военных» антрепризах русского зарубежья за пышными и золочеными фасадами именно и рыскают провокаторы, звякают «темные» деньги и зреют тайны «сионских мудрецов»!? *(Провокаторы только и могут быть в «правых» и «военных» кругах эмиграции. Зачем же Сталину подсылать провокаторов, например, к Кусковой? Провокаторов шлют в стан врага, а не в «нейтральные» лагеря. И. С.)*

<...> Другими словами — «народ русский», переживая невыносимую тяжесть нужды, обиды, скорби и отчаяния — в лице тех, кто прокликает Октябрь 1917 г. — хочет ли он вернуться к лету 1914 г. или к весне 1917 г.?? И к какой дате зовет ваш «Голос России»? И какой голос звучит в «вашей» России? *(Заглавие нашей газеты не от нас, к сожалению, зависело. Мы проектировали гораздо проще: «Наша Газета». Это не удалось по ряду географических, климатических и прочих условий... «Голос России» это, конечно, слишком претенциозно. А о «целях» — еще будем говорить. И. С.)* <...>»

И, наконец, в завершение, уже ответ Ивана Лукьяновича, из которого приведем только начало:

«Вот вам письмо. Из одного того факта, что вот — ругается человек, а два доллара все-таки прислал и прислал письмо, которое, как бы ни расценивать его политически, — все-таки наполнено внутренней болью — из этого факта можно бы заключить, что и для г-на Некрасова — Россия не умерла, — иначе зачем бы и доллары, и письмо... А о том, вернется ли В. А. Некрасов в Россию — мнения могут быть разные. Мне кажется, сильно будет ругаться, а все-таки вернется»^[458].

В статье «Об эмиграции и о России» Солоневич, как и обещал в предисловии к письму Некрасова, не

побоялся затронуть щекотливую для каждого издателя тему финансирования своего детища:

«Тема о провокации и о таинственных деньгах, поддерживающих «Голос России», начинает повторяться, и потому мне приходится еще раз к ней вернуться. Здесь, в Софии, некоторые русские люди, достаточно известные в эмиграции — ген. Ф. Ф. Абрамов, ген. М. М. Зинкевич, протопр. о. Г. Шавельский, видят и знают, как мы живем, как мы работаем, и наличие темных денег они бы пронюхали. И, пронюхав, вероятно, об этом сказали бы. Но даже и не в этом дело. Можно допустить, что наша газета является провокацией столь тонкой, что сразу и не разберешь.

Но тогда возникает другой вопрос: ежели это и провокация, так кому она нужна? Ежели, как подозревает г-н Некрасов, наши утверждения о том, что русский человек эмиграции будет после переворота чувствовать себя в России «просто, как у себя дома» являются провокацией, то можно задать и такой, например, вопрос: кому именно такая «провокация» нужна и кто именно будет ее оплачивать?

*Можно подозревать, что это утверждение ошибочно. Можно говорить, что это утверждение является ложью. Но почему оно может быть провокацией? Ежели я утверждаю — а я это утверждаю **категорически** — что два сына одной и той же матери-России, из которых один попал за руль парижского такси, а другой за плуг рязанского колхоза — остаются братьями, что никакой пропасти между ними нет, что даже те семейные недоразумения, которые в прошлом между этими братьями были — сейчас сглажены и изгнанничеством здесь, — и ссылками там, и шофферством здесь, и концлагерями — там, — то в чью, спрашивается, пользу может пойти такое утверждение — даже и в том случае, если оно ложно? Большевикам? Араки?*

*Масонам? Евреям? Кто из них стал бы оплачивать «провокацию» такого рода. Кому, **кроме России**, нужно единство ее сыновей?..»^[459]*

Не обошлось без полемики и с церковными кругами. Можно даже сказать, что эту полемику Иван Солоневич вызвал сам. Будучи в почти дружеских отношениях с протопресвитером (главным священником Русской Армии) о. Георгием Шавельским, он показал ему свою статью «Разгром церкви» и попросил высказаться на страницах «Голоса России».

В этой статье И. Л. утверждал вещи, шедшие совсем уж в разрез с общим мнением эмиграции — в частности, говорил о том, что никакого религиозного возрождения в СССР не происходит.

«Я думаю, — писал Иван Лукьянович, — что вместо возрождения сейчас Россия переживает наибольший в своей истории упадок какой бы то ни было религиозности.

Возможно, что я ошибаюсь, но это маловероятно. Между возрождением и упадком слишком большая разница, чтобы ее мог не заметить человек хотя бы с минимальной наблюдательностью, а я этим вопросом интересовался специально»^[460].

Рецензия о. Шавельского была помещена в том же 14-м номере «Голоса России».

«Для меня неубедительно заявление И. Л. Солоневича, что религия в Советской России почти исчезает, — утверждал отец Георгий. — Рост религиозного чувства — подлинного, а не фальшивого, напускного и подделывающегося — незаметен для человеческого глаза. Недаром Христос сравнивал его с семенем, которое, невидимо для человеческого глаза, прорастает в земле. Неопустительно посещение храмов, отбиванье поклонов, возжигание лампад и свечей

далеко не всегда служит признаком подлинной, не показной набожности.

Может быть, теперь в России многие и многие не думают о религии. Но весь советский строй подготавливает почву для религии. Это не парадокс. Религия всегда разрасталась на почве страданий. А тут, кроме того, всеобщая ненависть к советской власти не может не возбуждать симпатий к религии, которая советскою властью неистовее всего преследуется. Надо ли говорить о том, что без религии не может не истосковаться русская душа?»[\[461\]](#)

По поводу той же статьи Солоневич не побоялся полемизировать даже с архиепископом Брюссельским и Бельгийским Александром (Немоловским). Письмо владыки было опубликовано в «Последних Новостях» и содержало следующие упреки:

«Г <осподин> Солоневич, церковь **не солгала и не предала**. А об упадке религиозности в России говорить не вам — маловерующему и малосведущему в церковных делах (в чем вы откровенно сознаетесь). Слава Богу, мы видим немало приезжающих из России людей, с радостью удостоверяющих, что великая страдальца, наша мать Россия, и доньше остается святой Русью, но времена теперь иные»[\[462\]](#).

Главным же оппонентом среди политических организаций была Младоросская партия. В статье «О монархии и монархистах» Иван Лукьянович, безусловно, увлекся полемическим задором и наговорил вещей, для монархиста, как минимум, странных:

«Не мы, мы, монархисты, взятые в целом, должны служить монархии, а монархия должна служить нам, монархистам, взятым в целом — то есть подавляющему большинству русского народа. Не Россия для Царя, а Царь — для России. Россия не есть карманные часы,

каким-то жуликом спертые из кармана династии. Совсем не так: жулики и прохвосты, фанатики и политиканы отняли у нас династию, физически уничтожили все, что в ней было наиболее крепкого. И теперь мы, монархисты, стоим перед своего рода конституционной проблемой — примерно перед такой же, перед какой стоял и м-р Болдуин (в пристрастии к социализму и республике м-ра Болдуина, вероятно, никто не упрекнет). Надо спасти монархию — даже и против монарха.

Если для Англии была неприемлема дважды разведенная американка, то для нас еще в меньшей степени приемлем Глава Династии, формально возглавляющий собой «вторую советскую партию». Об этом надо, наконец, сказать ясно, прямо и честно: ни в какой степени не приемлем. Вторая советская партия — это вещь намного похуже дважды разведенной американки. Этот — уже не морганатический — а просто уже противоестественный брак между Наследником Императоров Российских и, хотя и второй, но все же советской партией — не приемлем абсолютно.

Фактической, вековой, черноземной опорой нашей Империи и нашей Монархии были и остаются два слоя нашего народа: 1) тот, который мы условно обозначаем термином «штабс-капитан», и второй, это — русский мужик. Попробуйте вы подойти и к тому, и к другому с идеей Монарха Российского — возглавляющего хотя и вторую, но все же советскую партию?...

И нам приходится взять на себя роль м-ра Болдуина. Быть *plus royalists que le roi-meme* (монархистами больше, чем монарх — **И. В.**). И сказать, как сказал Болдуин, что, ежели вековые традиции Великобританской Империи Вы, Ваше Величество, ставите на одну доску с модами м-с Симсон, извините, — ничего не выйдет. И, ежели Великий Князь

Кирилл Владимирович ставит традиции Империи Российской на одну доску с пореволюционными модами г. г. Казем-Беков и Элит-Величковских — нам нужно сказать прямо и твердо: «Ваше Высочество — ничего не выйдет».

Первой советской партии с нас хватает за глаза. О второй — сортом поплоче — и говорить нечего.

Если *beaux yeux de* (прелести — **И. В.**) м-с Симсон возобладали над долгом Главы Великобританской Династии, то этому Главе ничего не оставалось, как превратиться из Короля Великобритании и Императора Индии в простого мистера Давида Виндзора. И, если *beaux yeux des Sowiets* (прелести Советов — **И. В.**) доминируют над традициями Империи Российской — то Великому Князю Кириллу Владимировичу лучше бы стать просто господином *К. Романовым*»^[463].

Впрочем, как уже было сказано выше, выпады в сторону Императора Кирилла Владимировича имели своей целью не Главу Дома, а его окружение, «вторую советскую партию» — младороссов. Что, конечно, мало извиняет публициста, но хоть как-то оправдывает его. Солоневич был искренне убежден в том, что необходимо вбить клин между Династией и младороссами, и явно не стеснялся в средствах.

1937

По идее обо всех перипетиях шпионских и контрразведывательных действиях вокруг Солоневичей можно было бы написать и раньше. Ведь уже в октябре 1934 года, то есть всего через пару месяцев после побега, иностранный отдел НКВД завел дело «по освещению преступной деятельности «спортсменов» за рубежом», как об этом пишет Нил Никандров в книге «Иван Солоневич: народный монархист»^[464].

Но, во-первых, у Никандро́ва данная линия — шпионско-романическая — проработана лучше других, и каждый желающий может обратиться за подробностями к первоисточнику. А во-вторых, он же в «Хронологии жизни и творчества Ивана Солоневича», размещенной в конце труда, пишет буквально следующее: «1937 год — активная работа резидентуры НКВД и «контрразведки» РОВСа в Софии по «разоблачению провокаторства» Ивана Солоневича и его брата»^[465].

Следовательно, и мы не погрешаем против истины, обращаясь к этой теме накануне изложения событий 1937 года.

Итак, Солоневичи к периоду расцвета своей деятельности (об этом — следующая глава) оказались под перекрестным огнем сразу трех орудий. Первое — это, конечно, иностранный отдел ОГПУ. Для чекистов, проворонивших побег из лагеря за границу, было делом чести обезвредить врагов — для начала морально, а если не удастся, то и физически. Второй фронт — вожди эмиграции. Для рядовой массы «Голос России» стал откровением и чем-то вроде «луча света в темном царстве». Но так называемые верхи Зарубежья не могли не почувствовать угрозы своему авторитету и исходя из

чувства здоровой (и не очень) конкуренции искали поводов — в лучшем случае для сомнений, в худшем — для компрометации. Третья сила — иностранная. Своими многочисленными публикациями в зарубежной прессе, а начиная как раз с 1937 года и изданиями своих книг в переводе на многие языки (до этого вышло только чешское издание «России в концлагере») Солоневичи приковали к себе внимание всех возможных разведок и контрразведок — с соответствующими последствиями.

Эти три фронта переплетались самым тесным образом — через людей, а еще больше — через распространяемую ими информацию. Операция по дискредитации братьев велась чекистами по всем законам жанра. РОВС заглатывал практически все крючки, немногим более разборчивы были иностранные разведки и полиции.

С последних и начнем. Как уже писалось, еще в 1934 году, сразу после побега Солоневичей, Финская политическая полиция усомнилась в достоверности сведений, сообщенных на допросах Борисом, и предположила, что он «засланный казачок» и его цель — Германия, куда он собирается отправиться «в качестве агента большевиков». Затем, уже собираясь покинуть Финляндию, братья столкнулись с отказом в визе со стороны германского министерства внутренних дел. Возможно, аукнулись как раз домыслы финнов. Возможно и то, что Борис вызвал подозрения немцев тем, что сначала просил визу, как спортсмен-борец, а потом как врач и писатель. В немецких головах, видимо, как-то не укладывалось, что один русский человек — неполноценный, унтерменш, с расовой точки зрения — мог соединять в себе все эти качества.

Опасения болгарского политического ведомства активно подпитывались эмигрантскими слухами. Тем более что заместителем начальника управления

софийской полиции был русский эмигрант А. А. Браунер, член РОВСа. И работал он в тесной связи с К. А. Фоссом — тем самым, который устроил Солоневичам визу в Болгарию и который возглавлял там «Внутреннюю линию», своеобразную контрразведку РОВСа.

Кое-какой «черный след» тянулся и из Финляндии, но тяжелая артиллерия заработала, конечно, только после выхода — и успеха — «Голоса России». В самом деле, разве можно сопоставить эмигрантов (относительно рядовых беглецов), пусть даже и печатающих свои «обвинения» советскому режиму в русской и иностранной прессе — с издателями газеты, вокруг которой постепенно начинает складываться подобие антисоветской организации.

В частности, генерал-майор С. Ц. Добровольский, координатор диверсионной и шпионской деятельности русских эмигрантских организаций в Финляндии, 20 декабря 1936 года писал председателю РОВСа Е. К. Миллеру:

«Еще и в последний раз я прошу обратить внимание на «знаменитых братьев», работа которых вам кажется полезной. В Гельсингфорсе я был с визитом у весьма компетентного в этом деле лица, которое, со слов директора дружественной фирмы (имеется в виду начальник финской разведки — авт.), имеет серьезные подозрения, что мы имеем дело с опытными провокаторами, преследующими цель захвата эмигрантской активности, задачу, с которой они справляются блестяще»^[466].

В новый 1937 год «Голос России» рванул с места в карьер. Все началось с откровений в передовице:

«По тем данным, которые мы получили из нескольких источников, и которые не вызывают решительно никаких сомнений, на газету готовится

решительная атака с обеих сторон — с советской и с эмигрантской. Мы не знаем, в какой степени детали этой атаки заранее согласованы обеими атакующими сторонами»^[467].

Нельзя отказать Солоневичу в проницательности: атаки, действительно, пошли. Их и не могло не быть, учитывая работу «товарищей» и склонность эмигрантов подозревать всех подряд, а уж особенно перебежчиков, в работе на ГПУ. Но Солоневича беспокоило другое — то, что момент для атаки был выбран его противниками очень удачно. Во-первых, с точки зрения экономической: курс франка (и многих других валют) упал, а болгарский лев остался стабилен, в результате чего «Голос России» стал терять около четверти своих поступлений. Во-вторых, и с точки зрения политической, ввиду того что статьи по еврейскому вопросу многим из правого лагеря эмиграции пришлись не по вкусу. Первого фактора, безусловно, предвидеть было нельзя, второй просчитывался Иваном заранее:

«Мы рисковали подрывом доверия к нам со стороны основной массы наших читателей. Подрыва, как уже оказалось, не произошло. Однако, как это ни парадоксально, атака, в частности, будет вестись и таким путем: советская агентура будет доказывать, что газета издается на еврейские деньги. Из этого варианта едва ли что-нибудь выйдет: даже не очень внимательному читателю ясно, что газета стоит на антисемитской точке зрения, но что та же газета будет решительно протестовать против всякого извращения фактов, против подложных списков и против попыток изобразить нас баранами, а евреев гениями, нас — импотентами, а евреев — властителями»^[468].

Как видим, до поры до времени Солоневич не упоминает о третьем фронте, связанном с

иностранными разведками. Безусловно, он понимал, что такой фронт существует — хотя бы потому, что многие эмигранты избрали своим поприщем «ловлю счастья» на стороне. Но говорить об этом в открытую значило бы подвергать опасности дальнейшее существование «Голоса России», который уже оперился, однако всерьез на ноги еще не встал. Потому Иван Лукьянович делает акцент на другой связке, советчиков и их пособников в эмигрантской среде:

«В настоящее время атака на газету ведется по преимуществу со стороны младороссов. В этой атаке применяются приемы, которых постеснялась бы любая бульварная печать — приемы личных нападков, клеветы и обвинений в провокации. Многочисленные и разбросанные по всему миру младоросские листки твердят о том, что Солоневичи — провокаторы. <...> В некоторых отношениях у младороссов есть выигрышные моменты: вопросы о некоторых деталях нашего побега, о которых мы не вправе говорить в газете. Разумеется, некоторые люди нам помогали и разумеется об этих людях мы писать не можем. Болгарское отделение РОВС'а осведомлено, в частности, и о способе, которым покинула советскую территорию жена И. Л. Солоневича»[\[469\]](#).

Первый удар 1937 года последовал с весьма неожиданной стороны и, по счастью, не был очень сильным. Речь идет об Открытом письме В. В. Шульгина, который отказывался от дальнейшего сотрудничества с «Голосом России». Вот оно:

«Милостивый Государь
Иван Лукьянович

Перед выходом первого номера газеты «Голос России» Вы обратились ко мне с просьбой войти в число постоянных сотрудников этой газеты. При этом Вы не

поставили никаких условий. Тем менее шла речь о каком-либо покаянии с моей стороны. Наоборот, Вы писали, что между нами нет никаких идейных разногласий.

Но в № 26 «Голоса России» Вы напечатали в передовой статье:

«... и В. В. Шульгину не стоило бы вспоминать дни отречения Императора. А если и вспоминать — то только в стиле покаяния».

В той же статье Вы пишете:

«... то Великому Князю Кириллу Владимировичу лучше стать просто господином К. Романовым».

Из этих двух выдержек и особенно из их сопоставления для меня ясно, что Вы меня не понимаете и никогда не понимали. Но мне кажется, что я понял Вас. И мне столь же неприемлема Ваша грубость по отношению к лицу Императорской фамилии, сколь и Ваша несправедливость по отношению ко мне.

По этой причине я считаю необходимым выйти из состава сотрудников «Голоса России», о чем и ставлю Вас в известность.

В. Шульгин»^[470].

Опубликовав это письмо, Солоневич присовокупил к нему собственный комментарий:

«В. В. Шульгин совершенно верно передает мою просьбу о его сотрудничестве в «Голосе России». Действительно, никаких условий В. В. поставлено не было, и ни одного разу я не позволил себе выбросить из писаний В. В. ни одной строчки, хотя не со всеми точками зрения В. В. я был согласен. Таким образом, на страницах этой газеты В. В. имел полную свободу высказывания. Значит ли это, что от такой же свободы должна отказаться и редакция в суждении об

исторической роли В. В.? Он эту роль играл, он ее сыграл. Об отречении Государя Императора Николая II **мы все** должны вспоминать с чувством покаяния. А тем более те монархисты — члены Государственной Думы, которые, вместо того, чтобы стать около своего Государя и рука об руку с ним принять **все меры** к ликвидации рабоче-солдатского бунта — нанесли Государю последний моральный удар. Нам всем надо каяться — и каяться во многом. Не для самобичевания, а для уразумения.

Что же касается инкриминируемой мне фразы о В. К. Кирилле Владимировиче, то, признаю, эта фраза могла бы быть сформулирована и мягче. Но — к сожалению или не к сожалению — я не могу рассматривать лозунг о Царе и советах с эмигрантской точки зрения. Некоторые лозунги — убивают. Если бы листки с вариантами и вариациями этого лозунга попали бы русскому мужику, идее монархии был бы нанесен удар более жестокий, чем отречение Государя Императора. Это было бы ликвидацией лучших надежд русского народа. Я это **знаю** и, следовательно, об этом я **обязан** сказать»^[471].

И уже в одном из январских номеров «Голоса России» младороссам был посвящен целый разворот, в который вошли статьи Ивана («Вторая Советская») и Бориса («Без компромиссов»). В эту же подборку, в самое ее начало, была включена и публикация из... советской «Правды» от декабря 1934 года. Дело в том, что «правдинский» очерк под названием «Доблесть» был перепечатан «Младоросской Искрой» в начале 1935 года под шапкой: «В новой России — новые герои. В Интернационале поется: «Не Бог, не Царь и не Герой!» Героя уже воспевают!»^[472]

Иван Солоневич признался, что именно этот номер «Искры» помог ему на заре эмигрантской жизни «в окончательной форме установить свое мнение о младоросской партии».

«На тех же страницах, на которых упоминаются имена членов Династии, — возмущался И. Л. — перепечатывается полностью и без каких бы то ни было комментариев взятое из «Правды» большевицкое вранье Михаила Кольцова, который в такой же степени Михаил и Кольцов, в какой степени «Правда» в кавычках есть правда без кавычек.

Для чего это сделано? Если бы могли предположить, что во главе младоросской партии сидят люди, ни в политике, ни в журналистике совершенно некомпетентные, то странный этот пассаж мы могли бы объяснить просто безграмотностью. Очень жаль, — но для столь оптимистических предположений никаких данных нет»^[473].

Издатель «Голоса России» также высказал мнение, что более глупой и позорной политической программы, чем у младороссов, нет во всей эмиграции.

«Мне очень трудно уловить какую бы то ни то ни было практическую разницу между призывами первой и второй советской партии. Но если бы я сидел в Кремле и мне нужно было бы придумывать наилучшее средство обезопасить этот Кремль от эмиграции и от Монархии, то лучшего средства, чем Казем-Бек, я бы, вероятно, придумать не смог», — так завершил Иван свою статью^[474].

Борис выступил не менее ярко, но, пожалуй, менее убедительно, ограничившись общими местами.

Завязалась полемика: отдел пропаганды Младоросской партии в Чехо-Словацкой республике издал книжку Бориса Чернавина под названием «В

союзе с Троцким» с подзаголовком «Правда о бр <атях> Солоневичах».

Первый тираж «сенсационной» брошюры вышел, судя по всему, в апреле 1937 года. По крайней мере, в номере от 3 мая младоросская «Бодрость!» сообщала о ее поступлении в продажу. В июне объявлялось о выходе второго издания.

Всего за две чешские кроны можно было на полутора десятках страниц наслаждаться такими, например, перлами:

«С изумительной по своей неразборчивости в средствах, наглостью, грубо и примитивно г-да Солоневичи поучают эмиграцию «любви» к Родине.

Вчитываясь в эти поучения, трудно удержаться от двух чувств: отвращения и презрения.

Отвращение испытываешь всякий раз, когда читаешь сумбурные призывы к ненависти, к мести, к крови, «активизму», террору. Здесь, конечно, как говорят, дело вкуса. У примитивных людей — примитивные вкусы. У дикарей кровавые вкусы. Упрекать за это дикарей не приходится. Но сущность дела здесь, конечно, не в том, что у бр. Солоневичей вкусы дикарей и что они, очевидно, страдают плохим пищеварением или безсонницей, не вызывая перед собой кровавых образов своей будущей мести. Сущность дела в том, что эти свои дурные вкусы бр. Солоневичи приписывают всем русским (оставшимся, мол, таковыми) в России. А это, конечно же, далеко не так»^[475].

Б. Чернавин отмечал, что для интересующихся событиями в России Солоневичи — далеко не единственный источник информации. Есть, мол, и другие, среди которых упоминаются: переписка А. И. Деникина, публикации в «Социалистическом Вестнике», личное общение с «невозвращенцем» С. В.

Дмитриевским и многими другими. «И на основании подавляющего большинства этих информации мы приходим к выводу, что вкусы бр. Солоневичей, их животная кровожадность, их неутолимая жажда мести действительно в современной России распространены, но распространены не у тех, кто остались Русскими, а у тех, кто безнадежно перестали быть Русскими: у оставшихся в живых доктринальных марксистов»^[476].

Но главный «ответ по существу» от имени Младоросской партии Б. Чернавин формулирует довольно неубедительно. Эволюция советской власти за 1935–1937 годы в его изложении выглядит сегодня вполне комично:

«Подъем безбожнического движения закончился его крахом, признаваемым самой коммун. властью.

Отрицание патриотизма привело к новому его взрыву, вопреки ком. власти переросшему официальные рамки «советского» патриотизма.

Культ классовой непримиримости по отношению к культурному наследству Императорской России закончился признанием Пушкина «Русским гением», оправданием отдельных эпох Императ. России, восхвалением Менделеева, Ломоносова, признанием пользы крещения Руси, восхищением Русскими богатырями, подготовкой к постановке «Жизни за Царя» и снятием «Богатырей» Бедного.

Гонения на офицерство привело к восстановлению чинов, к введению чина маршала, к обязательному «kozyрянию» вне службы (см. посл. текст устава).

От коммунистической обезлички и уравниловки Россия возвращается ко все укрепляющемуся понятию частной собственности. И т. д. и т. д. Здесь можно было бы говорить о разных деталях до бесконечности»^[477].

Мягко говоря, детский лепет. Но Б. Чернавин находит еще и повод для гордости: «Мы можем сказать

громко: только м <ладоро> ссы умели предвидеть эти перемены в России и только они одни имели мужество открыто утверждать их неизбежность»^[478].

Вскоре опять являются и «доктринальные марксисты», которые не зря ведь были упомянуты в начале брошюры. «Что же, по Ив. Солоневичу следует признать технические и экономические достижения России, от коммунизма не только не зависящие, но его опровергшие в своей практике, вредными?» — вопрошает младоросский пропагандист. И сам отвечает: «По Солоневичу выходит, что да».

И — утверждение, задуманное как выстрел: «Что же. Музыка здесь старая. Оригинальности Солоневичи не проявляют. Все это можно читать, можно слышать от Троцкого и его матерых сподвижников»^[479].

Булгаковский профессор Преображенский все-таки не зря советовал доктору Борменталю не читать советских газет. Подобное чтение сыграло с Б. Чернавиным недобрую шутку. Каким-то иррациональным образом врага «второй советской партии» он сопоставил с главным на тот момент врагом первой советской партии (не зря же кого ни попадя записывали в троцкисты).

«Но разница есть, — писал автор брошюры. — Троцкий морально, при всей своей аморальности, выше Солоневича. Троцкий интернационалист и ему, согласно его мировоззрения, наплевать на Россию, на ее народы. Солоневич же, защищая троцкистские взгляды, цинично прикрывается плащом национализма. Троцкий — враг России. Солоневич — предатель России»^[480].

Ответ на выпад младороссов последовал практически незамедлительно. И Иван Солоневич решил отвечать не столько даже на брошюру, сколько на заявление Великого Князя Дмитрия Павловича, который с согласия Императора Кирилла с 1935 года

возглавлял Главный Совет Младоросской партии. Со свойственной ему горячностью, он несколько перегнул палку в характеристике взаимоотношений между Династией и мадороссами. Выступая в феврале 1937 года на юбилее 12-го очага партии в Нильванже (Лотарингия), Дмитрий Павлович, подтверждая сказанные тут же слова А. Л. Казем-Бека «Участие Династии в нашей работе — дело Романовых и наше», провозгласил: «Я выражаю своим присутствием связь между Императорской Династией и младоросским движением. В моем лице связь эта осуществляется особенно полно. Она еще глубже, чем может казаться со стороны»^[481].

В передовице «Очень тяжелый вопрос», опубликованной в «Голосе России» 11 мая, Солоневич сначала для порядка процитировал начало чернавинского опуса о чувствах отвращения и брезгливости, но, поддавшись аналогичным настроениям, даже не стал вдаваться в последующие детали:

«Дальнейшее в том же роде. О чувствах, как и о вкусах, как известно не спорят. Первая советская партия, вероятно, испытывает по отношению к нам еще более острые чувства омерзения и презрения. Тут — в полемику вдаваться было бы несколько унизительно. Ежели в эмиграции находятся люди такого умственного уровня, которые могут считать «Голос России» завуалированным органом Лейбы Троцкого — ну и пусть считают. Тут — просто не о чем спорить. Есть разные этажи человеческого сознания. Мы предпочитаем в подвалы не опускаться»^[482].

Некоторые комментарии, впрочем, были сделаны:

«Кстати — маленькая деталь: вышеупомянутая брошюра подписана именем Чернавина. Направленные против нас статьи младоросской прессы подписаны

именем И. Бунина. И нас спрашивают — тот ли это Чернавин и тот ли это Бунин. Нет, не те. Просто маленькая и уголовно ненаказуемая фальшивка. Уголовные законы еще не предусмотрели правил пользования псевдонимами»^[483].

Солоневич не совсем прав: Борис Чернавин — это не псевдоним, но его подозрения оказались небеспочвенны: имя Бориса Чернавина, действительно, не случайно оказалось на обложке. Утверждение фамилии автора было совершено... в Москве.

Н. Никандров пишет: «В декабре 1936 года резидентура НКВД в Праге получила указание «всячески способствовать инициативе младороссов по дискредитации Солоневичей». Для придания этим усилиям еще большего размаха предписывалось «задействовать возможности» агента «А/1» (который, если судить по его порядковому номеру, имел солидный опыт работы на ИНО). К работе по дискредитации Солоневичей Москва рекомендовала через агента «А/1» подключить Бориса Чернавина»^[484].

Слишком смело было бы предполагать, что под шифром А/1 скрывался Глава младороссов Казем-Бек. Даже несмотря на то, что в 1950-е годы он неожиданно уехал в СССР, бросив семью, никаких прямых улик нет. Интересно, что и спустя многие годы Александр Львович не забывал братьев Солоневичей. В апреле 1959 года он опубликовал в газете «За возвращение на Родину» (представляла из себя советский пропагандистский листок для эмигрантов) серию статей под названием «О судьбах людей, покинувших Родину». В ней Казем-Бек уделил Солоневичам один абзац:

«Бежавшие из Советского Союза братья Солоневичи (из профессиональных борцов или гимнастов как будто) задались целью стать чем-то вроде эмигрантских наполеонов. Старший из братьев объявил во

всеуслышание, что он «намерен сыграть в будущей России очень значительную роль». Впоследствии братья разругались, старший умер, младший попал в тюрьму. Но в период увлечения ими в среде РОВСа Солоневичи предлагали делать весь упор и всю ставку на «штабс-капитанов», то есть на то же «второе поколение эмиграции», и стали строить свою организацию, отделы которой должны были называться... «штабс-капитанскими берлогами» (!)»^[485].

Впрочем, вернемся к статье Ивана Лукьяновича «Очень тяжелый вопрос». Здесь уже речь шла не просто об очередной перепалке с младороссами. Так называемая эмигрантская грызня была делом житейским практически для любого печатного органа. Но Солоневич подошел к границе полного отказа от принципа легитимизма — важнейшего для нормального монархиста.

Его аргументация была такой:

«Я бы не стал писать о второй советской партии, если бы она не прикрывалась именем Российской Императорской Династии. На эту тему у меня была весьма длительная переписка, которой я здесь приводить не буду (я получал письма «не для печати» — придется воздержаться). Но в газете «Младоросское Слово» № 135 приведены слова Великого Князя Дмитрия Павловича», — и далее следовали цитаты двухмесячной давности из выступлений и Великого Князя, и Казем-Бека.

«Правда это или нет? — восклицает Иван Солоневич. — Был ли Великий Князь Дмитрий Павлович от имени Российской Императорской Династии уполномочен на заявления такого рода и был ли уполномочен г-н Казем-Бек на заявление о том, что

«участие Романовых в нашей работе — дело Романовых и наше»?

Это — очень тяжелый вопрос. Для монархистов — в особенности. Но поставить его все-таки необходимо. В законченной формулировке этот вопрос будет звучать так:

Можем ли мы, штабс-капитаны, еще на что-нибудь с этой стороны надеяться или надеяться не на что?

Ибо ни зарубежная, ни подсоветская Россия ни с какой советской партией, ни с первой, ни с десятой — ни в каком случае вместе не пойдет. И «участие Романовых в младоросской работе» как-то должно быть дезавуировано. Участие Императорского Дома Романовых России нужно для чего-то большего, чем младоросская работа»^[486].

Заявление Великого Князя Дмитрия Павловича возмутило не только Солоневича. Подобные заявления сочли вредными многие из консервативных легитимистов. Среди них был родной брат Императора Кирилла — Великий Князь Андрей Владимирович. После ознакомления с разгоревшейся полемикой, 13 мая он отправляет Кириллу Владимировичу письмо на шести листах, в котором ссылается на реакцию «Голоса России» и настаивает на необходимости дать опровержение. В приложении к письму Андрей Владимирович привел тексты связанных с историей вопроса статей и два варианта своего заявления: первый — с разрешения Главы Российского Императорского Дома, второй — просто от себя^[487].

В переписке начальника Канцелярии Г. К. Графа опять начала мелькать фамилия Солоневичей.

«Для меня непонятно, отчего Солоневичи так яростно выступают против младороссов, — писал Граф генералу А. С. Олехновичу 22 мая. — В чем тут зарыта

собака, казалось бы наоборот они должны были бы помогать М <ладоросской> П <артии>, а если, по их мнению, руководители в чем-то заблуждаются, то стремиться объяснить, а не обливаться грязью»^[488].

Уже на следующий день он сообщал Императору Кириллу Владимировичу: «Также я с Великим Князем Дмитрием Павловичем вполне согласен, что вокруг Великого Князя Андрея Владимировича теперь появились какие-то новые лица, которые хотят Его убедить создать вокруг себя какой-то «монархический центр», и нити от этих людей, несомненно, идут к Солоневичам. Опровержение В. К. А <ндрея> В <ладимировича> в «газетке Солоневичей» вредно»^[489].

Не получив в итоге Высочайшего одобрения первого варианта своего обращения, Великий Князь Андрей Владимирович печатает в «Голосе России» личное заявление. Его публикация предваряется небольшим редакционным комментарием:

«В номере 46 «Голоса России» была напечатана передовая статья под заглавием «Очень тяжелый вопрос», заключающая в себе косвенное обращение к Династии с вопросом об участии ее в младоросской работе.

Сотрудник нашей газеты в Париже, г. А. Андреев, обратился к Великому Князю Андрею Владимировичу с просьбой о беседе на эту тему.

Великий Князь, не скрыв своего решительного неодобрения тону нашей статьи, счел, однако, возможным, в общем интересе, принять нашего сотрудника и поручил ему передать в редакцию «Голоса России» текстуально следующее:

«Императорская династия как таковая в младоросской работе никакого участия не принимает. Что же касается отношения к ним главы императорского дома, то так как молодежь,

входящая в младоросскую организацию, безусловно монархична и предана престолу и России, он относится к ней сочувственно, что совершенно не означает, что он одобряет все действия руководителей и считает их своими.

Что же касается заявления Великого Князя Дмитрия Павловича, то он может говорить только от своего имени»^[490].

Помимо «Сообщения Его Императорского Высочества Великого Князя Андрея Владимировича» Солоневич публикует на страницах газеты еще одну «антимладоросскую» передовицу — «О Царе и о советах». В ней Иван Лукьянович объясняет свою резкость в отношении младороссов:

«Ни поволжский, ни украинский мужик никак не склонен к академическому и статистическому подходу к вопросу о голоде и о советах. Для него вопрос ясен. Для него советы — первые или десятые — это непримиримый, заклятый враг, это есть власть сатаны. И для него же царь есть надежда на освобождение от советско-сатанинской власти. Вот именно поэтому какое бы то ни было соединение имени Царя с советчиной грозит для России катастрофическими последствиями.

Россия, конечно, не погибнет при отсутствии династии Романовых, каковая династия в течение трехсот лет обеспечивала России славу, мощь и справедливость. Германия, оставшись без Гогенцоллернов, тоже, как известно, не погибла. Но дело обстоит в том, что без династии Романовых путь к восстановлению Российской Империи будет очень тяжел, труден и кровав»^[491].

Заканчивается же статья вполне дипломатически:

«Писания «Голоса России» не были продиктованы какой-либо нелояльностью к Династии. И по этому

поводу можно было бы вспомнить пушкинские слова: «и был от буйного стрельца пред ним отличен Долгорукий». То, что мы писали, это не есть бунт, а это есть совет»^[492].

Заявление Великого Князя Андрея Владимировича было перепечатано другими изданиями национального лагеря. В частности, газета «Возрождение» опубликовала его 4 июня с припиской «Слова вел. кн. Андрея Владимировича обрадуют многих, очень многих русских людей»^[493].

В тот же день, 4 июня, Великий Князь Дмитрий Павлович написал Великому Князю Андрею Владимировичу: «Дорогой Андрей. Прочел сегодня утром в № 49 «Голоса России» данное Тобою интервью. Я ни минуты не сомневаюсь, что это обращение плод какого-то недоразумения, и что сотрудник этой газеты переиначил Твои слова. Ты сам понимаешь, что оставить это так нельзя, и поэтому очень прошу Тебя мне возможно скорее сообщить Твой текст опровержения, дабы я мог, как представитель Главы Им. Дома на Францию (где Ты проживаешь) ответить на эту провокацию, грозящую внести раскол в нашу семью. Крепко обнимаю Дмитрий»^[494].

Помимо письма автору заявления, Дмитрий Павлович предпринял еще ряд действий, в результате которых того же 4 июня Император Кирилл Владимирович подписал благодарность «моему представителю во Франции Великому Князю Дмитрию Павловичу как председателю главного совета младоросской партии — за его постоянную, упорную и плодотворную работу на наше общее дело»^[495].

Великий Князь Андрей Владимирович ответил без промедления, уже 5 июня, и подтвердил, что никакого «недоразумения» нет: «Дорогой Дмитрий. Сравнительно недавно я ознакомился с № 119 «Бодрости» и с

воспроизведением Твоей и Казем-Бека речей, и был крайне удивлен, так как никто не был уполномочен делать от имени нашей Династии подобные коллективные заявления; каждый отвечает только за себя, но не за всех. Вместе с тем, эти заявления поставили нас всех в совершенно ложное положение, так как эти заявления вовсе не соответствовали действительности — Династия как таковая ни в какой политической партии не участвует. Когда ко мне обратились с вопросом по этому поводу, то я ответил буквально то, что напечатано, так как все, что я сказал, безусловно точно и верно. Сейчас мы переживаем очень серьезное и трудное время, когда следует быть особенно осторожным с публичными выступлениями. Теперь наступит успокоение во всех монархических слоях, и благоприятные результаты скоро наступят. Мой искренний совет сейчас больше к этому вопросу не возвращаться, иначе можно нанести тяжелый и непоправимый удар монархическому принципу и ее носителю, Главе нашей Династии. Мне было бы крайне прискорбно, если Ты испытал чувство огорчения, и лучше было бы в частной беседе обсудить положение, а то в письмах всего не скажешь. Могу лишь прибавить, что сожалею, что Тебя так редко вижу, и буду всегда рад с Тобой поговорить»^[496].

Младороссы не оставили заявление Великого Князя Андрея Владимировича без ответа, но всю вину за конфликтную ситуацию несправедливо возложили на Солоневичей и других «зубров»:

«Две недели тому назад Солоневичи, а с их легкой руки и «Возрождение», пустили в нас очередную булавку, — не останавливаясь перед спекуляцией именами членов Императорского Дома, лишь бы подложить свинью Младоросской партии, — писал «Вестник второго района во Франции» № 54 от 20 июня

1937. — Немедленно Представителем на 2-ой Район была разослана по Району следующая информация: Прошу всех младороссов проявить выдержку и спокойствие. Прошу потому, что сейчас мы вновь подвергаемся атаке старого мира, идущей под лозунгом «вбить клин между династией и младороссами». Делается все возможное для того, чтобы спровоцировать младороссов на резкие выпады, вызвать «панику» и сбить с толку тех, в ком нет твердой веры в своих руководителей и в Главу, ведущего к победе Младоросский Корабль. На последнем собрании в Париже Глава уже предупредил об этой атаке: «Зная, что мы идем на сближение с Молодой Россией, и зная, что по тактическим соображениям мы не можем сейчас в «Бодрости» все время говорить о Монархии, нас будут теперь провоцировать именно в этом направлении. Эта провокация уже началась. Образовывается «общий фронт» зубров всех мастей и оттенков. Начинают появляться «сногшибательные интервью», рассчитанные на то, чтобы огорошить и сбить с толку рассеянных по всему миру младороссов»^[497].

В окружении Государя Кирилла Владимировича сформировалось вполне определенное — негативное — отношение к Солоневичам. Его отчетливо сформулировал Г. К. Граф в одном из писем:

«Кампанию Солоневичей надо понимать, как стремление расстроить единение в нашем Движении и особенно вбить клин между Государем и Мл (адоросской) Пар (тией). (...) Они очень правильно избрали линию своей газеты для того, чтобы быть популярной — т. е. использовали эмигрантскую ненависть к сов. строю. Однако их подход к решению русского вопроса весьма примитивен. Если мы будем всех и вся в России ругать, считать, что там ровно

ничего нет, и все, что там ни делается, худо, то как же мы сможем завоевать симпатии тех кругов, которые в один прекрасный день придут к власти. Необходимо строго отделять Сталина с его приспешниками от тех, которые работают ради своей Родины и действительно чего-то достигли. Мы всегда вели эту линию и считаем, что только она может нам обеспечить успех в будущем, и должен сказать, что уже неоднократно убеждались, что эта линия правильна»^[498].

Таким образом, как раз накануне выступлений братьев Солоневичей с докладами в Париже (об этом — в следующей главе) вход в Сен-Бриак, где располагалась резиденция Государя, для них оказался закрыт.

Параллельно с младоросской историей развивалась еще одна «сюжетная линия». Ее спровоцировал Борис Солоневич. В том же номере «Голоса России» (11 мая 1937), в котором Иван, целясь в младороссов, бил вскользь и по Династии, «дядя Боб» опубликовал вроде бы вполне нейтральную статью «О белой политграмоте». Но именно за нее зацепился «Галлиполийский вестник», открывая еще один фронт явного противостояния.

«Уж сколько раз твердили миру... эмиграции, что мы живем в эпоху и в атмосфере политики и что без понимания ее основ мы никогда не сможем приблизить к себе заветную мечту — возвращение в Россию, — писал Борис Солоневич. — Военно-политическая борьба заставила нас уйти из России, и только она лишь одна может вернуть нас туда.

Казалось бы, что жестокие уроки прошлого должны были бы давно выветрить из голов вредную тенденцию аполитичности. Но надо, к сожалению, признать, что эта тенденция до сих пор еще весьма и весьма жива в

среде эмиграции. И молодежь, которая отчасти воспитывается на таких методах, — рискует еще раз своей кровью оплатить роковые ошибки своих руководителей. <...>

Мы не раз уже подчеркивали, что если до некоторой степени и правильна мысль, что молодежь должна быть вне партийности, то быть «вне политики» — это чистейшее недомыслие, и представителям таких несовременных педагогических установок не должно быть места у кормила воспитания нашей эмигрантской молодежи.

Конечно, кроме этих «аполитиков» есть и значительная группа руководителей, которая считает нужным сообщить молодежи жизненно необходимые политические сведения, но, к великому своему горю, лишена возможности это толково сделать по весьма простой и весьма трагической причине: нет ни книг, ни руководств по этим вопросам. <...>

С большим вопросом о политграмоте мы столкнулись особенно остро, когда стали просматривать, что можно порекомендовать молодежи при изучении политических вопросов в «Спортивном комплексе «За Россию»». <...>

Для начала, содержание такого руководства по политграмоте может быть небольшим: короткое и ясное объяснение идей, на которых строится жизнь современных человеческих обществ, формы государственных и политических объединений, сведения о русской эмиграции, основные материалы по истории России последних 4-5 десятилетий... Это схема того, что в комплексе мы назвали «Родиноведение и политграмота». <...>

Белая эмиграция не имеет своей белой грамоты. Отсюда с роковой неизбежностью вытекает и наличие политической неграмотности. Давайте не будем

платить дважды за старые ошибки. Плата за «аполитичность» в наше время слишком дорога»^[499].

«Галлиполийский вестник» ответил статьей с таким же названием — «О белой политграмоте». Статья была преподнесена как письмо «Группы штабс-капитанов». Они (или же от их имени — редактор генерал Зинкевич) писали:

«Голос России», подбодрив уставшую или изверившуюся часть русской национальной эмиграции сходством с ней во взглядах и призывом к борьбе, толкает ее (эмиграцию) в... идеологическую пустоту. <...>

Нас в «Г. Р.» зовут к беспощадной борьбе с коммунистами, но этот призыв лишен идеологической силы и разумной реальности — отсюда получается борьба на холостом ходу.

На мести лишь идеология не строится.

А нас, отбрасывая элементарные национальные идеологические принципы, зовут к таковой»^[500].

Дальше следовали вырванные из контекста цитаты из более ранней статьи Бориса «Детали нашего прицела»^[501], в том числе и о мести. Были и откровенные передержки, ведь Борис Солоневич имел в виду в основном месть власти со стороны народа в СССР, а не месть эмигрантов кому-либо.

«Итак (по Б. Солоневичу) — негативные лозунги, которые естественно приводят к «долой» и «бей», — утверждали авторы письма, — Т. е. зов к борьбе, в которой мы, идеологически окастрировавшиеся, будем бить и... м с т и т ь.

Мы уже не говорим о том, что, увлекшись боем, можно набить и много невинных. Но ведь бою предшествует подготовка. И вот мы, идеологически борющиеся за Нацию, будем готовить бойцов словом и в

печати к отказу от Бога, Нации и... Правды и учить бить просто «почем зря».

Какой богатый материал для большевицкой агитации против эмиграции, ничему не научившейся и все мечтающей о «белой стенке»!

Итак, будем последовательны по смыслу рекомендуемых Б. Л. лозунгов и:

1) Отбросив всякую положительную идеологию и базируясь лишь на «дой» и «бей», будем воспитывать на этих простых и ясных понятиях нашу молодежь.

2) Так как изучение и внедрение подобных истин не занимает много времени, то — ввести рекомендуемый Б. Л. «Спортивный комплекс».

Мы не собираемся отвергать спортивной (физической) подготовки. Она безусловно необходима, но она не может заменить идеологической связи, протягивающей нить между стариком Струве и юным разведчиком»^[502].

Заканчивалось письмо так:

«И нам кажется, что при составлении политграммы для белых необходимо глубже вникнуть в то, чем живут и как думают белые, доказавшие верность России своей кровью»^[503].

За Бориса по обыкновению вступился Иван — со свойственной ему прямоотой и жесткостью. В «Голосе России» он перепечатал статью из «Галлиполийского вестника» и тут же поместил свой ответ. Не зная истинных целей «письма штабс-капитанов», он отвечал по сути и по пунктам, при этом упомянув, что отговаривал генерала Зинкевича от его публикации:

«Что касается вопроса о ненависти, то он имеет, так сказать, чисто абстрактный характер. Чрезвычайно маловероятно, чтобы мы — эмигранты — успели отомстить. Это сделают и без нас и сделают гораздо

хуже, чем сделали бы при нас. Один из парадоксов российской действительности и, вероятно, российского будущего заключается в том, что белому штабс-капитану, придя в Россию, нужно будет не столько заниматься местью, сколько охраной от мести. Или, говоря иными словами, отстаивать не самосуд, а закон.

Вырвать несколько строк из статей Бориса Лукьяновича и подать их как некоторую пустотелую идеологию — это очень нехитрый газетный трюк»^[504].

Иван отмечал, что ни спортивный комплекс «За Россию», ни белая политграмма не являются «рецептами спасения России», но в них остро нуждается эмигрантская молодежь.

«Группа штабс-капитанов» приводит выдернутую из общего текста фразу о том, что «лозунги «Бог, Нация и Правда» в СССР будут подняты на смех», — пишет Иван Лукьянович. — Вопрос о лозунгах довольно сложен, и я к нему еще вернусь. Пока что скажу очень коротко: Империя Российская жила без лозунгов и жила не очень уж плохо. Но вот уже почти двадцать лет население этой Империи кормят не столько хлебом, сколько лозунгами.

Очень многие люди спрашивают у нас насчет лозунгов. Оно, конечно, лозунги можно было бы придумать. Но мы предпочитаем самый современный, самый модернизированный и самый троцкистский лозунг:

— Боже, Царя храни! <...>

Такой, например, лозунг, как «правда», будет поднят на смех вовсе не потому, что русский народ настроен против правды, а потому, что правды бывают разные. Одна из них, например, издается центральным комитетом коммунистической партии. И эта партия, в течение двадцати лет организующая в России чрезвычайки и террор, голод и концлагеря, тоже

утверждает, что она служит интересам правды. Следовательно, этот термин, приведенный в нерасшифрованном виде, имеет чрезвычайно сомнительный характер. И кроме всего того, русские массы, которых вот уже двадцать лет кормят лозунгами, голодом и пулеметами, ощущают так: ежели кто-то выкидывает лозунги, значит, он обязательно обманет»^[505].

Концовка статьи выглядит и вовсе угрожающей:

«Но если «группа штабс-капитанов» усматривает в наших писаниях, призывающих к империи, к православию, к монархии и к любви к Родине, — идеологическую пустоту, — тут спорить совсем не о чем. Очень вероятно, что «Вестник галлиполийцев» дает идеологическую полноту. Этой полноты я как-то не замечал.

И если бы я взялся за критику «Вестника галлиполийцев», то это, вероятно, получилось бы не очень веселой вещью. Но этого делать не следует. Не следует также вставлять нам палки в колеса. До сих пор получалось так, что колеса оказывались крепче палок. Ломались не колеса, а палки. И не следует портить общерусского дела в интересах канцелярской грызни»^[506].

Приблизительно такого ответа и ждал генерал Зинкевич, о чем он с удовлетворением пишет генералу фон Лампе:

«Далее я хотел бы Вам разъяснить сущность полемики, которая появилась между нами и Солоневичами. Последние оказались далеко не теми, чем мы думали, и в этом отношении свободно можете Ваши подозрения довести до предела, что сообщаю совершенно доверительно и что знает и полиция Вашей страны. Цель нашей статьи была — предупреждение и страховка. Солоневичи своей резкостью в ответе

чрезвычайно нам помогли. Вопрос проходит довольно болезненно, но взаимная выручка галлиполийцев выровняет его»^[507].

Фон Лампе ответил 19 июня:

«Меня о ч е н ь заинтересовал последний абзац Вашего письма от 15-го июня, так как этот вопрос для меня интересен и территориально, и потому, что г-жа С <олоневич> только что была в Берлине и посетила меня, горько сетуя на намечающийся разлад. <...> она приезжала разводиться со своим немецким мужем и, кажется, этого достигла.

Мне кажется, что влияние С <олоневич> ей на эмиграцию о ч е н ь велико, и если... если Вы правы, то это может быть чревато многими последствиями. Я имею основание думать, что представители местных властей могут спросить м е н я о подробностях, и потому я прошу Вас в мере возможностей мне их сообщить. Это одна из очередных и, к сожалению, больших неприятностей. Недооценивать этого нам не следует»^[508].

Тем временем Иван Солоневич извинился на страницах «Голоса России»:

«И я считаю своим долгом принести и русской общественности, в целом, и галлиполийцам и ген. М. М. Зинкевичу, в частности, свои извинения по этому поводу: мне следовало промолчать — как я молчал во многих других случаях. Здесь дело не в моем самолюбии — плевать мне на мое самолюбие, когда в России опять детидохнут от голоду. Дело в некотором политическом темпераменте, который я, к моему сожалению, не сумел удержать на вожжах. <...>

Одно из этих недоразумений, направленных на «Голос России», заключается в упреке по поводу того, что мы зовем к мести — и больше ни к чему. Я уже

говорил о том, что мы зовем к Империи, к Монархии, к Православию и к любви к Родине. <...>

Тема о мести — не есть призыв к эмиграции. Это есть констатация настроений подсоветских масс. <...>

Мы должны делать одно и то же дело, но делать его, так сказать, параллельно.

Буду надеяться на то, что полемика эта — которую, впрочем, не мы начали — кончена, и на то, что наши самолюбия — и мое, в частности, — будут подчинены нашему общерусскому Белому Делу»^[509].

Извинение оказалось запоздалым. Генерал Зинкевич, искренне поверивший большевицкой дезинформации, фактически одновременно с Солоневичем писал для «Вестника Галлиполийцев» свою «Неотложную задачу». В итоге извинение Ивана и передовица Зинкевича вышли в свет в один день, 22 июня 1937 года.

Формально статья была посвящена методам сбора информации о происходящем в СССР. Но, как бы между прочим, вспоминая чекистские провокации против эмиграции, Зинкевич пишет: «Несомненно будут и четвертый, пятый и т. д. тресты, из которых один, непременно, пойдет по пути п с и х о л о г и ч е с к о м у: захватить широкие круги эмиграции, с целью довести ее антикоммунистические установки до абсурда»^[510].

В письме фон Лампе от 28 июня автор статьи пишет открытым текстом, кого он имеет в виду: «Солоневичи у нас находятся в большом подозрении, причем эти подозрения доходят до того, что они могут считаться и трестом. Каким именно трестом, Вы прочтете в последнем номере «Вестника» в статье за моей подписью, где я говорю предположительно об очередном предполагаемом тресте и характере его. Какие имеются данные — я не могу писать. Но, насколько мне известно, полиция Вашей страны имеет о

них сведения. Конечно, Вы об этом не могли иметь представления, как и вообще их подозревать, как и мы дошли до наших убеждений после большого промежутка времени и тщательного наблюдения. Ведь мы им очень покровительствовали, помогли им в газете и пр., руководствуясь их писаниями ярко антикоммунистического характера. И это накладывает на нас обязанность сделать предупреждение, чем, в сущности, и явилась статья «О белой политграмоте» в нашем «Вестнике», на которую обрушились Солоневичи, чрезвычайно этим помогшие нам.

Наш съезд имел суждение по этому вопросу, и, если Вы хотите, я Вам пришлю резолюции. Там есть и о Солоневичах в той форме, которая выработана как официальная версия, которая будет преподнесена нашей массе, еще далеко не разобравшейся в том, что представляют из себя эти «братцы». <...>

Большим ударом для С <олоневич> чей служит то, что наши 100 % галлиполийцы после их гнусного ответа шлют им дерзкие статьи и письма, а что особенно их тревожит, так это то, что некоторые представители их газеты и рядовые подписчики отказываются и от представительства, и от подписки»^[511].

Съезд Общества галлиполийцев в Болгарии состоялся в Софии 25–27 июня и в числе прочих принял и резолюцию под названием «Мы и «Голос России» бр. Солоневич».

«Секретно» и «не для печати» в этой резолюции утверждалось, что «Гол <ос> Рос <сии> резко обрушился на наш «Вестник», — и притом в таком тоне, что съезд не находит возможным вести по этому поводу какую-либо полемику в печати. Стиль «Голоса России», включая принесенные извинения, находится на грани, разделяющей печатное слово от непечатного».

Галлиполийцы обращали внимание, что «Голос России» — орган семейства Солоневичей и с РОВСом и их Обществом никак не связан. Отдельно отмечалось, что «ссылка бр. Солоневичей на то, что РОВСу известны обстоятельства об условиях побега одних и выезда других членов семьи Солоневичей из СССР — неправильна. РОВСу по этому поводу ничего документально не известно, как не известно и то, зачем таковая ссылка понадобилась».

По мнению галлиполийцев, информация «Голоса России» не дает полного представления о настроениях граждан СССР, она либо грешит против истины, либо же устарела. И монархические лозунги не так популярны, и антисемитизм присутствует. Все это противоречит «рапорту» братьев.

«Мы могли бы приветствовать «Гол <ос> России», когда он говорит правду и будит уснувших, но решительно отклоняем всякие попытки водительства нами со стороны семейства Солоневичей. У них нет нужного стажа, и п у д а с о л и мы еще с ними не съели», — говорилось в резолюции.

Особо подчеркивается «двойственность поведения Солоневичей по отношению к РОВСу». С одной стороны, дескать, — комплименты и разговоры о едином фронте, а с другой — брань в адрес «Вестника» и восхваление отколовшихся от РОВСа (в первую очередь имеется в виду Русский Национальный Союз участников войны во главе с генералом Туркулом).

«Обстановка последнего времени заставляет нас проявлять сугубую осторожность в отношении «Голоса России» и отмежеваться от него, не вступая, однако, с ним в настоящее время в полемику», — отмечает резолюция Съезда^[512].

ПОЧТИ ШАЛЯПИН

Полемика и с младороссами, и с галлиполийцами, а также с другими течениями и организациями свидетельствовала о том, что политические круги эмиграции Солоневичей воспринимали очень даже всерьез. И их популярность не давала покоя многим.

*«Мы получаем очень много и статей, и писем, — писал Иван Солоневич в мае 1937-го. — В среднем около пятидесяти-семидесяти в день. Письма прочитываются **все**. Но хотя в первом номере «Голоса России» я самонадеянно обещал, что редакция будет отвечать на **все** письма — я не предполагал такого их наплыва. На пятьдесят писем в день ответить невозможно. А самое скверное заключается в том, что на все **хочется ответить**»^[513].*

Но хотелось, конечно, и личного общения с эмигрантской массой в ее главных центрах, в первую очередь — в Париже. И братья решили повторить опыт югославского турне. На сей раз были намечены Франция, Бельгия, Швейцария и Австрия. Были отброшены даже заботы о своем здоровье.

В своей «Казачьей исповеди» Николай Келин свидетельствует:

«...Уже полтора года мы читали «Голос России», и вот в начале 1937 года на мое имя приходит письмо из Софии. Писала Тамара Владимировна Солоневич. Писала мне, человеку ей совершенно неизвестному, с тревогой о муже и просила, как русского врача, помочь Ивану Лукьяновичу с устройством в лечебнице, которые в Чехословакии были значительно лучше болгарских.

Политическому эмигранту Солоневичу требовалось разрешение для въезда в Чехословакию от министерства иностранных и внутренних дел. Подумав,

я решил ехать в Прагу и обратиться за помощью к генералу Герингу, председателю Чехословацкого Красного Креста. Когда рассказал ему, зачем приехал, он усмехнулся:

— Вам везет! Человек, который заведует разрешениями, мой друг. Для меня он сделает все. А Солоневича я знаю, как же... Читаю часто. Хлестко пишет!..

И вот мы с женой в министерстве. Оля остается в коридоре, а я, постучав, вхожу в кабинет.

— Прошу! Я в вашем распоряжении, — обращается ко мне его хозяин, но после моей просьбы восклицает: — Да вы с ума сошли, доктор! Да вы знаете, кого вы сюда к нам приглашаете?

Я, хотя и обескуражен приемом советника, спокойно отвечаю:

— Знаю. Солоневич — редактор русской эмигрантской газеты, издающейся в Софии. Он тяжело болен, и этого для меня вполне достаточно, чтобы я исполнил просьбу его жены и пригласил его сюда для лечения. Я, как русский и к тому же врач, не могу отказать в просьбе семье Солоневичей...

— А вы знаете, доктор, кто за этим Солоневичем сюда потянется? Вы ведь не знаете, с кем он связан!

— Да меня это не интересует — я хочу только помочь больному. Я совершенно не занимаюсь политикой, не состою ни в одной партии, и если хотите, то можете запросить мою характеристику от желивской жандармерии, — говорю я, а советник протягивает мне какую-то тощую папку.

— Я уже это сделал, — усмехается он. — Вот папка о вас, в ней нет ничего!

— Так в чем дело, господин советник? Что вы знаете о Солоневиче, что не советуете его взять сюда для лечения?

— А это я не имею права вам сказать по долгу службы.

— Тогда прошу дать разрешение на его приезд сюда — мне нечего бояться, — не успокаиваюсь я.

— Хорошо, — соглашается советник. — В просьбе моему другу Герингу я отказать не хочу, но предупреждаю: если вы не откажетесь от вашей безумной затеи, то можете навсегда исковеркать жизнь всей вашей семьи. К тому же еще одно неперемное условие: наш посол в Болгарии даст Солоневичу провожатого до границ Чехословакии, где его передадут нашим людям, которые привезут его в Прагу, прямо в четвертое отделение, где с него снимут допрос. Только после этого допроса мы решим — пустить его к вам или тем же путем вернуть обратно. Если он тут останется, ваш дом, вы и вся ваша семья будут находиться под постоянным полицейским надзором. Негласным, разумеется...

С ближайшей почты я послал подробную телеграмму в Софию об условиях приезда сюда Ивана Лукьяновича. Солоневич ответил, что согласен на все условия. Но вскоре от него пришло заказное письмо, в котором была просьба достать визу и для брата Бориса. За этой визой поехала моя жена и, конечно, ее не получила. Чиновники министерства, по словам Оли, пришли в ужас, когда узнали, что она хлопчет о визе еще для одного Солоневича!

Шел 1937 год. Я списался с несколькими лечебницами и остановился на санатории в замке Тухлов. Через неделю должен был приехать Солоневич. Лето в том году было прекрасное. В Желиве жило на дачах несколько наших знакомых русских семей. Но как-то после обеда явился почтальон и подал телеграмму из Швейцарии: «Гость не может приехать — экстренно вызван к одному из Романовых в Париж. Встреча откладывается на более благоприятное время».

Не скрою, мне не только хотелось помочь Ивану Лукьяновичу, но и увидеть человека «оттуда», человека, который всколыхнул всю русскую эмиграцию своими необыкновенными статьями, познакомиться с автором книги «Россия в концлагере». Словом, я решил ехать в Париж, где к тому же жил родственник Федя Фролов, внук сестры моей бабушки по материнской линии»^[514].

Прервем ненадолго воспоминания Келина. Как видно из них, некоторый одиум (заслуженный или нет — отдельный вопрос) Солоневичи к пику своей эмигрантской карьеры уже обрели. Никандров в своей книге убедительно доказал, что это было делом рук советских спецслужб. Умело играя на вождистских струнах истинных или мнимых конкурентов, они без особого труда компрометировали любого кандидата в русские «спасители Отечества».

«И вот при помощи русских шоферов Федя узнал адрес какого-то Троцкого («Ну и фамилия же!» — подумал я), который будто бы знал, где живет Солоневич, — пишет Келин. — На второй же день, утром, мы пустились в путь. Встретились с коренастым парнем, который снял с нас допрос: кто мы такие, зачем нужен Солоневич... Я показал ему письма из Болгарии, он смягчился и заявил, что адрес может дать нам только завтра, посоветовавшись с кем-то. Как видно, конспирация была серьезная.

Наконец, получив адрес, мы отправились искать указанную улицу. Автомобиль остановился перед подъездом, из которого выходили два человека, и в одном из них я сразу узнал Ивана Лукьяновича — он был точно такой же медвежистый, как на фотографии из книги «Россия в концлагере». За ним шел его брат

Борис, а с балкона второго этажа, помню, им махал рукой огромный плечистый мужчина со скуластым лицом монгола. Это был знаменитый генерал Туркул, начальник не менее знаменитой Дроздовской дивизии. Странно было видеть этого человека в мирной обстановке...

Мы представились. Я протянул Солоневичу несколько писем его жены ко мне. Он исподлобья посмотрел на нас и тут же, у подъезда, по-русски облобызал крест-накрест.

— Наши из Праги приехали! Идите познакомлю, — крикнул Туркулу. Через пару минут страшный Туркул спустился, галантно расшаркался перед моей женой и поцеловал ей руку. Поговорив немного с нашими новыми знакомыми, мы получили личное приглашение на лекцию Солоневича о положении в России. На эту лекцию вход был строго ограничен и допускались лишь лица, заслуживающие полного доверия»^[515].

Келин почему-то не упоминает в своей книге о том, что во время встречи с братьями Солоневичами и Туркулом они с супругой были вооружены кинокамерой. Скорее всего, это единственное сохранившееся до наших дней «живое» изображение Солоневичей. Оригинал хранится у младшего сына Н. А. Келина — Алексея, проживающего в Чехии. Благодаря Елене Чавчавадзе, руководителю Дирекции президентских программ Российского фонда культуры, эти кадры вошли в кинокартину Сергея Дебижева «Последний рыцарь Империи», снятую в 2014 году. Еще раньше их можно было увидеть в фильме из серии «Русские без России» — «Танго под Южным Крестом», посвященный русской эмиграции в Аргентине.

На пленке Иван и Борис Солоневичи запечатлены чрезвычайно жизнерадостными людьми, полными

неисчерпаемого оптимизма — именно такими, какими они представляются по прочтении их книг. И дело, наверное, не столько в том, что в эти дни братья были на гребне своей популярности, сколько в природных чертах характера.

Вернемся, впрочем, к тексту «Казачьей исповеди» за еще одним ценным свидетельством:

«Вечером мы явились на лекцию, — вспоминает Келин. — Большой зал был полон. <...> Недалеко от нас, слева, сидел подтянутый брюнет с военной выправкой. Он что-то говорил своей соседке, располневшей блондинке лет сорока. <...> Я узнал, что это был известный генерал Скоблин, командир самого лучшего полка Добровольческой армии — Корниловского, а соседка — его жена, славившаяся когда-то на всю Россию исполнительница русских песен Плевицкая. Тогда я не мог знать, что этот преданнейший из самых преданных белой идее генерал Скоблин уже состоит на службе ГПУ <...>

Лекция, признаюсь, разочаровала: Иван Лукьянович принадлежал к той группе людей, которые пишут неизмеримо лучше и убедительнее, чем говорят. После нее братья Солоневичи с узким кругом их друзей и новых знакомых поехали в один из многочисленных русских ресторанчиков и пригласили нас. Расстались мы далеко за полночь, обещая встретиться снова»^[516].

Эмигрантская пресса, особенно правая, описывала лекции Солоневичей в более восторженном ключе.

Газета туркуловского РНСУВ «Сигнал» 1 августа давала такой отчет:

«Задолго до начала доклада зал был уже переполнен. Среди присутствующих мы можем отметить митрополита Евлогия, ген. Туркула, г-на Крупенского, ген. Габаева, г-на Поремского, г-на

Рождественского, проф. Ковалевского, Ю. Ф. Семенова, И. К. Кистяковского, ген. Андгуладзе, ген. Твердого, ген. Эрдели, полк. Мацылева, представителей газет «Возрождение», «За Родину», «Сигнал», «Часовой» и др., множество членов Союза Галлиполийцев, новопоколенцев, О-ва Изучения Мировой Войны и ее последствий, проф. ген. Н. Н. Головина, Русского Национального Союза Участников Войны, Обще-Воинского и Военно-Морского Союза и т. д.

Публика встретила появление Солоневичей дружными аплодисментами. Аплодировали им, конечно, не только как Солоневичам, но и как живому недавнему свидетельству о родине, голос которого прозвучал в газете «Голос России». По новому громко и мужественно. <...>

Более двух часов оба брата держали зал в небывалом для Парижа нервном напряжении. Яркость изображений, рисовавшимся докладчиками, достигла подлинного реализма.

Наши эмигрантские «Фомы неверные» получают возможность на этих докладах «вложить персты свои» в раны своего отечества. <...>

Докладчики умело комбинировали описание подобных ужасов истребления русских людей тысячами с остроумными советскими анекдотами. Без смеха этих анекдотов нельзя было бы без содрогания дослушать жуткую картину полоненной России»^[517].

Вместе с Солоневичами «Сигнал» приходил к следующему заключению:

«Ненужность эмиграции для России — мысль, пущенная большевицкой ложью и провокацией ГПУ, для саморазложения этого, единственно целого, единственно свободного культурного слоя нации.

Белый «штабс-капитан», сидящий сейчас за шоферским рулем или стоящий за фабричным станком

рабочего, нужен России, не как рабочий или шофер, а именно как офицер, как элита русского народа, единственно оставшаяся для национального возрождения и государственного восстановления нашего отечества. <...>

Эмиграцию нужно организовать. Дееспособной национальной эмиграции нужно сговориться и сговориться сейчас же, не теряя времени для борьбы с большевизмом, хотя бы здесь, за границей, на первых порах»^[518].

«Мы судили о Солоневичах по их «Голосу России». Теперь мы судим о них по их живым парижским докладам. Солоневичи ярки, полны любви к нашему несчастному народу и преисполнены непримиримостью к его поработителям. Солоневичи зовут эмиграцию на путь единения для борьбы со сталинской сатрапией», — заключал «Сигнал»^[519].

Эмигрантский Париж был покорен.

«В чем успех, выпавший на долю братьев Солоневичей? — спрашивал обозреватель газеты «Возрождение» в статье от 6 августа. — Почему их поездка по Европе, их турне по эмигрантским центрам и выступления на закрытых собраниях, посещаемых лишь эмигрантами, находят такой горячий отклик?»

Дело и не в содержании докладов, и не в их изложении. Не в том, что они приводят новые факты или пережевывают старые. Все в том, что бр. Солоневичи, вырвавшись из СССР и Соловков, сумели до сего времени сохранить ощущение тамошних условий жизни. В том, что свои ощущения они умеют передавать эмигрантской аудитории. В том, что благодаря им между закабаленной Россией и Россией свободной протянулись живые нити. К пониманию умом

прибавилось освеженное, омоложенное, если так можно сказать, понимание сердцем.

Беседа с галлиполийцами в Париже, один из Солоневичей сказал: «Мы, эмигранты, можем между собою спорить. Ссориться друг с другом не имеем права, а драться за Россию пойдем плечом к плечу». Такой призыв к действительному единению и, с другой стороны, решительное отметание «соглашеницев» и «оборонцев», призыв бодрый, радующий и убеждающий, вот основное, чем проникнуты доклады гостей из Софии. Даже вещи неприятные, грустные и тяжелые они подносят слушателям так жизнерадостно, что подкупают их сердца. Они умеют также пользоваться эффектными приемами. Разве плохо было сделано на докладе о беспризорных, когда в рядах многочисленных слушателей, во главе с вел. князем Андреем Владимировичем, находились представители всех национальных эмигрантских группировок? Сперва мрачная картина советской жизни, живой рассказ о детях СССР, замученных и исковерканных советской властью, множество примеров, а затем — чтение по газете напыщенных дифирамбов руководителям Советского Союза, якобы широко и бескорыстно заботящимся о своей молодежи. Гнусная статья! Но каково впечатление аудитории, когда оратор, выдержав паузу, спокойно показал широкий лист газеты: «Младоросская Искра»...

В парижском собрании союза галлиполийцев адм. Кедров приветствовал редактора «Голоса России» искренними и теплыми словами благодарности за их работу на пользу эмиграции. А председатель Отдела полк. Абаимов даже сравнил их с... Мининым и Пожарским. Пусть такое сравнение несколько удивляет. Но важен факт: всегда настороженные к докладчикам из СССР галлиполийцы видят в Солоневичах своих друзей.

Так же тепло встречали Б. Солоневича в Лионе, где на его докладе было несколько сот человек. Так же тепло и внимательно отнесся к ним вел. кн. Андрей Владимирович, в частной беседе разговаривавший с братьями около трех часов. И недаром И. Л. Солоневич гостил 1-го и 2-го августа в провинции у председателя РОВС-а ген. Е. К. Миллера. И не без основания каждый день бр. Солоневичи выступают в разных собраниях и кружках, как бы сделавшись, говоря на парижском аргю, «ведеттами дня»^[520].

Восторги «Возрождения» разделяли, впрочем, далеко не все. Е. В. Саблин, бывший первый секретарь посольства Российской Империи в Лондоне, писал другому экс-дипломату В. А. Маклакову 1 августа: «Братья Солоневичи докатились до Парижа. «Возрождение», конечно, захлебывается от восторга... Читали ли Вы заметочку в названной газете в номере от пятницы 30-го июля под названием «Доклад бр. Солоневичей»? Прочтите непременно. Дальше идти некуда в смысле втирания очков эмиграции. В заметочке сей утверждается, что в связи с неизбежной и близкой революцией на родине отношение иностранцев к эмиграции должно будет измениться и уже меняется. Из недавних париев <...> эмигранты превращаются в людей, которые получают право говорить твердым языком, предъявлять требования и утверждать — не забывайте, что мы будущая власть России. Не правда ли, очаровательно. Я готов простить Семенову все его благоглупости за сей перл. Мы будущая власть России. Кто это мы, позвоительно спросить?»^[521]

Зато Солоневичи, наконец, получили возможность донести свои мысли до представителей Династии. Еще до личного знакомства с ними, 26 июля, Великий Князь

Андрей Владимирович писал августейшему брату, стремясь воздействовать на него в антимладоросском духе: «Дорогой Кирилл, сюда прибыли на некоторое время из Софии братья Солоневичи, которые читают доклады, очень интересные и поучительные. Чтобы дать им возможность более откровенно высказаться, на днях будет устроено маленькое собрание. Мне говорили, что возможно, что Ты и Владимир будете здесь на днях, и я уверен, что Владимира этот доклад братьев Солоневичей очень заинтересовал бы. Ежели Вы не собираетесь сюда на днях, то может быть Ты бы хотел лично их выслушать, чтоб непосредственно получить самые точные сведения о том, что делается в России, в этом случае, я думаю, можно было бы устроить их поездку в С <ен> — Бриак. Они остаются тут еще дней десять. Буду ожидать ответа по этому вопросу. Сердечно Твой Андрей»^[522].

Не дождавшись ответа, Андрей Владимирович направляет 29 июля новое письмо Императору Кириллу, в котором вновь поднимает вопрос об устройстве Солоневичам высочайшей аудиенции и делится своими впечатлениями от их докладов. В письме также содержатся достаточно откровенные выпады против младоросской идеологии:

«Дорогой Кирилл, хочу поделиться с Тобой тем впечатлением, которое братья Солоневичи произвели на здешнюю эмиграцию. Их доклады в зале Сэн-Дидиэ проходят при переполненной зале, и даже на улице стоит толпа, не попавшая в зал. Главный успех их докладов сводится к тому, что они доказывают, и очень убедительно, что население в России куда более монархично настроено, нежели эмиграция, и что нынешнее состояние России неминуемо ведет к монархии. Ненависть к Советчине настолько остра, что все, что может напомнить Советы как по форме, так и

по выражению, для России неприемлемо и будет вырвано с корнем. Их оценка армии, советского строя, религиозного подъема, наконец, последних событий до того захватывающе интересно и не похоже на размышления здешних досужих писак, но зато определенно показывает закономерность явлений и их последовательность. Чрезвычайно много нового они дают в смысле правильного понимания происходящих событий. Я убежден, что Ты и Владимир в особенности были бы крайне заинтересованы их докладом, и для дела было бы полезно просто их выслушать как свидетелей той трагической жизни, которую переживают в России, не теряя веры в наступление светлого будущего. Вчера они просидели у меня более двух часов, и их доклад о России произвел на меня очень глубокое впечатление. Есть много вопросов, над которыми следует призадуматься для оценки психологии внутри России и того, что следовало бы делать. Еще раз повторяю, Вам следовало бы их выслушать, жалеть не будете»^[523].

Кирилл Владимирович ответил брату на оба письма 30 июля, и ответил сдержанным, но достаточно твердым и сухим отказом: «Дорогой Андрей. Твое письмо от 26 июля получил. Я считаю, что совершенно достаточно, что Ты информирован братьями Солоневичами о том, что они знают о положении в России, и если есть что-либо интересное, то Ты можешь мне сообщить. В ближайшее время я не собираюсь быть в Париже. Кирилл»^[524].

Это письмо безусловно свидетельствует о скептическом отношении Государя к деятельности Солоневичей и к значению распространяемых ими сведений о положении дел в СССР.

Была, впрочем, и более прозаическая и печальная причина для отказа от встречи — Кирилл Владимирович

болел. «Государь все лето прихварывал, — свидетельствует в своих воспоминаниях Начальник канцелярии Г. К. Граф. — Особенно болели ноги, и это ему мешало спать. Это лето было последним, когда он мог вести образ жизни со всеми вместе»^[525].

Тот же Г. К. Граф тем временем серьезно озаботился тем впечатлением, которое произвели на Великого Князя Андрея Владимировича братья Солоневичи. «Эти Сол <оневичи> очень умно действуют на психологию зубрской эмиграции и стремятся играть роль в нашем движении под руководством В. Кн. Ан <дрея> Вл <адимировича>, который теперь всецело в их руках и других враждебных элементов полит. линии Государя, — писал он 10 августа в Берлин генералу В. В. Бискупскому. — Атака идет полным ходом. Чего добиваются Сол <оневичи> трудно сказать, и похоже, что за ними кто-то стоит. Это видно хотя бы и из того, что их материальное положение очень поправилось за последние месяцы, и после весьма скромной жизни в Болгарии они теперь развернулись на широкую ногу»^[526].

Обвинения в адрес Ивана и Бориса Солоневичей Граф формулировал в том же письме: «Они говорят, что сторонники монархии и легит <имизма>, но в тоже время говорят о том, что Государь стар, не понимает современных условий жизни и Он должен передать дело Наследнику»^[527].

В свою очередь, следят за братьями и нелегитимисты. Председатель Общества Галлиполийцев генерал-майор М. М. Зинкевич и возглавитель алексеевцев в Париже полковник С. А. Мацылев, обменялись письмами о Солоневичах за полтора месяца до их европейского турне.

Доверительно, только для личного пользования, Зинкевич писал из Софии 10 июня 1937 года:

«Дорогой Сергей Александрович, вы пишете, что у нас нет ничего общего с братьями Солоневичами. Я отлично понимаю мотивы вашего предупреждения. Но, в свою очередь, укажу вам на другую сторону дела. После прибытия своего в Софию братья Солоневичи были взяты под наблюдения местными властями, несмотря на благоприятные сведения, сообщенные финляндской полицией. (Все же кажется, что финляндский штаб не разделял этого мнения). Это наблюдение установило, самым точным образом, что Борис связан с большевиками. Он был сфотографирован секретной болгарской полицией в момент, когда передавал пакет большевистскому агенту. Впрочем, была под контролем и вся подготовительная работа к свиданию и по прямой связи с Москвой.

К тому же можно удивляться, что полпредство СССР в Софии никогда не протестовало против печатания их газеты «Голос России».

По-видимому, лояльный к Миллеру Мацылев беседовал с ним после письма Зинкевича. 28 июля Е. К. Миллер в письме к Зинкевичу, отправленном из Туссюла-Маделен, защищал Солоневичей от подозрений и сообщал об их предстоявшем визите в Баньоль-де-л'Орн, где он проходил очередной курс лечения.

1 и 2 августа Иван Солоневич был гостем Миллера в Баньоль. Эти же дни, по стечению обстоятельств, Борис Солоневич провел в обществе Скоблина и Плевицкой...
[\[528\]](#)

Турне продолжалось. «С 8-го по 18-го августа, — сообщает журнал «Часовой», — И. Л. и Б. Л. Солоневичи устроили ряд своих лекций в Брюсселе. Как и всюду доклады прошли с большим успехом и вызвали

единодушное одобрение и внимание русской колонии. Рассказы братьев Солоневичей доходили до сердец русских людей, как изумительное по передаче воспроизведение советского быта столько пережившими в СССР его недавними гражданами»^[529].

Именно в Брюсселе Борис сообщил брату, что не вернется с ним в Болгарию. Причина — вполне удовлетворительная, надо лечить глаза, но последствия стали понятны Ивану сразу. Это явствует и из его описаний данных европейских гастролей, окрашенных в черный цвет:

«Не было в моей жизни разочарования более тяжкого и болеебеспросветного, чем эмигрантский Париж.

*Нет, ничего не изменилось. Только поглупело лет на пятьдесят. С 1916 года люди ушли не на двадцать пять лет вперед, а на двадцать пять лет назад. Все, то есть **все политические верхи эмиграции.** Начиная от А. Ф. Керенского и кончая все теми же августейшими салонами, которые нынче протягивают Александру Федоровичу свою покровительственную руку и которым он отвечает насквозь лицемерной реабилитацией Государя Императора, которого они вкуче предали и продали»^[530].*

В статье «Пути, ошибки и итоги» Иван Солоневич констатирует:

«Основным переломным моментом была не София и даже не скоблинская история: провокаторы могут быть во всякой среде, но в приличной среде принимаются все меры к тому чтобы выкорчевать провокацию и образовавшуюся яму залить карболкой. Вопрос в среде. Самым страшный вопрос — это вопрос о среде.

Так вот, значит, Париж. Ville lumiere. Столица мира, в том числе и зарубежного. Две стороны бытия.

Одна сторона: переполненные залы, в них сливки всей национальной эмиграции. Банкеты в нашу честь — галлиполийцев, моряков, РОВСа. казаков, «Возрождения» и других. Штабс-капитаны таксисты, установившие для нас дежурства своих такси. Русские семьи, зазывавшие на русский борщ. Две случайные поездки на случайных такси, и — бывает же так — оба раза попались русские шоферы. При попытках платить: «Нет уж, И. Л., мы вас знаем — с вас еще и деньги брать!..» Вместо франков просто крепкое рукопожатие. Такие сцены повторялись и в Брюсселе, и в Берлине. Инвалидные гроши в счет «борьбы за Россию» <...> Цветы, расшитые полотенца: вы наш дорогой, вы наш родной. Почти Шаляпин.

За блеском оперной декорации, за трогательностью штабс-капитанского приема совсем другая сторона. Кулисы. Сопевания. Личное знакомство со всеми верхами нашего Парижа. Милейшей души люди. И — полная безнадежность.

С одной стороны, штабс-капитаны. *Mittelstand*, наше *tiers etat*, позвоночный столб зарубежья. Люди, которые **служили** России и **будут служить** России, которые забыли о своих чинах и акциях, ежели таковые и были. С другой стороны, тот самый слой, бездарности и жадности которого не могли компенсировать ни героизм русской армии, ни моря русской крови. Слой стоит непоколебимо: да, конечно, светлейшему князю не только вернут его сто двадцать тысяч десятин, коленопреклоненные мужики принесут хлеб-соль на резном блюде и будут молить о прощении обид. Да, какие-то там красные офицеры будут разогнаны нагайками, и останки лейб-гвардии Кексгольмского полка продикут свою волю... неизвестно кому и неизвестно какую волю. Да, **мой** завод большевики, правда, перестроили совсем заново, но ведь это **мой** завод. «А бакинские промыслы здорово перестроены?»

Хорошо, что я догадался не продать своих акций — вот будут они стоить после революции!» «Я, в конце концов, готов все простить, но на губернаторский пост я, извините, не согласен. Если бы не революция, я давно был бы по чину министром».

Трехчасовая беседа с одним из представителей Династии — доклад о всем, что произошло в России. Представитель Династии пишет письмо, которое совершенно фантастическим способом попадает ко мне. В письме сказано: а) «мужики остаются мужиками» и б) «держите этих мужиков в ежовых рукавицах».

Вот тебе, бабушка, и Юрьев день! Для того чтобы кого бы то ни было держать в ежовых рукавицах, нужно прежде всего эти рукавицы иметь в наличии: ежели их нет, совет получается не слишком гениальным. И не делает ровно никакой чести. Не делает ровно никакой чести утилизация «мужика» в качестве поношения: этих мужиков сто двадцать миллионов. Ими, хотя и кое-как, но все жива еще Россия, только ими и больше никем. И что же, собственно, есть Россия для вот такого Августейшего дяди: сто двадцать миллионов русских людей мужичьего звания или просто золотые часы, спертые из кармана у зазевавшихся потомков некогда славных строителей Империи? И для чего возвращаться в Россию? Для спасения мужика или для возвращения часов? Для ста двадцати тысяч десятин или для одной шестой части земной суши? Для традиций лейб-гвардии Кексгольмского полка или для непобедимости армии? Для своего завода или для русской промышленности? Для чего? Что скрывается под оперой банкетов, знамен, традиций и высоких слов:

Россия или аппетиты?

И какие силы можно взять из этой среды, если и не для освобождения, то хотя бы для отстройки России? Можно ли идти со счетами за испытанные обиды, за понесенные протори и убытки? Можно ли и так

окровавленной Родине Предъявлять еще и свой шейлоковский вексель на фунт русского мяса? Можно ли бросить окровавленному и все-таки не капитулировавшему крестьянству презрительно-барское «мужики»? Можно ли в эти и в будущие страшные годы осложнять выздоровление страны своими купчими крепостями, разрядными книгами, чиновным местничеством, сословным чванством, шкурными вожделениями и собственническими претензиями? И есть ли за этими вожделениями и претензиями какая бы то ни было реальная сила? Есть ли хоть какой-нибудь — хотя бы самомалейший — шанс на то, что эти вожделения и претензии удастся навязать силой?»^[531]

Сначала казалось совершенно невероятным, что под «августейшим дядей» Иван Лукьянович подразумевал Великого Князя Андрея Владимировича. Хотя факт, что они общались — и, кстати, именно два или три часа — неоспорим. Но документы свидетельствуют о том, что именно Андрей Владимирович пытался донести до главы Династии взгляды Солоневича. Одно спустя много лет, уже после Второй мировой войны, в одной из статей И. Л. признался, что он имел в виду именно Великого Князя Андрея Владимировича...

«В Брюсселе был еще один удар — отказ брата вернуться в Софию. Отказ, конечно, никакой политической подкладки не имел», — вспоминал Иван Солоневич^[532].

Формальная причина у Бориса была более чем существенная — как сказано выше, он остался лечить зрение, подорванное советскими лагерями. Но Иван сразу почувствовал: младший брат решил избавиться от опеки, Бориса все больше тяготило играть вторым

номером, он хотел самостоятельной деятельности, хотя в принципе не был к ней готов.

Именно книга Бориса Лукьяновича «Молодежь и ГПУ»^[533] стала дебютной в книгоиздательской программе «Голоса России». По техническим причинам, из-за большого объема, в книгу не вошли несколько глав, ранее опубликованных в газете, в том числе и «День врача в концлагере». Так что первое и до сих пор единственное издание так и осталось неполным. Современные скауты давно собираются переиздать «Молодежь и ГПУ», но тоже в усеченном виде, о чем свидетельствует размещенный в интернете макет верстки.

Впрочем, масштаб дарования Бориса был несопоставим с уровнем старшего брата, о чем не преминули сообщить, например, «Современные Записки» — устами Т. Ч. (криптоним легко расшифровывается — это Т. В. Чернавина). Впрямую, конечно, творчество братьев не сравнивается, но чего стоят такие пассажи:

«Беда этой книги заключается в том, что она так заидеализирована, что в ней почти не осталось следа советской атмосферы <...>

Сведения о советской молодежи, которая, по законам человеческого существования, все же переживет Сталина и его режим, нужней сейчас и интересней, чем что бы то ни было. К сожалению, при всей своей несомненной любви к молодежи, Б. Солоневич не смог дать ее реального облика»^[534].

К концу 1937 года издательство «Голоса России» прочно стало на ноги. Помимо книги Бориса, вышли также на болгарском языке три его брошюры^[535] и уже упоминавшийся очерк Ивана «В деревне» На русском напечатали «Записки советской переводчицы»

Тамары^[536] и сборник повестей Ивана «Памир»^[537]. В него вошли: одноименное произведение, «В деревне», «Роман во Дворце труда» и повести «Морские волчицы» и «Открыватели новых земель».

Критика встретила новую работу Ивана Солоневича доброжелательно.

«Новая книга И. Л. Солоневича не нуждается, собственно говоря, в отзыве, — писал в номере от 5 декабря журнал «Часовой». — Имя автора «России в концлагере» лучше любых отзывов возбуждает внимание читателя, и «Памиру» можно предсказать тот же заслуженный успех.

Содержание книги отчасти уже известно читателям руководимого И. Л. Солоневичем еженедельника — судьба той русской молодежи, о которой он рассказывает в двух «советских зарисовках», составляющих часть содержания «Памира», уже была написана в «Голосе России» — но сведенные в книгу отрывки производят цельное и еще более потрясающее впечатление. В остальных «зарисовках» И. Л. Солоневич изображает положение «колхозной» деревни и «внутреннюю эмиграцию» русских людей, уходящих от советской власти на далекие окраины — на Памир, в Сибирскую тайгу и т. д.

Вся книга написана с присущим автору изобразительным мастерством. Это мастерство покоряет читателя даже тогда, когда в тех или иных мнениях и оценках он расходится с И. Л. Солоневичем. Тот, кто откроет «Памир», прочтет его, не отрываясь, до конца...»^[538]

ГИБЕЛЬ ТАМОЧКИ

Как установил Нил Никандров, с самого начала своей эмигрантской жизни Солоневичи пребывали под двойным наблюдением. Резидентура иностранного отдела НКВД и «внутренняя линия» — контрразведка РОВСа — пасли братьев очень плотно. Это нельзя назвать даже перекрестным огнем, слишком легковесный образ. Агенты советов были внедрены во «внутреннюю линию» в таком количестве, что историки до сих пор окончательно не установили, кто был кто. Впрочем, персоналии в данном случае отходят на второй план: братья были опутаны колючей проволокой слежки. В роли колючек как раз и выступали «двойные агенты»: в первую очередь — генерал Н. А. Скоблин, командир Корниловской дивизии, и Николай Абрамов, сын генерала Ф. Ф. Абрамова. Но были, конечно, и более мелкие «занозы».

Чекисты переиграли белую контрразведку по всем статьям. Тому подтверждением — похищения руководителей РОВСа, сначала генерала А. П. Кутепова, а затем и генерала Е. К. Миллера. Перед судом предстала только Надежда Плевицкая, выдающаяся певица, исполнительница русских народных песен, супруга Скоблина. Сам генерал-предатель скрылся от французского правосудия, но не от «карающей руки» НКВД. Это ли не свидетельство победы чекистов «за явным преимуществом»?

А вот с Иваном Солоневичем произошла осечка: целили в него, а убили его жену...

Он проспал свою смерть. Накануне работал до поздней ночи, поэтому утром не встал, как обычно, в семь часов. В девять поднялась Тамара Владимировна, пришел на службу студент Коля Михайлов,

исполнявший обязанности секретаря редакции. Вдвоем они и открыли принесенный неизвестным пакет — якобы с необходимыми для Ивана Лукьяновича книгами. Взрыв был страшной силы.

Как писал Солоневич, «вырванная из косяка дверь врезалась в стену в нескольких сантиметрах от моей головы, — она с таким же успехом могла бы врезаться и в мою голову»^[539].

Новость о взрыве в Софии облетела, без преувеличения, все ведущие газеты планеты: американская *New York Times*, французские *Le Temps* и *Le Matin*, английская *Daily Telegraf*, итальянские *Corrierra Della Sierra* и *La Stampa*. Даже провинциальные, с точки зрения мирового масштаба, австралийские, бельгийские, венгерские, голландские — и далее по алфавиту — издания поместили, часто на первых полосах, заметки о покушении.

О немецкой печати, часто информированной лучше многих других, и говорить не приходится. Германское агентство DNB снабжало своими сводками полмира. А уж сенсационные заголовки изобретались на местах: «Взрыв бомбы в квартире русского эмигранта в Софии», «Бомба по почте», «Адская машина ГПУ», «Двое убитых и один раненый», «Бомба для русского писателя», «Большевицкие террористы в Софии»...

Некоторые средства информации, впрочем, одной телеграммой о трагедии и ограничились. Другие же продолжали писать о взрыве еще примерно с неделю. Освещались две темы — подробности покушения и политическая подоплека. В том, что бомба была подброшена большевиками, практически никто не сомневался. Нередко софийский взрыв ставился в один ряд с другими действиями советской агентуры в Европе.

«Опять ГПУ!» — восклицала, например, в заголовке немецкая газета *Freiburger Zeitung*, и продолжала:

«Однажды кто-то назвал московских контрабандистов из ГПУ «Крупнейшей партией преисподней». Как показывают мировые события, характеристика эта — не в бровь, а в глаз. Где еще могла свить себе гнездо самая крупная и наилучшим образом организованная банда бесов, как не в оплетших своей паутиной весь мир сталинских структурах? Германия и Италия могут по праву и с честью гордиться тем фактом, что они остались практически единственными в мире государствами, в которых ГПУ не удалось обосноваться для обстряпывания своих темных делишек.

Буквально вчера в Лондоне закончился крупный государственный судебный процесс, в ходе которого неоднократно упоминалась Москва, причем были оглашены не только имена высланных в Москву вражеских резидентов, но и тайная организация «Друзья Советского Союза», члены которой все до единого также подлежат депортации из страны.

Париж же находится под впечатлением от злой шутки, разыгранной советским посольством, оставившим с носом французскую юстицию. Подозреваемая в убийстве агент ГПУ Лидия Грозовская курьезным образом исчезла прямо в ходе процесса. При этом ее побег из Франции вовсе не относится к случайному везению: она была укрыта на территории советского посольства в Париже и получила дипломатический иммунитет, после чего посольство цинично назначило за ее поимку награду в размере 50 000 франков. И в то время, как французская безопасность рушится под ураганным натиском, правительство ничего не предпринимает для того, чтобы показать, что закон и полиция все еще находятся в его руках.

Примерно в то же время пришло сообщение из Софии, где ГПУ посредством взрывного устройства совершило покушение на одного из сбежавших из Союза русских писателей. Два человека убиты, один ранен»^[540].

Пражские Narodni Listy так же рассматривали софийское покушение в общем политическом контексте:

«В редакции русской газеты «Голос России», выходящей в Софии, вчера произошел взрыв адской машины, которым убит секретарь редакции и смертельно ранена супруга издателя. Покушение было направлено на всю семью издателя газеты Ивана Солоневича. Он молодой русский журналист, чье имя стало появляться в русских газетах вскоре после большевицкой революции. На рубеже 1933–34 гг. он сумел бежать из советской России вместе с женой, сыном и братом, которые затем помогали ему издавать в Софии «Голос России». Иван Солоневич написал о советской России увлекательную книгу, которую в английском, французском и немецком переводах с интересом прочитали во всем мире. Она написана критически-трезво, и потому правда о Советах становится острее и убедительней. Его издание антибольшевицкое, и статьи Солоневича, основанные на личном опыте проницательного журналиста, очень злили большевиков и их болгарских прислужников. Они решили заставить замолчать всю семью — ведь двадцатилетний сын и брат были в «Голосе» журналистами. Покушение доказывает, что красный террор перешел через советскую границу и что вполне законна объявленная Римом и Берлином борьба с коммунизмом во всем мире. В Болгарии сильные волнения, и власти проводят массовые аресты. В преддверии парламентских выборов покушение

сослужило плохую службу болгарским коммунистам»^[541].

Больше всего, за исключением болгарской прессы, о взрыве 3 февраля писали братья-сербы.

«Софийское полицейское управление заявило сегодня (4 февраля — И. В.), что следствие по делу о взрыве в квартире г. д-ра Солоневича продолжается. Софийская печать об этом событии сегодня ничего не пишет. Завтра состоятся похороны г-жи Солоневич и погибшего студента Михайловича. По этому случаю ожидается манифестация политических организаций русских эмигрантов в Софии», — сообщала 6 февраля белградская «Политика»^[542]. Докторская степень Ивана и искаженная фамилия Николая Михайлова — обычная журналистская неряшливость.

Та же газета через день поместила большой отчет своего корреспондента в Болгарии под заголовком: «Следствие пока не установило, была ли адская машина в квартире Солоневича привезена из-за рубежа или сделана в Софии»^[543].

«Расследование полицейских властей о взрыве адской машины в редакции русской эмигрантской газеты «Голос России» идет сейчас в нескольких направлениях, — писал журналист «Политики». — Следственные органы в первую очередь хотят установить: покушение производилось на г. д-ра Солоневича или на него и его жену. Для следствия очень важно установить и то, была ли адская машина выслана из-за рубежа или сконструирована в Софии, или еще где-то в Болгарии, и оттуда послана в квартиру г. д-ра Солоневича.

По первой части расследования остается бесспорным, что покушение было направлено против г. д-ра Солоневича. Ранее он получал устные и

письменные угрозы от своих политических противников. На эти угрозы не обращали внимания, но они продолжались и даже усиливались. Что касается его покойной жены, считается очень вероятным, что и она вошла в список лиц, которых необходимо устранить.

В частности, она перед побегом своего мужа из лагеря была служащей в советском посольстве в Берлине. Как только ее муж перешел русскую границу, она службу в посольстве бросила, встретилась с ним и продолжила совместную жизнь. Как служащая советского посольства она могла знать и некоторые данные, которые не полагалось знать никому за пределами посольства, кроме официальных советских властей. Считается, что г. д-р Солоневич некоторые из этих данных своей жены опубликовал в своем антисоветском издании и за границей, после побега из Советской России.

Власти все больше хотят узнать о происхождении адской машины. В этой связи первое предположение было, что она пришла от тех лиц, которые угрожали Солоневичу, даже когда он жил за границей, за пределами Болгарии, или за время его пребывания в Болгарии. При этом важно знать и такую подробность:

На софийской почте г. д-р Солоневич имел свой почтовый ящик номер 296. Почтовые отправления на ящик регулярно принимал его секретарь, убитый Николай Михайлович. В день покушения Михайлович, за полчаса до взрыва, принес почту. Было много писем и несколько пакетов. Пакет он оставил на столе в зале, где и располагалась реакция газеты «Голос России». Когда открывали пакеты, произошел взрыв, который разорвал на части секретаря Михайловича, а г-жу Тамару Солоневич так тяжело ранило, что она вскоре умерла.

Секретарь Михайлович принес в тот день с почты много пакетов, некоторые из которых были отправлены

из Софии, некоторые из пределов Болгарии, а некоторые из-за границы. До настоящего момента не удалось установить, какой из этих пакетов содержал адскую машину, так как взрыв все уничтожил.

Второе предположение, что посылка была не из-за границы, основано на показаниях прислуги. Особенно характерно показание горничной г. д-ра Солоневича. Она заявила, что за час до взрыва в дверь позвонил молодой человек. Когда горничная отворила дверь, молодой человек на плохом болгарском языке сказал:

— Пожалуйста, примите этот пакет, он для г. д-ра Солоневича. В нем книги для г. доктора.

Горничная пакет взяла и оставила его на том же столе в зале, на котором и секретарь Михайлович оставил те другие пакеты, принесенные с почты.

Вне зависимости от того, где находилась адская машина, следственным властям ясно, что покушавшимся был хорошо известен образ жизни г. д-ра Солоневича. Они знали даже, как он строит свой распорядок дня. Потому и выбрали тот момент, когда он обычно ежедневно приступает к работе. Но в этот день он встал немного позже, потому что накануне засиделся допоздна.

Специалисты-пиротехники установили, что адская машина была сконструирована так, чтобы ее действие было направлено по горизонтали, а не вверх или вниз. При вскрытии трупов двух жертв этого покушения не найдено никаких металлических частей. Таким образом, считают, что адская машина была без металлической оболочки. В теле убитой Тамары Солоневич обнаружены несколько кусков твердой бумаги. Из этого делается заключение, что адская машина была в картонной коробке, завернутой в бумагу.

В телах обеих жертв найдены куски целлулоида. Эксперты считают, что это осколки от абажура, который был на столе в зале. На листе бумаги, в который была

обернута адская машина, обнаружено несколько болгарских слов. Это дает основание утверждать, что адская машина упакована в Софии или где-то внутри страны»^[544].

Германская *Freiburger Zeitung* в вечернем выпуске 7 февраля утверждала: «По делу о совершенном на антибольшевистского писателя Солоневича покушении в виде подрыва бомбы полиция на сегодняшний день арестовала уже более десяти подозреваемых, почти все из которых — русского происхождения. Кроме того, отдано распоряжение об аресте болгарской актрисы Миановой, лишь недавно возвратившейся в Болгарию после нескольких месяцев, проведенных ею в Советском Союзе. По показаниям прислуги Солоневичей, человек, принесший в их дом пачку газет с завернутой в них бомбой, мог быть либо болгарин, либо русским, так как говорил по-болгарски с русским акцентом. Словесный портрет зловещего посетителя совпадает с показаниями соседей, которые несколько дней кряду видели некоего человека, имевшего обыкновение прогуливаться вблизи от дома Солоневичей»^[545].

«Взорвавший бомбу в Софии по-прежнему неизвестен» — это заголовок голландской *Het Vaderland* уже от 9 февраля.

«Расследование покушения на русского эмигранта Солоневича, владельца газеты «Голос России», жертвами которого стали его жена и его секретарь, взяла на себя политическая полиция, — говорится в корреспонденции. — Дело становится все более загадочным. В результате обыска у Солоневича обнаружен тайник, в котором находилось 300 тысяч лева в иностранной валюте — марках, японских иенах, долларах и фунтах. Они были конфискованы в пользу

национального банка. Также изъята корреспонденция Солоневича.

Арестовано шесть человек из числа русских эмигрантов, что указывает на то, что причиной покушения могли быть размолвки между различными течениями русской эмиграции.

Смерть жены не особенно поразила Солоневича; он принадлежит к числу тех экстремистов, которые стремятся к свержению <советской> России, возможно, вместе с Германией и Японией. В интервью журналистам он хвастался, что его антисоветские книги рекомендовали читать Геринг и Геббельс».

То же самое, практически слово в слово, было напечатано в чешских «Народных листах», только там более точно: не свержение России, а «свержение советского режима»^[546].

Следствие тем временем убеждалось в том, что заходит в тупик: никаких улик, никаких доказательств, даже косвенных, — ведь работали профессионалы. Последнее, что мелькнуло в печати, это сообщение белградской «Политики» о том, что 10 февраля «арестован человек, которого подозревают в том, что это он принес пакет и передал его горничной д-ра Солоневича». Подозреваемого допрашивали целый день. «Подробности держатся в строгой тайне. Известно только, что арестованное лицо — служащий, подданный нейтральной к Софии страны, и он русского происхождения»^[547].

Большого болгарская полиция не добилась. Дальше — как отрезало, никаких новостей.

«Голос России» вышел по графику, 8 февраля, через пять дней после трагедии. Передовица Ивана Солоневича называлась «Убийцы». В ней он писал:

«О том, кто именно убил Тамочку и Колю — не стоит и говорить. Всем понятно. Убили — у б и й ц ы. Вот те самые, которые убивают друг друга, для которых убийство является и религией, и профессией, и необходимостью, которые вообще не могут жить, не убивая.

Будут ли найдены физические виновники убийства или не будут, это, в сущности, не так уж и важно. Н а с т о я щ и х убийц мы знаем и без всякого следствия. И если я восставал против всякой теории эволюции, то, может быть, я был несколько неправ: конечно, эволюция налицо — количество убийств возрастает с каждым днем.

** * **

Бомба, принесенная, третьего февраля в редакцию «Голоса России», предназначалась, конечно, для меня. Само собою разумеется, что я не питаю решительно никаких иллюзий насчет того, что это последняя бомба: для товарищей я довольно неудобный человек. Но на этот раз товарищи промахнулись: я пока остался жив. Очередными — и, конечно, не последними жертвам убийц стали — русская женщина Тамара Владимировна Солоневич и русский мальчик Николай Петрович Михайлов. О Коле пишет сейчас Юра — они были большими друзьями. О Тамочке буду писать я — мы были о ч е н ь большими друзьями. Рассказ мой, вероятно, будет несколько бессвязен. Мои друзья, вероятно, поймут, что для мало-мальски связного рассказа — сейчас нет никакой возможности...

** * **

...Странная вещь: и наша первая встреча с Тамочкой, и наше последнее, самое последнее, с ней прощание — прошли в одной и той же атмосфере борьбы с революцией. В 1914 году — точной даты,

конечно, не помню — Тамочка принесла мне в редакцию «Северо-Западной Жизни» в городе Минске свою первую статью. Второго февраля 1938 года она написала свою последнюю статью...

* * *

Лев Толстой писал о том, что все счастливые семьи счастливы одинаково, а все несчастливые — несчастливы по-своему. Я с Толстым не согласен почти во всем, — не согласен и с этим. Нет, каждая счастливая семья — счастлива тоже по-своему...

У нас была счастливая семья — теперь ее нет. Она прошла сквозь фантастические испытания и сквозь эти испытания она бы не прошла, ежели бы не фантастическая Тамочкина энергия: она была самым энергичным членом нашей семьи. Без нее — мы бы из России не выбрались — какие мы там ни атлеты...

Я не хочу возводить вокруг изуродованного адской машиной Тамочкиного личика какого бы то ни было ореола святости. Она не была святой — как и все мы.

...Наш рабочий день начинался так: я обычно встаю около шести утра и сажусь за работу. Тамочка и Юрочка еще спят. Они работают до часу и встают около девяти. Около девяти я пробираюсь в столовую (она же — контора редакции). Из Тамочкиной спальни раздается голосок: «Ватик, это ты?» Одновременно из Юриной комнаты раздается неопределенно провокационный рык. Я беру Тамочку на руки, несу ее через две комнаты и водружаю на Юрочку. Происходит маленькая потасовка, конечно, безнадежная, двух маленьких женских лапок против четырех атлетических мужских лапищ.

Весь последующий день Тамочкины лапки были заняты непрерывной работой. Вся финансово-техническая часть нашей самодельной газеты. Весь день то ее пальчики барабанили по пишущей машинке,

то ее каблучки топали по квартире, по почтам, по банкам, в типографию, в экспедицию — по десяткам всяких мелких дел, неизбежно возникающих вокруг крупного дела.

Я понимаю — в такой статье, какую я сейчас пишу, несколько неудобно говорить о всяких там семейных интимностях. Или, во всяком случае, это н е п р и н я т о. Но я — человек совершенно невеликосветский — и мне более или менее плевать на то, что именно п р и н я т о и что н е п р и н я т о.

Так вот: с точки зрения великосветского этикета о Тамочкиных лапках — о «трудящихся лапках» — как их называл Юра, не следовало бы говорить. Но эти лапки работали всю свою жизнь и без их помощи мы бы из лагеря не сбежали: на голодном лагерном пайке нельзя было собрать запас продовольствия на шестнадцать дней пути по тайге.

Тамочка уехала из СССР более или менее легально (о подробностях я пока не могу говорить), через пять дней мы бежали и не добежали, на следующий год бежали опять, попали в лагерь. Тамочка в это время в Берлине давала уроки языков и совершенно фантастическими путями снабжала нас торгсиновским посылками — и меня, и Юру, и Бориса. И здесь, в «Голосе России», на Тамочкиных лапках лежала самая большая часть работы. После взрыва от этих лапок остались только клочья изломанных костей...

* * *

Организаторы взрыва довольно хорошо изучили быт нашей семьи: к половине десятого мы все собирались в столовой, тут же мельком просматривалась утренняя почта: были почти все шансы на то, что никто из нас живым не уйдет. Расчет был сделан правильно. И если он не совсем удался — то это уже не вина убийц.

Накануне Юра до поздней ночи возился со своими картинами, испорченными при перевозке с выставки. Я вообще не спал всю ночь, к утру принял две таблетки снотворного и заснул. Около десяти утра проснулся от страшного удара. Что-то белое со страшной силой ударило о стенку в полуаршине от моей головы. Впоследствии оказалось, что это дверь, взрывом вырванная из косяка. Сыпались, звеня, стекла. Весь дом ходуном ходил. Первое впечатление было таково — это землетрясение.

Я вскочил: прежде всего надо было спасти Тамочку — Юра с его мускулами выберется скорее. Юрина комната была пуста. Столовая была наполнена дымом, на полу горела какая-то бумага, в углу, около печки стоял на коленях Юра и крикнул мне безумным голосом: — Ватик, Ватик, Тамочка кончается!

Я бросился к нему. Перед ним на полу лежала Тамочка, в разорванном утреннем халатике, обугленная и изуродованная взрывом. Она бормотала что-то невнятное: «Юра, дай мне, дай мне». Я схватил ее за руку, но от «трудящей лапки» остались только раздробленные кости. Другая рука, правая, была оторвана почти начисто. Мы подняли Тамочку и перенесли ее на кровать. Вся стена, отделявшая ее комнату от внешнего коридора, была вибита взрывом. На полу лежало то, что осталось от Коли — немного осталось... Обе комнаты были залиты кровью и забрызганы кусками человеческих тел.

...Мне трудно сейчас вспомнить переживания этих страшных минут. Я побежал в ванную за водой для Тамочки, но коридор оказался забаррикадированным выбитыми дверями, переломанной мебелью и чем-то еще. Я бросился в свою комнату за водой и забыл о том, что в этой комнате стояла заряженная двустволка. Юра вспомнил об этом. Прыгая через кучи поломанной мебели и горячей бумаги, он догнал меня и крепко

схватил за руки. Его лицо было в саже и в крови, и в глазах было безумие:

— Ватик, ты с собою ничего не сделаешь? Дай мне честное слово, что ничего не сделаешь!..

— Честное слово, Юрчик. Мы им еще должны показать...

— Да, т е п е р ь — то мы им покажем...

— А ты цел?

— Да, кажется...

Мы вернулись к Тамочке. Она уже агонизировала. Я стал лить воду на ее изуродованное и искаженное предсмертной мукой лицо. Комната начала наполняться людьми, пробиравшимися по грудам кирпича сквозь поломанную взрывом стену. В какой-то совершенно невероятный промежуток времени появилась пожарная команда. Здесь ею заведует наш соотечественник Г. П. Захарчук и команда ставит мировые рекорды быстроты. До этого страшного утра мы друг друга не знали.

Я стоял над обезображенным телом Тамочки с ощущениями, о которых лучше и не говорить. Г. П. потом говорил мне, что я проявил удивительную выдержку. По-моему — это была выдержка человека, которого ударили ломом по голове.

Г. П. спросил меня по-болгарски, в чем дело. Я пожал плечами и ответил по-русски: конечно, бомба. Г. П. тоже пожал плечами и сказал что-то в таком роде: не говорите вздора. А как ваша фамилия?

— Солоневич.

Г. П. Захарчук пожал мне руку и сказал:

— Ну тогда, конечно, бомба. Удивительно только, что ее не было до сих пор...

Юра сидел около Тамочки, или, вернее, около тела Тамочки, держа на руках ее окровавленную голову. Тамочка шептала все тише и тише. Прибыла карета скорой помощи...

Болгары страдают нашей довоенной или, точнее, дореволюционной русской болезнью, и о всем том, что сделано плохо — говорят «болгарска работа». Весьма сомневаюсь в том, чтобы, например, во Франции все это было сделано с такой молниеносной быстротой и точностью.

Тамочку увезла карета скорой помощи — хотя всякая помощь уже не была нужна. Остатки Коли собрали по разным местам квартиры и увезли в каком-то жестяном ящике. Я сообразил, что хожу в одном белье и почти босиком и что где-то в глубине души еще тлеет надежда на то, что Тамочка выживет. Ну а если выживет? Без рук, без глаза, с изуродованным лицом? Господи, Боже мой! О чем мне молиться? О выздоровлении или об упокоении?

Все было в каком-то кровавом тумане. Я раз, кажется, пять посылал полицейских звонить в больницу: жива ли еще Тамочка? Потом подошел ко мне пожарный, снял свою каску и перекрестился: кончено. Все встали и перекрестились. Юра обнял меня за плечи и сказал только:

— Ну что ж, Ватик, значит будем переть до конца...

Вопрос только в том, когда именно наступит этот конец.

...Когда я взялся за свою антибольшевицкую работу — я знал, на что я иду и особенных иллюзий насчет своей долговечности не питал — не питаю и теперь.

Я не хочу говорить, что Тамочка пала невинной жертвой: она тоже знала, на что она шла. Но она думала, что убьют именно меня, и умоляла меня никуда не выходить по вечерам, а бомбу принесли рано утром. И не она, а я остался жив... Вместе со мной — остался жить и «Голос России» — не знаю, надолго ли? До очередной адской машины?

Стоит ли негодовать и возмущаться этим очередным убийством? Это было бы с такой же степени разумно, как возмущаться зубами бешеной собаки или жалом сыпнотифозной вши. Что? Это первое убийство? Или последнее убийство?

На похороны Тамочки и Коли пришла в с я русская София.

Итак — мы похоронили нашу Тамочку. Над ее еще не засыпанной могилой мы с Юрой дали друг другу клятву: идти до конца. Эту клятву слышала русская София, ее слышала православная церковь. Мы пойдем до конца. Нас могут убить — это верно. Но нас запугать — это уж извините. И профессиональным убийцам я отвечаю столыпинским:

«не запугаете»^[548].

Нашел в себе силы взять в руки перо и Юра. Он написал о своем друге — Николае Михайлове:

«Дым и пыл от взрыва еще не успел осесть. Я стоял на коленях, обхватив руками липкие от крови плечи Тамочки. Мы с Ваней только что перенесли ее к свету, на какую-то бесформенную кучу обломков кровати и кирпичей, обвалившейся стены. Она еще билась, тыкая в лицо голой костью оторванной руки. Кто-то кричал, что еще обваливалось, но я ничего не слышал и не видел, потому что в голове у меня что-то рвалось и лопалось, заглушая внешние впечатления...

Вдруг в сознание блестящим лезвием врезалось что-то острое и повелительное. Я не сразу понял, что это. Сделал усилие, чтобы сообразить, и наконец, увидел то, что давно видели глаза, но не доходило до сознания.

Из-под пыли известки и кирпичей торчала какая-то серая, жесткая щетка. Под ней была какая-то серая, запыленная и бескровная человеческая кожа.

— Еще кто-то... — мелькнуло у меня. — Колька!.. — и в голове сразу стало пусто, как будто черепная коробка не выдержала и все куда-то вылетело»^[549].

Следующий номер «Голоса России», через неделю, открывался статьей Ивана, озаглавленной так: «Мы остаемся на своем посту».

«Они думали убить «Голос России» и они его не убили... Мы с Юрой остались живы и мы с Юрой продолжаем оставаться на своем посту, — писал Иван Лукьянович. — Из нашей раздробленной квартиры-редакции мы вышли в полуголом виде — если хотите — в полуодетом виде. Из всего — весьма скромного имущества остались — пишущие машинки, две кровати и один стол. Семья наших старых друзей Каллиниковых приютила нас. Я просил о том, чтобы Тамочка и Коля были похоронены рядом с Ваней Каллиниковым, моим старым другом и сотоварищем, убитым большевиками в 1924 году, и сейчас, под землей, три борца за русское дело лежат так же, как мы все должны были бы с т о я т ь: плечом к плечу»^[550].

В этой статье Солоневич выделяет сразу несколько «результатов», которые показала убийство 3 февраля:

«Первое:

Оно к р о в ь ю доказало, что рассеянные по всему свету эмигрантские штабс-капитаны вовсе не такой никому не нужный и никому неопасный сброд, как об этом весьма любят говорить <...> Если большевики идут на риск покушений и убийств (а во всяком покушении и убийстве есть риск срыва и разоблачения), то только потому, что силы и будущность нашего зарубежья ими оцениваются гораздо выше и весомее,

чем оценивают наши <...> Ежели бы большевики рассматривали эмиграцию как сброд, то не нужно было бы ни отравления ген. Врангеля, ни покушений генералов Кутепова и Миллера, ни убийства третьего февраля: ну сброд и сброд, сам по себе догниет, денационализируется, забудет Россию.

О чем и зачем беспокоиться?

Второе:

Удары направляются исключительно против национальной части эмиграции. Никакому чекистскому дураку не придет в голову похищать товарища Казем-Бека. При несколько большей изобретательности Кремль послал бы в эмиграцию еще десять таких: никакого вреда, а только польза... Весь смысл красного террора заключается в том, что большевизм вообще, а нынешний абдул-гамидизм в частности хотят убрать возможных преемников власти в России. Так, чтобы страна все время не оказывалась перед перспективой: никого другого все равно нет... Кому придет в голову бросать бомбу в «Последние Новости»? Они ведь все равно для наследования русской власти никаких шансов не имеют — ну и пусть себе полегоньку критикуют: с одной стороны — нельзя не сознаться, с другой — нельзя не признать, не два ни полтора, не рыба ни мясо...

Я должен безо всякого прискорбия сознаться, что в некоторых отношениях я разделяю большевицкие убеждения: я, как и они, у б е ж д е н в том, что национальная русская эмиграция, наши штабс-капитаны, являются великой опасностью для большевиков. Я убежден и еще в чем-то большем: что именно они будут <...> власти, конечно, передача ее не пройдет в «конституционных формах»... Возможно, поэтому-то большевики ни разу не <...> наших либералов (это, действительно, сброд, сброд для России

уже совершенно ненужный) и все время наносят удары именно по штабс-капитанским рядам.

Это

оценка врага.

И эту оценку мы обязаны понять и вынести из нее все соответствующее <...>

Третье:

В печати высказывались предположения, что меня хотели убить как автора антисоветских книг, расходящихся по всему миру. С этим предположением я не согласен никак. Убийцы не могли не знать, что книги эти переведены на много языков и что моя смерть создала бы только лишнюю рекламу этим книгам — убийство третьего февраля такую рекламу фактически и создало. В э т о м отношении никакое убийство ничему помочь бы не могло. Убить уже выпущенную в свет книгу вообще невозможно. Но можно убить газету. Убийство было направлено только и исключительно против «Голоса России».

Четвертое:

Оно и здесь не достигло своей цели. «Голос России», хотя и кое-как, но все-таки живет. Но с него кровью двух мучеников за русское дело смыты всякие подозрения в советской агентуре.

Я никогда не возражал против таких подозрений. Они являются не только правом, но и обязанностью всякой русской национальной организации, мало ли какие чекистские волки могут <...> в овечьей шкуре, с медом на устах и с тротилом в кармане. Пожалуйста, проверьте. Не проверили. Жаль. Сейчас проверяют болгарские власти. Но для русского зарубежья проверка эта, пожалуй, уже и не нужна.

Подробности взрыва, я думаю, малоинтересны. Кто-то утром принес нашей прислуге посылку лично для меня, посылка была положена на стол, Коля ее вскрыл — и от него остались только клочки. Если бы Тамочка на

несколько секунд запоздала бы войти в столовую — она, может быть, осталась бы жива.

Я говорю «может быть», ибо тот факт, что мы с Юрой п о к а живы — факт вообще несколько фантастический. Вырванная из косяка дверь врезалась в стену в нескольких сантиметрах от моей головы — она с таким же успехом могла бы врезаться и в голову. Тяжелое кресло, стоявшее в столовой, выбило дверь из столовой в Юрину комнату и из Юриной комнаты — дверь на веранду и разбилось в куски о цементную балюстраду веранды. Оно могло бы пролететь аршином левее — и тогда от Юрочки осталось бы тоже очень немного. Я сейчас, в данном моем состоянии, не могу еще сказать: то ли Господь Бог нас спас, то ли Господу Богу было угодно возложить на наши плечи очень уж тяжелую ношу. Сейчас в сознании все еще в кровавом тумане и трудно ответить на этот вопрос. Но на некоторые в о п р о с ы я могу ответить с полной ясностью — ибо они продуманы и выстраданы долгими годами:

Борьба с большевизмом есть вовсе не политическая борьба. Не борьба просто одной партии просто против другой партии. Это есть борьба за Жизнь с большой буквы. Большевизм — это власть лжи, голода, смертей и убийства. Борьба с большевизмом есть обязанность всякого п о р я д о ч н о г о человека. Я хочу подчеркнуть: это не вопрос п о л и т и к и, а вопрос п о р я д о ч н о с т и: какая политика может быть в отношении убийц? Но всякий п о р я д о ч н ы й человек, видя, как на его глазах убивают девочку, не имеет никакого права перебрать в своей памяти все криминальные теории, пожать плечами и пойти дальше своей дорогой. Тут уж нужно драться. Драться до конца. Что там из этой драки выйдет — Господь его

знает. Но пожать плечами и уйти дальше — это значит уйти оплеванным на всю жизнь»^[551].

Эмигрантская печать откликнулась на трагедию поначалу вполне адекватно (это уже месяцы спустя начали печатать мерзкие сплетни о том, как большевики пытались убрать своего агента или что посылку с бомбой не распаковывали, а запаковывали). Журнал «Часовой» опубликовал статью Н. Солодкова под характерным названием «Вам нужны факты?» Автор сетует на эмигрантские дразги вокруг И. Л. Солоневича:

«А сколько было (может быть и есть) сомневавшихся в его искренности, приходилось слышать не раз: «Что, Солоневич? Да он провокатор»..., или дамское суждение о нем: «Он пишет ужасно грубым языком и я не могу читать такой газеты»...

Но вот и факт, факт разорвавшейся бомбы, унесшей в мир иной его лучшего друга, его жену, ближайшую помощницу и сотрудницу по большому, великому делу, творимому семьей Солоневичей для Русского народа и Национальной России»^[552].

«После получения в Варшаве сведения о покушении в Софии, жертвами которого сделались жена издателя газеты «Голос России» Т. В. Солоневич и сотрудник названной газеты Н. П. Михайлов, Председатель Российского Общественного Комитета обратился к И. Л. Солоневичу с письмом, заключающим выражение соболезнования, а Правление Российского Общественного Комитета опубликовало обращение к русским эмигрантам в Польше с призывом к поддержке «Голоса России», — сообщалось в «Кратком отчете о деятельности Российского Общественного Комитета в Польше в феврале 1938 г.». — Кроме того, 13-го февраля с. г. в помещении Российского Общественного

Комитета в Варшаве по почину Правления протоиереем о. Дмитрием Сайковичем отслужена была панихида по Т. В. Солоневич и Н. П. Михайлов, причем перед началом этой панихиды Председатель Комитета ген. П. Н. Симанский произнес краткую речь, посвященную памяти убитых»[\[553\]](#).

Таких писем и таких панихид были десятки и сотни, они прошли буквально по всем странам Русского рассеяния.

Отзвуки софийской трагедии раздавались в эти дни по всему миру.

Рейхсминистр Йозеф Геббельс записывает в дневнике: «В Софии покушение на Солоневича: террористы из ГПУ пытались взорвать его бомбой. Жена его мертва, сам же он невредим. Вот она, Москва <...> Эти Советы по сути своей — организованный преступный клан. Их нужно искоренять мечом и огнем»[\[554\]](#).

Лев Троцкий сообщал своим соратникам М. Зборовскому и Л. Эстрин в письме от 16 марта: «Относительно статей товарища Бармина. Они прибыли в такой момент, когда у нас здесь была большая тревога (попытка покушения того типа, который был применен в Болгарии против Солоневичей). Я вынужден был на известное время покинуть квартиру без рукописей и документов. Затем пришла весть о смерти Левы...»[\[555\]](#)

Старший сын Троцкого Лев Седов (фамилия матери) умер в парижской клинике 16 февраля. Было подозрение, что его отравили чекистские шпионы. В частности, один из адресатов вышеупомянутого письма Марк Зборовский, советский агент, внедренный в окружение Троцкого, в 1956 дал показания в американском суде, согласно которым это он тайно

устроил Седова в небольшую клинику, принадлежавшую русским эмигрантам, и сообщил о ее местонахождении своему руководству. Павел Судоплатов, отвечавший в это время за проводимые НКВД за рубежом «мероприятия по ликвидации» (в том числе за убийство самого Троцкого), утверждал, что к смерти Седова советские агенты не имели отношения.

На советского полпреда в Болгарии Федора Раскольниковца софийский взрыв произвел такое впечатление, что он стал невозвращенцем и написал свое знаменитое письмо Сталину. Супруга полпреда Муза Раскольниковца писала потом в своих воспоминаниях: «Жена И. Солоневича, Тамара, была убита взорвавшимся у нее в руках почтовым пакетом. Солоневич, спасшийся из лагерей НКВД, жил со своей женой в Софии, публикуя книги и газету, разоблачавшие преступления «доблестной ЧК». Хотя никто ничего не знал и следствие не установило, кто был виновником этого трусливого убийства, Раскольников думал, что резиденты НКВД были вполне способны на это. Мне было жаль эту женщину, и отвращение к темным убийцам нарастало все сильнее и сильнее»^[556].

Но главным образом бомба в редакции «Голоса России» ударила по оставшимся в СССР родственникам Солоневича и людей из его окружения. Ведь покушение в Софии большевики должны были признать своей неудачей. Главная цель — Иван Солоневич — уцелел. И словно в отместку по всей Советской России прокатилась волна новых репрессий. Уже через неделю после софийского взрыва, 10 февраля 1938 года был арестован ссыльнопоселенец Евгений Солоневич, единокровный брат Ивана, а на следующий день — их отец, Лукьян Михайлович. Приговорены к расстрелу Л.

М. и Е. Л. Солоневичи 7 мая, а 25 мая приговор был приведен в исполнение^[557].

В ссылке отец и сын проживали в поселке Соврудник Северо-Енисейского района Красноярского края. Лукьян Михайлович работал мастером эфирного производства Енисейзолотопродснаба, Евгений — старателем. Обоим инкриминировали антисоветскую агитацию и участие в контрреволюционной повстанческой группе, а Солоневичу-старшему — еще и то, что «поддерживал связь с бежавшими нелегально за границу сыновьями» Иваном и Борисом. Как сообщило в ответ на запрос Красноярского общества «Мемориал» местное управление ФСБ, «о месте захоронения сведений не имеется».

11 мая осуждена жена Бориса Солоневича — Ирина Пеллигер. В книге «За нами придут корабли. Список реабилитированных лиц, смертные приговоры в отношении которых приведены в исполнение на территории Магаданской области» дается такая краткая справка:

«Пеллигер Ирина Францевна, 1903 г. р., место рождения: Киев, русская, место жительства: Москва, арестован в 1936 г., осудивший орган: Тройка УНКВД по ДС, осужден 11.05.1938, статья: контрреволюционная деятельность, расстрелян <a> 17.09.1938, реабилитирован <a> 27.06.1989»^[558].

По некоторым косвенным данным, ее старший брат Лев был также репрессирован.

Дети Ирины и Бориса — Георгий и Нина — провели отрочество в спецколонию, дальнейшая их судьба долгое время была неизвестна. И только в начале 2020 года исследователь Сергей Хазанов-Пашковский опубликовал статью, основанную на архивных данных, из которых следует, что в 1943 году 17-летний Георгий Борисович Солоневич ушел добровольцем на фронт.

Имел награды, которых был лишен в 1951-м, когда его осудили на высылку как сына врага народа. Приговор вскоре по ходатайству был отменен [\[559\]](#). Далее следы Георгия опять теряются.

В апреле 1938-го был расстрелян большевиками Константин Левашев, младший брат соратника Солоневича Всеволода Левашева. Несмотря на свое дворянское происхождение (отец — штабс-капитан), он в 16 лет вступил в комсомол, работал в Петрограде в Василеостровском райкоме заведующим отделом пропаганды, затем закончил Облсовпартшколу им. К. Цеткин, преподавал обществоведение и политэкономии. Полтора года проработал библиотекарем в Публичке, а в феврале 1935 года был сослан на четыре года в знаменитый Туруханск «за содействие контр-революционной зиновьевской группе» [\[560\]](#).

Накануне сороковин, в номере «Голоса России» от 8 марта 1938 года Иван Солоневич публикует статью-некролог «Памяти убиенных». В центре ее, на первой странице газеты, в траурной рамке размещен следующий текст:

«На этом месте должны были быть напечатаны хотя бы несколько слов участия по поводу гибели двух новых жертв первой советской партии: еще одного русского мальчика и еще одной русской женщины. Мы ждали этих слов, и мы имели право их ждать: оба убитые были монархистами и оба погибли за Россию.

Эти слова **не получены**.

Династия была о б я з а н а их сказать. Она их не сказала...»

Это объявление, написанное Солоневичем в самые тяжелые дни его жизни, стало пиком открытого

конфликта с Династией, цинично-иронически он назвал потом этот текст «черным квадратом».

В статье же Иван говорил о мщении и вспоминал Николая Михайлова:

«Я буду драться против убийц. И у Тамочкиной могилы мы с Юрой дали клятву драться до конца. Эта клятва кое к чему обязывает. <...>

Колю Михайлова я знал сравнительно плохо. Наша так называемая редакция была организована таким образом, что Тамочка взвалила на себя почти всю техническую работу... Если можно так выразиться — я был владельцем газеты. Тамочка была ее хозяйкой. В ее полном распоряжении был и Коля.

Но Коля не был служащим газеты, как об этом не вполне точно сообщала печать. Он стал членом семьи. Он приходил в редакцию с утра и не всегда уходил на ночь. Я не думаю, чтобы ему было очень легко работать. Тамочка говорила, писала и стенографировала на четырех языках, и за ее темпами работы угнаться было нелегко. Я, например, и не угнал бы. Но мне была предоставлена чисто идеологическая часть, и мне не всегда удавалось вырваться на улицу даже за папиросами: не ходи, Ватик, убьют, я сама сбегая. А, вот, ее-то и убили...

*<...> Он **старался** работать, старался изо всех своих сил — но у него не хватало тренировки. А старался он из соображений такого рода:*

Когда я более или менее выяснил, что Коля собирается работать в «Голосе России» совсем всерьез — я решил с ним на эту тему поговорить: нельзя же подставлять мальчика опасности, не предупредив его об этом.

Я, помню, сидел за пишущей машинкой и ко мне вошел Коля. Я ему очень обстоятельно объяснил, что работа в «Голосе России» принадлежит к числу очень опасных профессий. Коля посмотрел на меня

флегматически и стоически и спросил — нет ли у меня папиросы. Папироса нашлась. Коля закурил, засунул руку в карманы — и его дальнейший разговор на великом, свободном и могучем русском языке может быть передан преимущественно многоточиями. В очень литературной обработке — он звучал приблизительно так:

— Ну и хрен с ним. А я это и без вас знаю. Так что же — так-то, так-то и так-то: струсить?

Коля не струсил. <...>

Но когда я еще один раз завел с Колей разговор о том, что, может быть, ему стоило бы найти себе несколько более многообещающую и несколько менее опасную профессию, чем работа в «Голосе России», то Коля посмотрел на меня совсем уж волком:

— А у вас, дядя Ваня, есть причины считать меня трусом и прохвостом?

Таких причин у меня не было. Мы пожали друг другу руки и поцеловались — не совсем последний раз, но последний раз в Колиной жизни. Последний раз был такой.

Когда, после взрыва, мы перенесли агонизирующую Тамочку на ее кровать или, вернее, на остатки кровати, то почти рядом с этой кроватью лежала левая половина Коли — не вся половина. И я улучил момент, когда в комнате никого не было, стал на колени и приложился к тому очень немногому, что осталось от Коли — еще одного русского мальчика, положившего свою душу за Россию»^[561].

Душевное состояние нашего героя, как видим, и через месяц после трагедии было крайне тяжелым. Слухи о том, что Солоневич сошел с ума или, как минимум, ушел в запой, многие русские эмигранты воспринимали совершенно всерьез.

Однако за эти сорок дней «душевнобольной» успел решить вопрос с переездом в другую страну. Вариантов не было: только национал-социалистическая Германия гарантировала безопасность писателю-антисоветчику. Иван Лукьянович потом горько шутил: переезд в Германию можно бы назвать ошибкой, но ввиду отсутствия выбора — не о чем и говорить.

В архиве министерства иностранных дел Германии сохранилась папка документов, которые предшествовали въезду Солоневичей в Третий Рейх. Ее открывает письмо Ивана в МИД, датированное 21 января 1938 года, то есть написано оно было за две недели до софийского взрыва.

«8 декабря 1937 года, — говорится в нем, — я обратился в Германское Посольство в Софии с просьбой о получении визы на въезд в Германию для меня и моего сына Юрия.

Из прилагаемого письма от Эссенского Издательства можно видеть, что я автор книг «Потерянные» и «Побег из советского рая» (два тома «России в концлагере» — И. В.) и имею намерение посетить Германию для чтения нескольких докладов о современном положении в Советском Союзе. Мой сын Юрий, 22-х лет, готов сделать доклад о советской молодежи для Гитлер-Югенд на немецком языке, так как владеет им хорошо.

Одновременно я хотел бы обсудить некоторые вопросы о своей будущей книге с руководством Эссенского Издательства.

Рейхсминистр д-р Геббельс в своей речи 5 ноября в «Спортпаласе» весьма хорошо отозвался о моих книгах: весь германский народ читает эти книги и более 200 немецких газет назвали их мощным ударом по большевизму.

Ныне я уже полтора года издаю в Софии антибольшевицкую газету и всегда дружелюбен по отношению к Германии и ее правительству»^[562].

Документам, залежавшимся в МИДе, после трагедии 3 февраля вновь дали ход.

Больше месяца длилась переписка между МИДом, Государственной тайной полицией (сокращенно — Гестапо) и ведомством д-ра Геббельса — министерством пропаганды и народного просвещения. Гестапо настаивало на более тщательной проверке, хотя никакого конкретного компромата на Солоневичей не имело, пропагандисты торопили. В итоге въездная виза Ивану и Юрию была выдана 5 марта, а 9-го (в книге Никандрова ошибочно указано 19 марта) они приземлились в аэропорту Темпельхоф под Берлином^[563].

«В Германию, весной 1938 года, я приехал не при совсем обычных обстоятельствах: зловещие люди убили мою жену, сын был слегка ранен, я не находился в полном равновесии, — вспоминал Иван Солоневич после Второй мировой войны. — И сейчас, восемь лет спустя, в памяти встает разорванное тело любимой жены и ее раздробленные пальчики, вечно работавшие — всю ее жизнь. Болгарская полиция откровенно сказала мне, что бомба пришла из советского полпредства, что она, полиция, ничего не может сделать ни против виновников этого убийства, ни против организаторов будущего покушения — может быть и более удачного, чем это. У нас обоих — сына и меня — были нансеновские паспорта, по которым ни в одну страну нельзя было въехать без специальной визы, и ни одна страна визы не давала. Нас обоих охраняли наши друзья, да и полиция тоже приняла меры охраны. Против уголовной техники зловещих людей, против их дипломатической неприкосновенности — эта охрана не

стоила ни копейки. И вот — виза в Германию, виза в безопасность, виза в убежище от убийц. Не трудно понять, что никаких предубеждений против антикоммунистической Германии у меня не было.

Мы провели два месяца в санатории — под фальшивым паспортом, которым снабдила нас германская полиция. Потом были первые встречи с германской общественностью. Я был принят как нечто среднее между Шаляпиным сегодняшнего дня и Квислингом — завтрашнего, но тогда еще никто не знал, что такое Квислинг. Обоюдное разочарование наступило довольно скоро, через несколько месяцев»^[564].

Впечатлениям Солоневича о гитлеровской Германии мы посвятим отдельную главу. На очереди — два необходимых отступления. Первое — небольшое эссе о «России в концлагере», книге, принесшей нашему герою мировую славу и круто изменившей его жизнь. Второе — рассказ о том, как из читательских кружков вокруг «Голоса России» начала формироваться новая эмигрантская политическая организация. Почему вдруг Иван Лукьянович, никаких партий создавать не собиравшийся и в вожди не стремившийся, оказался-таки во главе целого движения.

ГОСПОДА ШТАБС-КАПИТАНЫ

Впервые о «среднем русском человеке, скажем, штабс-капитане», как мы помним, Иван Солоневич заговорил на страницах «Голоса России» еще летом 1936 г. Тогда он, конечно, еще не вкладывал в понятие «штабс-капитан» того смысла, который стал основой одноименного движения.

Образ штабс-капитана в дальнейшем получил развитие: «это наш «средний слой», Mittelstand, позвоночный хребет всякой нации», — говорил Солоневич. Не обошлось и без превосходных форм: «белый штабс-капитан — это единственная русская сила, которая уже сейчас может организоваться и которая должна прийти под знаменем Белой Империи, и она будет силой, которая на все другие силы сможет более или менее наплевать»^[565].

Движение штабс-капитанов выросло как бы само собой — из кружков читателей газеты. Они «самотеком» стали появляться во всех странах русского рассеяния. Первый «Кружок друзей «Голоса России»» возник в Манчжурии — в Тяньцзине в начале 1937 г. его организовал друг детства Солоневича — полковник Д. М. Михайлов.

«Из далекого Тянь-Тзина получаю длиннейшее письмо лучшего друга моих юных лет Мити Михайлова, маленького человека неслыханной физической силы, исчезнувшего с моего горизонта в 1916 году — ровно двадцать лет тому назад, — вспоминал Солоневич о возобновлении связи с Михайловым. — Командует каким-то бронепоездом, начальствует в русском соколе и все еще крутит солнце на турнике. Митей он давно уже перестал быть — ему под пятьдесят. О своем прошлом Д. М. сообщает скупно: много дрался, много

пролил своей крови, а теперь увещевает меня: нужно тренироваться, Бог даст, еще за Россию повоюем...»^[566]

О судьбе Михайлова стоит рассказать подробнее, тем более что уже в наше время — благодаря стараниям протоиерея Константина Бусыгина из бразильского Сан-Паулу — личный архив друга детства Ивана Солоневича переправлен в Россию, а некоторые материалы из него даже опубликованы в ябургском (кингисеппском) альманахе «Михайлов День»^[567].

Дмитрий Михайлович Михайлов (1888–1979) в годы Первой Мировой дослужился до поручика, а в Гражданскую воевал в формированиях Восточного фронта адмирала Колчака: офицер Ижевской Народной армии (1918); командир 1-го полка Ижевской (бригады) дивизии (1919–1920). Капитан (1919). Полковник (1920). Участник Великого Сибирского Ледяного Похода. В эмиграции проживал в Китае, служил в русских частях Китайской армии, участвовал в Китайской гражданской войне^[568].

Появлению структур «штабс-капитанского» движения, безусловно, способствовал и опубликованный в декабре 1936 года в «Голосе России» спортивный комплекс «За Россию», который был составлен Иваном и Борисом Солоневичами и являлся программой физической, военной и политической подготовки «штабс-капитанов» эмиграции. Необходимо сказать, что Иван Солоневич уделял много внимания и разработке вопросов практического характера — подготовке тех «десяти тысяч», которые должны будут в решающий момент оказаться в России:

«...организованность, винтовка и крепкое сердце — в настоящее время — вот то, что может перевесить весы истории Государства Российского в грядущих и близящихся боях за Родину»^[569].

При этом он считал необходимым использовать опыт советской власти в организации подобного рода массовых мероприятий, в частности, опыт проведения в жизнь всесоюзного комплекса ГТО, в разработке которого он сам принимал участие.

Формально эта программа была ориентирована на эмигрантскую молодежь, но, как позже отметил Солоневич, ее «пункты относятся в равной мере к штабс-капитану в 18 и в 48 лет»^[570].

Как писал Иван Лукьянович впоследствии, «проект провалился»^[571].

*«Мы пытались подойти к конструктивной работе и совсем с низов, так сказать, с черного хода, — вспоминал он. — Такой попыткой был «значок за Россию». Не буду повторять его сущности. Смысл его совершенно прост и бесспорен. Никакой америки в нем нет. По таким же принципам работают и германские, и итальянские, и советские, и всякие другие молодежные организации. Это просто **современная техника массовой политически-спортивной организации среди молодежи**. Каждая из зарубежных организаций могла бы провести этот значок совершенно самостоятельно, никому не подчиняясь, ни перед кем не отчитываясь. И в Германии, и в Италии, и в Америке, и в СССР такого рода испытания и значки охватывают **десятки миллионов**. У нас можно было бы охватить десятки тысяч и, помимо всех других соображений, как-то подтолкнуть борьбу с денационализацией молодежи. Юноши и девушки, которые по школьным или профессиональным условиям совершенно оторвались от русских интересов, все-таки в какой-то степени были бы подцеплены такого рода значком. Повторяю: эта система проверена на опыте. К национально-гимнастической работе «Сокола» она относится так же, как пулемет относится к кремневке. Дело было*

совершенно ясное, и никаких «внутренних линий» здесь и быть не могло. Дело было сорвано начисто. <...>

Ни одна организация этого проекта не поддержала. После целого ряда издевательских откликов («подумаешь, какие умники выискались») только софийские галлиполийцы попытались что-то провести — не знаю, что у них вышло. «Сокол» увильнул. Я и писал, и разговаривал с Р. Дрейлингом. Писал уже и из Берлина: «Возьмите это дело на себя. Я организую пропаганду и дам деньги. Вам, именно вам, организации национально-спортивной, и все карты в руки». Брат Дрейлинг ответил мне замечательно милым письмом, выразил свою глубокую благодарность за мое желание финансировать «Сокол» — такого желания я вовсе не выражал, а о значке не написал **ни одного слова**, так, как будто бы не о нем вовсе и речь шла»^[572].

По данным исследователя К. А. Чистякова, комплекс был взят на вооружение молодежью Всероссийской фашистской партии (с середины 1937 года — Российский фашистский союз), Стрелковой дружиной РОВС, парижской группой «Белая идея», Русским обществом молодежи в Варшаве, поддержан Национально-трудовым союзом нового поколения и даже председателем РОВС Е. К. Миллером^[573].

Инициатива Солоневичей дала свои плоды: ячейки будущего «штабс-капитанского» движения стали появляться по всему Русскому Зарубежью именно на основе этого комплекса.

11 февраля 1937 года было создано Русское общество спортсменов (РОС) в Брюсселе под руководством Г. Н. Беликова. Брюссельский РОС был одной из самых заметных и активных организаций «штабс-капитанского» движения. Помимо всего прочего, это было связано еще и с тем, что первое

время его работу курировал Борис Солоневич, перебравшийся на жительство в Брюссель летом 1937-го^[574].

14 августа 1937 г. «Общество друзей «Голоса России»» появилось в Лионе (встречается также под названием «Союз «Голос России»»), председателем которого был избран «энергичный и деятельный» В. А. Карамали. Общество приняло лозунг «За Веру, Царя и Отечество». Через несколько месяцев оно насчитывало 39 действительных членов и 4 соревнователя и включало в себя три секции: культурно-просветительную, общественной связи и изучения советской действительности^[575].

Примыкала к «штабс-капитанскому» движению Российская национальная группа в Афинах, председателем которой был доктор А. Г. Хунцария. Он переехал из Парижа в Афины и создал в начале 1937 г. группу из 5 человек под лозунгом «против коммунизма под национальным русским флагом». Позже численность выросла, и организация приняла название Российская национальная группа в Афинах, в нее входили представители РОВС, РНСУВ, НТСНП, РФС и других организаций^[576].

Один из руководителей РФС Ф. С. Сиваченков писал о ней как об «объединении эмигрантов различных политических взглядов», «по своему значению подобной Бюро п/д Российских эмигрантов (организация, созданная властями Манчжурии для управления российской эмиграцией в стране. — И. В.), но с задачами исключительно политическими»^[577].

В конце ноября 1937 г. было основано «Общество друзей «Голоса России» в Лозанне. К этому времени аналогичная структура существовала при организации «Друзья национальной России» в Нью-Йорке. Достаточно активно действовали ячейки в Праге,

Белграде, Марселе, Харбине, Шанхае, Сиэтле, Монтевидео и других городах. С легкой руки Солоневича «штабс-капитанские» организации стали называть себя «берлогами»^[578].

Зачастую штабс-капитанское движение носило стихийный, неоформленный характер. Вот как, например, оно образовалось и затем действовало в Эстонии.

В июне 1936 года, когда вышел первый номер «Голоса России», из всех прибалтийских стран представительство газеты было только в Латвии. Но уже через полтора месяца в Таллине «Голос России» можно было купить в трех местах: магазине «Русская книга» (владелец — С. В. Заркевич, член РОВСа), в киоске на Балтийском вокзале и в газетном агентстве «Гобон»^[579]. Последнее из перечня к концу 1936 года выпало, зато добавились магазины «Pressa» в Юрьеве (Тарту) и Нарве^[580]. Но все эти киоски и магазины занимались преимущественно только реализацией печатной продукции, а газете — чтобы твердо стоять на ногах — необходимы были подписчики. Представители — «физические лица» — и брали на себя обязанность собирать подписную плату на местах, за что получали небольшой процент (обычно около 10 %). Контакты с этими людьми поддерживала Тамара Солоневич, после ее гибели — В. К. Левашев.

Иногда функциями представителей наделялись малознакомые люди. Так, Д. С. Дольский, проживавший в Эстонии, будучи проездом в Софии в конце 1937 года, выполнил просьбу другого бывшего офицера А. В. Руммеля передать деньги за газету в редакцию. Там он познакомился с Тамарой Владимировной (Иван и Борис находились тогда в своем самом громком лекционном турне — парижском), а по возвращении в Таллин получил от нее письмо с предложением стать

представителем «Голоса России». Он согласился и исполнял эти обязанности вплоть до 1940 года, когда Эстонию заняли войска Красной армии^[581].

Впрочем, ситуация с Дольским могла иметь и вынужденный характер: его предшественник полковник Б. В. Энгельгардт, секретарь Русского клуба в Таллине и председатель правления Союза русских военных инвалидов в Эстонии, перестал сотрудничать с Солоневичами. Более того, по предложению начальника 2 отдела РОВСа в Берлине А. А. фон Лампе Энгельгардтом была написана и издана в начале 1938 года брошюра «Русский Обще-Воинский Союз и И. Л. Солоневич»^[582]. Брошюра вышла под псевдонимом «Б. Бельский» — поскольку вся работа РОВСа в Эстонии проводилась неофициально, дабы не привлекать внимания местных властей. К этой брошюре мы еще вернемся.

Протоколы допросов сторонников штабс-капитанского движения (лето 1940 года), извлеченные из филиала Эстонского государственного архива, были опубликованы В. А. Бойковым в 2001 году в сборнике трудов Русского исследовательского центра в Эстонии^[583]. Из полутора десятков белых офицеров, протоколы допросов которых органами НКВД приводятся в сборнике, один только В. М. Сиротин (1984–1941) назвал себя сторонником штабс-капитанского движения, да и тот имел весьма путаное представление о его структуре. В частности, он утверждал, что в движение входили РНСУВ, Русская фашистская партия и еще «какие-то 2 организации». Остальные были всего лишь читателями и распространителями газет и книг, издававшихся Солоневичами (некоторые также делали скромные пожертвования). Впрочем, для чекистов и этого оказалось достаточным — практически все

арестованные и допрошенные были приговорены к расстрелу.

Безусловно, Эстония — не показательна для общей характеристики движения штабс-капитанов, но данные документы — лишнее подтверждение тому факту, что оно носило иррегулярный характер. Из протоколов допросов можно вынести и такую полезную информацию: число читателей газеты Солоневича в 2–3 раза превышало ее тираж, так как издание буквально ходило по рукам, а зачастую выписывалось вскладчину. Другое дело, что взгляды издателя разделялись далеко не всеми подписчиками и даже распространителями.

Появление первых ячеек нарождающегося движения Иван Лукьянович встречал с оптимизмом:

«...победит ли Сталин, победят ли Сталина — все равно — контр-революция. А контр-революция — это мы, штабс-капитаны. Кто же больше? Штабс-капитаны имеются не только в эмиграции — вполне достаточное количество их есть и в России. Так вот именно они — контр-революционеры тем или иным способом (о способах сейчас еще говорить трудно) и будут составлять российскую власть, к каковым функциям штабс-капитанам готовиться очень не помешало бы»^[584].

Как писал после войны В. К. Левашев-Дубровский, «штабс-капитанское» движение «в первые же месяцы своего существования стало оформляться по профессиональным признакам»^[585].

Внутренняя работа структур «штабс-капитанского» движения обычно состояла из занятий тематических групп. Например, Русское общество спортсменов в Париже, самая активная и многочисленная организация, состояло из идеологической, административной, земельной и рабочей групп. Штабс-

капитаны устраивали открытые собрания с организацией докладов, спортивные соревнования, стараясь привлечь на эти мероприятия эмигрантскую молодежь.

«До войны <...> мы стали налаживать дискуссионные кружки. В разных местах это делалось по-разному: в таких пунктах, как Прага или Белград, где к нам примкнули целые организации — как союзы инженеров, юристов, врачей и прочих — организовывались собрания. Там, где эмиграция была рассеяна, люди собирались по признаку соседства. Каждый номер «Голоса России» подвергался обсуждению, дискуссии, к р и т и к е», — сообщал не без гордости Солоневич своим послевоенным читателям^[586].

О формах работы штабс-капитанских «берлог» лидер движения писал так:

«Они шли от низов, так сказать — от масс. Безо всякого нашего участия появились кружки «Голоса России» — в Брюсселе и Тзян-Тзине, в Лионе и в Холливуде, в Лозанне и в Харбине. Я этим кружкам не написал ни одного письма и не дал ни одной инструкции. Это, как говорят в советской России, — самотек. Это выражение назревшей и наболевшей необходимости, это — результат тупика, в который попало русское зарубежье — элита и цвет русского народа»^[587].

К концу 1938 года «штабс-капитанское» движение включало в себя около 40 организаций, к весне 1940-го — около 70 структур в приблизительно 30 странах. Часть из них находилась на нелегальном положении — из-за симпатии властей ряда стран к СССР, противодействия эмигрантских организаций, в частности, «внутренней линии» — контрразведки РОВС, или просто в силу военного положения, введенного к

тому времени в странах — участницах Второй мировой войны [\[588\]](#).

«РОССИЯ В КОНЦЛАГЕРЕ»

Антология так называемой лагерной прозы насчитывает сегодня сотни, если не тысячи, мемуарных и художественных произведений. На вершине этой скорбной пирамиды давно обосновались «Архипелаг ГУЛаг» А. И. Солженицына и «Россия в концлагере» И. Л. Солоневича. Первый — что называется, официально, вторая — более чем неформально. Солженицынский «опыт художественного исследования» получил заслуженное признание на всех уровнях, включая школьную программу, утверждаемую, как известно, министерством образования. А вот автобиографическим очеркам Солоневича повезло меньше, по крайней мере, до сего времени: ни миллионных тиражей, ни внимания критиков, вообще, по большому счету, никакого особого внимания.

Меж тем история этой удивительной книги заслуживает отдельного исследования. Достаточно сказать, что среди восторженных читателей и почитателей «России в концлагере» были такие очень разные люди, как И. А. Бунин и Й. Геббельс, М. А. Алданов и Великий Князь Димитрий Павлович, В. А. Маклаков и И. И. Бунаков-Фондаминский, И. И. Сикорский и гр. Г. Кайзерлинг, П. Н. Милюков и гр. Толстая. Современники И. Л. Солоневича дали десятки свидетельств, не оставляющих сомнений: впечатление, вызванное книгой, было сильнейшим.

Монография о «России в концлагере» — книга о книге — без сомнения, когда-нибудь появится. Мы же решили в очередной раз отступить от хронологического принципа описания биографии И. Л. Солоневича и посвятить его бестселлеру отдельную главу.

Одновременно с окончанием печатания очерков в «Последних Новостях» в марте 1936 года «Россия в концлагере» выходит отдельным изданием. И, что удивительно, сначала на чешском языке^[589]. Первый перевод на иностранный язык вышел благодаря русскому издательству «Знамя России». Оно существовало в Праге при одноименном журнале (1933–1939), который сначала назывался «Вестник Крестьянской России — Трудовой крестьянской партии».

Чешскую публику потрясли, в первую очередь, масштабы репрессий: не менее шестнадцати миллионов узников в тысячах сталинских концлагерей — как бы население всей Чехо-Словакии! — представить себе такое насквозь буржуазному обществу было трудно.

Книга мгновенно стала популярной, поэтому второе и третье чешские издания последовали незамедлительно. Информацией о тиражах мы, к сожалению, не располагаем, известно только, что третье издание состоялось уже в сентябре 1936 года. К этому же времени Национально-Трудовой Союз Нового Поколения (НТСНП) подготовило и выпустило в свет первый том «России в концлагере» на русском языке^[590].

О необходимости отдельного книжного издания говорилось в многочисленных положительных отзывах русской прессы. Тон задавали газеты и журналы правого толка, отдававшие на перепечатки из книги иногда целые полосы.

«Очерки «Россия в концлагере» и статьи в «Современных Записках» носят отпечаток несомненного таланта и отличаются редкой ясностью и искренностью, — писал «Вестник Общества галлиполийцев». — И такой обезоруживающей подлинной жизненной правдой, что до сих пор ни один «эволюционист», ни один соглашатель не осмелился

выступить печатно с возражениями или опровержениями.

Солоневичу удалось в блестящей литературной форме показать нам черты антикоммунистической России, до сих пор не сложившей оружие и продолжающей борьбу за освобождение»^[591].

«С захватывающим интересом читаются очерки И. Л. Солоневича, — вторил журнал «Часовой». — Мы уже не раз ссылались на них и говорили, что, пожалуй, за последние годы его свидетельство о советской действительности — лучший вид антибольшевицкой пропаганды. Как живые, проходят перед нами типы несчастных, замученных русских людей, подлецов-рабовладельцев и приспособляющихся подхалимов. Нужно было бы это все рассказать иностранцам. Неужели же не найдется в эмиграции денег на перевод этого издания на французский язык. К тому же это издание, безусловно, себя окупит бы...»^[592].

Редактор «Последних Новостей», один из лидеров левой эмиграции П. Н. Милюков также публично признавал, что очерки Солоневича «блещут выдающимся талантом»^[593].

Естественно, что новопоколенцы, готовившие первое книжное издание «России в концлагере», старались привлечь внимание публики. Еще в мае 1936 года их союзная газета «За новую Россию» публикует информации о готовящейся публикации книги Солоневича^[594]. А по выходе «России в концлагере» из печати пошли рецензии. Одна из самых объемных — статья В. Д. Поремского (тогда — руководитель Французского отдела, в 1955–1972 — Председатель НТС), опубликованная в журнале «Часовой» в ноябре 1936 года^[595].

Наконец, нельзя не привести выдержек из послесловия к книге, коллективным автором которого

является Издательство исполнительного бюро НТСНП:

«Мы издали эту страшную книгу. Пусть пройдет она по всему русскому зарубежью, расскажет о муках и страданиях нашего народа.

Мы все о них знаем; видели, многие испытали сами, слышали с содроганием, прочитали не одну уже потрясающую повесть. Но да заглянем еще и еще раз в эту бездну. Пусть новая книга поставит еще и еще раз перед нашей совестью вопрос: «что делать? И можно ли ничего не делать?».

Мы знаем, что тот, кто прочтет книгу «Россия в концлагере», уже не посмеет лицемерно сказать: «мы ничего не можем». Он сам поймет, что мы обязаны делать больше, чем можем.

Первое издание первого тома разошлось, еще не выйдя из-под печатного станка. Многие прочтут правдивые рассказы И. Л. Солоневича. Прочитав его, и колеблющиеся и сомневающиеся должны будут понять (если они добросовестны), что в обстановке гнусного насилия, издевательства над человеком, попрания прав и свободы народа, родится не «новый мир» — происходит развращение народной души, физическое уничтожение нации. Как она отвечает на это, говорят растущие «концлагеря».

За колючей проволокой всероссийского концлагеря слабеет народная мощь, чахнут остатки нашей интеллигенции, находит безвременный конец российская молодежь.

<...> Россия борется — об этом свидетельствует существование концлагерей»^[596].

НТСовец Ростислав Владимирович Полчанинов, доживший до наших дней, вспоминал: «Быт в Советском Союзе мы изучали по материалам Солоневичей и по анекдотам из «Крокодила», конечно, с соответствующими пояснениями. Да, живя в свободном

мире, трудно было представить себе советскую жизнь с ее коммуналками, отсутствием частной торговли, доношением, соцсоревнованиями и прочими прелестями социализма»^[597].

Два первых двухтомника «России в концлагере» на русском языке расходились стремительно. Хронологию можно проследить по объявлениям, публиковавшимся в издании Солоневичей «Голос России».

1936 год, 25 августа: первый том вышел из печати и есть в продаже, второй выйдет к 15 сентября.

15 сентября: 1 том исчерпан, 2 выйдет на днях, на второе издание принимаются заказы.

13 октября: вышел и есть в продаже 2 том, 1 том во втором издании выйдет 15 ноября.

24 ноября: вышел 1 том во втором издании.

1937 год, 5 января: вышли оба тома во втором издании.

30 марта: осталось ограниченное количество экземпляров обоих томов второго издания.

Первый том первого издания вышел тиражом 1000 экземпляров, предварительных заявок было 600. Скорее всего, второе издание имело тот же тираж.

Предваряя выход книги, Иван Солоневич опубликовал в «Голосе России» целую статью. Приведем ее с небольшими сокращениями:

«Моя книга «Россия в концлагере» — очерками печатавшаяся в «Последних Новостях», могла появиться отдельным изданием только благодаря энергии или, если хотите, то и жертвенности того Национального Союза Нового Поколения, которого часть эмиграции презрительно обзывает «нацмальчиками», а часть — и еще проще — «наглыми мальчиками».

Предлагали мне свои услуги солидные издательства. Наиболее либеральные условия сводились к следующему: я передаю все права на

издание и за удовольствие сие уплачиваю издательству 2000 франков. Если бы эти франки у меня были — я бы, пожалуй, и заплатил бы. Но их не было.

«Нацмальчики» предложили: мы соберем по копейке и выпустим книгу. И, вот, — собрали и выпустили. Копеек этих было не так много — и к внешности книги лучше бы особых претензий не предъявлять. Вышла неувязка с размером: думали выпустить одним томом; сокращали, сокращали — и бросили. Сократить, действительно, было трудно. Пришлось выпустить два тома и этим подвести тех подписчиков, которые уже заплатили за один том. Думаю, что неувязка получится и с тиражом: набрали этих самых копеек на выпуск тысячи экземпляров, а к моменту выхода первого тома — предварительная подписка дала шестьсот экземпляров. Так что — неизвестно, каким тиражом выпускать второй том.

Все это я рассказываю к тому, что, когда нужно — в эмиграции находятся и деньги, и люди: не так уж мы бедны и тем, и другим... И — еще к тому — что вот у издательских китов не хватило ни денег, ни смелости — а «нацмальчики» дело сделали...

Как я уже говорил, эти очерки писались под давлением милюковского «социального заказа». В них — ничего не соврано, но в них далеко не вся правда о России. Были вопросы, не говоря уже о том, что России на воле я касался только мельком, с которыми в «Последние Новости» и соваться было нечего: пораженчество, еврейство, религия, монархия. Всех этих вопросов для Милюкова не существует. Не должно их существовать и для его читателей. Но, конечно, в России — эти вопросы существуют. И на воле, и в лагере о них ведутся разговоры и споры, но если бы я попытался дать эти разговоры в «Новостях» — то это,

по терминологии Милюкова, означало бы «протаскивание в диалогической форме своих собственных взглядов». Я не особенно старался «протаскивать свои собственные взгляды». Таким образом — картина получилась несколько однобокой: взгляды троцкистов, чекистов, украинцев, террористов — изложены более или менее полно. Взглядов русского мужика на евреев и на монархию я дать не мог. А они — ошибочные или не ошибочные — некоторого интереса все-таки не лишены.

Сейчас, в спешке первых шагов газетной работы, у меня нет никакой возможности дополнительно вставить мои беседы с «кабинкой монтеров» и с некоторыми лагерными мужиками, что для «Последних новостей» было сознательно пропущено. Когда с газетой несколько утрясется, я пересмотрю все полторы тысячи страниц своих черновых записей и постараюсь дать в газете эти материалы с таким расчетом, чтобы их потом можно было вклеить в книгу. Это — очень стоящие разговоры. Это — тема о проснувшемся государственном уме русского подсоветского мужика и рабочего. Они — не либералы — эти русский мужик и русский рабочий. Они прошли высшие школы колхозов и университетов лагерей.

В одном из номеров «Знамени России» была помещена передовая, в которой было сказано, что после очерков Солоневичей о ББК там была произведена ревизия, что много начальства полетело вон и что свободное слово и здесь сыграло роль обличающую мучителей и облегчающую мучимых.

Мне было, конечно, очень лестно согласиться с тем, что вот-де, вырвавшись на свободу и рассказав эмиграции о том, что делается в лагерях, мы тем самым в какой-то степени облегчили участь миллионов

лагерных рабов. К сожалению, с лестной этой мыслью я никак согласиться не могу. Очень много было написано и о Соловках — после чего Соловки распухли на всю Карелию. Много писали о лагере Чернавины — и я, попав в лагерь позже их — застал этот лагерь увеличившимся почти вдвое. Нет, не надо утешаться. Возможно, что по следам наших очерков проехала по лагерю какая-то комиссия и кое-что подчистила по административно-хозяйственной линии. Но лагеря продолжают пухнуть и до сих пор: не слышать о ликвидации старых и слышать об организации новых.
<...>

И — еще о моей книге — на этот раз в виде просьбы к читателям.

Я думаю, что продвижение этой книги к иностранному читателю могло бы в некоторой степени помочь пониманию того, что именно с ним, с этим читателем, произойдет — если он, этот читатель и избиратель, общественный деятель или министр, будет и дальше продолжать политику урывания торговых клочков шерсти с большевицкого пса («с лихого пса — хоть шерсти клок»), если он будет поддерживать всяческую керенщину в своей стране, — если он будет заключать договоры с Кремлем, если он и дальше будет, так сказать, продолжать вить веревку на собственную шею. Товарищи иностранцы понимают все это чрезвычайно плохо...

Я не очень ясно знаю — почему именно, но до сих пор моя книга ни на один иностранный язык даже и не переводится. То же и с книгой брата о русской молодежи в революции. Всякая халтура принимается с распростертыми объятиями, но «антисоветской агитации» издательства боятся, как огня. Только «Знамя России» издало мою книгу на чешском языке и,

несмотря на советофильские настроения в Чехословакии, сейчас, три месяца спустя после первого издания, — выпускает второе. С остальными языками — не вышло ровно ничего. То появлялись переводчики-дилетанты, которые полагали, что знание иностранного языка в объеме курса средних учебных заведений достаточно для перевода книги, то ставились мне условия — выкинуть всю «антисоветскую агитацию», то просто — некоторые хорошие русские люди, взявшись за перевод — не имея ни достаточной квалификации, ни достаточных связей с издательствами — очень много времени и работы ухлопали зря. Во всяком случае, шесть копий моих рукописей, разосланные в пять разных стран — погибли окончательно и бесследно. Теперь с выпуском русского издания — дело может быть сдвинуто с мертвой точки. Среди наших читателей, вероятно, есть люди, имеющие достаточные литературные и издательские связи — и вот к ним и обращаюсь я за помощью»^[598].

Дело с мертвой точки действительно сдвинулось. Первой страной после Чехословакии стала национал-социалистическая Германия. 27 апреля 1937 года в «Голосе России» появляется сообщение о подготовке издания «России в концлагере» на немецком языке под названием «Потерянные» в переводе «штабс-капитана» И. П. Слободяника. Оформлением обложки занимался Юрий Солоневича. Через две недели книга вышла из печати^[599]. Первая часть называлась *Russland im Zwangsarbeitslager, 1933*, вторая — *Flucht aus dem Sowjetparadies, 1934*. Общий объем двухтомника составил более 800 страниц. Полное название в переводе на русский звучит так: «Потерянные: хроника неизвестных страданий». Том первый — «Россия в концлагере», второй — «Бегство из советского рая».

В том же 1937 году вышло голландское издание (его название в обратном переводе — «Пролетарский» рай: Россия в концлагере^[600]) и первый том хорватского^[601]. Перевод на голландский язык был сделан также «штабс-капитаном», т. е. одним из сторонников И. Л. Солоневича, Е. Фирсовым (судя по объему, вышла только первая часть «России в концлагере»). Вторым том хорватского издания появился на свет годом позже^[602].

Наибольший тираж «Россия в концлагере» имела в Германии. Во многом благодаря рейхсминистру Йозефу Геббельсу. 1 июля 1937 года он заносит в свой дневник: «Читаю ужасающую книгу о России. «Потерянные» Солоневича. Фюрер тоже заинтересовался ею. Следующий день в жизни <нашей> партии будет опять посвящен борьбе с большевизмом»^[603].

Впрочем, еще до команды сверху Геббельса немецкие газеты давали восторженные рецензии.

«До сих пор вышла масса антисоветских книг, мы читали их просто килограммами, — писала, например, Westdeutscher Beobachter 19 июня 1937-го. — И, по совести говоря, при чтении большинства этих книг никак нельзя было освободиться от ощущения, что все они тенденциозны. Конечно, в политической жизни тенденция необходима, но когда дело касается чужих народов, она не всегда оказывается убедительной. Совсем иначе обстоит дело с автором «Die Verlorenen». Он дает совершенно трезвый отчет о виденном и пережитом. И нужно вчитаться в этот отчет, который волнует и потрясает душу. Когда читаешь Солоневича кажется, что слушаешь пророка. То, что он предсказывает в своем произведении, стало уже реальностью в последние дни. И дальше будет так, как предсказывает автор этой замечательной книги: Россия

восстанет против теперешних властителей и уничтожит их... Эта книга должна стать народным достоянием. Особенно рекомендуем также прочесть эту книгу Лиге Наций»^[604].

Deutsche Allgemeine Zeitung от 16 июня озаглавливает отзыв о книге Солоневича — «Ад на земле»:

«То, что пишет Солоневич о своих переживаниях в советском концлагере, совершенно соответствует действительным условиям жизни этих лагерей. Было бы неправильным сказать, что книга Солоневича читается, как самый увлекательный роман. Она читается с величайшим интересом и напряжением от первой до последней строки, но это напряжение вызвано тем, что здесь мы читаем об аде на земле, где человеческая жизнь ничто.

...Остается только пожелать, чтобы книга Солоневича нашла возможно большее число читателей в Германии. Мы с нетерпением ожидаем выхода второго тома. Книга издана Essener Verlagsanstalt в прекрасном переводе штабс-капитана Слободяника»^[605].

Der Aktivist от 25 июня приводит так же, как и первые две газеты, краткое содержание книги и пишет:

«Солоневич блещет в своем изложении чрезвычайно знаменательными выводами общего характера относительно возможностей освобождения от большевицкого режима. Анализ Солоневича так ясен и поучителен, как редко приходится встречать. Чувствуется, что, кроме физической силы, Солоневич обладает также недюжинным умом. Некоторые фразы приводимых автором героев звучат просто апокалиптически, как, например, слова Чекалина (приводятся слова). Мы всецело приветствуем появление этой книги и рекомендуем всем ее прочесть»^[606].

«Книга Солоневича с беспощадной ясностью показывает, что путь русского народа под пятою большевизма действительно является путем бесконечного страдания», — утверждала Schlesische Tageszeitung от 17 июня^[607].

Nurnberger Zeitung (10 июня 1937 года) констатировала:

«Солоневич сам называет свою книгу не агиткой против большевиков, а отчетом. И, действительно, книга повествует ясно и просто о реальных событиях в СССР. И тем ярче говорят события сами за себя. Они не бьют на эффект, но тем безжалостнее и ярче вскрывают зло советской системы, которую автор знает вдоль и поперек, иногда до тошноты реалистично. Книга переводится на 12 языков (теперь уже на 16 — прим. ред.), и это показывает ее значительность. Она откроет глаза многим из тех, которые не хотели до сих пор понять истинного положения в СССР»^[608].

Франкфуртская Neueste Zeitung от 19 июня перепечатывает всю главу об Авдееве и говорит, что книга И. Л. Солоневича является «потрясающим обвинительным актом против грубости, бессмыслицы и бездарности разрушающего культуру большевизма. Книга производит чрезвычайно сильное впечатление»^[609].

Pommersche Zeitung от 18 июня писала:

«... Из тех книг о Сов. России, которыми Европа была за последние годы наводнена, книга Солоневича является особенно замечательной. Даваемые им картины из жизни советского концентрационного лагеря оставляют очень сильное впечатление. Перед нами встают ужасные сцены безумного варварства, сцены, которых не в силах была бы выдумать самая изощренная фантазия. Именно в наши дни, когда советы подкапываются под все страны и соблазняют

легковерных лживыми фразами, книга Солоневича является особенно своевременной и мы ее приветствуем. Каждый немец, прочитавший эту книгу, содрогнется, но одновременно преисполнится благодарностью за то, что его не постигла подобная судьба. Иностранцам, которые еще до сегодняшнего дня верят лживым фразам Москвы, да будет книга Солоневича последним предупреждением!»^[610]

Еще пара цитат из немецкой прессы:

«Эта книга выделяется среди всех тех, которые были написаны о революции и о бесконечных мучениях русского народа. Книга эта превзошла по оставляемому ею впечатлению «Записки из мертвого дома» Достоевского. И когда ее прочтешь и выпустишь из рук, тебя охватывает такое чувство, как будто бы в этой стране большевицкого произвола и жестокости все человеческое является только мечтой». (Munchener Zeitung от 15 июня)

«Тот, кто интересуется жизнью в Советской России, должен прочесть недавно появившуюся книгу И. Л. Солоневича Die Verlorenen. Он не выпустит ее из рук, пока не дочитает до последней строчки, так как от этой книги захватывает дух, до того живо она написана. Книга заслуживает самого широкого распространения». (Der Mitteldeutsche от 26 июня)^[611]

И уж точно не по указке Геббельса отзывались рецензенты за пределами Германии.

Wiener Neueste Nachrichten (Австрия) от 16 июня 1937 года: «... В своей книге Солоневич рассказывает без ненависти, но с юмором, а иногда даже с цинизмом, о концлагерях в Советской России и о той глухой борьбе, которая непрерывно ведется против большевиков на широких ее равнинах».

«Het Vaterland» (Голландия) от 8 июня: «... В издательстве Van Stockum в Гааге вышла книга И. Л.

Солоневича *Het proletarische paradijs, Rusland een concentratiekamp*. Автор рассказывает с большим юмором и иронией об условиях жизни в советском концлагере и с большим знанием дела описывает советскую систему. Это делает его книгу чрезвычайно интересной»^[612].

Вернемся еще ненадолго к доктору Геббельсу. Запись в его дневнике от 14 октября 1937 года гласит: «Запоем читаю вторую часть «Потерянных» Солоневича. Просто ад на земле творится в России. Стереть его с лица земли! Долой!»^[613].

Затем Геббельс лестно высказывается о книге Солоневича публично, в своей речи 5 ноября в «Спортпаласе». Книга была рекомендована для чтения всему немецкому народу, и, как писал впоследствии Солоневич, почти 200 германских газет признали ее «сильнейшим ударом по большевизму»^[614]. В 1937 году вышло два немецких издания, в 1938-м — еще четыре и одно в 1939-м.

Не только политическая верхушка, но и интеллектуальная элита Германии, во многом стоящая в оппозиции к власти, оценила «Россию в концлагере» по достоинству. Солоневич говорит об этом с нескрываемой писательской гордостью:

*«Известный немецкий мыслитель граф Кайзерлинг, вычитал в моей книге то **самое важное**, что не вычитали наши растяпы: «русские, которые переживут сегодняшний ад, будут в сто раз сильнее и в сто раз интеллигентнее, чем их довоенные компатриоты»*^[615].

В то же время именно внимание власть предержащих дало возможность автору «России в концлагере» после взрыва бомбы в редакции 3 февраля 1938 года получить въездную визу в Германию. Большинство эмигрантских изданий связывало теракт

напрямую с антисоветской деятельностью Ивана Лукьяновича, и в первую очередь с его книгой «Россия в концлагере», начинающей обретать мировое признание.

«Так как Солоневич причинял большевикам большой вред своей журналистической и литературной деятельностью («Россия в Концлагере»), — резюмировал львовский «Русский Голос», — то в этом преступлении обвиняют, с большой долей вероятности, большевиков»^[616].

Но в итоге «акция устрашения» обернулась дополнительной рекламой, и в 1938 году, помимо третьего издания на русском языке (София: Голос России, 1938. — 515 с.) и дополнительных четырех немецких, «Россия в концлагере» выходит еще на нескольких языках.

Английский перевод назывался «Россия в цепях: хроника ужасных страданий»^[617]. Вторая часть («Побег из российских цепей») опубликована также в 1938 году^[618].

Вышло и французское издание^[619] (обратный перевод названия — «Красные колючие проволоки. Трое русских убегают с советской каторги»). С ним случился такой казус.

Много лет спустя, разбирая рассказ А. И. Солженицына «Один день Ивана Денисовича» и отмечая «приглаженность» текста, Борис Солоневич вспоминал: «История, немного схожая с этой, была с изданием на французском языке знаменитой книги Ив. Солоневича «Россия в концлагере». Французское издательство изъяло из книги все политические объяснения, всю кровь, грязь, страдания. И осталась только история трех здоровенных парней, которые весело и бодро, шагая по игрушечным препятствиям сбежали из кацета в Финляндию. Прямо-мило — приключенческий романчик...»^[620].

Автором предисловия к польскому изданию^[621] стал профессор Львовского университета Станислав Грабски, он выступил под псевдонимом Дебицкий.

«Либеральный строй, — писал проф. Грабски, — главной своей целью провозглашал обеспечение как можно более полного развития творческих, индивидуальных сил человека. Но уже во второй половине XIX в. оказалось необходимым, чтобы интересы личностей совпадали, а не противоречили, с благом народно-государственного целого. Нет уже также нигде строя полностью либерального. После мировой войны во всех цивилизованных странах установился определённый компромисс индивидуализма с социализмом. Между тем существует государство полного уничтожения свободы человека: это — Советская Россия.

Что при этом строе происходит с душой человека — это наиболее образно и вместе с тем наиболее правдоподобно, ибо всесторонне, описывает Иван Солоневич в своей книге «Россия в концлагере». Ее читатель должен решить для себя, готов ли он для налаживания государством планового хозяйства, которое возможно ускорило бы рост материальных сил и ресурсов страны, отдать на поругание всю свою человечность»^[622].

Кроме того, на польском же отдельным изданием печатаются две главы из «России в концлагере» — «Дети за колючей проволокой» и «Девочка со льдом»^[623].

И, наконец, несмотря на сильные в то время просоветские настроения в США, книга пересекает океан. Американское издание назвали «Советский потерянный рай».^[624]

New York Journal от 18 апреля 1938 года писал, что в книге Солоневича советский ад был показан «временами с силой Льва Толстого или Виктора Гюго»^[625]. Несмотря на столь восторженные отзывы, в Америке вышла только первая часть «России в концлагере».

В 1938 году готовились также издания на испанском, словацком, сербском и венгерском языках. На сегодняшний день никаких следов этих переводов найти не удалось, но поиски продолжаются.

Такой трудный и такой заслуженный успех дал автору возможность утверждать в июле 1939-го:

*«Людей, бежавших из советской России, очень немного. Из этих немногих только небольшая часть выступила с докладами о СССР. Из этих выступивших никто не знает России так, как знаю ее я. Из всех книг, написанных о СССР, моя книга получила наибольшее и никем не оспариваемое признание. На этом признании сходятся и граф Кайзерлинг, который, по его свидетельству («Цивилизация и Большевиизм», № 23), перечитал книгу три раза, и не только перечитал, но и передумал: «Немного истин мне кажутся более значительными и более важными, чем те, которые раскрыты в этой изумительной книге, и я советую всем без исключения моим читателям также **передумать** ее». У графа Кайзерлинга нет никаких мотивов говорить мне лестные слова. Нет никаких мотивов у германского министра пропаганды, с одной стороны, и у лондонского «Таймса» — с другой. Нет таких мотивов ни у «Matin», ни у Бунина, ни у Сикорского, ни у «New York Herald», ни у тысячи газет, которые писали об этой книге»^[626].*

К этому времени вышли также два тома итальянского издания^[627], а также первый том перевода на датский язык (второй вышел в 1940-м)^[628].

Кроме того, «Россия в концлагере» вышла впервые и на неевропейском языке — на японском, в 1939 году в токийском издательстве «Микаса сёбо».

В 1942 году первая часть книги была издана в переводе на исландский язык, второй том увидел свет в 1945-м [\[629\]](#).

...На этом, пожалуй, мы прервем наш небольшой очерк, поскольку рассказ о других изданиях «России в концлагере» будет уж слишком сильно выбиваться из хронологии изложения событий. Ради целого придется жертвовать частью.

ЗАКРЫТИЕ «ГОЛОСА РОССИИ»

«Наше движение было запрещено в Германии через неделю после моего приезда в Берлин», — утверждал Солоневич. Тут требуются некоторые пояснения. Во-первых, Народно-Имперское (штабс-капитанское) движение весной 1938 года еще только оформлялось. Во-вторых, именно в это время власти Третьего Рейха запретили существование русских организаций, имеющих центры вне Германии. Очевидно, Солоневич имел в виду именно этот запрет — ведь «Голос России» продолжал выходить в Болгарии благодаря стараниям В. К. Левашева.

Против организации Российского Национального Фронта в мае 1938-го немцы не возражали. Фронт объединил в своих рядах Русский Национальный Союз Участников Войны» (РНСУВ), дальневосточных фашистов К. В. Родзаевского, Российское Национальное и Социальное Движение (РНСД), «Русский Национальный Союз в Америке» (председатель Н. Мельников), кружки друзей «Голоса России» Солоневича. К фронту примыкали (официально не вступая) некоторые местные отделы НТСНП, казачьи организации, парижский «Кружок «Белая идея» В. А. Ларионова, группа газеты «Возрождение» (во главе с главным редактором Ю. Ф. Семеновым и писателем И. С. Лукашем), поначалу и Российский Имперский Союз.

Выступая 18 мая в Берлине на собрании организаций-участников РФ, Солоневич отмечал:

«Мы все сходимся на национализме, антисемитизме, фашизме и — хотя бы только принципиально — на монархизме»^[630].

Заявление, надо сказать, вполне красноречивое: самое важное и для штабс-капитанов, и для их лидера

— в конце списка, да еще и с оговоркой. Собственно говоря, дальнейшие события показали, что попытка создания Фронта целиком и полностью строилась на компромиссах, на антибольшевизме, отрицании западной демократии и «завоеваний революции» — при том, что устройство послесоветской России каждому виделось по-своему.

Председатель РНСУВ генерал-майор Туркул, например, был сторонником «фашистской монархии», лидер РНСД барон Меллер-Закомельский разделял нацистскую расовую теорию, дальневосточные фашисты стояли за «национальную диктатуру». Взгляды Солоневича в этот период не отличались строгостью и стройностью, что потом будет отчетливо видно по тексту Политических тезисов Народно-Имперского (штабс-капитанского) движения.

Звучала позже в его статьях и такая характеристика своего детища:

«Движение имперское, национальное, православное и глубочайшим образом народно-демократическое. Движение монархическое, ибо в монархии мы видим скрещение и закрепление Империи, Нации, Православия и народных интересов. Движение антисемитское по существу, а не по истерике, ибо еврейство было и будет врагом и Империи, и Нации, и Православия, и народа. Движение органическое, ибо мы ищем в нашей истории наших корней и ни за какими европейскими шпаргалками не гонимся Движение массовое, ибо оно и сейчас обращается не к старым верхам, а к новым массам, и еще потому, что оно обратится со своим словом к полтора-два миллионам русского народа. Наш расчет на эти полтора-два миллиона»^[631].

«Старые верхи», впрочем, и сами давно поставили крест на Солоневиче.

В самом сдержанном виде реакция на критику Солоневича была сформулирована редакцией журнала «Армия и флот»:

«Наши читатели просят нас высказаться по поводу последних выступлений И. Л. Солоневича в «Голосе России».

«Армия и Флот» — журнал военный и поэтому Редакция не считает возможным уделять место для подробного разбора обвинений, выдвинутых И. Л. Солоневичем против воинских организаций и их возглавителей.

Русское Офицерство признало положительную и талантливую работу И. Л. Солоневича в качестве свидетеля жизни современной России и отнеслось к его деятельности в эмиграции с полным доверием, что и выразилось в поддержке его изданий.

Однако Русское Офицерство не последует за «Голосом России», призывающим к разрушению основ существования РОВС-а, завещанных нам генералом Врангелем, и к бунту «берлог» против «канцелярий».

Кадры Русской Армии до конца выполняют свой национальный долг и не нуждаются ни в создании новых политических группировок, ни в новоявленных «вождях».

Наши недостатки мы знаем и боремся с ними.

Редакция глубоко сожалеет, что И. Л. Солоневич вступил на скользкий путь демагогической критики воинских организаций, жизни и деятельности которых он, видимо, не знает.

Редакция.

2 июля 1938, Париж»^[632].

О каких, собственно, обвинениях, идет речь? Мы и так довольно часто и пространно цитируем самого Солоневича, так что на сей раз обратимся к

публикациям его оппонентов. Для начала — к брошюре «Русский Обще-Воинский Союз (РОВС) и И. Л. Солоневич», которую в 1938 году издал Б. В. Энгельгардт под псевдонимом «Б Бельский». Псевдоним был взят не из малодушества. Просто-напросто в Эстонии, где проживал автор и была напечатана брошюра, политическая деятельность для русских эмигрантов была запрещена. А содержание книжки было как-никак политическим... На допросе в НКВД в 1940 году Б. В. Энгельгардт признавался, что написал он ее по просьбе генерала фон Лампе^[633].

Упреки Солоневича к РОВСу автор изложил в такой редакции:

«1. Аполитичность РОВСа, основанная на приказе № 82, запрещающем вхождение чинов РОВСа в политические группировки и партии,

2. Растрата политического капитала, оставленного РОВСу ген. Врангелем,

3. Растрата морального капитала, оставленного ген. Врангелем,

4. Растрата денежного капитала, оставленного ген. Врангелем,

5. Непонимание начальством РОВС значения политической (не военной) борьбы с большевиками и основанное на этом непонимании отмирание политической ценности и значения РОВСа, как антибольшевицкой национальной силы, которая могла бы стать решающим фактором по объединению и правильному использованию всех антибольшевицких элементов русского зарубежья.

6. Нежелание стареющего начальства РОВСа уступить свое место более молодым силам»^[634].

На все эти «легковесные» упреки Энгельгардт вполне тактично отвечает на десяти страницах и в заключение пишет:

«Перед нами, безоружными и слабо-организованными, стоят теперь такие перспективы и возможности, которые и сравнятся не могут с тем, что стояло перед Русской Армией, выведенной ген. Врангелем из Крыма.

Мы ослаблены организационно и материально, зато и противник не по дням, а по часам разлагается духовно и политически.

Не место здесь приводить доказательства, что враг безудержно катится в пропасть, захлебываясь в собственной крови.

На это положение мы обязаны действительно реагировать, мы обязаны найти пути к соглашению и образовать единый национальный фронт.

РОВС всегда приглашал всех и каждого найти пути к такому соглашению, памятуя лишь об одном: О РОССИИ.

Здесь не место указывать или разбирать в подробностях методы соглашения, способы организации такого фронта и его формы. При доброй воле все это будет найдено и осуществлено.

Укажем однако две необходимых предпосылки для этого:

- 1) Полный отказ от взаимных нападков и критики.
- 2) Предварительный сговор ответственных руководителей и авторитетных лиц русского национального зарубежья о способах и формах создания «национального фронта»[\[635\]](#).

Как видим, «старые верхи» немного опоздали — фронт уже был создан без них, и ни в каком руководительстве со стороны РОВСа РНФ уже не нуждался.

Брошюра вышла уже после закрытия болгарскими властями «Голоса России», но, по словам автора, была

составлена еще до того, как это известие достигло Эстонии. Последний номер «Голоса России» вышел 9 августа (из-за опечатки издателей во многих справочниках указана неверная дата — 9 апреля 1938 года). Естественно, сказались протесты советского посольства, но и без участия РОВСа вряд ли обошлось. Издание Солоневича вновь оказалось зажато в тиски — как и во время покушения 3 февраля.

Хлопоты Левашева по возобновлению газеты — уже под новым названием — заняли более двух месяцев. В этот промежуток подписчикам «Голоса России» были разосланы три брошюры Ивана Солоневича, причем две из них — еще в августе. Первая называлась «К суду офицерской чести, к суду русской совести и русского ума».

В предисловии, озаглавленном «Нашим друзьям» (в большинстве библиотечных каталогов брошюра и значится под этим названием), Солоневич писал:

«Сообщение о том, что по независящим от редакции обстоятельствам «Голос России» закрыт, пришло уже после того, как печатаемая ниже статья была отправлена в набор.

Закрытие «Голоса России», конечно, ни в каком случае не означает ни прекращения издания газеты, ни прекращения нашей антибольшевицкой работы. Но это закрытие явилось слишком большой неожиданностью. Поэтому в выходе газеты будет некоторый перерыв. Но этот перерыв не останется пустым. Следующее письмо будет посвящено наблюдениям и итогам нашей четырехлетней работы в эмиграции — 14-го августа исполнилось четыре года с момента нашего перехода через границу.

Дальше — будет видно»^[636].

Брошюра написана, пожалуй, даже чересчур эмоционально. Рефреном звучат в ней слова: «Прав я

был или неправ?» Суть статьи — обвинение РОВСа в клевете.

*«В той кампании лжи, травли и клеветы, которую ныне окружен «Голос России», — писал Солоневич, — РОВС занял первое и не очень почетное место. Именно на страницах его официоза — «Галлиполийского Вестника» генералом М. М. Зинкевичем была пущена в мир первая клевета о «психологическом тресте». Генерал Зинкевич подчинен командованию РОВСа. Если командование РОВСа сочло возможным сделать выговор «Часовому» за его **одобрение** деятельности ген. Витковского, то почему оно не сочло возможным дезавуировать **клевету** ген. Зинкевича?»*

Я утверждаю, что эта клевета была сознательной, обдуманной — заранее обдуманной и очень плохо обдуманной. По разному стечению обстоятельств РОВС имел, имеет и сейчас, возможность очень легко установить все этапы моей подсоветской деятельности. РОВС прекрасно знал, как знает и сейчас, что в этой деятельности я мог бы перед судом чести (конечно, при гарантии, чтобы в нем не было Скоблиных) сослаться на целый ряд документов, данных и свидетелей. РОВС прекрасно знал, как знает это и сейчас, что я всеми этими данными публично оперировать не могу, что это означало бы для одних людей. Его собственных сочленов, увольнение с государственной службы, для других людей — высылкой (так в тексте — И. В.) из некоторых весьма гостеприимных стран, для третьих людей — расстрелом их оставшихся в СССР семейств. Это обстоятельство болгарский отдел РОВСа учел совершенно точно, и на мое предложение суда чести генералу Зинкевичу он отказался наотрез. РОВС знал, что вступает в борьбу с человеком, у которого руки связаны. РОВС знал <...> о попытках ген. Скоблина организовать бойкот «Голоса России» <...> Позволительно спросить: в какой именно степени линия

Скоблина, пытавшегося задушить «Голос России» путем бойкота, совпадает с другой «линией», пытающейся задушить «Голос России» клеветой? Но план клеветы был обдуман кустарно и топорно»^[637].

Солоневич рассказывает о том, что статья из варшавского журнала «Меч» (очевидно, имеется в виду статья «Предприятие бр. Солоневичей» опубликованная без подписи автора в номере за 10 июля 1938 года) была разослана по всему русскому Берлину, а также по всем немецким учреждениям, в той или иной степени соприкасающимися с русскими эмигрантами.

«Я живу в Германии. Германские власти могут продлить, но могут и не продлить срок моего пребывания там. Наши друзья знают, что именно означает для меня добровольный или недобровольный отъезд из Германии, — пишет он. — Клевета «Меча» никаких последствий не имела. Немцы, что бы там ни говорила о них еврейская пресса, — толковый народ, и они очень ясно разбираются в том, где именно кончается глупость и где начинается подлость. Один русский немец, к которому тоже попала эта статья, сказал мне в утешение: «плюньте», и потом очень коротко сообщил свои соображения, которые я здесь привожу: «Представьте себе весы, на одной чашке которых лежал бы весь вред, который семья Солоневичей принесла большевизму: около 300 тысяч томов ваших книг, выпущенных в 15 иностранных изданиях и в 6 русских, ваши публичные выступления в двух-трех десятках городов, ваши статьи в иностранной печати (а среди них имеется и «Кандид» с тиражом около 300 тысяч экземпляров, и немецкая печать с миллионными таражами, и английская, и шведская, и финская, не говоря уже о русской), два года каторжной вашей работы над «Голосом России»... Что вот это все, вместе взятое, с точки зрения человека, не

окончательно впавшего в старческое слабоумие, не окончательно потерявшего способность отличить правую руку от левой, в какой бы то ни было степени перевешивает ту весьма проблематическую для большевиков пользу, которая получается от дискредитации некоторых заведомо и безнадежно пустых мест эмигрантской жизни? От дискредитации второй советской партии. От попыток доказать РОВСу преступность его аполитичности и анемии?»^[638]

В брошюре звучит и тема Российского национального фронта. Солоневич обращается к потенциальным и действующим соратникам:

«Господа офицеры! Сейчас на Дальнем Востоке идут бои, заключаются перемирия... Но если на Дальнем Востоке дело закончится советско-японской войной, то через месяц или через два, а может быть, еще и раньше вся Россия будет полыхать в зареве гражданской войны. По летам, по здоровью и по многим причинам не все из вас пойдут в эту войну, и я спрашиваю тех, кто пойдет на смерть, кто поведет своих рядовых на смерть или на победу за Россию: под чьим командованием вы предпочитаете быть в этой войне? Под командованием ген. Зинкевича или под командованием ген. Туркула? Я знаю, какие бы сплетни ни пускала по миру еврейская печать, вы предпочтете ген. Туркула — не стоит говорить, почему именно. <...>

Если вы предпочитаете чисто военную работу, идите в Академию и в кружки генерала Головина. Если вы предпочитаете чисто политическую работу — идите в НТСНП. Если вы предпочитаете военно-политическую работу — идите в организацию генерала Туркула. Если вы живете в Германии, вступайте в ряды РНСД. Это хорошая и крепкая организация, совершенно незачем создавать ей какую бы то ни было конкуренцию. Если вы живете на Дальнем Востоке, вступайте в ряды

фашистов Родзаевского. В Америке, по-видимому, наилучшим способом будет оформление и организация кружков «Голоса России», которым будут помогать и РНСУВ, и фашисты. Во всех местах, где бы вы ни жили, старайтесь объединять в одной общей работе всех участников этих движений. Нам не нужно дублировать нашей работы: и так нас слишком мало и работы слишком много. <...> Сейчас нам нужно сколачиваться в какие бы то ни было, пусть несовершенные, плохо оформленные, но все-таки организации — по моему глубокому убеждению — времени осталось мало. Я лично обязуюсь взять на себя то, что я сейчас могу сделать и чего, кроме меня, в эмиграции не может сделать никто: разработку основных положений Белой Идеи в применении к условиям постсоветской России и с учетом итальянского и германского опыта»^[639].

Наконец, в финале Иван Лукьянович предлагает организовать суд чести, который бы выяснил, «являемся ли мы советской агентурой, или руководство РОВСа оперирует клеветой. Такой суд, конечно же, не состоялся, да вряд ли Солоневич и надеялся на это.

Вышедшая следом брошюра «Четыре года» подводила промежуточный итог эмигрантской жизни. Начав с воспоминаний о жизни в Гельсингфорсе, к концу лидер штабс-капитанов вновь переходит к большой теме взаимоотношений с РОВСом.

«Меня не смущает то, что эти полтора миллиона, — пишет Солоневич о подсоветских людях, — живут нынче в голом виде. Что у них нет сапог, квартир, церкви и государства. В таком виде жил и я — и, как видите, ничего. Самое важное в жизни — это упорство. Если оно есть, то мы отстроим и сапоги, и жилища, и государство, и церковь, и Россию. Это упорство **вне всякого сомнения е с т ь**. И это упорство

предъявит верхам нашей эмиграции требования, которые этим верхам будут не под силу.

Для того, чтобы придти к этому прискорбному, но весьма глубокому убеждению, мне пришлось провести в эмиграции четыре года. Пришлось похоронить много иллюзий и много надежд. Пришлось констатировать тот факт, что «племя молодое» давно и далеко переросло наши авторитеты, переросло не только в России, но оно переросло и здесь»^[640].

Пожалуй, данная цитата ярко свидетельствует, что утверждения многих критиков Солоневича — дескать, исчерпав советские темы, он начал разводить склоки в эмиграции — мягко говоря, необоснованны. Poleмика или, точнее, разрыв с РОВСом — это все-таки продолжение изначальной линии, выраженной девизом газеты: «Только о России».

*«Попробуйте подойти к позиции «Голоса России» вот именно с этой точки зрения, — продолжает Солоневич, — и то многое, что вам кажется демагогией или противоречиями, или колебаниями из стороны в сторону, найдет свое законченное и логическое объяснение. Нужно было четыре года для того, чтобы по очереди отбросить все то, что для живой борьбы за Россию уже непригодно. Нужно отбросить те обломки, которые много позабыли — позабыли прежде всего свои собственные ошибки, но которые не научились равно ничему — не научились даже на своих собственных ошибках. Это мертвый слой. Поставим крест и пойдем дальше. <...> Зачем блокироваться с бездарностью? Нужно пройти мимо нее, нужно искать живой воды в той толще нашего миттельштанда (среднего слоя — **И. В.**), на который опирается всякая разумная государственность. Нужно обратиться к живым источникам нашей штабс-капитанской массы, с ними идти, с ними работать и с ними возвращаться в Россию.*

Они не подведут. Их — подводили много раз. Но они не подводили никогда. <...>

Теперь, окончательно порвав с осколками былых поражений, мы пойдём по новым путям. Не будем обещать золотых гор, как мы их не обещали два года тому назад. Можем гарантировать одно все силы мозгов и воли будут вложены в нашу работу.

Мы ещё повоюем, чорт возьми!»^[641].

Наконец, третья брошюра, вышедшая после закрытия «Голоса России», была названа Солоневичем «Россия и гитлеризм». С позиций сегодняшнего дня заглавие — вполне конъюнктурное, привлекающее внимание публики. Но к заголовкам Солоневич, вообще-то говоря, относился довольно пренебрежительно, особенно к названиям статей. К тому же брошюра рассылалась подписчикам и не была предназначена для свободной продажи. Так что Россия и гитлеризм под одной обложкой — вполне обычное дело для того времени... Другой вопрос — содержание. Сторонники и противники Гитлера в рядах русской эмиграции в 1938 году обозначились так явно, словно не только Вторая мировая уже началась, но и нападение Германии на СССР состоялось. Иван Солоневич, сколько возможно, пытается быть объективным

«Для нас, русских, — пишет он в брошюре, — как впрочем и для всего остального мира, гитлеровский режим в Германии имеет две стороны, которые и противники и сторонники его путают безнадежно. Этот режим мы можем рассматривать с двух точек зрения.

1. Этот режим привел к чрезвычайному усилению Германии. Из разбитой в войне, ограбленной в Версале, опутанной долгами, раздираемой борьбой партий, наводненной агентурой Кремля и безоружной страны Германия в фантастически короткий срок, правда с

огромными усилиями, восстановила и свою суверенность, и свою экономику, и свою вооруженную силу. Да, масла не хватает, но есть пушки. Мы, русские, очень хорошо знаем, что иногда при нехватке пушек не хватает не только масла, но и хлеба — у нас пушек не хватило. Никакой режим, противоречащий желаниям народных масс, не может создать сильного государства. Гитлеровский режим и формально, в результате целого ряда выборов, которые проходили по всем правилам веймарской конституции, и по существу — в результате огромного усиления Германии, необходимо признать режимом, целиком и полностью отвечающим интересам немецкого народа.

2. Всякое усиление всякого государства неизбежно вызывает опасения его соседей. Ведь недаром выросла английская система, благодаря которой Англия всегда выступала против сильнейшей державы на континенте. Все прошлое столетие сильнейшей державой на континенте была Россия, и английская политика неизменно направлялась против нас. Обязаны ли были мы считаться с опасениями Англии и сокращать свою военную мощь? Мы не были обязаны и мы не считались. Мы не считались даже и с договорами. По Парижскому договору, закончившему Крымскую войну, мы обязались не держать в Черном море военного флота. Во время франко-прусской войны Россия наплевала на этот договор и стала строить корабли, т. е. сделала то же самое, что сделала Германия по отношению к Версальскому договору. С Парижским договором мы поступили как с клочком бумаги — так же, как поступила с Версальским Германия. Англия с такой же легкостью наплевала на обязательства, данные ею во время войны арабам, отчего возмущенный полковник Лоуренс ушел в отставку. Польша с самого высокого дерева плюет на права национальных меньшинств, и в особенности русского, закрепленные целым рядом

договоров. И вообще от всех этих вильсоновских и версальских либерально-пацифистских знамен остались только портянки, да и то рваные. Не нужно становиться в позу готтентотского моралиста и утверждать, что ежели Иванов силен, то это хорошо, ежели Смит силен — это тоже хорошо, но ежели силен Шмидт, то он прохвост, нарушитель договоров, империалист и вместо пива пьет невинную ритуальную еврейскую кровь.

3. Всякое усиление всякого государства таит в себе опасность для его соседа. Советская власть является для Польши лучшим из всех мыслимых соседей, ибо она обеспечивает слабость России. В известной степени усиление Германии опасно и для нас. И именно на этой опасности, на струнах нашей боязни за судьбы грядущей России играют наши доморощенные политики обоих вероисповеданий, как православного, так и иудейского. Вот именно здесь медвежья болезнь подавляюще преобладает над доводами истории, географии и логики»^[642].

Национал-социалистической Германии Солоневич отвечает немало комплиментов, в том числе насчет истинного демократизма. Все это, конечно, дает повод современным демократам записывать его в фашисты, в пособники фашистов или уж как минимум, в коллаборанты. Но квинтэссенция его отношения к советско-германскому военному противостоянию (и это отношение не изменилось и с началом войны) все-таки в следующих словах из той же брошюры «Россия и гитлеризм»:

«Для того, чтобы овладеть Украиной надолго, т. е. на срок, превышающий длительность существования советской власти, нужно раньше и тоже надолго ликвидировать Польшу и Чехословакию, имея в тылу Францию и Англию и перед собой всю остальную послебольшевистскую Россию, которая за воссоздание

своего единства и своей мощи будет драться, если нужно, десятилетиями, а если придется, то и веками. Это очень невеселая перспектива. Но она невесела для обеих сторон. Очень плохую услугу обеим сторонам оказывают те люди, которые толкают Германию к этой перспективе. В числе этих людей есть много русских. Эти русские, сами того не ведая (а может быть и ведая), кладут свои очень увесистые гири на антирусскую чашу весов. По существу, «русский вопрос» в Германии еще не решен. Есть различные высказывания и есть разные точки зрения, но окончательной линии еще нет. И в каком именно виде она сложится — еще неизвестно...»^[643]

Солоневич пытался воздействовать на решение «русского вопроса» до самого конца.

Примерно за неделю до закрытия «Голоса России», 1 августа 1938 года генерал А. А. фон Лампе подготовил для рассылки высшим чинам РОВСа справку о положении дел русских политических организаций в Германии. В этом документе, введенном в научный оборот К. А. Чистяковым, немало места было уделено деятельности Ивана Солоневича. В частности, фон Лампе сообщал следующее:

«Появление в Берлине братьев Солоневичей с сыном (Борис С. появился только временно), высылка генерала А. В. Туркула из Франции, а представителя фашистов Радзаевского Тедли из Швейцарии — внесли в жизнь русской эмигрантской колонии в Берлине атмосферу напряжения, сплетни и опять той или иной взаимной грызни.

И. Л. Солоневич, которого предупреждали не против «фашистов», как он писал в своей газете, а против личности барона Меллера-Закомельского, пользующегося определенно отрицательной репутацией в среде объединения русских

национальных организаций, — пренебрег этими предупреждениями и всецело стал координировать свою работу именно с бароном, который наладил И. Л. Солоневичу лекции, как в Берлине, так и в провинции (в последней на немецком языке). Выступали также Б. Л. и Юрий Солоневичи, последний в том или ином виде вмешался в жизнь организаций русской молодежи.

Весной 1938 года политические группировки громогласно объявили о создании в Берлине нового «Национального фронта», в состав которого вошли: барон Меллер-Закомельский — от РНСД, генерал А. В. Туркул от РНСУВ, Тедли — от Дальневосточных фашистов (сменив в этой роли в Берлине А. А. Аверкиева), И. Л. Солоневич — от самого себя или от своей же газеты. К этому фронту примкнул и редактор русской берлинской газеты В. М. Деспотули.

Во все зарубежные газеты стали поступать ширококвещательные сведения о значении и успехах нового фронта. Тут были сведения о «падении» генерала Бискупского и о «замене» его не то И. Л. Солоневичем, не то генералом А. В. Туркулом, не то целой четверкой: Солоневич, Туркул, Тедли, Мельский. Были сведения о приеме сначала И. Л. Солоневича, а потом и генерала А. В. Туркула самим главой Германии А. Хитлером, а если не им лично, то министром пропаганды доктором Геббельсом и т. п.

Все эти сведения нервируют русскую эмиграцию повсеместно, так как несомненно, что современная Германия привлекает к себе сочувственные взгляды и устремления русских эмигрантов, ранее всего учитывающих антикоммунистические и антибольшевистские устремления современной Германии и ее вождей. Все эти измышления прессы в очень слабой форме «опровергались» И. Л. Солоневичем в его газете и никак не освещались В. М. Деспотули в редактируемой им в Берлине газете «Новое слово».

Словом, создалась вредная шумиха, разобраться в которой не так легко, а в особенности тем, кто стоит вдалеке от жизни русского Берлина. Милюков в своей газете умудрился даже связать имена Солоневича, Туркула и фон-Лампе в приписываемой им кампании против евреев...

Что же в этом всем правда и что ложь? Какова сила вновь народившегося «фронта»?

Раньше всего И. Л. Солоневич и его сын Юрий (брат — Борис вернулся в Брюссель и только собирается к осени переселиться в Берлин).

Лекции Солоневичей возбудили большой интерес в среде русской колонии в Берлине. Часть колонии не пошла из-за отрицательного отношения к организатору лекций Меллеру-Закомельскому, через которого (в видах охраны личной безопасности Солоневичей) только и можно было получать билеты, но большая часть пошла. Общее впечатление? Коротко резюмируя — меньше, чем было в книгах и в газете Солоневичей, и не так интересно, как в книге...

Гораздо важнее, что лекциями И. Л. Солоневича заинтересовалась германская провинция. Там он имел успех. Информации его были, несмотря на его оторванность от СССР, новы. Это принесло деньги и самому Солоневичу, и его «антрепренеру» — Мельскому.

Но «прием у А. Хитлера», «доктора Геббельса» — *все это сплошная выдумка*, тенденциозно пущенная и неохотно опровергаемая, — *этого просто не было* и, конечно, хотя бы в отношении А. Хитлера, — *и быть не может*. И. Л. Солоневичу и его сыну разрешено жить в Германии и разрешено читать лекции, во время которых их охраняют. Будет ли разрешено и дальше — вопрос, ибо плохо разбирающийся в германской действительности И. Солоневич в своей газете допустил рискованные замечания о своей «независимости» по

отношению к Германии — это произвело отрицательное впечатление. Рискованно и его заявление о своем материальном благополучии — это вызовет финансово-контрольный нажим. Вопрос о создании газеты в Берлине, на замену газеты В. М. Деспотули, — отпал. На это не согласились соответствующие власти. Будет ли И. Л. Солоневич очень держаться за пребывание в Германии — *вопрос*. Во всяком случае *успех* только в деле лекций, и, конечно, никакой возможности занятия места генерала Бискупского — *нет*. <...>

Г-н Тедли? За последнее время таинственная и едва ли чистая роль этого человека выяснилась как для русских, так и для германских властей. Останется он в Германии или не останется — вопрос второстепенный. Роль его *окончена*.

В. М. Деспотули спас свою газету от покушений новоявленного «фронта», закрепился в прежнем своем положении и, видимо, от фронта отходит.

Русский «политический сезон» наступает в Германии с начала сентября. Что же осталось от только что созданного фронта?

Тедли — изгнан. Деспотули — отошел.

Остались: Солоневич — с большими деньгами, с газетой и с культивированной ненавистью к РОВСоюзу, союзу Нового поколения, младороссам и т. п. Звено во «фронте» большое. А. В. Туркул, всячески пропагандируемый тем же Солоневичем и устно, и письменно, но с ограниченными правами и возможностями, ибо всякая связь из Берлина на Париж (газета «Сигнал») по существу своему гибельна в Германии. И, наконец, барон Меллер-Закомельский, немного поправивший дела своей организации на докладах Солоневича, но, видимо, задумывающийся о том, поскольку ему выгодно оставаться с Солоневичем и Туркулом, которые к генералу Бискупскому благожелательны мало. Барон человек, который

обстановку учитывает и переменит фронт, не очень задумываясь»^[644].

Ряд тезисов, изложенных в справке, нельзя оставить без комментариев.

Действительно, в апреле — июне 1938 года Иван Солоневич прочитал на русском и немецком языках около 15 докладов — в Берлине, Лейпциге, Дрездене, Касселе, Франкфурте-на-Майне и Гамбурге, выступали и Юрий с Борисом. Генерал фон Лампе имел в виду следующий пассаж Солоневича из статьи «О приказе номер восемьдесят два и о некоторых других вещах»:

«Вот еще один пример — на этот раз касающийся меня лично. Приезжаю в Берлин — после взрыва — в состоянии, весьма близком к психиатрической лечебнице. Немецкие врачи кое-как поставили меня на ноги и дали совет: возможно больше работать, чтобы забыть. Да, — работа нужна, но нужна была и для других целей, кроме забвения. Наметил цикл лекций для русской аудитории. За организацию цикла взялся РНСД. Из кругов РОВС'а посыпались предостережения: если вы будете выступать под флагом фашистов, — никто на доклады не пойдет. На предостережения я плюнул. На всех докладах зал — небольшой, человек на 700, — был переполнен до отказа»^[645].

Информацию «Последних Новостей» о замене генерала В. В. Бискупского на Туркула, Солоневича, Тедли и Меллера-Закомельского Иван Лукьянович назвал «стопроцентным вздором» — по мнению фон Лампе, это «опровержение» в слабой форме.

Вопреки утверждениям генерала, Солоневич не говорил открыто о своей «независимости по отношению к Германии», для эмигранта это было бы слишком рискованно.

«Что же касается моего пребывания в Германии, — писал он, — то оно было вызвано совершенно ясными причинами: необходимостью отдохнуть в таких условиях, при которых я мог бы не бояться за свою жизнь и за жизнь своего сына. Я считаю своим долгом высказать германским властям свою искреннюю признательность за их немецкую Gründlichkeit (основательность — нем.). Ежели они пустили меня с сыном в Германию, то они считают своим долгом обеспечить нас от дальнейших огнестрельных поползновений со стороны товарищей»^[646].

О своих доходах Солоневич писал следующее:

«Деньги у меня есть. Люди, хоть немножко понимающие в арифметике, могут сообразить, что около четверти миллиона томов моих книг, вышедших на 12 языках, дают достаточную материальную базу для брэнного нашего существования»^[647].

Добрая слава лежит, а худая бежит. Начавшаяся после «дела Скоблина» полемика с РОВСом и другими «верхами» очень быстро превратила Солоневичей в одиозные фигуры. Письмо проживавшего в Лондоне младоросса Г. М. Кньюффера от 22 июня 1938 года доносит до нас слухи, распространившиеся в эмиграции по поводу намеченного Второго Всезарубежного Собора Русской Зарубежной Церкви, и в частности, оценку личностей братьев Солоневичей:

«Пишу касательно тревожных вестей, которые слышал о предстоящем соборе в Карловцах. Вы, конечно, знаете, что хотят собрать духовенство и мирян, провозгласить Государя Императором и издать воззвание к русскому народу, призывая к восстанию. Среди мирян будут такие типы как Родзаевский и, наверное, Солоневичи. Уже многие бунтуют, предвидя, как и я, вред монархическому делу и развал Соборной

Церкви. Архиепископ Серафим разослал по приходам циркуляр против предстоящего Собора. Проживающий временно в Лондоне дальневосточный Архиепископ Нестор в ужасе. Мне кажется, что я должен поощрять всех на то, чтобы писать письма Митрополиту Анастасию с просьбой отложить Собор с указанием причин»^[648].

Большинство из приведенных Кнютффером слухов вздорны, и предпринимать какие-либо действия ему было запрещено с объяснением истинного положения дел. Однако упоминание Солоневичей в ряду «типов» показательно. Это было, к сожалению, уже не следствием слухов, а повторением прочно сформировавшегося в эмиграции мнения.

Начальник Императорской канцелярии Г. К. Граф еще раньше начинает резко высказываться об Иване Солоневиче: «Это природный провокатор, который все на своем пути разрушает. Личность злобная и злопамятная, хитрая, но и неглупая, однако, благодаря своей малокультурности и развитию часто делает и пишет глупости», — сообщает он в письме П. Н. Шабельскому-Борку от 20 мая 1938 года^[649].

Нелицеприятные характеристики нашего героя все чаще начинают звучать и в эмигрантской печати. В какой-то степени Солоневич их спровоцировал сам, но, как мы помним, и НКВД не жалел масла для поддержания огня: многие политические ссоры в среде эмиграции быстро сходили бы на нет, не будь еще одной заинтересованной стороны.

Конец 1938 г. ознаменовался началом нового этапа деятельности Ивана Солоневича — налаживанием организационной работы.

Сначала он писал:

«Да, я воздерживался и от политической программы. По той простой причине, что в данных условиях это означало бы автоматическое создание еще одной партии. Для существования такой партии — нет никакой политической необходимости. То, что в этом отношении я хочу выдвинуть, сводится, в сущности, к очень простой вещи: к политической детализации Белой Идеи в ее применении к психологическим и экономическим сдвигам двадцати лет русской революции»^[650].

И все же, по замыслу лидера, «штабс-капитанское» движение должно было постепенно превратиться в политическую организацию:

«Я воздерживался от каких-либо указаний, оформлений и прочего, исходя, во-первых, из надежд на то, что все это удастся влить в какую-то стоящую около РОВСа организацию, и, во-вторых, для того чтобы выяснить способность наших штабс-капитанов к самоорганизации. Словом — кружки росли самотеком.

Сейчас их работу нужно объединить. В виду этого я прошу все кружки выработать на основании собственной программы схематический устав и программу работы — чтобы ни то, ни другое не оказалось бы кабинетными измышлениями. Основная цель работы — это СЛУЖБА РОССИИ и наша подготовка к этой службе»^[651].

При этом Солоневич отмечал, что эта работа **«не заменяет и не отменяет** необходимости и сейчас, в данный момент, всеми имеющимися в нашем распоряжении способами вести борьбу против большевизма»^[652].

Основная задача текущей работы организаций была намечена так — идейная подготовка «штабс-капитанов» к будущей работе в России в качестве служилого слоя: «...штабс-капитанская масса нужна будет России, как

*правлящий слой. Если это выражение вам не нравится — возьмите более скромное: как административный аппарат <...> Но, при всякой мыслимой комбинации обстоятельств, штабс-капитанская масса станет **служилым слоем будущей России***»^[653].

Кроме того, началась практическая реализация проекта по изданию серии книг по различным политическим и социальным вопросам под общим названием «Белая библиотека». Параллельно сам Солоневич разрабатывал устав будущей «штабс-капитанской» организации и начал работу над книгой «Белая империя» (первоначальное название — «Идея Белой империи»), которая должна была стать основой идеологии штабс-капитанов.

Осенью 1938-го в Софии возобновилось издание газеты — «Голос России» стал выходить под тем названием, которое Иван Солоневич предполагал для своего издания с самого начала. Первый номер «Нашей Газеты» увидел свет 19 октября.

ОЛИЦЕТВОРЕНИЕ РОССИИ И МОНАРХИИ

«Наша Газета» начала выходить ровно через неделю после кончины Императора Кирилла Владимировича, наступившей 12 октября 1938 года. В современных исторических исследованиях часто пишут о том, что все монархисты эмиграции объединились вокруг нового главы Династии — Великого Князя Владимира Кирилловича — в 1938 году, как раз после кончины его отца. На самом деле, процесс консолидации начался после смерти Великого Князя Николая Николаевича, в 1929 году. Не случайно и Обращение Первоиерарха Зарубежной Русской Церкви Митрополита Антония (Храповицкого), в котором он, по сути, призвал паству присягнуть Государю Кириллу^[654], вышло именно в 5-ю годовщину восприятия Кириллом Владимировичем Императорского титула.

1938 год ознаменовался другим — самый широкий спектр политических организаций Русского Зарубежья (в основном, конечно, правого толка, хотя считать тех же фашистов правыми — как минимум, спорно) признал своим лидером Главу Дома Романовых. Это был весь «национальный лагерь» — те, кто не признавал никаких так называемых революционных завоеваний. Среди них были и классические реставраторы, но большинство — все же представляли пореволюционные течения, то есть партии и движения, возникшие в эмиграции. В их программных установках монархии обычно находилось место: от «почему бы и нет?» до искреннего убеждения, что только восстановление самодержавной власти в России может положить конец Смуте.

Среди таких легитимистов широкого профиля оказался и Иван Солоневич. Его отношений с Династией мы уже вкратце коснулись. Пытаясь противостоять одновременно левому уклону в лице партии младо-россов и правому, возглавляемому Высшим монархическим советом, лидер штабс-капитанов рассорился и с теми, и с другими. Отношение к нему представителей Династии также нельзя назвать положительным. Так было до октября 1938-го. Образно выражаясь, Солоневич едва ли не первый воскликнул: «Король умер. Да здравствует Король!» С самого начала возглавления Великим Князем Владимиром Кирилловичем Российского Императорского Дома и до самой своей кончины Солоневич отзывался о нем поистине с благоговением. Безо всякой лести — но непременно с чувством душевной теплоты.

В одном из первых номеров «Нашей Газеты» Солоневич поместил передовицу под названием «Царь и народ», в которой эти отношения он описал довольно емко и образно:

*«Монархия — это кусок хлеба. Пока этот кусок замазан большевицкой грязью — протягивать его в Россию нельзя. **Уже** сделаны ошибки, которые могут быть поправлены только путем самого резкого поворота. Если хотите — то и путем покаяния: русский народ никогда никакого покаяния не осудит и никогда не найдет его ни смешным, ни даже неуместным. В нем он будет видеть проявление высшего, религиозного мужества. Русский народ ни в чью непогрешимость не верит: такого догмата в православии нет. Все мы грешны, и все мы только рабы Божии. Русская монархия никогда не стояла на почве римского права — она стояла на нравственном законе, на православии...*

Вокруг нового Главы Российского Императорского Дома, Великого Князя Владимира Кирилловича уже и сейчас сплетается очень много старых и льстивых слов.

Не думаю, чтобы они могли ему помочь. Юность Великого Князя — это и недостаток, но и великое достоинство. Недостаток потому, что трудно в такие годы поднять на свои плечи такой страшный груз. Достоинство потому, что именно ему, Великому Князю Владимиру Кирилловичу — каяться не в чем. Но около его юности уже ходят кругом царедворцы и уже начинает намечаться какое-то новое средостение. То самое средостение, которое веками отделяло народ от царя, которое веками подрывало и дискредитировало монархическую власть, которое и сейчас, в эмиграции, образует собою лермонтовскую «жадную толпу, стоящую у трона».

Те, у кого есть субъективное гражданское мужество и у кого есть объективная возможность это мужество проявить, не имеют никакого права молчать в эти, может быть, решающие дни. «Жадная толпа» ухитрилась соединить над именем Династии две неприемлемые для России вещи: дворянство и большевизанство. Получился чудовищный ублюдок второй советской партии с реакционно-гвардейскими тенденциями, густо замазанными дегтем советской пропаганды. Ни с тем, ни с другим и порознь в Россию идти нельзя. Но идти одновременно **и** с тем, **и** с другим — значит, идти по путям политического безумия. Гражданские трусы могут об этом безумии промолчать. Льстивыми своими словами гражданские трусы у самых ног Династии роют для нее яму. Ловля счастья и чинов — это вещь совершенно безнадежная. Единственное, чего можно достигнуть на этих путях, это гибель старой Династии и мучительные и кровавые скитания России в поисках новой. Не будем увлекаться Иловайским. На путях русской Династии было много кровавых страниц, не укладываемых ни в какие легитимные рамки.

Юный Великий Князь Владимир Кириллович является последней, самой последней, надеждой на

*возможность возвращаться в Россию с прямым, гордо поднятым, знаменем и династии, и монархии. Если эта надежда будет сорвана средостением дворянско-большевицкого ублюдка, тогда и знамя Династии, и знамя монархии нам придется временно свернуть. Для нас Россия все-таки прежде всего и выше всего. И если у русских людей зарубежья не хватит силы или мужества разгромить этот союз **и** реакции, **и** революции, тогда нам придется искать новых путей.*

На Великого Князя Владимира Кирилловича история возложила задачу чудовищной тяжести. Мы все должны в меру наших сил помочь ему разрешить эту задачу. Но елейные слова — это слишком плохой метод. Нужно говорить правду. Хотя бы и горькую. Хотя бы и рискуя добрым своим именем. Умные люди и поймут, и простят. С неумными, может быть, придется погибать вместе»^[655].

Итак, новый Глава Дома еще не произнес никаких программных речей (только протокольное обращение о кончине своего родителя), а Солоневич уже говорит о надежде. Следующий шаг — личное письмо Великому Князю Владимиру Кирилловичу с выражением верноподданнических чувств. Оно было отправлено 1 января 1939 года, очевидно после того, как Солоневич узнал о том, что Глава Династии вот-вот намерен посетить Берлин. Это письмо обнаружил в архиве Российского Императорского Дома и впервые опубликовал А. Н. Закатов, нынешний директор Канцелярии Главы Династии Государыни Великой Княгини Марии Владимировны, дочери Государя Владимира Кирилловича.

«Ваше Императорское Высочество! — писал Иван Солоневич. — Разрешите мне обратиться к Вам с просьбой, с какою нынче обращаются к Вам вероятно тысячи русских людей: с просьбой принять и

выслушать. Я надеюсь, что в качестве русского монархиста — монархиста от рождения своего, и человека, прошедшего сквозь все мытарства советской жизни, я смогу быть полезным Вашему Высочеству, делу возрождения Монархии и делу возрождения России. Моя просьба вызвана прежде всего тем обстоятельством, что о целом ряде вещей, о которых я писать не мог, я могу доложить только Вашему Высочеству и б о л ь ш е н и к о м у. С другой стороны я имею основание предполагать, что едва ли еще кто-нибудь располагает такими данными об опорных линиях монархического движения в России, какие накопились у меня.

Насколько я знаю, мое имя Вам небезызвестно. И я прошу Вас, Ваше Высочество, отнестись к моей просьбе не как к попытке отнять Ваше время и Ваше внимание без очень серьезного повода. Я отдаю себе совершенно ясный отчет о той чудовищной тяготе ответственности перед историей России, которая нынче лежит на Ваших плечах. Я абсолютно убежден (это убеждение только закалилось в советское время), что Россия н е и з б е ж н о вернется к монархии. Но, может быть, в моих силах хотя бы немного сократить неизбежно мучительный путь к этому возвращению, и этим хотя бы немного заплатить свой долг перед Россией: всего заплатить все равно не удастся

Примите, Ваше Императорское Высочество, мои уверения в моей глубокой преданности России, Монархии и Вам, как олицетворению и России и Монархии

Ив. Солоневич»^[656].

Письмо приведено полностью, во избежание каких-либо кривотолков, которыми грешат враги «кирилловичей».

Встреча состоялась, но не в той форме, о которой просил Солоневич. Личной беседы не было, а было представление руководителей общественных организаций. Вместо серьезного разговора — лишь несколько минут.

Начальник Канцелярии Г. К. Граф так сообщает об этих днях в Берлине в своих воспоминаниях:

«22 января <1939 года>, в воскресенье, состоялось торжественное богослужение в соборе. Служил архиепископ Сергей Берлинский и всей Германии <на самом деле — Архиепископом Берлинским и всея Германии с 1938 года был Серафим (Ляде) — И. В.>. Архиепископ по рождению был немцем и хотя отлично говорил по-русски, но с сильным немецким акцентом, поэтому его служение звучало очень непривычно. Архиепископ Сергей был выдающийся человек по уму и энергии и много делал для своей епархии, поэтому был очень любим.

Накануне Владимир Кириллович довольно сильно простудился, и, в сущности, ему следовало бы сидеть дома, но к его встрече в соборе все было подготовлено, и его неприезд вызвал бы большое разочарование. Оттого он, преодолевая свою слабость и будучи почти без голоса, все же поехал в собор. Он отстоял все богослужение, и затем ему представились члены ряда общественных организаций. К счастью, это напряжение не только не повредило, он к вечеру стал себя немного лучше чувствовать»^[657].

И далее:

«24 января состоялся большой прием в честь главы династии, устроенный берлинскими общественными организациями. Это был первый случай, что они действовали объединенно. Обычно они действовали разъединенно, особенно что касалось отдела Общевоинского союза, возглавляемого генералом

Лампе. Усилиями официального руководителя эмиграции Бискупского эта вражда русских между русскими была прекращена. Главным лицом на этом приеме был Бискупский, и его помощниками были со стороны монархистов наш представитель Фабрициус де Фабрис, а со стороны Общевоинского союза генерал Лампе. По берлинскому масштабу прием был очень многолюден, не менее четырехсот человек. Прошел он очень оживленно, но не носил той сердечности, как прием в Париже»^[658].

Солоневич, как «монархист совсем всерьез» (его собственное выражение), никаких обид на Великого Князя не затаил. А свою статью «Монархия и штабс-капитаны», опубликованную в «Нашей Газете» в апреле 1939-го, прямо начал с цитирования пасхального обращения Великого Князя Владимира Кирилловича:

«Нынешняя власть за двадцать два года страданий народных залила потоками крови Родину нашу, довела Ее до небывалого обнищания и продолжает предавать интересы страны на пользу III интернационала

Бессмысленно верить в ее перерождение во власть национальную, и нельзя ее признать хранительницей государственных рубежей и защитницей интересов России.

Эта анти-русская власть, учитывая опасность нарастающего из недр народных спасительного национализма, силится направить здоровое устремление народа в русло своих отравляющих душу идей.

Те, кто верит в достижения нынешней власти и готовы усматривать в ней как бы преемницу создателей русского величия — в своем заблуждении не встретят сочувствия Моего. Интернациональная коммунистическая власть останется до конца своего врагом России и ее народов. Не может быть примирения

и соглашения с богоборческой лже-народной властью. Кто отождествляет с нею Русский народ, приносит ему и России только вред» [\[659\]](#).

Те самые надежды, о которых Солоневич говорил полгода назад, ожили. Комментируя обращение Великого Князя, он писал:

«Эти слова ликвидируют то, самое тяжелое и самое неправдоподобное, что было в истории русской эмиграции: попытки морально связать Династию с большевизмом, организовать международную поддержку большевизма путем спекуляции именем Династии, вести от имени Династии пропаганду советских достижений, советской эволюции и советского национализма.

Читатели «Нашей Газеты», вероятно, помнят, как я с первых шагов своей эмигрантской жизни восставал против этой чудовищной попытки. В течение долгого ряда лет эта линия, неправдоподобная и противоестественная, ни разу не была дезавуирована. Это сделано сейчас. С моей, с подсоветской, точки зрения дело заключалось, собственно говоря, вовсе не в том, что существование второй советской партии создало непереходимое средостение между Династией и монархическим зарубежьем. Дело заключалось в угрозе неизмеримо более реальной и неизмеримо более трагичной: в возможности полной дискредитации и полного срыва династической, а может быть, и монархической идеи в России.

С первых же шагов своей эмигрантской деятельности я объявил себя монархистом. Несколько раз повторял и повторю еще раз: мой монархизм имеет очень мало общего, а иногда и не имеет ничего общего, с теми эмоциональными факторами, которые определяют монархические убеждения большинства правых кругов эмиграции. Лично я с идеей российской

монархии не связан ни привилегиями прошлого, ни вожделениями на будущее»^[660].

Говоря о перспективах послесоветского устройства России, Солоневич отмечал:

«Монархия для нас не только то знамя, которое когда-то, в каком-то туманном, в каком-то неуловимо далеком будущем украсит кем-то другим построенное здание Империи Российской. Если это здание построит кто-то другой (если построит), то этот строитель, по всей вероятности, предпочтет обойтись каким-то собственным украшением. Для нас, как и для подавляющего большинства русского народа, монархия — это не только вывеска или приманка, а самый могучий двигатель в устройении и построении Империи Российской.

Теперь перейдем к другому вопросу: для нашей монархической деятельности — какие есть у нас орудия в руках и какие камни в печени. Один из самых тяжелых булыжников — младоросская партия, пасхальным обращением В. К. Владимира Кирилловича как политическое течение ликвидировано начисто. Казем-Бек неоднократно утверждал, что Династия — за него, и что без Династии младороссы — ничто. Сейчас основные положения младоросской партии дезавуированы начисто. Как политическое течение младоросская партия убита <...>

Полное изменение всего стиля русской жизни является совершенной неизбежностью. Это изменение вызывается целым рядом факторов, которые уже и сейчас определились с полной и безусловной очевидностью.

Совершенно исчез помещичье-дворянский слой, который определял собою тональность русской культуры и русской государственности. Этот слой уже не вернется.

Исчез влиятельный и мощный торгово-промышленный слой, который возродится очень не скоро, а в первые послереволюционные годы будет представлен чем-то вроде нэпманов советского периода.

Исчез служилый слой, веками воспитывавшийся в определенном стиле государственности.

В страшной степени ослаблена церковь.

Таким образом, над неоформленным глубочайшим крестьянским морем, пропитавшим собою и значительную часть пролетариата, нет никакой социальной надстройки, которая разделяла бы его монархические взгляды, нет никакого «приводного ремня». Советская интеллигенция, взятая в целом, поддержит монархию или под давлением народных масс, или в результате грядущих разочарований. Но всякое разочарование обойдется дорого.

В эмиграции активных монархических кадров нет вовсе.

Отсутствие монархической интеллигенции и по ту, и по эту сторону рубежа есть самая слабая сторона монархического движения и самая сильная угроза будущему российской монархии. Было бы преступлением закрывать глаза на тот факт, что этот участок монархического фронта оголен вовсе. Именно на этом участке следует ждать прорыва вражеских сил.

Тот факт, что девяносто процентов русского зарубежья настроены монархически, не доказывает ровно ничего и ровно ничего не гарантирует. Усилиями целого ряда лет, целого ряда лиц, партий и организаций монархическое зарубежье оставлено совершенно без руля и без ветрил. Вот тут-то и скажутся ошибки и эмиграции, и Династии. Они скажутся безусловно и неотвратимо»[\[661\]](#).

К сожалению, большая часть «политической программы» Солоневича основана на декларациях. Но перемену в отношении Династии не отметить нельзя:

«Я, как читатели, вероятно, уже заметили, лишен дара елейного славословия. И нынешнее положение Главы Императорского Дома я хочу оценить без всякой елейности. В очень схематическом изложении оно сводится к следующему: опереться не на кого. Ни одной действительно активной, действительно монархической организации у нас нет. На парижских банкетах — люди выпьют, разойдутся и будут считать свой долг перед Россией исполненным до дна. До последней капли. Если не крови, то, по крайней мере, вина.

Фашистские группировки еще не перестроились и, по крайней мере, в Европе, они очень слабы. Я не буду орать ура даже по адресу своих сотоварищей по национальному фронту. Денег нет. Перебиваются с хлеба на квас. Ничьей правительственной поддержки нет — все разговорчики об этом — ерунда. Наше штабс-капитанское движение наиболее обеспечено материально — штабс-капитанский фонд и мои гонорары, — но в масштабе политической работы это совершеннейшие гроши. Но и это движение находится еще в процессе организации. И на него опереться еще нельзя. Новопоколенцы, наиболее организованные, — занимают уклончивую позицию. Нужно сказать честно, что для текущей политической работы у них для этой уклончивости есть достаточное основание: опыт второй советской партии еще слишком свеж. <...>

Наше штабс-капитанское движение мы и дальше будем вести, как движение, стремящееся к созданию идеи и костяка будущего служилого слоя Императорской России. Будут по дороге и другие задачи — они существуют и сейчас, но они не предназначены для печати. Не будем связывать Главу Императорского Дома нашими организационными

*претензиями. Мы живем в такое путаное время, в котором буквально каждый день скрывает всяческие неожиданности и сюрпризы. Мы можем рисковать неожиданностями. Глава Императорского Дома рисковать не может. Ежели лидер штабс-капитанов сорвется на каком-нибудь неудачном политическом зигзаге — это полбеда. Если сорвется Глава Императорского Дома — это может быть уже катастрофой. Будем делать свое дело и постараемся вложить в это дело все наши силы и все наши мозги. За двадцать лет спячки нам все равно придется отвечать России, как она уже отвечает и сейчас за ошибки старого правящего слоя. Всякий слой, который в какой-то степени хочет быть правящим, должен прежде всего сознавать свою ответственность перед Родиной и прежде всего **свою** собственную ответственность. Будем упорны. Если ход истории подарит нас приятными неожиданностями — то и слава Богу. Если на нашем пути он накидает всяческого бурелома — займемся расчисткой. И сквозь все, что нам предстоит пережить, будем иметь в виду нашу путеводную звезду — воссоздание Императорской России, великой и свободной, но не лубочной и лубяной, а стальной и бетонной»^[662].*

Необходимо подчеркнуть: несмотря на некоторую идеологическую шаткость (основанную все-таки на публицистическом таланте лидера), штабс-капитанское движение наконец-то превратилось в настоящую монархическую организацию, возможно, самую крупную и реально действующую в период нового безвременья — Вторая Мировая война уже началась...

ИДЕЯ БЕЛОЙ ИМПЕРИИ

Программа штабс-капитанского движения так и не была написана. Ей могла бы стать книга Солоневича «Белая Империя», которая публиковалась с продолжением в «Нашей Газете» с октября 1939 года по январь 1940-го, но в свет вышло только две главы — «Дух народа» и «Монархия», причем вторая неполностью. Отдельное издание недописанной книги появилось в Шанхае трудами Дальневосточной группы «штабс-капитанского» движения в 1941 году, через несколько месяцев после нападения Германии на СССР.

Впрочем, начиная работу над книгой, Солоневич отвергал все мысли о какой бы то ни было партийной программе. В ноябре 1938-го на страницах «Нашей Газеты» он писал:

«Идея Белой Империи» — это, конечно, не программа. Это попытка сформулировать то общее, может быть, самое небольшое, но зато и самое глубокое, что говорит в русском человеке и по ту, и по эту сторону рубежа. Так сказать, формулировка голоса крови. Попытка прощупать то основное, что строило Россию и что будет строить ее дальше. Значит — не программа. Программ у нас есть очень достаточно, и в нашем лагере они мало друг от друга отличаются. Это попытка найти неизбежность и неотвратимость наших путей, путей, по которым «желающие» пройдут победителями, а нежелающих судьба будет отбрасывать вон...»^[663]

В процессе написания круг идей расширялся, и в январе 1940-го, в последнем номере «Нашей Газеты» Солоневич говорит уже о необходимости «дать в руки зарубежному штабс-капитану по мере возможности законченную и по мере возможности безукоризненную

монархически-национальную аргументацию. Дать русскому человеку вообще хорошо, убедительно и, что очень важно, ярко написанное изложение основ русской государственности».

В самом начале «Белой Империи» лидер «штабс-капитанов» дает такой странный для многих из нас нынешних и такой очевидный для него и тогда, и до самой смерти прогноз:

«Будущая Россия будет

а) неизбежно:

Страной, закончившей свое территориальное расширение.

Народом, занятым усвоением и устройством уже имеющихся территорий.

Хозяйственной системой, построенной в основе на столыпинском мужичке.

Государственной системой, построенной на служилом слое, или, по иной терминологии, на технической интеллигенции.

Империей, которая поставит своей целью идейную, хозяйственную и политическую автаркию.

Монархией, по-видимому, ограниченной корпоративным представительством.

Единым государством — всякие варианты «федерации» могут быть навязаны только иностранной силой и поэтому недолговечны.

Православным государством — появление конкурирующей идеологии чрезвычайно маловероятно.

Индустриально-аграрным самодовлеющим государством, по типу современной Америки. Иностранное давление может затормозить развитие отечественной промышленности.

б) почти неизбежно:

Сильнейшим государством мира; единственная в мире страна, имеющая такой однородный массив

населения и такой непрерывный массив территории»^[664].

По большому счету — это квинтэссенция книги, по крайней мере, той ее части, что стала всем известна. Весь остальной текст посвящен анализу последствий революции и доказательствам неизбежности того, что Россия вернется на свой исторический путь.

По мнению М. Б. Смолина, переиздавшего «Белую Империю» в России в 1997 году, этот труд должен был состоять не менее чем из шести глав. Он даже называет их: помимо двух опубликованных, это главы о Православии, о вооруженной силе страны, об экономическом положении и о правящем слое^[665]. С ним сложно согласиться, глав должно было быть намного больше. «Политические тезисы народно-имперского («штабс-капитанского») движения» — по сути, краткий конспект «Белой Империи» — включили в себя 21 пункт, не считая заключения. В «Тезисах» есть главки «Монархия», «Православие», «Армия», «Хозяйство и планы», «Правящий слой», то есть пять из шести указанных Смолиным. Маловероятно, чтобы «Дух народа» из «Белой Империи» мог превратиться в 16 пунктов «Тезисов».

Анализировать неоконченное произведение достаточно сложно, поэтому основное внимание мы уделим рассмотрению «Политических тезисов». Они были выпущены отдельными брошюрами дважды — в 1940 году в Софии^[666] и в 1941-м в Манчжурии^[667]. Кстати, вторые издатели прямо назвали Тезисы конспектом «Белой империи».

Но конспект в данном случае — не вырванные куски или цитаты, это отдельный, самостоятельный текст, связанный с «Белой Империей» только идеей.

Впрочем, еще одну характерную черту отметить надо. Это полемика с Авраамом Самуиловичем Позовым,

проживавшим в Афинах участником «штабс-капитанского» движения, врачом. Впоследствии Позов прославился в качестве религиозного мыслителя, и сегодня его богословские труды переиздают на Родине^[668].

Письмо д-ра А. Позова было опубликовано в номере от 5 июня 1940 года журнала «Родина» (о судьбе этого издательского проекта — чуть ниже). Он начал с комплиментов, в частности, отмечал, что в «Белой Империи» «положено начало русской народно-монархической идеологии». А также назвал книгу «самым крупным опытом русской политической мысли в эмиграции»^[669]. Впрочем, и дальнейшая критика отличалась корректностью.

Резюме Позова, впрочем, никак не могло понравиться Солоневичу:

«Формула «православие, самодержавие и народность» получила в дореволюционной русской монархии следующее выражение: 1) вместо самодержавного монарха — самодержавие и своеволие дворянства; 2) вместо православия — масонство (масонство было в России чисто дворянским течением. См. мой труд о масонстве); 3) полная атрофия начала народности. Большевизм спекульнул на восстановлении народного начала (иллюзия рабоче-крестьянской власти), с самодержавием Ленина и Сталина и с атеизмом вместо православия. В «Белой Империи» — подлинное восстановление народного начала, но с самодержавием народа и с теоретическим, условным православием.

Таковы достоинства и недостатки книги», — заключил А. С. Позов^[670].

Ответ Солоневича под названием «Пути иловайскими» помещен в том же номере журнала. И ответ этот удивляет своей резкостью, словно речь идет

об идейной стычке с врагом. Солоневич иронизирует и по поводу того, что Позов назвал его вождем, и на предмет прочтения русской истории по гимназическим учебникам. Иногда (но только иногда) он спорит по существу, чаще — просто отбивается.

«Я очень не хотел бы, чтобы эту длинную статью читатели поняли как публицистическое упражнение, а д-р Позов — как обиду или как демонстрацию моего полемического превосходства»^[671], — эти слова Солоневича, похоже, говорят о том, что он и сам не до конца был уверен в собственной правоте.

То, что проделал с «Белой Империей» доктор Позов, в наши дни повторил с «Тезисами» А. Н. Закатов. Его большой доклад «Легитимизм и «Народная Монархия» И. Л. Солоневича» стал центральным на IV научно-практической конференции «Иван Солоневич — идеолог Народной Монархии», прошедшей в Петербурге в 2006 году.

Как говорится, «умри Денис, лучше не скажешь». Средневековая компиляция в любом случае лучше современного плагиата. Поэтому вместо того, чтобы пересказывать своими словами, приведем пространную, на несколько страниц, выдержку из доклада Закатова:

«В 1940 году в Софии выходят написанные им <Солоневичем — И. В.> «Политические тезисы народно-имперского («штабс-капитанского») движения». Несмотря на заключительную декларацию: «Мы не группа, не партия, не союз и даже не организация. Мы просто представители движения, которое началось за тысячу лет до нас и которое будет продолжаться тысячи лет без нас и после нас», тезисы явно не дотягивают до уровня столь универсального и вечного произведения. В них много продиктованного текущим моментом, много дискуссионного и противоречивого,

как и в любой политической (да еще, к тому же, и эмигрантской) программе. В свете исследуемой нами темы наибольший интерес представляет шестой раздел «Тезисов» «Монархия».

Первая мысль этого раздела, с монархической точки зрения, споров не вызывает: *«1. Монархия является не только формой правления, типически свойственной русской национальной идее, но точкой концентрации всех творческих национальных сил.»*

Во втором пункте, наряду со справедливыми рассуждениями о схоластичности спора о формах монархии и о различии принципа монархии и принципа вождизма, мы наблюдаем смешение понятий абсолютизма и самодержавия, необоснованное приписывание авторитарной власти Наполеона Бонапарта и тоталитарной власти А. Гитлера характера самодержавия: *«2. Наше движение отмечает вопрос об абсолютной самодержавной или ограниченной монархии — как вопрос чисто схоластический. Ни абсолютной, ни самодержавной монархии никогда в истории мира не было и быть не может. Может быть самодержавие гения, не связанного с монархией, как Наполеон и Гитлер, или связанного с монархией, как Петр I. Но всякие гении преходящи, как преходяща отдельная человеческая жизнь. Монархия есть принцип, далеко выходящий за пределы отдельной человеческой жизни.»*

Третий пункт, при кажущейся идеализации взаимоотношений между Царской Властью и сословиями, в принципе верен и подтверждается историческими фактами: *3. Московская монархия ни в каких конституциях не нуждалась по той простой причине, что, идя во главе общего течения национальной жизни, она на своем пути встречала не попытки ограничения, а всяческую поддержку основных сил русского народа. Эти силы были заинтересованы*

никак не в ограничении, а только в усилении роли монархии. Церковь, купечество, тогдашнее дворянство и крестьянство неизменно приходили на помощь монархии во все моменты ее неустойчивости. Дворянство московской эпохи было служилым элементом, московской технократией. Роль позднейшего дворянства тогда выполняли князья и княжата. Опричнина и Смутное время были двумя революциями против этого слоя: опричнина — революцией сверху. Смутное время — революцией снизу».

В основном можно признать справедливость и четвертого пункта: *«4. После смерти Петра I монархия попала под дворянский арест с угрозой смертной казни в случае неповиновения правящему слою. Монархия девятнадцатого века не сумела повторить опричнины и была увлечена гниением и гибелью дворянского правящего слоя. Монархия будущая мыслима только и исключительно как общенародная монархия, идущая нога в ногу с новым правящим слоем, т. е. с русской национальной интеллигенцией».* Нельзя, однако, не отметить, что и трактовка событий Смутного времени, и оценка гипертрофированного политического влияния дворянства после реформ Петра Великого у И. Л. Солоневича чрезвычайно упрощена и не учитывает множество важнейших нюансов. Это было бы простительно для изложения в рамках сжатой политической программы, если бы не влекло за собой ряд последующих методологических ошибок.

В пункте пятом И. Л. Солоневич обращается к своему излюбленному выстраиванию шкалы ценностей: *«5. В порядке иерархии земных ценностей наше движение ставит на первое место Россию, потом монархию, потом династию, потом отдельных членов династии. Идеальным, но от нас мало зависящим выходом из сегодняшней катастрофы было бы*

гармоничное сочетание династии с историческими нуждами России и с современными требованиями сегодняшнего века». Ранее уже говорилось, что российская история задолго до Солоневича выковала триединую формулу иерархии ценностей в их нерасторжимой взаимосвязи: Вера-Царь-Отечество. Для монархистов в системе земных ценностей Царь является центром притяжения, краеугольным камнем, без которого бессмысленны и Монархия, и Династия. Нетрудно заметить, что в схеме Солоневича Царь вообще отсутствует. Очевидно, лидер «штабс-капитанов» зачислил его в «отдельные члены династии». Это, конечно же, абсурд. «Отдельные члены династии» являются такими же подданными Царя, как и все остальные граждане. Династия есть род, обладающий рангом государственного учреждения, из которого в установленном традицией или законом порядке происходят носители Верховной власти. Но именно и только один «член Династии» — ее Глава — Царь лично воплощает в себе идеалы Отечества, символизирует единство всей нации. Именно ему присягают и служат. Достаточно попробовать перенести метод И. Л. Солоневича на иерархию ценностей небесных, чтобы понять всю его нелогичность и внутреннюю противоречивость. Но для монархистов, еще не готовых воспринять главнейшую идею монархического мировоззрения — идею служения природному Богоданному Царю, свойственно на подсознательном уровне вытеснять из системы ценностей само понятие о нем.

Далее И. Л. Солоневич запутывается все больше и больше: *«б. Наше движение пытается и будет пытаться создать общественную атмосферу, которая ликвидировала бы пустоту, существовавшую между династией и нацией — средостение между Царем и народом. Или, иначе, мы будем создавать*

монархическое общественное мнение, категорически враждебное каким бы то ни было формам сословной реставрации». Так что же ликвидировать: «пустоту» или «средостение»? И если справедливо возражать против «сословной реставрации», то вряд ли разумно предполагать возможным существование монархии (да и вообще любого строя) совершенно без элиты. А именно это силится обосновать И. Л. Солоневич: «10. Наше движение отдает себе, с другой стороны, ясный отчет и в чрезвычайно тяжелом положении Династии — и до и после революции. В предреволюционные годы, как и сейчас. Династия была отрезана от народа нашим «средостением», которое предало и Россию, и Династию. Средостение это почти целиком перекочевало в эмиграцию. Для его преодоления необходимы усилия с обеих сторон». Только классовой неприязнью, несовместимой с сословным характером монархической власти и идеи, можно объяснить подход Солоневича: искоренять не заблуждения и пороки, поразившие значительную часть аристократии, а весь элитарный слой как таковой. Если опять же прибегнуть к аналогии, это подобно предложению обеспечить более народный характер епископской власти за счет упразднения иерейской и диаконской степеней священства, на том основании, что среди иереев и диаконов встречаются недостойные и аморальные личности.

Антидворянский пафос И. Л. Солоневича, этот своего рода «светский протестантизм», продолжает набирать обороты и переходит уже на Династию: «7. Учитывая тяжкий, кровавый и позорный опыт реставрации Бурбонов во Франции, принесшей на иностранных штыках реставрацию старого правящего слоя, — наше движение категорически выступит против всех представителей Династии, которые свяжут себя с этим слоем, — как оно выступало против

представителей Династии, связавших себя со второй советской партией. Мы отдаем себе совершенно ясный отчет, что борьба за монархию, прикрывающую старый правящий слой, будет борьбой прежде всего совершенно безнадежной. Тогда перед нашим движением, как и перед всей Россией вообще, станет вопрос об отказе от принципов легитимизма. Уклонение от этого отказа было бы равносильно политическому самоубийству во имя мертвых идей и мертвого прошлого». И. Л. Солоневич здесь явно лукавит. Вряд ли он смог бы указать, кто на тот момент из «представителей Династии» выступал за «монархию, прикрывающую старый правящий слой». Слова про «связавших себя со второй советской партией» гораздо конкретнее, ради них и писался этот пункт. И как бы то ни было, самое главное заключается в том, что И. Л. Солоневич допускает мысль о возможности «отказа от принципов легитимизма», если его не устраивают взгляды «представителей Династии». То есть, говоря проще, принципы легитимизма могут быть соблюдаемы только в том случае, если «представители Династии» будут придерживаться программы «штабс-капитанского движения». Ясно, что ни о каком легитимизме в этом случае говорить вообще не приходится, так как достаточно «представителям Династии» уклониться от сей программы хоть вправо, хоть влево, они немедленно будут отнесены к сфере «мертвого прошлого». Здесь необходимо вновь напомнить глубокие, мудрые и остроумные слова Л. А. Тихомирова: *«Нет такого зла, которое было бы хуже подрыва легитимности. (...) Плохие качества законного носителя власти естественно могут соблазнять к попыткам нарушения легитимности. Но тут-то и должно помнить принцип, что во всякое время и при каких бы то ни было обстоятельствах — лечить монархию посредством*

нарушения легитимности — это все равно, что лечить головную боль посредством ампутации головы».

Однако И. Л. Солоневич в то время настойчиво пропагандировал тезис о возможности отказа от принципов легитимизма: «9. Мы рассматриваем Династию Романовых как хранительницу огромной моральной ценности — единственно существующий источник бесспорной и бессловной власти. Мы, однако, отдаем себе ясный отчет в том, что, при слабости и изуродованности общественного мнения русской эмиграции, — Династия может быть вовлечена в ошибки, которые совершенно аннулируют весь ее моральный авторитет — как начисто был аннулирован моральный авторитет Бурбонов: в период ста дней Бурбонов не поддержал во Франции никто, и после ста дней Бурбоны снова были водружены силой иностранных штыков. В этом — катастрофическом — случае перед Россией станет вопрос о диктатуре бонапартистского типа с последующей необходимостью восстановления монархии не безусловно легитимным путем».

Довольно туманным выглядит пункт 8, затесавшийся между рассуждениями об отказе от легитимизма: «8. Осуществление русской национальной революции при участии монархии приведет к самодержавию интеллигенции, ограниченному монархией и теми моральными принципами, которые она воплощала в себе. Осуществление той же революции без участия монархии приведет к диктатуре интеллигенции с неизбежной борьбой за первое место в этой диктатуре. А также с неизбежным расколом нового правящего слоя и, следовательно, с новым отсутствием национального единства. Отсутствие национального единства вызовет новый припадок национальной слабости — так сказать, государственный обморок России». Прежде всего, трудно понять, что в данном

случае подразумевается под «монархией», и каким образом эта «монархия» сама по себе может участвовать в «осуществлении русской национальной революции». Монархия есть государственный строй, организующий всю нацию в соответствии с присущей ему системой ценностей. «Русская национальная революция», которую правильнее было бы назвать просто «контрреволюцией», направлена на восстановление этого строя. В противном случае она уже не русская и не национальная, а просто очередная революция. В витиеватых, но бессмысленных с точки зрения монархического мировоззрения утверждениях Солоневича можно распознать отголоски фашистских теорий, как раз и предполагавших «национальную революцию» без монархии. В данном случае Солоневич выступает не как монархист, а как фашист, готовый сделать некую уступку монархии из чисто практических соображений.

Подводя итог оценке довоенных взглядов И. Л. Солоневича, мы должны констатировать, что на этом этапе он был чрезвычайно далек от православного и легитимного монархического мировоззрения. Его монархизм чрезвычайно политизирован и из-за этого непрочен. На первый взгляд можно с этим поспорить и сказать: ну уж чего-чего, а монархической твердости у Солоневича не отнять. Но при ближайшем рассмотрении мы видим, что от любого из фундаментальных принципов Монархии Солоневич готов с легкостью отказаться, а иногда не просто готов, а очень хочет это сделать. Религиозная составляющая Монархии у него на третьем месте (если не значительно дальше). Самодержавие понимается как просто сильная власть, но при этом сам Солоневич не склонен ей подчиняться, если она хоть в чем-то придерживается иной точки зрения, чем он. Ну а уж про династичность и законное наследование власти вообще смешно

говорить. При каждом удобном и неудобном случае, даже когда у Солоневича находятся хорошие слова о Династии Романовых, он тут же, при всех дежурных оговорках, настаивает на том, что, скорее всего, от легитимного принципа придется отказаться. Он рассуждает о реставрации Бурбонов, не зная о ней практически ничего, кроме расхожих хлестких, но далеких от действительности фраз, и при том «забывает», чем закончилась во Франции «диктатура бонапартистского типа с последующим восстановлением монархии не безусловно легитимным путем» — истреблением цвета французской нации в глобальных войнах, утратой Францией своего мирового статуса и островом Св. Елены для диктатора, решившего задрапировать свою узурпацию псевдомонархической атрибутикой.

В связи со всем вышеизложенным, штабс-капитанское или народно-имперское движение следует причислить не столько к монархическим, сколько к фашистским организациям, использующим монархическую фразеологию»^[672]. (Конец цитаты).

Столь жесткий «разбор полетов» Закатов в конце доклада компенсирует следующим пассажем:

«В послевоенном творчестве И. Л. Солоневича уже нет места рассуждениям о возможности и оправданности нарушения легитимного принципа. Его движение теперь без всяких оговорок носит название «народно-монархического» и исповедует неукоснительный легитимизм»^[673].

Помимо «Тезисов» был и еще более краткий вариант «программы» — он вышел под названием «Основы штабс-капитанского движения» и рассылался подписчикам «Нашей Газеты» сразу после ее закрытия,

в феврале 1940 года. В отличие от «Тезисов», которые переиздавались и на бумаге, и в интернете, «Основы» почти совсем неизвестны современному российскому читателю. Единственную републикацию сделал в 2001 году В. А. Бойков^[674].

Это опять же не классический конспект, а оригинальное произведение. Более того: оно, скорее, напоминает устав организации. Идеологические установки звучат только во вводной части. Например:

«Штабс-капитанское Движение является движением общенародным, и поэтому оно не допускает никакого классового, кастового или сепаратистского подхода к решению русских проблем.

В виду этого для Штабс-капитанского Движения в одинаковой степени являются врагами:

а. Коммунист или социалист, проповедующий «диктатуру пролетариата»;

б. Дворянин, проповедующий возвращение сословный привилегий;

в. Самостийник, добивающийся расчленения России;

г. Еврейство и масонство, добивающиеся подчинения России интернациональным силам»^[675].

Остальное содержание касается тактических установок, организационных моментов и — отдельным пунктом — работы среди иностранцев. Ни о каком шпионаже или, наоборот, помощи зарубежным разведкам речь там, конечно, не идет. В основном, о необходимости влиять на общественное мнение посредством печати, участия в собраниях и т. п.

Созвучным идее «Белой Империи» была задуманная Солоневичем книжная серия. Она называлась «Белая библиотека».

«О Белой библиотеке разговор был поднят еще с генералом Миллером, — вспоминал Иван Лукьянович. —

«Нужно дать зарубежью сумму каких-то элементарнейших, простых, ясных и хорошо написанных книжек о самых элементарных, самых насущных проблемах современной русской жизни: о земле, о православии, монархии, об империи, о рабочем вопросе, о промышленности, об еврействе и прочее. Одному человеку это не под силу. Организации у меня нет. Давайте вместе». Генерал Миллер уклонился: «Да ведь это же будет политика». — «Ну конечно, политика». — «Нет, знаете, мы военная организация, мы в политику не вмешиваемся».

В результате русское зарубежье, на девяносто процентов монархическое, в девяноста девяти случаях из ста не сможет отстаивать своего монархизма. «Да, я монархист». А почему монархист? Потому ли, что у вас при монархии были имения? Потому ли, что при монархии был порядок, или потому, что монархия является национальной формой государственного бытия? Ничего этого не известно. Аргументация Льва Тихомирова совсем устарела: после нашей-то «бескровной», после провала американского «просперити» для монархии можно найти неизмеримо более убедительные доводы, чем те, которыми в свое время располагал Л. Тихомиров, — доводы, основанные на бесспорных исторических фактах. Где они? Нет их. Где итоги фашизма и национал-социализма? Серьезные, продуманные, оцененные с русской точки зрения? Нет их. Где опыт организации современных армий? Организации всего вооруженного народа для современной тоталитарной войны? Нет его. Где ясное и толковое изложение православной идеи, написанное не консисторским языком и в применении этой идеи к грядущей борьбе и строительству? Ничего нет.

С Белой библиотекой все-таки кое-что вышло. Но в каких условиях? Вот взялся за работу М. З. Никонов-Сморозин. А до Никонова-Сморозина была, например,

такая история. Пребывает в Берлине некий дядя. Так сказать, спец по земельному делу и, так сказать, энтузиаст нашего движения. Стали разговаривать с ним о создании земельного центра. «Да, я, конечно, все для России... Живот на алтарь отечества. Идейная работа... Не посралим земли Русской... Есть у меня и профессора... Все обрабатываем». — «Ну, давайте план». Принес план. И принес и смету. Он сам с жалованьем в триста марок в месяц и пять профессоров с жалованьем по двести марок в месяц. Итого — тысяча триста. Я глаза выпучил. «Ну, знаете, И. Л., это уж самая скромная смета. Германские учреждения платят никак не меньше». Я уставился на своего собеседника. «Предполагаете ли вы, что в моем распоряжении имеется германский государственный бюджет?» — «Ну, И. Л., у вас же денег куры не клюют, все это знают (привожу буквальную фразу). Да я ведь бывший директор отделения Дворянского Земельного Банка. Я вам за гроши работать не стану. И никто не станет». Мы на этом и распрощались. Очень вежливо. Бывший директор получил пятьдесят марок за предыдущие справки и выразил крайнее неудовольствие, что я ему зря морочил голову. Он бы за это время устроился на всамделишную работу.

«Ну и устраивайтесь».

М. З. Никонов-Сморозин бесплатно работать тоже не может. Ему, однако, нужно по меньшей мере полтора ста финских марок в месяц, то есть полтора ста франков. Иначе ему приходится обедать только через день. В. О. Унишевский: «Нет, на кой черт мне ваши гонорары. Я пока на немецком издании зарабатываю».

<...>

Белая библиотека, как она ни недостаточна, могла создаться только потому, что я окончательно плюнул на старые эмигрантские верхи: уж легче самому написать

пять книг, чем уговорить эти верхи хотя бы на поддержку одной»^[676].

После войны Солоневич подводил итог этой работы, обращаясь уже к эмигрантам второй волны:

«Народно-Имперское Движение за предвоенные два года издало «Белую Библиотеку» в составе: М. Никонов-Сморозин «Поземельно-хозяйственное устройство крестьянской России». Г. Апанасенко «Нация». Тряпкин «Церковь и Государство». И. Солоневич «Политические Тезисы Народно-Имперского Движения» (два издания). Без автора (Белград) «Что говорит Ив. Солоневич» — два издания. Я. Вагнер (Прага) «Солоневича судят» (два издания). И. Солоневич «Белая Империя» — Шанхай — (два издания). И. Солоневич. Избранные статьи (Шанхай). Я сообщаю все это для того, чтобы новые эмигранты, говорящие или могущие говорить от нашего имени, могли бы сослаться на все эти издания. И сказать: да, всего этого, может быть, и мало. Но н и о д н а политическая группировка эмиграции большего не имеет.

Это все было смыто годами войны. Немцы очень аккуратно конфисковали все, что попадалось им под руку. В Европе им под руку попадалось почти все»^[677].

Строго говоря, под эгидой «Белой библиотеки» вышло только две книги, остальные были изданы «штабс-капитанами» самостоятельно. Издание же библиотеки велось в рамках Российского национального фронта с бесплатной рассылкой изданий подписчикам «Нашей газеты», «Сигнала» (орган РНСУВ) и «Вестника РНСД».

Первая книга — Никонова-Сморозина, автора «Красной каторги». Вторая — это работы Апанасенко и Тряпкина, вышедшие под одной обложкой.

И еще об одной книге из списка Солоневича. Это брошюра Я. Вагнера «Солоневича судят!». Об авторе, увы, ничего не известно. А его книжка стала ответом сразу на две обличительные, антисолоневичевские брошюры. Первую из них написал... Борис Лукьянович Солоневич.

Борис в середине 1939 года выпустил в Париже брошюру «Не могу молчать!» Она открывалась красноречивым эпиграфом из двух цитат:

«Как ты уже давно знаешь, я считаю твою тактику в отношении эмиграции за последний год — вредной русскому делу... Это — не стройка, а разложение и разрушение»...

(Из моего письма брату, 18 марта 39).

«Если ты не прекратишь недостойной русского журналиста оскорбительной и клеветнической травли верхов белой эмиграции и, в частности РОВС, я буду вынужден немедленно опубликовать резкую брошюру о твоей тактике и постараюсь возглавить движение протеста против твоей разлагающей работы в эмиграции»...

(Из моего письма брату, от 4 мая 39).

«Твой нынешний ультиматум и по форме и по существу глуп уже до степени сумасшествия».

(Самая корректная и спокойная фраза ответного письма брата, от 5 мая 39)^[678].

Борис сдержал обещание — брошюра получилась резкой. Иван назвал ее «актом мести, в первую очередь самому себе» и отметил, что никакой политической подоплеки она не имеет. В самом деле, «политическая ссора двух братьев», как ее охарактеризовала эмигрантская печать, выглядела довольно странной в изложении Бориса. Пока он, Борис, был в редакции — Солоневичи несли зарубежью правду, рапортовали о советской России, а потом, особенно после гибели

Тамары Владимировны, у Ивана помутился рассудок и он стал «бить по своим», подрывать «общее дело».

Брюссельский «Часовой», софийский «Галлиполийский вестник», выборгский «Клич», варшавский «Меч», не говоря уже о левых органах печати, писали и того хлеще — о психологическом тресте, провокации, политической халтуре, демагогии, в лучшем случае — «коммерческом предприятии» Солоневичей. Именно — Солоневичей, потому, наверное, Борис и «не мог молчать». Отмежевался, так сказать. Хотя, по правде сказать, львиная доля слухов была связана именно с младшим из братьев.

Параллельно отстрелялся и РОВС — устами своего почти штатного пропагандиста Н. А. Цурикова, который написал работу под названием «Господин Солоневич и его «работа» в эмиграции».

«Вредитель и разлагатель», «Советский агент или беспринципный и аморальный политический спекулянт?» — так, например, называются две последние главки. Содержание 0 не лучше. Инкриминируя Солоневичу демагогию, ложь, подтасовку фактов, хамство, брань и прочее, автор сам грешит именно этим. Достаточно сказать, что слова Ивана Лукьяновича о том, что в революцию генералы забыли присягу и предали Царя, Цуриков называет ложью, да еще и с большой буквы^[679].

Разбирать подробно данный памфлет нет никакого желания, но вот что удивительно: общую точку зрения Цурикова об аморальности Солоневича разделяли многие в эмиграции, в том числе и достаточно известные люди.

Например, Петр Бернгардович Струве, легальный марксист в благословенные царские времена и непонятно какой масти политик эмигрантского периода (иногда его величают даже и монархистом), писал Н. А.

Цурикову 11 июля 1939 года: «Прежде всего о Вашей брошюре о Солоневиче. О частностях и мелочах всегда можно сделать множество «оговорок» и «примечаний». Но я хочу, минуя таковые, сказать, что я Вашу брошюру по существу безоговорочно одобряю и приветствую. Я считаю давно Сол <оневича> скверной и подозрительной сыпью на пораженном разными болезнями организме эмиграции. Вы мужественно и честно, доказательно и убедительно это сказали. Это — большая заслуга и настоящее «ассенизаторское» дело»^[680].

У Струве по отношению к Солоневичу были и еще более эстетские характеристики. В письме к Е. Д. Кусковой он отвел душу: «Солоневич же и лично, и как тип, есть едва ли не самое смрадное и гнусное явление всей русской эмиграции: очень даровитый, но «лукавый и прелюбодейный» продажный перевертень, соблазнивший и соблазняющий глупых «штабс-капитанов». Вместе с Гитлером и Сталиным, надо думать и надеяться, он попадет в ту же историческую «помойку»...»^[681].

Имя Струве возникает и вот еще в каком контексте. Профессор Иван Ильин писал в октябре 1953 года, через полгода после смерти Солоневича, В. Ф. Баумгартену: «И. Солоневич пользовался у нас самой дурной репутацией. Целый ряд низких поступков и наглых выходов в печати показали нам его во весь рост. Брошюра Н. А. Цурикова о нем, за которую Н. А. сидел в тюрьме и подвергался пытке в Гестапо, содержит точную правду об этом человеке»^[682].

Насчет «точной правды» — вопрос открытый, а вот по поводу гестапо лучше всего обратиться к воспоминаниям самого Цурикова. В эссе «Петр Бернгардович Струве», опубликованной в журнале «Возрождение» в том же 1953 году, он писал: «Моя

брошюра «Советское правительство, иностранцы, война и позиция эмигрантов» <...> казалась ему (*Струве — И. В.*) лишь чрезмерно острой и откровенной, откровенной, может быть, в *разных* смыслах, ибо в моей брошюре была фраза «с иностранцами, без иностранцев или *вопреки* иностранцам». (Может быть, эти два последних слова и были причиной моей тюрьмы)»^[683].

Итак, сам пострадавший считал причиной своего заключения брошюру, изданную в 1936 году, а проф. Ильин валит все на Солоневича...

Вот с такими «ветряными мельницами» и бился благородный Я. Вагнер, лично Солоневича не знавший, но чуткий на правду.

Приведем только две небольшие, но яркие цитаты из книжки Вагнера:

«Две брошюры.

Одну написал брат Борис.

Другую — Н. Цуриков.

Не будь Ивана, не было бы и Бориса.

Без Бориса у Ивана было бы меньше работы, заботы и страданий. <...>

Без Цурикова РОВС бы давно захирел»^[684].

«Критика Бориса правдивая, ибо он... не ведает, что творит.

Брошюра Н. Цурикова — речь беспощадного прокурора — умная, глубоко оскорбительная и неправдивая»^[685].

Между закрытием «Нашей Газеты» и началом выхода «двухнедельного общественно-национального журнала» «Родина» Иван и Юрий Солоневичи посетили Финляндию. Это произошло как раз в разгар Зимней, или советско-финской, войны. Солоневич писал

впоследствии, что ездили они по приглашению финского генерального штаба для постановки антисоветской пропаганды.

«Моя задача, — вспоминал он, — сводилась к тому, чтобы убедить финское правительство принять лозунг «Борьба за нашу, но и за вашу свободу»^[686].

Как сообщает автор книги «Солоневичи и Север» Е. Г. Сойни, исследовавшая финский период творчества писателя, отец и сын прибыли в Финляндию 31 января 1940 года — через Швецию в Турку — и сразу в Гельсингфорс^[687]. Их встречали генерал Вальден, через месяц ставший министром обороны, и полковник Линд. Встречи с Вальденом продолжались два дня, их результатом стало предложение генерала написать представление (или меморандум) на имя премьер-министра Финляндии Ристо Рюти.

Текст был подготовлен быстро, тут же переведен и отправлен главе финского правительства. Солоневич, в частности, писал (обратный перевод с финского выполнен Е. Г. Сойни):

«Я не желаю вмешиваться в политику Финляндии, а предлагаю изменить характер антисоветской пропаганды, которая в настоящее время строится на антирусской основе, — совсем безрассудное предприятие. Она не доходит до русских, не достигает своей цели. Поэтому надо освободить антисоветскую пропаганду от антирусских выпадов и ото всех попыток защищать Сталина. <...> Пропаганда должна быть антисоветской, антимарксистской и антисталинской, иначе она не имеет никакого значения. <...> Находясь в эмиграции, я выступал резко против всех стремлений Советского Союза в отношении Финляндии, в частности против желания присоединить Финляндию к СССР.

Выступление Великого Князя Владимира Кирилловича — результат моих выступлений в печати и

на собраниях офицеров. Исходя из всего этого, Финляндия является самым выгодным местом для размещения российских акций. Все другие ориентации на германский, на английский или японский рынок вызывают недоверие, так как цель этих стран — развалить Россию. <...> Далее, в нынешней антисоветской пропаганде полностью отсутствует правильное и опытное руководство, организованность и убедительность. Поэтому, по моему мнению, наиболее правильно было бы в ближайшее время организовать эту пропаганду от имени русских и под руководством русских. <...>

Русский революционный народный комитет лучше всего было бы собрать из русских, проживших какое-то время в России при советской власти, а затем эмигрировавших в Финляндию. Если удастся создать такой комитет, то многие огрехи пропаганды смогут быть устранены. <...> Организаций было создано великое множество, но без серьезного руководства они лопались, как мыльные пузыри. И только предложенный комитет способен организовать работу по подготовке к свержению советской власти. Восстановление монархии в России является бесспорной необходимостью»[\[688\]](#).

Премьер-министр не принял Солоневичей, но финские власти оплатили им проживание и обратную дорогу (Иван и Юрий отправились обратно в Берлин 4 февраля). В «Докладе о пребывании господ Солоневичей в Финляндии» отмечалось в том числе и то, что «визит этих господ в Финляндии оставил плохое впечатление. Фюреризм так и выпирал из них»[\[689\]](#).

До конца так и непонятно, что больше напугало финнов — то, что Солоневичи прибыли из Берлина, или упоминание в меморандуме о восстановлении монархии в России. Возможно, все еще проще: к тому времени они уже сделали свою ставку на более понятного и

прозрачного эмигранта — Бориса Бажанова, бывшего секретаря Сталина.

Журнал «Родина», как и «Нашу Газету», выпускал в Софии В. К. Левашев, Солоневич управлял изданием дистанционно. Первый номер вышел 1 мая 1940 года, последний — в начале июля. Всего номеров было шесть...

В письме, разосланном соратникам в декабре 1940 года, Иван Лукьянович сообщал: «Заккрытие «Родины» совпало по времени с ее почти безнадежным финансовым положением. Никаких иных источников, кроме подписной платы у нас не было. <...> Война нарушила все почтовые связи. Большинство стран оказалось вообще закрытыми для всякой издающейся за границей литературы. Внутри стран стала свирепствовать всяческая цензура. Валютные ограничения перешли в валютные запреты — и задолженность представителей за газеты — доходящая до миллиона лева (около 12 000 долларов) оказалась замороженной»^[690].

Вторая Мировая вовсю полыхала в Европе, из всех эмигрантских изданий летом 1940-го оставались белградский «Русский Голос» и берлинское «Новое Слово». Голос публициста Солоневича умолк на долгих восемь лет, а слово запечатлевалось на бумаге в надежде на то, что рукописи все-таки не горят.

ТАК ЧТО ЖЕ БЫЛО В ГЕРМАНИИ?

«Появление И. Л. Солоневича на нашем унылом эмигрантском горизонте ознаменовалось так называемым «пробуждением» эмиграции, — писал в конце 1939 года в «Нашей Газете» один из «штабс-капитанов», подписавшийся «Галлиполиец Г. К.». — В чем, собственно, состояло это «пробуждение»? Пришли Солоневичи, написали книги о современной России, все увидели, что там до сих пор идет борьба, и воспряли духом. Если борьба, то, значит, возможна победа. А если победа, то, значит, и нам может быть лучше. Поэтому все, начиная от рядового Ивана Ивановича до из ряда вон выходящего генерала, «пробудились». Похвалы Ивану Лукьяновичу сыпались со всех концов мира. «Ах, такой и этакий Иван Лукьянович! Вы нас, можно сказать, спасли от духовной смерти... Вы нас снова сделали русскими... Теперь мы чувствуем, что мы единая, монолитная сила... Теперь мы все от мала до велика объединились в одном мощном патриотическом порыве»... Генералы похлопывали И. Л. по плечу: «Здорово вы это, И. Л.... Мы здесь двадцать лет бьемся, чтобы растормошить это стоячее болото, а вы бабахнули одну книжонку — и болота как не бывало... Море!.. Бушующий океан»...

Сдержанность проявили только представители печати. Сначала старались замять, оттиснуть опасного конкурента. Но потом и они должны были признать, что «Солоневич, конечно, кое-что сделал»... Растормошенные и пробудившиеся решили, что главное дело сделано. Почувствовали себя русскими, объединились в одном порыве — что же еще нужно?

Теперь вот И. Л. напишет еще одну книжонку, составит программу, объяснит, что и как нужно устроить в России — и мы все за ним. Он такой умный и такой чудный — этот Иван Лукьянович... Вот он говорит, что нужен монархизм — а мы, собственно говоря, всегда монархистами и были. Насчет программы мы с ним тоже спорить не станем. Если нужен столыпинский мужичок — пусть будет, Господь с ним. И с православием согласны... И с антисемитизмом согласны... Словом, такое единение и такая монолитная сила, что слезы на глазах наворачиваются. Но дело оказалось сложнее. И. Л. пробудил эмиграцию не только для того, чтобы ахать и приносить клятвы. Ему было понятно, что если до сих пор было болото, то, значит, нужно было что-то переделать. В болоте, как известно, водятся только черти. А для того, чтобы создать что-нибудь серьезное, нужно было о чем-то подумать. И. Л. предложил эмиграции подумать вместе с ним. С этого момента и началось то «разлагательство», о котором завопили наши верхи. Нужно было прощупать наши застывшие принципы и традиции, нужно было пересмотреть основы, на которых строились наши организации, наши школы, наша печать, наша политическая и идеологическая работа»^[691].

Будем считать это, пусть и несколько преждевременным, но подведением итогов довоенной деятельности Ивана Солоневича в эмиграции, ведь, по большому счету, мало что изменилось вплоть до рубежного 1941 года, когда Германия напала на СССР.

Ссылка в «глухую померанскую деревушку» сопровождалась запретом на политическую деятельность, в том числе и журналистскую. Причиной столь суровых санкций стал меморандум, посланный И. Л. Солоневичем на имя Гитлера. Вот как описывает этот

эпизод биографии Ивана Лукьяновича его верный соратник В. К. Левашов-Дубровский:

«Поданный Иваном Лукьяновичем в самом начале войны смелый меморандум на имя Гитлера заставил немцев насторожиться. Еще опьяненные своим первоначальным успехом «на Востоке», они не могли понять, как может герр Солоневич отказываться от предложенного ему крупного поста в «правительстве» его «родной» Белоруссии, заявляя, что предпочитает должность швейцара у министра пропаганды Всероссийского правительства — посту министра пропаганды в правительстве Белоруссии. Они не могли понять и той дерзости, с которою Иван Лукьянович, со свойственной ему прямоотой, предупредил Фюрера, что война против России и против Русского народа приведет к разгрому и гибели Германии! В те годы такая смелость не могла быть допущена, и герру Солоневичу предложили поселиться в глухой деревушке Померании, без права выезда из нее. А Восточное министерство, само собою разумеется, почуяло в нем ярого врага и свою ненависть распространило и на всех так или иначе с ним связанных — и на «его штабс-капитанов» в первую очередь»^[692].

Однако знаменитая книга Солоневича «Россия в концлагере» в годы Второй Мировой стала, наконец, известна не только эмигрантам, но и тем, кто остался на Родине. Она имела широкое хождение среди советских военнопленных уже во время Финской войны (об этом писал, например, бывший в финском плену Иван Твардовский, брат знаменитого поэта), но гораздо более активно использовалась немцами в пропагандистских целях на оккупированных территориях СССР. Несмотря на ссылку автора, а также на многочисленные отказы Ивана Лукьяновича

сотрудничать с генералом А. А. Власовым, «Россия в концлагере» была одной из немногих современных русских книг, которая — в том числе и на страницах периодических изданий — издавалась при немцах в России. Известно, что ее главы печатались в ставропольском «Утре Кавказа» и в одесской «Молве»^[693]. Нет сомнений, что перечень изданий со временем расширится.

Редактор «Утра», писатель Борис Ширяев так описывает историю появления в газете очерков Солоневича:

«В сентябре 1942 года в редакцию газеты «Утро Кавказа» в гор. Ставрополе пришел зондерфюрер Георгий Карлович Эрхардт, русский немец, эмигрировавший из Петербурга в 1918 году. Эту газету редактировал тогда я, и Эрхардт дал мне на несколько дней почитать одну из привезенных им с собой русских книг. Это была «Россия в концлагере» И. Л. Солоневича. Я видел ее в первый раз, и до того не знал имени этого журналиста, так как мало интересовался спортом, в области которого он работал в советской прессе до 1934 г.

Первые же строчки, прочтенные наугад на открытой середине книги И. Л. Солоневича, не только приковали мое внимание, но как будто охватили мою душу и унесли ее во времени на 20 лет назад, на Соловки, на каторгу.

— Ведь это же самое, тот «SOS» — «Спасите наши души» — сигнал бедствия, который писали мы, соловецкие каторжники, своей кровью на баланах, предназначенный для экспорта в свободный мир. Это наш вопль, наш крик отчаяния, для многих из нас предсмертный крик, но выраженный в художественной, полной глубокого трагизма литературной форме! И.

Солоневич тоже писал ее кровью. Кровью своего сердца.

Я читал, не отрываясь, сидя за моим редакторским столом, а через мое плечо те же строчки уже прочитывал секретарь редакции Михаил Матвеевич Бойков, в прошлом тоже подсоветский каторжник, а в настоящем — редактор выходящей в Буэнос-Айресе газеты «Новое Слово».

Мы переглянулись с ним и без слов поняли друг друга.

— В набор! В печать! Отдельными главами...

Так было в редакции. А в типографии, куда попала «Россия в концлагере», впечатление от нее было, может быть, еще глубже. Наборщики не захотели нам возвращать ее тотчас же, и попросили оставить у них на несколько дней. Пришлось согласиться. Они читали ее вслух ночами. Переплели в парчовый переплет и, вброшюровав несколько листов веленовой бумаги, написали на них горячие, идущие от самого сердца, слова благодарности автору. Они знали выкрикнутую И. Солоневичем страшную правду.

Я не слышал о другой книге, имевшей такую рецензию. Многие очень большие писатели могут позавидовать И. Л. Солоневичу. Он действительно потряс сердца своим словом, потряс потому что, это слово шло на само деле от его пылающего любовью и негодованием сердца. В этом была ее сила»^[694].

Судя по всему, в Ставрополе речь шла еще об эмигрантском издании «России в концлагере», потом последовало и немецкое — на русском языке, «для восточных территорий»^[695].

Уже после войны И. Л. Солоневич вспоминал: *«Какой-то оборотистый немец, промышлявший в Риге в отделе Пропаганда-Норд, издал три моих книги общим*

тиражом в 600 000 томов на русском языке и для «востока». Я потом письменно разыскал этого немца — не для того, чтобы получить с него мой гонорар, а для того, чтобы иметь документальное доказательство того, что я в том издании решительно ни при чем»^[696].

Личные свидетельства Ивана Лукьяновича, иногда самые фантастические, очень часто находят документальное подтверждение. Не стал исключением и данный пример. Современным исследователем С. К. Берневым установлено, что в числе книг русских эмигрантов, переиздававшихся немцами для распространения на оккупированных территориях, были и работы Солоневичей: «22 несчастья» Юрия, «Тайна Соловков» Бориса Лукьяновича и три книги Ивана Лукьяновича: «Потерянные», «Бегство из советского ада» (две части «России в концлагере», названия которых являются обратным переводом с немецких изданий) и «Памир»^[697].

Изо всего штабс-капитанского движения в годы войны действовала только Дальневосточная группа. В 1941 году ее усилиями вышли в свет отдельным изданием две опубликованные ранее в «Нашей Газете» главы «Белой Империи»^[698] — незаконченной книги И. Л. Солоневича, позднее трансформировавшейся в капитальный труд «Народная Монархия». А в 1942-м, тоже в Шанхае, был издан «Сборник статей» Солоневича, куда вошли его «программные» работы из «Голоса России», «Нашей Газеты» и «Родины»^[699].

Сам Иван Лукьянович в эти годы писал, в основном, в стол: наброски «Диктатуры импотентов» делались втайне, а для отвода глаз гестаповского надзора был изобретен роман «Две силы». Что получилось из этой своеобразной «халтуры» впоследствии, современный читатель может определить самостоятельно — благодаря переизданию 2002 года, осуществленному

редакцией журнала «Москва» в серии «Наследие Русского Зарубежья»^[700].

Однажды была предпринята и попытка опубликоваться, но даже при том, что брошюру «Большевизм и крестьянство» Солоневич хотел выпустить в Праге не под своим именем, власовская цензура ее запретила^[701].

Еще одна неудача постигла в первые послевоенные годы. «Путеводитель по эмиграции и за границе», адресованный к новым эмигрантам, не вышел в свет по простой причине: «не нашлось денег»^[702].

После войны, анализируя ее итоги и свои прогнозы, Солоневич вспоминал написанное им в «России в концлагере»:

«В моей книге я развивал, так сказать, последовательную пораженческую точку зрения: народ жаждет войны, чтобы ее ценой купить избавление от коммунизма. Войну я, будучи в России, представлял себе: а) как всякий средний русский человек, и б) как всякий средний русский человек, окончивший университет. С первой точки зрения война являлась, так сказать, нормальным состоянием страны и, в частности, война 1914–17 годов никакой ненависти к немцам не оставила. Мало ли с кем мы не воевали? Если бы мы ненавидели наших вчерашних противников, нам пришлось бы ненавидеть весь мир, кроме Америки: мы воевали с татарами, турками, шведами, немцами, французами, англичанами, с неграми и индусами в рядах английской армии, арабами и неграми в рядах турецкой, и даже с индейцами на Аляске и в Калифорнии. Но с коммунизмом мы встретились в первый раз и он оказался хуже всего, кроме татарского нашествия. А, может быть, хуже даже и татарского нашествия. Но татары были Азией. Сейчас возможна

война с Германией. Германия же есть **культурная** страна — страна Гегеля и Канта, Бетховена и Вагнера, и даже Клаузевица с Мольтке Старшим. Германия — страна философов и мыслителей, родина истории философии и даже «славяноведения», цитадель социализма, духовное отечество Карла Маркса и всей русской профессуры. Именно Германия поможет нам справиться с нашей собственной сволочью. Больше собственно некому.

Из советского концентрационного лагеря Германия казалась еще лучше; вот там, наконец, воздвигнут некий «барьер» против коммунизма. Потом в Финляндии я читал всякие цитаты о Третьем Рейхе: одни восторженные, другие поносительные — я не верил никаким. Еще позже, после взрыва в Софии, Германия — единственная страна, давшая мне право убежища и охрану от убийц. Согласитесь сами — никаких поводов ни для каких предубеждений у меня не было.

И вот: Берлин. Беседы с профессорами и инженерами, издателями и цензорами, даже с генералами и гестапистами. Гестапо очень интересовалось моими убеждениями, генералы весьма поверхностно интересовались моими впечатлениями, профессора не интересовались вовсе ничем: они и сами все знали. В течение приблизительно двух месяцев я установил с предельной степенью точности: и «категорический императив» Канта, и «этика» Виндельбанда, и философия права и философии истории Гегеля что все это цитаты и больше ничего. Звук пустой, по человеческому недосмотру попавший на бумагу. И что даже Клаузевиц с Мольтке стоят не на много больше: генералы пороли стратегический вздор, совершенно очевидный даже и для меня, в военных делах полного профана. Для меня вопрос был ясен: само собой разумеется, что в плоскости дислокации взводов, дивизий, корпусов и армий я, по сравнению с

этим генералами, равняюсь абсолютному нулю. Но ведь не дислокация армий будет определять победу или поражение. **Если** Германия Третьего Рейха попытается реализовать философию Гегеля-Моммзена-Ницше и Розенберга, то каждый русский мужик сделает то же, что сделали вы и я сам: начнет истреблять немцев из-за каждого куста. И тогда, на пространстве в несколько миллионов квадратных километров, покрытых и кустами, и лесами, не удержится никакая армия в мире: французская армия 1812 года была — с поправкой на эпоху — никак не хуже германской армии 1938 года, а Наполеон никаких трудов по стратегии не писал: он побеждал. Он победил и русскую армию и у Смоленска, и у Бородина. И он продержался шесть месяцев. И от его шестисоттысячной армии ушло живьем около восьми тысяч. Сколько продержится Гитлер? Принимая во внимание состояние гражданской войны в России — хронической гражданской войны в течение почти четверти века, — бездарности советского правительственного аппарата, всеобщего разорения страны, выжидательной стратегии союзников, можно было рассчитывать года на два, на три. Но разгром был неизбежен абсолютно. На все полтора процента. Никакие Клаузевицы и «тигры» тут ничему бы не помогли.

А. Ф. Керенский, если верить газетным сообщениям, предсказывал: Сталина Гитлер, во всяком случае, разобьет. Я был уверен: Гитлер кончит свои дни на виселице, тут я слегка ошибся. В своей последней предвоенной статье, написанной из Германии, я свою точку зрения сформулировал на смеси эзоповского языка с нижегородским: «разумную цену освобождения от коммунизма русский народ уплатит с благодарностью, за неразумную — морду набьет»^[703].

Солоневич утверждал, что если бы попал в Германию напрямую из СССР — как генерал Власов, то постарался бы сделать то же самое. И с тем же успехом, добавлял он. Несколько лет жизни в стране победившего национал-социализма рассеяли иллюзии, и несмотря на лютую ненависть к большевикам Иван Солоневич с немцами «не пошел».

В дневнике Геббельса сохранилась запись, которая будто бы свидетельствует о том, что пойти был готов, но то ли передумал в последний момент, то ли немцы его просто не взяли с собой за ненадобностью. По крайней мере, на интернет-форумах находятся «знатоки», которые договариваются до того, что Геббельс побрезговал Солоневичем. Вот уж совсем неожиданный поворот.

Итак, запись, датированная 7 июня 1941 года, гласит:

«Солоневич предлагает свое сотрудничество. В настоящее время еще не могу его использовать, но вскоре, определенно, это будет возможно»^[704].

На следующий день тот же мотив повторяется с вариациями:

«Солоневич предлагает себя, чтобы работать против Москвы. Гестапо считает его подсадной уткой. Пускай за ним понаблюдают»^[705].

Если не знать предыстории, можно, в самом деле, подумать черт знает что. В действительности, все до банального ясно: Солоневич, находивший понимание в германских военных кругах, до последнего пытался воздействовать и на партийную верхушку. Геббельс был его единственной лазейкой, других знакомств в высшем руководстве «наци» он не имел. В чем же так настойчиво он пытался убедить германское руководство?

Возможно, ответ на этот вопрос дает сам Солоневич:

«...мой пресловутый меморандум Адольфу Гитлеру. В этом меморандуме был произведен, так сказать, социальный анализ обстановки надвигающейся войны и было сказано, что Германию разобьют совершенно вдребезги. С Адольфом Гитлером мне на эту тему разговаривать не пришлось. Но были очень длинные разговоры в гестапо. В гестапо сидели, в общем, довольно умные люди. Я им доказывал, что я тут не при чем — такая-то и такая-то объективно данная обстановка: политика Розенберга вызовет такие-то и такие-то последствия, и эти последствия приведут к таким-то и таким-то результатам, я-то тут при чем?»

Некоторые из чинов гестапо, с которыми мне пришлось иметь дело, были так же, как и я, убеждены в разгроме Германии. Один из них сказал мне: «Да, но тогда, вот видите это дерево за окном, мы будем повешены на одном суку, а вы — на другом». На что я ответил, что при всем моем уважении к достопочтенному криминал-директору я предпочту не висеть даже и рядом с ним»^[706].

В дневниках Геббельса, которые он, между прочим, продал на корню издателям на много лет вперед, можно найти и еще одну любопытную запись — от 1 мая 1938 года. Рейсминистр отметил, что выделяет 30 тысяч марок Солоневичу «на его антибольшевицкую газету»^[707]. Получил ли Солоневич эту субсидию, зачем она была ему нужна при его-то гонорарах и, главное, зачем нацистскому министерству пропаганды понадобилось финансово поддерживать русскую газету для русских эмигрантов — на эти вопросы мы ответить не можем. Но можем констатировать, что благосклонность одного из лидеров Третьего Рейха спасла Солоневича от многих неприятностей, от

преследований гестапо и Розенберга, например. Да и довольно мягкая ссылка после отказа от сотрудничества тоже показательна.

В так называемый русский отдел гестапо, занимавшийся эмигрантами, на Солоневича пачками шли доносы «доброжелателей», он писал, что их скопился «целый шкаф, «тонненвайзе», как говорили мне гестаповцы.

Девяносто процентов этих доносов были просто вздором. Не вздором были доносы о моей точке зрения на Германию, Гитлера и войну — впрочем, эту точку зрения гестапо знало и без доносов»^[708].

Кстати, эти самые доносы не всегда оставались без последствий. Так, например, в июне 1939 года в популярном нацистском журнале Der Sturmer (Штурмовик) была опубликована статья Карла Гольца «Жидовский наймит», посвященная Солоневичу.

«Иван Солоневич — враг Германии, — утверждал автор. — По прибытии своем за границу он сразу же завязал сношения с жидомасонской газетой — с так называемой эмигрантской газетой «Последние Новости», издателем которой является эмигрант Милюков».

Далее сообщалось: «(В «Голосе России» — **И. В.**) он сразу же принял антигерманскую позицию, направленную прежде всего против расовой теории. Национал-социализм он стал называть «гитлеризмом», а расовую науку — «расизмом». Другими словами, он заговорил языком, которым жид одинаково щеголяет как в советской прессе, так и в газетах Америки и прочих ожидавленных стран».

Потом следует несколько цитат из статьи «Россия, революция и еврейство» и других публикаций 1936 года (факт характерный — цитируются старые статьи!). И вывод:

«До сих пор «Штюрмер» предполагал, что Солоневич избегает еврейского вопроса по незнанию. Это требует поправки. Солоневичем руководит не незнание, а нечестность. В нынешней мировой борьбе есть только два фронта: или за антисемитизм и против еврейства, или — против антисемитизма и за еврейство. Солоневич остановился на последнем решении. Потому он — жидовский наймит и предатель»^[709].

Интересно, что в русском отделе гестапо одно время служил Брайтенбах — один из прототипов легендарного Штирлица. Ничего не скажешь, много в жизни Солоневича было «встреч с интересными людьми».

Раз уж вспомнили Штирлица, поговорим и о другом, уже невымышленном персонаже известного фильма. Процитируем один архивный документ, который недавно опубликовал украинский исследователь Дмитро Бурим^[710]. Речь идет о «строго доверительном» докладе о совещании в гестапо 7 октября 1938 года — под председательством, да-да, самого «папаши Мюллера». В конце совещания некий капитан Дэринг, представитель верховного главнокомандования, «поднял еще вопрос о закрытии РСНД ввиду того, что оно действует под лозунгом «единой и нераздельной Руси». Солоневич тоже является последователем этого направления. Далее он (Дэринг) выразился о том, что существует приказ о разгроме России, поэтому следовало бы все, противоречащее этому, устранить».

Как видим, никаких иллюзий относительно Солоневича немцы не питали. И он тоже это понимал. Так сказать, полное взаимопонимание.

Юрий Солоневич впоследствии признавался, что в начале войны готов был надеть немецкую форму и идти

освобождать Россию об большевиков. Отец отговорил^[711]. Сыну, впрочем, можно и не верить (все-таки сын), но есть свидетельство совершенно постороннего человека, Анатолия Максимова, ставшего через много лет видным деятелем русской колонии во Франции. Осенью 1941-го он хотел поступить, и в итоге поступил, в знаменитый Русский Корпус. Но предварительно советовался со старшими:

«Я поделился с отцом моим желанием поступить в Корпус, на что он вынес безапелляционный приговор: «Сиди спокойно и не двигайся, немцы вас обманут. Я их знаю по Первой мировой, и ни в какую Россию вы не попадете». Я не сдавался: «Папа, большинство твоих полковых товарищей записалось в Корпус. Одни уже уехали, а другие ждут очередного транспорта. Неужели большинство не право, а прав только ты?»

Отец ответил: «Я тебе передал то, что знаю и что думаю. Ты уже совершеннолетний и окончательное решение принимать тебе и никому иному. Только знай: если ты поступишь в Корпус, то ни моего, ни маминого благословления тебе не будет, и ни я, ни мама с тобой не будем прощаться!..»

Параллельно я обратился за советом к Ивану Лукьяновичу Солоневичу, который в тот момент находился в Берлине. Он мне посоветовал «переждать» и добавил: «Петр Николаевич (генерал Краснов — прим. Максимова) придерживается такого же мнения»^[712].

Позже Солоневич так описывал эти свои советы «переждать»:

«В месяцы германо-советской войны ко мне «за советом» приходило много людей — в том числе и много белых офицеров: они стремились на «антисоветский фронт». Они стремились вновь поднять «знамя белой борьбы». Большинство из них вняло моим доводам и

осталось в Берлине, в положении поистине окаянном. Но было и такое меньшинство: «нет, я все-таки поеду, я буду мстить коммунистам, расстрелявшим моего отца, брата, сестру и т. д.»

*<...> если одни социалисты истребляют других, то выигрываем от этого мы. Социалисты Германии и социалисты России расчищают почву для возрождения русской монархии, русской Империи и русской справедливости — а мы пока волею Божиею сидим, сложа руки, и наиболее умные из нас даже не делают вида, что что-то делают. Да, **радости** нет и у нас — революция никому не приносит радости, даже и контрреволюционерам. Но **моральное удовлетворение** можем испытывать только мы. Не дай Бог, примешивать к этому удовлетворению не только мести, но даже и злорадства.*

Эти доводы действовали не всегда, да и не всегда я имел возможность излагать их с должной полнотой: за попытки отклонять людей от помощи сверхдоблестной германской нации в Германии рубили головы»^[713].

Итак, и сам не поехал «в гитлеровском обозе», и другим не советовал. После войны Солоневичу приходилось слышать в свой адрес и такое: «Вот, проповедовал человек непримиримость до конца, а когда конец советам подходил к их самой глотке, поджал хвост и замолчал». Новопоколенец В. М. Байдалаков утверждал: «Как бы под домашним арестом, изолированно всю войну сидел И. Л. Солоневич — как говорили, потому что не исполнились его самоуверенные предсказания, что война сметет советскую власть»^[714].

Борис Солоневич, «бывший брат», после войны, уже будучи в США, говорил об этом периоде так:

«Страшно теперь вспомнить, какая «перепутаница» царила в нашей эмиграции в прошедшую войну, —

сокрушался он. — Что делать? Кому желать победы? Как каждый должен действовать???

И вот: старые эмигранты оставались на Востоке в надежде, что советская власть уже «эволюционировала». Одни генералы собирали военные силы из русских для Франции, другие — для Германии, третьи... для СССР. Бискупский и Ив. Солоневич старались возможно более мешать Германии. Ген. Туркул и Б. Солоневич старались помочь Германии. Младороссы стремились в РККА, а миллионы пленных и старых эмигрантов — в антибольшевицкие военные части...

Словом — кабак был полный»[\[715\]](#).

Вернемся немного назад, ко времени вынужденного переезда семьи Солоневичей в Германию.

«Германия 1938 года жила в атмосфере восторженного мифотворчества, — вспоминал Иван Лукьянович. — Был миф о случайном проигрыше в Первой мировой войне. Был миф о низшей расе на Востоке и о вырождающейся демократии на Западе. Был миф о германских «организационных талантах», и был миф о бестолковости всего остального человечества. Все эти мифы были приятны. Несколько менее приятным оказалось пробуждение от мифов. Впрочем, сейчас Германия действует точно так же, как человек, проснувшийся после тяжкого перепоя: пытается опохмелиться. И с туманной головой глядя на целую батарею уже высосанных мифов, хлопает рюмочку. Все-таки легче на душе.

Но на мифотворческом поприще немцы нашли достаточное количество преемников, заместителей и вообще «исполняющих обязанности». Только что законченная война начинает обрастать новыми мифологическими наслоениями. Мир, поделенный на

две половины «железным занавесом», в обеих половинах судорожно стряпает новые мифы — миф демократический и миф коммунистический. Оба они единомышленные, кажется, только в одном отношении: в оценке германской военной мощи, разбитой: с демократической точки зрения — демократическими силами, с коммунистической точки зрения — коммунистическими силами. Моя точка зрения сводится к тому, что германская военная машина была очень слаба и что разбита она была не демократическими и не коммунистическими силами.

Поражение Германии я считал неизбежным при всяких мало-мальски мыслимых обстоятельствах. Могли быть, конечно, обстоятельства немыслимые: какая-нибудь атомная бомба, сфабрикованная каким-нибудь профессором Планком или кем-нибудь другим. Какой-нибудь радар, изобретенный не в Англии, а в Германии, какая-нибудь революция в САСШ или контрреволюция в СССР. Все это могло бы изменить ход истории, может быть, даже и на несколько десятилетий. Но даже и все это не могло изменить **исхода**. А исход — поражение Германии — был **неизбежен** потому, что Германия проектировала такую «новую организацию Европы», может быть и всего мира, которая никого, кроме немцев, не устраивала. И немцы — по всей своей традиции, характеру и врожденным свойствам, «доминанте» или как хотите — **не могли** предложить никому иному ничего иного. Следовательно — рано или поздно, с радаром или без радара, с революцией в САСШ или контрреволюцией в СССР — против немцев **все равно** поднялось бы все человечество. И даже случайность изобретения какого-нибудь радара обратилась бы против немцев: все человечество вместе взятое обладает неизмеримо большим «изобретательным потенциалом», чем одни немцы»^[716].

В другом месте Солоневич рассказывает о той перемене, которой подверглась немецкая интеллигенция после заключения пакта Молотова-Риббентропа в августе 1939 года:

«В те дни в Германии моя книга читалась нарасхват. Не хочу впасть в излишнее авторское самолюбие: читалась преимущественно не в силу ее качества, а в силу приказа. Книга же не очень уж соответствовала официально германскому представлению об СССР. В ней была вера в русский народ, в ней было рассказано и об очень многом, очень похожем на германские дела: особенное смущение вызывали две вещи: пятый лагпункт, где было рассказано о крепком русском мужике и нескольких еврейских фигурах, которые никак не соответствовали представлению о завоеванной жидами России. Представители германской интеллигенции, очень квалифицированной германской интеллигенции, вносили всяческие поправки в нарисованную мной картину советского жития: «нет, герр Солоневитш, дела на вашей родине значительно хуже, чем вы это писали»... За два-три дня до пресловутого договора о вечной дружбе, профессор Х. — хирург — в течение двух часов пытался убедить меня в том, что я, может быть, и бессознательно, из бессознательного русского патриотизма, смягчил в моей книге результаты русской катастрофы. На самом же деле — жиды и комиссары с Россией кончили навсегда.

Я здесь не буду передавать подробностей этой дискуссии, таких или в этом роде дискуссий я вел в Германии очень много. Результаты этих дискуссий хорошо формулируются русской поговоркой о горохе, о стенке, о кольях и о некоторых головах.

Но самое удивительное было не в том. Самое удивительное наступило после 23-го августа. Дней через пять после этого договора почтенный профессор

принес мне свои поздравления. «Помилуй Бог, да с чем поздравлять-то?» — «Ну, как же, теперь обе наших страны будут жить в мире и в союзе, теперь вы можете вернуться к себе на родину, там положение совсем не так плохо, как вы об этой думаете»...

Я смотрю в голубые тевтонские очи моего собеседника и хлопаю своими русскими глазами: ведь ровно неделю тому назад профессор доказывал мне совсем обратное... Никакого смущения: да, но если господин Риббентроп поехал в Москву и если наше правительство... и т. д., что **значит** «за это время советская власть стала совсем приличной властью»... Нет, никакого смущения, профессор говорит совершенно искренне: ему приказали думать не так, как приказывали думать неделю тому назад, и он искренне повинуется **обоим** приказам...»^[717]

О своих беседах с немецкой профессурой накануне войны Солоневич вспоминал потом неоднократно. Он так и не смог толком объяснить ни им, ни читателям, почему именно его прогнозы сбылись:

«Год перед ссылкой я провел в культурном германском обществе и годы ссылки я провел в померанской деревне. В Берлине я вел беседы с инженерами, врачами, профессорами — партийными и беспартийными, и был поражен уровнем их истинно потрясающего невежества. Герр Люман, обладатель титула профессора истории, истинно германской, снежно-белой, окладистой бороды, виллы и винного погреба, был милейшим и культурнейшим человеком, но его невежество было потрясающим, как и его эрудиция... Он, я бы сказал, был набит цитатами с головы до ног. Он помнил их все наизусть. Его мозг был забит десятками тысяч никому ненужных подробностей. Но он не понимал **ничего**. Ничего, имеющего значение в человеческой жизни и в человеческой истории. Попивая

вермут и поглаживая свою классическую бороду, он с сожалением смотрел на мою жалкую библиотеку, в беспорядке наваленную в моем рабочем кабинете, и с сознанием сочувственного превосходства снабжал меня — по памяти — цитатами из Гегеля, Моммзена, Трейчке, Бисмарка, Ницше, Фихте, Виндельбрандта и прочих. Как жаль, что я потерял эти цитаты, как бы мне онигодились сейчас. Даже и Достоевского проф. Люман знал лучше меня. Из всех этих фундаментов науки, философии, литературы и прочего, с неотвратимой неизбежностью геологического процесса, выросло гордое здание будущей немецкой победы. Против профессора Люмана и всеоружия его научного познания сидел я, мозолистый футболист, и пытался доказать мысль, которая в ее плебейской формулировке могла бы быть отрецензирована так: и вы, профессор — дурак, и ваш Гегель ни на копейку не умнее.

<...> Но в те времена сливки германской интеллигенции были абсолютно убеждены в победе: вот вам Гегель и Клаузевиц, Моммзен и Рорбах, Бисмарк и даже, на худой конец, Розенберг — о Розенберге люди отзывались презрительно: все-таки — дилетант. И, с другой стороны, вот вам Достоевский и Чехов, Горький и на худой конец — русская эмиграция с ее полными собраниями мемуаров и разъяснений. <...>

Немцы, в среднем, довольно хорошо знают русскую литературу. Но о Сталинграде ни у Достоевского, ни у Чехова, ни даже у Гегеля и Клаузевица не было сказано ничего. Словом, я терпел «фернихтенде Нидерлаге» в войне цитат»^[718].

Впрочем, одно важное отличие между немецкой и русской революциями Солоневичу найти удалось. И состояло оно в следующем:

«Мне кажется, что именно здесь, в Германии, психология социализма-коммунизма-фашизма и прочих

синонимов раскрывается яснее, чем где бы то ни было. Яснее даже, чем в России. Ибо русская интеллигенция, десятилетиями готовившая революцию и десятилетиями несшая кровавые жертвы на алтарь этой революции — жертвы и чужими жизнями, но и **своими собственными** — эта интеллигенция изменила революции и пошла в армии Деникина и Колчака, в восстания Кронштадта и Тамбова, в эмиграцию и подвал. Немцы пошли в фашизм и революцию все: и принцы, и социал-демократы, и даже коммунисты. В России было сопротивление, в Германии его не было. В России гражданская война фактически не прекращается и до сих пор, в Германии не было ни одной битвы. Социалистическая философия Германии, вместе с ее пангерманизмом, была принята совсем всерьез»^[719].

«Одним из наиболее выдающихся событий позднейшего времени является та революция (или контрреволюция), которая **НЕ** произошла в России в 1941-42 годах: она изменила бы судьбы не только России и Европы, но и всего мира», — написал Солоневич в «Народной монархии»^[720]. Эта оценка многим сегодня не по нраву. Тут вам и альтернативная история, и ее фальсификация.

Споры о Власове и власовцах не утихают до сих пор. Часто в этих спорах вспоминают и фразу Солоневича — о том, что «ни Власов, ни тем более Жиленков ни в Бога, ни в черта не верили ни на одну копейку»^[721]. Апологетикой РОА пусть занимаются другие, но и оппонентам этих апологетов хочется сказать: право же, цитировать надо все-таки корректно. Ведь в той же статье Солоневича «Акция генерала Власова» (1948 год), откуда была выдернута эта фраза, есть и такие слова:

«Всю власовскую акцию можно рассматривать с трех точек зрения:

1) генерал А. А. Власов есть изменник Родины;

2) генерал А. А. Власов есть герой;

3) генерал А. А. Власов есть жертва катастрофически сложившихся обстоятельств.

Я лично стою на третьей точке зрения»^[722].

С генералом Власовым Иван Лукьянович, кстати, был знаком лично. Борис Солоневич, уже после смерти старшего брата, даже преувеличивал, что мол И. Л. немало сорокаведерных бочек водки выпил с Власовым и его генералами. Сам Иван Солоневич об этих встречах отзывался скромнее:

*«Мы, русские люди, жившие в Германии, с Власовым не пошли. «Социалистический вестник» может утешаться тем, что мы, эти русские люди, оказались для Власова слишком реакционными. Но это очень плохое утешение. Ибо ведь кроме генерала Власова существовал еще и генерал Краснов. Неужели Р. Абрамович может предположить, что генерал В. В. Бискупский, генерал А. А. Фон Лампе, полковник Н. Д. Скалон, С. Л. Войцеховский и И. Л. Солоневич оказались слишком реакционными даже и для генерала П. Н. Краснова? Мы, русские люди, жившие в эти годы в Германии, **видели и знали**, что дело идет об **уничтожении** России и русского народа. Генерал А. А. Власов этого **не знал**. Генерал П. Н. Краснов это **знал**. До моего приезда в Германию не знал этого и я.*

Обо всем этом нужно твердить, твердить и твердить: наша книжная, цитатная, философская интеллигенция наполнила наши мозги — и мои в том числе — совершеннейшим вздором. Мне, как, вероятно, и вам, Германия представлялась «страной Гегеля и Гете», оплотом культуры против большевистского варварства, страной всего того, что я уже не раз

перечислял: всякой науки, всякой философии и всякой философии всякой науки. В Германии я попал в положение того анекдотического еврея, который, глядя на жирафа в зоологическом саду, упорно твердил: «Нет, не может быть»^[723].

Или, например:

«Об академии А. Розенберга на Кроссинг-Зее я как-нибудь расскажу... А. Власов об этой академии не знал ничего и моим рассказам не поверил ни на копейку. П. Краснов об этой академии знал все, и мои попытки воззвать к его совести, а также и попытки генерала В. Бискупского не привели ни к чему. На Кроссинг-Зее был «бург» — целый городок, в котором были собраны «сливки партии» для подготовки полного уничтожения русского народа. Разумеется, на основах «самой современной и самой научной философии». Это было нечто совершенно неправдоподобное по своей научности, бесчеловечности и идиотизму. Но это все было»^[724].

О предвоенных спорах Солоневича с немецкой профессурой мы уже упоминали. После того, как он был отправлен в ссылку — в деревню Альт-Драгайм вблизи города Темпельбурга, появилась возможность сравнить свои ощущения с мнениями немецких простолюдинов.

«И вот от всех этих вершин человеческой мысли я попадаю в глушь, в деревню в Померанию. На меня смотрят косо: русский, ссыльный — черт его знает. Потом по вечерам ко мне пробираются «померанские гренадеры», сосут трубки, сопят, мычат, и потом начинаются расспросы: как я думаю, что из всего этого выйдет? Он, померанский гренадер, думает, что не выйдет ничего. Как воевать с такой страной, у которой нет железных дорог? Это генералам хорошо — они на авто, а мне, гренадеру, тысячи километров ногами месить. И на каждом километре — партизаны. Он,

гренадер, был и под Верденом, был и на Украине — нет, под Верденом было все-таки легче. И потом: на какого черта? У него, гренадера, есть тут свой участок, свой дом — какого черта ему лезть куда-то на Украину: все равно зарежут. Русский мужик, конечно, очень некультурный мужик, но драться он умеет. Зачем все это? Нужно, чтобы у вас сидел царь и у нас сидел кайзер, мы бы вам продавали машины, вы бы нам продавали корм — но воевать нам совершенно незачем.

Это было осенью 1941 года. К концу осени начались разговоры о «вербауэрах». «Вербауэр» — это вот что. В оккупированных немцами областях России часть населения — после войны (во время войны нужны рабочие руки) должна быть истреблена и часть отдана в распоряжение вербауэров. Вербауэр — это вооруженный немецкий крестьянин-надсмотрщик, который должен был играть роль среднюю между нашим казачеством и ямайским плантатором. Мужики взвыли. Проект был оставлен после неудачи под Москвой, но все-таки Остминистерииум успело перебросить на Украину каких-то вербауэров из Голландии и Мекленбурга: они там и остались.

Раз приходит ко мне старушка, мать сапожника (сапожник был на фронте), и просит показать карту России и Германии. Я показал. Старушка смотрела, сравнивала и спрашивает:

— Что — парень с ума сошел? — Под парнем подразумевался Гитлер.

Потом стали прибывать русские пленные. Во всяком крестьянском доме были развешаны «гебрауханвайзунг» — как обращаться с унтерменшами. И было прибавлено, что эта рабочая сила останется в Германии еще **много** лет после окончания войны. Опять приходили померанские гренадеры, опять сопели трубками и опять спрашивали: на какого черта все это нужно, очень хорошие парни эти ваши русские, правда,

некультурные, но работать умеют. И если с ними хорошо обращаться, то вот можно оставить на него и дом и детей и пойти в кирху или в кнайпу. Но какого черта нужны эти дурацкие разговоры об унтерменшах?

У всех этих мужиков, сапожников, столяров и лавочников был **нормальный** человеческий здравый смысл. Почти все они проделали своими ногами и своими боками Первую мировую войну — ту самую, в которой 93 крупнейших представителя германской науки выступили с воззванием ко всему миру, указывая всему миру на полную безнадежность сопротивления германской военной машине. Эти мужики были в политико-общественном отношении умнее всех девяносто трех вершин германской философии просто, германской философии войны и философии геополитики»^[725].

Победные реляции германской армии «с Востока» ничего не меняли. О партийной пропаганде — и говорить нечего. Опять дадим слово Солоневичу:

«Когда Адольф Гитлер в своей первой победной речи стал перечислять потери советской армии, он говорил вздор, совершенно очевидный для каждого человека, мало-мальски знакомого с тем, что есть война. Одному врачу, недавнему социал-демократу, человеку все-таки разрешившему себе роскошь оппозиции в кармане, я с карандашом в руках доказывал: если пленных четыре с половиной миллиона, убитых значительно больше, то кто же, спрашивается, отбросил немцев от Москвы? Герр доктор не может не знать — этому учат на всех медицинских факультетах, что во всех войнах всех эпох отношение числа убитых к числу раненых равняется примерно отношением одного к четырем.

В прошлую мировую войну Россия, при предельном напряжении сил, мобилизовала около 18 миллионов,

причем на фронте было одновременно максимум девять.

Гитлер в своей речи успел перебить и в полон взять больше красноармейцев, чем их могло быть при любых условиях. А кто же отбросил немцев от Москвы?

Никакого впечатления: германские военные данные врать не могут. Словом: был кол, на колу мочала. И теши не теши — ничего не выйдет»^[726].

И еще — об отношении к войне тех русских эмигрантов, которые не считали ее своей войной:

«Та проблема, которая стояла перед всеми нами, русскими людьми, по разным поводам попавшими в довоенную Германию, сводилась к следующему: имеется ли хоть какой бы то ни было шанс, хоть один из тысячи — или из миллиона, что мы, как-то опираясь на немецкую военную машину и прочее в этом роде, сможем как-то добиться ликвидации большевизма. У всех нас в разное время и в разных формулировках ответ был один и тот же: нет никаких шансов. Ни одного из ста — по подсчету генерала В. В. Бискупского, и ни одного из миллиона по моему подсчету. Разница в цифрах, собственно, совершенно пустяковая: и в том и в другом случае — ни одного шанса. Генерал В. В. Бискупский, как и полагается военному человеку, возлагал кое-какие надежды на военный переворот. По некоторым, очень косвенным, моим данным, он принимал некоторое участие в заговоре 20 июня. Я, учитывая опыт Дюмурье и Пишегрю, Бломберга и Фрича, Тухачевского и Блюхера, считал — считаю и сейчас, — что армия в борьбе против партии не имеет ни одного шанса. Предположение, что смерть Гитлера от нелепой бомбы 20 июня что бы то ни было изменила в германской политике, я считал нелепым предположением: у власти был не Гитлер — у власти

была **партия**. Если бы фейерверк 20 июня ухлопал бы Гитлера, у власти стал бы другой представитель той же **партии** — вероятно, Геринг. Но само собою разумеется, что никакого генерала партия к власти непустила бы. Так было и у нас: смерть Ленина ничего не изменила и не могла изменить в общей политике партии. На генеральский заговор я никаких надежд не питал: в свое время я был участником — правда, на двадцатых ролях — в так называемом заговоре Корнилова...

Соотношение сил между армией и партией я бы сформулировал так: армия есть двенадцатидюймовое орудие. Партия есть пистолет калибра 22. Но если около наводчика двенадцатидюймового орудия стоит дядя с пистолетом 22-го калибра, то орудие будет стрелять туда, куда нужно владельцу пистолета. Это довольно схематическая формулировка, но она приблизительно верна. Армия по самому своему существу политически бессильна. Это только орудие. Даже и не наводчик орудия. Так что если В. В. Бискупский кое-как надеялся на военный переворот, я не надеялся даже и на это. Для меня разгром Германии был абсолютной неизбежностью. При всяких маломальских мыслимых обстоятельствах. Если бы я расценивал обстановку хотя бы на одну йоту иначе — вероятно, мне немцы кое-что заплатили бы за мое «перо». Или я бы посоветовал идти **другим** людям. Ни с Гитлером, ни с Гиммлером, ни с Власовым, ни с Жиленковым я бы лично не пошел ни при каком стечении обстоятельств.

О монархии можно придерживаться самых разнообразных мнений. Но, думаю, даже и Р. Абрамович не стал бы рекомендовать нести в Россию знамя монархии под прикрытием Гитлера и Гиммлера, Власова и Жиленкова. Все эти четверо были людьми одного и того же порядка: Власову была предоставлена только показательно-строевая часть «армии», а политику этой

«армии» проводил Гиммлер руками Жиленкова. Как бы мог я, монархист, стать под управление этакого двуглавого орла, одна голова которого состояла бы из гестапо, а другая — из ОГПУ.

*Вот пришел бы я, допустим, к Гиммлеру — с Жиленковым на эту тему, само собою разумеется, и говорить не стоило, — и сказал бы ему: «Хайль Хитлер, майн хальбфюрер: я преодолел свои монархические националистические русские убеждения и вот готов стать под ваше начало» — и Гиммлер, конечно, ни на копейку мне не поверил бы. Моя предыдущая биография, гестапо очень хорошо известная, не давала никаких поводов предполагать, что я наконец стал просто прохвостом — то есть что я, **зная** досконально планы Германии, согласен продавать ей Россию за цену марок и нашивок, за цену чертовых черепков немецкого благословения. Или если бы такое чудо взаимного доверия и произошло бы и Гиммлер приказал бы Жиленкову освободить для меня место министра пропаганды, то что я в этом случае мог бы писать и говорить? Только то, что писал и говорил непристойной памяти В. Дестотули — редактор берлинского «Нового слова»: ни одного живого слова мне не дали бы сказать. Ибо всякое живое слово, всякое слово, которое могло бы нести жизнь России, было петлей для Германии и для Гитлера. Оно было петлей над многовековыми стремлениями германского правящего слоя повторить над Россией тот эксперимент, который полторы тысячи лет тому назад так блестяще удался в Риме: разрушить империю и сесть на шею ее строителей.*

Весь этот комплекс вопросов далеко перерастает проблему большевизма и нацизма. Еще один раз в нашей истории еще одна страна поставила перед нами вопрос «быть или не быть». И еще раз в нашей истории еще одной стране был дан еще один ответ. Далек не первый и, вероятно, еще не последний. Этот вопрос не

имеет ничего общего с проблемой «пораженчества» и «оборончества». Подавляющее большинство людей России по обе стороны рубежа были и остались «пораженцами» — но они не были и не являются сейчас «истребленцами». За ликвидацию советского режима стоит заплатить ценой поражения, ценой унижения, ценой каких-то территориальных потерь — но было бы безумием платить за освобождение истреблением»^[727].

Как видим, Солоневич, в отличие, например, от новопоколенцев ни о какой «третьей силе» не рассуждает. Схватились два тоталитарных (социалистических) монстра, о какой третьей силе можно говорить? Солоневича, в самом деле, трудно себе представить в одном из лагерей — в данных конкретных обстоятельствах он был «двух станов не боец». О перспективах «служения фашистам» — см. выше. Но и перековываться в советские патриоты после всего пережитого у него никакого желания не было.

В июле 1944 года советская госбезопасность подготовила «справки» на видных деятелей русской эмиграции, среди которых был, конечно, и Иван Солоневич. Понятно, что ожидало матерых антисоветчиков в случае встречи с чекистами.

Близился конец войны...

«В феврале 1945 года, — вспоминал Солоневич, — мы, то есть сын с семьей и я, бежали из Померании на Запад. Мы оба — на вело, жена сына с внуком — на возике. Вообще, в сравнении с этим побегом наш пресловутый побег из концлагеря ББК в Финляндию был только увеселительной прогулкой. Красная Армия шла верстах в тридцати позади нас, дороги были занесены сугробами — а там, где не было сугробов, шоссе обледенело, как каток. Наш конь выдохся окончательно, и вот, греемся мы в каком-то

подорожном трактире и слышим истерический крик: «Казачи, казачи!»

Я бросился в дверь. Мимо по деревенской улице с визгом, улюлюканьем и прочим в этом роде скакала **орда**. Раскосые всадники гнали табуны лошадей. У меня душа медленно сползла в пятки: все-таки попались!.. Но потом, всмотревшись, я обнаружил, что всадники почти без винтовок и что вместе с ними проскакало человека два-три явственных зондерфюреров. Эта орда оказалась какой-то красновской дивизией и спасала свой конский состав от наступления Красной армии. Ее штаб расположился в версте, в помещичьей усадьбе, и я пошел к нему, чтобы то ли пристроиться хотя бы к орде, то ли чтобы раздобыть там какую-нибудь сивку, «Panje-Pferd», как называли их немцы. Кстати, за такую панье-пферд платили в это время цену, равную цене нескольких кровных скакунов: **эта** выдержит любой мороз и любое питание.

На помещичьем дворе царила улюляевщина. На кострах жарились конские окорока, запах махорки и самогона достигал высокой степени концентрации. Я разыскал командира части. Назвал ему свое имя. Командир части сказал, что он его слышал — и явственно соврал. Но у меня было письмо ко мне генерала Краснова — очень старое, и его я захватил с собой. Письмо оказало некоторое действие. Раскосый командир выразил свое полусогласие как-то помочь — **если** у меня есть золото. Я сказал, что есть. И после всех этих переговоров я, русский и прочее, предпочел застрять на лишние, **очень лишние** несколько часов, чтобы только не попадаться на глаза ни орде, ни ее командиру. Сейчас не следует талдычить о том, что эти отряды делали, но не следует также и думать, что этого не знает никто. Не следует также думать, что даже и в иных условиях такие орды будут действовать иначе.

Все дело, в частности, заключается в том, что до февраля 1945 года — то есть до полной и окончательной катастрофы — немцы организовывали **только** орды, карательные отряды — «Schreckensregiment», как они сами называли эти формирования. Но власовская армия была «признана» только тогда, когда, собственно, можно было совершенно свободно обойтись и без немецкого признания. Основные кадры власовской армии ничего общего с ордами не имели, там было очень патриотическое и вовсе не пронемецкое настроение. И в заслугу генералу А. Власову нужно поставить то, что ни на какие карательные функции он не пошел. И что свою линию он выдержал до конца, — до конца Германии.

Все дело заключалось вот в чем: мы, в Германии сидевшие, **знали**, что до конца Гитлера он ни на какие уступки не пойдет. Как это в реальности и случилось»[\[728\]](#).

ИВАН ДИПИЕВ

После Второй мировой войны несколько миллионов людей стали называться ди-пи, от английского displaced person, что в переводе означает — перемещенное лицо. Теперь таких людей именуют беженцами или вынужденными мигрантами. В число дипийцев попал и Иван Солоневич с семьей.

Увлечшись высказываниями нашего героя «о политике» мы совсем отставили без внимания его личную жизнь. Между тем, в померанской глуши он нашел свою любовь. Его второй женой стала немка, Рут Беттнер, в девичестве Кеттельхак. Оба были вдовцами (ее муж, военный летчик, погиб на Кипре), но разница в возрасте была существенной — 25 лет. В семью к тому моменту также входили его сын Юрий, жена сына Инга, финская подданная шведского происхождения, и их дети — Михаил и Улита.

Все ди-пи были разделены на зоны оккупации, а внутри них — уже по лагерям. Для того, чтобы подвергнуться высылке в СССР совсем необязательно было находиться в советской зоне, ведь, согласно Ялтинскому соглашению, союзники Сталина по антигитлеровской коалиции должны были выдавать ему советских граждан. Договоренности трактовались расширенно: так, англичане выдавали на расправу СМЕРШу в том числе и русских эмигрантов, никогда советского гражданства не имевших.

Солоневич жил как раз в британской оккупационной зоне, и его должны выдать без никаких — все-таки бывший гражданин СССР. Но «холодная война» уже началась, и соглашение выполнялось в зависимости от обстоятельств. Одно дело рубаки-парни казаки (вспомним массовую выдачу в Лиенце), и совсем другое

— известный писатель-антисоветчик. Впрочем, и в Лиенце выдавали не только тех, кто «с оружием руках воевал против», но и членов их семей — женщин, стариков, детей.

Неофициально английские оккупационные власти заявили Солоневичу: если он не будет публиковать ничего политического, его не выдадут, если опубликует — никаких гарантий. В интересах безопасности, собственной и членов семьи, приходилось помалкивать. Пожалуй, только однажды он попытался рискнуть, написал брошюру «Путеводитель по эмиграции и за границе» и попытался ее издать.

«В ней я хотел информировать новую эмиграцию о всем том, что совершалось в старой и о том, что есть за граница — и старая и новая... — так охарактеризовал Солоневич ее содержание. — Брошюру эту выпустить не удалось: не нашлось денег»^[729].

Но, в основном, как уже говорилось, Солоневич продолжал писать «в стол»: роман «Две силы», продолжение «Белой Империи», которое потом будет издано под названием «Народная Монархия». Наконец, начал новую книгу — о социализме, с учетом уже и германского опыта, — «Диктатуру импотентов».

«Эта книга должна была быть издана Высшим монархическим советом в Мюнхене, — писал Солоневич в 1948 году, уже находясь в Аргентине. — Она должна была бы выйти в свет к моменту моего отъезда с территории бывшего Третьего Рейха и нынешней британской оккупационной зоны. Раньше выпустить ее было нельзя. Английские оккупационные власти, которые в ряде случаев оказали мне весьма существенную помощь, настойчиво предупреждали, чтобы я не писал решительно ничего: «иначе нам было бы трудно отказать советам в вашей выдаче». Я, по вполне понятным соображениям, никак не хотел

доставлять англичанам каких бы то ни было трудностей.

Валютная реформа сорвала издательские планы ВМС. В обозримое время эта книга никак не может выйти в свет»^[730].

В «Диктатуре импотентов», первая часть которой была издана в 1949 году, вторая вышла уже после смерти Солоневича, а третья — и вовсе только в наши дни, автор довольно много рассказывает о своем опыте дипийской жизни.

«...В 1946 году, находясь в культурной Германии и состоя под попечением культурных оккупационных властей, мы **все-таки** развели огород, — вспоминал он. — Земли для этого «по плану» не было. Нам, Ди-Пи, по существующим законоположениям, огородов разводить не полагалось. Мы нашли полянку в лесу, выкорчевали десятка три пней и посадили огурцы — семена были, конечно, куплены на черном рынке. Огурцы предполагалось засолить на зиму и обеспечить себя витаминами. Бочек для засола не было. В местном магазине <...> продавались какие-то полубочонки — неудобные и нелепые. Но можно было приноровить и их. Это, оказалось, были **параши**. Я купил одну. В магазине г-на Кюка в городе Холленштедте, округ Харбург, я дал официальную подписку в том, что эту парашу я буду употреблять только по ее официальному назначению. Она все-таки пошла под огурцы. Так нарушил закон не один я. Но бюрократия стояла на страже закона: очередная партия параш была изнутри вымазана какой-то дрянью. Мы купили парашу с дрянью. Мы развели костер. Над этим костром мы обжигали изнутри эту парашу — пока клепки не обуглились. Получилась, хотя и дрянная, но все-таки бочка. Так, нелегально, противозаконно и преступно — неприличный анекдот из плановой нашей жизни

превратился в нечто, кое-как пригодное для засола огурцов. Может быть, всего этого проще было достигнуть и вовсе без плана?

...В своей жизни я пережил живой опыт четырех планов:

- 1) план «эпохи военного коммунизма» в России,
- 2) план коллективизации и пятилеток — там же,
- 3) четырехлетки национал-социализма в Германии и
- 4) никем не декретированную плановость британской оккупационной зоны.

Во всех четырех случаях меня планировали и как производителя, и как потребителя. Как производитель, я был подвержен плану распределения рабочей силы, как потребитель — планам использования параш во всех их разновидностях. В первом случае — меня пытались «мобилизовать» на «уборку урожая», во втором — на погрузку картофеля, в третьем — на военные заводы, в четвертом — на добычу угля в Руре. Из всех этих попыток не вышло ничего — мне удалось отвертеться. Но во всех четырех случаях я голодал. Голодали и те, кому отвертеться не удалось. Во всех четырех случаях, и в начале и под конец всех из четырех — меня снабжали лошадиными порциями обещаний: ах, как все будет хорошо! Результаты во всех четырех случаях оказались почти одинаковыми»^[731].

Есть в этих описаниях и более яркие сцены, например, о «старом социалистическом знакомом» — голоде.

«Совсем недавно, в марте 1947 — (сорок седьмого!) года я очень хотел есть. Не в первый раз и не я один: также хотели есть мой сын, его жена и мой внук. И есть было нечего: очередная посылка от наследников Нэтти Бумпо нам, наследникам Гегеля, где-то застряла по дороге. Я шатался по перелескам и размышлял о всяческой пище. Вспоминал о тех исполненных черной

реакцией годам, когда можно было зайти в любой кабаk и заказать там яичницу или что-либо иное столь же реакционное.

Мечты были вполне утопическими. Шагах в ста от меня я вдруг заметил какой-то копошащийся клубок. Мои репортерские глаза заметили огромную хищную птицу, что-то доедающую, а мои футбольные ноги понесли меня к ней. Это было что-то вроде морского орла, и доедал он — без карточек — какого-то кролика. Орел был огромен. Он расправил свои самолетные крылья и встретил меня угрожающим клетотом. Я сгреб основательный сук: дело шло о *struggle for life* — о пище. Так мы стояли оба: писатель и птица. Я сделал несколько шагов вперед. Птица еще выше подняла свою орлиную голову. Я снял пальто, обернул его вокруг левой руки, как плащ тореадора, и стал наступать. Птица заклекотала еще раз — потом, видимо, признав мое культурное превосходство — взмахнула крыльями и улетела. На земле оказались задние ноги кролика, остальное птица уже успела съесть. Я эти остатки поднял. Мы их сжарили и съели. Ну — чем не Питекантропия?

Возвращаясь с птичьими объедками домой, я вспоминал о прогнозах, пророчествах и обещаниях: Конта и Канта, Гегеля и Маркса, Милюкова и Керенского, Ленина и Сталина, Гитлера и Геббельса. <...> О птичьих объедках никто не сказал ничего: **этого** ни наука, ни научная политика как-то не предусмотрели»^[732].

Конечно, большинство ди-пийцев мечтали поскорее покинуть послевоенную Германию и хлопотали о визах — в Австралию, США, Канаду, страны Южной Америки. Латиноамериканский вариант обычно оказывался наиболее доступным. Солоневич тоже в итоге

остановился на Аргентине. За несколько месяцев до отъезда, уже почти решенного, он написал письмо Н. Е. Парамонову, издателю с дореволюционным стажем. Крупный донской промышленник, товарищ председателя Донского Круга, он был основателем издательства «Донская Речь», вполне либерального. В своем революционном идеализме, как и многие, разочаровался уже будучи эмигрантом. В 1946 году Парамонов стал вновь издавать «книжки для народа», в основном русских классиков. Интересно отметить, что еще в 1938 году, сразу после переезда в Германию, Солоневич давал адрес Парамонова в качестве контактного своим корреспондентам.

В письме издателю (судя по всему, это февраль 1948 года) отражены взгляды Ивана Лукьяновича на современную международную обстановку, личный быт, планы на будущее. Так что приведем его полностью — по тексту публикации М. Б. Смолина в книге «Загадка и разгадка России», куда вошли материалы из неизданного архива Ивана Солоневича:

«Дорогой Николай Ельпидифорович!

Получил Ваше письмо от 15-2 и очень рад, что вы все в порядке. Мы, как и Вы, тоже кое-что прозевали и тоже спаслись чудом. По-видимому, всякие чудеса сейчас в порядке вещей. Но все-таки — не для всех...

Мне была бы интересна Ваша точка зрения на ряд сегодняшних событий и явлений. Я лично считаю, что вчерашние союзники воевать все-таки будут — вероятно еще не так скоро, что советы в этом столкновении не имеют никаких шансов и что после этого «последнего и решительного» — Европа на долгое время не вылезет из голода. Очень вероятно, что именно это соображение оттягивает войну. Наступательной стороной является, конечно, САСШ. Советы только обороняются. И время для войны будут,

вероятно, выбирать САСШ. Война сейчас означала бы вымирание Европы от голода.

Я постепенно возобновил свою связь со всем миром, кроме Европы (в Европе только с Бельгией и Швейцарией). Мои заочные друзья стоят «честно и грозно» и пока что кормят нас всех. Брат в Бельгии — пишет романы и кажется кое-что даже издает, не по-русски. Юра нарисовал ряд серий карикатур — что когда-то будет стоить некоторых денег. Но здесь мы не зарабатываем ни пфеннига — ни он, ни я. Я сравнительно мало сталкиваюсь с внешним миром. Живем на хуторе, раз месяц бываю в Гамбурге, в Русском Комитете и два раза за это время ездил в Мюнхен. Наблюдаю за ростом и процветанием солидаристов — все с большим и большим неодобрением. Вне зон они кажется начинают вызывать возмущение. Наша аргентинская перспектива имеет некоторые шансы на реализацию в течение ближайших месяцев, если не пройдет новый закон об иммиграции в САСШ. На САСШ у меня есть все — но из брит <анской> зоны туда не пускают никого. Словом сидим и ждем. А — вдруг — встретимся мы с Вами еще и в Аргентине? Кажется, очень приятная страна. Жизнь в три раза дешевле, чем в САСШ, все есть, публика радушная, климат прекрасный. Чего же еще?

Теперь — перейду к моему предложению. Боюсь, я неточно его сформулировал. Во-первых, дело идет не о 24, а только о десяти брошюрах и во-вторых, их издание я предполагал бы растянуть примерно на год. Так что, если Вы в состоянии выпустить что-то из «Памира» (кстати — его у меня нет, но, может быть, можно достать), то Вам под силу и мои брошюры — одна за другой. С чисто коммерческой точки зрения я рассматриваю это предприятие как совершенно беспроектное. Мои книги — Вы это знаете — имели в эмиграции все-таки рекордные тиражи. Нынешние —

написаны очень остро, «бойко» отвечают — или пытаются отвечать на самые насущные вопросы и вчерашнего и сегодняшнего дня, — и в их тираже я уверен вполне. Но мне трудно сказать, каким может быть верхний предел этого тиража. Думаю, что на минимум в 4000 можно рассчитывать твердо — и на максимум в десять с некоторой степенью вероятности. В эти цифры я НЕ включаю трех тысяч для заграницы.

Брошюра в среднем около ста страниц на пиш <ущей> машинке — формата данного письма. Их продажная цена могла бы быть в 15-20 марок. Я бы предложил Вам такие условия: чистая прибыль делится между нами пополам, в счет нее я получаю три тысячи экземпляров по их себестоимости. Для рассылки их за границу — по моим адресам у меня есть мой друг — Федор Федорович Зейберих, который никуда не едет и может заниматься этим до исчерпания брошюр или тем. Очень возможно, что его было бы хорошо включить и в работу по распространению брошюр в зонах. Но это — деталь.

Если бы у меня были деньги, я может быть взялся бы за это дело самостоятельно: типографию и бумагу мне уже в Мюнхене нашли. Но во-первых, денег у меня нет, и во-вторых, в коммерческом отношении я отличаюсь истинно удручающей бездарностью. И помимо всего прочего, мне очень бы хотелось вести дела именно с Вами — по ряду соображений, о которых Вы и сами знаете. Причем это дело, во-первых, осталось бы здесь и после моего эвентуального отъезда и, во-вторых, я стал бы издавать свои дальнейшие работы здесь же, даже сидя в Аргентине. Это я предполагаю, исходя из тех соображений, что из заграницы здешний рынок недоступен почти вовсе, а издание работ здесь — дало бы мне почти или вовсе оплаченные здешним тиражом мои 3-4 тысячи экз <емпляров> для заграницы. Я даже думал выпускать — на за границу

здесь нечто вроде ежемесячника или двухнедельника типа, скажем, «Записок Писателя». Братся за новый журнал у меня особой охоты нет, хотя деньги для этого у меня за границей есть. Но я считаю, что то, что я написал за эти годы — гораздо нужнее всего того, что я писал в газете. А также и спокойнее. Мне же после тридцати лет истинно собачьей жизни, не очень хочется обзаводиться новыми беспокойствами.

Юра и Инга шлют Вам и Вашей семье искренний привет и поздравление с чудом. Хорошо бы в будущем обходиться уж как-нибудь вовсе без необходимости в чудесах»^[733].

И все-таки от новых беспокойств в Аргентине Солоневич не удержался: против судьбы не попрешь...

Соратник Солоневича Всеволод Левашев, всю войну проживший в Болгарии и даже издавший на болгарском языке брошюру под названием «Большевизм», также стал дипийцем. Первые послевоенные годы он провел в лагере в Парше в Австрии. Здесь он познакомился с Татьяной Киреевой, молодой русской эмигранткой из Белграда, поступившей во время войны на службу в гражданский отдел РОА. Их роман Н. Казанцев, нынешний редактор «Нашей Страны», описывает весьма поэтически: «...то, что началось легкомысленным флиртом завершилось драматическим образом. Без ума влюбленный в очаровательную девушку, моложе его на четверть века, Дубровский однажды вытащил из кармана пистолет и весьма убедительно процедил, что если она не выйдет за него замуж, тут же покончит с собой. Потрясенная Таня согласилась. Она не могла дать погибнуть человеку»^[734].

Левашев был заочно приговорен к смертной казни болгарскими коммунистами за работу в

Антикоминтерне и, опасаясь выдачи, сменил свою фамилию на фамилию дяди — Дубровский.

В 1948 году у него уже была виза, чтобы переехать из Австрии в США, но поскольку Солоневичу дали лишь визу в Аргентину, Левашев-Дубровский решил следовать за ним в Буэнос-Айрес. Компромиссный вариант — издавать газету параллельно в Сан-Франциско — был отвергнут в последний момент. На новом месте решили обживаться сообща^[735].

И Солоневич, и Левашев, и многие другие ди-пи, всего 10 тысяч человек смогли попасть в Аргентину благодаря стараниям священника Константина Изразцова, которого в Русском зарубежье называли торжественно — «Апостол Южной Америки». Благотворительные организации и власти Аргентины не устояли перед просьбами доброго пастыря.

...ВЫСАДИЛСЯ В БУЭНОС-АЙРЕСЕ

Сегодня пока можно лишь мечтать о полном собрании сочинений Ивана Солоневича, которое составило бы не менее десяти увесистых томов. А почему бы и не помечтать? Вот такой, например, план:

Том 1 — статьи с 1911 по 1919 год: «Северо-Западная Жизнь», «Новое Время», «Вечерние Огни», сначала питерские, потом киевские, уже периода Гражданской войны.

2 — вся советская халтура, включая спортивные брошюры, которые халтурой все же не были.

3 — «Россия в концлагере» (с примечаниями, комментариями и рецензиями даже и на два тома наберется).

4 — публикации финского периода, в «Последних новостях», «Современных Записках», «Иллюстрированной России» и так — по мелочи (самый худой, наверное, томишко, страниц на 300-400, не больше).

5 — весь «Голос России» плюс повести из сборника «Памир» — здесь, наоборот, томище, по тысячу страниц.

6 — «Наша Газета» и «Родина» (в том числе «Белая Империя» и полемика вокруг нее) — то же самое.

7 — три части «Диктатуры импотентов».

8 — статьи из «Нашей страны» (в одну книжку уместятся с большим трудом).

9 — «Народная монархия».

10 — роман «Две силы» и сказка «Хозяева».

Расклад очень приблизительный, но вполне правдоподобный. И вот что из него получается: четыре из десяти томов — написаны или изданы (иногда — и

то, и другое, а иногда — только написаны) в послевоенный период, который для Солоневича, за вычетом дипийского безвременья, равнялся всего-то пяти годам жизни. Но — последним годам, когда работоспособность его достигла таких высот, а внешние обстоятельства существования настолько отошли на второй план, что КПД «двигателя внутреннего сгорания» достиг предела...

Удивительна не только эта производительность — удивительно и другое. Те, кто имеет в своей библиотеке книги И. Л., изданные в последние 20 лет, по одному экземпляру каждого названия (а переиздано примерно процентов 70 всего творческого наследия), — сложите стопочкой на одной стороне своего письменного стола «довоенного» Солоневича, а на другой — «послевоенного». Разница! Пусть первые два тома из нашего виртуального собрания не изданы, а пятый и шестой — только отчасти, но и том № 8 примерно наполовину «пуст».

Задумаемся о другом: о южноамериканских пяти каторжных годах Солоневича написано не в пять, а в двадцать пять раз меньше, чем о его побеге и довоенной европейской жизни. В любой энциклопедической биографической справке (если еще повезло с энциклопедией), в любой статье или предисловии к книге Солоневича, открывайте любую наугад

Нет материала? Не добраться до архивов? Да, объективные причины существуют. Но есть и такой момент, что «холодная война», точнее поражение в ней СССР, еще гвоздит сердца многих соотечественников, от самых низов до самых верхов. Ведь — о ужас! — Солоневич призывал к победе США над Советским Союзом... Он говорил: «да здравствует война!» уже тогда, когда появилась атомная бомба.

На самом деле ничего не изменилось. И в 1930-х, и в 1940-х Иван Лукьянович утверждал примерно одно и то же: без внешнего толчка, без войны советскую власть не сбросить — настолько силен аппарат слежки и принуждения, выстроенный «пламенными революционерами». Изменился только «вероятный противник» — тогда Германия, теперь Соединенные Штаты.

Послевоенный этап политической, издательской и прочей деятельности И. Л. Солоневича начался после того, как ему удалось вырваться из английской оккупационной зоны и получить визу в Аргентину. Там, в Буэнос-Айресе, 18 сентября 1948 года и вышел первый номер газеты «Наша Страна», которая стала продолжением довоенных изданий Солоневича.

Как писал В. К. Левашов-Дубровский, «Наша Страна» — в отличие от «Голоса России», читателями которого были, само собою разумеется, только «старые» эмигранты, — сразу же попала в руки «новых». И главной ее заслугой можно считать то, что сумев сохранить в рядах своих читателей «старых», она стала в то же время «своей» газетой и для вчерашнего комсомольца, неизвестно как сохранившего в глубине своей души какую-то инстинктивную веру в спасительность для России царской власти, но считавшего, что царская власть неизбежно связана с возвращением помещиков и едва ли не крепостного права, не допускавшего иного положения вещей до тех пор, пока «Наша Страна» не принесла ему новую для него идею — идею н а р о д н о й м о н а р х и и — без помещиков и без сословий — и сделала его верным последователем идеи Ивана Лукьяновича и ревностным членом Народно-Монархического Движения»^[736].

Но прежде издательских дел обратимся к очередным автобиографическим «вкраплениям» Солоневича в свои статьи. Уже в декабре 1948-го он писал:

«Я со своим ударным батальоном в лице сына, его жены и двух внуков высадился в Буэнос-Айресе 29 июля сего года. Мы ехали на итальянском пароходе. Перманентные макароны на гнилом жиру привели наше пищеварение в такое состояние, от которого мы не можем отделаться до сих пор. Десятка четыре писем, отправленных с парохода воздушной почтой, не пришли никуда. Денег у нас не было ни копейки. Наш официальный представитель нам ничем помочь не смог. Положение казалось совершенно безвыходным»^[737].

Прервемся на секунду, чтобы сообщить, что представителем довоенных изданий Солоневича в Аргентине был Георгий Митрофанович Киселевский (1881 — после 1965), инженер путей сообщения, ставший в эмиграции публицистом. Будем надеяться, что он все-таки поучаствовал и в становлении «Нашей Страны». Продолжим цитату из Солоневича:

«За четыре месяца наши штабс-капитаны, до сих пор мне вовсе неизвестные, набрали деньги для газеты, окружили нас всех истинно трогательными заботами и утверждают, что «Наша Страна» не пропадет»^[738].

А где же Рут Солоневич, спросит читатель. Она приехала в Аргентину чуть позже. Позже приехал и В. К. Дубровский, он отплыл из Европы только 1 октября, когда набирался в типографии уже второй номер «Нашей Страны»^[739].

Первый выпуск газеты был замечателен — хотя бы тем, что дивно походил на «Голос России». И теперь статьи семейства Солоневичей оккупировали всю газету. На первой странице, как и прежде, в софийский

период, красовалась передовица Ивана и карикатура в исполнении Юры. Казалось бы, опять авантюра...

Новые авторы подтянутся позже, в этом сомнений не было. Но «закрывать объем», как говорят газетчики всех времен и народов, нужно было уже сейчас. И тут Юра вспомнил о романе отца «Две силы», с главным героем — сибирским золотоискателем Степкой. Иван начал создавать это необычное произведение еще в Германии, в оправдание стука пишущей машинки, когда политическая журналистика ему была запрещена, а гестапо за этим следило регулярно.

«Говоря короче и откровеннее, «Степка» был задуман как совершенно откровенная халтура, и когда мы с сыном, — вспоминал Солоневич, — начинали в Буэнос-Айресе «Нашу Страну», а ни материалов, ни сотрудников не было еще никаких, Юрий Иванович предложил начать печатание «Степки» — готовой рукописи было номеров на десять. Я счел это предложение кощунственным. Возникла некоторая дискуссия, в результате которой литературная жизнь «Степки» была Юрием Ивановичем спасена»^[740].

Впрочем, в том, что автор романа «Две силы» именно он, Иван Солоневич признался только через три года, когда большинство читателей об этом уже и сами догадались. Но с самого начала — и до самого конца (не конца романа, а кончины автора) — «Степку» Солоневич публиковал в газете под псевдонимом Глеб Томилин.

Передовица первого номера «Нашей Страны» называлась «Восемь лет» — столько прошло с тех пор, как Солоневич не обращался к своему читателю в открытую. В этой статье он дал краткий обзор эмигрантского своего существования:

«Двенадцать лет тому назад в Софии начала выходить газета «Голос России», которой суждено было произвести в эмиграции, по одним мнениям, «эпоху», по

другим — только скандал. Последнее мнение было, кажется, преобладающим. <...> Я только что просмотрел мои собственные издания 1936–1940 годов. Скандал они причинили, по-видимому, вполне достаточный: «Социалистический вестник» называл меня «кандидатом в русские Геббельсы», мечтающим о никогда не существовавших временах царя Гороха. Орган упомянутого царя — белградский «Царский вестник» с редкой изысканностью: «Солоневич, может быть, и не агент ОГПУ, но он хам и подлец». Основатель сегодняшней солидаристской партии профессор Георгиевский называл меня поочередно то агентом ГПУ, то агентом гестапо. <...> Немецкая партийная пресса посвящала мне целые полосы, обзывая меня врагом Германии и «Judenfreund», что в переводе на истинно русский язык звучит как «шабесгой». А наши социал-демократы уже во время войны объявили меня правой рукой Геббельса. Так создается слава мира...»^[741]

В статье присутствует, конечно, и оценка Второй мировой, намечаются и планы на ближайшее будущее:

«Мы с вами в борьбе против нашего социализма были бессильны. И так же оказались бессильны в борьбе двух социализмов. Русская эмиграция, как это ни странно, до сих пор не отметила того факта, что товарищ Гитлер в занятых областях оставлял почти в полной неприкосновенности тот же социалистический строй, который насаждал в СССР товарищ Сталин, — и теперь товарищ Сталин организует в занятой им Германии приблизительно то же самое, что делается и на родине всех трудящихся. Если бы мы в схватке двух социалистических гадов приняли бы участие на любой стороне, то нас съел бы победивший гад — только и всего. И кроме того, если уж дело идет о гадах, то пусть уж русский гад сидит в Берлине, чем немецкий — в Москве.

Вот эти-то соображения определили наш не столько нейтралитет, сколько анабиоз... Никак нельзя сказать, чтобы из восьмилетнего периода молчания и бездействия наше движение вышло бы, как в таких случаях принято говорить, закаленным и прочее в этом роде. Организации у нас и до войны, собственно, не было никакой. Во-первых, потому, что мы еще не успели ее создать, а во-вторых, потому, что я решительно не видел: так что же бы стала делать эта организация, если бы мы ее и создали? Устраивать чаши чаю? Слать «пропагандистов» в СССР? Создавать унтер-офицерские курсы? Теперь у нас есть точка приложения наших сил: а) пропаганда среди иностранцев — вот в стиле нашей вкладки в первый номер газеты; б) так сказать, артельная обработка «Белой империи» — о чем я пишу в предисловии к этой книге и еще напишу в газете. Есть и еще кое-какие возможности — о них я пока в газете писать не буду»^[742].

Первые номера, до приезда Дубровского, давались нечеловеческим трудом. Выкроить бы время на чтение новой литературы, которая не доходила до дипийских лагерей, а тут надо писать и писать самому. Одна книга все же так задела Ивана Лукьяновича, что он не удержался и послал письмо в журнал «Часовой», который восстановил уже к тому времени, насколько это было возможно в новых условиях, свою читательскую аудиторию в Европе. Солоневичу, конечно, хотелось таким образом и напомнить о себе прежним друзьям и врагам. И вот 10 октября он пишет В. В. Орехову (письмо опубликовано в декабрьском номере журнала):

*«Милостивый Государь, Господин Редактор!
Только что вырвавшись из британской
оккупационной зоны, отгороженной от остального мира*

бумажным занавесом всяческих цензур, я узнал, что наши социал-демократы, тт. Долин и Николаевский в своей книге «The Forced Labor in USSR» сообщили американскому и английскому общественному мнению, что в годы второй мировой войны так называемое штабс-капитанское движение — очень крупное — very important one по мнению авторов этой книги — «стало на службу Гитлеру», «пошло на восток» и прочее в этом роде. И что лично я был правой рукой и Гитлера и Геббельса.

Я не хотел бы обвинять наших социал-демократов в сознательной клевете — до сих пор они этим не занимались. Но все это не имеет решительно никакого отношения к действительности. Ни один из наших людей ни с немцами, ни «на восток» не пошел. Я был дважды арестован Гестапо, и все годы советско-немецкой войны провел в деревне в административной ссылке — очень вежливой, впрочем — хотя А. Розенберг и требовал моей полной ликвидации. — Почти никто из старой русской эмиграции в Германии не пошел: ни к Гитлеру, ни к Власову. Основания, по которым мы все или почти все этого не сделали — я сейчас излагаю в «Нашей Стране». — Эти основания можно считать достаточными и можно не считать достаточными, но во всяком случае «мы» не пошли. И так как ген. В. В. Бискупский и полк. Н. Д. Скалон заплатили за все это своими жизнями, то я считаю себя морально обязанным заступиться и за их доброе имя: мы все действовали приблизительно по одним и тем же мотивам и мы все имели перед остальной эмиграцией то несомненное, хотя и печальное преимущество, что мы были в Германии и что цели и методы германской политики мы знали лучше, чем кто бы то ни было»^[743].

Всеволод Левашов-Дубровский по приезде в Аргентину без промедления включился в работу — вместе со своей молодой женой, Татьяной Киреевой, которой предстояло через много лет принять эстафету в издании «Нашей Страны».

«Так или иначе, мы устроились, — писал он 2 января 1949 года своему другу, художнику Ивану Марьянову, проживавшему в Чили. — Имеем крышу над головой, имеем питание и все самое необходимое для жизни. Плохо то, что все наше материальное благополучие зависит от газеты, а газета все еще пока не стоит на ногах достаточно твердо. Слишком большое расстояние разделяет место ее выхода от, так сказать, рынка. Этот рынок находится главным образом в США и Европе — на расстоянии полутора месяцев почтового сообщения. Дело осложняется еще и тем, что живем мы не в самом Буэнос-Айресе, а в 44 километрах от него, в Дель Висо. Приходится часто ездить в город, а это отнимает массу времени и сил»^[744].

«Наша Страна» начала выходить с периодичностью один раз в две недели, по субботам. Довольно быстро сформировался круг представителей «Нашей Страны», а география их и вовсе оставалась неизменной долгие годы: США и Канада, Австралия, в Южной Америке — Чили, Уругвай, Парагвай, Бразилия, Венесуэла, в Европе — Германия, Франция, Бельгия, Италия и в Азии — Иран. Перечень стран, где проживали подписчики и авторы газеты, был гораздо шире.

В июне 1949 года Иван Солоневич публикует в своей газете «Проект общемонархической программы», на который «Возрождение» (после войны уже не газета, а журнал, да еще и под редакцией левого С. П. Мельгунова) отозвалось устами своего политического обозревателя С. Карина так:

«Надо отметить и нечто новое в крайнем лагере монархистов. В «Нашей Стране» опубликован проект программы, в котором Солоневич решительно отходит от своей атавистической пропаганды «самодержавия». Знамение времени! Было бы хорошо, если бы вождь, так называемых «штабс-капитанов», сумел отойти теперь и от своей излишней литературной (и политической) развязности»^[745].

Оставим на совести публициста обвинения в развязности — в конце концов можно было и так воспринимать предельно откровенный тон общения Солоневича со своими читателями-единомышленниками. Но отказ от пропаганды самодержавия — это все-таки чересчур. И народное представительство, и местное самоуправление, никоим образом самодержавию не противореча, прекрасно развивались в Российской Империи. Допустим, слово «самодержавие» Солоневич ни разу не упоминает в своей программе для Всероссийского монархического объединения (ВМО). Но говорит вполне прямо и определенно:

«Тысячелетняя история Российской государственности с <...> экспериментальной бесспорностью доказывает неразрывную связь благополучия народных масс с существованием полноценной монархии: периоды гибели или даже ослабления монархии автоматически приводили или к анархии (Смутное время), или к закрепощению народных масс монголами, дворянством или компартией. В первых трех случаях только монархии удалось восстановить свободу страны и свободу ее народов»^[746].

Чем же, в самом деле, является полноценная монархия как не самодержавием? Но Солоневичу было

важно оперировать терминами, не требующими расшифровки.

Следующее определение монархической власти также обходится без слова «самодержавие», хотя речь идет явно о нем:

«ВМО рассматривает монархическую власть в России как власть, основанную на религиозно-нравственных началах, стоящую над партиями, классами и народами страны, бесспорную по праву наследования и бесспорно выражающую тысячелетнюю волю народа, восстанавливавшего эту власть после каждого ее падения»^[747].

Или же еще более развернуто:

«Таким образом, ВМО представляет себе будущую российскую государственность как монархию, работающую в самом тесном содружестве с Церковью, народным представительством, местным самоуправлением и частной инициативой, как империю, равноправно объединяющую все входящие в ее состав национальности, как хозяйственный строй, основанный главным образом на частной собственности и частной инициативе, как общественный строй, основанный на полном равноправии всех граждан империи без различия религии, расы, национальности и происхождения, как социальный строй, руками монархии гарантирующий гражданские и политические свободы от посягательств социалистической бюрократии и капиталистической эксплуатации, как сочлена ООН, более, чем кто-либо иной, заинтересованного в сохранении мира и порядка на земле»^[748].

Терминология программы и исторические примеры вообще подобраны так, чтобы идеология русских монархистов была понятна и иностранцам. В первую очередь, конечно, американцам — поскольку САСШ

(Солоневич называл США по-старому, аббревиатура расшифровывалась как Северо-Американские Соединенных штаты) без сомнений рассматриваются в качестве потенциального противника советской власти и потенциального союзника русского народа.

Что же касается «самодержавия», то несколько позже, в 1950 году, редактор и издатель «Нашей Страны» очень подробно разобрал отношение к этому термину различных политических сил эмиграции, а также и точку зрения своего Народно-Имперского движения:

«Я попытаюсь изложить своими словами, что есть «самодержавие» для разных партий.

1. Группа «крайних монархистов» типа Чухнова и К°:

*Восстановление — хотя бы на **первое** время в урезанном виде — старого **сословно**-бюрократического строя, то есть возвращение к «монархии цариц» или к «диктатуре дворянства».*

*Писать об этом **прямо** — нельзя, это понимают даже и Чухновы. Поэтому «прямое действие» — *action directe* — представляется хотя бы парижскому Союзу дворян, который в изумительном по своей безграмотности бюллетене призывает «благородное русское дворянство», «в купе мирового масштаба», идти на отвоевание «попранных **законных** прав» оногo. Союз предполагает, что в мире есть «купа» и что, танцуя от этой «купы», можно опять сесть на чью-то шею. Чухновы выражаются осторожнее: пан Юрпе говорит о том, что «Империю Российскую создало дворянство», следовательно, ни Соловецкие монахи, ни сибирские землепроходцы, ни Ермаки и Дежневы, ни Хабаровы и Строгановы, ни казачество, ни крестьянство в строительстве Империи ни при чем.*

2. Высший монархический совет:

*Признание того **факта**, что с сословной конструкцией русской государственности покончено*

навсегда.

3. Народно-имперское движение, точку зрения которого нынешний ВМС принял почти целиком: оценка сословной конструкции не только как фактически невозможной, но и как принципиально **неприемлемой**. Власть Царя, исходящая от народа (как в 1613 году) и работающая для народа, как это было во все века нашей истории, **кроме** XVIII века. Оценка чухновщины как ведра стрихнина в бочку меда российской монархии.

4. Республиканско-демократическая группа (С. Мельгунов):

Самодержавие, как препятствие свободной игре политических партий, интересов, самолюбий и вожделений, — в той форме этой игры, которая привела: Россию — к Сталину, Германию — к Гитлеру, Италию — к Муссолини.

5. Социалисты типа Р. Абрамовича:

«Я его знаю, он нам опять черту оседлости заведет».

6. Солидаристы:

О русском самодержавии не говорят вообще: они мечтают о своем собственном.

7. Новая эмиграция.

О том, что такое самодержавие, не имеет **никакого** представления и отождествляет его то ли с чухновским монархизмом, то ли с европейским абсолютизмом. **Поэтому** в пресловутой анкете «Посева» (журнал солидаристов — И. В.), которая среди новой эмиграции дала 38 процентов за монархию вообще, за «абсолютную монархию» высказались только **восемь** процентов. Это означает, что **если** мы предложим русскому народу чухновский абсолютизм, то, принимая во внимание социальный склад новой эмиграции в

частности и в России вообще, монархия не получит даже и восьми процентов голосов»^[749].

Обвинения оппонентов в утопизме Солоневич отменяет начисто. Он старается не идеализировать дореволюционную Россию:

*«Народно-имперское движение **никак** не собирается предлагать России восстановление «старого режима». Нас никак не устраивает тот режим, при котором восшествие на престол равнялось, почти по Сирину, «приглашением на смертную казнь». Нас никак не устраивают ни революции, ни бунты, ни цареубийства, ни положение тех царей, которым посчастливилось избежать цареубийств... Мы никак не стремимся к воссозданию «старого режима».*

Нам нужен ЦАРЬ. И нам необходимо народное представительство. Нам нужно, чтобы последнее слово принадлежало ЦАРЮ и чтобы момент для этого последнего слова определял бы ОН — а никак не «глупость, предательство и прочее» — откуда бы они ни шли: из «августейших салонов» или с трибуны «глупости и измены».

Абрамовичи вольны называть все это «реакционной утопией» — пусть называют. На «монархической утопии» Россия прожила тысячу лет. На социалистической — полужива тридцать три года»^[750].

В послевоенный период зарубежная печать не баловала Солоневича своим вниманием. Оно, наверное, и не удивительно — иностранных переводов книг писателя не выходило, а русские эмигрантские дела по большей части никого кроме самих эмигрантов не интересовали. Бывали, впрочем, и исключения. Так, в апреле 1949 года ряд американских изданий опубликовал сообщение «Североамериканского

газетного альянса» (цитирую по публикации в «Милуоки Джорнэл») следующего содержания:

«В будущей войне с Соединенными Штатами, «советские войска будут сражаться лучше, чем они делали это против немцев». Таково мнение Ивана Солоневича, который бежал из русского лагеря на строительстве беломорского канала. Теперь он нашел убежище в Аргентине.

Как и в минувшую войну, говорит Солоневич, все противники красного режима будут в исправительно-трудовых лагерях, поэтому они будут не в состоянии изменить Красной армии. И баланс, хотя и не особенно просталинский, вряд ли изменится из-за жестокого разочарования, постигшего тех, кто пытался использовать свой шанс и переходил на сторону немцев».

В первые шесть месяцев Второй Мировой войны, говорит Солоневич, четыре миллиона русских солдат перешли к врагу, когда немцы подходили близко, потому что «80 % из них готовы были помочь самому дьяволу побороть Сталина». Но они — и те, кто позже последовали за ними — почти все были возвращены назад после войны, в соответствии с Ялтинским соглашением»^[751].

Еще раньше, в начале 1949-го, Солоневич включился в работу по созданию объединения монархических организаций в Аргентине. Протоиерей Лев Лебедев пишет по этому поводу: «В том же <1949> году в Аргентине Представителями Высшего Монархического Совета — полковником И. В. Федотьевым, Российского Имперского Союза-Ордена — Н. И. Сахновского и Народно-Имперского Штабс-Капитанского Движения — И. Л. Солоневичем, была сделана попытка совместить деятельность организаций в одно общее объединение

под названием «Государево Служилое Земство». Была разработана широкая программа деятельности... но, к сожалению, ничего из нее не вышло»^[752].

Но история Государева Служилого Земства, несмотря на свою краткость, довольно интересна. Ее изучил, оперируя документами архива РИС-О, петербургский исследователь С. А. Маньков^[753]. Он выяснил, что Земство было создано в Буэнос-Айресе 15 ноября 1948 года. И задумывалось оно как легальная структура русской монархической эмиграции в Аргентине. В этой стране тогда правил авторитарный режим военных во главе с «Президентом нации», генералом Хуаном Доминго Пероном де ла Соса.

Деятельность нелегальных организаций (а большинство русских эмигрантских объединений относились к этой категории) была попросту запрещена. Чтобы выйти из тени понадобилось создать структуру, разрешенную властями. Кроме того: в Аргентине в конце 1940-х не имелось единой белой организации, представляющей интересы всей русской колонии. Необходимо было снять подозрение властей по отношению к белоэмигрантам, которые из-за своей национальной принадлежности часто автоматически попадали в разряд «советчиков».

Русская общественная организации «Лига Имперской Руси» (Liga Imperial Rusa) объявила о своем создании письмом на имя шефа Федеральной полиции Аргентины генерала Артуро Бертольо. В этом письме, поступившем в полицию 25 ноября 1948 года, сообщалось, что Лига является «исключительно аполитичным» обществом^[754]. Неудивительно: по законам Аргентины иностранцам была запрещена любая политическая деятельность внутри страны. А посему работа новой организации направлена — на

распространение культурных и исторических традиций русского и славянских народов, управляется самостоятельно избранными органами и не имеет руководящего центра за границей. Далее следовала подробная информация о лицах, входящих в общество, с указанием имен и фамилий, занимаемых должностей, их адресов и номеров документов, дающих право на проживание в Аргентине. Президент Лиги — Николай Сахновский, по месту жительства которого в Буэнос-Айресе размещался официальный адрес общества. Вице-президент — Николай Ряснянский, генеральный секретарь — Николай Воейков. И так далее...

Ознакомившись с «уставными документами», полиция разрешила деятельность «Лиги Имперской Руси», но с обязательными условиями: во-первых, информировать о своем дальнейшем развитии, а во-вторых, проводить все открытые публичные собрания на испанском языке. Получив официальное признание, Лига стала именоваться на русском языке «Государево Служилое Земство». Понятно, что такое название вряд ли было бы согласовано аргентинской полицией при оригинальном переводе, ввиду сложности объяснения его дословного значения иностранцам. Теперь же Правление Лиги (*Junta directiva*) именовалось Советом старшин Земства, а Президент Лиги — его Председателем.

Ведущую роль в создании организации, как ее не называй, играли соратники Российского Имперского Союза (РИС) — монархической организации, возникшей еще в 1929 году в Париже. К ней принадлежали и Президент Лиги Н. И. Сахновский, и генеральный секретарь Н. Н. Воейков, еще до Второй Мировой войны являвшиеся активистами РИС в Бельгии.

«Вполне естественно, что новая структура была заинтересована в привлечении в свои ряды такого известного и яркого монархического публициста, как И.

Л. Солоневич, уже издававшего в Аргентине с 1948 г. свою новую газету «Наша страна», — отмечает С. Маньков^[755].

Инициативу взял на себя Н. Н. Воейков.

«Дорогой Иван Лукьянович! — писал он Солоневичу. — Приехав недавно в Буэнос-Айрес, было отрадно снова читать Ваш смелый и мужественный орган, который мы с немалым интересом читали до войны, хотя и под другим названием.

Вы вероятно не помните нашей с Вами встречи, когда я участвовал вместе с моим братом в устройстве Ваших интереснейших лекций в городе Брюсселе и где к тому-же мне приходилось часто встречаться и беседовать с Вашим братом.

С 1940 года я имел честь руководить работой Российского Имперского Союза в Бельгии вплоть до моего приезда в Аргентину в Августе этого года. Мой друг и соратник Даниил Феодорович Рудинский просил меня, до моего отъезда, непременно наладить с Вами здесь контакт, для совместной работы на нашем общем монархическом фронте, горячим участником которого Вы являетесь.

В мерзкой статье, господина Мамукова, направленной против Вас, в номере 12 журнала «Вехи», от декабря с. г., этот самонадеянный солидарист попытался и на наш Союз уделить струю своей провокационной прозы. Прилагаю к сему копию моего письма к этому господину, с которой очень прошу Вас ознакомиться и, если возможно, не отказать в любезности, восстановить истину на страницах Вашей газеты.

Пользуюсь случаем чтобы переслать Вам также наше «Письмо к Невозвращенцу», которое мы в тысячах экземплярах распространили среди русских Д. П. на бельгийских шахтах и «Обращение к Русским

монархистам проживающим в Ю <жной> А <мерике>», составленное нашим генеральным представителем Соратником-Руководителем Н. И. Сахновским. Очень рад был бы возможности с Вами встретиться, чтобы побеседовать с Вами на интересующие нас темы.

Дай Вам Бог и впредь вести столь мужественную линию в издаваемой Вами газете»^[756].

Письмо было написано 28 декабря 1948 года, и только 2 февраля 1949-го Солоневич сел за ответ.

«Дорогой Николай Николаевич! — писал он. — Я был бы очень рад установить с Вами связь и попытаться сделать еще один шаг — не на путях объединения эмиграции, а на путях объединения монархической эмиграции. На эту тему я недели две тому назад отправил письмо П. В. Скаржинскому и жду от него ответа.

Не очень ясно представляю себе, что именно значит сейчас Ваш «Имперский Союз», — не примите за обиду: я не очень ясно знаю, что именно значит сейчас и штабс-капитанское движение. Все перепуталось за эти годы. «Имперский Клич», издававшийся до войны в Париже — какое отношение имел он к «Имперскому Союзу» и имел ли вообще?

Вашу листовку я читал еще в Германии — ее кажется написал мой брат. Очень хорошая листовка. С солидаристами я пока что не буду спорить по мелочам и хочу прижать их к стенке по основному вопросу: о их к о м м у н и с т и ч е с к о й хозяйственной программе. Хорошо бы все это обсудить лично — и еще лучше, если у Вас найдется время — у меня. Я живу на ст. Дель-Висо, ехать от Ретиро-Эстадо, час езды от ст. Дель-Висо — направо, через пустырь, минут 8 ходьбы — план прилагается. Я сижу дома почти безвыходно, но лучше бы заранее списаться. Тут благодать — отдельная

усадьба и «большой» сад — по местным масштабам, конечно.

Не могли ли бы Вы как-то посодействовать нам в распространении «Нашей Страны» среди новых эмигрантов, в частности и в Бельгии, где у Вас вероятно какие то пути еще остались? Я бы хотел соорудить так: чтобы все монархическое движение эмиграции спаялось бы в одну организацию и чтобы я ею не заведовал бы никак: мое дело писать. Организаторов лучше чем я, у нас достаточно — но «писак» не хватает.

Спасибо за Ваши отзывы и за Ваши пожелания. Даст Бог — выживем. Но в этом я далеко еще не уверен — я говорю о «Нашей Стране»^[757].

После встречи с Воейковым Солоневич направил два письма — Председателю Высшего монархического совета П. В. Скаржинскому в Германию и Начальнику РИС Н. К. Глобачеву в США — с просьбой согласовать совместную работу аргентинских представительств этих организаций с Народно-Имперским Штабс-капитанским Движением. Положительные отзывы были получены, в результате вышел в свет следующий документ:

«ТОРЖЕСТВЕННАЯ ЗАПИСЬ

Буэнос-Айрес, 12 февраля 1949 года

Мы, нижеперечисленные представители монархических организаций российской эмиграции: а) Высшего Монархического Совета, б) Российского Имперского Союза и в) Народно-Имперского Штабс-капитанского Движения даем перед лицом Православной церкви, Династии и России торжественное обещание в том, что мы направляем все наши усилия для борьбы с коммунизмом и для восстановления тысячелетнего Российского Престола. И что при этом мы обязуемся сочетать свои действия для достижения этих целей вне какой бы то ни было

зависимости от принадлежности нашей к какой бы то ни было партии и от личного положения в рядах этих партий.

Объединяя нашу деятельность в пользу восстановления Российского Престола, мы ставим своей ближайшей задачей распределение наших прав и обязанностей только и исключительно в зависимости от деловых потребностей нашей работы. В данный момент, в самом начале этой объединительной деятельности, эта работа распределяется следующим образом.

Председатель Объединения: Полковник И. В. Федотьев,

Секретарь: В. К. Дубровский,

Уполномоченный по связям с местными аргентинскими властями: Н. И. Сахновский,

Уполномоченный по связям с военными организациями: И. И. Значковский,

Уполномоченный по связям с Церковью: Б. Н. Ряснянский,

Уполномоченный по связям с организациями молодежи: Н. Н. Воейков,

Редактор «Нашей Страны» и уполномоченный по издательству: И. Л. Солоневич,

Уполномоченный по финансовой части: инженер А. Я. Селезнев,

Уполномоченный по связи с иностранными кругами: Н. И. Мазаракий,

Уполномоченный по связи с новой эмиграцией: Млад. Лейтенант Д. С. Вознесенский.

Это Объединение присваивает себе название «ГОСУДАРЕВО СЛУЖИЛОЕ ЗЕМСТВО НА ТЕРРИТОРИИ АРГЕНТИНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ». Вышеуказанные лица составляют Совет Старейшин этого Земства, и этому Совету принадлежат судебные функции по всем внутренним вопросам, могущим возникнуть в этом Объединении.

ПОДЛИННОЕ ПОДПИСАЛИ:

От Высшего Монархического Совета: Полковник И. В. Федотьев.

От Российского Имперского Союза: Н. И. Сахновский.

От Народно-Имперского Штабс-капитанского Движения: И. Л. Солоневич»^[758].

Государево Служилое Земство стало одной из первых организаций, возникших в Новом Свете, которая объединила эмигрантов первой и второй волн эмиграции. Несколько статей Солоневича в «Нашей Стране», посвященных Земству, говорят о том, что он возлагал на это объединение серьезные надежды.

«Объединение всей эмиграции я лично считаю совершеннейшей утопией, — утверждал он. — Но единый монархический фронт мне никак не кажется утопией. Его я представляю себе так. Единый монархический фронт морально возглавляется Великим князем Владимиром Кирилловичем. О Великом князе Владимире Кирилловиче мне очень трудно писать. О Великом князе Владимире Кирилловиче мне очень трудно писать. Очень трудно найти тон, который, с одной стороны, не был бы казенно-официальным и, с другой стороны, не казался бы похлопыванием по плечу. Для казенно-официального тона я непригоден никак, а похлопывать по плечу я, разумеется, не имею никакого права. Но для тех новых эмигрантов, которые, я бы сказал, до боли интересуются личностью нашего будущего Царя, я все-таки рискну выразить мое личное мнение: нам вообще не повезло, но если нам в чем-то повезло — так это в личных качествах Великого князя.

<...> Дальше: Высший монархический совет, который до войны состоял из людей неприемлемых просто потому, что они олицетворяли собою самое крупное землевладение России, совершенно сменил

свой состав. В Мюнхене он проделал поистине огромную работу. Фактически он добился объединения всей русской эмиграции во всех трех зонах. У него налаженная связь с Великим князем и очень высокий подбор деловой русской интеллигенции — и старой, и новой.

Дальше идет Имперский союз с очень небольшими, но очень активными кадрами — сравнительно молодыми. Дальше идет штабс-капитанское движение, которое до войны имело, вероятно, наибольшую «массу», но которое было организовано очень плохо. <...> Есть еще целый ряд менее значительных — то открыто, то скрыто монархических организаций, то дробящих силы свои, то ненужно конкурирующих друг с другом, повторяющих работу друг друга.

Теперь предположим такое положение вещей. Великий князь — морально или как ему будет угодно — возглавляет все монархическое движение эмиграции в тех формах, какие ему будут удобны. Его директивы для всех нас обязательны, совершенно независимо от того, согласны мы с ними или не согласны. Высший монархический совет является не «организацией» и тем более не «партией» — он является учреждением, играющим приблизительно такую же роль, какую играл у нас Государственный совет. Все остальные монархические организации или сливаются в одно движение — по мере возможности с новым названием, чтобы не возникло разговоров о поглощении одной организацией другой организации, — или входят в одно общее движение, сохраняя свои индивидуальные оттенки, но подчиняясь одной общей дисциплине. И действуя примерно по одному и тому же плану. И всячески бойкотируют тех, кто нарушает этот план и эту дисциплину»^[759].

В статье «По стопам 1613-го года» Солоневич отмечал, что используя термин «Государево Служилое Земство», его основатели понимают под «земством то, что под земством понималось в Московской Руси: местное самоуправление, бывшее в те времена опорой Самодержавия, а не его конкурентом. Прилагательные «государево» и «служилое» должно подчеркивать разницу между земством эпохи Кузьмы Минина и земством эпохи Федора Родичева»^[760].

Государево Служилое Земство, по мнению Солоневича, должно было стать той силой, которая будет служить «Государеву делу», забыв про узко партийные интересы, поможет монархистам тесно сплотиться вокруг Главы Династии Великого Князя Владимира Кирилловича:

«С того момента, когда, в феврале 1917 года, монархию и династию продал и предал весь или почти весь правящий слой страны — до сегодняшнего дня, когда этот правящий слой служит панихиды, но не хочет служить Монархии — мы, вот и кувыркаемся от Волги до Ла-Платы. Ни в 1917, ни в 1949 году мы не догадались сделать самого простого: стать стеной у Трона. В 1949 это гораздо труднее, чем это было в 1917»^[761].

Объединившись, три организации решили провести выборы нового руководства Земства. Первоначально они были назначены на 20 марта 1949 года, но состоялись только 17 апреля — в Доме Белых Русских Эмигрантов на ул. Карлос Кальво № 2851. Согласно постановлению Совета Старшин на Собрание были допущены не только действительные члены Лиги, но также сочувствующие, которые не имели права голоса и присутствовали «на правах соревнователей».

По случаю общего собрания Советом Старейшин была выпущена листовка «К Русским людям!», с

призывом объединиться во имя предстоящей антикоммунистической борьбы и для поддержки Главы Российского Императорского Дома Великого Князя Владимира Кирилловича.

Собрание открылось торжественным молебном, который отслужил Архиепископ Аргентинский Пантелеймон. Затем выступил Н. И. Сахновский, изложивший историю создания Земства и его деятельность в течение 6 месяцев и выразивший дежурную благодарность аргентинскому правительству за гостеприимство по отношению к русским людям. В завершение своей речи Сахновский провозгласил «Многая лета» Президенту Республики генералу Хуану Перону. Далее о целях создания Государева Служилого Земства поведали полковник Федотьев и Солоневич. Собрание завершилось исполнением русского народного гимна «Боже Царя Храни», после чего состоялось голосование.

По его итогам новый руководящий состав Земства стал выглядеть так: председатель — Н. И. Сахновский, вице-председатель — И. В. Федотьев, генеральный секретарь Н. Н. Арсеньев, его заместитель Н. Н. Воейков, казначей В. К. Дубровский, зам. казначея И. И. Значковский, действительные члены совета: И. Л. Солоневич, Е. А. Николич, М. К. Борель, заместители действительных членов В. Н. Ряснянский, Н. Н. Мазаракий.

Важным моментом в краткой истории Государева Служилого Земства стало его деятельное участие в создании «Российской колонии в Аргентине», куда вошло более 15 организаций.

Совет старейшин Земства собирался каждое воскресенье в помещении Православной церкви на улице Облигадо, после литургии. Регулярные чаепития проходили в Доме Белых русских эмигрантов. Прием членов общества вел Н. И. Сахновский у себя на дому.

Частое же проведение общих собраний было весьма затруднительно, из-за необходимости приглашения на них полицейского чиновника и синхронного перевода всего происходящего на испанский язык, для чего был нужен хороший переводчик. С целью поддержания связей между членами Земства Совет старейшин каждое первое число месяца выпускал «Оповещение», информирующее о внутренней жизни организации. Оно распространялось бесплатно среди членов Земства и не предназначалось для передачи не входившим в его состав лицам.

Легальность в условиях аргентинской действительности сковала деятельность ГСЗ, сведя ее исключительно в рамки проведения культурно-просветительских лекций, исторических чтений и молебнов. Например, 19 июня 1949 г. был отслужен молебен о здравии супруги Главы Российского Императорского дома Е. И. В. Государыни Великой Княгини Леониды Георгиевны^[762].

В ноябре 1949 года в «Нашей Стране» были опубликованы сразу три обращения — от имени Государева Служилого Земства, от Российского Имперского Союза и «От Редактора «Нашей Страны». Они свидетельствуют от тех нестроениях, которые (конечно, не только они) в итоге привели к роспуску союза монархистов.

«После образования в Аргентине Государева Служилого Земства, — говорилось в первом обращении, — в состав которого вошли три самостоятельные группы Монархического Движения, а именно местная группа 4-го Отдела Российского Имперского Союза, Штабс-капитанское Движение, возглавляемое Иваном Лукьяновичем Солоневичем, и Монархическое Объединение, со всех концов

российского Зарубежья стали поступать многочисленные запросы о том, что именно произошло в Аргентине: полное ли слияние вышепоименованных групп, подчинено ли Государеву Служилому Земству Высшему Монархическому Совету, находящемуся в Мюнхене, прекратил ли Имперский Союз как самостоятельная единица, и т. д., и т. д. Думаем поэтому, что своевременен дать ответы на все эти вопросы, а так как они несомненно имеют общий интерес для всего монархического Русского Движения, то решаемся обратиться к Русской прессе с просьбой поместить на своих страницах настоящее разъяснение.

Все три группы, вошедшие в состав Государева Служилого Земства, так же, как и всякая новая группа русских эмигрантов, которая пожелала бы к нему примкнуть в дальнейшем, являются вполне самостоятельными во всей своей внутренней жизни. Монархическое Объединение в точности следует В. М. С. и в точности следует всем его постановлениям; Имперцы следуют своей идеологии, которая не во всех пунктах совпадает с установками В. М. С., т. к. в рядах Имперского Союза могут состоять не только легитимисты, но и сторонники конституционной монархии. Основная мысль Имперской идеи есть Православная Монархия, но детали программы только вырабатываются. Штабс-капитанское Движение имеет своего идеолога в лице И. Л. Солоневича, причем очень многие его взгляды не разделяются ни В. М. С., ни Р. И. С., в частности в том, что касается критики некоторых царствований или деятелей народной противобольшевистской борьбы, и в особенности форм этой критики.

Газета «Наша Страна» отнюдь не является органом Государева Служилого Земства, но есть личная собственность И. Л. Солоневича. Ни Монархическое Объединение, ни Российский Имперский Союз, ни

Государево Служилое Земство не несут никакой ответственности за высказываемые в этой газете суждения, и в недалеком будущем надеются найти возможность выпускать свои собственные органы печати.

Тем не менее, в условиях аргентинской жизни существование Государева Служилого Земства позволяет всем трем группировкам с большей легкостью вести свою работу. Работа эта согласно с аргентинскими законами не может иметь политической окраски и сводится к устройству исторических или духовных или, наконец, научных докладов, печатанию их на русском или иных языках, и борьбе с коммунистической лживой пропагандой путем восстановления исторической истины и изучения прошлого России. Таким образом Г. С. З. Есть пока что чисто местное и, так сказать, тактическое объединение группировок, согласных и единомысленных только в одном, и по нашему общему мнению главнейшем вопросе, а именно, что есть только один путь вернуть мир на путь мирного прогресса — Восстановление Империи Российской, во всем Ее объеме, под скипетром Православного Русского Царя»[\[763\]](#).

Имперцы, в свою очередь, рассказали об изменении структуры своей организации и также упомянули о своем несогласии с некоторыми высказываниями Солоневича, опубликованными в «Нашей Стране». «Российский Имперский Союз — говорится в обращении, — отнюдь не разделяет взглядов Ивана Лукьяновича Солоневича на некоторые царствования, возглавителей народной противобольшевистской борьбы, а также на роль Русского Охранного Корпуса в Югославии во время минувшей войны. В особенности не соответствует взглядам Имперцев форма критики, применяемая И. Л. Солоневичем. Российский Имперский

Союз категорически отклоняет от себя всякую ответственность за эти статьи, на что сам И. Л. Солоневич также неоднократно обращал внимание своих читателей»^[764].

Иван Лукьянович ответил вполне дипломатически, но, честно говоря, дипломатия никогда не была его сильной стороной — мастер острой полемики, он не очень-то умел договариваться, даже с единомышленниками. Судите сами:

«Помещая в настоящем номере газеты два заявления — одно от имени Государева Служилого Земства и другое — от имени Российского Имперского Союза — я хотел бы сделать к ним некоторые примечания.

Моя резкая критика известных периодов нашей истории вызвала — по недоразумению — ряд нападок на Государево Служилое Земство, как если бы «Наша Страна» была официозом последнего. Повторяю еще и еще раз: ничьим официозом «Наша Страна» никогда не являлась, не является и являться не будет. В связи с этим я хочу привести отрывок из только что полученного мною письма П. В. Скаржинского: «Я считаю, что «Наша Страна» особенно ценна своей независимостью. Стань она органом какой бы то ни было организации — она утратила бы половину своей ценности». Высший Монархический Совет я считаю наиболее авторитетным органом в Русской эмиграции и тот факт, что мнение П. В. Скаржинского полностью совпадает с моим собственным, весьма для меня ценен.

Что же касается моей оценки тех или иных периодов русской истории, полагаю, что чисто академические вопросы нашего прошлого должны уступить более актуальным проблемам современности, и некоторое расхождение во взглядах не должно и не может помешать дальнейшей совместной работе

группировок, входящих в Г. С. З., имеющих одну и ту же важнейшую цель — восстановление Империи Российской под скипетром Православного Русского Царя»^[765].

Не правда ли, не очень ярко и совсем не убедительно? Особенно — последнее предложение, в котором Солоневич практически цитирует обращение Земства.

В качестве же иллюстрации оценки Солоневичем «некоторых царствований» достаточно привести одну цитату, которая вряд ли может прийтись по душе монархистам:

«Петр I фактически ликвидировал монархию. После его смерти на престол была возложена вечно пьяная девка, за ней последовали другие, и в течение лет сорока рядом последовательных законов свободный, богатый, самоуправляющийся мужик времен Алексея Михайловича был превращен в двуногое быдло»^[766].

Иван Солоневич, как мог, старался «наступать на горло собственной песне», объединение монархистов Зарубежья казалось ему не только вполне реальным — оно виделось насущной необходимостью.

«Дело заключается в том, что нам, монархистам, «правым», надо наконец как-то координировать нашу работу, — писал он — Если я буду и книги писать, и газету вести, и за деньгами бегать, и молодежь организовывать, и организацией руководить, то довольно ясно, что ни из одной из этих специальностей ничего не выйдет. Если Имперский союз будет дублировать все виды этой работы, то он тоже запутается. Если около десятка монархических организаций зарубежья выпускают десятки хорошо задуманных, но плохо написанных брошюр, листовок, журналов, программ и прочего в этом роде, то это

означает только одно — растрату сил и средств. Нам всем нужно объединяться не на почве объятий и междометий, а на почве разделения функций: пусть каждый из нас делает то, что он умеет и может делать лучше остальных.

Если бы мы достигли хотя бы этой координации, то я лично претендовал бы только на один вариант «вождизма» — сидеть и писать. И чтобы кто-то другой заведовал бы и финансированием нашей новой «Государевой библиотеки», и ее распространением, и работой среди молодежи, и пропагандой среди волынских мужичков, и связью с военными организациями. Если бы мы добились какой-то кооперации, то было бы лучше издавать только один монархический орган, давать в него лучшее, что у нас есть, распространять его в Буэнос-Айресе, Париже, Мюнхене, Нью-Йорке и прочих местах, и в каждом из этих мест издавать дополнительные страницы, посвященные вопросам местной информации. Иначе получается разброд: в «Нашей Стране» есть принципиальный материал, но никакой информации нет и быть не может. В других органах, я не буду их называть, есть информация, но нет принципиального материала. Есть издания, в которых, кроме денег и междометий, нет вообще ничего»^[767].

НУЖНО РИСКОВАТЬ И ДАЛЬШЕ

Сегодня мало кто знает, что великий русский авиаконструктор, изобретатель вертолета Игорь Иванович Сикорский был монархистом. В 1920–1930-е годы он даже входил в Государево Совещание, организованное Императором Кириллом. С Солоневичем же его связывала не только общность убеждений, но и одинаковый взгляд на современность. До войны Сикорский принимал участие в Русском национальном союзе в Америке, который базировался в Сан-Франциско и был близок к «штабс-капитанскому» движению.

Весной 1939 года Солоневич с явным удовольствием опубликовал в своей газете письмо:

«Дорогой Иван Лукьянович!

...Глубочайшим образом согласен с Вашими мыслями и заключениями относительно схемы действий. На днях послал Вашу книгу на англ <ийском> языке Линдбергу.

В течение моей поездки по Европе я не раз встречал Ваших «штабс-капитанов», которые Вам верят и очень высоко оценивают Вашу работу для России. Прошу Вас считать меня в их числе.

Искренно желаю Вам и Юре всего наилучшего.

Ваш И. Сикорский»^[768].

Известна также статья Сикорского «Сущность и цели советского коммунистического правительства», опубликованная на английском языке в 1941 году. В ней он ссылается на Солоневича как на авторитетного специалиста в советских делах. Приведем отрывок из статьи в обратном переводе на русский язык:

«Профессор Ильин хорошо осведомлен о ситуации в России, и его высказывание может считаться научным

экспертным доказательством скрытой природы определенного явления. Это полностью согласуется с наблюдениями надежного и компетентного свидетеля И. Л. Солоневича, который недавно бежал из Советской России. Этот человек, сын русского крестьянина, обладает находчивостью, мужеством и выдающейся физической силой. У него не было звания и собственности, которые можно было потерять, ему удалось прожить при коммунистическом режиме гораздо лучше, чем это смог бы обычный человек. Он совершенно не сентиментален, готов поверить даже Советам, где доверие как он считает, является обязательностью.

Он интересуется главным образом реальностями и фактами и прекрасно их знает потому, что как ведущий инструктор по физической культуре, он посетил многие районы России, и ему часто приходилось работать в сотрудничестве с большими группами людей, а также с различными советскими группами людей, с различными советскими руководителями и учреждениями. Он обобщает теперешнюю ситуацию в Советской России следующим образом: «Этот процесс чрезвычайно противоречивый и сложный. Советское правительство создало инструмент насилия такой силы, какой история еще не знала. Этому насилию действует сопротивление почти равной силы. Две грозные силы вступили в трагическую борьбу с непревзойденной энергией. Правительство приближается к переломной точке под тяжестью своих проблем, в то время как страна задыхается под невиданным гнетом. Власть на стороне правительства, численность на стороне народа. Демаркационная линия проходит с такой отчетливостью, как это обычно бывает в случаях иностранного вторжения. Проистекающая борьба напоминает жестокость средних веков».

Это высказывание включает очень важную информацию, которую редко можно себе представить потому, что оно описывает условия, которые совершенно необычны и ненормальны для XX века»^[769].

Отношение Сикорского к Солоневичу не изменилось и после войны. В № 38 «Нашей Страны», в числе других, было опубликовано письмо, в котором всемирно известный изобретатель признавался лидеру штабс-капитанов: «Вы делаете прекрасное русское дело и Вашими книгами и Вашей газетой. В общем, я вполне согласен и с Вашими положениями, и с Вашим подходом к большинству вопросов. Вы правы, отбрасывая всякие привилегированные группы в будущей России. Эти группы неприемлемы как для заграницы, так и в России»^[770].

Есть косвенные данные о том, что Сикорский оказывал и материальную поддержку «Нашей Стране». А когда Солоневич решил сменить Южную Америку на Северную и поселиться в США, Игорь Иванович поручился за него перед местными властями. Правда, авидефит (ручательство) не понадобился: до нового переезда Иван Лукьянович, увы, не дожил.

Возвращаемся к рубежу 1940–1950-х годов. И вновь — Солоневич и Ильин, или Ильин и Солоневич. Есть в этом негласном противостоянии что-то от средневековой борьбы нестяжателей с иосифлянами — главные «идеологи» канонизированы оба.

Проф. Ильин, эпистолярный критик Солоневича, в письме некоему Н. В. Борзову от 20 августа 1949 года косвенно высказал свое мнение и о «Нашей Стране»:

«Мое воззрение: о М <онархии> надо не шуметь, а келейно готовить новую идеологию (ибо люди никогда не умели быть м <онархистами>, а теперь разучились

вовсе, тому пример гадостные писания И. Солоневича)»^[771].

Примерно в то же время, даже несколько раньше, в конце 1948 года, Солоневич публично одобряет творчество Ильина. Речь идет о работе, впоследствии получившей название «Наши задачи» и известной ныне каждому монархисту, да и не только монархисту. Но в момент написания отзыва Солоневич не знает ни будущего названия, ни имени автора:

«Совсем на днях я случайно получил гектографированные листки Российского общевойскового союза, неизвестно где изданные и неизвестно кем написанные, — так утверждает Иван Лукьянович, и нам остается только ему поверить. — В их заголовке сказано, что они издаются руководством РОВС и предназначены для «единомышленников». Мне лично очень отрадno попасть наконец в ряды этих единомышленников: в пяти номерах бюллетеня нет ни одного слова, под которым не мог бы подписаться и я. К материалам этих бюллетеней я еще вернусь, на этот раз никак не для критики. Пока что хотел бы, отступая от «германской темы», дать из этих бюллетеней такую цитату:

*«Трудно предположить, чтобы кто-нибудь из нас верил в возможность существования России в республиканской форме. Но искренний и убежденный монархист не может не понимать, что Царя надо заслужить, что ему надо подготовить место **в сердцах и на троне**. Нельзя предавать Государя опять на изоляцию, измену и поругание. Верность требует от нас политического такта, самовоспитания, отбора людей чести и опыта».*

Это очень важная цитата. Она означает то, что с корниловскими лозунгами «Царь нам не кумир», слава Богу, покончено. Она также означает и то, что,

вероятно, покончено с целым рядом старых споров. Монархическое кредо новой линии РОВС выражено очень осторожно, но большего от чисто военной организации требовать трудно. Гораздо яснее и ярче сформулирована точка зрения РОВС на германскую политику по отношению к России.

«Русские люди, прожившие хотя бы несколько лет в Германии между двумя мировыми войнами, видели и знали, что германцы не отказались от **движения на восток**, от завоевания Украины, Польши и Прибалтики, и что они готовят новый поход на Россию. Русская эмиграция, жившая в других странах, не понимала этого или не хотела с этим считаться. Она предпочитала рассуждать по опасной схеме: «Враг моего врага — мой союзник» и по наивности готова была сочувствовать Гитлеру.

Надо надеяться, что ныне эти иллюзии изжиты. Цель Германии была совсем не в том, чтобы «освободить мир от коммунистов, и даже не в том, чтобы присоединить восточные страны, но в том, чтобы **обезлюдить важнейшие области России и заселить их немцами**.

Их план был задуман давно:

1. Разорить и ослабить Россию войной и революцией.

2. Истребить русскую национальную интеллигенцию руками большевиков (это старый германский прием «обезглавления» народа, примененный с успехом к саксам, чехам и западным славянам).

3. Истребить по возможности русское население в захватываемых областях (отсюда голодные и раздетые концлагери, «остарбайтерство», система «заложничества» и т. д. Аушвицкие печи для евреев были только генеральной репетицией массового истребления в завоеванных областях).

4. Заселить и германизировать оккупированные области.

5. Расчленив остальную Россию (демагогия среди русских национальных меньшинств) и обеспечить повсюду марионеточные германофильские правительства.

Таким образом, вторая война, в которую Гитлер возродил и вынес на восток империализм с его традиционными приемами, обнажила всю глубину национального презрения, ненависти и жестокости германцев к русскому народу. Мы должны додумать до конца и покончить раз навсегда с сентиментальными иллюзиями. После большевиков Германия есть главный национальный враг России, единственный, могущий посягнуть и дважды посягавший на ее бытие и не останавливающийся ни перед какими средствами. Эта инстинктивная мечта нескольких германских поколений — двинуться на восток и превратить Россию, по немецкому выражению, в «историческую кучу навоза», — не может и не должна считаться «угасшей» и ныне: она возродится при первой же политической конъюнктуре. Поэтому сильная Германия есть русская национальная опасность».

Это, в сущности, то, о чем я писал: мы, русские люди, прожившие хотя бы несколько лет в Германии, видели и **знали**, что именно собирается Германия нести «на восток». Ровсовская сводка немецких планов совершенно точна»^[772].

Читал ли Ильин эти комплименты, неизвестно. Мог и читать, мог и на них обидеться: что это какой-то Ивашка Солоневич смеет его хвалить? Но неизвестно и то, стал бы хвалить И. Л. вышеприведенный текст, если б знал, кем он написан.

На самом деле, тема эта, о сходстве и различии двух крупнейших монархических идеологов эмиграции и их

взаимоотношениях — для отдельного исследования, может быть, эссе, а может быть, и целой монографии. Коллизия налицо: Ильин ругательски ругает Солоневича, но только в переписке; Солоневич об Ильине лично не пишет практически ничего, но профессоров и приват-доцентов бичует на чем свет стоит, и кстати проф. Новгородцева — учителя Ильина — тоже. Впрочем, как-то раз, совсем мимоходом, еще до войны, Иван Лукьянович кинул камешек в огород Ивана Александровича. Дескать, не стоит воспитывать будущих агитаторов на рассуждениях, построенных по схеме «веревка — вервие простое». Так и написал: «Этим проф. Ильин слегка грешен». Не думаю, что отсюда возникла профессорская неприязнь, его эскапады в сторону И. Л. замечены намного раньше. В общем, оставим эту тему людям более компетентным.

К 1950 году тираж провинциальной по всем меркам «Нашей Страны», выходявшей по-прежнему два раза в месяц, составлял уже 2500 экземпляров. Больше имели только еженедельники (ежедневных изданий русская эмиграция больше не имела) — парижская «Русская Мысль» и нью-йоркское «Новое Русское Слово». Любопытно отметить, что все три газеты до недавнего времени продолжали выходить: только «Слово», пышно отметив свое столетие, умолкло. Но если демократически ориентированные «долгожители» занесены во все анналы истории, то отношение исследователей к монархической «Нашей Стране» иначе как информационной блокадой не назовешь.

В полной мере это утверждение справедливо и для одноименного издательства. А ведь оно заслужило благодарность потомков не только тем, что издавало труды Солоневича, но и тем, например, что открыло читающей публике имя автора «Неугасимой лампы» — Б. Н. Ширяева (кстати, постоянного автора газеты).

Именно издательство «Наша страна» в 1952 году выпустило его воспоминания «Ди-Пи в Италии: Записки продавца кукол»^[773], первую книгу писателя.

А началась книгоиздательская деятельность Солоневича после войны с выхода первой части «Диктатуры импотентов». За два года, по словам автора, разошлось около тысячи экземпляров — благодаря стараниям штабс-капитанов. Скорее всего, это именно та книга, которую он собирался издать еще в Германии. Доподлинно неизвестно. Зато известно, что второй том — под названием «Диктатура слоя» — вышел только в 1956 году, а третий, составленный М. Смолиным по рукописям из архива «Нашей Страны», недописанный — вообще увидел свет лишь в наши дни^[774].

По сравнению с довоенным периодом штабс-капитанское движение не имело уже той материальной базы, которую раньше обеспечивали иностранные гонорары его лидера. Однако самоотверженная работа редакции (всю техническую часть опять вел Левашев-Дубровский) покрывала и эти недостатки.

В газете публиковались такие, например, объявления:

«К новой эмиграции в заокеанских странах.

«Наша Страна» является, главным образом, органом новой эмиграции.

Эта эмиграция, переселяясь сейчас в заокеанские страны, сидит пока без копейки денег. Редакция «Нашей Страны» обращается к этой эмиграции с просьбой сообщать свои адреса — по этим адресам газета будет высылаться БЕСПЛАТНО, пока эти люди не устроятся. А там — как-нибудь сосчитаемся!»

Распространение газеты действительно налаживалось. Ее уже хорошо знали в ди-пийских лагерях. Диалог с «новой» эмиграцией развивался.

«Нашей Стране» удалось привлечь серьезные литературные силы эмиграции второй волны. Достаточно назвать имена Бориса Башилова (настоящая фамилия Юркевич) и того же Бориса Ширяева, которых сейчас довольно активно переиздают в России.

Были и не такие известные, но заслуживающие не меньшего внимания. Например, упоминавшийся в письме Воейкова в предыдущей главе Даниил Петров, всю свою эмигрантскую жизнь публиковавшийся под псевдонимами, один из которых стал его вторым именем — Владимир Рудинский. До недавнего времени он оставался последней нитью, связывавшей ту, солоневичевскую «Нашу Страну» с современной, которую ныне редактирует Николай Казанцев. Петров-Рудинский умер в 2011 году. «Кто-то из старых эмигрантов сообщил мне адрес И. Л. Солоневича, где-то в лагере в Германии, — вспоминал Рудинский. — Причем предостерегал меня, что у него-де дурной характер и он может мне ответить грубостями. Я написал; и ответ получил отнюдь не грубый. Солоневич говорил, что скоро переезжает в Аргентину, будет там выпускать газету, приглашал меня в сотрудники»^[775].

В ноябре 1948 года Рудинский опубликовал первую статью в «Нашей Стране». В июне 2011-го — последнюю. Печататься более 62 лет в одном издании — это очень похоже на мировой рекорд.

С кончиной «последнего из могикан» ушел из газеты и монархический дух: Рудинский был последним из постоянных сотрудников «Нашей Страны», кто сохранял верность Главе Российского Императорского Дома Государыне Марии Владимировне...

Из «новых» эмигрантов, сотрудничавших с газетой в 1950-е годы, необходимо упомянуть Лидию Норд, Николая Жигулева, Василия Ржевского. Из «старых» — проф. М. В. Зызыкина, Николая Кремнева, Николая

Былова, М. М. Спасовского, Н. Потоцкого. Почти все они стали и авторами книг (чаще всего небольшого объема), которые вышли в свет в издательстве «Наша Страна».

Что же Государево Служилое Земство? После долгих раздумий, 10 февраля 1950 года Совет старшин распространил следующее сообщение:

«Целью деятельности Государева Служилого Земства в Аргентине является именно служить Г о с у д а р е в у Д е л у в пределах, допускаемых местными условиями нашей жизни. Учреждая Земство, представители Штабс-Капитанского Движения, Высшего Монархического Совета и Российского Имперского Союза наметили устройство периодических собраний, докладов, чтений и встреч для обмена мнениями, обсуждения идеологических и исторических вопросов и всемерное распространение исторической правды о Царской России, не сомневаясь в том, что частое общение вызовет полное слияние идеологически близких кругов эмиграции в одно мощное русло, к которому смогут в дальнейшем примкнуть и более широкие массы.

Однако, несмотря на неустанные труды в этом направлении Старшин Земства, за истекший год удалось получить лишь одно разрешение на устройство всего лишь одного доклада на русском языке. Многие иные причины также препятствовали успешной деятельности Земства, как например: огромные расстояния между отдельными частями города; условия труда не оставляющие свободного времени; чрезвычайные трудности условий жизни русских людей не успевших еще прочно обосноваться на новых местах; и т. д., и т. д. Практически говоря, какая-либо плодотворная деятельность оказалась невозможной.

Ввиду всего вышеизложенного, после тщательного всестороннего обсуждения создавшегося положения,

Совет Старшин Земства пришел к заключению, что легально проведенный Устав Земства не только не способствует его деятельности, которая неосуществима по независящим от него обстоятельствам, но, налагая на Старшин многочисленные и часто тягостные обязательства, связанные с проведением перед властями различных формальностей, вынуждая Совет устраивать периодические собрания непременно на испанском языке, и вызывая многие иные трудности, заставляет Старшин тратить с таким трудом урываемое время совершенно непроизводительно и бесполезно. При создавшемся положении Совет Старшин считает правильным вообще прекратить действие оказавшегося бесполезным Устава и довести до сведения властей об окончательном прекращении существования Земства.

Официальное закрытие Земства, избавив Старшин от необходимости непроизводительной траты времени, отнюдь не помешает им продолжать свою идеологическую работу в индивидуальном порядке, без лишней формалистики, в меру реальных возможностей и сил.

В связи с вышеизложенным, в воскресенье, 26-го сего февраля, в три часа дня, состоится Общее Годовое Собрание Государева Служилого Земства. Собрание состоится в помещении «Дома Белых Русских Эмигрантов» на улице Карлос Кальво, номер 2851.

В случае отсутствия кворума, новое Общее Собрание назначается на тот же день и в том же помещении, в четыре часа дня. Это общее Собрание будет действительно при любом числе собравшихся.

Повестка дня:

1. Доклад Председателя Совета Старшин.
2. Отчет Ревизионной Комиссии.
3. Предложение Совета Старшин о прекращении деятельности Земства. Согласно Устава это предложение должно быть принято

квалифицированным большинством голосов Собрания, а именно: решение считается принятым если нет 20 действительных членов не согласных с предложением Совета Старшин.

Совет Старшин Государева Служилого Земства»^[776].

Как и планировалось, собрание 26 февраля распустило Государево Служилое Земство. В истории оно осталось уникальным примером объединения русских эмигрантских монархических сил в послевоенный период, о котором благодаря собранным С. А. Маньковым сведениям нам известна не только дата его создания, но и точная дата его самороспуска.

Несмотря на краткость истории, Земство даже попало на страницы художественного произведения. Писатель Юрий Слепухин, эмигрант второй волны, вернувшийся в СССР в 1957 году, в романе «Южный крест» (опубликован в начале 1980-х), так иронически описывал организацию в диалоге:

«— Кто это?

— Некто Мавраки (на самом деле Мазаракий — **И. В.**), из брюссельцев. Переводил Достоевского на французский, а сейчас сколачивает новую монархическую организацию — «Государево служилое земство». Честное слово, не выдумываю. Во главе предусматривается собор, члены которого будут именоваться думными боярами. Нет, это и в самом деле кунсткамера...»^[777]

Упоминает Слепухин и Ивана Солоневича (для советского периода — каждое упоминание большая редкость). Хотя сама книга и не называется, понятно, что речь идет о рижском, 1942 или 1943 года, издании «России в концлагере»:

«— В Буэнос-Айресе есть ведь и другие русские библиотеки, если не ошибаюсь?

— А, — Полунин махнул рукой. — Есть, например, у отца Изразцова на Брасиль. Но, во-первых, плохая, укомплектована всяким старьем рижского издания... Краснов там, Солоневич и тому подобное...

— А что, — усмехнулся Балмашев, — тоже ведь, наверное, не лишено интереса.

— В познавательном смысле? — тоже улыбнулся Полунин. — Конечно. Кое-что я читал, а больше не тянет. Слишком уж... густопсово»^[778].

Густопсово... Почти таким же выражением Солоневич охарактеризовал своих недоброжелателей, «благодаря» клевете которых летом 1950 года он был выслан из Аргентины.

«Сахновский и другие, — писал он Дубровскому, — подали на меня десятки синхронизированных доносов. Они были инспирированы Внутренней Линией. Однако от высылки я только выиграл: попал в обстановку, которая меня устраивает гораздо больше, чем Буэнос-Айрес. Но газета продолжает оставаться под угрозой. Недавно в полицию поступил новый донос, что я пишу по директивам советского агента. Я не питаю абсолютно никаких личных настроений даже против Сахновского, хотя мне известно, что основная часть доносов последовала именно от его группы. Сахновский есть реакция в самом густом смысле этого слова. На нас, как и на «правых» вообще, лежит вполне — хоть и не нами — заслуженный одиум. Наши правые — конченная вещь. Под правыми я подразумеваю дядей вот вроде Сахновского. Сахновский — это помещик до мозга костей. Основная проблема восстановления монархии заключается в полном политическом и идейном разгроме этого слоя. Квалификация С. Л. Войцеховского: «злоба, тупость, невежество и

мстительность» — совершенно правильна; достаточно присмотреться к тому же Сахновскому»^[779].

Эмигрантская публицистика — особый вид творчества. В полемическом задоре можно не стесняться в выражениях, если ты, конечно, лоялен к властям страны проживания. Но есть и подводные камни: те, кто не могут ответить тебе печатно и публично, всегда способны пустить в ход донос — опять же под прикрытием лояльности. Солоневич в выражениях не стеснялся — не стали стесняться в средствах и его оппоненты.

Как утверждает Н. Казанцев, еще «месяца за два до высылки имелись сведения, что против Ивана Лукьяновича ведется кампания. Он этому не придавал особого значения, так как никогда и нигде не касался местных дел и политики. Всякие же доносы эмигрантов не считал заслуживающими ни тревоги, ни внимания»^[780].

В кабинетах и канцеляриях считали по-другому. И разбираться в тонкостях политической борьбы этих странных русских не собирались.

Наступил некий час икс, и Солоневича пригласили в соответствующее учреждение. Вели себя вежливо, ни в чем не обвиняли, не требовали никаких объяснений. Просто показали папку с доносами, исходящими буквально из всех кругов эмиграции — от социалистов, солидаристов, монархистов и так далее. Рассказали, что все эти доносы описывают его деятельность как вредную, нарушающую мирную жизнь русской колонии, и — предложили покинуть страну.

Самым простым решением был переезд в соседний Уругвай, тем более визы для этого не требовалось.

Конечно, снова напрашивается параллель с довоенным «Голосом России»: после высылки

Солоневича «Наша Страна», как прежде и «Голос России», оказалась в полной зависимости от энергии и талантов ближайшего соратника В. К. Левашева-Дубровского. Руководить «органом монархической мысли» Иван Лукьянович мог только посредством переписки.

Дубровский, взваливший на себя теперь совершенно непосильную ношу — вдвоем с женой тащить этот воз под названием «Наша Страна», пытался охлаждать пыл Ивана Лукьяновича, ведь могли последовать и следующие доносы, и следующая высылка. «Ты только посмотри «с холодным вниманием вокруг», что творится в эмиграции, — убеждал он Солоневича в письме от 27 сентября 1950 года. — Грызутся все. Каждый, кому доступна пишущая или типографская машина, делает это печатным способом, кому недоступна — бегаёт с доносами. Мне кажется, что на этом фоне очень выгодной была бы серьёзная позиция и линия, устремленная в будущее, мимо этого гнусного настоящего. Для этого ты должен переключить свои мысли в другую плоскость и заставлять машинку не «местию дышать», а рисовать те «контуры будущей России», которые ты ведь можешь сделать настолько интересными, что люди будут зачитываться. Надо подумать и об издании «Белой Империи»^[781].

Солоневич не сдавался, у него были свои резоны:

«Номер 55-й убийственно благонамеренный. Моя линия, как оказалось, вызывает риск для газеты. Твоя линия с абсолютной неизбежностью гарантирует ее медленное умирание. Ты слишком осторожен. Если нельзя писать: о РОВСе, демократиях, социалистах (Чоловский ведь тоже бегал с доносами), солидаристах, сепаратистах, дворянах, Чухнове, то это означает, что нельзя толком писать ни о чем стоящем. <...> Нужно рисковать и дальше — обдумав этот риск, принимая во

внимание опыт. Газета всегда держалась яркостью и смелостью. Если она попадет в благонамеренный разряд — ее читать не будут. Кроме того, получается впечатление, что «им» все-таки удалось зажать мне рот — это губит весь «престиж»: напугали, наконец... Нам нужно вернуться к стилистике «Голоса России». Во всяком случае: даже если газету окончательно прихлопнут — у нас еще останется возможность что-то предпринимать. Если газета погибнет от умеренности и аккуратности — дело пропало окончательно: это будет означать, что человек исписался, струсил и что ничего больше тут ждать нельзя»^[782].

Между тем, не без влияния Дубровского, не оставив, конечно, своих полемических выпадов и анализа общеполитической ситуации в эмиграции и в мире, Солоневич в этот период времени склонялся к более глубоким аналитическим построениям. В центре его внимания были события рокового февраля 1917-го. Еще в 1949 году он опубликовал серию статей «Миф о Николае Втором». В 1950-м из-под его пера вышла «Великая фальшивка Февраля» — ее он дописывал до самой смерти и к окончательной версии, которую потом издал Дубровский, можно было бы присовокупить еще около десятка статей, последние — «Фальшивка Мартобря» и «Постскрипtum к статье о Саковиче» вышли в марте 1953 года. Годом раньше в двух номерах «Нашей Страны» вышла статья «Трагедия Царской Семьи». Сегодня без этих произведений творчество Солоневича представить трудно.

«Прошло, по меньшей мере, четыре месяца, как И. Л. Солоневич выслан, но мне не попадалось, даже в монархической прессе, статей или заявления, проникнутых сочувствием к пострадавшему соотечественнику-эмигранту», — сетовал гр. А. А. Ивановский (очевидно — псевдоним)^[783].

«Нужно действительно страдать распространенным недугом: «День — да мой! А здраву моему не перечь!», чтобы в самый канун «решительного боя с большевизмом» содействовать высылке из небольшевистской страны искреннего антибольшевика», — возмущался он [\[784\]](#). Однако был не совсем прав. Со всех концов света слышались голоса поддержки. Среди них был и голос парижского представителя «Нашей Страны», владельца книжного магазина «Кама» А. П. Кривошеев. В письме от 4 сентября 1950 года Дубровский писал ему: «Я получил много писем, но ни одно из них не тронуло меня так, как Ваше. Ни одно из них не дышало той сердечностью, с которой написано Ваше письмо и ни в одном из них я не нашел того понимания моего положения и тяжести взятой мною на себя задачи, которыми проникнуто Ваше. Искреннее Вам и супруге Марии Владиславовне спасибо за все то, что в этом письме отразилось» [\[785\]](#).

Но оставим на некоторое время рассказы о тяготах эмигрантской жизни. Да и сам Солоневич ответил бы примерно следующим образом: «в СССР и не так страдают». Главное отличие было все-таки в возможности сказать свободное слово — слово, которое отзовется, может быть и не сейчас, через десятилетия. И это слово он сказал в своей главной книге: недописанная «Белая Империя» превратилась в изданную в сокращении «Народную Монархию». Бывает и так.

Следующая глава — да простит читатель — опять прерывает последовательность изложения событий. Как говорили в старину: «примите и проч.»

«НАРОДНАЯ МОНАРХИЯ»

Если на Западе имя Ивана Лукьяновича Солоневича ассоциируется в первую очередь с его книгой «Россия в концлагере», вышедшей на добром десятке языков, то в России самое известное его произведение — это, безусловно, «Народная Монархия». Итоговый труд писателя, публициста и политического мыслителя не переводился на иностранные языки, зато на русском имеет уже больше десяти изданий, не считая публикаций отрывков в журналах, хрестоматиях и сборниках.

Ничего удивительного. «Только о России» — этот девиз газеты «Голос России», слегка подредактировав, И. Л. Солоневич распространил и на книгу всей своей жизни. Первая часть «Народной Монархии» («Основные положения») начинается как раз с подзаголовка «Только для России». Общий тираж четырех эмигрантских и шести современных изданий, начиная с 1991 года, составляет уже около сотни тысяч экземпляров. Это на порядок меньше, чем предполагал автор в 1952 году, когда писал, что «Народная Монархия» «будет иметь миллионный тираж»^[786], но все-таки в разы больше, чем имеет какая бы то ни было другая книга о Монархии, включая тихомировскую «Монархическую Государственность».

Еще в 1950 году в переписке Дубровского и Солоневича эта книга называется «Белой Империей». Но «Народная Монархия» — это не переработка «Белой Империи» 1939–1940 гг., а другая, заново написанная книга, которая сначала должна была носить то же название, что и незаконченный труд, публиковавшийся в «Нашей Газете».

Ту, первую «Белую Империю» в предисловии к «Народной Монархии» И. Л. Солоневич называет всего лишь «сборником статей». И в статье 1952 г. «По поводу «Народной Монархии» говорит о том, что работа над книгой началась в 1940 г. — то есть после приостановки публикации «Белой Империи» в «Нашей Газете».

Как указывает нынешний редактор «Нашей Страны» Н. Л. Казанцев, переименование состоялось по почину В. К. Дубровского. Соответственно и довоенное штабс-капитанское движение получило название народно-монархического.

Далее позволим себе привести пространную цитату из И. Л. Солоневича. Вот как, с присущими ему чувством юмора и откровенностью, он описывает процесс написания «Народной Монархии»:

«Работа была начата в Берлине в 1940 году, когда первый опыт живого соприкосновения с просвещенной Европой вызвал целый ряд соображений, которые и легли в основу «Народной монархии». В Берлине у меня еще была библиотека, томов тысячи три. Длительность моего пребывания в Берлине мне уже и тогда казалась очень ограниченной. Потому, планируя свою работу, я сделал несколько сот выписок. Работа была начата уже в ссылке, в Померании, библиотека осталась в Берлине и погибла. В процессе работы выяснилось, что, как это и всегда бывает в таких случаях, выписка оказалось недостаточно, и пополнить их было нечем. Таким образом, в работе оказался целый ряд зияющих пробелов. Некоторые иллюстрации.

*Мне нужны были славянофилы. **Когда-то** я их читал, еще до Первой мировой. Само собою разумеется, что по тем временам целый ряд мыслей вовсе не приходил в голову. В Берлине я попытался их или купить, или достать. Купить оказалось невозможно. В Берлинской государственной библиотеке, где я был, так сказать, почетным абонентом, администрация и*

крутила и виляла, а книг этих я так и не получил: «Зачем вам такие книги?» Было сказано, что они упакованы и сложены в погреба. С тех пор и до этих пор славянофилов у меня так и нет.

Я хорошо знаю Карла Маркса, не только «Капитал», но и все его писания. В его переписке с Ф. Энгельсом есть истинно убийственный отзыв о русских марксистах. В советских изданиях мужа сего этот отзыв по понятным соображениям изъят. В Германии Гитлера Карл Маркс был изъят вообще. Уже в британской зоне Германии мне удалось получить английское издание К. Маркса и сделать из него нужные мне выписки. Со времен этой «зоны» в двух моих чемоданах с выписками рылось шесть таможенных предприятий. Что они искали в этих выписках, мне неизвестно и до сих пор. Со времени моего приезда в Южную Америку я, волею судеб («Судьба — это политика»), меняю местопребывание свое уже в **восьмой** раз. Полное собрание моих выписок представляет собою перепутанную кучу обрывков бумаги, иногда спрессованных под очень большим давлением. Для того чтобы привести эту кучу хоть в кое-какой порядок, нужно не меньше свободного месяца. И нужна рабочая комната. У меня нет ни того, ни другого.

«Народная монархия» (в первоначальном варианте «Белая Империя») переделывалась и переписывалась заново четыре раза. Первые два варианта были уничтожены по их ненадобности. Последний был дан в переписку в Гамбурге. Около двухсот страниц этого последнего варианта утеряны, но остался предыдущий вариант... Для «научной работы» моя обстановка не годится никуда.

Первый выпуск «Народной монархии» был, впрочем, написан совершенно заново, уже здесь, в Уругвае. Но он является только «схемой»^[787].

Публикация первой части книги началась в «Нашей Стране» в 1951 г. — в виде страниц, которые можно было вырезать из газеты и самостоятельно сброшюровать. К осени первый выпуск вышел и отдельной книжкой, причем использовался тот же газетный набор. Не все читатели восприняли такой вариант издания «с продолжением». Совсем скоро Солоневичу пришлось давать объяснения через «Нашу Страну»:

«Ряд читателей «Нашей страны» и сторонников народно-монархического движения выражают свое недовольство, иногда в очень резкой форме, тем фактом, что «народная монархия» вместо того чтобы сразу выйти в свет отдельным изданием, предлагается читателям «через час по чайной ложке». Портится впечатление, обрывается нить мыслей, теряется цельность плана. <...>

*По тем неофициальным данным, которыми я располагаю, «Наша страна» по тиражу стоит на третьем месте в эмиграции — две с половиной тысячи. Несколько больший тираж имеют «Русская мысль» и «Новое русское слово»; впрочем, последнее — это американская газета на русском языке: орган русского национального меньшинства в Америке. Однако «Наша страна» является в реальности самым читаемым органом зарубежья: чрезвычайно высокая цена приводит к тому, что <...> газета покупается в складчину, читается «до дыр» и подшивается в **комплекты**. Так, в Буэнос-Айресе **до** войны «Голос России» имел **семь** подписчиков, а когда я приехал туда, мне было предложено **три** полных комплекта. По данным некоторых опросов, мы определяем число наших постоянных читателей в среднем цифрой около пятнадцати тысяч.*

*Это значит, «Народная монархия», при печатании ее в газете, автоматически будет прочитана по **меньшей***

мере пятнадцатью тысячами людей.

<...> при отдельном издании «Народной монархии» мы могли бы рассчитывать на цифру в тысячу тиража — цифру, которой мы достигли бы через год или два.

В силу этого был изобретен компромисс: «Народная монархия» печатается в газете и тот же набор утилизируется для отдельного издания. Кредит, полученный для этого издания, утилизируется одновременно и для «Народной монархии», и для перехода газеты на еженедельный выпуск»^[788]

Для справки: «Наша Страна» до 26 мая 1951 года выходила один раз в две недели, со 2 июня — еженедельно.

До кончины И. Л. Солоневича, которая наступила 24 апреля 1953 года, отдельными выпусками вышли первые три части «Народной Монархии» — «Основные положения», «Дух народа» и «Киев и Москва». И половина четвертой части («Москва при первых Романовых») была опубликована на страницах газеты. В номере от 2 мая 1953 г., содержащем известие о смерти писателя, помещено сообщение следующего содержания:

«Редакция считает своим долгом оповестить подписчиков и читателей «НАШЕЙ СТРАНЫ» о том, что в с я р у к о п и с ь НАРОДНОЙ МОНАРХИИ находится в портфеле редакции и, таким образом, печатание ее в газете и выпуск отдельным изданием полностью гарантированы. Труд, которому Иван Лукьянович посвятил большую часть своей жизни, дойдет до читателей, до р у с с к о г о н а р о д а, которому он посвящен, для которого он написан»^[789].

Последняя, пятая часть, вышла в свет в 1954 г. А уже на следующий год начало выходить второе издание (1955–1958) — в четырех книгах (части 3 и 4 были объединены под одной обложкой).

Еще два эмигрантских издания состоялись в 1970-е гг.: сначала одним томом «Народную Монархию» издала «Наша Страна», а затем — также в виде одной книги, но с отдельной пагинацией частей (по первому изданию) сан-францисское издательство «Глобус». Последнее было осуществлено на личные средства Марины Сергеевны Кингстон, представительницы газеты и движения в США.

Именно благодаря изданиям 1970-х гг. «Народная Монархия» попала в самиздат и оказала определенное влияние на членов ВСХСОН (диссидентская организация патриотического толка)

С 1991 года «Народную Монархию» начали издавать на Родине автора.

Обстоятельных исследований, посвященных «Народной Монархии», к настоящему моменту, увы, не появилось. Причины — есть. Солоневич питал ко всей ученой (и псевдоученой) братии что-то вроде неприязни. Братия отвечает ему взаимностью.

Даже если бы и нашелся честный труженик науки, то без семи пядей во лбу делать ему будет нечего. Надо быть как минимум историком и социологом (а еще лучше — одновременно и историком, и социологом, и философом, и культурологом, и много еще кем), чтобы всесторонне проанализировать «Народную Монархию». При развитии системы ЕГЭ специалисты столь широкого профиля появятся в России нескоро. Не претендуя на лавры представителей науки, попробуем наметить хотя бы магистральные пути для исследователей.

В первую очередь, необходимо определиться с термином «народная монархия». Наибольшее распространение он получил в историографии, посвященной Франции.

«Наполеон, — пишет советский историк Е. В. Тарле, — еще в 1816 г., в начале своего пребывания на

острове Св. Елены, высказывал убеждение, что его сын еще будет царствовать, так как во Франции отныне можно опираться, только «на массы», значит: или республика, или популярная, «народная» монархия»^[790].

А вот как один современный исследователь описывает события 1830 г.:

«Утром 31 июля его <Лафайета> посетил в Ратуше муж его внучки Шарль де Ремюза, который поставил вопрос ребром: «Либо сохранится монархия, и герцог Орлеанский будет королем; либо учредят республику, и вы будете ее президентом. Готовы ли вы взять на себя такую ответственность?».

Старый генерал после долгих колебаний решил поддержать кандидатуру Луи Филиппа.

Во время встречи с претендентом на трон Лафайет заявил, что сегодня французскому народу нужна народная монархия, окруженная республиканскими институтами. Вложив в руку Луи Филиппа трехцветное знамя, он вывел его на балкон и на виду у многотысячной толпы обнял его. Эта сцена произвела должное впечатление — любящие неожиданные эффекты парижане начали кричать: «Да здравствует Лафайет! Да здравствует герцог Орлеанский!»^[791]

Историк, юрист, социолог, этнограф, один из лидеров Партии демократических реформ М. М. Ковалевский (1851–1916), кажется, первым перевел словосочетание «народная монархия» с французского на русский язык. По крайней мере, два из четырех томов его работы «Происхождение современной демократии» имеют в своем названии эту формулу — Народная Монархия^[792].

Президентская республика, установившаяся во Франции в 1958 г. при генерале де Голле, называлась современниками «республиканской монархией». Сам же

генерал предпочитал другой термин (именно: «народная монархия»)[\[793\]](#).

Невольно вспоминаются слова Солоневича о том, что «монархия без прилагательного не означает ничего». Как видим, и с прилагательным смысл может быть очень разный. Особенно отчетливо это проявляется в наши дни. Вот, например, как в 2001 г. «Независимая газета» оценивает политическую ситуацию в Российской Федерации: «Курс нового президента на укрощение строптивых элит не мог не сопровождаться стремлением опереться на массовые слои населения. Это нашло выражение в реконструкции модели «народной монархии» в треугольнике верховная власть — элиты — массовые слои населения»[\[794\]](#).

Ну и, естественно, нельзя обойти вниманием современную Норвегию, где «народная монархия» является практически официальным термином. Правда, если верить российским СМИ, народность монархии в этой скандинавской стране выражается почти исключительно в том, что царствующая особа может вступать в морганатический брак[\[795\]](#).

Даже поверхностное ознакомление с трудом Солоневича позволит сделать вывод, что под «Народной Монархией» Иван Лукьянович подразумевал никак не мезальянсы и уж тем более не республиканские институты.

Неплохо знавший всемирную историю И. Л. Солоневич, скорее всего, интуитивно чувствовал расплывчатость вводимого им в политический оборот термина. Незадолго до кончины в одной из статей он проявляет это сомнение: *«Голос России» и «Тезисы», — пишет Солоневич, — были первой струей народной, всенародной, или, что звучало бы лучше, «Земской Монархии»*[\[796\]](#).

Чувство неудовлетворенности по отношению к «Народной Монархии», вообще, было главным — ранее совсем нехарактерным для Солоневича.

*«Мое личное мнение о «Народной монархии» сводится к следующему, — писал он в 1952 г. — Это есть совершенно необходимая работа, сделанная **неудовлетворительно**^[797]. <...>*

Если я не ошибаюсь очень уж катастрофически, то в России она будет отвечать всей «тенденции развития» новой и по-настоящему национальной России. И вот именно поэтому я еще и еще раз обращаюсь с просьбой к нашим друзьям исправить все ее ошибки, описки и даже опечатки. Я не историк. Объем моей «эрудиции» очень разносторонен — от Клаузевица до Маркса — и от психоанализа до оккультизма. Но в исторической работе, какой по существу является «Народная монархия», моих знаний мне не хватает. И в этой работе могут быть ошибки. Их нужно исправить уже здесь, а не ожидать того, чтобы наши противники стали бы публично исправлять их в России. Первые два выпуска, «Основные положения» и «Дух народа», имеют очень общий характер, и в них фактические ошибки и пропуски очень маловероятны, хотя, может быть, есть и они. В дальнейших выпусках этих ошибок и пробелов будет больше. Их нужно ликвидировать уже здесь, чтобы к моменту падения пресловутого занавеса мы имели бы «катехизис», по мере возможности неуязвимый ни для какой критики...»^[798]

«Работа над ошибками», о которой писал Солоневич, не только не сделана по сию пору, но даже и не начата. А то, что фактические ошибки есть — это несомненно. Приведем только два примера. Но оговоримся: авторство исправлений принадлежит не нам.

В первом случае, касающемся как раз второй части «Дух народа», о которой Солоневич не так сильно

беспокоился, автор поправки остается неизвестным. В имеющемся у меня экземпляре второго выпуска издания 1958 г. есть пометка авторучкой, которая на поверку оказалась справедливой. У Солоневича читаем: «Первое занятие Киева поляками случилось в 1069 году — в Киев ворвался князь Болеслав Храбрый и с трудом ушел оттуда живьем...». В действительности речь должна идти о другом Болеславе — по прозвищу Смелый. Прозвища князей, конечно, очень похожи, так что ошибка легко объяснима.

Вторая ошибка (скорее даже нужно говорить об описке) выглядит уж совсем вопиющей. Настолько, что узревший ее проф. И. А. Ильин в письме к В. Ф. Баумгартену, ныне опубликованном, обвинил Солоневича в невежестве.

«Иван Грозный и калялся и казнил, — написано в четвертой части «Народной Монархии». — А Алексей Михайлович организовал всенародное покаяние перед гробом убитого по приказу Грозного митрополита Филарета»^[799]. Понятно, что имелся в виду св. Митрополит Филипп (Колычев), а вот как он превратился в Филарета — загадка.

Вместо того, чтобы исправить подобные ошибки, издательство «Наша Страна» зачем-то вносило изменения в названия глав и частей, которые продолжают тиражироваться новыми издателями. Так, четвертая часть в первом издании (набор осуществлен при жизни И. Л.) называлась «Москва при первых Романовых», а во всех последующих (кроме четвертого издания, которое — репринт) — просто «Москва». При том, что часть третья называется «Киев и Москва», это по меньшей мере странно.

Аналогичная метаморфоза произошла с первой главой этой же четвертой части. Было: «Московская

правительственная система», стало: «Московская система».

Составить исчерпывающий перечень ошибок и искажений авторского замысла и оформить их в виде примечаний к авторскому тексту «Народной Монархии» — дело будущих исследователей.

Иван Лукьянович Солоневич завещал нам:

«Народная монархия» не предназначена для легкого чтения <...> Ее нужно обдумать, и ее нужно проверить в бою или, по крайней мере, на стрельбище. Для этого есть только один путь — дискуссия. Другого пути нет. Когда наша идея победит, тогда будут нужны и просто исполнители. От победы мы еще далеки — трудно сказать, насколько именно. <...>

*<...> «Народная монархия» предназначается для того же, для чего в свое время предназначался «Капитал» Карла Маркса. Конечно, было бы хорошо издать все — тогда получилось бы по объему два Марксовых тома. Но это практически невозможно. В данном издании изложена только **схема**. Ее нужно разрабатывать и дальше. Ее нужно пропагандировать. Ее нужно проверять и исполнять: будет ведь когда-то время, когда можно будет издать все, и это «все» должно быть очень сильно исправлено и пополнено.*

*У каждого из нас есть свой круг знакомых, не вполне безразличных к сегодняшним и завтрашним судьбам нашей Родины. Попробуйте собираться хотя бы раз в месяц, хотя бы и небольшой группой, и обсуждать основные пункты нашей идеологии. Очень нужны инакомыслящие: может быть, вам удастся их переубедить и, может быть, придется выслушать доводы, нами еще не предусмотренные. «Идейное завоевание» начните с **вашего** окружения: всякое завоевание начинается из дома. Критикуйте «Народную монархию» в меру ваших сил, **критика** нам очень нужна. Непредусмотренный довод — это очень опасный*

довод. Ложный довод может быть убийственным: наши противники тоже не лыком шиты и наши сильные места они атаковать не будут — это аксиома всякой стратегии, в том числе политической. Это только в эмиграции можно гордо завернуться в свои юбилейные тоги и не пустить ни одного «оглашенного» и на порог, в России это будет невозможно.

*<...> В первое время революции большевики говорили: «наше оружие — наше слово». Теперь времена изменились, слово стало **нашим** оружием. Научитесь им пользоваться»^[800].*

КОНТУРЫ БУДУЩЕГО

Призывы Дубровского не увлекаться текущей полемикой, а думать о будущем все-таки находили отклик в творчестве Ивана Солоневича. Хотя Дубровский и писал как-то Марине Сергеевне Кингстон, представительнице газеты в Сан-Франциско: «Дядя Ваня странный человек и во многом непонятный. Идти против течения — едва ли не самое важное для него»^[801] — Солоневич все-таки пытался мыслить конструктивно и о ближайшем будущем. И, иногда даже противореча сам себе (не он ли говорил, что всю эмиграцию объединить невозможно?), рисовал планы объединения не только монархической, но и всей антикоммунистической эмиграции.

Такой попыткой был написанный им «Уругвайский Манифест» — противопоставление «Пражскому Манифесту» власовцев. Манифест Солоневича состоял всего из трех пунктов, на которых, по его мнению, могла бы сговориться вся политическая эмиграция, «не стоящая на тоталитарной точке зрения». К таким группировкам, впрочем, он относил всего четыре: Высший Монархический Совет, республиканское движение С. Мельгунова, правых социалистов А. Керенского и свое народно-имперское (позже Народно-Монархическое) движение.

Вот эти три пункта:

*«1. Вся российская антисоветская и антикоммунистическая эмиграция обязуется приложить все свои силы как для борьбы с коммунистическим режимом в СССР, так и для борьбы с коммунистическими влияниями вне СССР, — действуя при этом как самостоятельно, так и в союзе со всем **антикоммунистическим** человечеством.*

2. Вся российская антисоветская и антикоммунистическая эмиграция признает волю народов России, выраженную в их свободном голосовании, для себя **обязательной** — не отказываясь, впрочем, от дальнейшей пропаганды своих убеждений, но категорически отбрасывая какие бы то ни было нелегальные методы политической борьбы.

3. Вся российская антисоветская и антикоммунистическая эмиграция считает, что свободное выражение воли народов России может быть реализовано только при условии свободы слова, печати, союзов и собраний, причем — при данной исторической обстановке, эта свобода может быть обеспечена только исключительно действительным и действенным контролем органов ООН»^[802].

В статье «Парламент и Собор» И. Л. дает свое видение тех процессов, которые должны были бы происходить в России после свержения власти большевиков:

«Я едва ли ошибусь очень сильно, если среднее эмигрантское монархическое мировоззрение изобразю в таком виде.

Вот будет восстановлен Царь. Царь назначит министров, министры назначат губернаторов. Губернаторы назначат столоначальников. Царь будет приказывать министрам. Министры будут приказывать губернаторам. Губернаторы будут приказывать столоначальникам. Всем остальным гражданам Империи надлежит повиноваться и не рассуждать.

Фактически же дело восстановления Монархии российской пойдет диаметрально противоположным путём. Раньше всего будут восстановлены сельские, волостные, районные, уездные и прочие сходы и земства, профсоюзы и их «месткомы» или завкомы,

технические, врачебные и прочие корпорации, церковная жизнь и какие-то частнопредпринимательские организации. И только потом будет какое-то всенародное голосование — в виде ли плебисцита, учредительного собрания или земского Собора, которое и будет решать: монархия или немонархия.

Этот путь может нравиться или может не нравиться. Но все дело заключается в том, что никакого иного пути нет. И эмигрантские надворные советники катастрофически ошибаются, представляя себе, что это они на белых конях въедут на Красную площадь, сожгут ленинскую мумию, развеют её прах, посадят монарха и сами сядут в свои канцелярии или свои поместья. Другие советники или члены советов точно так же ошибаются в том, что некие союзы, партии, организации, ордена и прочее хоть в какой бы то ни было степени станут восстанавливать или не восстанавливать Монархию российскую. Её будут или не будут восстанавливать те люди, которые сейчас проживают в СССР: колхозники, рабочие, техники, врачи, — но, конечно, в основном колхозники. Соратники и советники тут помочь не могут ничему. Но испортить, впрочем, могут»^[803].

С «высоты» сегодняшних дней это выглядит утопией, как и надежды Солоневича на референдум под контролем, условно говоря, «голубых касок ООН». Но в некоторых базовых вопросах он все-таки оказался прав.

Вот, например, его взгляд на переходный период от советской власти к Монархии, изложенный в «Проекте общемонархической программы» (здесь он использует название не существовавшей в реальности организации — Всероссийское Монархическое Объединение, сокращенно ВМО):

«ВМО считает, что свержение диктатуры коммунизма еще никак не гарантирует страну от иных потрясений. ВМО имеет в виду тот факт, что все общественные, религиозные и прочие организации страны полностью ликвидированы этой диктатурой уже тридцать лет тому назад и что — после ликвидации коммунистической диктатуры в стране останутся миллионы людей — бывшей коммунистической бюрократии, которые неизбежно попытаются создать иную диктатуру. И что атомизированная народная масса не будет в состоянии дать этим попыткам достаточно энергичного отпора.

Наиболее вероятным способом свержения коммунистической диктатуры ВМО считает войну. Военный разгром большевизма, вероятно, будет означать иностранную военную оккупацию. Принимая во внимание размеры страны — эта оккупация будет дорога, бессильна и неустойчива. Одной из насущнейших задач ВМО является пропаганда заблаговременного создания за границей и русской армии и русского правительства. Если это не удастся, то перед страной будут стоять такие возможности: а) анархия, б) диктатура и в) оккупация — причем не исключается совместное действие всех этих трех — какая-то военная или полувойсковая диктатура, поддерживаемая оккупационными войсками при наличии по всей стране новых повстанцев и банд.

Идеальным, хотя и трудно достижимым выходом ВМО считает создание за границей Императорской Армии и Императорского Правительства, возглавляемого — в качестве Местоблюстителя Императорского Престола Великим Князем Владимиром Кирилловичем — и проведение всенародного голосования под обязательным контролем или оккупационных властей, или уполномоченных ООН.

В конкретных русских условиях на решение этого плебисцита могут быть поставлены только два вопроса: или монархия и частная собственность — или республика и социализм»^[804].

Монархия и частная собственность или республика и социализм — других альтернатив для России нет. Но кто же сегодня поставит такой вопрос на референдум?

До войны Иван Солоневич, представляя будущую свободную Россию, видел себя в ней редактором ведущего политического издания. С годами он стал «скромнее в желаниях»: домик на Оке, удочка и писательский труд — такой была его последняя, несбывшаяся, мечта.

«Настоящей» литературой, казалось ему, можно заниматься только в России, на родной почве. Но талант не обманешь, иногда тянуло, для отдохновения души, отвлечься от треклятой политики. Роман «Две силы» был, конечно, кое-какой отдушиной, но политический подтекст в нем и подтекстом, в общем-то, не был — лежал на поверхности. Не случайно, некоторые читатели считали, что «Степка» имеет большее пропагандистское значение, чем все передовицы на злобу дня. Для себя, вроде бы и в стол, Солоневич писал... сказки.

*«Две силы» есть **две силы**: добра и зла — силы, которые в СССР выражены с предельной ясностью и отделены предельной ненавистью, — делился Солоневич сокровенным с читателями. — В чисто литературном смысле «Россия в концлагере» написана гораздо лучше: были иные условия. Я, в частности, пишу и стихи — не хуже других. Но не помещаю. Это — в утешение тем поэтам, стихи которых тоже не помещают в газете. Однако лучшее, что я до сих пор в своей жизни написал, — это русские сказки. Самое*

уютное и самое лучшее. И когда-нибудь — рано или поздно — я их все-таки издам»^[805].

Стихов Солоневича, действительно, нигде в печати видеть не приходилось. Не сохранились они и в архивах. А вот обещание насчет сказок он сдержал. Не вынесла душа поэта, и сказка под названием «Хозяева» вышла в издательстве «Наша Страна» в 1952 году тиражом в тысячу экземпляров. Обложку (на сей раз даже в цвете) рисовал, как всегда, Юра.

Иван-да-Марья, Домовой, пес Барбоска, кот Васька и другие замечательные персонажи — благодать и отдохновение души. Лишь пару раз Солоневич сорвался, вспомнив социалистическую кузькину мать и всемирные конференции, которые вряд ли пришли бы в голову другому сказочнику.

Сказка «Хозяева», кстати, смогла увидеть свет благодаря тому, что «Наша Страна», наконец, всерьез занялась книгоизданием. Шутка сказать, в 1951-1953 гг. одноименное издательство — при эмигрантском-то безденежье — выпустило 12 наименований книг, большая часть из которых вышла еще при жизни Солоневича. Это, в хронологическом порядке, три из пяти выпусков «Народной монархии», «Хозяева», историческое исследование профессора М. В. Зызыкина «Тайны Императора Александра I», уже упоминавшиеся воспоминания Б. Н. Ширяева. Его же очерк «Светильники Русской Земли» открыл издательскую программу 1953 года. Речь шла уже именно о программе — издании небольших по объему (примерно по 50-150 страниц) брошюр, по одной в месяц.

Не всем этим планам суждено было сбыться. И в первую очередь потому, что идеолог и просто «двигатель» Народно-Монархического движения, Иван Лукьянович Солоневич отправился в мир иной как раз

на взлете издательских перспектив. И, наверное, символично, что в номере «Нашей страны» от 2 мая, в котором был помещен некролог, опубликовано и объявление о выходе публицистической работы Н. Былова «А. С. Пушкин как основа контрреволюции». Работы Б. Башилова «Унтерменши, морлоки или русские. (Наблюдения «внутреннего эмигранта)» и Н. Кремнева «Царские опричники» публиковались в газете в отрывках еще при жизни Ивана Лукьяновича, а вышли отдельными изданиями после его смерти.

«По сравнению с тем, что я пережил в Уругвае — концентрационный лагерь кажется мне домом отдыха. Я чуть не погиб сам, я потерял ребенка и чуть не потерял жену. Все это по преимуществу от безденежья»^[806], — признавался Солоневич.

Несколько позже Левашев-Дубровский сообщал Марине Кингстон: «От дяди Вани получил последнее письмо от 20 марта. Пишет, что чувствует себя по прежнему плохо, хотя и приступил к курсу лечения инъекциями. Жалуется, конечно, на недостаток денег, что препятствует серьезному лечению. Уже третий день работаю почти без перерыва. Встаю в три часа и ложусь в одиннадцать. Благодарю Бога за то, что Он мне дал Таню. Она помогает мне теперь и в типографии, работая как типограф. И она уже стала вставать теперь каждый день в пять, а эти последние дни — в четыре. Но, конечно, я не могу согласиться с тем, что это все нормально. Это — работа на фронте, а не в мирной нормальной обстановке и продолжаться такое напряжение может по несколько дней, а не, как у меня, лет. Слава Богу, пока выдерживаем оба. Выдерживаем потому, что надо выдержать»^[807].

В газете первая заметка о состоянии здоровья Ивана Лукьяновича появилась 21 марта:

«Недомогания, не оставлявшие Ивана Лукьяновича в течение последних двух лет его жизни в Уругвае, в последнее время, постепенно усиливаясь, приняли форму тяжелой болезни, в основе которой анемия в очень острой форме (меньше половины нормального количества красных кровяных шариков в составе крови) и ухудшение болезни желудка на нервной почве.

Необходимость целого ряда клинических исследований заставит, или уже заставила, Ивана Лукьяновича провести некоторое время в клинике.

Тяжелым заболеванием И. Л. объясняется, в частности, и его молчание по поводу создавшегося вследствие смерти Сталина нового положения в Кремле.

В портфеле редакции имеются еще две-три статьи И. Л., но — если болезнь его затянется и не даст ему возможности нормально работать — возможен некоторый перерыв в его участии в газете»^[808].

Солоневич, преодолевая мужскую гордость, вскоре опубликовал статью со скромным заголовком: «Осложнение».

«Я хотел бы принести нашим читателям и друзьям мои извинения, — писал он. — Не вышли обещанные «Тезисы Народно-Монархического Движения», не вышло задуманное «Руководство для пропагандистов», еще не переделана «Фальшивка Февраля», статья о «Правизне и левизне» лежит в совершенно сыром виде. Роман <«Две силы»> пишется с великим трудом и с большими перебоями — о качестве его я уж и не говорю.

В свое время я писал о том, что у меня — язва желудка. Хотел бы, кроме извинений, принести мою искреннюю благодарность тем друзьям, которые выразили мне свое сочувствие и тем, которые прислали

мне свои рецепты и даже свои медикаменты. Однако заочное лечение — вещь очень сомнительная, а рецептов я получил сорок семь. <...> Однако, медицина еще очень далека от совершенства. Не так давно протопр <есвитер> о. А. Шабашев устроил мне бесплатную консультацию у одной знаменитости. Знаменитость осмотрела меня сверху до низу, правда, без анализов и снимков, и сказала:

— Вам за шестьдесят, биография у вас такая-то, чего же вы хотите? Благодарите Бога, что вы вообще еще живы!

Этот диагноз меня не устраивал: меньше двух лет тому назад я был не только в порядке, но и в почти спортивной форме. Во всяком случае, год свирепой диеты не привел почти ни к чему. Да, боли прошли, но слабость росла. Сейчас мне трудно пройти пятьсот метров. <...>

В Монтевидео проживает инженер и капитан М., сторонник СБОНР-а, СВОД-а и «Голоса Народа», новый эмигрант, человек весьма основательно сконструированный и весьма напористый. Целью его приезда было: убедить меня в том, что газету и политику я должен вести так, как это кажется правильным инженеру М.»^[809]

Содержательную часть этой дискуссии опустим — обычный спор представителя новой эмиграции с народным монархистом. А вот ту часть статьи, где опять говорится о болезни И. Л., воспроизведем:

«...Вместе с инженером М. приехала и его супруга — Галина Николаевна, врач по детским болезням. Она не спорила и только смотрела на меня инквизиторским взором. Это взор я отнес на счет нашей дискуссии. Я ошибся. Галина Николаевна сказала мне:

— У вас, Иван Лукьянович, может быть, есть и язва, но малокровие у вас есть, во всяком случае. И очень

тяжелое.

Я возмутился. Вот, и раньше и только что, меня осматривали такие-то и такие-то светила, и ни слова о малокровии. Галина Николаевна чуть-чуть по-детски пожала плечами:

— Да, может быть. Но медицина, видите ли, не только наука, но еще и искусство. Интуиция. Вот — ногти у вас совсем белые... сделайте анализ...

Сделали анализ. Анализ дал очень плохую картину: красных кровяных шариков — половина того, что полагается (2,7 млн), значит, — тяжелое малокровие. Отчего? Неизвестно. Нужно длительное исследование.

Для частной клиники денег у меня нет. Галина Николаевна какими-то путями всадила меня в казенную — недели на две, на три. Чтя священные основы гостеприимства, я об этой клинике не буду писать ничего: я сбежал на четвертый день. Без всякого исследования. <...>

В общем, дело обстоит так: пока будет применяться паллиативное лечение, ибо для настоящего денег нет»^[810].

В следующем, от 11 апреля, номере газеты редакция сообщала, что «в состоянии здоровья Ивана Лукьяновича некоторое улучшение» и что всем друзьям, откликнувшимся на известие о его болезни, он «просит передать сердечную благодарность за внимание и оказанную ему поддержку и шлет сердечный привет»^[811].

Статьи Солоневича продолжали публиковаться в газете, но это были явно материалы из редакционного портфеля — в основном, отклики на те или иные сообщения эмигрантской печати. Первую полосу ненадолго занял еженедельный политический обзор В. К. Дубровского «По ту и по эту сторону Железного Занавеса». Вследствие проведенной реформы в области

доставки газеты, которая теперь большинству подписчиков стала отправляться «воздушной почтой», появилась возможность давать и еженедельные обзоры.

Еще через неделю в сводке о болезни И. Л. Солоневича Дубровский писал: «Последнее полученную мною от Ивана Лукьяновича письмо датировано 1 апреля с. г. В нем он сообщил, что врачи пришли к заключению о необходимости операции, для устранения причины обнаруженного произведенными анализами кровотечения в пищеварительных органах»^[812].

Тем временем газеты Русского Зарубежья распространили весть о тяжелом заболевании Солоневича. В частности, появились сообщения об этом в сан-францисской «Русской Жизни» и в нью-йоркском «Новом Русском Слове». В адрес «Нашей Страны» пошли пожертвования и письма, часть которых публиковалась в газете.

Одним из откликнувшихся был Д. М. Михайлов (тот самый!), которого И. Л. всего полтора года назад в одной из статей «отправил» в СССР. Но писатель ошибся, поверив чьим-то рассказам, друг Митя не стал возвращенцем, а после войны перебрался из Китая — через Таиланд и Швейцарию — в Аргентину (скончался в Бразилии в 1979 году). «... Не откажите в любезности переслать Ивану Лукьяновичу 10 песо на лечение его болезни. Пусть моя маленькая лепта послужит признанием того, что я не забыл своего друга детства», — писал он^[813]. Но Солоневич уже не прочитал этого письма и не успел извиниться и поблагодарить, ведь в «Нашей Стране» оно было опубликовано только 25 апреля 1953 года, этот номер газеты вышел на следующий день после кончины ее основателя.

«К моменту выпуска настоящего номера, — писал Дубровский в своей последней сводке, — мною не

получено никаких известий из Монтевидео. Допускаю возможность задержки письма в пути, а отсутствие телеграммы считаю хорошим признаком»^[814].

Совсем скоро, возможно, когда Всеволод Константинович забирал очередной номер из типографии, или сразу после того, пришла телеграмма, которой он так боялся.

«Наша Страна», № 172 от 2 мая 1953 года. На первой странице — некролог и фотография в черной рамке. По этой фотографии Солоневича узнавали и русские эмигранты, и иностранцы. Самая ранняя публикация этого снимка, из тех что встречались нам, датируется 1935 годом, когда «Иллюстрированная Россия» поместила его вместе с анонсом к серии статей Солоневича.

«Иван Лукьянович скончался... — скорбел Дубровский. — Скупые слова телеграммы говорят о том, что смерть наступила через два часа после окончания сделанной ему операции, обнаружившей рак желудка.

О том, что Иван Лукьянович болен раком, не знал никто, не знал — к счастью для него — и он сам. Знали, вероятно, врачи, но щадили его измученные нервы и скрывали от него причину его страданий, скрасив, таким образом, последние дни и часы его жизни, когда он и мысли не допускал о возможности рокового исхода. <...>

Когда-то, пятнадцать лет тому назад, над только что засыпанной могилой Тамары Владимировны, погибшей от руки большевиков, мы — Иван Лукьянович, его сын Юрий Иванович и я — обещали бороться «до конца».

Иван Лукьянович честно и в буквальном смысле слова исполнил данное им обещание. Помещенная на 2-ой странице сегодняшнего номера его статья написана

им карандашом, на больничной койке, за три дня до кончины»^[815].

Иван Солоневич умер в Итальянском госпитале Монтевидео в полдень 24 апреля 1953 года. Его последняя статья называлась «Отец по наследству», перед своей кончиной он успел откликнуться на другую смерть — Сталина.

Я прошу прощения у читателей. Возможно, идеи Солоневича вам глубоко чужды, а мои комментарии — не слишком интересны или некомпетентны. Но — наверное, даже при том огромном объеме цитирования, который с трудом выдерживает эта книга, было бы неправильно не дать еще одну выдержку из творческого наследия нашего героя. Я имею в виду последнее слово, которое дается даже подсудимому. В конце концов, своего главного врага Солоневич все-таки пережил.

«За эту статью мне следует принести извинения, — так начал Иван Лукьянович свой последний «рапорт». — В последнее время я несколько выбился из колеи. Сейчас я шестой день лежу в Итальянском Госпитале в Монтевидео, — хороший госпиталь, — и тут меня совсем извели: никакой пищи, очень мало питья и две папиросы в день. Операция состоится дня через три-четыре, и врачи обещают полное выздоровление. Но в данный момент — очень плохо, а смерть Сталина и воцарение маленковской «телеги на пяти колесах» заставляет меня поделиться с читателями некоторыми соображениями по этому поводу.

Б. Николаевский на нью-йоркском митинге заявил: «Маленков — это война» и прибавил еще и некоторую персональную информацию, которой у Б. Николаевского, просто-напросто, быть не может. Иностранная печать предвидит некую «передышку», и я

считаю, что тут права она, а не Б. Николаевский — смерть Сталина означает оттяжку войны. О «роли личности в истории» спорили долго, научно и совершенно бесплодно. Но, как бы ни оценивать «личности» и «массы», совершенно очевидно, что горькая наша судьба подарила коммунистической революции две «личности» поистине чудовищного калибра: Ленина и Сталина. Так же очевидно, что та же горькая судьба не подарила нам никого. Ленин и Сталин шли во главе блестяще организованного, но количественно ничтожного меньшинства России и мира, и до смерти Сталина было очень много оснований опасаться, что коммунизм захватит весь мир. Теперь таких оснований стало гораздо меньше.

В хорошо воспитанных кругах эмиграции принято объяснять деятельность Ленина его сифилисом, а Сталина изображать в качестве «кавказского ишака». Ленин к данной теме не относится. Сталин же из всех людей человечества, вероятно, ближе всего стоял к престолу Сатаны. В возрасте семнадцати лет он уверовал в марксизм, сидел за него, рисковал виселицей, и никогда с этой стези не сходил. Он сразу же пошел за Лениным и пока дело шло о более или менее теоретических построениях, оставался где-то на третьем плане. Но когда дело дошло до практики, а верховного судии — Ленина — уже не было, тогда Сталин, сразу подавил, смял и потом уничтожил всех своих конкурентов и противников.

Это объясняется «честолюбием». Может быть. Наполеон был, конечно, честолюбив, но он объективно выполнял «социальный заказ» третьего сословия, которое и вознесло его на шаткий, но, все-таки, императорский престол. Сталин, конечно, крупнее Наполеона, но, конечно, какое-то честолюбие было и у него. Одним «честолюбием», однако, ничего объяснить

нельзя: не из-за честолюбия же семнадцатилетний Иоська Джугашвили пошел в большевистскую партию.

Самое простое объяснение сводится к тому, что Сталин был фанатиком той идеи, которую в Европе сформулировал Платон: «общность имущества, жен и детей создает для всех невыразимое блаженство». Если «общность имущества» и даже «жен» кое-как понятна, то «общность детей» непонятна даже и технически. Но по советам Платона действовал очень длинный ряд и теоретиков и практиков обобществления — Сталин был завершением этого ряда. И Сталин стал, практически, во главе первого в истории человечества государства, да еще и великого государства, где «общность имущества» в момент смерти Ленина охватила всю промышленность и где ему, Сталину, оставалось закончить «общность» коллективизацией деревни.

Расправы Сталина с его конкурентами можно объяснить «кровожадностью», — объяснение дешевое. Совершенно очевидно, что при победе Троцкого, Рыкова, Бухарина, Томского, коллективизация деревни не была бы проведена, и Советам только и оставалось бы, что отступление в рамки «мелкобуржуазной», «меньшевистской» хозяйственной системы. А от нее — «назад к капитализму» — стоило ли марксизм городить? Я предполагаю самое простое: сталинская кровожадность есть социалистическая кровожадность вообще. Сталин убивал не из любви к убийствам, а потому, что не убивать было нельзя.

В лице Сталина ушел, кажется, последний, настоящий социалист, твердо веровавший в «общность» и ВЧК. Ушел — по Есенину — «черный, черный, черный человек», но человек чудовищного калибра. Наследников у него нет. Есть только преемники. Как бы ни оценивать личность Сталина, нельзя отрицать

одного: авторитет страха он создал себе небывалый в истории человечества. У Маленков? такого авторитета вовсе нет. Сталинский реальный политический гений был раздут сознательной и целеустремленной рекламой, развившейся на весь мир. Трудно себе представить, чтобы готтентоты или парижане носили бы портрет Маленкова. Трудно предположить, чтобы «партийные массы» приняли Маленкова, как нечто само собой разумеющееся: Сталину для этого потребовалось двадцать лет и двадцать тысяч казней и убийств — я здесь говорю только о партии и армии. Сталин сумел все это сделать. А, вот, сумеют ли Маленков и К°?

Диктатура страха я крови была сконцентрирована в лице Сталина, и «центр» был на высоте положения. Теперь центра нет. Из власти вынута ее основная ось и власть ослабела. Кого, собственно, бояться сейчас? Маленкова? Берию? Молотова? Кагановича? И как предвидеть, кто из них зарежет остальных из них? На кого ориентироваться? Или как вести войну?

Власть ослабела. Ее кристаллизационный пункт, ее символ ушел с исторической арены. Вся та реклама, которая делала из Сталина полубога, теперь оказалась вредной рекламой: она автоматически вызывает сравнение: был Сталин, остался Маленков. Маленкову же ни с какой стороны никакой «гениальности» приклеить нельзя. Поэтому «Правда» пишет вздор о недопустимости того, чтобы один человек управлял партией. Нужна, де, коллегиальность. Но в единой партии невозможна никакая коллегиальность, ибо никакая оппозиция не может создать никакой второй партии. Оппозиции остается или вообще прекратить свое политическое бытие, или уйти в подполье. Отрезая всякую оппозицию;

единая партия автоматически приходит к единоначалию.

Но кто же будет этим единым начальником?» И где, — в «президиуме», или в подвале, — решится этот вопрос? Сейчас никто этого не знает, даже и Маленков. По всем разумным соображениям можно утверждать, что без очередной резни тут не обойдется. Члены «президиума» едва ли питают какие бы то ни было иллюзии на этот счет.

Все «уступки» новой власти диктуются ощущением неуверенности и слабости. Нужна новая передышка. Внутренние «уступки», которые ничего не стоят, дадут измученному населению иллюзорную надежду на «полегчание». В эмиграции они вызовут рецидив теории эволюции. Среди «свободных народов» все эти «уступки» вызвали некий вздох облегчения: авось пронесет...

В нашей критике демократической политики мы склонны забывать о том, что эта политика, в самых основных чертах, определяется мещанством. Эллинская поговорка говорила: «Платон — мой друг, но истина мне дороже». Сегодняшняя интерпретация этой поговорки звучит приблизительно так: «Великие идеи очень хороши, но чековая книжка все-таки дороже». Мы к этому не привыкли, а приходится привыкать. Нужно бы вспомнить и о том, что политика «свободного мира» по адресу Советов с очень большой степенью точности повторяет его же политику по адресу Гитлера. Возмущаться этим не стоит: это в порядке вещей. Но это нужно иметь в виду. MOMента слабости советской власти «свободный мир» не использует, как в свое время не использовал моментов слабости Гитлера. Демократическая политика есть всегда лоскутная политика, робкая, противоречивая и не дальновидная. Это нужно принять, как факт.

Смерть Сталина означает оттяжку войны. Но она же может означать иное: внутривластьную резню, в которую может вмешаться и армия. Здесь мы вступаем в область кофейной гущи: никто не знает ни взаимоотношений членов правящей пятерки, ни их опорных точек, ни их планов. Одно можно сказать с уверенностью: резня будет»^[816].

В середине 1950-х весь мир, действительно, ждал Третьей мировой войны. И пресловутый Карибский кризис только подтверждает, что очень даже мог дождаться. Апокалипсис имеет свои прообразы в каждом столетии. С годами время спрессовывается все плотнее, теперь призраки конца света маячат чаще. Но к теме нашего повествования это, вроде бы, не относится...

Со слов вдовы писателя Рут Солоневич Дубровский так описал последние часы жизни Ивана Лукьяновича:

«Когда на операционном столе была вскрыта желудочная полость — в желудке оказался рак, в двенадцатиперстной кишке были обнаружены две язвы — одна зарубцевавшаяся, другая — открытая, и — кроме этого — затронутой раком оказалась и печень. Его оперировали два врача и один из них сразу решил: «Ну, тут все равно ничего не поделаешь, давайте зашьем». Второй возразил: «Нет, мы должны сделать все, что возможно, будем оперировать...»

Операция длилась три часа, были вырезаны две трети желудка, часть поджелудочной железы, часть двенадцатиперстной кишки, на которой были обнаружены язвы... Положение Ивана Лукьяновича было признано чрезвычайно тяжелым, несмотря на полную успешность операции»^[817].

Дальше Дубровский приводит строки из письма Рут:

«Во время операции все шло хорошо. Сердце работало вполне нормально. После трехчасового, мучительного ожидания мой муж был перенесен из операционной в палату и постепенно приходил в себя после наркоза. Я сидела возле него и держала его руку, в которой находилась игла аппарата для переливания крови, чтобы предупредить возможность нечаянного движения. Мы разговаривали, и я старалась успокоить его страдания, уверяя его, что скоро, скоро все пройдет, и он будет снова нормальным здоровым человеком. Так прошло около часу времени. Вдруг, совсем неожиданно, он стал задыхаться, и дыхание прервалось. Лицо его сразу же посинело... Доктора пытались помочь массажем, инъекциями... Все было напрасно...»[\[818\]](#).

И опять дадим слово Дубровскому, преданному другу и соратнику Солоневича:

«Отец Александр Шабашев, искренне любивший покойного Ивана Лукьяновича, совершил отпевание и проводил тело его до могилы.

Погребен Иван Лукьянович на Английском кладбище в Монтевидео. На этом кладбище могила останется неприкосновенной в течение 99 лет, в то время как на других — место можно приобрести лишь на пятилетний срок»[\[819\]](#).

Прошло уже более полувека, но, даст Бог, все-таки сбудутся слова вдовы Солоневича:

«Я уверена, что после освобождения России от большевиков, русский народ вспомнит об Иване Солоневиче и найдет для него кусочек земли на его Родине, которую он так любил, которой отдал всю свою жизнь... В этом случае гроб с его тленными останками можно будет перевезти в Россию...»[\[820\]](#)

Всеволод Константинович Дубровский, оставшийся преемником Солоневича и тоже исполнивший свое

обещание «идти до конца», отмечал:

«Я думаю, что те друзья Ивана Лукьяновича, которые так сердечно отозвались в тяжелую минуту и так быстро собрали средства, нужные для его лечения, не будут возражать, если сумма, оставшаяся после оплаты счетов госпиталя и расходов по погребению, будет употреблена на постройку памятника и надгробной плиты. Если их жертвенная помощь не спасла жизни Ивана Лукьяновича — она поможет теперь сохранить его могилу до того времени, когда перенесение его тела в Россию станет реальной возможностью. <...>

В некоторое, весьма относительно, конечно, утешение нашим друзьям, могу добавить к этому скорбному рассказу, что по мнению врачей, даже и в том случае, если бы смерть не наступила так внезапно, вследствие сердечного удара, то все равно Иван Лукьянович никогда больше не смог бы встать с постели и рак закончил бы свое страшное дело не более чем через два-три месяца. Если же ему вообще не была бы сделана операция — он был бы обречен на мучительное медленное умирание в самом недалеком будущем.

Пути Господни неисповедимы... И мы можем только благодарить Его за то, что Он избавил Ивана Лукьяновича от лишних страданий и послал ему неожиданную кончину, избавив его от моральных мучений сознания смерти, приближающейся быстрыми шагами и ничем не предотвратимой»^[821].

ВМЕСТО ЭПИЛОГА

На смерть Солоневича откликнулась вся эмиграция. Не обошлось без парочки дурацких спекуляций в прессе, совсем неуместных. Но подавляющее большинство друзей и недругов оплакивали его кончину искренно.

Из Нью-Йорка С. Л. Войцеховский писал Дубровскому 29 апреля:

«Для всех нас смерть Ивана Лукьяновича — тяжкий удар, лишивший нас, так неожиданно, стойкого защитника российской государственной идеи, лучше многих других понимавшего ее тесную связь с упованиями нашего народа.

Для меня, кроме того, смерть Ивана Лукьяновича — потеря человека, с которым я, иногда расходясь во второстепенном, но всегда сходясь в главном, прошел долгий совместный политический путь: от борьбы за белый Киев в 1919 году, через Союз Освобождения России в советском подпольи, до встречи в эмиграции и общей службы той великой цели, которую ныне воплощает в себе Глава Российского Императорского Дома».^[822]

От Главы Династии Великого Князя Владимира Кирилловича почтограмма на имя Дубровского была отправлена из Мадрида также 29 апреля, но опубликована в «Нашей Стране» позже, чем письмо Войцеховского.

«Великая Княгиня и Я выражаем Вам и всем Вашим сотрудникам Наше искреннее соболезнование по поводу кончины основателя и вдохновителя Вашей газеты Ивана Лукьяновича Солоневича», — таков ее текст.^[823]

Российское общенархическое движение в Париже провело собрание памяти Солоневича, это не стало долговременной традицией, но несколько лет подряд продолжалось.

Борис Ширяев, до конца дней своих восхищавшийся «Россией в концлагере», сам автор страшной и великой книги «Неугасимая лампада», писал:

«Иван Лукьянович Солоневич принадлежит к числу тех, очень немногих советских политзаключенных, которым удалось совершить удачный побег. Он бежал из одного лагеря Беломорского канала и, пройдя около трехсот километров болотами и лесом, перешел финляндскую границу. Чтобы рискнуть на такой путь, нужно быть титанически сильным человеком. Таким и был Иван Лукьянович, спортсмен и атлет. Но было сильно не только его тело. Был силен и его дух неукротимого борца за идею Свободной Великой России и ее Великого Народа, подлинным сыном которого был происходивший из крестьянской семьи белорус И. Л. Солоневич, русский, российский писатель и общественный деятель. Не время сейчас у его могилы дискутировать о тех идеалах, за которые он боролся всю жизнь. Все политические идеалы спорны, но сила И. Л. Солоневича как писателя и журналиста, пламенность его как русского патриота, бесспорны, и им все мы, все русское Зарубежье, должны отдать прощальную честь. Сила его слов состояла в глубокой насыщенности подлинно русским здравым смыслом. В своей творческой работе И. Л. Солоневич был чужд навязанных нам посторонними влияниями штампов. Он крепко стоял ногами на родной земле, смотрел на мир русскими глазами, любил Родину и ее народ русским широким сердцем. Его сила была в любви к братьям и ненависти к врагам!

Тело И. Л. Солоневича погребено теперь в чужой земле, но его душа неразрывна с Россией»[\[824\]](#).

На 9-й день кончины раба Божьего Иоанна, по православному обычаю, во всех концах Русского Зарубежья служили панихиды. В столице Аргентины — в кафедральном соборе Воскресения Христова — панихиду совершил Архиепископ Иоасаф.

«Как-то особенно трогательно, — вспоминал В. К. Дубровский, — искренне и просто, звучали его слова, проникая в душу и вызывая слезы на глазах у присутствовавших.

«От нас ушел искренний и бесстрашный борец за освобождение нашей Родины и за монархию, за н а р о д н у ю монархию... Не услышим мы больше твоего голоса, Иван Лукьянович, не будем читать твоих статей. И никто тебя не заменит, ни у кого нет такого сильного пера, нет такого дара писать...» Но попытка пересказать слова Владыки бессильна. И не только в том, ч т о он сказал, а и в том, к а к он это сказал, чувствовалась та любовь, с которой наш дорогой Пастырь относился к Ивану Лукьяновичу, и та искренняя скорбь, которую он и не пытался скрыть...»[\[825\]](#)

Враги и недоброжелатели отнеслись к смерти Солоневича по-разному. Одни писали фельетоны «вместо некролога», другие втихаря ехидничали, что надо, мол, мавзоль поставить, да денег нет в эмиграции, третьи... Были и третьи.

«Я — не сторонник Ивана Лукьяновича, — признавался один из них Дубровскому на панихиде. — Я никогда не разделял его идеи. Но я скорблю вместе с Вами. Потеря, которую понесли Вы, понесли и все мы, вся эмиграция. Иван Лукьянович — незаменим. Другого т а к о г о борца против большевиков у нас нет...»[\[826\]](#)

С момента кончины Ивана Лукьяновича Солоневича минуло более полувека. Однако и по сей день он остается одним из наиболее популярных авторов, что пытались обосновать преимущества монархического образа правления по сравнению со всеми другими. В данном случае популярность является синонимом современности.

Профессор Ильин умер всего на год позже Солоневича. Его монархическая теория, изложенная в книге «О монархии и республике», увы, так и осталась незавершенной. К тому же монархизм «по Ильину» — это нечто непреходящее, вечное. А «нынешнее племя» равнодушно к академическим трудам и требует рецептов сиюминутных, понятных и практически применимых. Требует — и сегодня, по большей части, находит в работе Ивана Солоневича «Народная Монархия».

Эмигранты Ильин и Солоневич, вообще говоря, были антиподами. Кабинетный ученый и спортсмен, высланный из СССР и беглец из ГУЛАГа, теоретик и практик (причем оба не реализовавшиеся до конца) — поистине: «лед и пламень не столь различны меж собой». Удивительно, но они не вели открытой полемики. Солоневич печатно, но скромно хвалил «Наши задачи». Ильин втихомолку — в основном, в переписке — резко осуждал «демагогические» приемы лидера народных монархистов.

История о том, как поссорились Иван Лукьянович с Иваном Александровичем, блекнет перед тем, как разнятся их «жизни после смерти».

Ильина цитируют президент Путин и великосветский режиссер Михалков, его прах буквально с воинскими почестями перезахоранивают в Донском монастыре, собрание его сочинений продолжает издаваться, и уже приблизилось к 30 томам. Короче говоря, он в «пантеоне».

Солоневич, как и при жизни, окружен «стеной отчуждения», он неудобен и тем, и этим. Однако и те, и эти пытаются спекулировать его идеями — для того, наверное, и существуют непризнанные гении. Кремлевские политтехнологи и клеветы батьки Лукашенко всю оперируют термином «народная монархия» — применительно, естественно, к режимам, которые олицетворяют их хозяева.

Зато не гнушается ссылаться на Солоневича лидер российских коммунистов Г. А. Зюганов. Что не столько удивительно, сколько возмутительно. Иван Лукьянович всю свою жизнь был последовательным антикоммунистом и даже утверждал: «Такие партии, как коммунистическая, должны быть запрещены законом. И караться не санитарными ссылками, а виселицей»^[827].

Между тем, настоящее изучение народно-монархической идеологии, сформулированной Солоневичем, только-только начинается. В Царицыне (Волгограде) И. В. Тушканов защитил кандидатскую диссертацию о политико-правовом учении И. Л. Солоневича — первую, посвященную персонально нашему герою^[828]. В Петербурге с 2003 года Российский Имперский Союз-Орден и редакция газеты «Монархист» проводят ежегодные научно-практические конференции «Иван Солоневич — идеолог Народной Монархии». В 2014 году режиссер Сергей Дебижев снял документальную кинокартину о нашем герое «Последний рыцарь Империи». Фильм не только был отмечен многими наградами на фестивалях, но и неоднократно демонстрировался по телевидению — и в России, и в Белоруссии.

Актуализация идей Солоневича невозможна без их дальнейшего развития. В эмиграции у него был целый

ряд единомышленников-апологетов: Б. Башилов, Н. Потоцкий, М. Спасовский и др. Но никто из них не пошел дальше проработки отдельных положений народно-монархической доктрины либо, еще скромнее, ее популяризации. Тому пример и «Тезисы Народно-Монархического движения», изданные в Париже в середине 1950-х годов.

О творческом развитии идей Солоневича не приходится говорить и применительно к постсоветской России. За одним-единственным исключением.

Анатолий Кузьмич Булев (1925–1992) не состоял ни в каких политических организациях, более того, пришел к народно-монархическим убеждениям после нескольких десятилетий скитаний по левацким идеологиям и советским лагерям (он умудрился отсидеть при всех вождях от Сталина до Горбачева и освободился по амнистии в 1987 году). Булев всю жизнь искал правду и нашел ее в «Народной Монархии» Солоневича^[829].

Сам незаурядный публицист, эмоциональный и откровенный, Булев, в отличие от многих патентованных идеологов, среди главных причин несостоятельности современного монархического движения, называл сосредоточение усилий на возрождении старых сословных форм. «Не Монархия, но личная власть и властные привилегии былых сословий ставятся такими «монархистами» превыше всего и превыше власти Законного Государя, — писал он. — Что мы возрождаем: душу и жизнь нашего Отечества или уже мертвые и отброшенные формы прошлого? О службе ли Русскому Государю... помышляем мы, или утверждаем свое тщеславие и гордыню, помышляя «володеть и княжить» Его именем, предписывая Ему устройство, порядки, законы Его Царства?.. Разумеется, таковы не все сегодняшние монархисты, но... не в этом ли тупике остановился рост монархического движения?

Не потому ли наше святое дело забуксовало в малочисленных группах-сектах сословных организаций?».

Булев искал пути недопущения катастроф, подобных революции 1917 года: «Необходимо <...> очищение (дренаж) среднего класса от выродившихся до паразитизма и прямого тунеядства субъектов». «Восстановленной монархии, — писал он, — нужны элитарные сословия, привилегированный средний класс — с гарантированной стабильностью общественного положения людей в нем. Народу, обществу, государству необходим офицерский корпус — новое дворянство. Заслуги подлежат награждению привилегиями, званиями, знаками отличия и т. п. Однако... такие привилегии ни в коем случае не должны принадлежать людям вечно-наследственно»^[830].

Устремленный в будущее, Булев разрабатывает систему «дренажа» служилого сословия, которая должна предотвратить его вырождение. «Заслуги и беспорочная служба вознаграждаются личным дворянством, а для тех, кто уже имеет его — потомственным... Предотвращение социальной энтропии требует недопущения наследования личного дворянства, в наследовании же потомственного, влечет приобретение прав на порядок ниже», — писал Булев^[831].

Иногда поверхностные критики упрекают Солоневича в том, что из Православия, Самодержавия и Народности он, следуя стопами ранних славянофилов, делал неоправданный крен в сторону последней части триединой формулы. На самом же деле, автор «Народной Монархии» просто восполнял пробелы русской национальной идеологии.

Православное учение о Богоустановленной Царской власти убедительно и исчерпывающе изложили Св. Филарет Московский до революции и Св. Серафим (Соболев) в эмиграции. Сущность Самодержавия, его уникальность раскрыл в наибольшей полноте Л. А. Тихомиров. Солоневич же ярко подчеркнул социальную роль Монархии как носительницы общенациональной идеи, чуждой сословной и классовой ограниченности.

Таков фундамент, на котором должны базировать свою идеологию современные монархисты. К сожалению, зачастую под монархическими лозунгами скрывается суррогат — нечто непроработанное или даже неполноценное.

В основе идеи Народной Монархии лежит принцип взаимного служения Царя и Народа, основанный на любви. Высшей формой Богоустановленного государственного устройства стала Легитимная Монархия. И, выбрав Монархию, Народ тем самым выбирает не внешнюю форму, а внутреннее содержание, всю систему монархических ценностей, все заложенные в ней основные принципы. Нелегитимная (не основанная на принципе Божественного права, не историческая и не наследственная) монархия — это уже не Монархия.

Легитимная Монархия в реальной жизни может существовать только как Народная Монархия. Подлинно Народная Монархия немыслима вне легитимности. В Народной Легитимной Монархии Божественное право и человеческое право делят первенствующее место с взаимными доверием и любовью. Закон и Благодать вместе, неслиянно и нераздельно, определяют бытие Монархии.

Сегодняшнее монархическое движение представляет собою настолько пестрый конгломерат организаций, что проще сказать, что никакого движения и вовсе нет. Особняком стоят легитимисты —

верноподданные Главы Российского Императорского Дома Великой Княгини Марии Владимировны — пусть численно и невеликий, но монолит. Как сказано в Священном Писании, «много званых, но мало избранных» (Лк. 14, 24).

Организации «соборников» (то есть сторонников избрания Государя на Земском Соборе, не признающих прав на Российский Престол ветви Императора Кирилла Владимировича), возможно, собрали под свои знамена больше адептов. Но расплывчатость идеологии, а главное, попытка быть монархистами без монарха постоянно приводят их к трагикомическим мизансценам — вроде подготовки канонизации Царя Ивана Грозного и Григория Распутина, выдвижения в качестве одного из кандидатов на Престол внука маршала Жукова, тактических союзов с коммунистами и прочих малопривлекательных вещей.

Если посмотреть на два этих течения сквозь призму идей Солоневича, то увидим, что ни «соборники», ни легитимисты не воспользовались его наследием в полной мере, и в своих программных документах, наверное, даже сделали шаг назад, затормозив развитие русской монархической идеологии.

У «соборников», которые на Солоневича ссылаются очень любят, общего с автором «Народной Монархии» совсем немного. Вроде бы и они — за Земский Собор, и Солоневич всячески ратовал за реанимацию этого государственного института. Однако ни о каких «выборах Царя» Иван Лукьянович и помыслить не мог и сам был верноподданным Великого Князя Владимира Кирилловича, хотя при жизни его отца, Императора Кирилла Владимира, и позволял себе некоторые фрондерские выпады в адрес членов Императорского Дома. И в эмиграции, кстати, очень многие проделали этот путь — от неприятия до верноподданнического служения (например, тот же проф. И. А. Ильин). Если на

подобную эволюцию сегодняшние монархисты не способны, то монархисты ли они вообще?

В общем и целом отношение «сборников» к Солоневичу определяется их «плюрастической» идеологией. На одном полюсе этой идеологии — почти анафема за то, что, мол, «не понимал сущности Православия». На другом — попытка создать организацию с политической программой, слово в слово повторяющей Тезисы Народно-Имперского (штабс-капитанского) движения 1940 года выпуска, о которых сам Иван Лукьянович после Второй Мировой писал, что они устарели.

Все это, увы, не ново. Вот что писал Солоневич о таких горе-монархистах в 1951 году:

*«Есть люди, так сказать, специализировавшиеся на борьбе — и с Династией, и с Главой Династии. <...> Лично я от времени до времени получаю письма — чисто монархического характера, но с поправкой: да, нам монархия нужна, но нам нужна **выборная** монархия. Почему, зачем, как, — ни один из моих корреспондентов никакого ответа не дал. <...> Из всего, что я до сих пор писал, никто не имеет никакого основания предполагать во мне сторонника выборной монархии. Она у нас **невозможна**, и для нее нет **абсолютно** никаких оснований»^[832].*

В несколько иной редакции свои убеждения Солоневич высказал так:

*«Все эти люди называют себя монархистами — не легитимистами. Что же значит **нелегитимная** монархия в России? Избрание на царство боярина Николая Рузского? С каким-то боярином Василием Шуйским, которому его местническая печень спать не даст: «Шуйский, Воротынский, легко сказать, — природные князья, не то что какие-то там Рузские. <...> дело вовсе не в тех поводах, которыми оперируют люди,*

подрывающие и Династию, и монархию, и Россию, а следовательно и самих себя, дело в «похоти власти». И в слабосилии мозгов»^[833].

Современные легитимисты реже ссылаются на Солоневича и более сдержанны в оценках народно-монархической идеологии. В результате чего идейно-политический ресурс в виде его творчества остается нереализованным в полной мере. Между тем, термин «Народная Монархия» присутствовал в легитимистской идеологии уже в 1920-е гг. Официально он был объявлен в качестве сути новой Монархии Императором Кириллом Владимировичем: «Всем известны неоднократно возведенные Мною основы, на коих будет воссоздаваться **новая русская народная монархия**», — писал он в своем Обращении от 15 мая 1929 года.

Безусловной заслугой Солоневича является очищение национально-монархической идеи от узко сословных дворянских интересов и западнических влияний. В то же время сегодня легитимистское движение во многом вращается вокруг дворянских собраний, утративших былое значение еще больше, чем их эмигрантские предшественники, столь яростно раскритикованные Солоневичем.

Конечно, нужно признать, что Иван Лукьянович Солоневич из всех классиков монархической идеологии остается самой неоднозначной фигурой. В полемическом задоре он мог «нагородить» лишнего и довольно редко признавался в собственных ошибках. Но, наверное, главный его вывод относительно будущего нашей страны все-таки справедлив: «Монархия в России будет Монархией Народной или ее не будет вовсе».

Оставил Солоневич и такой мрачный прогноз, который пусть и не полностью, но все-таки сбылся на

наших глазах:

«...и бывшая Святая Русь в октябре 2017 года будет праздновать столетний юбилей взятия Зимнего Дворца — и никакой историк не посмеет сказать о шестидесяти миллионах убитых и замученных русских людей: ибо у власти будут сидеть наследники убийств и убийц. Что к этому времени останется от бывшей Святой Руси — для наследников банды будет так же безразлично, как сегодняшним политическим наследникам Конвента совершенно безразлично, что осталось от Франции и что останется»^[834].

Но не хотелось бы заканчивать книгу на пессимистической ноте. Все-таки наш герой был неисправимым оптимистом. И — кстати, в той же самой статье (1949 года!) и даже на той же странице — на вопрос: «Какие есть шансы на восстановление Монархии в России?» Иван Солоневич отвечал так: «Приблизительно все сто процентов»^[835].

Библиография И. Л. Солоневича

1926

Физкультура служащего: [Сборник статей]. — М.: ЦК ССТС, 1926. — 80 с. / Под общ. ред. Д. Сосина. Авторы: Д. Рабинович, И. Миттельман, д-р Групп, М. Романов, И. Солоневич, д-р Непомнящий.

1927

Культотдел ВЦСПС. Физкультурные программы. Сборник физкультурных программ и учебных планов подготовки секционного актива и переподготовки инструкторов физкультуры. — М.: Книгоизд-во ВЦСПС, 1927. — 109 с. / Сост. Геркан, Иттин, А. Кальпус, Никитин, Солоневич, Титов, Чудинов, Яблоновский.

1928

Физкультурные программы. — 2-е изд., исправленное и дополненное. — М.: Книгоизд-во ВЦСПС, 1928. — 116 с.

Энциклопедический словарь по физической культуре. — М.: Госиздат, 1928. — 1000 с. / Ред. — сост. Б. М. Чесноков. Общ. ред. Н. А. Семашко. Авторы 34, в том числе Солоневич И. Л.

Гиревой спорт. — М.: Книгоизд-во ВЦСПС, 1928. — 96 с.: Ил., табл. — (Рабочая б-ка физкультуры. № 14). 3000 экз.

Самооборона и нападение без оружия: Элементарное руководство / под. ред. Нач. Отд. милиции ЦАУ НКВД И. Ф. Киселева — М.: Изд-во НКВД РСФСР, 1928. — 64 с.: илл. — (Б-ка работника милиции и угрозыска).

Календарь профсоюзного физкультурника на 1928-1929 год. — М.: Книгоизд-во ВЦСПС, 1928. — 228 с. / Сост. А. Иттин и И. Солоневич.

1929

Тяжелая атлетика. — М.: Книгоизд-во ВЦСПС, 1929. — 31 с. — (Руководство по занятиям в секциях физкультуры).

Всесоюзный двухнедельник физкультуры профсоюзов: Сборник руководящих материалов. — М., 1929. / Под ред. И. Солоневича и Ф. Царичанского (С предисловием А. Иттина. С рисунками).

1931

Внеклубовая работа по физкультуре в профсоюзах. — М. — Л.: Физкультура и туризм, 1931. — 95 с. 7000 экз.

Летние физкультурные лагеря. — М.—Л.: ОГИЗ — Физкультура и туризм, 1931. — 46 с. 10 000 экз.

1936

Solonevič, Ivan Lukianovič. Rusko za mřížemi. «Россия в концлагере» на чешском языке.

1) První knižní vydání vůbec. Praha: nákladem vlastním, Prapor Ruska, 1936. 333 — [II] s. 8°(51) март 1936 г.

2) II. vydání. V Praze: nákladem autora, 1936. 333 — [III] s.: [I] obr. příl.; 8°(51) с портретом

3) Třetí vydání. V Praze: nákladem autora, 1936. 333 — [III] s.; 8°(51) сентябрь 1936 г.

Россия в концлагере. — 1-е изд. — София: Изд-во Национально-трудового союза нового поколения, 1936. — 2 вып., илл., портр., 291 с. и 323 с., 21 см.

Россия в концлагере. — 2-е изд. — София: Изд-во Национально-трудового союза нового поколения, 1936. — 2 вып., илл., портр., 291 с. и 323 с., 21 см.

1937

Памир: советские зарисовки. — 1-е изд. — София: Голос России, 1937. — 244 с., 20 см.

Solonewitsj, I. L. **Het «proletarishe» paradijs. Rusland een concentratie kamp.** Van Stockum Den Haag, Holland. 1937. 291 p. geaut. vert. uit het Russ. door E. De Firsoff.. *«Россия в концлагере» на голландском языке.*

Solonewitsch I. **Die Verlorenen. Eine chronik namenlosen leidens.** Essen. Essener Verlagsanstalt, 1937. 1. RuBland im Zwangsarbeitslager, 2. Flucht aus dem Sowjetparadies. *Россия в концлагере в двух томах на немецком. Всего 7 изданий, первое в 1937, последнее — в 1939.*

Solonjević, Ivan. **Rusija u konclogoru** / prev. Đuro Paša. Zagreb, 1937 nakl. cjelina: Knjižnica dobrih romana; knj. 75 Jeronimska knjiga; 499 drugi kl.sust.: 153. *Первый том «России в концлагере» на хорватском.*

Солоневич Иван Лукиянович. **В колхоза. Какво видях в съв. колхоз.** Прев. от рус. Каназирев-Михайлов. С. (в. Гласът на Русия, печ. Рахвира) 1937. 54 с. 3000 тир. 10 лв. *Очерк «В деревне» на болгарском языке.*

1938

К суду офицерской чести, к суду русской совести и русского ума. — б/м, 1938. — 15 с.

Россия и гитлеризм. — София: Голос России, 1938. — 15 с., 24 см.

Четыре года. — София: Голос России, 1938. — 15 с., 24 см.

Памир: советские зарисовки. — 2-е изд. — София: Голос России, 1938. — 244 с., 20 см.

Россия в концлагере. — 3-е изд. — София: Голос России, 1938. — 515 с.

Тучи над Россией. — Шанхай, 1938. — 90 с., 19 см.

The Soviet paradise lost, by Ivan Solonevich, translated by Warren Harrow. New York, The Paisley press, inc.; 314 p., 23 cm. *американское издание «России в концлагере».*

Russia in chains; a record of unspeakable suffering, by Ivan Solonevich; translated by Warren Harrow. London, Williams and Northgate Ltd. [1938] 2 v. front., ports. 3 p. B. 314 p. 22 cm. Note» First published in Great Britain in 1938.» *английское издание «России в концлагере».*

Escape from Russian chains, by Ivan Solonevich; translated by Warren Harrow. London, Williams and Northgate Ltd. [1938] 350 p. *английское издание России в концлагере*

Solovievitch I. Barbeles rouges (Rossia v kontzlaguere) Trois Russes s'évadent des bagnes soviétiques; adapte du russe par Pierre Bregy et P.-A. Cousteau. [13e edition.] Montrouge, Impr. moderne; Paris, Les Editions de France (S. M.) (24 mars 1939.) In-8, V-269 p., carte. 25 fr. [274] Acheve d'imprimer en 1938. *французское издание «России в концлагере».*

Solonewitsch I. Die Verlorenen. Eine chronik namenlosen leidens. Essen. Essener Verlagsanstalt, 1937. 1. RuBland im Zwangsarbeitslager, 2. Flucht aus dem Sowjetparadies. *Россия в концлагере в двух томах на немецком. Всего 7 изданий, первое в 1937, последнее — в 1939.*

Rosja w obozie koncentracyjnych. Nakladem Sekretariatu Porozumiewawczego Polskich Organizacyi Spoecznych we Lwowie: 1938 [z upowaznienia autora przetlumaczyl Dcebicki Stanislaw].

Dzieci za drutem kolczastym. Dziewczynka z lodem. Poznań 1938. s.31. Biblioteka domowa «Przewodnika katolickiego». *Две главы из «России в концлагере» на польском.*

Durch Kareliens Wälder und Sümpfe / Iwan Solonewitsch. — Essener Verlagsanstalt, 1938. — 85 s.

Im Räderwerk der GPU / von Iwan Solonewitsch. — [S.l.]: Essener Verl.-Anst., 1938. — 87 S.

*Solonjević, Ivan. **Bijeg iz komunističkog raja** / prev. Đuro Paša. Zagreb, 1938 nakl. cjelina: Knjižnica dobrih romana; knj. 79 Jeronimska knjiga; 545 drugi kl.sust.: 234 *Второй том «России в концлагере» на хорватском.**

1939

Fra i deportati dell' U. R. S. S.; Milano, Fratelli, Bocca, 1939. 2 p. l., [vii] — xv, 337, [1] p. incl. fornt. (map) 21 cm. *«Россия в концлагере» на итальянском, том 1.*

La fuga dal paradiso sovietico / Ivan Solonevic; traduzione dal russo di Natalia Bavastro. Milano: Bocca, 1939, a. XVII dell'E.F. XI, 254 p.; 21 cm. *«Россия в концлагере» на итальянском, том 2.*

*Solonewitsch I. **Die Verlorenen. Eine chronik namenlosen leidens.** Essen. Essener Verlagsanstalt, 1937. 1. RuBland im Zwangsarbeitslager, 2. Flucht aus dem Sowjetparadies. *Россия в концлагере в двух томах на немецком. Всего 7 изданий, первое в 1937, последнее — в 1939.**

*Solonewitsch, I. **Et folk i lænker:** 1-2 / [Oversat af Paul Fenneberg] Kbh, 1939. 307 sider. *Россия в концлагере на датском, том 1.**

«Россия в концлагере» на японском языке: Токио: Микаса сёбо, 1939. — 307 с. Перевод *Tr: 阿部 知世 (Toshio Asagami).*

1940

Основы штабс-капитанского движения. — <София: Изд. Вс. Левашов, 1940>.

Политические тезисы Российского народно-имперского (штабс-капитанского) движения. — София: Изд. Вс. Левашов, 1940. — 67 с.

Что говорит Иван Солоневич. — Белград, 1940. — 32 с.

Что говорит Иван Солоневич. — <Дальний Восток>, 1940 (или 1941). — 32 с.

Flugten. N. Hagerup, København 1940. 326 sider. «Россия в концлагере» на датском, том 2.

1941

Белая Империя. — Шанхай: Дальневосточная группа Российского народно-имперского (штабс-капитанского) движения, 1941. — 205 с., портр., 20 см.

Политические тезисы Российского народно-имперского (штабс-капитанского) движения. — [2-е изд. —] Циндао, 1941. — 83 с.

1942

Потерянные. — [Рига, 1942]. — 335 с. *Россия в концлагере, 4-е изд., том 1.*

Побег из социалистического рая. — [Рига, 1942]. — 376. *Россия в концлагере, 4-е изд., том 2.*

Памир. — [3-е изд. — Рига, 1942].

Сборник статей. — Шанхай: Изд-во Российского народно-имперского (Штабс-капитанского) движения, 1942. — 199 с. — 27 см.

Hlekkjuð þjóð / Iwan Solonewitsch. [Russia in chains. Á íslensku] Reykjavík: [s.n.], 1942. 348 s.; 23 sm. «Россия в концлагере на исландском языке», том 1.

1943

Dzieci za drutem kolczastym. Warszawa, Glob, 1943. Глава из «России в концлагере» на польском.

1945

Flóttinn / Iwan Solonewitsch. Reykjavík: Jóhannes Birkiland, 1945. 361 s.; 23 sm. «Россия в концлагере» на исландском языке, том 2.

1948

Tot een gezond begrip van een zakelijke wereld /
Solonewitsch, I. — 1948, Uitg. Natascha Strana.
Неизвестная брошюра на голландском языке.

1949

Диктатура импотентов: социализм, его пророчества и их реализация. — Буэнос-Айрес: Наша страна, 1949. — 240 с. — 19 см.

1951

Народная монархия. — 1-е изд. — Ч. 1: Основные положения. — Буэнос-Айрес: Наша Страна, 1951. — 116 с.

1952

Народная монархия. — 1-е изд. — Ч. 2: Дух народа. — Буэнос-Айрес: Наша Страна, 1952. — 99 с.

Народная монархия. — 1-е изд. — Ч. 3: Киев и Москва. — Буэнос-Айрес: Наша Страна, 1952. — 150 с.

Хозяева: Русская сказка. — Буэнос-Айрес, 1952. — 39 с.: илл., 23 (24) см.

1953

Роман во Дворце Труда. — 3-е изд. <фактически 4-е, поскольку повесть входила в сборник «Памир»> — Буэнос-Айрес: Наша страна, 1953. — 105 с.; 20 см.

Народная монархия. — 1-е изд. — Ч. 4: Москва. — Буэнос-Айрес: Наша Страна, 1953. — 120 с.

1954

Народная монархия. — 1-е изд. — Ч. 5: Петр Первый. — Буэнос-Айрес: Наша Страна, 1954. — 95 с.

Полное собрание сочинений Ивана Лукьяновича Солоневича. — Т. 1: Великая фальшивка Февраля и

другие статьи. — Буэнос-Айрес: Наша страна, 1954. — 168 с. — 20 см.

Что говорит Иван Солоневич. — Буэнос-Айрес: Наша страна, 1954. — 76 с.

1955

Народная монархия. — 2-е изд. — Ч. 1. — Буэнос-Айрес: Наша страна, 1955. — 137 с.

1956

Полное собрание сочинений Ивана Лукьяновича Солоневича. — Т. 2: Диктатура слоя. — Буэнос-Айрес: Наша страна, 1956. — 176 с.

1958

Народная монархия. — 2-е изд. — Ч. 2: Дух народа. — Буэнос-Айрес: Наша страна, 1958. — 115 с.

Народная монархия. — 2-е изд. — Ч. 3-4: Киев и Москва. — Буэнос-Айрес: Наша страна, 1958. — 270 с.

Народная монархия. — 2-е изд. — Ч. 5. — Буэнос-Айрес: Наша страна, 1958. —...

Полное собрание сочинений Ивана Лукьяновича Солоневича. — Т. 3. — Кн. 1. — Россия в концлагере. — 4-е изд. [фактически 5-е] — Буэнос-Айрес: Наша страна, 1958. — 112 с.

Россия в концлагере. — 5-е изд. [фактически 6-е]. — Вашингтон: Изд-во П. Р. Ваулина, 1958. — 512 с. — 28 см.

1959

Полное собрание сочинений Ивана Лукьяновича Солоневича. — Т. 3. — Кн. 2. — Россия в концлагере. — 4-е изд. [фактически 5-е] — Буэнос-Айрес: Наша страна, 1959. — С. 113-224.

Полное собрание сочинений Ивана Лукьяновича Солоневича. — Т. 3. — Кн. 3. — Россия в

концлагере. — 4-е изд. [фактически 5-е] — Буэнос-Айрес: Наша страна, 1959. — С. 225-300.

Полное собрание сочинений Ивана Лукьяновича Солоневича. — Т. 4. — Кн. 1. — Россия в концлагере. — 4-е изд. [фактически 5-е] — Буэнос-Айрес: Наша страна, ... с.

Полное собрание сочинений Ивана Лукьяновича Солоневича. — Т. 4. — Кн. 2. — Россия в концлагере. — 4-е изд. [фактически 5-е] — Буэнос-Айрес: Наша страна, 1959. — 124 с.

1961

Полное собрание сочинений Ивана Лукьяновича Солоневича. — Т. 4. — Кн. 3. — Россия в концлагере. — 4-е изд. [фактически 5-е] — Буэнос-Айрес: Наша страна, 1961. — ... с.

1968

Две силы: Борьба за атомное владычество над миром: Роман из советской жизни. — Ч. 1. — Н.-Йорк: Журн. «Свобод. слово Карп. Руси», 1968. — 360 с.

1969

Две силы: Борьба за атомное владычество над миром: Роман из советской жизни. — Ч. 2. — Н.-Йорк: Журн. «Свобод. слово Карп. Руси», 1968 [1969]. — 294 с.

1973

Народная монархия. — 3-е изд. — Буэнос-Айрес: Наша страна, 1973. — 494 с.: портр.; 23 см.

1978

Народная монархия. — [4-е изд. —] Сан-Франциско: Глобус, 1978. — 576 с., 20 см.

1982

Solonewitsch I. Im Feuerofen: eine Chronik aus Sowjetrußland; [einzig berechtigte Übertragung von J.P. Slobodjanik]. *Rossia v kontslagere*. German Wobbenbull: Verlag für Ganzheitliche Forschung und Kultur, 1982–1985. 2 v.; 21 cm. «*Россия в концлагере*» на немецком, том 1.

1985

Solonewitsch I. Im Feuerofen: eine Chronik aus Sowjetrußland; [einzig berechtigte Übertragung von J.P. Slobodjanik]. *Rossia v kontslagere*. German Wobbenbull: Verlag für Ganzheitliche Forschung und Kultur, 1982–1985. 2 v.; 21 cm. «*Россия в концлагере*» на немецком, том 2.

1987

Rosja w obozie koncentracyjnym. T. 1-2 / z upoważnienia autora przesh. [z ros.] Stanisław Debicki; [przedm. Stanisław Grabski]. Warszawa: CDN, 1987. 2 t. (VIII, 204; 176 s.); 20 cm. *Oryg.: «Rossija v konclagere» 1936.* — *Przedr. z: LwBow: nakł. Sekretariatu Porozumiewawczego Polskich Organizacji Społecznych, 1938.* «*Россия в концлагере*» на польском.

1988

Rosja w obozie koncentracyjnym [na podst. tsh. z ros. Stanisława Dcebickiego zredagowali Anna Karska pseud. et al.; Od wydawcy Marek Lach pseud.]. [Warszawa]: Karta: Acta, 1988. 319 [1] s.; 19 cm. *Nazwa red.: Alicja Wancerz-Gluza.* — *Nazwa aut. wstepu: Wojciech Widłak.* *Oryg.: «Rossija v konclagere» 1936.* — *Podstawa tł z 1938 r.* «*Россия в концлагере*» на польском.

1990

Sołoniewicz I. L. Rosja w obozach koncentracyjnych / [z upoważnienia autora przetł. z ros. Dcebicki Stanisław]. [Wyd. 2 powojenne]. Warszawa: Alfa, 1990. VIII, 246 [2] s.;

21 cm. Reprint. Originally published: Lwuw: 1938. «Россия в концлагере» на польском.

1991

Народная монархия. — [5-е изд. —] М.: Феникс, 1991. — 512 с. 40000 экз.

1994

Диктатура импотентов: социализм, его пророчества и их реализация. — Новосибирск: Благовест, 1994. — 204 с.

Только для России. — М.: Воениздат, 1994. — (Редкая книга). *Ни в одной из наших библиотек этой книги нет. Встречается в иностранных каталогах. Возможно, так и не была издана.*

1995

Диктатура сволочи. — М.: Русское слово, 1995. — 96 с. «Диктатура слоя» в сокращении.

1997

Белая Империя. — М.: Москва, 1997. — 368 с. — (Пути русского имперского сознания).

1998

Народная монархия. — [6-е изд. —] Минск: Лучи Софии, 1998. — 503 с., 21 см. 4500 экз.

1999

Россия в концлагере. — [7-е изд. —] М.: Москва, 1999. — 557 с. — (Пути русского имперского сознания). 2000 экз.

2000

Koncentrační tábor: Rusko / Ivan Soloněvič; přeložila Kateřina Jánská. — 2. (v tomto překladu 1.) vyd. — Praha:

Bystrov a synové, 2000. — 357 s.: il. «Россия в концлагере» на чешском.

Россия в концлагере. — [8-е изд. —] М.: Москва, 2000. — 557 с. — (Пути русского имперского сознания). 2000 экз.

2001

Наша страна. XX век. — М.: Москва, 2001. — 448 с. — (Пути русского имперского сознания). 2000 экз. *Сборник статей.*

2002

Две силы: Борьба за атомное владычество над миром: Роман из советской жизни. — М.: Москва, 2002. — 646 с. — (Наследие Русского зарубежья.). 2000 экз.

Народная монархия. — [7-е изд. —] М.: Некоммерч. партнерство «Центр поддержки культуры и развития информ. технологий», 2002. — 623 с. 10000 экз.

2003

Вся власть — русским мозгам!: Сборник статей. — СПб: РусИнформ, 2003. — 192 с. — (Белая библиотека). 1000 экз.

Коммунизм, национал-социализм и европейская демократия. — М.: Москва, 2003. — 416 с. 2000 экз. *Сборник статей.*

Народная монархия. — [8-е изд. —] М.: Эксмо пресс, 2003. — 608 с. — (Имперское мышление). 3500 экз.

2005

Народная монархия. — [9-е изд. —] М.: РИМИС, 2005. — 472 с. — (Лучшие произведения XX века). 5000 экз.

Россия в концлагере. — [9-е изд. —] М.: РИМИС, 2005. — 536 с.: илл. 1500 экз.

Самооборона и нападения без оружия / Сост. А. А. Харлампиев. — М.: ФАИР-ПРЕСС, 2005. — 240 с.: ил. — (Мастера единоборств. Из библиотеки А. А. Харлампиева).

2006

Мировая революция, или Новое изгнание из рая. — М.: Москва, 2006. — 480 с. *Первое полное издание «Диктатуры импотентов».*

2007

Великая фальшивка Февраля. — М.: Алгоритм, 2007. — 304 с. 2000 экз.

Россия и революция. — М.: ФондИВ, 2007. — 400 с. 2000 экз.

Rosja w łagrze / Iwan Sołoniewicz; [przeł. z jęz. ros. Stanisław Dębicki; weryfikacja i uzup. tł., red. Agnieszka Knyt]. **Rosja w łagre** Warszawa: Ośrodek Karta, 2007. 526, [1] s.: il.; 21 cm.

2008

Загадка и разгадка России. — М.: ФондИВ, 2008. — 672 с. 1500 экз. *Сборник статей.*

2009

Диктатура слоя. — М.: Отчий дом, 2009. — 272 с. 5000 экз.

Россия в концлагере. — [10-е изд. —] Минск: А. Н. Вараксин, 2009. — 592 с.: ил. — (Национальный проект).

XX век. Так что же было? — М.: ФондИВ, 2009. — 496 с. 2000 экз. *Сборник статей.*

2010

Народная монархия. — [10-е изд. —] М.: Ин-т русской цивилизации, 2010. — 624 с. — (Русская цивилизация).

Россия в концлагере. — [11-е изд. —] Минск: Современная школа, 2010. — 592 с.: илл. — (Неизвестная история). 3050 экз.

Россия в концлагере. — [12-е изд. —] М.: Отчий дом, 2010. — 846 с. 8000 экз.

2011

Народная монархия. — [11-е изд. —] М.: Алгоритм, 2011. — 624 с. — (Монархист). 3000 экз.

Россия в концлагере. — [13-е изд. —] Минск: Современная школа, 2011. — 592 с.: илл. — (Неизвестная история).

2012

Две силы; Борьба за ядерное владычество в мире [Шрифт Брайля]: роман из советской действительности / Иван Солоневич; [ред.: А. А. Бровко, И. В. Аникушина]. — Изд. 1-е по Брайлю. — М.: Репро, 2012. — 12 кн; 31 см. — Перепеч. с изд.: Москва, 2002. — ISBN 5-89097-041-0.

Rosja w obozie koncentracyjnym t. 1 i t. 2. Wydawnictwo ANTYK Marcin Dybowski. 2012. Tom 1 stron 296, tom 2 stron 246. Reprint pozycji przedwojennej (1938). *«Россия в концлагере» на польском.*

2013

Диктатура сволочи. — М.: Русская Правда, 2013. — 96 с. *«Диктатура слоя» в сокращении.*

Россия в концлагере — 2. — Минск.: Изд. В. П. Ильин, 2013. — 464 с. 3100 экз. *«Диктатура импотентов» и сборник статей.*

Загадка и разгадка России. — М.: ФИВ, 2013. — 672 с. *Сборник статей.*

Rosja w łagrze. Dom Wydawniczy PWN. 2013. 584 s.
«Россия в концлагере» на польском.

2014

Народна монархија. — Београд: Укронија, 2014. — 380 с. *«Народная монархия» на сербском.*

2016

Народная монархия. — [12-е изд. —] М.: РИМИС, 2016. — 416 с. — (Лучшие произведения XX века). 5000 экз.

Россия в концлагере. — [14-е изд. —] М.: РИМИС, 2016. — 528 с.: илл. 1500 экз.

Мифы революции. — М.: РИСИ, 2016. — 328 с.
«Великая фальшивка Февраля».

Революция, которой не было, или Великая фальшивка Февраля. — М.: Алгоритм, 2016. — 304 с.

2017

Тяжелая правда о феврале 1917 года: Революция, которой не было. — М.: Алгоритм, 2017. — 304 с. *«Великая фальшивка Февраля».*

2018

Как спасти Россию?: Статьи 1917-1918 гг. — М.: Эдитус, 2018. — 48 [50] с.

2019

Социализм, его пророчества и их реализация. — М.: ФИВ, 2019. — 656 с. *Три части «Диктатуры импотентов».*

**Благодарность
Автор выражает свою
искреннюю благодарность за
помощь в подготовке книги
следующим лицам:**

Виктор Андреев (Гродно, Белоруссия)
Петр Базанов (Санкт-Петербург)
Татьяна Воронина (Санкт-Петербург)
Армен Гаспарян (Москва)
Александр Закатов (Москва)
Тамара Исмагулова (Санкт-Петербург)
Михаил Кулыбин (Санкт-Петербург)
Илья Лунев (Германия)
Сергей Маньков (Санкт-Петербург)
Татьяна Осина (Москва)
Николай Першин (Санкт-Петербург)
Ирина Проскуракова (Санкт-Петербург)
Артемий Рожнов (Симбирск-Ульяновск)
Константин Сапожников (Москва)
Михаил Смолин (Москва)
Елена Сойни (Петрозаводск)
Михаил Соколов (Москва)
Владислав Солоневич (Кисловодск)
Борис Туровский (Санкт-Петербург)
Игорь Тушканов (Царицын-Волгоград)
Георгий и Ирина Федоровы (Санкт-Петербург)
Эдуард Хямяляйнен (Хельсинки, Финляндия)
Даниил Цыганков (Москва)
Валерий Черепица (Гродно, Белоруссия)
Кирилл Чистяков (Москва)

notes

Примечания

1

Солоневич И. Л. Народная монархия. — М.: Феникс, 1991. — С. 341.

Солоневич И. Л. Пути, ошибки и итоги // Солоневич И. Л. Белая Империя. — М.: «Москва», 1997. — С. 286-287.

З

Никандров Н. Иван Солоневич: Народный монархист. — М.: Алгоритм, 2007. — 672 с.

Формулярный список о службе Канцелярского служителя Гродненского Губернского Правления Лукияна Михайловича Солоневича. Государственный исторический архив Республики Беларусь (Гродно), ф. 2, оп. 37, д. 1455, л. 1—3об.

Наиболее значительная из них: Черепица В. Н. «Да будет услышан на Родине...» // Черепица В. Н. Преодоление времени: Исторические очерки и миниатюры. — Минск: БелНИИДАД, 1996. — С. 37-73.

Никандров Н. Иван Солоневич: Народный монархист. — М.: Алгоритм, 2007. — С. 20.

Солоневич И. Л. Алик и Кукока // Голос России. — 1937. — 25 мая; № 48.

<http://www.petergen.com/bovkaloduhov/litsem.html>

Солоневич И. Л. Диктатура импотентов. — Новосибирск: Благовест, 1994. — С. 146.

Ярушевич А. В. Ревнитель православия, князь Константин Иванович Острожский (1461-1530) и православная Литовская Русь в его время. — Смоленск, 1896. — 250 с.

Ярушевич А. В. Несколько слов по поводу одной рецензии. — Смоленск, 1899. — 39 с.

См. статью М. К. Любавского в Журнале
Министерства Просвещения, ноябрь 1899 г.

Архив Управления ФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Дело № П-68527. Л. 4. Цит. по: Чистяков К. А. Следственное дело в отношении И. Л. Солоневича в архиве ФСБ // Иван Солоневич — идеолог Народной Монархии: Материалы III научно-практ. конференции: СПб. 24 апреля 2005 года. — СПб: Российский Имперский Союз-Орден: Ред. газ. «Монархистъ», 2006. — С. 35-45. Далее: ФСБ и номер листа дела.

Архив СПб о-ва «Мемориал». Фонд «Братья Солоневичи», оп. 1, д. 2.

16

Там же, оп. 1, д. 5.

РГВА. Ф. 1163. Оп. 1. Ед. хр. 1996. Л. 1-2.

Никандров Н. Иван Солоневич: Народный монархист. — М.: Алгоритм, 2007. — С. 20.

<http://www.memorial.krsk.ru/DOKUMENT/People/Solonevich.htm>

Дьяков И. В. Дьяков И. Дело, которое больше нас: к 100-летию И. Л. Солоневича // Наш современник. — 1991. — № 11. — С. 179-185.

См.: Исмагулова Т. Д. И. Л. Солоневич в Санкт-Петербурге (по материалам студенческого дела) // Иван Солоневич — идеолог Народной Монархии: Материалы II научно-практ. конференции: СПб. 25 апреля 2004 года. — СПб: Российский Имперский Союз-Орден: Ред. газ. «Монархистъ», 2005. — С. 22-26. Дальнейшее цитирование документов студенческого дела Солоневича — по ее работе.

ЦГИА СПб, ф. 14, оп. 3, № 61273, л. 12.

23

Там же, л. 11.

Там же, л. 12.

Черепица В. Н. «Да будет услышан на Родине...» // Черепица В. Н. Преодоление времени: Исторические очерки и миниатюры. — Минск: БелНИИДАД, 1996. — С. 70.

Солоневич Ю. И. Подготовка к побегу: Отрывок из воспоминаний // Наша страна. — 1998. — 23 мая; № 2493-2494.

Солоневич Л. М. Краткий исторический очерк Гродненской губернии за сто лет ее существования. 1802-1902 гг. — Гродна, 1901. — 106 с.

Там же. — С. 37.

Там же. — С. 17.

ЦГИА СПб, ф. 14, оп. 3, № 61273, лл. 29, 29об.

Солоневич И. Л. Этюды оптимизма // Белая Империя. — М.: «Москва», 1997. — С 257—258

Наша Страна. — 1983. — 23 апреля; № 1709.

Там же.

Солоневич И. Л. Пути, ошибки и итоги // Солоневич И. Л. Белая Империя. Статьи 1936–1940 гг. — М.: Москва, 1997. — С. 281.

Рубанов Л. Об Иване Солоневиче // Наша Страна. — 1953. — 3 октября; № 194.

36

Там же.

Рубанов Л. Памяти основателя // Наша Страна. — 1989. — 17 сентября; № 1989.

Наша Страна. — 1983. — 23 апреля; № 1709.

Исмагулова Т. Д. И. Л. Солоневич в Санкт-Петербурге (по материалам студенческого дела) // Иван Солоневич — идеолог Народной Монархии: Материалы II научно-практ. конференции: СПб. 25 апреля 2004 года. — СПб: Российский Имперский Союз-Орден: Ред. газ. «Монархистъ», 2005. — С. 26.

Устав Белорусского общества. — Вильна, 1909.

Купала Я. Живе Беларусь: Верши, артыкулы. — Мінск: Мастацкая літаратура, 1993. — С. 97.

Там же. — С. 464.

Устав Белорусского общества. — Вильна, 1909. — С.
1.

Солоневич И. Л. Самое важное // Солоневич И. Л. Белая империя. — М.: «Москва», 1997. — С. 339-340.

Солоневич И. Л. Диктатура слоя. — Буэнос-Айрес: Наша Страна, Буэнос-Айрес, 1956. — С. 39-41.

Вся Вильна: Адресная и справочная книга на 1911 год. — Отдел III. С. 67.

И. С. Гимнастический праздник // Белорусская жизнь. — 1911. — 14 апреля; № 73. Второй день гимнастического праздника // Белорусская жизнь. — 1911. — 15 апреля; № 74. И. С. Третий день гимнастического праздника // Белорусская жизнь. — 1911. — 16 апреля; № 75.

Солоневич И. Л. Большевизм и женщина // Солоневич И. Л. Вся власть — русским мозгам!: Сб. статей. — СПб: Русиформ, 2003. — С. 37.

Щербицкий О. В. Письмо в редакцию // Северо-Западная Жизнь. — 1912. — 6 января; № 3.

Солоневич И. Л. Самое важное // Солоневич И. Л. Белая империя. — М.: «Москва», 1997. — С. 340.

В «Соколе» // Северо-Западная Жизнь. — 1912. — 22 января; № 18.

Сергеевский А. Б. Организация «Русский Сокол» и ее деятельность в Югославии (1922–1941): Доклад на международном симпозиуме «Русская эмиграция в сербской и других славянских культурах». <http://www.sokolrussia.ru/rsvoy.htm>

Местная хроника // Северо-Западная Жизнь. — 1912.
— 14 апреля; № 87.

Местная хроника // Северо-Западная Жизнь. — 1912.
— 15 апреля; № 88.

ЦГИА СПб, ф. 14, оп. 3, № 61273, л. 11.

Солоневич И. Л. Народная Монархия. — М.: Феникс, 1991. — С. 352-353.

Северо-Западная Жизнь. — 1912. — 3 мая; № 100.

Рубанов Л. Об Иване Солоневиче // Наша Страна. — 1953. — 3 октября; № 194.

Заявление члена правления «Белорусского общества» Л. М. Солоневича председателю общества г. Коронкевичу // Северо-Западная Жизнь. — 1912. — 7 марта; № 55.

В «Белорусском обществе» // Северо-Западная
Жизнь. — 1912. — 4 апреля; № 78.

Ись <Солоневич И. Л.>. К пятой олимпиаде // Северо-Западная Жизнь. — 1912. — 10 июля; № 155.

Солоневич Л. М. Что сей сон значит? // Северо-Западная Жизнь. — 1912. — 22 июня; № 145.

Исъ. Конкуренция: Маленький фельетон // Северо-
Западная Жизнь. — 1912. — 11 июля; № 156.

Солоневич И. Л. Пути, ошибки и итоги // Солоневич И. Л. Белая Империя. Статьи 1936–1940 гг. — М.: Москва, 1997. — С. 275–277, 280.

Рубанов Л. Памяти основателя // Наша Страна, Буэнос-Айрес. — 1988. — 17 сентября; № 1989.

66

ЦГИА СПб, ф. 14, оп. 3, № 61273, лл. 24, 24об.

В суде: Характерное дело // Минская Газета-Копейка. — 1913. — 10 июля; № 321.

Ив. Сол. (Новоселковский) <Солоневич И. Л.> Маска сброшена // Северо-Западная Жизнь. — 1912. — 23 ноября; № 264.

Гродно: Энциклопедический справочник. — Мн.:
Белорус. сов. энцикл., 1989. — С. 352-353.

Армъ. Минск в 1913 году: Фельетон // Минская Газета-Копейка. — 1914. — 1 января; № 493.

Болдырев Д. М., Костров А. И. Футбол Беларуси. — Мн.: Полымя, 1990. — 160 с.

Там же. — С. 6-7.

Футбольные матчи 23, 24, 25, 31 марта сего года:
(Поле гимназии Н. А. Виноградова) // Спорт:
Еженедельный журнал, посвященный всем видам
спорта. Вильна. — 1913. — № 4; 4 апреля. — С. 4.

Солоневич И. Письмо в редакцию // Минская Газета-Копейка. — 1913. — 3 августа; № 345.

Ольденбург С. С. Царствование Императора Николая II. — СПб: Петрополь, 1991. — С. 486.

Солоневич И. Л. Большевизм и женщина // Солоневич И. Л. Вся власть — русским мозгам!: Сб. статей. — СПб: Русиформ, 2003. — С. 36-37.

Там же. — С. 37.

Солоневич И. Л. Совсем всерьез // Солоневич И. Л. Загадка и разгадка России. — М.: ФондИВ, 2008. — С. 370.

Северо-Западная Жизнь. — 1915. — 8 мая; № 108. —
14 мая; № 112.

Никандров Н. Иван Солоневич: Народный монархист. — М.: Алгоритм, 2007. — 672 с.

Политический Архив МИДа Германии — Politisches Archiv des Auswaertigen Amtes (далее — PA AA), R104377, Bd. 2: 16.2.1938 — Oktober 1938, S. 244822.

Цит. по: Исмагулова Т. Д. И. Л. Солоневич в Санкт-Петербурге (по материалам студенческого дела) // Иван Солоневич — идеолог Народной Монархии: Материалы II научно-практ. конференции: СПб. 25 апреля 2004 года. — СПб: Российский Имперский Союз-Орден: Ред. газ. «Монархистъ», 2005. — С. 25.

Солоневич И. Л. Диктатура слоя. — Буэнос-Айрес: Наша Страна, Буэнос-Айрес, 1956. — С. 83.

Никандров Н. Иван Солоневич: Народный монархист. — М.: Алгоритм, 2007. — С. 27.

Солоневич И. Л. Медведь и его шкура // Солоневич И. Л. Загадка и разгадка России. — М.: ФондИВ, 2008. — С. 104.

«Санитас» // Минская Газета-Копейка. — 1913. — 19 декабря; № 481.

Минские спортсмены в Риге // Северо-Западная
Жизнь. — 1914. — 18 февраля; № 39.

К Спорту. — 1914. — № 9; 1 марта. — С. 7.

Русский спорт. — 1914. — № 9; 2 марта. — С. 9.

Хроника спорта: В России: Рига // Геркулес. — 1914.
— № 4 — 30; 25 февраля. — С. 30-31.

Северо-Западная Жизнь. — 1914. — 11 февраля;
№ 34.

2-е о-во «Сокол» // Минская Газета-Копейка. — 1914.
— 11 февраля; № 532.

Северо-Западная Жизнь. — 1914. — 15 апреля; № 84.

Бэндэ Л., Боричевский Л. Купала // Литературная энциклопедия: В 11 т. — [М.], 1929-1939. — Т. 5. — [М.]: Изд-во Ком. Акад., 1931. — Стб. 731-737.

Цит. по: Купала Я. Живе Беларусь: Верши, артыкулы. — Мінск: Мастацкая літаратура, 1993. — С. 259.

Там же. — С. 261-263.

Ольденбург С. С. Царствование Императора Николая II. — СПб: Петрополь, 1991. — С. 536.

Солоневич И. Л. Миф о Николае Втором // Солоневич И. Л. Наша страна. XX век. — М.: «Москва», 2001. — С. 85.

Солоневич И. Л. «Углубление доктрин Клаузевица» //
Наша Страна. — 1951. — 8 декабря; № 99.

Посещение ГОСУДАРЕМ ИМПЕРАТОРОМ города
Минска 22-го октября 1914 года // Северо-Западная
Жизнь. — 1914. — 24 октября; № 249.

Солоневич И. Л. Убийцы, цареубицы, самоубийцы // Солоневич И. Л. Вся власть — русским мозгам!: Сб. статей. — СПб: Русиформ, 2003. — С. 33.

Солоневич И. Л. Большевизм и женщина // Солоневич И. Л. Вся власть — русским мозгам!: Сб. статей. — СПб: Русиформ, 2003. — С. 36.

103

См.: <http://www.grwar.ru/persons/persons.html?id=1102>

Солоневич И. Л. Совсем всерьез // Солоневич И. Л. Загадка и разгадка России. — М.: ФондИВ, 2008. — С. 370.

Б. Солоневич. Виленские гимназисты на передовых позициях // Северо-Западная Жизнь. — 1914. — 28 ноября; № 278.

Гастролер. Поджигатели // Минская Газета-Копейка. — 1914. — 6 ноября; № 799.

Бим-Бом. Замороженная совесть // Минская Газета-Копейка. — 1914. — 28 ноября; № 821.

Минская Газета-Копейка. — 1914. — 9 ноября;
№ 802.

— ъ. Об увечных // Минская Газета-Копейка. — 1914.
— 29 ноября; № 822.

Договорились // Минская Газета-Копейка. — 1914. —
12 декабря; № 835.

Мозги г. г. Солоневичей // Минская Газета-Копейка. — 1914. — 14 декабря; № 837.

Дьяволо. Встречи и речи: Там, где играют в футбол
// Минская Газета-Копейка. — 1914. — 9 декабря; № 832.

Pro domo sua // Минская Газета-Копейка. — 1915. —
22 апреля; № 962.

Северо-Западная Жизнь. — 1915. — 18 февраля;
№ 44.

Оштрафование «Северо-Западной Жизни» // Минская Газета-Копейка. — 1913. — 17 июля; № 328.
Арест Л. Солоневича // Наше утро. — 1913. — 20 июля; № 160.

Конфискация «Северо-Западной Жизни» // Минская Газета-Копейка. — 1913. — 19 июля; № 330.

Освобождение Л. М. Солоневича // Минская Газета-Копейка. — 1913. — 21 июля; № 332.

Дело Л. М. Солоневича // Минская Газета-Копейка. — 1913. — 30 ноября; № 462.

Дело Солоневича // Минская Газета-Копейка. — 1914. — 14 февраля; № 535.

За нарушение устава о печати // Минская Газета-Копейка. — 1914. — 4 сентября; № 736.

Северо-Западная Жизнь. — 1914. — 27 сентября;
№ 228.

Дело «Сев. — Зап. Жизни» // Минская Газета-Копейка. — 1914. — 1 ноября; № 794.

Арест Л. М. Солоневича // Минская Газета-Копейка. — 1915. — 19 июня; № 1020.

Северо-Западная Жизнь. — 1915. — 2 мая; № 103.

125

ЦГИА СПб, ф. 14, оп. 3, № 61273. Л. 10.

Солоневич И. Л. Народная Монархия. — М.: Феникс, 1991. — С. 240.

Солоневич И. Л. Диктатура импотентов. — Новосибирск: Благовест, 1994. — С. 166.

128

ЦГИА СПб, ф. 14, оп. 3, № 61273. Л. 8.

Исмагулова Т. Д. И. Л. Солоневич в Санкт-Петербурге (по материалам студенческого дела) // Иван Солоневич — идеолог Народной Монархии: Материалы II научно-практ. конференции: СПб. 25 апреля 2004 года. — СПб: Российский Имперский Союз-Орден: Ред. газ. «Монархистъ», 2005. — С. 24.

Солоневич И. Л. Диктатура слоя. — Буэнос-Айрес: Наша Страна, Буэнос-Айрес, 1956. — С. 166-168.

Солоневич И. Л. Мировая революция, или Новое изгнание из рая. — М.: «Москва», 2006. — С. 375.

Солоневич И. Л. Биография Степки // Наша Страна. — 1951. — 3 ноября; № 94.

Солоневич И. Л. Мировая революция, или Новое изгнание из рая. — М.: «Москва», 2006. — С. 374.

Там же. — С. 347.

Солоневич И. Л. Убийцы, цареубийцы, самоубийцы // Вся власть — русским мозгам!: Сб. статей. — СПб: Русиформ, 2003. — С. 32.

Дневники Императора Николая II. — М.: Орбита, 1991. — С. 384.

Шульгин В. В. Что нам в них не нравится. — СПб: Хорс, 1992. — С. 24—192.

Солоневич И. Л. Народная Монархия. — М.: Феникс, 1991. — С. 240-241.

139

ЦГИА СПб, ф. 14, оп. 3, № 61273. Л. 21об.

«Северо-Западная Жизнь» не выходит // Минская Газета-Копейка. — 1915. — 25 августа; № 1087.

Бегство гг. Солоневичей // Минская газета-копейка. — 1915. — 7 сентября; 1102.

Солоневич И. Л. Пути, ошибки и итоги // Солоневич И. Л. Белая Империя. Статьи 1936-1940 гг. — М.: «Москва», 1997. — С. 280-281.

Весь Петроград на 1916 год. — Пг.: Новое Время, 1915. — III отдел. С. 640.

Весь Петроград на 1917 год. — Пг.: Новое Время, 1916. — III отдел. С. 646.

Рубанов Л. Памяти основателя // Наша Страна, Буэнос-Айрес. — 1988. — 17 сентября; № 1989.

Подробнее см.: Маньков С. А. Братья Всеволод и Борис Солоневичи — студенты петроградских вузов (по материалам Центрального государственного архива Санкт-Петербурга) // Иван Солоневич — идеолог Народной Монархии: Материалы XVI научно-практ. конференции: СПб. 18 ноября 2018 года. — СПб: Российский Имперский Союз-Орден: Ред. газ. «Монархистъ», 2019. — С. 22-31.

Смолин. М. Б. Имперское мышление и имперский национализм М. О. Меньшикова // Меньшиков М. О. Письма к русской нации. — М.: Москва, 2002. — С. 24.

Новое Время. — 1916. — 29 февраля; № 14360.

Гвоздев Л. Журналистика: инструментарий, навыки, техника безопасности: Учебное пособие. — М., 1999.

И <ван> С <олоневич>. В Минске // Новое время. — 1915. — 18 сентября (1 октября); № 14197.

151

Новое время. — 1915. — 31 октября (13 ноября);
№ 14240.

«Газета ваша определенно крепнет, интереснее, разнообразнее»: Письма Александра Солженицына редактору «Нашей Страны» Николаю Казанцеву // Наша Страна. — 2008. — № 2852; 20 сентября.

Солоневич И. Л. Пути, ошибки и итоги // Солоневич И. Л. Белая Империя. — М.: «Москва», 1997. — С. 286.

Солоневич И. Л. Великая фальшивка Февраля // Солоневич И. Л. Наша страна. XX век. — М.: «Москва», 2001. — С. 225-226.

Состязания по легкой атлетике // Новое Время. — 1916. — 20 августа (2 сентября); № 14532.

156

Приз «Вперед» // Новое время. — 1916. — 11 (24) сентября; № 14554.

Солоневич И. Л. Великая фальшивка Февраля // Солоневич И. Л. Наша страна. XX век. — М.: «Москва», 2001. — С. 228-229.

158

ЦГИА СПб, ф. 14, оп. 3, № 61273, лл. 27, 27об, 28, 28об, 29, 29об.

Солоневич И. Л. О «Новом» и «Вечернем Времени» //
Голос России. — 1937. — № 29; 5 января.

Солоневич И. Л. Пути, ошибки и итоги // Солоневич И. Л. Белая Империя. — М.: «Москва», 1997. — С. 286-287.

И <ван> С <олоневич>. Немцы о русской революции
// Новое время. — 1917. — 12 (25 марта); № 14725.

Солоневич Б. Л. Молодежь и ГПУ. — София: Голос России, 1937. — С. 54-55.

Розанов В. В. Перед положительными задачами истории // Новое Время. — 1917. — 8 (21) марта; № 14721.

Меньшиков М. О. Три опасности // Новое Время. — 1917. — 9 (22) марта; № 14722.

165

Высочайшая отметка // Вечернее Время. — 1916. —
29 февраля; № 1405.

См., напр.: Закатов А. Н. Император Кирилл I в февральские дни 1917 года. — М.: Новый Век, 1998. — С. 86-93.

Солоневич И. Л. Убийцы, цареубийцы, самоубийцы // Солоневич И. Л. Вся власть — русским мозгам!: Сб. статей. — СПб: Русиформ, 2003. — С. 33.

Солоневич И. Л. За тенью Распутина // Солоневич И. Л. Наша страна. XX век. — М.: «Москва», 2001. — С. 25-26.

Там же. — С. 27-28.

Там же. — С. 30.

Там же. — С. 31-32.

Там же. — С. 33-34.

Там же. — С. 37-38.

Там же. — С. 38.

Солоневич И. Л. Миф о Николае Втором // Солоневич И. Л. Наша страна. XX век. — М.: «Москва», 2001. — С. 89-90.

Солоневич И. Л. Народная Монархия — М.: Феникс, 1991. — С. 308.

Солоневич И. Л. Диктатура слоя. — Буэнос-Айрес: Наша Страна, Буэнос-Айрес, 1956. — С. 91-99.

Там же. — С. 164.

Солоневич И. Л. Великая фальшивка Февраля // Солоневич И. Л. Наша страна. XX век. — М.: «Москва», 2001. — С. 194.

Там же. — С. 195.

Там же. — С. 198.

Там же. — С. 247.

183

Там же.

Там же. — С. 249.

Солоневич И. Л. Мировая революция, или Новое изгнание из рая. — М.: Изд-во журнала «Москва», 2006. — С. 395.

Солоневич И. Л. Диктатура слоя. — Буэнос-Айрес: Наша Страна, Буэнос-Айрес, 1956. — С. 127-129.

Там же. — С. 132-133.

Солоневич И. Л. Пути, ошибки и итоги // Солоневич И. Л. Белая Империя. Статьи 1936-1940. — М.: Москва, 1997. — С. 288.

Солоневич И. Л. Мировая революция, или Новое изгнание из рая. — М.: Изд-во журнала «Москва», 2006. — С. 446.

190

Архив СПб о-ва «Мемориал». Фонд «Братья Солоневичи», оп. 1, д. 5, л. 1.

Солоневич И. Л. Памяти И. М. Каллиникова. — Голос России. — 1936. — 4 августа; № 7.

И. С <олоневич>. Свободная печать // Новое время. — 1917. — 4 (17) октября; № 14888.

И. Солоневич>. Как спасти Россию?: (Лекция Г. А. Алексинского) // Новое время. — 1917. — 5 (18) октября; № 14889.

Ив. <Соло> невич. Церковь и цирк // Новое время. — 1917. — 24 октября (6 ноября); № 14905.

195

Там же.

196

Там же.

Там же.

Цит. по: Жирков Г. В. История цензуры в России XIX–XX вв.: Учебное пособие. — М.: Аспект Пресс, 2001.

Ив. <Соло> невич. Путешествие из Петрограда в Москву: (Эвакуационные настроения) // Вечерние Огни. — 1918. — 6 апреля (24 марта); № 14.

В Москве: Неудавшийся праздник (По телефону от нашего корреспондента) // Вечерние Огни. — 1918. — 2 мая (19 апреля); № 35.

Несоветские газеты: 1918-1922: Каталог собрания Российской национальной библиотеки. — СПб: Изд-во Российской национальной библиотеки, 2003. — С. 26.

Солоневич И. Л. Россия в концлагере. — М.: РИМИС, 2005. — С. 23.

Войцеховский С. Л. Завещание И. Л. Солоневича //
Наша Страна. — 1953. — 27 июня; № 180.

<Соло> Невич Ив. Решительный бой // Вечерние
Огни. — 1919. — 12 (25) октября; № 47.

Солоневич И. Л. Диктатура импотентов. — Новосибирск: Благовест, 1994. — С. 153.

206

Там же.

Солоневич И. Л. Россия в концлагере. — М.: РИМИС, 2005. — С. 114.

Солоневич И. Л. Штабс-капитаны Совдепии // Солоневич И. Л. Вся власть — русским мозгам!: Сб. статей. — СПб: Русиформ, 2003. — С. 104.

Солоневич И. Л. Контуры будущего // Солоневич И. Л. Коммунизм, национал-социализм и европейская демократия. — М.: Москва, 2003. — С. 286.

210

Русский скаут / Сост. Э. П. Цытович. — Екатеринодар
— Армавир: Энергия, 1919. — 160 с.

Солоневич Б. Л. Молодежь и ГПУ. — София: Голос России, 1937. — С. 427.

Там же. — С. 33-34.

Молчанов Л. А. Газетная пресса России в годы революции и Гражданской войны (окт. 1917–1920 гг.). — М.: Издатпрофпресс, 2002. — С. 59.

Солоневич И. Л. Пути, ошибки и итоги // Солоневич И. Л. Белая Империя. Статьи 1936-1940. — М.: Москва, 1997. — С. 288-289.

Солоневич И. Л. Три ухода // Голос России. — 1936. — 1 декабря; № 24.

Рысс П. Обычное // Новая Россия (Харьков). — 1919.
— 15 (28) октября.

Шульгин В. В. Последний очевидец: Мемуары. Очерки. Сны. — М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. — С. 501.

Несоветские газеты: 1918-1922: Каталог собрания Российской национальной библиотеки. — СПб: Изд-во Российской национальной библиотеки, 2003. — С. 118.

Солоневич И. Л. Пути, ошибки и итоги // Белая Империя. Статьи 1936-1940. — М.: Москва, 1997. — С. 288-289.

Гражданская война в России: Оборона Крыма. — М: АСТ; СПб.: Terra Fantastica, 2003. — С. 484.

Солоневич И. Л. Памяти И. М. Каллиникова. — Голос России. — 1936. — 4 августа; № 7.

Солоневич И. Л. Три ухода // Голос России. — 1936. — 1 декабря; № 24.

Солоневич И. Л. Уроки борьбы // Голос России. — 1936. — 17 ноября; № 22.

224

Там же.

Солоневич И. Л. Народная Монархия. — М.: Феникс, 1991. — С. 33-34.

Солоневич Т. В. Записки советской переводчицы. —
София: Голос России, 1937. — С. 9—11.

Войцеховский С. Л. Письмо В. В. Шульгину // Галлиполиец <Париж>. — 1961. — № 44; февраль-март.

Солоневич Т. В. Записки советской переводчицы. — София: Голос России, 1937. — С. 11-12.

Волков В. С. Трагедия русского офицерства. — М.: Центрполиграф, 2001. — С. 383.

Солоневич И. Л. Диктатура импотентов. — Новосибирск: Благовест, 1994. — С. 153-154.

Солоневич И. Л. Этюды оптимизма // Белая империя. — М.: Москва, 1997. — С. 243.

Солоневич И. Л. Россия в концлагере. — М.: РИМИС, 2005. — С. 132-133.

Солоневич И. Л. Этюды оптимизма // Белая империя. — М.: Москва, 1997. — С. 238-239.

Страницы истории разведчества-скаутизма. — 2003. — № 083 (26); сентябрь. В другой публикации должность называется: начальник Политической части штаба Главнокомандующего ВСЮР (Страницы истории разведчества-скаутизма. — 2005. — № 097 (40); март).

Кудряшов Ю. В. Борис Солоневич — скаутмастер агаповского времени: Доклад на Научной педагогической конференции памяти скаутмастера, профессора М. В. Агапова-Таганского. 25-26 сентября 2008 г. // <http://oryur-vertograd.narod.ru/kudry.html>

Солоневич Б. Л. Молодежь и ГПУ. — София: Голос России, 1937. — С. 86.

Волков А. Четверть века на театре // Возрождение. — 1951. — № 18; ноябрь-декабрь — С. 129.

Солоневич Б. Л. Молодежь и ГПУ. — София: Голос России, 1937. — С. 92-93.

Солоневич И. Л. Иван Максимович // Голос России. — 1937. — 30 марта; № 40.

240

Там же.

Солоневич И. Л. Диктатура слоя. — Буэнос-Айрес: Наша страна, 1956. — С. 134-135.

Солоневич И. Л. Народная Монархия. — М.: Феникс, 1991. — С. 102.

Солоневич И. Л. Биография Степки // Наша Страна. — 1951. — 3 ноября; № 94.

Солоневич Б. Л. Молодежь и ГПУ. — София: Голос России, 1937. — С. 114.

Солоневич Б. Л. Молодежь и ГПУ. — София: Голос России, 1937. — С. 134-135.

246

По СССР: Севастополь // Красный спорт. — 1924. — № 5; март. — С. 37-38.

Солоневич Ю. И. Повесть о 22-х несчастьях. —
София: Голос России, 1938. — С. 11.

Солоневич И. Л. Медведь и его шкура // Солоневич И. Л. Загадка и разгадка России. — М.: ФондИВ, 2008. — С. 177.

И <ван> С <олоневич>. По СССР: Одесса: Весенние состязания по тяжелой атлетике // Красный спорт. — 1924. — № 9—10; май. — С. 46.

Всеукраинские состязания совторгслужащих // Вестник физической культуры. — 1925. — № 8-9. — С. 22. Одесса: Межпрофсоюзный праздник физкультуры // Вестник физической культуры. — 1925. — № 10. — С. 17.

Солоневич И. Л. Диктатура импотентов. — Новосибирск: Благовест, 1994. — С. 150.

Вопросы физической культуры в Красной армии и Красном флоте: Сб. статей под ред. К. А. Мехоношина. — Изд. 2-е. — М.: Изд-во Высш. сов. физ. культуры, 1926. — 188 с.

253

В ВСФК: Тяжело-атлетическая секция // Красный спорт. — 1925. — 11 октября; № 71.

254

Красный спорт. — 1926. — 28 февраля; № 9.

255

Там же.

256

В Московском о-ве Динамо» // Красный спорт. — 1926. — № 51; 20 декабря.

Солоневич И. Л. Россия в концлагере. — М.: РИМИС, 2005. — С. 260-261.

Солоневич И. Л. Диктатура импотентов. — Новосибирск: Благовест, 1994. — С. 157-159.

Солоневич Т. В. Записки советской переводчицы. —
София: Голос России, 1937. — С. 31-33.

Солоневич И. Л. Диктатура импотентов. — Новосибирск: Благовест, 1994. — С. 163-164.

Там же. — С. 180-182.

Солоневич И. Л. Россия, революция и еврейство // Солоневич И. Л. Белая империя. — М.: Москва, 1997. — С. 197.

Солоневич И. Л. Этюды оптимизма // Солоневич И. Л. Белая империя. — М.: Москва, 1997. — С. 245.

Энциклопедический словарь по физической культуре / Ред. — сост. Б. М. Чесноков. Общ. ред. Н. А. Семашко. — М.: Госиздат, 1928. — С. IV.

265

Солоневич И. Рекордная путаница // Физкультура и спорт. — 1930. — № 6; 30 января.

266

Прения по отчету Центрального Комитета союза //
Наша газета. — 1929. — 10 марта; № 58.

267

Прения по отчету Центрального Комитета союза //
Наша газета. — 1929. — 12 марта; № 59.

Медицинский работник. — 1926. — № 47; 23 декабря. В этом номере опубликованы статья Солоневича «Наши лучшие стрелки» и окончание рассказа Булгакова «Морфий».

269

Физкультура служащего / Под общ. ред. Д.
Сосина. — М.: ЦК ССТС, 1926. — 80 с.

Физкультурные программы: Сборник физкультурных программ и учебных планов подготовки секционного актива и переподготовки инструкторов физкультуры / Сост. Геркан, Иттин, А. Кальпус, Никитин, Солоневич, Титов, Чудинов, Яблоновский. — М.: Книгоизд-во ВЦСПС, 1927. — 109 с.

Физкультурные программы. — 2-е изд., исправленное и дополненное. — М.: Книгоизд-во ВЦСПС, 1928. — 116 с.

Календарь профсоюзного физкультурника на 1928-1929 год / Сост. А. Иттин и И. Солоневич. — М.: Книгоизд-во ВЦСПС, 1928. — 228 с.

Солоневич И. Л. Гиревой спорт. — М.: Книгоизд-во ВЦСПС, 1928. — 96 с.: Ил., табл. — (Рабочая б-ка физкультуры. № 14).

Самооборона и нападение без оружия:
Элементарное руководство / под. ред. Нач. отд.
милиции ЦАУ НКВД И. Ф. Киселева — М.: Изд-во НКВД
РСФСР, 1928. — 64 с.: илл. — (Б-ка работника милиции и
угрозыска).

Самооборона и нападение без оружия / Сост. А. А. Харлампиев. — М.: ФАИР-ПРЕСС, 2005. — 240 с.: ил. — (Мастера единоборств. Из библиотеки А. А. Харлампиева).

Солоневич И. Л. Россия в концлагере. — М.: РИМИС, 2005. — С. 297.

Солоневич И. Л. Этюды оптимизма // Солоневич И. Л. Белая империя. — М.: Москва, 1997. — С. 262.

Самооборона и нападение без оружия / Сост. А. А. Харлампиев. — М.: ФАИР-ПРЕСС, 2005. — С. 142.

Всесоюзный двухнедельник физкультуры профсоюзов: Сборник руководящих материалов / Под ред. И. Солоневича и Ф. Царичанского — М., 1929. — 157 с.

Календарь профсоюзного физкультурника / Сост. А. Итин. — М.: Книгоизд-во ВЦСПС, 1929. — 388 с.

Солоневич И. Л. Тяжелая атлетика. — М.: Книгоизд-во ВЦСПС, 1929. — 31 с. — (Руководство по занятиям в секциях физкультуры).

Солоневич И. Л. Внеклубовая работа по физкультуре в профсоюзах. — М. — Л.: Физкультура и туризм, 1931. — 95 с. Солоневич И. Л. Летние физкультурные лагеря. — М.—Л.: ОГИЗ — Физкультура и туризм, 1931. — 46 с.

Солоневич И. Л. Диктатура слоя. — Буэнос-Айрес: Наша страна, 1956. — С. 49.

Солоневич И. Л. Роман во Дворце Труда. — Буэнос-Айрес: Наша страна, 1954. — С. 92-93.

Сол <о> н <ев> ич И. Дагнаркомздрав борется с малярией кабинетным порядком // Медицинский Работник. — 1931. — № 32-33. — С. 14.

Солоневич И. Л. Роман во Дворце труда. — Буэнос-Айрес: Наша Страна, 1953. — С. 23.

Солоневич И. Физкультурники — на чистку! // Наша газета. — 1930. — 23 марта; № 67.

Коллективы ЦК Союза и «Нашей газеты» — о себе //
Наша газета. — 1930. — 12 апреля; № 84.

Солоневич И. Л. Россия в концлагере. — М.: РИМИС, 2005. — С. 268

Солоневич И Физкультура в промысловой кооперации: Вовлечем миллионы новых пролетариев в физкультуру // Физкультура и спорт. — 1930. — № 45-46; 15 августа.

291

Архив ФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Дело № П-68527. Л. 4.

Солоневич И. Л. Большевизм и женщина // Солоневич И. Л. Вся власть — русским мозгам! — СПб: Русинформ, 2003. — С. 43.

Там же. — С. 43-44.

294

Там же. С. 35-36.

Солоневич Т. В. Записки советской переводчицы. —
София: Голос России, 1937. — С. 165.

296

РГАСПИ, ф. 17, оп. 85, д. 658, л. 99.

297

РГАСПИ, ф. 17, оп. 85, д. 660, л. 109.

Иностранные служащие, участники спартакиады — в ЦК союза // Наша газета. — 1928. — 21 августа; № 193.

299

РГАСПИ, ф. 17, оп. 85, д. 661, л. 39.

300

Там же, л. 50.

301

Там же, л. 145.

Солоневич И. Л. О рекордах, о полюсе и о жилплощади // Голос России. — 1937. — № 52; 22 июня.

Солоневич И. Л. Роман во Дворце труда. — Буэнос-Айрес, 1953. — С. 34-35.

Солоневич И. Л. Великая фальшивка Февраля // Солоневич И. Л. Наша страна. XX век. — М.: «Москва», 2001. — С. 213.

Солоневич И. Л. Роман во Дворце труда. — Буэнос-Айрес, 1953. — С. 78.

Солоневич И. Л. Большевизм и женщина // Вся власть — русским мозгам! — СПб: Русинформ, 2003. — С. 44.

Солоневич Ю. И. Повесть о 22-х несчастьях. —
София: Голос России, 1938. — С. 9.

Солоневич Б. Л. Молодежь и ГПУ. — София: Голос России, 1937. — С. 398.

309

Там же.

Солоневич И. Л. Большевизм и женщина // Вся власть — русским мозгам! — СПб: Русинформ, 2003. — С. 44-45.

311

PA AA, R104377, Bd. 2: 16.2.1938 — Oktober 1938, S.
244822.

Солоневич Ю. И. Подготовка к побегу: Отрывок из воспоминаний // Наша страна. — 1998. — 23 мая; № 2493-2494.

313

Архив ФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Дело № П-68527.

Солоневич И. Л. Большевизм и женщина // Вся власть — русским мозгам! — СПб: Русинформ, 2003. — С. 45.

315

Архив ФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Дело № П-68527.

Солоневич Ю. И. Повесть о 22-х несчастьях. —
София: Голос России, 1938. — С. 193-194.

Исмагулова Т. Д. И. Л. Солоневич в Санкт-Петербурге (по материалам студенческого дела) // Иван Солоневич — идеолог Народной Монархии: Материалы II Научно-практ. конференции: СПб. 25 апреля 2004 года. — СПб: Российский Имперский Союз-Орден: Ред. газ. «Монархистъ», 2005. — С. 25-26.

Солоневич И. Л. Россия в концлагере. — М.: РИМИС, 2005. — С. 30.

Солоневич И. Л. Россия в концлагере. — М.: РИМИС, 2005. — С. 31.

320

Там же. — С. 32-33.

321

Там же. — С. 39-40.

См.: Чистяков К. А. Следственное дело в отношении Ивана Солоневича в архиве ФСБ // Иван Солоневич — идеолог Народной Монархии: Материалы III Научно-практ. конференции: СПб. 24 апреля 2005 года. — СПб: Российский Имперский Союз-Орден: Ред. газ. «Монархистъ», 2006. — С. 35-45.

Там же. — С. 32-33.

Там же. — С. 48-49.

Блокада, 1941-1944, Ленинград: Книга Памяти / Правительство Санкт-Петербурга. — СПб: ООО «Издательский дом «Стелла», 2005. — Т. 25 / [Редкол.: Щербаков В. Н. (пред.) и др.].

326

Солоневич И. Л. Биография Степки // Наша Страна. — 1951. — 3 ноября; № 94.

Солоневич И. Л. Россия в концлагере. — М.: Отчий дом, 2010. — 847 с.

Солоневич И. Л. Россия в концлагере. — М.: РИМИС, 2005. — С. 279.

Медовар Я. Спортивный инвентарь — боевая проблема: К постановке вопроса на III пленуме ВСФК СССР // Физкультура и спорт. — 1932. — № 12; апрель.

Солженицын А. И. Архипелаг ГУЛАГ. Т. 2. — М.: ИНКОМ НВ, 1991. — С. 56-57.

Солоневич И. Л. Россия в концлагере. — М.: РИМИС, 2005. — С. 386.

Солоневич И. Л. Россия в концлагере. — М.: РИМИС, 2005. — С. 476-477.

Цит. по: Базанов П. Н. Братья Солоневичи: документы и легенды (На основе коллекции В. В. Иофе НИЦ «Мемориал) // Право на имя: Биографика 20 века: Шестые чтения памяти Вениамина Иофе: СПб. 16-18 апреля 2008: Сб. докладов. — С. 232.

334

Там же. — С. 237.

Там же. — С. 239-240.

Сойни Е. Г. Солоневичи и Север. Финляндская проблематика в литературном наследии Солоневичей и важнейшие черты публицистики Финляндии 1930-х годов. — Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2010. — С. 28-29. Оригинал в архиве: Suomen kansallisarkisto. Suomen poliisin arkisto. Valpo. Helsinki. Solonevitsh asiapaperit. № 118.

Там же. — С. 31-33.

Там же. — С. 34-40.

Солоневич И. Л. Россия в концлагере. — М.: РИМИС, 2005. — С. 511.

Солоневич И. Л. Убийцы, цареубийцы, самоубийцы // Солоневич И. Л. Вся власть — русским мозгам!: Сб. статей. — СПб: Русиформ, 2003. — С. 32.

Солоневич Б. Л. Страна должна знать своих героев!
// Родина. — 1964. — № 137; декабрь. — С. 7-8.

Солоневич И. Л. Четыре года. — <София: Голос России>, 1938. — С. 3-4.

Цит. по: Никандров Н. Иван Солоневич: Народный монархист. — М.: Алгоритм, 2007. — С. 189-191.

Солоневич И. Л. Четыре года. — <София: Голос России>, 1938. — С. 5.

Солоневич И. Л. Диктатура слоя. — Буэнос-Айрес: Наша Страна, Буэнос-Айрес, 1956. — С. 136-137.

А. Ренников и Н. Алексеев — сотрудники парижской газеты «Возрождение», с обоими Солоневич работал до революции в «Новом Времени». А. Гукасов — издатель газеты «Возрождение». Отметим, что в финском архиве сохранилось ходатайство А. Ренникова и Н. Чебышева, направленное в Управление полиции в Гельсингфорсе. См.: Сойни Е. Г. Солоневичи и Север. Финляндская проблематика в литературном наследии Солоневичей и важнейшие черты публицистики Финляндии 1930-х годов. — Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2010. — С. 230-231.

Солоневич И. Л. Пути, ошибки и итоги // Солоневич И. Л. Белая империя. — М.: «Москва», 1997. — С. 290.

Солоневич И. Л. Четыре года. — <София: Голос России>, 1938. — С. 5-6.

Солоневич И. Л. Контуры будущего // Солоневич И. Л. Коммунизм, национал-социализм и европейская демократия. — М.: «Москва», 2003. — С. 304-305.

Солоневич И. Л. Нечто вроде поправки // Голос России. — 1936. — 16 июля; № 5.

Солоневич И. Л. Пути, ошибки и итоги // Солоневич И. Л. Белая империя. — М.: «Москва», 1997. — С. 273-274.

Солоневич Б. Л. Наш дядя Ваня // Наша Страна. — 1953. — 23 мая; № 175.

Яновский В. С. Поля Елисейские: Книга памяти. — СПб, 1993. — С. 110.

«Чему свидетели мы были...»: Переписка бывших царских дипломатов: 1934-1940. — М: ГЕЯ, 1998. — Кн. 1. — С. 253-254.

Яновский В. С. Указ. соч. — С. 77-78.

Мельгунов С. П. Роман Гуль. Дзержинский. Париж. 1936. — Современные Записки. — 1936. — № 62. — С. 452.

Kokovtsoff W. Quelques precisions sur les changements en U.R.S.S. // Journal des Economistes. — 1936. — S. 390-416.

Солоневич И. Л. Пути, ошибки и итоги // Солоневич И. Л. Белая империя. — М.: «Москва», 1997. — С. 290-291.

Солоневич И. Л. «Чортова карусель» в Гельсингфорсе 10 марта // Журнал Содружества, 1935. — № 4 (28); апрель.

360

Иллюстрированная Россия. — 1935. — № 39; 21
сентября.

Солоневич И. Л. По Средней Азии на автомобиле // Иллюстрированная Россия. — 1935. — № 41; 5 октября. — С. 1, 2, 4. — № 42; 12 октября. — С. 1, 2, 4. — № 43; 19 октября. — С. 6-7.

Солоневич И. Л. По Средней Азии на автомобиле // Иллюстрированная Россия. — 1935. — № 41; 5 октября. — С. 1

Солоневич И. Л. Происхождение и цель «Голоса России» // Солоневич И. Л. Вся власть — русским мозгам!: Сб. статей. — СПб: Русиформ, 2003. — С. 4.

364

Там же.

Солоневич И. Л. «Реформы» в колхозах //
Современные записки. — 1935. — № 59. — С. 382-390.

Солоневич И. Л. По поводу стахановщины //
Современные записки. — 1936. — № 60. — С. 448-457.

Солоневич И. Л. В деревне // Современные записки. — 1935. — № 58. — С. 274-309.

Орлова Н. Современные Записки: Книга 59-я // Для Вас. Рига. — 1935. — 25 декабря. — № 52.

Солоневич И. Л. В колхоза: Какво видях в съв. колхоз. Прев. от рус. Каназирев-Михайлов. Гласът на Русия, печ. Рахвира. 1937. 54 с.

Солоневич И. Л. Социалистические формы труда // //
Голос России. — 1936. — № 18; 20 октября.

Солоневич И. Л. По поводу стахановщины //
Современные записки. — 1936. — № 60. — С. 449.

Подробнее см.: «Современные записки» (Париж, 1920–1940): Из архива редакции. — Т. 4. — М.: Новое литературное обозрение, 2014. — 1192 с.

ГАРФ, ф. 5868, оп. 1, д. 32, л. 23. Цит. по: Соколов М. Иван Солоневич и «Крестьянская Россия» // Иван Солоневич — идеолог Народной Монархии: Материалы VIII Научно-практ. конференции: СПб. 18 апреля 2010 года. — СПб: Российский Имперский Союз-Орден: Ред. газ. «Монархистъ», 2011. — С. 30.

374

Там же.

Солоневич И. Л. Спорт в России // Знамя России. — 1936. — № 6. — С. 14-15.

Доклады Союза Русской Молодежи // Журнал
Содружества, Выборг. — 1936. — № 4. — С. 37.

377

Там же.

Форсблум Н. Е. Жизнь в эмиграции // Наша жизнь. — 1985. — № 4. Цит. по: Хямяляйнен Э. Объединял всех Пушкин // Русская мысль. — 2002. — 5декабря; № 4434.

Солоневич И. Л. Пути, ошибки и итоги // Солоневич И. Л. Белая империя. — М.: «Москва», 1997. — С. 291.

380

Еленевская И. Воспоминания. — Стокгольм. — 1968.
— 214 с.

Солоневич И. Л. Пути, ошибки и итоги // Солоневич И. Л. Белая империя. — М.: «Москва», 1997. — С. 290.

Ширяев Б. Памяти Ивана Солоневича // Воля, Мюнхен, № 5. — май 1953. — С. 31.

Солоневич И. Л. Пути, ошибки и итоги // Солоневич И. Л. Белая империя. — М.: «Москва», 1997. — С. 289.

Солоневич И. Л. Пути, ошибки и итоги // Солоневич И. Л. Белая империя. — М.: «Москва», 1997. — С. 291.

Солоневич И. Л. Сепаратизм в России // Вестник
Общества галлиполийцев. — 1936. — № 34; 24 апреля. —
С. 2-4.

Абызов Ю., Равдин Б., Флейшман Л. Русская печать в Риге: Из истории газеты «Сегодня» 1930-х годов. Кн. IV. Между Гитлером и Сталиным. — Стэнфорд, 1997. — С. 350-351.

387

Там же. — С. 351.

Солоневич И. О гениях, верблюдах и штабс-капитанах. // Голос России. — 1936. — 4 августа; № 7.

Закатов А. Н. Легитимизм и «Народная Монархия» И. Л. Солоневича // Иван Солоневич — идеолог Народной Монархии: Материалы IV Научно-практ. конференции: СПб. 9 апреля 2006 года. — СПб: Российский Имперский Союз-Орден: Ред. газ. «Монархистъ», 2007. — С. 27.

390

Там же. — С. 26.

Солоневич И. Л. Происхождение и цель «Голоса России» // Солоневич И. Л. Вся власть — русским мозгам!: Сб. статей. — СПб: Русиформ, 2003. — С. 3-4.

Солоневич И. Л. Диктатура слоя. — Буэнос-Айрес: Наша страна, 1956. — С. 170.

Солоневич И. Л. Торговцы пушечным мясом // *Голос России*. — 1937. — № 37; 9 марта.

Цит. по: Никандров Н. Иван Солоневич возвращается с чужбины // Латинская Америка. — 1997. — № 2. — С. 87—100.

Солоневич И. Л. Происхождение и цель «Голоса России» // Солоневич И. Л. Вся власть — русским мозгам!: Сб. статей. — СПб: Русиформ, 2003. — С. 7.

396

Там же. — С. 6.

397

Там же.

Тинин И. Г. Бытие, исход, второзаконие (история глазами очевидца). Династия Тининых и иже с ними. Воспоминания. — Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2001. — С. 238-239.

Цит. по: Никандров Н. Иван Солоневич возвращается с чужбины // Латинская Америка. — 1997. — № 2. — С. 87—100.

Солоневич И. Л. Пути, ошибки и итоги // Солоневич И. Л. Белая Империя. Статьи 1936-1940. — М.: Москва, 1997. — С. 292.

401

Дубровский В. К. Народно-Монархическое движение:
Вчера, сегодня, завтра // Наша Страна. — 1953. —
№ 174; 16 мая.

Солоневич И. Л. Пути, ошибки и итоги // Солоневич И. Л. Белая Империя. Статьи 1936-1940. — М.: Москва, 1997. — С. 292.

Солоневич И. Л. Открытое письмо П. Н. Милюкову //
Голос России. — 1936. — № 1; 18 июня.

И <ван> С <олоневич>. Нужна ли эмиграция России? // Голос России. — 1936. — № 1; 18 июня.

И. А. Ильин И. А. — В. Ф. Баумгартену В. Ф. 7 октября 1953 г. // Ильин И. А. Собрание соч.: Письма. Мемуары (1939-1954). — Кн. 2. — М.: Русская книга, 1999. — С. 238-239.

406

<Без подписи>. Почему новая орфография // Голос России. — 1936. — № 2; 25 июня.

Солоневич И. Л. Пути, ошибки и итоги // Солоневич И. Л. Белая Империя. Статьи 1936-1940. — М.: Москва, 1997. — С. 292-293.

<Без подписи> Почему в Софии? // Голос России. — 1936. — № 4; 9 июля.

Солоневич И. Наши мазепы: Совершенно аполитичное повествование // Голос России. — 1936. — № 4; 9 июля.

410

Трибуна читателей // // Голос России. — 1936. — № 4;
9 июля.

411

Там же.

412

<Без подписи> Вопль в пространство // Голос
России, № 16. — 6 октября 1936.

413

Солоневич И. Истерика и цена // Голос России, № 3.
— 2 июля 1936.

414

Там же.

415

Там же.

416

Солоневич И. Скорпионы в банке // Голос России. — 1936. — № 11; 1 сентября.

417

Там же.

418

Там же.

<Солоневич И. Л.> Нюрнбергские речи // Голос России. — 1936. — 22 сентября; № 14.

420

Там же.

421

Солоневич И. О балалайке и трехлинейке // *Голос России*. — 1937. — № 39; 23 марта.

Солоневич И. Что произошло с газетой // Голос России. — 1936. — № 19; 27 октября.

423

Солоневич И. О балалайке и трехлинейке // *Голос России*. — 1937. — № 39; 23 марта.

См. напр.: Das Grauen in Sowietrusland. Freiburger Zeitung. 1936. 20 Oct.; Las delicias del paraiso sovietico. ABC. Sevilla. 1936. 21 Oct.

425

<Без подписи>. Бр <атъя> Солоневичи в Югославии
// Голос России. — 1936. — № 20; 3 ноября.

Солоневич И. Л. Россия, революция и еврейство // Солоневич И. Л. Белая Империя. — М.: «Москва», 1997. — С. 184.

427

Там же. — С. 185.

428

Там же. — С. 189.

429

Там же. — С. 200.

430

Там же. — С. 210.

431

Там же. — С. 211.

432

Там же. — С. 214.

433

<Без подписи>. Двадцать пять // Голос России. — 1936. — № 25; 8 декабря.

434

<Без подписи>. Нашим представителям // Голос России. — 1936. — № 25; 8 декабря.

435

<Солоневич И.>. Нечто юбилейное // Голос России. — 1936. — № 25; 8 декабря.

436

Там же.

Прянишников Б. В. Незримая паутина. — М.: Яуза, Эксмо, 2004. — С. 498.

<Орехов В. В> «Голос России». Изд. И. Л. Солоневич.
Еженедельная газета. София // Часовой. — 1936. —
№ 171. — С. 22.

439

В. В. Орехов — А. А. фон Лампе, 8 июля 1936 г. // ГАРФ, ф. 5853, оп. 1, ед. хр. 60, л. 87.

440

А. А. фон Лампе — В. В. Орехову, 14 июля 1936 г. // ГАРФ, ф. 5853, оп. 1, ед. хр. 60, л. 88.

441

Ф. Ф. Абрамов — А. А. фон Лампе, 4 сентября 1936 г.
// ГАРФ, ф. 5853, оп. 1, ед. хр. 61, л. 222.

442

А. А. фон Лампе — Ф. Ф. Абрамову, 7 сентября
1936 г. // ГАРФ, ф. 5853, оп. 1, ед. хр. 61, л. 224.

Солоневич И. Л. Пути, ошибки и итоги // Солоневич И. Л. Белая Империя. Статьи 1936-1940. — М.: Москва, 1997. — С. 292.

444

Архив Российского Императорского Дома (далее — АРИД), ф. 8, оп. 1, д. 121; Письмо Канцелярии Е. И. В. № 854, 11 июля 1936 г. генералу А. С. Олехновичу.

445

АРИД, ф. 8, оп. 1, д. 121; Письмо Канцелярии Е. И. В. № 769, 9 августа 1936 г. Представителю ЕВ в Царстве Болгарском генералу М. К. Войцеховскому.

446

АРИД, ф. 8, оп. 1, д. 121; Письмо Канцелярии Е. И. В.
№ 854, 1 сентября 1936 г. генералу А. С. Олехновичу.

447

Попандопуло С. Запах клеветы и подлости // Бодрость!. — 1936. — 19 июля; № 90.

448

Попандопуло С. Повторение пройденного // Бодрость!. — 1936. — 6 и 13 сентября; №№ 97, 98.

449

<Солоневич И.> С открытым забралом // Голос России. — 1937. — 5 января; № 29.

Чернавин Б. В союзе с Троцким: правда о бр. Солоневичах. — Прага: Изд-во отдела пропаганды Младоросской партии в Ч. С. Р., 1937. — 15 с.

Льдов А. «Современные записки», кн. 60 // Наш Союз. — 1936. — № 5-6 (77-78); май — июнь. — С. 19-21.

Чернавин В. В. Горестные мысли // Новая Россия. — 1936. — № 11; Керенский А. Ф. «Голос России» и голоса из России // Там же.

453

Солоневич И. Мои ответы // Голос России. — 1936. — 18 августа; № 9.

Солоневич И. Еще: о реакции, кровожадности и о прочих вещах в этом роде, а также просто о честности // Голос России. — 1936. — 29 сентября; № 15.

455

Голос России. — 1936. — № 19; 27 октября.

456

Солоневич И. Мой ответ // Голос России. — 1936. — № 19; 27 октября.

457

Голос России. — 1936. — № 16; 6 октября.

458

Там же.

459

Солоневич И. Мой ответ: Об эмиграции и о России //
Голос России. — 1936. — № 16; 6 октября.

460

Солоневич И. Разгром церкви // Голос России. — 1936. — № 14; 22 сентября.

Протопресвитер Г. Шавельский. «Не судите, да не судимы будете» // Голос России. — 1936. — № 14; 22 сентября.

Цит. по: Солоневич И. Подвиг самоотвержения // Голос России. — 1936. — № 20; 3 ноября.

Солоневич И. Л. О монархии и монархистах // Солоневич И. Л. Вся власть — русским мозгам!: Сб. статей. — СПб: Русиформ, 2003. — С. 18-19.

Никандров Н. Иван Солоневич: Народный монархист. — М.: Алгоритм, 2007. — С. 186.

465

Там же. — С. 667.

466

Цит. по: Прянишников Б. В. Незримая паутина. — М.: Яуза, Эксмо, 2004. — С. 498.

467

<Солоневич И.> С открытым забралом // Голос России. — 1937. — 5 января; № 29.

468

Там же.

469

Там же.

Шульгин В. Открытое письмо // Голос России. — 1937. — № 30; 19 января.

471

Солоневич И. К письму В. В. Шульгина // *Голос России*. — 1937. — № 30; 19 января.

472

Голос России. — 1937. — № 31; 26 января.

Солоневич И. «Вторая Советская»... // Голос России. — 1937. — № 31; 26 января.

474

Там же.

475

Чернавин Б. В союзе с Троцким: правда о бр. Солоневичах. — Прага: Изд-во отдела пропаганды Младоросской партии в Ч. С. Р., 1937. — С. 3.

476

Там же. — С. 4.

477

Там же. — С. 10.

478

Там же.

479

Там же. — С. 11.

480

Там же.

481

Бодрость! — 1937. — 7 февраля; № 119.
Младоросское Слово. — № 135.

482

Солоневич И. Очень тяжелый вопрос // Голос России. — 1937. — 11 мая; № 46.

483

Там же.

Никандров Н. Иван Солоневич: Народный монархист. — М.: Алгоритм, 2007. — С. 321.

Казем-Бек А. Л. Размышления о судьбах людей, покинувших Родину: 3. В горниле второй мировой войны // За возвращение на Родину. — 1959. — апрель; № 27.

486

Солоневич И. Очень тяжелый вопрос // Голос России. — 1937. — 11 мая; № 46.

Закатов А. Н. Легитимизм и «Народная Монархия» И. Л. Солоневича // Иван Солоневич — идеолог Народной Монархии: Материалы IV Научно-практ. конференции: СПб. 9 апреля 2006 года. — СПб: Российский Имперский Союз-Орден: Ред. газ. «Монархистъ», 2007. — С. 35.

488

АРИД, ф. 8, оп. 1, д. 122; Письмо Канцелярии Е. И. В.
№ 492, 22 мая 1937 генералу А. С. Олехновичу.

489

АРИД, ф. 8, оп. 1, д. 122; Письмо Канцелярии Е. И. В.
№ 487, 23 мая 1937. Императору Кириллу
Владимировичу.

490

Голос России. — 1937. — № 49.

491

<Солоневич И.> О Царе и о Советах // Голос России,
№ 49. — 1 июня 1937.

492

Там же.

493

Заявление представителя Династии //
Возрождение. — 1937. — 4 июня. — № 4081.

494

АРИД, ф. 7, оп. 1, д. 43, л. 58-58 об.

495

Бодрость! — 1937. — 13 июня.

496

АРИД, ф. 7, оп. 1, д. 43, л. 59.

497

АРИД, ф. 7, оп. 1, д. 43, л. 73.

498

АРИД, ф. 8, оп. 1, д. 122; Письмо Канцелярии Е. И. В. № 780, 18 июля 1937 Представителю ЕВ в Персии А. И. Выгорницкому на письмо от 1 июля.

499

Солоневич Б. О белой политграмоте // Голос России. — 1937. — № 46; 11 мая.

Группа штабс-капитанов. О белой политграмоте // Вестник галлиполийцев. — 1937. — № 47; 20 мая. — С. 8—10.

Солоневич Б. Детали нашего прицела // Вестник
Общества галлиполийцев. — 1936. — № 38; 24
августа. — С. 1-2.

Группа штабс-капитанов. О белой политграмоте // Вестник галлиполийцев. — 1937. — № 47; 20 мая. — С. 8—10.

503

Там же.

Солоневич И. Две ненужные статьи // Голос России. — 1937. — 1 июня; № 49.

505

Там же.

506

Там же.

507

Из письма М. М. Зинкевича А. А. фон Лампе от 15 июня 1937 г. // ГАРФ. Ф. 5853. Оп. 1. Ед. хр. 62. Л. 27.

508

Из письма А. А. фон Лампе М. М. Зинкевичу от 19 июня 1937 г. // ГАРФ. Ф. 5853. Оп. 1. Ед. хр. 62. Л. 24.

Солоневич И. По поводу «Двух ненужных статей» //
Голос России. — 1937. — 22 июня; № 52.

Зинкевич М. Неотложная задача // Вестник галлиполийцев. — 1937. — № 48; 22 июня. — С. 5

511

Из письма М. М. Зинкевича А. А. фон Лампе от 28 июня 1937 г. // ГАРФ. Ф. 5853. Оп. 1. Ед. хр. 62. Л. 25-26.

512

ГАРФ. Ф. 5853. Оп. 1. Ед. хр. 62. Л. 33.

513

Солоневич И. Алик и Кукока // Голос России. — 1937.
— 25 мая; № 48.

Келин Н. А. Казачья исповедь // Казачья исповедь / Н. А. Келин. Жертвы Ялты / Н. Д. Толстой. — М.: Воениздат, 1996. — С. 101-102.

515

Там же. — С. 103.

516

Там же. — С. 103-104.

517

Цит. по: Н. И. Л. И Б. Л. Солоневичи в Париже // Голос России. — 1937. — 10 августа; № 59.

518

Там же.

519

Там же.

520

Там же.

Чему свидетели мы были... Переписка бывших царских дипломатов: 1934-1940. — Кн. 1. — М: ГЕЯ, 1998. — С. 481.

522

АРИД, ф. 7, оп. 1, д. 43, л. 75.

523

АРИД, ф. 7, оп. 1, д. 43, л. 76.

524

АРИД, ф. 7, оп. 1, д. 43, л. 77.

Граф Г. К. На службе Императорскому Дому России. 1917-1941: Воспоминания. — СПб: Русско-Балтийский информ. центр «БЛИЦ», 2004. — С. 307.

526

АРИД, ф. 8, оп. 1, д. 122; Письмо Канцелярии Е. И. В. № 837, 10 августа 1937 генералу В. В. Бискупскому на письмо от 27.07.37.

527

Там же.

Прянишников Б. В. Незримая паутина. — М.: Яуза, Эксмо, 2004. — С. 499-500.

И. Л. и Б. Л. Солоневичи в Брюсселе // Часовой. — 1937. — № 195. — С. 16.

Солоневич И. Л. Пути, ошибки и итоги // Солоневич И. Л. Белая Империя. Статьи 1936-1940. — М.: Москва, 1997. — С. 290.

531

Там же. — С. 294-296.

Солоневич И. Л. Пути, ошибки и итоги // Солоневич И. Л. Белая Империя. Статьи 1936-1940. — М.: Москва, 1997. — С. 296.

Солоневич Б. Л. Молодежь и ГПУ: Жизнь и борьба советской молодежи. — София: Голос России, 1937. — 464 с.

Т <атьяна> Ч <ернавина>. Б. Солоневич. Молодежь и ГПУ. Изд. «Голос России». София, 1937 // Современные Записки. — 1937. — № 65. — С. 461.

535

Моето бягство от Рая. <1937>; Лекарът разказва.
1937; Тайната на Соловецкия манастир. 1937.

536

Солоневич Т. В. Записки советской переводчицы. —
София: Голос России, 1937. — 219 с.

537

Солоневич И. Л. Памир: советские зарисовки. —
София: Голос России, 1937. — 244 с.

— ский. «Памир». Советские зарисовки. Ив. Солоневич <рецензия> // Часовой. — 1937. — № 201. — С. 18.

539

<Солоневич И.> Мы остаемся на своем посту //
Голос России. — 1938. — 15 февраля; № 86.

540

Immer wider GPU! // Freiburger Zeitung. 1938. 4
Februar.

541

Bolsevický atentán v Sofii // Narodní Listy. 1938. 5 unora.

542

Софиска полиција ухапсила је више лица из редова руске емиграције // Политика. 1938. 5 фебруар.

543

Политика. 1938. 6 февруар.

544

Там же.

545

Zahlreiche Berhastungen wegen des Unschlages auf Solonewitsch // Freiburger Zeitung. 1938. 7 Februar.

546

Bomaanslag te Sofia nog niet opgehelderd // Het
Vaderland. 1938. 9 Februari.

547

Хапшење првог атентатора у «Голосу Росији» у Софији? // Политика. 1938. 11 фебруар.

548

<Солоневич И.> Убийцы // Голос России. — 1938. — 8 февраля; № 85.

549

Солоневич Ю. О моем друге Николае Михайлове //
Голос России. — 1938. — 8 февраля; № 85.

550

<Солоневич И.> Мы остаемся на своем посту //
Голос России. — 1938. — 15 февраля; № 86.

551

Там же.

Солодков Н. Вам нужны факты? // Часовой. — 1938.
— № 207. — С. 23.

Краткий отчет о деятельности Российского
Общественного Комитета в Польше в феврале 1938 г. //
Часовой. — 1938. — № 211. — С. 30.

Elke Fröhlich (Hrsg.): Die Tagebücher von Joseph Goebbels. Teil I, Aufzeichnungen 1923-1941. K. G. Saur, München, 1997-2005. Bd. 5. S. 135.

Троцкий Л. Д. Архив в 9 томах: Том 9. Цит. по:
http://www.lib.ru/TROCKIJ/Arhiv_Trotskogo__t9.txt_with-big-pictures.html#21

556

Раскольникова М. В. Тень быстротечной жизни. — М.: Советский писатель, 1991. — С. 134-135.

Данные Красноярского общества «Мемориала». См.:
[http://www.memorial.krsk.ru/DOKUMENT/People/Solonevich.
htm](http://www.memorial.krsk.ru/DOKUMENT/People/Solonevich.htm)

За нами придут корабли: Список реабилитированных лиц, смертные приговоры в отношении которых приведены в исполнение на территории Магаданской области. — Магадан: Магаданское кн. изд-во, 1999. — 215 с. Цит. по: <http://www.memo.ru/memory/magadan/index.htm>

Подробнее см.: Хазанов-Пашковский С. А. Семья Бориса Солоневича в свете российских архивных документов.

Интернет-публикация:

<http://imperslovo.ru/publikacii/rossiiskoe-monarhicheskoe-dvizhenie/semya-borisa-solonevicha-v-svete-rossiiskih-arhivnyh-dokumentov>

Сотрудники Российской национальной библиотеки — деятели науки и культуры. — Т. 3. — СПб, 2003. — С. 327.

561

Солоневич И. Л. Памяти убиенных // Голос России. — 1938. — 8 марта; № 89.

562

PA AA, R104377, Bd. 2: 16.2.1938 — Oktober 1938, S.
244794.

563

Там же. S. 244830.

Солоневич И. Л. Диктатура слоя. — Буэнос-Айрес: Наша страна, 1956. — С. 43.

565

<Солоневич И.> Годовой баланс // Голос России. — 1938. — 4 января; № 80.

566

Солоневич И. О гениях, верблюдах и штабс-капитанах. // Голос России. — 1936. — 4 августа; № 7.

Михайлов Д. М. Из воспоминаний // Михайлов день 1-й: Журнал исторической России. — 2005. — С. 313-319.

568

Там же. — С. 155-161.

569

<Солоневич И.> О простой и ясной задаче // Голос России. — 1937. — 6 апреля; № 41.

570

Там же.

571

<Солоневич И.> Весенний значек // Голос России. — 1938. — 5 апреля; № 93.

Солоневич И. Л. Пути, ошибки и итоги // Солоневич И. Л. Белая Империя. Статьи 1936-1940. — М.: Москва, 1997. — С. 305-306.

Чистяков К. А. Движение «штабс-капитанов» // Иван Солоневич — идеолог Народной Монархии: Материалы I Научно-практ. конференции: СПб. 20 апреля 2003 года. — СПб: Российский Имперский Союз-Орден: Ред. газ. «Монархистъ», 2004. — С. 39.

574

Там же. — С. 40.

575

Там же. — С. 41.

576

Там же. — С. 41-42.

577

Там же. — С. 42.

578

Там же.

579

См.: Голос России. — 1936. — № 7; 4 августа.

580

См.: Голос России. — 1936. — № 27; 22 декабря.

Бойков В. И. Л. Солоневич и Эстония // Труды
Русского исследовательского центра в Эстонии. —
Таллин, 2001.

582

Бельский Б. Русский Обще-Воинский Союз и И. Л. Солоневич. — Таллин, 1938. — 15 с.

Бойков В. И. Л. Солоневич и Эстония // Труды
Русского исследовательского центра в Эстонии. —
Таллин, 2001.

584

<Солоневич И.> Социалисты — о самих себе. //
Голос России. — 1937. — 23 февраля; № 35.

585

Дубровский В. Народно-Монархическое Движение:
Вчера — сегодня — завтра // Наша страна. — 1953. — 16
мая; № 174.

586

Солоневич И. К изданию «Народной Монархии» //
Наша страна. — 1951. — 14 июля; № 78.

587

<Солоневич И.> «Положение дел» // Голос России. — 1938. — 29 марта; № 92.

Чистяков К. А. Движение «штабс-капитанов» // Иван Солоневич — идеолог Народной Монархии: Материалы I Научно-практ. конференции: СПб. 20 апреля 2003 года. — СПб: Российский Имперский Союз-Орден: Ред. газ. «Монархистъ», 2004. — С. 45.

589

Ivan Soloněvič. Rusko za mřížemi / přel. L. Ptáček.
Praha: I. L. Soloněvič v komisi redakce Praporu Ruska 1936.
333 s. 1. vyd.

590

Солоневич И. Л. Россия в концлагере. — София: Изд-во Национально-трудового союза нового поколения, 1936. — 2 вып., илл., портр., 291 с. и 323 с., 21 см.

Что сделали коммунисты с Россией: Выдержки из статей и очерков И. Л. Солоневича // Вестник Общества галлиполийцев. — 1936. — № 33; 22 марта. — С. 4.

592

Очерки Солоневича // Часовой. — 1936. — № 165-166; апрель. — С. 22.

593

Милюков П. Н. Наш новый сотрудник // Последние
Новости. — 1936. — 19 апреля.

594

«Россия в концлагере»: <Анонс> // За новую
Россию. — 1936. — Май; № 48.

Поремский В. «Россия в концлагере» // Часовой. — 1936. — № 177 (1 ноября). — С. 25-27.

596

От издательства // Солоневич И. Л. Россия в концлагере. — София: Изд-во НТСНП, 1936 — 2-е издание. — Т. 2. — С. 322-323.

Полчанинов Р. В. М. Байдалаков в Сараеве (забытая страница биографии) // За Свободную Россию. — 2002. — № 9 (29).

Солоневич И. Вместо предисловия и послесловия: (К выходу в свет «России в концлагере») // Голос России. — 1936. — № 11; 1 сентября.

599

Solonewitsch I. Die Verlorenen. Eine chronik namenlosen leidens. Essen. Essener Verlagsanstalt, 1937.

600

Solonewitsj, I. L. Het» proletarische» paradijs Rusland één concentratiekamp. Geautoriseerde vertaling uit het Russisch door E. de Firsoff. Den Haag. W.P.Van Stockum & Zn., 1937. 291 s.

601

Solonjević, Ivan. Rusija u konclogoru / prev. Đuro Paša.
Zagreb: nakl. cjelina: Knjižnica dobrih romana: Jeronimska
knjiga, 1937. 300 str.

602

Solonjević, Ivan. Bijeg iz komunističkog raja / prev. Đuro Paša. Zagreb: nakl. cjelina: Knjižnica dobrih romana: Jeronimska knjiga, 1938. 335 str.

Elke Fröhlich (Hrsg.): Die Tagebücher von Joseph Goebbels. Teil I, Aufzeichnungen 1923-1941. K. G. Saur, München, 1997-2005. Bd. 4. S. 206.

Цит. по: О книге Ивана Лукьяновича // Голос России. — 1937. — № 58; № 3 августа.

605

Там же.

606

Там же.

607

Там же.

608

Там же.

609

Там же.

610

Там же.

611

Там же.

612

Там же.

Elke Fröhlich (Hrsg.): Die Tagebücher von Joseph Goebbels. Teil I, Aufzeichnungen 1923-1941. K. G. Saur, München, 1997-2005. Bd. 4. S. 358.

614

PA AA, R104377, Bd. 2: 16.2.1938 — Oktober 1938, S.
244830.

Солоневич И. Л. Пути, ошибки и итоги // Белая Империя. — М: Москва, 1997. — С. 285.

616

Покушение на Ивана Солоневича // Русский голос,
Львов. — 1938. — 13 февраля; № 6 (840)

617

Russia in chains; a record of unspeakable suffering, by Ivan Solonevich; translated by Warren Harrow. London, Williams and Northgate Ltd. 1938. 314 p.

618

Escape from Russian chains, by Ivan Solonevich;
translated by Warren Harrow. London, Williams and
Northgate Ltd. 1938. 350 p.

Solonievitch I. Barbelés rouges. Trois Russes s'évadent des bagnes soviétiques, Adapté du russe par Pierre Brégy et P.-A. Cousteau. Paris. Les Éditions de France, 1938. 269 p.

620

Солоневич Б. «Один день Ивана Денисовича» // Родина. — 1963. — № 119; март. — С. 9.

621

Soloniewicz I. Rosja w obozie koncentracyjnych.
Nakładem Sekretariatu Porozumiewawczego Polskich
Organizacji Społecznych we Lwowie. 1938. 296 i 246 s.

622

Там же.

623

Sołniewicz I. Dzieci za drutem kolczastym. Dziewczynka z lodem. Poznań. Biblioteka domowa «Przewodnika katolickiego». 1938. 31 s.

624

The Soviet paradise lost, by Ivan Solonevich, translated by Warren Harrow. New York, The Paisley press, inc.; 314 p.

Цит. по: Солоневич И. Л. Восемь лет // Наша Страна. — 1948. — № 1. Цит. по: Солоневич И. Л. Коммунизм, национал-социализм и европейская демократия. — М.: Москва, 2003. — С. 17.

Солоневич И. Л. Пути, ошибки и итоги // Белая Империя. — М: Москва, 1997. — С. 309.

627

Fra i deportati dell' U. R. S. S. / Ivan Solonevic. Milano, Fratelli, Bocca, 1939. 337 p. La fuga dal paradiso sovietico / Ivan Solonevic; traduzione dal russo di Natalia Bavastro. Milano, Bocca, 1939. 254 p.

628

Solonewitsch, I. Et folk i lænker: 1-2 / [Oversat af Paul Fenneberg] Kbh, 1939. 307 s. Flugten. H. Hagerup, Kbh, 1940. 326 s.

Hlekkjuð þjóð / Iwan Solonewitsch. [Russia in chains. Á íslensku] Reykjavík: [s.n.], 1942. 348 s. Flóttinn / Iwan Solonewitsch. Reykjavík: Jóhannes Birkiland, 1945. 361 s.;

Из речи И. Л. Солоневича на собрании организационных участников РНФ в Берлине 18 мая 1938 г. // *Голос России*. — 1938. — № 101; 31 мая.

Солоневич И. Л. Пути, ошибки и итоги // Солоневич И. Л. Белая империя. — М.: «Москва», 1997. — С. 301.

РОВОС и «Голос России» // Армия и Флот. — 1938. — № 4; май-июнь. — С. 27-28.

Бойков В. И. Л. Солоневич и Эстония // Труды
Русского исследовательского центра в Эстонии. —
Таллин, 2001.

Бельский Б. <Энгельгардт Б. В.> Русский Обще-
Воинский Союз и И. Л. Солоневич. — Таллин: Русская
книга, 1938. — С.

635

Там же. — С. 13-14.

Солоневич И. Л. К суду офицерской чести, к суду русской совести и русского ума. — <София: Голос России, 1938>. — С. 1.

637

Там же. — С. 9.

638

Там же. — С. 9—10.

639

Там же. — С. 13-14.

Солоневич И. Л. Четыре года. — <София: Голос России>, 1938. — С. 12-13.

641

Там же. — С. 14-15.

ГАРФ, ф. 5853, оп. 1, д. 65, лл. 188-189. Цит. по: Политическая история русской эмиграции. 1920-1940 гг.: Документы и материалы: Учеб. пособие / Под ред. А. Ф. Киселева. — М.: Гуманит. изд. центр ВЛДОС, 1999. — С. 428-429.

643

Там же. — С. 430.

ГАРФ, ф. 5853, оп. 1, ед. хр. 65, л.44-47. Цит. по: Чистяков К. А. Иван Солоневич и его роль в предвоенном Русском Берлине // Иван Солоневич — идеолог Народной Монархии: Материалы VII Научно-практ. конференции: СПб. 26 апреля 2009 года. — СПб: Российский Имперский Союз-Орден: Ред. газ. «Монархистъ», 2010. С. 43-46.

645

<Солоневич И.> О приказе номер восемьдесят два и о некоторых других вещах // Голос России. — 1938. — № 107; 12 июля.

646

И. С <олоневич>. И еще о сплетне // Голос России. — 1938. — № 104; 21 июня

647

Там же.

648

АРИД, ф. 8, оп. 1, д. 123; Письмо Г. М. Кнютффера от 22 июня 1938.

649

АРИД, ф. 8, оп. 1, д. 123; Письмо Канцелярии Е. И. В.
№ 527, 20 мая 1938.

650

<Солоневич И.> Единый фронт // Голос России. — 1938. — № 109; 26 июля.

651

<Солоневич И.> Нашим кружкам // Наша газета. — 1938. — № 9; 14 декабря.

652

<Солоневич И.> Работа штабс-капитанов (схема) //
Наша газета. — 1939. — № 15; 25 января.

653

<Солоневич И.> Служилый слой // Наша газета. — 1938. — № 4; 9 ноября.

ГАРФ, ф. 6343, оп. 1, д. 379, лл. 34-35. Цит. по: Политическая история русской эмиграции. 1920-1940 гг.: Документы и материалы: Учеб. пособие / Под ред. А. Ф. Киселева. — М.: Гуманит. изд. центр ВЛДОС, 1999. — С. 672-673.

Солоневич И. Л. Царь и народ // Солоневич И. Л. Вся власть — русским мозгам!: Сб. статей. — СПб: Русиформ, 2003. — С. 57-58.

656

АРИД, ф. 8, оп. 1, д. 210.

Граф Г. К. На службе Императорскому Дому России. 1917–1941: Воспоминания. — СПб: Русско-Балтийский информ. центр «БЛИЦ», 2004. — С. 373.

658

Там же. — С. 374.

Солоневич И. Л. Монархия и штабс-капитаны // Солоневич И. Л. Вся власть — русским мозгам!: Сб. статей. — СПб: Русиформ, 2003. — С. 67.

660

Там же. — С. 67-68.

661

Там же. — С. 77-79.

662

Там же. — С. 82-83.

663

Наша Газета. — 1938. — № 3; 2 ноября.

Солоневич И. Л. Белая Империя. — М.: «Москва», 1996. — С. 26-27.

Смолин М. Б. «Я, конечно, русский империалист...» // Солоневич И. Л. Белая Империя. — М.: «Москва», 1996. — С. 13.

666

Политические тезисы Российского народно-имперского (штабс-капитанского) движения. — София: Изд. Всеволод Левашов, 1940. — 67 с.

667

Политические тезисы Российского народно-имперского (штабс-капитанского) движения. — Циндао, 1941. — 83 с.

Позов А. С. Метафизика Пушкина. — М.: Наследие, 1998. — 315 с. Позов А. С. Основы древнецерковной антропологии <в 2 т.>. — СПб: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2008. — 570 и 547 с.

Цит. по: Солоневич И. Л. Белая Империя. — М.: «Москва», 1996. — С. 128.

670

Там же. — С. 143.

671

Там же. — С. 170.

Закатов А. Н. Легитимизм и «Народная Монархия» И. Л. Солоневича // Иван Солоневич — идеолог Народной Монархии: Материалы IV Научно-практ. конференции: СПб. 9 апреля 2006 года. — СПб: Российский Имперский Союз-Орден: Ред. газ. «Монархистъ», 2007. — С. 48-52.

673

Там же. — С. 52.

Бойков В. И. Л. Солоневич и Эстония // Труды
Русского исследовательского центра в Эстонии. —
Таллин, 2001.

675

Там же.

Солоневич И. Л. Пути, ошибки и итоги // Солоневич И. Л. Белая Империя. Статьи 1936-1940. — М.: Москва, 1997. — С. 306-308.

677

Солоневич И. Монархическая агитация // Наша Страна. — 1951. — № 75; 23 июня.

Солоневич Б. Л. Не могу молчать!: «Наша Газета», эмиграция, Р.О.В.С. и И. Л. Солоневич. — Париж, 1939. — С. 3.

Цуриков Н. А. Господин Солоневич и его «работа» в эмиграции. — Париж, 1939. — С. 37-38.

Цит. по: Мосты: Сб. статей к 50-летию русской революции. — Мюнхен: Т-во зарубежных писателей, 1967. — С. 216.

681

Там же. — С. 211.

Ильин И. А. Собрание сочинений: Письма. Мемуары (1939-1954). — Кн. 2. — М.: Русская книга, 1999. — С. 238.

Цит. по: Цуриков Н. А. Прошлое. — М.: Новое литературное обозрение, 2006. — С. 339.

684

Вагнер Я. В. Солоневича судят! — Прага. — С. 6.

685

Там же. — С. 7.

Солоневич И. Два занавеса // Наша Страна. — 1949. — № 33; 10 декабря. Цит. по: Смолин М. Б. Монархизм как любовь. Штрихи к портрету Ивана Солоневича // Солоневич И. Л. Наша страна. XX век. — М.: «Москва», 2001. — С. 10.

Сойни Е. Г. Солоневичи и Север. Финляндская проблематика в литературном наследии Солоневичей и важнейшие черты публицистики Финляндии 1930-х годов. — Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2010. — С. 52.

688

Там же. — С. 66-69.

689

Там же. — С. 70.

690

Солоневич. И. Л. Письмо к друзьям // Наша Страна. — 1971. — № 1091; 26 января.

691

Галлиполиец Г. К. Итоги полемики // Наша Газета. — 1939. — № 62; 28 декабря.

Дубровский В. Народно-монархическое движение:
Вчера — сегодня — завтра // Наша страна. — 1953. —
№ 174; 16 мая.

Dallin A., Watts L. L. (introduction). Odessa, 1941-1944: A Case Study of Soviet Territory Under Foreign Rule. — Iasi-Oxford-Portland: Center for Romanian Studies, 1998. — 296 p. Chapter IV.

Ширяев Б. Н. Памяти Ивана Солоневича // Воля (Ежемесячник Союза бывших политзаключенных из СССР, Мюнхен). — 1953. — № 5. — С. 29-31.

695

В 2-х частях: Потерянные и Бегство из советского ада. — <Рига, 1943>.

Солоневич И. Л. Так что же было в Германии?.. // Солоневич И. Л. Коммунизм, национал-социализм и европейская демократия. — М.: Москва, 2003. — С. 59.

Бернев С. К. Печать на оккупированной территории Северо-Запада России (1941-1944) // Книга. Культура. Общество: Сб. науч. тр. по материалам 12-х Смирдинских чтений. — Т. 154. — СПб, 2002. — С. 201.

Солоневич И. Л. Белая Империя. — Шанхай: Дальневосточная группа Российского народно-имперского (штабс-капитанского) движения, 1941. — 205 с.

Солоневич И. Л. Сборник статей. — Шанхай: Изд-во
Российского народно-имперского (Штабс-капитанского)
движения, 1942. — 199 с.

Солоневич И. Л. Две силы: Борьба за атомное владычество над миром: Роман из советской жизни. — М.: Москва, 2002. — 646 с. — (Наследие Русского зарубежья.).

Солоневич И. Л. Акция генерала Власова // Солоневич И. Л. Коммунизм, национал-социализм и европейская демократия. — М.: Москва, 2003. — С. 34.

Солоневич И. Л. К новой эмиграции // Солоневич И. Л. Коммунизм, национал-социализм и европейская демократия. — М.: Москва, 2003. — С. 206.

Солоневич И. Л. Диктатура слоя. — Буэнос-Айрес: Наша страна, 1956. — С. 172-174.

Elke Fröhlich (Hrsg.): Die Tagebücher von Joseph Goebbels. Teil I, Aufzeichnungen 1923-1941. K. G. Saur, München, 1997-2005. Bd. 9. S. 357.

705

Там же. — S. 359.

Солоневич И. Л. Контуры будущего // Солоневич И. Л. Коммунизм, национал-социализм и европейская демократия. — М.: Москва, 2003. — С. 278.

Elke Fröhlich (Hrsg.): Die Tagebücher von Joseph Goebbels. Teil I, Aufzeichnungen 1923-1941. K. G. Saur, München, 1997-2005. Bd. 5. S. 281.

Солоневич И. Л. Контуры будущего // Солоневич И. Л. Коммунизм, национал-социализм и европейская демократия. — М.: Москва, 2003. — С. 300.

709

У истоков движения // Наша Газета. — 1939. — № 38;
10 июля.

Цит. по: Бурім Д. Створення української установи довіри в Німецькій Імперії: Політика урядових кіл Німеччини та українська політична еміграція (1938-1945) // Український археографічний щорічник. Нова серія. Випуск 15. — Київ, 2010. — С. 606-609.

711

Солоневич Ю. Цена жизни // Наша Страна. — 1953. — № 176; 30 мая.

712

Максимов А. Так было... //

<http://www.proza.ru/2008/08/31/28>

Солоневич И. Л. Большевицкие ступеньки // Солоневич И. Л. Загадка и разгадка России. — М.: ФондИВ, 2008. — С. 39-40.

Байдалаков В. М. Да возвеличится Россия. Да гибнут наши имена: Воспоминания председателя НТС 1930-1960 гг. — М., 2002. — С. 28.

715

Солоневич Б. Что (мы будем) делать? // Родина. — 1961. — № 98; февраль. — С. 2.

Солоневич И. Л. Так что же было в Германии?.. // Солоневич И. Л. Коммунизм, национал-социализм и европейская демократия. — М.: «Москва», 2003. — С. 63-64.

Солоневич И. Л. Что есть масса? // Солоневич И. Л. Загадка и разгадка России. — М.: ФондИВ, 2008. — С.210-211.

Солоневич И. Л. Диктатура слоя. — Буэнос-Айрес: Наша страна, 1956. — С. 150-151.

719

Там же. — С. 22.

Солоневич И. Л. Народная Монархия. — М.: Феникс, 1991. — С. 296.

Солоневич И. Л. Акция генерала Власова // Солоневич И. Л. Коммунизм, национал-социализм и европейская демократия. — М.: Москва, 2003. — С. 34.

722

Там же. — С. 26.

Солоневич И. Л. Так что же было в Германии?.. // Солоневич И. Л. Коммунизм, национал-социализм и европейская демократия. — М.: Москва, 2003. — С. 89.

724

Там же. — С. 92.

725

Там же. — С. 76-77.

Солоневич И. Л. Что есть масса? // Солоневич И. Л. Загадка и разгадка России. — М.: ФондИВ, 2008. — С. 211.

Солоневич И. Л. Так что же было в Германии?.. // Солоневич И. Л. Коммунизм, национал-социализм и европейская демократия. — М.: Москва, 2003. — С. 93-95.

728

Там же. — С. 60-61.

Солоневич И. К новой эмиграции // Солоневич И. Л. Коммунизм, национал-социализм и европейская демократия. — М.: «Москва», 2003. — С. 206.

Солоневич И. Л. Так что же было в Германии?.. // Солоневич И. Л. Коммунизм, национал-социализм и европейская демократия. — М.: «Москва», 2003. — С. 58.

Солоневич И. Л. Диктатура импотентов. — Новосибирск: Благовест, 1994. — С. 198-199.

732

Там же. — С. 25-26.

Солоневич И. Л. Письмо // Солоневич И. Л. Загадка и разгадка России. — М.: ФондИВ, 2008. — С. 485–486.

Казанцев Н. Л. Светлой памяти Тани Киреевой //
Наша Страна. — 2007. — № 2833; 22 декабря.

Казанцев Н. Л. Штрихи 60-летней истории «Нашей Страны» // Наша Страна. — 2008. — № 2851; 13 сентября.

736

Дубровский В. Народно-монархическое движение:
Вчера — сегодня — завтра // Наша страна. — 1953. —
№ 174; 16 мая.

Солоневич И. Л. Идеи — люди — организация // Солоневич И. Л. Коммунизм, национал-социализм и европейская демократия. — М.: «Москва», 2003. — С. 114-115.

738

Там же. — С. 115.

739

На фронте // Наша Страна. — 1985. — № 1834; 21 сентября.

Солоневич И. Биография Степки // Наша Страна. — 1951. — № 94; 3 ноября.

Солоневич И. Л. Восемь лет // Солоневич И. Л. Коммунизм, национал-социализм и европейская демократия. — М.: «Москва», 2003. — С. 17.

742

Там же. — С. 22.

743

Часовой. — 1948. — № 280; декабрь. — С. 29.

60 лет истории «Нашей Страны» // Наша Страна. — 2008. — № 2835; 12 января.

745

С. Карин. Политическое зарубежье // Возрождение. — 1949. — № 5. — сентябрь-октябрь. — С. 161.

746

<Солоневич И. Л.>. Проект общемонархической программы // Наша Страна. — 1949. — № 22; 9 июля.

747

Там же.

748

Там же.

Солоневич И. Л. Самодержавие, конституция и марксизм // Солоневич И. Л. Наша страна. XX век. — М.: «Москва», 2001. — С. 179-181.

750

Там же. — С. 181.

751

Russia's Soldiers May Fight Better Next Time, View //
Milwaukee Journal. 1949. 14 Apr.

Протоиерей Лев Лебедев. Российский Имперский Союз-Орден: Краткая история // Имперцы: 70 лет: 1929-1999. — <СПб, 1999>. — С. 11.

Маньков А. С. «Государево Служилое Земство» — последний политический проект И. Л. Солоневича // Иван Солоневич — идеолог Народной Монархии: Материалы VIII Научно-практ. конференции: СПб. 18 апреля 2010 года. — СПб: Российский Имперский Союз-Орден: Ред. газ. «Монархистъ», 2011. — С. 18-28.

754

Там же. — С. 18.

755

Там же. — С. 20.

756

Там же.

757

Там же. — С. 20-21.

758

Наша Страна. — 1949. — № 12; 19 февраля.

Солоневич И. Л. Единый фронт // Солоневич И. Л. Коммунизм, национал, социализм и европейская демократия. — М.: «Москва», 2003. — С. 129—131

760

Солоневич И. Л. По стопам 1613-го года // Наша Страна. — 1949. — № 12; 12 февраля.

761

Там же.

Маньков А. С. «Государево Служилое Земство» — последний политический проект И. Л. Солоневича // Иван Солоневич — идеолог Народной Монархии: Материалы VIII Научно-практ. конференции: СПб. 18 апреля 2010 года. — СПб: Российский Имперский Союз-Орден: Ред. газ. «Монархистъ», 2011. — С. 25.

763

Наша Страна. — 1949. — № 31; 12 ноября.

764

Там же.

765

Там же.

Солоневич И. Л. Монархия и математика // Солоневич И. Л. Коммунизм, национал, социализм и европейская демократия. — М.: «Москва», 2003. — С. 110.

Солоневич И. Л. Бессловесные // Солоневич И. Л. Коммунизм, национал, социализм и европейская демократия. — М.: «Москва», 2003. — С. 150-151.

768

Нашего полку прибыло! // Наша газета. — 1939. — 29 марта; № 24.

769

Цит. по журнальной публикации: Русский Мир. — 2000. — № 5.

770

Трибуна читателя: Русские люди о «Нашей Стране»
// Наша Страна. — 1950. — № 38; 18 февраля.

Ильин И. А. Собрание сочинений: Письма. Мемуары (1939-1954). — Кн. 2. — М.: Русская книга, 1999. — С. 122-123.

Солоневич И. Л. Так что же было в Германии?.. // Солоневич И. Л. Коммунизм, национал-социализм и европейская демократия. — М.: Москва, 2003. — С. 87-89.

Ширяев Б. (А. Алымов) Ди-Пи в Италии: Записки продавца кукол. — Буэнос-Айрес: Наша Страна, 1952. — 302 с.

Солоневич И. Л. Мировая революция, или Новое изгнание из рая. — М.: «Москва», 2006. — 480 с.

775

Рудинский В. В послевоенном Париже // Наша страна. — 1998. — № 2519-2520; 21 ноября.

Маньков С. А. «Государево Служилое Земство» — последний политический проект И. Л. Солоневича // Иван Солоневич — идеолог Народной Монархии: Материалы VIII Научно-практ. конференции: СПб. 18 апреля 2010 года. — СПб: Российский Имперский Союз-Орден: Ред. газ. «Монархистъ», 2011. — С. 26-27.

777

Слепухин Ю. Г. Южный крест // Слепухин Ю. Г.
Киммерийское лето. Южный крест. Романы. — Л., 1986

778

Там же.

Казанцев Н. Л. Устремленный в будущее: К 30-летию со смерти В. К. Левашова-Дубровского // Наша страна. — 1996. — № 2407-2408; 28 сентября.

780

Там же.

781

Там же.

782

Там же.

783

Гр. А. А. Ивановский. Исцеление слепого. — Нью-Йорк: ЕМІ, 1959. — С. 323.

784

Там же. — С. 324.

Цит. по: Казанцев Н. Л. Штрихи 60-летней истории «Нашей Страны» // Наша Страна. — 2008. — № 2851; 13 сентября.

Солоневич И. Л. По поводу «Народной Монархии» // Солоневич И. Л. Коммунизм, национал-социализм и европейская демократия. — М.: «Москва», 2003. — С. 346.

Солоневич И. Л. По поводу «Народной Монархии» // Наша страна. — 1952. — № 120; 3 мая. Цит. по: Солоневич И. Л. Коммунизм, национал-социализм и европейская демократия. — М.: «Москва», 2003. — С. 339-340.

Солоневич И. Л. К изданию «Народной Монархии» //
Наша страна. — 1951. — № 78; 14 июля..

789

Наша Страна. — 1953. — № 172; 2 мая.

790

Тарле. Е. В. Наполеон. Гл. 17. Остров Св. Елены.
1815-1821 гг.

791

Власов В. И. Влияние: (Социал. — полит. аспект) / В. И. Власов; М-во образования Рос. Федерации, Рост. гос. экон. акад. — Ростов-на-Дону: Изд-во РГЭА, 1999. — 204 с.

Ковалевский М. М. Происхождение современной демократии. Т. 1-4. — М.: Т-во тип. А. И. Мамонтова, 1895-1897. Т. 2. [Народная монархия. Разбор социального и политического законодательства конституанты]. — 1895. — X, 572 с. Т. 3. [Народная монархия]. — 1897. — 336 с.

См., напр.: «Из кризиса 1958 года Франция вышла, изменив свой конституционный режим. Была принята и одобрена 79 % избирателей на референдуме конституция Пятой Республики. Сохраняя все основные демократические институты, она делала средоточием власти не парламент, а президента. Ему предоставлялись настолько огромные полномочия, что наблюдатели нередко для обозначения этого режима употребляли выражение «республиканская монархия», сам де Голль предпочитал другое — «народная монархия», а в правоведении Францию квалифицируют как «президентскую республику». (Селезнева Л. Мировой опыт ненасильственного разрешения социальных конфликтов // Социальные конфликты: Экспертиза. Прогнозирования. Технологии разрешения. Вып. 5. — М.: РАН: Институт социологии: Центр конфликтологии; Межд. центр общечеловеческих ценностей, 1993).

Гаман-Голутвина О. От коронации к инаугурации или от инаугурации к коронации?: Истоки и современные особенности российской тенденции концентрации власти // Независимая газета. — 2001. — 5 мая.

795

Панкратова С. Ушли в народ и не вернулись // Итоги. — 2002. — № 19 (309); 14 мая.

796

Солоневич И. Л. Нашим критическим друзьям //
Наша Страна. — 1953. — № 156; 10 января.

Солоневич И. Л. По поводу «Народной Монархии» // Наша страна. — 1952. — 3 мая; № 120. Цит. по: Солоневич И. Л. Коммунизм, национал-социализм и европейская демократия. — М.: «Москва», 2003. — С. 340.

798

Там же. — С. 346.

Ильин И. А. Собрание сочинений: Письма. Мемуары (1939–1954). Кн. 2. — М.: Русская книга, 1999. — С. 238–239.

Солоневич И. Л. К изданию «Народной Монархии» // Наша страна. 1951. — № 78; 14 июля. Цит. по: Солоневич И. Л. Коммунизм, национал-социализм и европейская демократия. — М.: «Москва», 2003. — С. 318-322.

801

Цит. по: Казанцев Н. Л. Штрихи 60-летней истории «Нашей Страны» // Наша Страна. — 2008. — № 2851; 13 сентября.

802

Наша Страна. — 1951. — № 63; 3 февраля.

Солоневич И. Л. Парламент и Собор // Солоневич И. Л. Наша страна. XX век. — М.: «Москва», 2001. — С. 168.

804

Солоневич И. Проект общенархической программы // Наша Страна. — 1949. — № 22; 9 июля.

805

Солоневич И. Биография Степки // Наша Страна. — 1951. — № 94; 3 ноября.

Солоневич И. Л. Совсем всерьез // Солоневич И. Л. Загадка и разгадка России. — М.: ФондИВ, 2008. — С. 357.

Цит. по: Казанцев Н. Л. Штрихи 60-летней истории «Нашей Страны» // Наша Страна. — 2008. — № 2851; 13 сентября.

808

Болезнь И. Л. Солоневича // Наша Страна. — 1953. — № 166; 21 марта.

809

Солоневич И. Осложнение // Наша Страна. — 1953. — № 168; 4 апреля.

810

Там же.

811

Болезнь И. Л. Солоневича // Наша Страна. — 1953. — № 169; 11 апреля.

812

Дубровский В. Болезнь И. Л. Солоневича // Наша Страна. — 1953. — № 170; 18 апреля.

813

Болезнь И. Л. Солоневича: Отклики друзей и читателей // Наша Страна. — 1953. — № 171; 25 апреля.

814

Дубровский В. Болезнь И. Л. Солоневича // Наша Страна. — 1953. — № 171; 25 апреля.

815

Дубровский В. Скончался Иван Лукьянович Солоневича // Наша Страна. — 1953. — № 172; 2 мая.

816

Солоневич И. Отец по наследству // Наша Страна. — 1953. — № 172; 2 мая.

817

Дубровский В. Последние дни и часы жизни Ивана Лукьяновича // Наша страна. — 1953. — № 173; 9 мая.

818

Там же.

819

Там же.

820

Там же.

821

Там же.

822

Первые телеграммы // Наша страна. — 1953. —
№ 173; 9 мая.

823

Наша страна. — 1953. — № 174; 16 мая.

Ширяев Б. Памяти Ивана Солоневича // Воля (Мюнхен). — 1953. — № 5; май. — С. 31.

825

Дубровский В. Вечная память Ивану Лукьяновичу //
Наша страна. — 1953. — № 173; 9 мая.

826

Там же.

827

Солоневич И. Наша программа: По пунктам // Наша страна. — 1949. — № 28; 1 октября.

Тушканов И. В. Политико-правовое учение И. Л. Солоневича. — Волгоград: ВА МВД, 2006. — 152 с.

Подробнее см.: Кулыбин М. Н. Развитие народно-монархических идей И. Солоневича в публицистике А. Булева // Иван Солоневич — идеолог Народной Монархии: Материалы II научно-практ. конференции: СПб. 25 апреля 2004 года. — СПб: Российский Имперский Союз-Орден: Ред. газ. «Монархистъ», 2005. — С. 27-34.

830

Там же. — С. 33.

831

Там же.

832

Солоневич И. «Выборная монархия» // Наша Страна. — 1951. — № 98; 1 декабря.

Солоневич И. Л. На Шипке не все спокойно // Солоневич И. Л. Коммунизм, национал-социализм и европейская демократия. — М.: Москва, 2003. — С. 258-259.

Солоневич И. Л. Миф о Николае II // Солоневич И. Л. Наша страна. XX век. — М.: «Москва», 2001. — С. 103

835

Там же.